g 88/213
2.2.

G 88/213

88 213

ЖИВОЕ СЛОВО

КНИГА ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ РОДНОГО ЯЗЫКА

ЧАСТЬ II

ДЛЯ УЧЕНИКОВЪ II КЛАССА СРЕДНЕЙ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Составилъ
А. Я. Острогорскій
Директоръ Тенишевскаго Училища въ С. П. Б.

Съ оригинальными рисунками И. Билибина, А. Вестфаленъ, М. Добужинскаго, Д. Кардовскаго, Р. О'Коннель Б. Кустодіева, Г. Нарбута, П. Филатова, М. Чемберсъ-Билибиной, В. Чемберса и С. Чехонина и снимками съ картинъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ.

И. Билибинъ
1907

31

Ф 88
213

ЖИВОЕ СЛОВО

КНИГА ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ РОДНОГО ЯЗЫКА

ЧАСТЬ II

ДЛЯ УЧЕНИКОВЪ II КЛАССА СРЕДНЕЙ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Составилъ

А. Я. Острогорскій

Директоръ Пенишевскаго Училища въ С. П. Б.

Съ оригинальными рисунками

И. Билибина, А. Вестфаленъ, М. Добужинскаго, Д. Кардовскаго, Б. Кустодіева, Г. Нарбута, П. Филатова, М. Чемберсъ-Билибиной, В. Чемберса и С. Чехонина

и снимками съ картинъ

А. Бенуа, В. Верещагина, С. Волкова, А. Вѣрушъ-Ковальскаго, А. Галлена, П. Касаткина, И. Крамского, А. Куинджи, И. Левитана, В. Маковскаго, В. Мясоѣдова, П. Остроухова, П. Пелевина, В. Перова, П. Соколова, М. Судковскаго и И. Шишкина.

Художественная часть подъ руководствомъ И. Я. БИЛИБИНА.

РУМЯНЦОВ. МУЗЕЙ БИБЛІОТЕКА ГЕНА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
„Т-во Художественной Печати“, Исаковская, 14.
1908.

2015147598

Предисловіе.

Выпускаемая мною въ свѣтъ II-ая часть книги для изученія родного языка „Живое Слово“ служитъ продолженіемъ I-ой части, преслѣдуетъ тѣ же цѣли и задачи, о которыхъ въ I-ой части было сказано слѣдующее: „составитель книги „Живое Слово“, оставивъ въ сторонѣ всякія побочныя цѣли, преслѣдовавшіяся прежними составителями хрестоматій, поставилъ себѣ одну задачу—помочь преподавателю русскаго языка научить своихъ учениковъ **живой** русской рѣчи, развить въ нихъ пониманіе ея красотъ и пріучить ихъ чувствовать **духъ** русскаго языка. Въ книгу „Живое Слово“ вошелъ только **литературный** матеріалъ (въ ней нѣтъ такъ называемыхъ дѣловыхъ статей, часто только портящихъ русскій языкъ), и притомъ значительно обновленный. Составитель стремился дать по возможности цѣльныя произведенія, избѣгая переводовъ и передѣлокъ“.

Въ теченіе многихъ лѣтъ моей преподавательской дѣятельности я замѣтилъ, что насколько дѣти въ I-мъ классѣ интересуются преимущественно реальнымъ, конкретнымъ матеріаломъ, настолько они во II-мъ классѣ,—всего черезъ какой-нибудь годъ,—предпочитаютъ реальному—**идеи**. И вотъ, когда мною былъ подобранъ весь матеріалъ для II-ой части, я самъ былъ пораженъ, что у меня, не задававшагося никакимъ заранѣе составленнымъ теоретическимъ планомъ, получилась книга, которую легко можно раздѣлить на 4 отдѣла, подъ названіемъ: *любовь дѣтей*, *любовь къ дѣтямъ*, *любовь къ человѣку* и *любовь къ родинѣ*. Но я тѣмъ не менѣе устоялъ передъ этимъ соблазномъ, потому что,—какъ я упоминалъ объ этомъ въ предисловіи къ I-ой части,—думаю, что дѣти гораздо тоньше проникаются идеей каждаго разсказа въ томъ случаѣ, если на отдѣлѣ, якобы ихъ объединяющемъ, нѣтъ ярлыка, лишающаго все его содержаніе поэтическаго аромата.

Для простого типографскаго удобства я раздѣлилъ книгу на 2 отдѣла. Матеріалъ расположенъ въ нихъ по степени трудности. Что же касается стихотвореній и отрывковъ, заключающихъ въ себѣ описаніе природы, то я, исходя изъ соображеній, подробно изложенныхъ мною въ предисловіи къ 3-ему изданію I части, распредѣлилъ ихъ въ опредѣленномъ порядкѣ по временамъ года, начиная съ осени.

Мнѣ остается сказать объ объясненіяхъ словъ. Они даны по тому же принципу, какъ и въ I-ой части, но только къ тѣмъ словамъ, которыхъ не было въ I-ой части (въ третьемъ изданіи). Словомъ, я предполагаю, что II-ой частью будетъ пользоваться тотъ, у кого была въ рукахъ I-ая часть: въ противномъ случаѣ, число словъ съ объясненіями было бы слишкомъ велико.

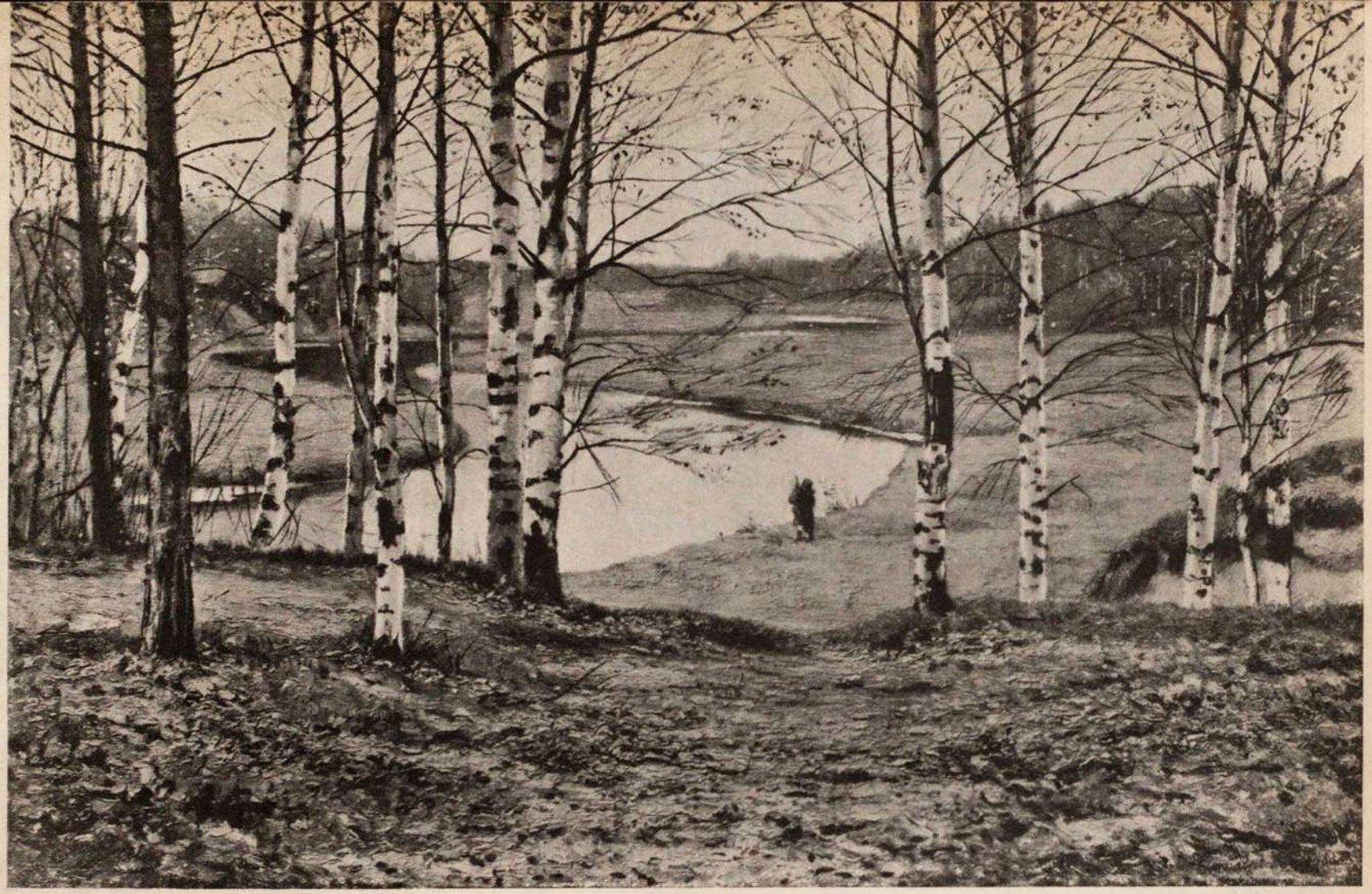
Во II-ой части данъ рядъ портретовъ: во-1-хъ, къ произведеніямъ тѣхъ писателей, о которыхъ не упоминалось въ I-ой части, во-2-хъ, къ тѣмъ, которые уже были, но портреты принадлежатъ кисти другого художника или относятся къ другой эпохѣ жизни писателя.

Въ заключеніе считаю долгомъ выразить искреннюю признательность за заботу объ иллюстрированіи книги И. Я. Билибину и за оказанное мнѣ содѣйствіе при печатаніи книги И. И. Ѳеоктистову.

А. Острогорскій.

Августъ 1908 г.

I Отдѣлъ.



Осень. Съ картины *Е. Волкова.*

1. Осень въ лѣсу.

Стихотвореніе *А. Майкова.*

Роетъ ужъ листъ золотой
влажную землю въ лѣсу;
смѣло топчу я ногой
вешнюю лѣса красу.
Съ холоду щеки горятъ;
любо въ лѣсу мнѣ бѣжать,
слышать, какъ сучья трещатъ,
листья ногой загребать!
Нѣтъ мнѣ здѣсь прежнихъ утѣхъ!
Лѣсъ съ себя тайну совлекъ:
сорванъ послѣдній орѣхъ,
свянулъ послѣдній цвѣтокъ;
мохъ не приподнятъ, не взрытъ
грудой кудрявыхъ груздей,
около пня не виситъ
пурпуръ брусничныхъ кистей;
долго на листьяхъ лежитъ
ночи морозъ, и сквозь лѣсъ
холодно какъ-то глядитъ
ясность прозрачныхъ небесъ...
Листья шумятъ подъ ногой;
смерть стелетъ жатву свою...
Только я веселъ душой
и, какъ безумный, пою!

Вешній—то же, что весенній. „Не оставь меня, кумъ милый! дай ты мнѣ собраться съ силой, и до вешнихъ только дней прокорми и обогрѣй“ (Крыл.).—Мчалъ облака толпою летучій вешній вѣтерокъ (Жук.).—Счастливые годы, веселые дни, какъ вешнія воды умчались они (Тург.).

Загребать—1. Сгребать, собирать что-ниб. въ кучу. Бѣлка камешки грызетъ, мечетъ золото и въ груды загребаетъ изумруды (Пушк. „Ск. о п. Салт.“).—„Алешенька роду поповскаго, поповскіе глаза завидущіе, поповскія руки загребущія“ (Былина „Илья Муромецъ и Жидовинъ“).—Что значитъ загребать деньги лопатой и чужими руками жаръ загребать? 2. Грести весломъ. Не загребай такъ глубоко.

Утѣха—то, что тѣшитъ, удовольствіе, наслажденіе. У него одна утѣха: охота.—Господь утѣха и прибѣжище наше.

Совлекать, совлечь—стаскивать, разоблачать, обнажать.

Жатва. Опредѣлите различн. значенія этого сл.: Не хватало рукъ для жатвы (Тург.). Жатвы много, а дѣлателей мало (Матѳ. 9,37). Смерть жатву жизни коситъ (*П. Вяземскій*).

Ср. стих. Некрасова «Славная осень» (I часть).

*

2. Осенній день.

Стихотвореніе *Ѳ. Тютчева.*

Есть въ осени первоначальной
короткая, но дивная пора:
весь день стоитъ какъ бы хрустальный,
и лучезарны вечера...
Гдѣ бодрый серпъ гулялъ, и падалъ колосъ,
теперь ужъ пусто все—просторъ вездѣ;
лишь паутины тонкій волосъ
блеститъ на праздной бороздѣ.
Пустѣетъ воздухъ, птицъ не слышно болѣ,
но далеко еще до первыхъ зимнихъ бурь,
и льется чистая и теплая лазурь
на отдыхающее поле.

Хрустальный—здѣсь употребл. въ переносн. смыслѣ: чистый, прозрачный какъ хрусталь. А что значитъ хрустальная душа?

Лучезарный—испускающій яркій, блестящій свѣтъ. Ср. **лучистый**.

Праздный—о мѣстѣ: незанятый, порожній; праздныя поля, не воздѣланныя;—о времени: свободное, когда нѣтъ дѣла. А что значитъ: праздный человѣкъ, праздныя руки, праздныя затѣи? *Праздность—мать пороковъ.*—Какія знаете слова отъ того же корня?

*

3. Лѣсъ осенью.

Стихотвореніе *И. Бунина.*

Лѣсъ, точно теремъ расписной,—
лиловый, золотой, багряный,—
веселой, пестрою стѣной
стоитъ надъ свѣтлою поляной.
Березы желтою рѣзьбой

блестятъ въ лазури голубой;
какъ вышки, елочки темнѣютъ,
а между кленами синѣютъ
то тамъ, то здѣсь въ листвѣ сквозной
просвѣты въ небо, что оконца...
Лѣсъ пахнетъ дубомъ и сосной,—
за лѣто высохъ онъ отъ солнца,
и осень тихою вдовой
вступила нынче въ теремъ свой...

Теремъ—дворецъ, барскій домъ; а также часть дома въ видѣ башни, вышка, свѣтелка подъ кровлей. Въ клѣткахъ птицы, въ теремахъ дѣвицы (въ старину).—„Теремъ, теремокъ! кто въ теремѣ живетъ?“ (Нар. ск.).

Расписной—расписанный кистью, красками; пестрый.

Сквозной—проходящій насквозь. Сквозное отверстіе, сквозная рана. А что значитъ: сквозной дворъ, сквозной вѣтеръ, сквозное яблоко?

Просвѣтъ—отверстіе для свѣта, доступъ свѣта. Стоялъ туманъ безъ просвѣту.—Въ этомъ лѣсу нѣтъ просвѣту, такъ онъ густъ.—Въ его жизни не было никакого просвѣту.

Осиновая роща.

4. Начало осени.

Отрывокъ *С. Гусева-Оренбургскаго.*

Лѣсъ уже пожелтѣлъ подъ дыханіемъ осени.

Сухой листъ трепеталъ на вѣткахъ и, опадая, крутился въ воздухѣ, устилая колею пестрымъ ковромъ, настолько мягкимъ, что тарантасъ катился почти безшумно. Чѣмъ глубже въ лѣсъ, — тишина становилась торжественнѣе, краски разнообразнѣе. Казалось, лѣсъ, умирая, задумался и смотрѣлъ въ блѣдное небо безнадежнымъ взоромъ, прислушиваясь, какъ соки деревьевъ текутъ все медленнѣе, какъ умираютъ листья и вянетъ трава. Тишину оттѣнялъ временами трескъ сухой вѣтки подъ ногами пугливаго звѣрька, шумный полетъ вальдшнепа или безпокойный и сердитый крикъ вороны.

Безнадежный—не подающій надежды. „Безнадежный больной!“—Безнадежное состояніе.—Казалось, плѣнникъ безнадежный къ унылой жизни привыкалъ („Кавк. плѣн.“ Пушк.).

Оттѣнить—класть тѣни (на рисунокъ напр.), оттушевать, обозначить переходъ тѣней. Отсюда какое существит.?

*

5. Дѣтство.

Изъ пов. гр. *Л. Н. Толстого* „Дѣтство и отрочество“.

Счастливая, счастливая, невозвратимая пора дѣтства! какъ не любить, не лелѣять воспоминаній о ней? Воспоминанія эти освѣжаютъ, возвышаютъ мою душу и служатъ для меня источникомъ лучшихъ наслажденій.

Набѣгавшись досыта, сидишь, бывало, за чайнымъ столомъ, на своемъ высокомъ креслицѣ; уже поздно, давно выпилъ свою чашку молока съ сахаромъ, сонъ смыкаетъ глаза, но не трогаешься съ мѣста, сидишь и слушаешь. И какъ не слушать? Maman говоритъ съ кѣмъ-нибудь, и звуки голоса ея такъ сладки, такъ привѣтливы. Одни звуки эти такъ много говорятъ моему сердцу! Отуманенными дремотой глазами я пристально смотрю на ея лицо, и вдругъ она сдѣлалась вся маленькая, маленькая... лицо ея не больше пуговки, но оно мнѣ все такъ же ясно видно: вижу, какъ

она взглянула на меня и какъ улыбнулась. Мнѣ нравится видѣть ее такою крошечною. Я прищуриваю глаза еще больше, и она дѣлается не больше тѣхъ мальчиковъ, которые бываютъ въ зрачкахъ, но я пошевелился—и очарованіе разрушилось; я суживаю глаза, поворачиваюсь, всячески стараюсь возобновить его, но напрасно.

Я встаю, съ ногами забираюсь и уютно укладываюсь на кресло.

— Ты опять заснешь, Николенька!—говоритъ мнѣ maman;—ты бы лучше шелъ на верхъ.

— Я не хочу спать, мамаша,—отвѣтишь ей, и неясныя, но сладкія грезы наполняютъ воображеніе, здоровый дѣтскій сонъ смыкаетъ вѣки, и черезъ минуту забудешься и спишь до тѣхъ поръ, пока не разбудятъ. Чувствуешь, бывало, впросонкахъ, что чья-то нѣжная рука трогаетъ тебя; по одному прикосновенію узнаешь ее, и еще во снѣ невольно схватишь эту руку и крѣпко, крѣпко прижмешь ее къ губамъ.

Всѣ уже разошлись; одна свѣча горитъ въ гостиной; maman сказала, что она сама разбудитъ меня; это она присѣла на кресло, на которомъ я сплю, своею чудесною, нѣжною ручкой провела по моимъ волосамъ, и надъ ухомъ моимъ звучитъ милый, знакомый голосъ:

— Вставай, моя душечка: пора итти спать.

Ничьи равнодушные взоры не стѣсняютъ ее; она не боится излить на меня всю свою нѣжность и любовь. Я не шевелюсь, но еще крѣпче цѣлую ея руку.

— Вставай же, мой ангелъ!

Она другою рукой беретъ меня за шею, и пальчики ея быстро шевелятся и щекотятъ меня. Въ комнатѣ тихо, полутемно: нервы мои возбуждены щекоткой и пробужденіемъ; мамаша сидитъ подлѣ самого меня; она трогаетъ меня; я слышу ея запахъ и голосъ. Все это заставляетъ меня вскочить, обвить руками ея шею, прижать голову къ ея груди и, задыхаясь, сказать:

— Ахъ, милая, милая мамаша, какъ я тебя люблю!

Она улыбается своей грустной, очаровательной улыбкой, беретъ обѣими руками мою голову, цѣлуетъ меня въ лобъ и кладетъ къ себѣ на колѣни.

— Такъ ты меня очень любишь?—Она молчитъ съ минуту, потомъ говоритъ:—Смотри, люби меня, никогда не забывай. Если

не будетъ твоей мамаши, ты не забудешь ее?.. не забудешь, Ни коленька?

Она еще нѣжнѣе цѣлуетъ меня.

— Полно! и не говори этого, голубчикъ, душечка моя! — вскрикиваю я, цѣлую ея колѣни; и слезы ручьями льются изъ моихъ глазъ,—слезы любви и восторга.

Послѣ этого, какъ, бывало, придешь наверхъ и станешь передъ иконами, въ своемъ ваточномъ халатцѣ, какое чудесное чувство испытываешь, говоря: спаси, Господи, папеньку и маменьку. Повторяя молитвы, которыя въ первый разъ лепетали дѣтскія уста мои за любимою матерью, любовь къ ней и любовь къ Богу какъ-то странно сливались въ одно чувство.

Послѣ молитвы завернешься, бывало, въ одѣяльце, на душѣ легко, свѣтло и отрадно; однѣ мечты гонятъ другія,—но о чемъ онѣ? Онѣ неуловимы, но исполнены чистой любовью и надеждами на свѣтлое счастіе. Вспомнишь, бывало, о Карлѣ Иванычѣ и его горькой участи—единственномъ человѣкѣ, котораго я зналъ несчастливымъ — и жалко станетъ, такъ полюбишь его, что слезы потекутъ изъ глазъ, и думаешь: дай Богъ ему счастія, дай мнѣ возможность помочь ему, облегчить его горе; я всѣмъ готовъ для него пожертвовать... Потомъ любимую фарфоровую игрушку—зайчика или собачку—уткнешь въ уголъ пуховой подушки и любуешься, какъ хорошо, тепло и уютно ей тамъ лежать. Еще помолишься о томъ, чтобы Богъ далъ счастія всѣмъ, чтобы всѣ были довольны и чтобы завтра была хорошая погода для гулянья, повернешься на другой бокъ, мысли и мечты перепутаются, смѣшаются, и уснешь тихо, спокойно, еще съ мокрымъ отъ слезъ лицомъ.

Невозвратимый—чего нельзя возвратить; то же, что **невозвратный, безвозвратный**. И невозвратные бѣгутъ дни, мѣсяцы и годы (Жук.).

Лелѣять—нѣжить, ласкать, нѣжно заботиться, сердечно относиться.

Грезы, отъ греза, чаще во мн. ч.—мечты, игра воображенія, сновидѣніе, бредъ. Сномъ забудешься, такъ душу грезы черныя мутятъ („Бор. Год.“).—О грезахъ юности томимъ воспоминаньемъ (Лерм.).

*

6. * * *

Стихотвореніе *И. Никитина.*

ѣтство веселое, дѣтскія грезы—
только васъ вспомнишь,—улыбка и слезы...
Голову няня въ дремотѣ склонила,
на полъ съ лежанки чулокъ уронила,
прыгаетъ котъ, шевелитъ его лапкой,
свѣчка ужъ меркнетъ подъ огненной шапкой,
движется сумракъ, въ глаза мнѣ глядитъ...
Зимняя вьюга шумитъ и гудитъ.

Прогнали сонъ мой разсказы старушки.
Вотъ я въ лѣсу у порога избушки;
ждетъ къ себѣ гостя колдунья сѣдая—
змѣй подлетаетъ, огонь разсыпая.
Замеръ лѣсъ темный, ни свиста, ни шума,
смотрятъ деревья угрюмо, угрюмо.
Сердце мое замираетъ—дрожитъ...
Зимняя вьюга шумитъ и гудитъ.

Няня встаетъ и лѣниво зѣваетъ,
на ночь постелю мою оправляетъ.
„Лягъ, мой соколикъ, съ молитвой святою,
Божія сила да будетъ съ тобою“...
Нянина шубка мнѣ ноги пригрѣла,
вотъ ужъ въ глазахъ у меня запестрѣло,
сплю и не сплю я... лампада горитъ...
Зимняя вьюга шумитъ и гудитъ.

Вѣчная память, веселое время!
Грудь мою давитъ тяжелое бремя,
жизнь пропадаетъ въ заботахъ о хлѣбѣ,
дѣтство сіяетъ, какъ радуга въ небѣ...
Гдѣ вы, веселье, и сонъ, и здоровье?
Взмокло отъ слезъ у меня изголовье,
темная даль мнѣ бѣдою грозитъ...
Зимняя вьюга шумитъ и гудитъ.

Лежанка—длинный и низкій выступъ изъ печи, на которомъ лежатъ и грѣются.
Меркнуть—темнѣть, терять свѣтъ или блескъ, тускнѣть. День меркнетъ, приходитъ ночная пора (А. Толст.).—Звѣзды меркнутъ и гаснутъ

(Никит.). Отсюда же **мерцать, сумракъ, сумерки**. Слава его меркнетъ, померкла.

Оправлять—1. Приводить въ порядокъ, поправлять. Оправь на себѣ платье.—Постель дурно оправлена.—2. Обдѣлывать чѣмъ или во что, украшать. Оправить камень золотомъ. Отсюда **оправа**.

Взмокнуть, взмокать—то же, что намокать.

Изголовье—мѣсто на кровати или постели, куда ложатся головой.

*

7. Дѣтскіе годы.

Стихотвореніе *С. Дрожжина*

Шлю привѣтъ родному краю,
уголку живой природы,
и съ любовью вспоминаю
дѣтства прожитые годы.

Вотъ мелькаютъ предо мною
деревенскія картины:
храмъ на горкѣ за рѣкою,
дальше избы и овины.

Надъ широкими полями
много звуковъ раздается:
вьются пчелы надъ цвѣтами,
пѣсня жаворонка льется.

Вотъ брожу я одиноко
межъ травою-муравою,
свѣтитъ солнышко высоко
надъ моею головою;

быстро тѣни пробѣгаютъ,
тихо травка шевелится,
щеки рдятся и пылаютъ.
Отъ жары хочу я скрыться

съ поля къ рѣчкѣ, въ рожь густую
иль въ дремучій лѣсъ сосновый...
Вотъ подъ сосну вѣковую
на коверъ я легъ дерновый;

лѣса темныя вершины
какъ живыя шевелятся,

сосны, ели-исполины
въ небо синее глядятся.

Векши, вздернувъ хвостъ пушистый,
по деревьямъ пробѣгаютъ;
птички пѣньемъ голосистымъ
лѣсъ дремучій оглашаютъ.

Радъ бы слушать я душою
эту музыку до ночи,
но за чащею лѣсною
мнѣ блеснули чьи-то очи.

И со страхомъ поневолѣ
выхожу я на опушку
и отсюда черезъ поле
убѣгаю въ деревушку.

Дома бабушка слѣпая
на постель со мною ляжетъ
и, крестяся и зѣвая,
сказку чудную разскажетъ.

Ихъ она не мало знаетъ,
только слушай со вниманьемъ:
вотъ въ окошко змѣй влетаетъ,
жжетъ меня своимъ дыханьемъ;

кто-то грозно изъ-подъ шапки
смотритъ съ длинной бородою...
И я въ страхѣ жмуся къ бабкѣ
подъ дерюгою худою.

Мелькать, мелькнуть—что значитъ это слово? Запомните слѣд. примѣры: Мелькаетъ, вьется первый снѣгъ (Пушк.).—Мелькаютъ и жужжатъ колосья предо мной (Майк.).—Уланы съ пестрыми значками, драгуны съ конскими хвостами—всѣ промелькнули передъ нами, всѣ побывали тутъ („Бород." Лерм.).—Въ глазахъ у меня мелькаетъ.

Овинъ—строеніе для сушки хлѣба въ снопахъ. Загадки на это слово: Стоитъ Миронъ, полна голова воронъ.—Стоитъ Андрюха—набитое брюхо. Шутка: На морѣ овинъ горитъ, по небу медвѣдь летитъ.

Мурава—луговая трава, зелень, сочная трава. Мурава шелкова. Это слово имѣетъ еще другое значеніе: полива, глазурь, муравленная посуда—поливанная, глазированная посуда.

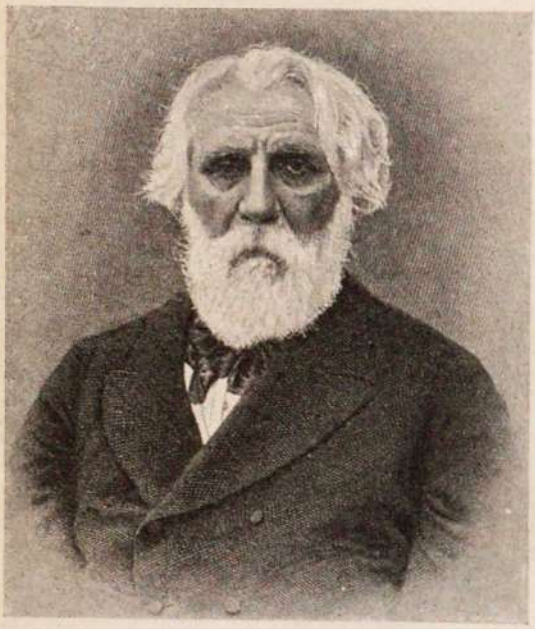
Дерновый—выстланный дерномъ (верхній слой почвы, густо поросшій мягкою травой).

Исполинъ—великанъ, необычайно большой человѣкъ.

Векша—бѣлка.

Дерюга—толстая и грубая ткань. Это сукно дерюга-дерюгой.

*



Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ (1818—1883).

8. * * *

Отрывокъ *И. Тургенева.*

На другой день я опять, съ ружьемъ и съ собакой, отправился въ Еськовскую рощу. День выдался чудесный: я думаю, кромѣ Россіи, въ сентябрѣ мѣсяцѣ нигдѣ подобныхъ дней и не бываетъ. Тишь стояла такая, что можно было за сто шаговъ слышать, какъ бѣлка перепрыгивала по сухой листвѣ, какъ оторвавшійся сучокъ сперва слабо цѣплялся за другія вѣтки и падалъ, наконецъ, въ мягкую траву,—падалъ навсегда: онъ уже не шелохнется, пока не истлѣетъ. Воздухъ, ни теплый, ни свѣжій, а только пахучій и словно кисленькій, чуть-чуть пріятно щипалъ глаза и щеки; тонкая, какъ шелковинка, съ бѣлымъ клубочкомъ посрединѣ, длинная паутина плавно взлетала и, прильнувъ къ стволу ружья, прямо вытягивалась по воздуху—знакъ постоянной теплой погоды! Солнце свѣтило, но такъ кротко, хоть бы лунѣ.

Опредѣлите различныя значенія слова **выдаваться, выдаться**. День на день не выдается.—А у насъ нынѣ капуста выдалась хорошая.—Впередъ не выдавайся, назади не отставай.—Выдаваться талантами, способностью къ работѣ, лѣностью.—Выдается паекъ, жалованье, награды, преступникъ.

Шелохнуться или шелыхаться—то же, что колыхаться. Плыла лебедь бѣлая, не тряхнется, не шелохнется (Нар. пѣсня).

Истлѣть, истлѣвать—отъ сл. истла, дотла, въ конецъ, вовсе: сгорѣть тлѣя, безъ пламени, сгнить. И хоть безчувственному тѣлу равно повсюду истлѣвать, но ближе къ милому предѣлу мнѣ всегда хотѣлось почивать (Пушк.).

Прильнуть (отъ слова прилипать, прилипнуть, прильпнуть)—плотно прилечь къ чему-нибудь. Младенецъ прильнулъ къ матери.

*

9. Пейзажъ.

Стихотвореніе *А. Н. Майкова.*

Люблю дорожкою лѣсною,
не зная самъ куда, брести;
двойной глубокой колеею
идешь,—и нѣтъ конца пути...
Кругомъ пестрѣетъ лѣсъ зеленый:
уже румянитъ осень клены,
а ельникъ зеленъ и тѣнистъ;
осинникъ желтый бьетъ тревогу;
осыпался съ березы листъ
и, какъ коверъ, устлалъ дорогу...
Идешь, какъ будто по водамъ,—
нога шумитъ... а ухо внемлетъ
малѣйшій шорохъ въ чащѣ, тамъ,
гдѣ пышный папоротникъ дремлетъ,
а красныхъ мухоморовъ рядъ,
что карлы сказочные спятъ...

Ужъ солнца лучъ ложится косо...
Вдали проглянула рѣка...
На тряской мельницѣ колеса
уже шумятъ издалека...
Вотъ на дорогу выѣзжаетъ
тяжелый возъ,—то промелькнетъ
на солнцѣ вдругъ, то въ тѣнь уйдетъ...
И крикомъ клячѣ помогаетъ
старикъ, а на возу—дитя,
и дѣда страхомъ тѣшитъ внучка:
а, хвостъ пушистый опустя,
вкругъ съ лаемъ суетится Жучка,
и звонко въ сумракѣ лѣсномъ
веселый лай идетъ кругомъ.

Пейзажъ—картина мѣстности, видъ природы.
Бить тревогу—букв. знач. подавать призывный знакъ, особенно при опасности. А здѣсь употребл. въ какомъ смыслѣ?
Карла—то же, что карликъ.
Назовите, какія знаете однокоренныя слова къ сл. **тряскій**.

*

10. Учитель Карлъ Ивановичъ.

Изъ пов. *гр. Л. Н. Толстого* „Дѣтство и отрочество".

12-го августа 18.. г., ровно въ третій день послѣ дня моего рожденія, въ который мнѣ минуло десять лѣтъ и въ который я получилъ такіе чудесные подарки, въ 7 часовъ утра Карлъ Ивановичъ разбудилъ меня, ударивъ надъ самой моей головой хлопушкой—изъ сахарной бумаги на палкѣ—по мухѣ. Онъ сдѣлалъ это такъ неловко, что задѣлъ образокъ моего ангела, висѣвшій на дубовой спинкѣ кровати, и что убитая муха упала мнѣ прямо на голову. Я высунулъ носъ изъ-подъ одѣяла, остановилъ рукою образокъ, который продолжалъ качаться, скинулъ убитую муху на полъ и хотя заспанными, но сердитыми глазами окинулъ Карла Ивановича. Онъ же, въ пестромъ ваточномъ халатѣ, подпоясанномъ поясомъ изъ той же матеріи, въ красной вязаной ермолкѣ съ кисточкой и въ мягкихъ козловыхъ сапогахъ, продолжалъ ходить около стѣнъ, прицѣливаться и хлопать.

„Положимъ, — думалъ я, — я маленькій, но зачѣмъ онъ тревожитъ меня? Отчего онъ не бьетъ мухъ около Володиной постели?... вонъ ихъ сколько! Нѣтъ, Володя старше меня, а я меньше всѣхъ, оттого онъ меня и мучитъ. Только о томъ и думаетъ всю жизнь,—прошепталъ я,—какъ бы мнѣ дѣлать непріятности. Онъ очень хорошо видитъ, что разбудилъ и испугалъ меня, но выказываетъ, какъ будто не замѣчаетъ... Противный человѣкъ! И халатъ, и шапочка, и кисточка—какіе противные!"

Въ то время, какъ я такимъ образомъ мысленно выражалъ свою досаду на Карла Ивановича, онъ подошелъ къ своей кровати, заглянулъ на часы, которые висѣли надъ нею въ шитомъ бисерномъ башмачкѣ, повѣсилъ хлопушку на гвоздикъ и, какъ замѣтно было, въ самомъ пріятномъ расположеніи духа, повернулся къ намъ.

— Auf, Kinder, auf!.. s'ist Zeit. Die Mutter ist schon im Saal— крикнулъ онъ добрымъ нѣмецкимъ голосомъ, подошелъ ко мнѣ, сѣлъ у ногъ и досталъ изъ кармана табакерку. Я притворился, будто сплю. Карлъ Ивановичъ сначала понюхалъ, утеръ носъ, щелкнулъ пальцами и тогда только принялся за меня. Онъ, посмѣиваясь, началъ щекотать мои пятки.—Nun, nun Faulenzer!—говорилъ онъ.

Какъ я ни боялся щекотки, я не вскочилъ съ постели и не отвѣчалъ ему, а только глубже запряталъ голову подъ подушки, изо всѣхъ силъ брыкалъ ногами и употреблялъ всѣ старанія удержаться отъ смѣха.

— Какой онъ добрый и какъ насъ любитъ, а я могъ такъ дурно о немъ думать!

Мнѣ было досадно и на самого себя, и на Карла Ивановича, хотѣлось смѣяться и хотѣлось плакать: нервы были разстроены.— Ach, lassen sie, Карлъ Ивановичъ! — закричалъ я со слезами на глазахъ, высовывая голову изъ-подъ подушекъ.

Карлъ Ивановичъ удивился, оставилъ въ покоѣ мои подошвы и съ безпокойствомъ сталъ спрашивать меня: о чемъ я? не видѣлъ ли я чего дурного во снѣ?... Его доброе нѣмецкое лицо, участіе, съ которымъ онъ старался угадать причину моихъ слезъ, заставляли ихъ течь еще обильнѣе: мнѣ было совѣстно, и я не понималъ, какъ за минуту передъ тѣмъ я могъ не любить Карла Ивановича и находить противными его халатъ, шапочку и кисточку; теперь, напротивъ, все это казалось мнѣ чрезвычайно милымъ, и даже кисточка казалась явнымъ доказательствомъ его

доброты. Я сказалъ ему, что плачу оттого, что видѣлъ дурной сонъ—будто maman умерла и ее несутъ хоронить. Все это я выдумалъ, потому что рѣшительно не помнилъ, что̀ мнѣ снилось въ эту ночь; но когда Карлъ Ивановичъ, тронутый моимъ разсказомъ, сталъ утѣшать и успокоивать меня, мнѣ казалось, что я точно видѣлъ этотъ страшный сонъ, и слезы полились уже отъ другой причины.

Когда Карлъ Ивановичъ оставилъ меня и я, приподнявшись на постели, сталъ натягивать чулки на свои маленькія ноги, слезы немного унялись, но мрачныя мысли о выдуманномъ снѣ не оставляли меня. Вошелъ дядька Николай—маленькій, чистенькій человѣчекъ, всегда серьезный, аккуратный, почтительный и большой пріятель Карла Ивановича. Онъ несъ наши платья и обувь: Володѣ сапоги, а мнѣ покуда еще несносные башмаки съ бантиками. При немъ мнѣ было совѣстно плакать; притомъ утреннее солнышко весело свѣтило въ окна, а Володя, передразнивая Марью Ивановну (гувернантку сестры), такъ весело и звучно смѣялся, стоя надъ умывальникомъ, что даже серьезный Николай, съ полотенцемъ на плечѣ, съ мыломъ въ одной рукѣ и съ рукомойникомъ въ другой, улыбаясь, говорилъ:

— Будетъ вамъ, Владиміръ Петровичъ, извольте умываться!

Я совсѣмъ развеселился.

— Sind sie bald fertig?—послышался изъ классной голосъ Карла Ивановича.

Голосъ его былъ строгъ и не имѣлъ уже того выраженія доброты, которое меня тронуло до слезъ. Въ классной Карлъ Ивановичъ былъ совсѣмъ другой человѣкъ: онъ былъ наставникъ. Я живо одѣлся, умылся и, еще со щеткой въ рукѣ, приглаживая мокрые волосы, явился на его зовъ.

Карлъ Ивановичъ, съ очками на носу и книгой въ рукѣ, сидѣлъ на своемъ обычномъ мѣстѣ, между дверью и окошкомъ. Налѣво отъ двери были двѣ полочки: одна—наша, дѣтская, другая—Карла Ивановича, собственная. На нашей были всѣхъ сортовъ книги — учебныя и неучебныя, однѣ стояли, другія лежали. Только два большихъ тома Histoire des voyages, въ красныхъ переплетахъ, чинно упирались въ стѣну; а потомъ пошли и длинныя, толстыя, большія и маленькія книги,—коробочки безъ книгъ и книги безъ коробочекъ; все туда же, бывало, нажмешь и всунешь, когда прикажутъ, передъ рекреаціей, привести въ по-

рядокъ библіотеку, какъ громко называлъ Карлъ Ивановичъ эту полочку. Коллекція книгъ на собственной если не была такъ велика, какъ на нашей, то была еще разнообразнѣе. Я помню изъ нихъ три: нѣмецкую брошюру объ унавоживаніи огородовъ подъ капусту—безъ переплета, одинъ томъ исторіи Семилѣтней войны—въ пергаментѣ, прожженномъ съ одного угла, и полный курсъ гидростатики. Карлъ Ивановичъ большую часть своего времени проводилъ за чтеніемъ, даже испортилъ имъ свое зрѣніе; но, кромѣ этихъ книгъ и Сѣверной пчелы, онъ ничего не читалъ.

Въ числѣ предметовъ, лежавшихъ на полочкѣ Карла Ивановича, былъ одинъ, который больше всего мнѣ его напоминаетъ: это—кружокъ изъ картона, вставленный въ деревянную ножку, въ которой кружокъ этотъ подвигался посредствомъ шпеньковъ. На кружкѣ была наклеена картинка, представляющая карикатуры какой-то барыни и парикмахера. Карлъ Ивановичъ очень хорошо клеилъ и кружокъ этотъ самъ изобрѣлъ и сдѣлалъ для того, чтобы защищать свои слабые глаза отъ яркаго свѣта.

Какъ теперь вижу я передъ собою длинную фигуру въ ваточномъ халатѣ и въ красной шапочкѣ, изъ-подъ которой виднѣются рѣдкіе сѣдые волосы. Онъ сидитъ подлѣ столика, на которомъ стоитъ кружокъ съ парикмахеромъ, бросавшимъ тѣнь на его лицо; въ одной рукѣ онъ держитъ книгу, другая покоится на ручкѣ креселъ; подлѣ него лежатъ часы съ нарисованнымъ егеремъ на циферблатѣ, клѣтчатый платокъ, черная круглая табакерка, зеленый футляръ для очковъ, щипцы на лоточкѣ. Все это такъ чинно, аккуратно лежитъ на своемъ мѣстѣ, что по одному этому порядку можно заключить, что у Карла Ивановича совѣсть чиста и душа спокойна.

Бывало, какъ досыта набѣгаешься внизу по залѣ, на цыпочкахъ прокрадешься наверхъ, въ классную, смотришь—Карлъ Ивановичъ сидитъ себѣ одинъ на своемъ креслѣ и съ спокойно-величавымъ выраженіемъ читаетъ какую-нибудь изъ своихъ любимыхъ книгъ. Иногда я заставалъ его и въ такія минуты, когда онъ не читалъ: очки спускались ниже на большомъ, орлиномъ носу; голубые полузакрытые глаза смотрѣли съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ, а губы грустно улыбались. Въ комнатѣ тихо; только слышно его равномѣрное дыханіе и бой часовъ съ егеремъ.

Бывало, онъ меня не замѣчаетъ, а я стою у двери и думаю: бѣдный, бѣдный старикъ! Насъ много, мы играемъ, намъ весело, а онъ—одинъ-одинешенекъ и никто-то его не приласкаетъ. Правду онъ говоритъ, что онъ—сирота. И исторія его жизни какая ужасная! Я помню, какъ онъ разсказывалъ ее Николаю,—ужасно быть въ его положеніи! И такъ жалко станетъ, что бывало подойдешь къ нему, возьмешь за руку и скажешь: „lieber Карлъ Ивановичъ!“ Онъ любилъ, когда я ему говорилъ такъ,—всегда приласкаетъ, и видно, что растроганъ.

На другой стѣнѣ висѣли ландкарты, всѣ почти изорванныя, но искусно подклеенныя рукою Карла Ивановича. На третьей стѣнѣ, въ серединѣ которой была дверь внизъ, съ одной стороны висѣли двѣ линейки: одна—изрѣзанная, наша, другая—новенькая, собственная, употребляемая имъ болѣе для поощренія, чѣмъ для линеванія; съ другой—черная доска, на которой кружками отмѣчались наши большіе проступки и крестиками—маленькіе. Налѣво отъ доски былъ уголъ, въ который насъ ставили на колѣни.

Какъ мнѣ памятенъ этотъ уголъ! Помню заслонку въ печи, отдушникъ въ этой заслонкѣ и шумъ, который онъ производилъ, когда его поворачивали. Бывало стоишь, стоишь въ углу, такъ что колѣни и спина заболитъ, и думаешь: забылъ про меня Карлъ Ивановичъ; ему, должно быть, покойно сидѣть на мягкомъ креслѣ и читать свою гидростатику, а каково мнѣ?.. И начнешь, чтобы напомнить о себѣ, потихоньку отворять и затворять заслонку или ковырять штукатурку со стѣны; но если вдругъ упадетъ съ шумомъ слишкомъ большой кусокъ на землю,—право, одинъ страхъ хуже всякаго наказанія. Оглянешься на Карла Ивановича, а онъ сидитъ себѣ съ книгой въ рукѣ и какъ будто ничего не замѣчаетъ.

Въ серединѣ комнаты стоялъ столъ, покрытый оборванною черною клеенкой, изъ-подъ которой во многихъ мѣстахъ виднѣлись края, изрѣзанные перочинными ножами. Кругомъ стола было нѣсколько некрашенныхъ, но отъ долгаго употребленія залакированныхъ табуретовъ. Послѣдняя стѣна была занята тремя окошками. Вотъ какой былъ видъ изъ нихъ: прямо подъ окнами дорога, на которой каждая выбоина, каждый камешекъ, каждая колея давно знакомы и милы мнѣ; за дорогой—стриженая липовая аллея, изъ-за которой кое-гдѣ виднѣется плетеный частоколъ; черезъ аллею виденъ лугъ, съ одной стороны котораго—гумно,

а напротивъ—лѣсъ; далеко въ лѣсу, видна избушка сторожа. Изъ окна направо видна часть террасы, на которой сиживали, обыкновенно, большіе до обѣда. Бывало, покуда поправляетъ Карлъ Ивановичъ листъ съ диктовкой, выглянешь въ ту сторону, видишь черную головку матушки, чью-нибудь спину, и смутно слышишь оттуда говоръ и смѣхъ,—такъ сдѣлается досадно, что нельзя тамъ быть, и думаешь, когда же я буду большой, перестану учиться и всегда буду сидѣть не за діалогами, а съ тѣми, кого я люблю? Досада перейдетъ въ грусть, и, Богъ знаетъ отчего и о чемъ, такъ задумаешься, что и не слышишь, какъ Карлъ Ивановичъ сердится за ошибку.

Карлъ Ивановичъ снялъ халатъ, надѣлъ синій фракъ съ возвышеніями и сборками на плечахъ, оправилъ передъ зеркаломъ свой галстукъ и повелъ насъ внизъ—здороваться съ матушкой.

Задѣвать, задѣть—1, зацѣплять, затрагивать, по дорогѣ касаться. Сучья поминутно задѣвали и царапали его (Пушк.).—Хвать, объ порогъ задѣлъ ногою и растянулся во весь ростъ (Гриб.); 2, обидѣть. Ея самолюбіе было задѣто.—Задѣло за ретивое; въ переносн. значен.: И какъ по маслу, годъ-другой, все шло. Но вдругъ за пень задѣло! Тутъ неудача, тамъ сплошалъ... (Никит.).

Досада—огорченіе, неудовольствіе отъ обиды, неудачи. Выместить на комъ свою досаду.—Съ досады дня не взвидѣлъ онъ (Пушк.).—Съ досады и печали о камень такъ хватила ихъ (очки)... (Крыл.). Отъ того же корня: **досадный, досадно**. Мы долго молча отступали—досадно было, боя ждали... (Лерм.); **досаждать**, досадить: Правду говорить—всѣмъ досадить.

Какая разница между словами **почтительный, почтенный** и **почетный?** Почтительный сынъ; почетный гость; почетный гражданинъ; почетное мѣсто; почтенный человѣкъ; почтенное занятіе; почетное званіе.

Рекреація (франц. сл.) — отдыхъ отъ занятій, промежутокъ между двумя уроками; то, что у насъ наз. „перемѣна".

Пергаментъ—особ. выдѣланная кожа, замѣнявшая прежде бумагу; теперь употребляется для особо важныхъ дѣловыхъ бумагъ.

Гидростатика—наука о равновѣсіи жидкихъ тѣлъ.

Шпенекъ—шипъ, тычокъ, торчокъ для насадки, укрѣпы чего-нибудь.

Карикатура (франц. сл.) — рисунокъ, изображающій что-либо въ извращенно-смѣшномъ видѣ. Наше сѣверное лѣто, карикатура южныхъ зимъ, мелькнетъ — и нѣтъ (Пушк.).

Егерь (нѣмецк. сл. Jäger)—охотникъ, стрѣлокъ, служитель при охотѣ, солдатъ егерскаго полка.

Лотокъ, лоточекъ — выдолбленное корытце, служитъ какъ пепельница или для храненія перьевъ, карандашей, щипцовъ и т. п. А также: плоское деревянное приспособленіе для продажи плодовъ; иногда то же, что подносъ.

Величавый—величественный, важный, осанистый, внушающій уваженье своею внѣшностью. На конѣ величавомъ ѣдетъ по улицѣ рыцарь красивый

(Жук.).—Ой ты, пава моя, величава моя! (Нар. пѣсня).—Принялъ позу старикъ величавую (Некр.).

Ландкарта (нѣм. сл.)—географическая карта.

Заслонка, заслонъ—желѣзный листъ съ ручкой, которымъ закрывается печь.

Отдушникъ—отверстіе для доступа воздуха въ подвалахъ, погребахъ, печахъ.

Выбоина—выбитое, попорченное мѣсто на дорогѣ отъ ѣзды или также на лезвеѣ ножа.

Діалогъ (греч. сл.)—разговоръ между двумя или нѣсколькими лицами. Здѣсь что значитъ?

*

11. Вступленіе въ новый міръ.

Изъ романа *А. Шеллера* (*Михайлова*) „Гнилыя болота".

Александръ Константиновичъ Шеллеръ (1838—1900).

— Куда отдать Сашу?

Вотъ вопросъ, который занялъ моихъ родителей. Попытка отдать въ гимназію не удалась. Дѣти крѣпостныхъ людей, капельдинеровъ и придворныхъ служителей въ гимназіи не принимались безъ увольнительныхъ свидѣтельствъ отъ ихъ обществъ. Исключить изъ придворнаго вѣдомства было не трудно, но отецъ задалъ себѣ слѣдующій вопросъ: „что-де будетъ дѣлать Саша, если я умру прежде окончанія его образованія, или если ему не пойдетъ въ голову наука? Куда онъ опредѣлится на службу?" Мысль объ отдачѣ меня въ гимназію была отложена въ сторону.

— Однако, что же мы станемъ дѣлать? Какъ дадимъ ему образованіе?—спрашивала матушка.

— Наймите учителей,—совѣтовала бабушка:—домашнее воспитаніе лучше, онъ будетъ всегда у васъ на глазахъ, манеръ мѣщанскихъ не наберется.

— Что вы, матушка, толкуете о домашнемъ воспитаніи! Для этого нужны большія деньги,—молвилъ отецъ, пожимая плечами.

— Не Богъ знаетъ, какія деньги! Я буду вамъ помогать, буду...

— Вы?.. Нѣтъ, вашъ планъ никуда не годится,—съ улыбкой прервалъ ее отецъ и вспомнилъ, что кто-то говорилъ ему о прекрасномъ воспитаніи дѣтей въ иностранной N—ской школѣ. Рѣшились толкнуться туда, и черезъ мѣсяцъ я поступилъ въ училище. Вступилъ я въ него съ глубочайшимъ отвращеніемъ къ наукѣ. „И на что нужна эта проклятая наука,—думалось мнѣ,—какое мнѣ дѣло до сравнительной степени именъ прилагательныхъ и до страдательнаго залога?“

Училище находилось въ центрѣ города, ходить туда изъ Измайловскаго полка было далеко, и отцу пришлось нанять квартиру поближе. Новая квартира была дороже старой, плата въ училище тоже была значительна, все это не остановило и не смутило отца.

— Теперь надо, Соня, намъ работать,—говорилъ онъ:—полно жить для себя.

— Что жъ, Вася, за мной дѣло не станетъ, были бы заказы,—отвѣчала матушка.

И вотъ два человѣка принялись трудиться, не разгибая спины, чтобы вырастить одного.

Отецъ въ свободные дни прилежно занимался столярною работою, дѣлалъ на продажу бритвенные ящики, клѣтки и другія мелкія вещи. Мать шила. Помню я до сихъ поръ, какъ въ зимніе вечера, когда я, бывало, окончивъ уроки, усну на своей постелькѣ, а она все еще сидитъ и шьетъ, спокойная, безмятежная. Какъ я любилъ ея кроткое, худенькое личико; какъ тихъ былъ ея поцѣлуй, какъ она, сложивъ работу и уходя спать, на цыпочкахъ подходила ко мнѣ, крестила меня и тихо, осторожно прижимала свои горячія губы къ моей дѣтской головкѣ. Часто не спалъ я въ эти минуты и только оттого не отвѣчалъ поцѣлуями на ея поцѣлуй, чтобы не дать ей повода думать, что она неосторожно разбудила меня или что я не сплю отъ нездоровья; я жмурилъ глаза, притворялся спящимъ и чувствовалъ, что она стоитъ надо мною, заслонивъ свѣчу рукой, и долго, долго любуется моимъ лицомъ. О, святыя, благодатныя мгновенья, полныя кроткой материнской любви, не вы ли сдѣлали меня лучшимъ, чѣмъ я былъ? не вашъ ли свѣтъ запалъ въ мою душу и навсегда согрѣлъ ее, научилъ любить все достойное любви и прощать недостатки людей, никогда не вѣдавшихъ ея благотворнаго вліянія?

Капельдинеръ (нѣм. сл.)—служитель при театрѣ.

Опредѣлите значеніе слова **толкнуться**: Судно толкнулось о камень.—Идетъ онъ въ лѣсъ толкнуться у сосѣдей, чтобъ съ кѣмъ-нибудь знакомство свесть (Крыл.).

Безмятежный—тихій, спокойный, ничѣмъ не возмущаемый. Безмятежный сонъ.—Въ безмятежной тишинѣ пѣсни птички голосистой раздаются въ вышинѣ (Пол.).

Благодатный—приносящій благо, добро, счастливый. Благодатный климатъ.—Есть сила благодатная въ созвучьи словъ живыхъ (Лерм.).

Благотворный—благодѣтельный, производящій добро, спасительный. Благотворные солнечные лучи.—Привсталъ и чашей блоготворной томленье жажды утолилъ („Кавк. плѣн.“). А какая разница между сл. **благотворный** и **благотворительный?**

*

12. Въ барскомъ пансіонѣ.

Разсказъ *Ѳ. Достоевскаго.*

Колоколъ ударялъ твердо и опредѣленно по одному разу въ двѣ или даже въ три секунды, но это былъ не набатъ, а какой-то пріятный плавный звонъ, и я вдругъ различилъ, что это вѣдь—звонъ знакомый, что звонятъ у Николы, въ красной церкви противъ нашего пансіона—въ старинной московской церкви, которую я такъ помню, выстроенной еще при Алексѣѣ Михайловичѣ, узорчатой, многоглавой и „во столпахъ“,—и что теперь только минула Святая недѣля и на тощихъ березкахъ въ палисадникѣ Тушаровскаго дома уже трепещутъ новорожденные зелененькіе листочки. Яркое подвечернее солнце льетъ косые свои лучи въ нашу классную комнату, а у меня, въ моей маленькой комнаткѣ налѣво, куда Тушаръ отвелъ меня еще годъ назадъ отъ „графскихъ и сенаторскихъ дѣтей“, сидитъ гостья. Да, у меня вдругъ очутилась гостья—въ первый разъ съ того времени, какъ я у Тушара. Я тотчасъ узналъ эту гостью, какъ только она вошла: это была мама, хотя съ того времени, какъ она меня причащала въ деревенскомъ храмѣ, а голубокъ пролетѣлъ черезъ куполъ, я, воспитывавшійся въ чужомъ домѣ, не видалъ ужъ ея ни разу. Мы сидѣли вдвоемъ, и я странно къ ней приглядывался. Потомъ, уже много лѣтъ спустя, я узналъ, что она тогда прибыла въ Москву на свои жалкія средства единственно, чтобъ со мной повидаться. Она сидѣла подлѣ меня, и, помню, я даже удивлялся, что она мало такъ говоритъ. Съ ней былъ узелокъ, и она развязала его: въ немъ оказалось шесть апельсиновъ, нѣсколько пря-

никовъ и два обыкновенныхъ французскихъ хлѣба. Я обидѣлся на французскіе хлѣбы и съ ущемленнымъ видомъ отвѣтилъ, что здѣсь у насъ „пища“ очень хорошая и намъ каждый день даютъ къ чаю по цѣлой французской булкѣ.

— Все равно, голубчикъ, я вѣдь такъ по простотѣ подумала: „можетъ ихъ тамъ, въ школѣ-то, худо кормятъ“, не взыщи, родной.

— И Антонинѣ Васильевнѣ (женѣ Тушара) обидно станетъ-съ. Товарищи тоже будутъ надо мной смѣяться...

— Не примешь что ли? Можетъ и скушаешь?

— Пожалуй, оставьте-съ...

А къ гостинцамъ я даже и не притронулся; апельсины и пряники лежали передо мной на столикѣ, а я сидѣлъ, потупивъ глаза, но съ большимъ видомъ собственнаго достоинства. Кто знаетъ, можетъ быть, мнѣ очень хотѣлось тоже не скрыть отъ нея, что визитъ ея, такой бѣдной, меня даже передъ товарищами стыдитъ; хоть капельку показать ей это, чтобъ поняла: „Вотъ, дескать, ты меня срамишь и даже сама не понимаешь того“. Представлялъ я тоже себѣ, сколько перенесу я отъ мальчишекъ насмѣшекъ, только что она уйдетъ, а, можетъ, и отъ самого Тушара,—и ни малѣйшаго добраго чувства не было къ ней въ моемъ сердцѣ. Искоса только я оглядывалъ ея темненькое, старенькое платьице, довольно грубыя, почти рабочія руки, совсѣмъ ужъ грубые ея башмаки, сильно похудѣвшее лицо: морщинки уже прорѣзывались у нея на лбу, хотя Антонина Васильевна и сказала мнѣ потомъ, вечеромъ, по ея уходѣ: „должно быть, ваша maman была когда-то очень недурна собой“.

Такъ мы сидѣли, и вдругъ Агафья вошла съ подносомъ, на которомъ была чашка кофею. Было время послѣобѣденное, и Тушары всегда въ этотъ часъ пили у себя въ своей гостиной кофей. Но мама поблагодарила и чашку не взяла: какъ узналъ я послѣ, она совсѣмъ тогда не пила кофею, производившаго у ней сердцебіеніе. Дѣло въ томъ, что посланная мамѣ чашка кофею была, такъ сказать, уже подвигомъ гуманности, сравнительно говоря, приносившимъ чрезвычайную честь ихъ цивилизованнымъ чувствамъ и европейскимъ понятіямъ. А мама-то, какъ нарочно, и отказалась.

Меня позвали къ Тушару, и онъ велѣлъ мнѣ взять всѣ мои тетрадки и книги и показать мамѣ, „чтобъ она видѣла, сколько успѣли вы пріобрѣсти въ моемъ заведеніи“. Тутъ Антонина Ва-

сильевна, съеживъ губки, обидчиво и насмѣшливо процѣдила мнѣ съ своей стороны:

— Кажется, вашей maman не понравился нашъ кофей.

Я набралъ тетрадокъ и понесъ ихъ къ дожидавшейся мамѣ, мимо столпившихся въ классной и подглядывавшихъ насъ съ мамой „графскихъ и сенаторскихъ дѣтей“. И вотъ, мнѣ даже понравилось исполнить приказаніе Тушара въ буквальной точности. „Вотъ это—уроки изъ французской грамматики, вотъ это—упражненіе подъ диктантъ, вотъ тутъ спряженіе вспомогательныхъ глаголовъ avoir и être, вотъ тутъ по географіи, описаніе главныхъ городовъ Европы и всѣхъ частей свѣта и т. д., и т. д.“ Я съ полчаса или больше объяснялъ ровнымъ маленькимъ голоскомъ, благонравно потупивъ глазки. Я зналъ, что мама ничего не понимаетъ въ наукахъ, можетъ быть, даже писать не умѣетъ, но тутъ-то моя роль мнѣ и нравилась. Но утомить ее я не смогъ: она все слушала, не прерывая меня, съ чрезвычайнымъ вниманіемъ и даже съ благоговѣніемъ, такъ что мнѣ самому, наконецъ, наскучило, и я пересталъ; взглядъ ея былъ, впрочемъ, грустный, и что-то жалкое было въ ея лицѣ.

Она поднялась, наконецъ, уходить; вдругъ вошелъ самъ Тушаръ и съ дурацки-важнымъ видомъ спросилъ ее: „довольна ли она успѣхами своего сына?“ Мама начала безсвязно бормотать и и благодарить; подошла и Антонина Васильевна. Мама стала просить ихъ обоихъ „не оставить сиротки, все равно, онъ что сиротка теперь, окажите благодѣяніе ваше“... и она со слезами на глазахъ поклонилась имъ обоимъ, каждому раздѣльно, каждому глубокимъ поклономъ, именно какъ кланяются „изъ простыхъ“, когда приходятъ просить о чемъ-нибудь важныхъ господъ. Тушары этого даже не ожидали, а Антонина Васильевна видимо была смягчена и, конечно, тутъ же измѣнила свое заключеніе насчетъ чашки кофею. Тушаръ съ усиленною важностью гуманно отвѣтилъ, что онъ „дѣтей не рознитъ, что всѣ здѣсь—его дѣти, а онъ—ихъ отецъ, что я у него почти на одной ногѣ съ сенаторскими и графскими дѣтьми, и что это надо цѣнить“, и проч., и проч. Мама только кланялась, но, впрочемъ, конфузилась, наконецъ, обернулась ко мнѣ и со слезами, блеснувшими на глазахъ, проговорила: „прощай, голубчикъ!“

И поцѣловала меня, то-есть я позволилъ себя поцѣловать. Ей видимо хотѣлось бы и еще поцѣловать меня, обнять, прижать;

но совѣстно ли стало ей самой при людяхъ, или отъ чего-то другого горько, или ужъ догадалась она, что я ея устыдился, но только она поспѣшно, поклонившись еще разъ Тушарамъ, направилась выходить. Я стоялъ.

— Mais suivez donc votre mère,—проговорила Антонина Васильевна:—il n'a pas de coeur, cet enfant!

Тушаръ въ отвѣтъ ей пожалъ плечами, что, конечно, означало „не даромъ же, дескать, я третирую его, какъ лакея".

Я послушно спустился за мамой; мы вышли на крыльцо. Я зналъ, что они всѣ тамъ смотрятъ теперь изъ окошка. Мама повернулась къ церкви и три раза глубоко на нее перекрестилась, губы ея вздрагивали, густой колоколъ звучно и мѣрно гудѣлъ съ колокольни. Она повернулась ко мнѣ и—не выдержала, положила мнѣ обѣ руки на голову и заплакала надъ моей головой.

— Маменька, полноте-съ... стыдно... вѣдь они изъ окошка теперь это видятъ-съ...

Она заторопилась:

— Ну, Господи... ну, Господь съ тобой... ну, храни тебя ангелы небесные, Пречестная Мать, Николай Угодникъ... Господи, Господи!—скороговоркой повторяла она, все крестя меня, все стараясь чаще и побольше положить крестовъ:—голубчикъ ты мой, милый ты мой! Да постой, голубчикъ...

Она поспѣшно сунула руку въ карманъ и вынула платочекъ, синенькій клѣтчатый платочекъ, съ крѣпко завязаннымъ на кончикѣ узелочкомъ и стала развязывать узелокъ... но онъ не развязывался...

— Ну, все равно, возьми и съ платочкомъ: чистенькій, пригодится, можетъ, четыре двугривенныхъ тутъ, можетъ, понадобятся, прости, голубчикъ, больше-то какъ-разъ сама не имѣю... прости, голубчикъ.

Я принялъ платочекъ, хотѣлъ было замѣтить, что намъ „отъ господина Тушара и Антонины Васильевны очень хорошее положено содержаніе, и мы ни въ чемъ не нуждаемся", но удержался и взялъ платочекъ.

Она, наконецъ, ушла. Апельсины и пряники поѣли еще до моего прихода сенаторскія и графскія дѣти, а четыре двугривенныхъ у меня тотчасъ же отнялъ товарищъ, тоже не изъ „про-

стыхъ", Ламбертъ; на нихъ накупили они въ кондитерской пирожковъ и шоколаду и даже меня не попотчевали.

Прошли цѣлые полгода, и наступилъ уже вѣтреный и ненастный октябрь. Я про маму совсѣмъ забылъ. И вотъ, тогда, какъ-то разъ въ грустныя вечернія сумерки, сталъ я однажды перебирать для чего-то въ моемъ ящикѣ и вдругъ, въ уголку, увидалъ синенькій батистовый платочекъ ея; онъ такъ и лежалъ съ тѣхъ поръ, какъ я его тогда сунулъ. Я вынулъ его и осмотрѣлъ даже съ нѣкоторымъ любопытствомъ; кончикъ платка сохранялъ еще вполнѣ слѣдъ бывшаго узелка и даже ясно отпечатавшійся кругленькій оттискъ монетки; я, впрочемъ, положилъ платокъ на мѣсто и задвинулъ ящикъ. Это было подъ праздникъ, и загудѣлъ колоколъ ко всенощной. Воспитанники уже съ послѣ обѣда разъѣхались по домамъ, но на этотъ разъ Ламбертъ остался на воскресенье, не знаю, почему за нимъ не прислали. Онъ хоть и продолжалъ меня тогда бить, какъ и прежде, но уже очень много мнѣ сообщалъ и во мнѣ нуждался. Мы проговорили весь вечеръ о лепажевскихъ пистолетахъ, которыхъ ни тотъ, ни другой изъ насъ не видалъ, о черкесскихъ шашкахъ и о томъ, какъ онѣ рубятъ, о томъ, какъ хорошо было бы завести шайку разбойниковъ. Въ десять часовъ мы легли спать; я завернулся съ головой въ одѣяло и изъ-подъ подушки вытянулъ синенькій платочекъ: я для чего-то опять сходилъ, часъ тому назадъ, за нимъ въ ящикъ и, только что постлали наши постели, сунулъ его подъ подушку. Я тотчасъ прижалъ его къ моему лицу и вдругъ сталъ его цѣловать: „Мама, мама", шепталъ я, вспоминая, и всю грудь мою сжимало, какъ въ тискахъ. Я закрывалъ глаза и видѣлъ ея лицо съ дрожащими губами, когда она крестилась на церковь, крестила потомъ меня, а я говорилъ ей: „стыдно, смотрятъ". „Мамочка, мама, гдѣ ты теперь, гостья ты моя далекая? Помнишь ли ты теперь своего бѣднаго мальчика, къ которому приходила... Покажись ты мнѣ хоть разочекъ теперь, приснись ты мнѣ хоть во снѣ только, чтобъ только я сказалъ тебѣ, какъ люблю тебя, только, чтобъ обнять мнѣ тебя и поцѣловать твои синенькіе глазки, сказать тебѣ, что я совсѣмъ тебя ужъ теперь не стыжусь и что сердце мое ныло тогда, а я только сидѣлъ, какъ лакей. Не узнаешь ты, мама, никогда, какъ я тебя тогда любилъ! Мамочка, гдѣ ты теперь? Слышишь ли ты меня? Мама, мама, а помнишь голубочка въ деревнѣ?"...

Набатъ—частый и мѣрный звонъ въ колоколъ, для возвѣщенія пожара или иной опасности. Вдругъ слышу звонъ... ударили въ набатъ... крикъ, шумъ... („Бор. Год.“).

Пансіонъ (франц. сл.)—учебное и воспитательное заведеніе, въ которомъ воспитанники живутъ на полномъ содержаніи, и вообще учрежденіе, гдѣ за плату можно имѣть полное содержаніе.

Во столпахъ—то же, что со столпами, т.-е. съ башнями, вышками.

Приглядываться, приглядѣться къ чему—всматриваться, стараясь разсмотрѣть хорошенько. 1, Какъ ни приглядываюсь, а узнать васъ не могу. 2, Привыкнуть смотрѣть на что-ниб. Ко всему можно приглядѣться. 3, **приглянуться**—значитъ понравиться.

Ущемлять, ущемить—стиснуть, сжать, сдавить, больно задѣть. Я палецъ въ дверяхъ ущемилъ.—Ущемленное самолюбіе.

Гуманность (лат. сл.)—человѣколюбивое отношеніе.

Цивилизованный (франц. сл.)—получившій надлежащее воспитаніе и образованіе.

Процѣдить, процѣживать—пропустить сквозь сито или бумагу какую-ниб. жидкость. Процѣдить сквозь зубы—говоритъ неясно, съ оттѣнкомъ высокомѣрія.

Благоговѣніе—чувство глубокаго уваженія, смѣшаннаго со страхомъ.

Конфузиться—стыдиться, стѣсняться.

Третировать—относиться къ кому-либо презрительно, свысока.

Опредѣлите различныя значенія слова **вѣтреный** по слѣд. примѣрамъ: На дворѣ сегодня вѣтрено.—Вѣтреный человѣкъ. Не смѣшивать со сл. **вѣтряный**—вѣтряная мельница.

13. Нянина кручина.

Стих. *Омулевскаго* (*И. В. Ѳедорова*).

„Что тебѣ, дитя, не спится?
Не головка ли болитъ?“
У кроватки суетится
няня, дряхлая на видъ.

Глазки дѣтскіе блуждаютъ:
„Что же мамы нѣтъ со мной?
Няня! Что это читаютъ
тамъ, въ той комнатѣ большой?“

„Спи, малютка, Богъ съ тобою!
Мама... мама тоже спитъ;
папа занятъ... вслухъ съ собою
онъ, должно быть, говоритъ.“

„У тебя-то отчего же,
няня, слезы на глазахъ?
Да и папа утромъ тоже
цѣловалъ меня въ слезахъ“.

„Спи, дитя! Слезятся очи,
знать, отъ свѣту... спать хочу.
Спи же, спи! покойной ночи!
Погашу-ка я свѣчу“.

„Вонъ и мамина подушка...
Няня! гдѣ же мама спитъ?“
„Полно!..“ молвила старушка
и заплакала навзрыдъ.

Кручина—то, что крушитъ, огорчаетъ, грусть, печаль, горе, какъ длительное душевное страданіе. Кручина сердце гложетъ.—Кручина ты моя, кручинушка великая! никому ты, моя кручинушка, неизвѣстна, извѣстна ты, моя кручинушка, ретивому сердцу (Народн. пѣсня).

Обратите вниманіе на форму выраженія: **тебѣ не спится**; назовите другіе примѣры, какъ ему не сидится, мнѣ неможется.

Блуждать—ходить, двигаться туда и сюда, скитаться, сбиться съ пути. Блуждающіе огни.—Но онъ молчитъ, блуждаютъ взоры (Лерм.).

14. Листья.

Стихотвореніе *Ѳ. Тютчева.*

Мы, легкое племя,
цвѣтемъ и блестимъ,
и краткое время
на сучьяхъ гостимъ.
Все красное лѣто
мы были въ красѣ,
играли съ лучами,
купались въ росѣ!..

Но птички отпѣли,
цвѣты отцвѣли,
луга поблѣднѣли,
зефиры ушли.
Такъ что же намъ даромъ
висѣть и желтѣть?
Не лучше ль за ними
и намъ улетѣть?

О, буйные вѣтры!
скорѣе, скорѣй,
скорѣй насъ сорвите
съ докучныхъ вѣтвей!

Сорвите, умчите,
мы ждать не хотимъ,—
летите, летите!
Мы съ вами летимъ.

Племя—поколѣніе, родъ, народъ, порода. Въ какомъ значеніи употребл. здѣсь это слово? Ср. въ стих. Пушкина „Вновь я посѣтилъ“ обращеніе къ лѣсу: Здравствуй, племя младое, незнакомое!

Какое значеніе имѣетъ приставка **от** въ сл. **отпѣли**, **отцвѣли**? Назовите другіе такіе же примѣры.

Зефиръ (греч. сл.)—легкій вѣтерокъ.

Докучный.—Что значитъ докучная сказка? Какая разница между докучный и докучливый?

Умчать—унести. Волкъ умчалъ овцу.—Судно умчало волнами.—Умчались годы.

*

15. Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька въ школѣ.

Изъ повѣсти *Н. В. Гоголя* „Иванъ Федоровичъ Шпонька и его тетушка“.

Николай Васильевичъ Гоголь (1809—1852).

Уже четыре года, какъ Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька въ отставкѣ и живетъ на хуторѣ своемъ Вытребенькахъ. Когда былъ онъ еще Ванюшею, то обучался въ Гадячскомъ повѣтовомъ училищѣ, и, надобно сказать, былъ преблагонравный и престарательный мальчикъ. Учитель россійской грамматики, Никифоръ Тимоѳеевичъ Дѣепричастіе, говаривалъ, что если бы всѣ у него были такъ старательны, какъ Шпонька, то онъ не носилъ бы съ собою въ классъ кленовой линейки, которою, какъ самъ онъ признавался, уставалъ бить по рукамъ лѣнивцевъ и шалуновъ. Тетрадка у него всегда была чистенькая, кругомъ облинеенная, нигдѣ ни пятнышка. Сидѣлъ онъ всегда смирно, сложивъ руки и уставивъ

глаза на учителя, и никогда не привѣшивалъ сидѣвшему впереди его товарищу на спину бумажекъ, не рѣзалъ скамьи и не игралъ до прихода учителя въ тѣсной бабы. Когда кому нужда была въ ножикѣ, очинить перо, тотъ немедленно обращался къ Ивану Ѳедоровичу, зная, что у него всегда водился ножикъ; и Иванъ Ѳедоровичъ, тогда еще просто Ванюша, вынималъ его изъ большого кожанаго чехольчика, привязаннаго къ петлѣ своего сѣренькаго сюртука, и просилъ только не скоблить пера остріемъ ножика, увѣряя, что для этого есть тупая сторона. Такое благонравіе скоро привлекло на него вниманіе даже самого учителя латинскаго языка, котораго одинъ кашель въ сѣняхъ, прежде нежели высовывалась въ дверь его фризовая шинель и лицо, изукрашенное оспою, наводилъ страхъ на весь классъ. Этотъ страшный учитель, у котораго на каѳедрѣ всегда лежало два пучка розогъ и половина слушателей стояла на колѣняхъ, сдѣлалъ Ивана Ѳедоровича аудиторомъ, несмотря на то, что въ классѣ было много съ гораздо лучшими способностями. Тутъ не можно пропустить одного случая, сдѣлавшаго вліяніе на всю его жизнь. Одинъ изъ ввѣренныхъ ему учениковъ, чтобы склонить своего аудитора написать ему въ спискѣ scit *), тогда какъ онъ своего урока въ зубъ не зналъ, принесъ въ классъ завернутый въ бумагу, облитый масломъ, блинъ. Иванъ Ѳедоровичъ хотя и держался справедливости, но на эту пору былъ голоденъ и не могъ противиться обольщенію; взялъ блинъ, поставилъ книгу и началъ ѣсть, и такъ былъ занятъ этимъ, что даже не замѣтилъ, какъ въ классѣ сдѣлалась вдругъ мертвая тишина. Тогда только съ ужасомъ очнулся онъ, когда страшная рука, протянувшись въ фризовой шинели, ухватила его за ухо и вытащила на средину класса. „Подай сюда блинъ! Подай, говорятъ тебѣ, негодяй!“ сказалъ грозный учитель, схватилъ пальцами масляный блинъ и выбросилъ его за окно, строго запретивъ бѣгавшимъ по двору школьникамъ поднимать его. Послѣ этого тутъ же высѣкъ онъ пребольно Ивана Ѳедоровича по рукамъ; и дѣло: руки виноваты, зачѣмъ брали, а не другая часть тѣла. Какъ бы то ни было, только съ этихъ поръ робость, и безъ того неразлучная съ нимъ, увеличилась еще болѣе.

Было уже ему безъ малаго пятнадцать лѣтъ, когда перешелъ онъ во второй классъ, гдѣ, вмѣсто сокращеннаго катехизиса

*) Знаетъ.

и четырехъ правилъ ариѳметики, принялся онъ за пространный, за книгу о должностяхъ человѣка и за дроби. Но, увидѣвши, что чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ, и получивши извѣстіе, что батюшка приказалъ долго жить, пробылъ еще два года и, съ согласія матушки, вступилъ потомъ въ П*** пѣхотный полкъ.

Повѣтовый—отъ сл. повѣтъ—уѣздъ, часть области или губерніи; названіе, теперь не существующее.

Фризовая шинель—сдѣланная изъ толстой весьма ворсистой байки.

Аудиторъ—такъ назывался въ учебныхъ заведеніяхъ прежняго времени ученикъ, выслушивавшій уроки другихъ и ставившій имъ баллы. Классъ наполнялся разноголосными жужжаніями: аудиторы выслушивали своихъ учениковъ (Гоголь „Вій").

Не можно пропустить — какъ слѣдуетъ сказать? У Пушкина также: „Панъ мой, цѣлить мнѣ не можно", бѣдный хлопецъ прошепталъ („Воевода").

Сдѣлать вліяніе—выраженіе неупотребительное; говорятъ: имѣть вл., оказать вл.

Ввѣрять что кому—отдать на сохраненіе, поручать, полагаясь или довѣряя. Ввѣрять тайну—Ввѣрить кому воспитаніе своихъ дѣтей.

Обольщеніе—отъ гл. обольщать, обольстить, т.-е. соблазнять, склонять обманомъ или лукавыми ласками.

Обратите вниманіе на выраженія: *Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ* и Приказалъ долго жить; въ томъ же смыслѣ употребляется—приказалъ кланяться.

*

16. Дѣтство Чичикова.

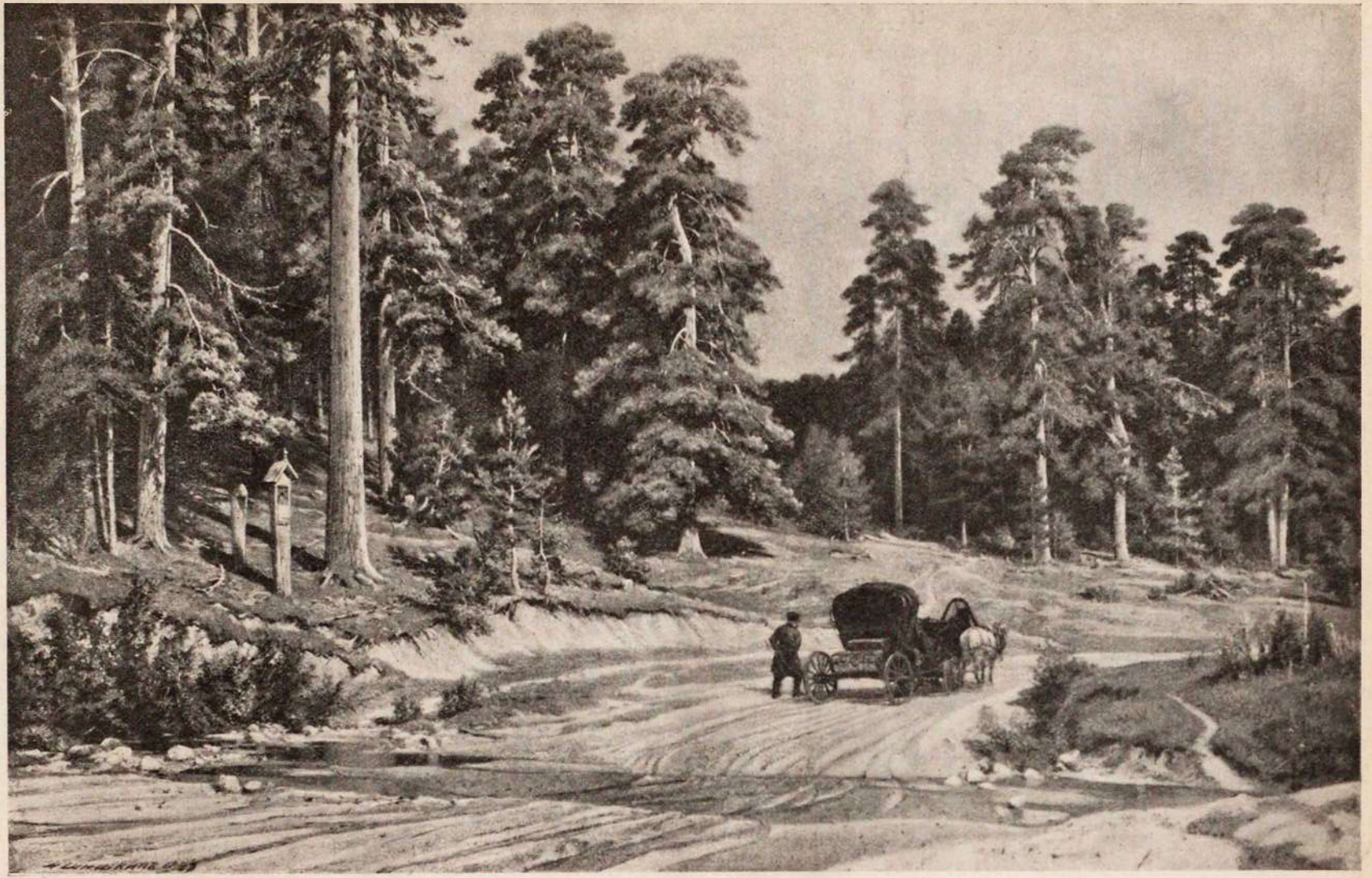
Изъ сочин. *Н. В. Гоголя* „Мертвыя души".

Темно и скромно происхожденіе нашего героя. Родители его были дворяне, но столбовые или личные—Богъ вѣдаетъ. Лицомъ онъ на нихъ не походилъ: по крайней мѣрѣ, родственница, бывшая при его рожденіи, низенькая, коротенькая женщина, которыхъ обыкновенно называютъ пиголицами, взявши въ руки ребенка, вскрикнула: „Совсѣмъ вышелъ не такой, какъ я думала! Ему бы слѣдовало пойти въ бабку съ матерней стороны, что было бы лучше, а онъ родился, просто, какъ говоритъ пословица: ни въ мать, ни въ отца, а въ прохожаго молодца". Жизнь при началѣ взглянула на него какъ-то кисло-непріятно, сквозь какое-то мутное, занесенное снѣгомъ окошко; ни друга, ни товарища въ дѣтствѣ! Маленькая горенка съ маленькими окнами, не отворявшимися ни

въ зиму, ни въ лѣто; отецъ—больной человѣкъ, въ длинномъ сюртукѣ на мерлушкахъ и въ вязаныхъ хлопанцахъ, надѣтыхъ на босую ногу, безпрестанно вздыхавшій, ходя по комнатѣ, и плевавшій въ стоявшую въ углу песочницу; вѣчное сидѣнье на лавкѣ, съ перомъ въ рукахъ, чернилами на пальцахъ и даже на губахъ; вѣчная пропись передъ глазами: „Не лги, послушествуй старшимъ и носи добродѣтель въ сердцѣ“; вѣчный шаркъ и шлепанье по комнатѣ хлопанцевъ, знакомый, но всегда суровый голосъ: „опять задурилъ!“ отзывавшійся въ то время, когда ребенокъ, наскуча однообразіемъ труда, придѣлывалъ къ буквѣ какую-нибудь кавыку или хвостъ; и вѣчно знакомое, всегда непріятное чувство, когда, вслѣдъ за сими словами, краюшка уха его скручивалась очень больно ногтями длинныхъ, протянувшихся сзади пальцевъ: вотъ бѣдная картина первоначальнаго его дѣтства, о которомъ едва сохранилъ онъ блѣдную память. Но въ жизни все мѣняется быстро и живо: и въ одинъ день, съ первымъ весеннимъ солнцемъ и разлившимися потоками, отецъ, взявши сына, выѣхалъ съ нимъ въ телѣжкѣ, которую потащила мухортая пѣгая лошадка, извѣстная у лошадиныхъ барышниковъ подъ именемъ сороки; ею правилъ кучеръ, маленькій горбунокъ, родоначальникъ единственной крѣпостной семьи, принадлежавшей отцу Чичикова, занимавшій почти всѣ должности въ домѣ. На сорокѣ тащились они полтора дня слишкомъ; на дорогѣ ночевали, переправлялись черезъ рѣку, закусывали холоднымъ пирогомъ и жареною бараниною, и только на третій день утромъ добрались до города. Передъ мальчикомъ блеснули нежданнымъ великолѣпіемъ городскія улицы, заставившія его на нѣсколько минутъ разинуть ротъ. Потомъ сорока бултыхнула вмѣстѣ съ телѣжкою въ яму, которою начинался узкій переулокъ, весь стремившійся внизъ и запруженный грязью; долго работала она тамъ всѣми силами и мѣсила ногами, подстрекаемая и горбуномъ, и своимъ бариномъ, и наконецъ вытащила ихъ въ небольшой дворикъ, стоявшій на косогорѣ, съ двумя расцвѣтшими яблонями передъ старенькимъ домикомъ и садикомъ позади его, низенькимъ, маленькимъ, состоявшимъ только изъ рябины, бузины и скрывавшейся во глубинѣ ея деревянной будочки, крытой драньемъ, съ узенькимъ матовымъ окошечкомъ. Тутъ жила родственница ихъ, дряблая старушонка, все еще ходившая всякое утро на рынокъ и сушившая потомъ чулки свои у самовара, которая потрепала мальчика по щекѣ и полюбовалась его полнотою.

Тутъ долженъ былъ онъ остаться и ходить ежедневно въ классы городского училища. Отецъ, переночевавши, на другой же день выбрался въ дорогу. При разставаніи слезъ не было пролито изъ родительскихъ глазъ; дана была полтина мѣди на расходъ и лакомства и, что гораздо важнѣе, умное наставленіе: „Смотри же, Павлуша: учись, не дури и не повѣсничай, а больше всего—угождай учителямъ и начальникамъ. Коли будешь угождать начальнику, то, хоть и въ наукѣ не успѣешь и таланту Богъ не далъ, все пойдешь въ ходъ и всѣхъ опередишь. Съ товарищами не водись: они тебя добру не научатъ; а если ужъ пошло на то, такъ водись съ тѣми, которые побогаче, чтобы при случаѣ могли быть тебѣ полезными. Не угощай и не потчевай никого, а веди себя лучше такъ, чтобы тебя угощали, а больше всего береги и копи копейку: эта вещь надежнѣе всего на свѣтѣ. Товарищъ или пріятель тебя надуетъ и въ бѣдѣ первый тебя выдастъ, а копейка не выдастъ, въ какой бы бѣдѣ ты ни былъ. Все сдѣлаешь и все прошибешь на свѣтѣ копейкой“. Давши такое наставленіе, отецъ разстался съ сыномъ и потащился вновь домой на своей сорокѣ, и съ тѣхъ поръ уже никогда онъ больше его не видѣлъ; но слова и наставленія заронились глубоко ему въ душу.

Павлуша съ другого же дня принялся ходить въ классы. Особенныхъ способностей къ какой-нибудь наукѣ въ немъ не оказалось, отличался онъ больше прилежаніемъ и опрятностію; но зато оказался въ немъ большой умъ съ другой стороны—со стороны практической. Онъ вдругъ смекнулъ и понялъ дѣло, и повелъ себя въ отношеніи къ товарищамъ точно такимъ образомъ, что они его угощали, а онъ ихъ не только никогда, но даже иногда, припрятавъ полученное угощеніе, потомъ продавалъ имъ же. Еще ребенкомъ, онъ умѣлъ уже отказать себѣ во всемъ. Изъ данной отцомъ полтины не издержалъ ни копейки, напротивъ, въ тотъ же годъ уже сдѣлалъ къ ней приращенія, показавъ оборотливость почти необыкновенную: слѣпилъ изъ воску снѣгиря, выкрасилъ его и продалъ очень выгодно. Потомъ въ продолженіе нѣкотораго времени пустился на другія спекуляціи, именно вотъ какія: накупивши на рынкѣ съѣстного, садился въ классѣ возлѣ тѣхъ, которыя были побогаче, и какъ только замѣчалъ, что товарища начинало тошнить,—признакъ наступающаго голода,—онъ высовывалъ ему изъ-подъ скамьи, будто невзначай, уголъ пряника или булки и, раззадоривши его, бралъ деньги, соображаясь



Сосновый боръ. Съ картины *И. Шишкина.*

съ аппетитомъ. Два мѣсяца онъ провозился у себя на квартирѣ безъ отдыха около мыши, которую засадилъ въ маленькую деревянную клѣточку, и добился, наконецъ, того, что мышь становилась на заднія лапки, ложилась и вставала по приказу, и продалъ потомъ ее тоже очень выгодно. Когда набралось денегъ до пяти рублей, онъ мѣшочекъ зашилъ и сталъ копить въ другой. Въ отношеніи къ начальству онъ повелъ себя еще умнѣе. Сидѣть на лавкѣ никто не умѣлъ такъ смирно. Надобно замѣтить, что учитель былъ большой любитель тишины и хорошаго поведенія и терпѣть не могъ умныхъ и острыхъ мальчиковъ: ему казалось, что они непремѣнно должны надъ нимъ смѣяться. Достаточно было тому, который попалъ на замѣчаніе со стороны остроумія, достаточно было ему только пошевелиться или какъ-нибудь ненарокомъ моргнуть бровью, чтобы подпасть вдругъ подъ гнѣвъ. Онъ его гналъ и наказывалъ немилосердно. „Я, братъ, изъ тебя выгоню заносчивость и непокорность!“ говорилъ онъ: „я тебя знаю насквозь, какъ ты самъ себя не знаешь. Вотъ ты у меня постоишь на колѣняхъ! ты у меня поголодаешь!“ И бѣдный мальчишка, самъ не зная за что, натиралъ себѣ колѣни и голодалъ по суткамъ. „Способности и дарованія—это все вздоръ!“ говаривалъ онъ: „я смотрю только на поведенье. Я поставлю полные баллы во всѣхъ наукахъ тому, кто ни аза не знаетъ, да ведетъ себя похвально; а въ комъ я вижу дурной духъ да насмѣшливость, я тому—нуль, хотя онъ Соломона заткни за поясъ!“ Такъ говорилъ учитель, не любившій на смерть Крылова за то, что онъ сказалъ: „По мнѣ ужъ лучше пей, да дѣло разумѣй“, и всегда разсказывавшій, съ наслажденіемъ въ лицѣ и въ глазахъ, какъ въ томъ училищѣ, гдѣ онъ преподавалъ прежде, такая была тишина, что слышно было, какъ муха летитъ, что ни одинъ изъ учениковъ въ теченіе круглаго года не кашлянулъ и не высморкался въ классѣ, и что до самаго звонка нельзя было узнать, былъ ли кто тамъ или нѣтъ. Чичиковъ вдругъ постигнулъ духъ начальника и въ чемъ должно состоять поведеніе. Не шевельнулъ онъ ни глазомъ, ни бровью во все время класса, какъ ни щипали его сзади; какъ только раздавался звонокъ, онъ бросался опрометью и подавалъ учителю прежде всѣхъ треухъ (учитель ходилъ въ треухѣ); подавши треухъ, онъ выходилъ первый изъ класса и старался ему попасться раза три на дорогѣ, безпрестанно снимая шапку. Дѣло имѣло совершенный успѣхъ. Во все время пребы-

ванія въ училищѣ былъ онъ на отличномъ счету и при выпускѣ получилъ полное удостоеніе во всѣхъ наукахъ, аттестатъ и книгу съ золотыми буквами: „за примѣрное прилежаніе и благонадежное поведеніе“. Вышедъ изъ училища, онъ очутился уже юношей довольно заманчивой наружности, съ подбородкомъ, потребовавшимъ бритвы. Въ это время умеръ его отецъ. Въ наслѣдствѣ оказались четыре заношенныя безвозвратно фуфайки, два старыхъ сюртука, подбитыхъ мерлушками, и незначительная сумма денегъ. Отецъ, какъ видно, былъ свѣдущъ только въ совѣтѣ копить копейку, а самъ накопилъ ея немного. Чичиковъ продалъ тутъ же ветхій дворишка съ ничтожной землицей за тысячу рублей, а семью людей перевелъ въ городъ, располагаясь основаться въ немъ и заняться службой. Въ это же время былъ выгнанъ изъ училища, за глупость или другую вину, бѣдный учитель, любитель тишины и похвальнаго поведенія. Учитель съ горя принялся пить; наконецъ, и пить уже было ему не на что; больной, безъ куска хлѣба и помощи, пропадалъ онъ гдѣ-то въ нетопленной, забытой конуркѣ. Бывшіе ученики его, умники и остряки, въ которыхъ ему мерещилась безпрестанно непокорность и заносчивое поведеніе, узнавши объ жалкомъ его положеніи, собрали тутъ же для него деньги, продавъ даже многое нужное; одинъ только Павлуша Чичиковъ отговорился неимѣніемъ и далъ какой-то пятакъ серебра, который тутъ же товарищи ему бросили, сказавши: „Эхъ ты, жила!“ Закрылъ лицо руками бѣдный учитель, когда услышалъ о такомъ поступкѣ бывшихъ учениковъ своихъ: слезы градомъ полились изъ погасавшихъ очей, какъ у безсильнаго дитяти. „При смерти на одрѣ привелъ Богъ заплакать“, произнесъ онъ слабымъ голосомъ и тяжело вздохнулъ, услышавъ о Чичиковѣ, прибавя тутъ же: „Эхъ, Павлуша! Вотъ какъ перемѣняется человѣкъ! Вѣдь какой былъ благонравный! ничего буйнаго—шелкъ! Надулъ, сильно надулъ“...

Столбовой дворянинъ—древняго рода, дворянство котораго прошло черезъ нѣсколько поколѣній. Что значитъ **столбовая дорога?**

Мерлушка—баранья шкурка.

Хлопанцы—туфли.

Послушествовать—собств. значитъ свидѣтельствовать, давать показанія. Не послушествуй на друга свидѣтельства ложна. Здѣсь вмѣсто „слушайся“.

Пропись, чаще во мн. ч.—1, образецъ для письма, для хорошаго почерка; 2, общеизвѣстныя нравоучительныя изреченія, встрѣчающіяся въ прописяхъ. Что значитъ: напишите число прописью.

Кавыка—крючокъ въ письмѣ, запятая. Въ томъ же знач. употребл. сл. **заковычка**. Что значитъ **кавычки**?

Мухортый—о лошади: гнѣдой, съ желтыми пятнами; о человѣкѣ: слабый, хилый, тощій, малорослый.

Бултыхать, бултыхнуть—съ шумомъ взбалтывать жидкость. Полѣзай за мной, да воду-то не больно бултыхай—услышатъ (Печерск.). Часто. какъ и здѣсь, употребл. въ знач. **бултыхаться**. Тутъ смотрите, господа, осторожнѣе черезъ мостъ, чтобы не бултыхнуться въ лужу (Гог. „Мертв. души"). Отсюда же сл. **бултыхъ**, какъ и **бухъ**, **брякъ**, **шлепъ**, **стукъ** и т. д. Какъ вылупился утенокъ, такъ и бултыхъ въ воду.

Запрудить, запруживать—1, плотиною удержать воду. 2, загораживать чѣмъ-либо рѣку, стѣснять правильное теченіе рѣки. Ручей тѣлами запрудили (Лерм.). 3, переполнять, заполнять чѣмъ-либо большимъ малое пространство. Какой-то полкъ, тѣснясь и спѣша, запрудилъ улицу, идя назадъ (Л. Толстой).

Дранье, дрань, дранка—лучина, употребляющаяся для покрытія крышъ или деревянныхъ стѣнъ передъ ихъ штукатуркой.

Повѣсничать—отъ сл. повѣса—шалунъ, шалопай, проказникъ. Онъ только повѣсничаетъ, а дѣла не дѣлаетъ.

Водиться съ кѣмъ—1, имѣть постоянныя сношенія, знакомство. Водиться съ добрыми людьми. 2, гдѣ, въ чемъ имѣться, находиться, жить. Въ водѣ лещи водились (Крыл.).—За ними водятся грѣшки.—*Въ тихомъ омутѣ черти водятся.* 3, размножаться. У нея куры не водятся. 4, въ безличн. формѣ: быть въ обычаѣ. Какъ водится, пошли догадки (Крыл.).

Опредѣлите различн. значенія сл. **прошибать**. Ему камнемъ голову прошибло.—Его ничѣмъ не прошибешь.—Меня ознобъ прошибаетъ, а его потъ прошибъ.

Приращеніе—приростъ, прибыль. Ежегодное приращеніе населенія.

Оборотливость—способность выгодно и ловко устраивать свои дѣла. Оборотливый парень. А что значитъ **оборотиться**, **оборачиваться**, **обернуться въ** переносн. см.? Дали на всѣ расходы рубль—оборачивайся какъ знаешь.

Спекуляція (франц. сл.)—денежное, торговое предпріятіе, оборотъ для наживы.

Раззадоривать, раззадорить—разжигать, возбудить страсть, охоту къ чему.

Острый—имѣетъ различн. значенія; опредѣлите ихъ по слѣд. выраженіямъ: Пила остра, не смычку сестра.—Жало остро, а языкъ острѣй того.—Острый умъ, острое словцо, острые глаза, острое зрѣніе острый слухъ. Острый уголъ. Острый вкусъ. сыръ. Что значитъ: Ты больно остёръ.—Держи ухо (в) остро.

Ненарокомъ—ненарочно, невзначай, случайно. Ненарокомъ въ лѣсъ пошолъ, невзначай топорище вырубилъ.

Заносчивость—свойство человѣка, мелочно и неумѣстно гордаго, много о себѣ думающаго.

Опрометь—бѣгъ сколько есть силы, во весь духъ, сломя голову. Чаще употребл. какъ нарѣчіе **опрометью**.

Треухъ—теплая шапка съ тремя опускными частями, съ ушами и задникомъ.

Опредѣлите различныя значенія сл. **пропадать**. Куда моя шапка пропала?—За нимъ много денегъ пропадаетъ.—Три дня купеческая дочь Наташа пропадала (Пушк.).—Цвѣты всѣ пропали отъ зноя.—Мало ли добра на свѣтѣ пропадаетъ.—Я тутъ совсѣмъ пропаду безъ тебя.—Гдѣ наше не пропадало!—*Что съ возу упало, то пропало. Пропалъ, какъ шведъ подъ Полтавой.*

Мерещиться—казаться, видѣться, не ясно представляться.—Въ глазахъ мерещится.—Голодному хлѣбъ мерещится.

Отговориться—отказываться подъ какимъ-нибудь предлогомъ. Отъ слѵжбы не отговаривайся, на службу не напрашивайся (Пушк. „Кап. д."). Отсюда **отговорка**—пустой предлогъ. А что значитъ: **заговориться, уговориться, наговориться**?

Назовите различныя буквальныя значенія сл. **жила**; здѣсь оно употреблено въ переносномъ знач. и обозначаетъ: прижимистый человѣкъ, скряга, охотникъ въ игрѣ или спорѣ присвоить себѣ, зажилить. Вѣдь ужъ ты жила извѣстный: самъ норовишь на грошъ пятаковъ купить (Островск.).—Нечего отлынивать-то!.. Жила ты этакой!.. Бѣдныхъ людей обирать! (Печерск.).

*

17. Учитель Мейеръ.

Изъ романа *А. Шеллера-Михайлова* „Нилыя болота".

Мейеръ родился бѣднякомъ, воспитывался въ Германіи и кончилъ курсъ наукъ въ одномъ изъ тамошнихъ университетовъ. Первымъ ученикомъ онъ нигдѣ не былъ, неспособнымъ его считали вездѣ, товарищи подшучивали надъ нимъ, и между тѣмъ что-то непреодолимо тянуло къ нему всѣхъ людей. Это что-то притягивающее проявлялось во всемъ его существѣ; но что это было—объяснить не было возможности. Къ нему приходили за совѣтами, просили его быть посредникомъ между повздорившими друзьями, желали слышать его мнѣніе о дѣятельности разныхъ людей, хотя знали, что онъ былъ однимъ изъ непрактичнѣйшихъ существъ въ мірѣ. Двадцати лѣтъ онъ сдѣлался учителемъ математики и женился по любви. Черезъ годъ послѣ свадьбы у него родился сынъ, но его рожденіе стоило женѣ Мейера жизни. Мейеръ, почти юноша, остался съ грудным младенцемъ на рукахъ, но не тяготился ничѣмъ. Сынъ росъ и учился отлично, во всѣхъ классахъ онъ былъ первымъ; настало время послѣднихъ экзаменовъ, мальчикъ сдалъ ихъ блистательно, и вдругъ занемогъ горячкою: черезъ недѣлю его не стало. Мейеръ чуть не сошелъ съ ума. Мало-по-малу, онъ успокоился и, въ качествѣ домашняго учителя, уѣхалъ съ семействомъ одного барина въ Россію, черезъ три года онъ поступилъ учителемъ въ N-скую школу. Онъ любилъ всѣхъ и все, ему рѣдко платили благодарностью за любовь и смѣялись надъ нимъ всѣ: „смѣшонъ, какъ Мейеръ", было школьною поговоркой; но стоило Мейеру сказать, что онъ хочетъ оставить школу, и всѣ вдругъ начинали его упрашивать остаться: безъ Мейера школа была бы не полна. Онъ вѣчно рылся въ библіотекѣ, читалъ всѣ педагогическія книги и писалъ проекты воспитанія дѣтей; проекты выходили крайне гу-

манны и честны, но совершенно непрактичны: въ людяхъ Мейеръ видѣлъ какихъ-то свѣтлыхъ духовъ. Послѣ паденія каждаго проекта онъ приходилъ въ классъ необычайно грустнымъ.

— Что вы скучны, г. Мейеръ?—спрашивали его ученики.

— Мой проектъ о вашемъ счастьи не удался, я его писалъ съ такая любовь, такъ хотѣлъ вамъ изученія наукъ облегчать, и онъ палъ!—отвѣчалъ Мейеръ и вечеромъ душилъ пансіонеровъ чтеніемъ извлеченій изъ проектовъ.

Ученики такъ привыкли къ этому, что, наконецъ, прямо спрашивали Мейера, если онъ былъ грустенъ:

— Что, г. Мейеръ, вѣрно вашъ проектъ палъ?

— Палъ!—качая въ раздумьѣ головою, отвѣчалъ старикъ; виноватъ! я хотѣлъ сказать: старое дитя.

Только однажды ученики ошиблись; на ихъ обычный вопросъ учитель отвѣчалъ:

— Нѣтъ, я еще не имѣлъ шесть представлять высокой конференціи свой проектъ, но моя канарейка улетѣлъ!..

И у Мейера навернулись на глаза слезы. Онъ страстно любилъ птицъ. Въ этотъ разъ впервые высказалась вполнѣ любовь учениковъ къ учителю. Они, какъ одинъ человѣкъ, рѣшили единогласно, что надо купить Мейеру новую канарейку, и на другой день у него разомъ появилось пять штукъ канареекъ. Не мало было смѣху при видѣ его радости. Онъ переходилъ отъ одной птички къ другой, слушалъ ихъ пѣніе, разговаривалъ съ ними на разныхъ языкахъ. „А твой вѣрно не знайтъ по-нѣмецки, я съ тобой будетъ по-русски объясняйтся“, говорилъ онъ, и, наконецъ, сказалъ ученикамъ:

— Сегодня мой самый сшасливый день. Сегодня я херой!

Это слово вызвало всеобщій смѣхъ, и Мейеръ навсегда получилъ названіе героя. Но съ этого дня онъ совсѣмъ пересталъ оскорбляться насмѣшками и еще болѣе полюбилъ дѣтей-учениковъ. Часто отстаивалъ онъ насъ своею грудью... Даже паденіе его проектовъ дѣйствовало на него менѣе грустно, чѣмъ прежде.

— Когда-нибудь мои проекты примутъ,—говорилъ онъ:—и я буду сшасливъ.

Тяготиться—почитать что за тяжесть, за трудъ для себя. Онъ тяготится своей работой.—Больной тяготится жизнью (желалъ бы умереть). Опредѣлите значеніе, назвавъ соотвѣтствующіе примѣры, слѣд. словъ: **тягость, тягостный, тяжба, тяжесть, тяготѣть, тяжкій.**

Гуманный—человѣколюбивый, милосердый.

Душить—1, давить за горло. 2, затруднять дыханіе. Меня душитъ кашель. Задушить въ объятіяхъ. 3, надоѣдать, мучить. Душить кого работой. 4, прожаривать, парить въ горячемъ воздухѣ: душить мясо въ духовой печкѣ.

Конференція – собраніе для обсужденія какихъ-либо вопросовъ, напр. въ учебныхъ заведеніяхъ.

Отстаивать, отстоять—1, простоять, выстоять извѣстный срокъ. Мы отстояли обѣдню. 2, защищать, оборонять, не давать въ обиду. Два дома сгорѣли, третій отстояли. 3, дать жидкости отстояться, осѣсться, дать осадку. Конопляное масло отстаиваютъ и сливаютъ. 4, быть въ разстояніи. Наше имѣніе отстоитъ отъ станціи въ десяти верстахъ. 5, отстоять ноги такъ же, какъ отсидѣть, отлежать.

*

18. Сонъ Обломова.

Изъ романа *И. Гончарова* „Обломовъ“.

Илья Ильичъ проснулся утромъ въ своей маленькой постелькѣ. Ему только семь лѣтъ. Ему легко, весело. Какой онъ хорошенькій, красненькій, полный! Щечки такія кругленькія, что иной шалунъ надуется нарочно, а такихъ не сдѣлаетъ. Няня ждетъ его пробужденія. Она начинаетъ натягивать ему чулочки; онъ не дается, шалитъ, болтаетъ ногами; няня ловитъ его, и оба они хохочутъ. Наконецъ, удалось ей поднять его на ноги; она умываетъ его, причесываетъ головку и ведетъ къ матери. Обломовъ, увидѣвъ давно умершую мать, и во снѣ затрепеталъ отъ радости, отъ жаркой любви къ ней: у него, у соннаго, медленно выплыли изъ-подъ рѣсницъ и стали неподвижно двѣ теплыя слезы. Мать осыпала его страстными поцѣлуями, потомъ осмотрѣла его жадными, заботливыми глазами, не мутны ли глазки; спросила, не болитъ ли что-нибудь; разспросила няньку, покойно ли онъ спалъ, не просыпался ли ночью, не метался ли во снѣ, не было ли у него жару; потомъ взяла его за руку и подвела его къ образу. Тамъ, ставъ на колѣни и обнявъ его одной рукой, подсказывала она ему слова молитвы. Мальчикъ разсѣянно повторялъ ихъ, глядя въ окно, откуда лилась въ комнату прохлада и запахъ сирени.—Мы, маменька, сегодня пойдемъ гулять? вдругъ спрашивалъ онъ среди молитвы.—Пойдемъ, душенька, торопливо говорила она, не отводя отъ иконы глазъ и спѣша договорить святыя слова. Мальчикъ вяло повторялъ ихъ, но мать влагала въ нихъ всю свою душу. Потомъ шли къ отцу, потомъ къ чаю. Около чайнаго стола Обломовъ увидалъ живущую у нихъ престарѣлую тетку, восьмидесяти лѣтъ, безпрерывно вор-

чавшую на свою дѣвчонку, которая, тряся отъ старости головою, прислуживала ей, стоя за ея стуломъ. Тамъ и три пожилыя дѣвушки, дальнія родственницы отца его, и немного помѣшанный деверь его матери, и помѣщикъ семи душъ Чекменевъ, гостившій у нихъ, и еще какія-то старушки и старики. Весь этотъ штатъ и свита дома Обломова подхватили Илью Ильича и начали осыпать его ласками и похвалами; онъ едва успѣвалъ утирать слѣды непрошеныхъ поцѣлуевъ. Послѣ того начиналось кормленіе его булочками, сухариками, сливочками. Потомъ мать, приласкавъ его еще, отпускала гулять въ садъ, по двору, на лугъ, съ строгимъ подтвержденіемъ нянькѣ не оставлять ребенка одного, не допускать къ лошадямъ, къ собакамъ, къ козлу, не уходить далеко отъ дома, а главное не пускать его въ оврагъ, какъ самое страшное мѣсто въ околоткѣ, пользовавшееся дурною репутаціею. Тамъ нашли однажды собаку, признанную бѣшеною потому только, что она бросилась отъ людей прочь, когда на нее бросились съ вилами и топорами, исчезла гдѣ-то за горой; въ оврагъ свозили падаль; въ оврагѣ предполагались и разбойники, и волки, и разныя другія существа, которыхъ или въ томъ краю, или совсѣмъ на свѣтѣ не было.

Ребенокъ не дождался предостереженій матери: онъ ужъ давно на дворѣ. Онъ съ радостнымъ изумленіемъ, какъ будто въ первый разъ, осмотрѣлъ и обѣжалъ кругомъ родительскій домъ, съ покривившимися на бокъ воротами, съ сѣвшей на серединѣ деревянной кровлей, на которой росъ нѣжный зеленый мохъ, съ шатающимся крыльцомъ, разными пристройками и надстройками и съ запущеннымъ садомъ. Ему страхъ хочется взбѣжать на огибавшую весь домъ висячую галлерею, чтобы посмотрѣть оттуда на рѣчку; но галлерея ветха, чуть-чуть держится, и по ней дозволяется ходить только „людямъ“, а господа не ходятъ. Онъ не внималъ запрещеніямъ матери и уже направился было къ соблазнительнымъ ступенямъ, но на крыльцѣ показалась няня и кое-какъ поймала его. Онъ бросился отъ нея къ сѣновалу, съ намѣреніемъ взобраться туда по крутой лѣстницѣ, и едва она поспѣвала дойти до сѣновала, какъ уже надо было спѣшить разрушать его замыслы влѣзть на голубятню, проникнуть на скотный дворъ и, чего Боже сохрани, въ оврагъ.— Ахъ ты, Господи, что за ребенокъ, за юла такая! Да посидишь ли ты смирно, сударь? Стыдно! говорила нянька.

И цѣлый день и всѣ дни и ночи няни наполнены были суматохой, бѣготней: то пыткой, то живой радостью за ребенка, то

страхомъ, что онъ упадетъ и расшибетъ носъ, то умиленіемъ отъ его непритворной дѣтской ласки, или смутной тоской за отдаленную его будущность. Этимъ только и билось сердце ея, этими волненіями подогрѣвалась кровь старухи, и поддерживалась кое-какъ ими сонная жизнь ея, которая безъ того, можетъ-быть, угасла бы давнымъ-давно.

Не все рѣзовъ однакожъ ребенокъ: онъ иногда вдругъ присмиритъ, сидя подлѣ няни, и смотритъ на все такъ пристально. Дѣтскій умъ его наблюдаетъ всѣ совершающіяся передъ нимъ явленія; они западаютъ глубоко въ душу его, потомъ растутъ и зрѣютъ вмѣстѣ съ нимъ.

Утро великолѣпное; въ воздухѣ прохладно; солнце еще невысоко. Отъ дома, отъ деревьевъ, и отъ голубятни, и отъ галлереи, отъ всего побѣжали далеко длинныя тѣни. Въ саду и на дворѣ образовались прохладные уголки, манящіе къ задумчивости и сну. Только вдали поле съ рожью точно горитъ огнемъ, да рѣчка такъ блеститъ и сверкаетъ на солнцѣ, что глазамъ больно.—Отчего это, няня, тутъ темно, а тамъ свѣтло, а ужо будетъ и тамъ свѣтло? спрашивалъ ребенокъ.—Оттого, батюшка, что солнце идетъ навстрѣчу мѣсяцу и не видитъ его, такъ и хмурится; а ужо какъ завидитъ издали, такъ и просвѣтлѣетъ.

Задумывается ребенокъ и все смотритъ вокругъ: видитъ онъ, какъ Антипъ поѣхалъ за водой, а по землѣ, рядомъ съ нимъ, шелъ другой Антипъ, вдесятеро больше настоящаго, и бочка казалась съ домъ величиной, а тѣнь лошади покрыла собой весь лугъ; тѣнь шагнула только два раза по лугу и вдругъ двинулась за гору, а Антипъ еще и со двора не успѣлъ съѣхать. Ребенокъ тоже шагнулъ раза два, еще шагъ—и онъ уйдетъ за гору. Ему хотѣлось бы къ горѣ посмотрѣть, куда дѣлась лошадь. Онъ къ воротамъ, но изъ окна послышался голосъ матери:—Няня! не видишь, что ребенокъ выбѣжалъ на солнышко! уведи его въ холодокъ; напечетъ ему головку,—будетъ болѣть, тошно сдѣлается, кушать не станетъ. Онъ этакъ у тебя въ оврагъ уйдетъ. „У! баловень!“ тихо ворчитъ нянька, утаскивая его на крыльцо. Смотритъ ребенокъ и наблюдаетъ острымъ и переимчивымъ взглядомъ, какъ и что дѣлаютъ взрослые, чему посвящаютъ они утро. Ни одна мелочь, ни одна черта не ускользаетъ отъ пытливаго вниманія ребенка; неизгладимо врѣзывается въ душу картина домашняго быта; напитывается мягкій

умъ живыми примѣрами и безсознательно чертитъ программу своей жизни по жизни, его окружающей.

Нельзя сказать, чтобъ утро пропадало даромъ въ домѣ Обломовыхъ. Стукъ ножей, рубившихъ котлеты и зелень въ кухнѣ, долеталъ даже до деревни. Изъ людской слышалось шипѣнье веретена да тихій, тоненькій голосъ бабы: трудно было распознать, плачетъ ли она, или импровизируетъ заунывную пѣсню безъ словъ... На дворѣ, какъ только Антипъ воротился съ бочкой, изъ разныхъ угловъ поползли къ ней съ ведрами, корытами и кувшинами бабы, кучера. А тамъ старуха пронесетъ изъ амбара въ кухню чашку съ мукой да кучу яицъ; тамъ поваръ вдругъ выплеснетъ воду изъ окошка и обольетъ Арапку, которая цѣлое утро, не сводя глазъ, смотритъ въ окно, ласково виляя хвостомъ и облизываясь.

Самъ Обломовъ-старикъ тоже не безъ занятій. Онъ цѣлое утро сидитъ у окна и неукоснительно наблюдаетъ за всѣмъ, что дѣлается на дворѣ.—Эй, Игнашка! что несешь, дуракъ? спроситъ онъ идущаго по двору человѣка.—Несу ножи точить въ людскую, отвѣчалъ тотъ, не взглянувъ на барина.—Ну, неси, неси! да хорошенько, смотри, наточи!—Потомъ остановитъ бабу:—Эй, баба, баба! куда ходила?—Въ погребъ, батюшка, говорила она останавливаясь и, прикрывъ глаза рукой, глядѣла на окно:—молока къ столу достать.—Ну, иди, иди! отвѣчалъ баринъ: да смотри, не пролей молоко-то. А ты, Захарка, пострѣленокъ, куда опять бѣжишь? кричалъ потомъ: — вотъ я тебѣ дамъ бѣгать. Ужъ я вижу, что ты это въ третій разъ бѣжишь. Пошелъ назадъ въ прихожую! И Захарка шелъ опять дремать въ прихожую. Придутъ ли коровы съ поля, старикъ первый позаботится, чтобъ ихъ напоили; завидитъ ли изъ окна, что дворняжка преслѣдуетъ курицу, тотчасъ приметъ строгія мѣры противъ безпорядковъ.

И жена его сильно занята: она часа три толкуетъ съ Аверкой, портнымъ, какъ изъ мужниной фуфайки перешить Илюшѣ курточку, сама рисуетъ мѣломъ и наблюдаетъ, чтобъ Аверка не укралъ сукна; потомъ перейдетъ въ дѣвичью, задастъ каждой дѣвкѣ, сколько сплести въ день кружевъ; потомъ позоветъ съ собою Настасью Ивановну, или Степаниду Агаповну, или другую изъ своей свиты погулять по саду съ практической цѣлью: посмотрѣть, какъ наливается яблоко, не упало ли вчерашнее, которое ужъ созрѣло; тамъ привить, тамъ подрѣзать и т. п. Но главною заботою была кухня и обѣдъ. Объ обѣдѣ совѣщались цѣлымъ домомъ; и престарѣлая тетка приглашалась къ совѣту. Всякій предлагалъ свое блюдо: кто супъ съ потрохами, кто лапшу или желудокъ, кто рубцы,

кто красную, кто бѣлую подливку къ соусу. Всякій совѣтъ принимался въ соображеніе, обсуживался обстоятельно и потомъ принимался или отвергался по окончательному приговору хозяйки. На кухню посылались безпрестанно то Настасья Петровна, то Степанида Ивановна напомнить о томъ, прибавить это или отмѣнить то, отнести сахару, меду, вина для кушанья и посмотрѣть, все ли положитъ поваръ, что отпущено.

Забота о пищѣ была первая и главная жизненная забота въ Обломовкѣ. Какіе телята утучнялись тамъ къ годовымъ праздникамъ! Какая птица воспитывалась! Сколько тонкихъ соображеній, сколько занятій и заботъ въ ухаживаніи за нею! Индѣйки и цыплята, назначаемые къ именинамъ и другимъ торжественнымъ днямъ, откармливались орѣхами; гусей лишали моціона, заставляли висѣть въ мѣшкѣ неподвижно за нѣсколько дней до праздника, чтобъ они заплыли жиромъ. Какіе запасы были тамъ вареній, соленій, печеній! Какіе меды, какіе квасы варились, какіе пироги пеклись въ Обломовкѣ!

И такъ до полудни все суетилось и заботилось, все жило такою полною муравьиною, такою замѣтною жизнью. Въ воскресенье и въ праздничные дни тоже не унимались эти трудолюбивые муравьи: тогда стукъ ножей на кухнѣ раздавался чаще и сильнѣе; баба совершала нѣсколько разъ путешествіе изъ амбара въ кухню съ двойнымъ количествомъ муки и яицъ; на птичьемъ дворѣ было болѣе стоновъ и кровопролитій. Пекли исполинскій пирогъ, который сами господа ѣли еще на другой день; на третій и четвертый день остатки поступали въ дѣвичью; пирогъ доживалъ до пятницы, такъ что одинъ совсѣмъ черствый конецъ, безъ всякой начинки, доставался, въ видѣ особой милости, Антипу, который, перекрестясь, съ трескомъ неустрашимо разрушалъ эту любопытную окаменѣлость, наслаждаясь болѣе сознаніемъ, что это господскій пирогъ, нежели самымъ пирогомъ, какъ археологъ, съ наслажденіемъ пьющій дрянное вино изъ черепка какой-нибудь тысячелѣтней посуды.

А ребенокъ все смотрѣлъ и все наблюдалъ своимъ дѣтскимъ, ничего не пропускающимъ умомъ. Онъ видѣлъ, какъ, послѣ полезно и хлопотливо проведеннаго утра, наставалъ полдень и обѣдъ. Полдень знойный; на небѣ ни облачка. Солнце стоитъ неподвижно надъ головой и жжетъ траву. Воздухъ пересталъ струиться и виситъ безъ движенія. Ни дерево, ни вода не шелохнутся; надъ деревней и полемъ лежитъ невозмутимая тишина—все какъ будто вымерло.

Звонко и далеко раздается человѣческій голосъ въ пустотѣ. Въ двадцати саженяхъ слышно, какъ пролетитъ и прожужжитъ жукъ, да въ густой травѣ кто-то все храпитъ, какъ будто кто-нибудь завалился туда и спитъ сладкимъ сномъ.

И въ домѣ воцарилась мертвая тишина. Наступилъ часъ всеобщаго послѣобѣденнаго сна. Ребенокъ видитъ, что и отецъ, и мать, и старая тетка, и свита—всѣ разбрелись по своимъ угламъ; а у кого не было его, тотъ шелъ на сѣновалъ, другой въ садъ, третій искалъ прохлады въ сѣняхъ, а иной, прикрывъ лицо платкомъ отъ мухъ, засыпалъ тамъ, гдѣ сморила его жара и повалилъ громоздкій обѣдъ. И садовникъ растянулся подъ кустомъ въ саду, подлѣ своей пашни, и кучеръ спалъ на конюшнѣ. Илья Ильичъ заглянулъ въ людскую: въ людской всѣ легли въ повалку, по лавкамъ, по полу и въ сѣняхъ, предоставивъ ребятишекъ самимъ себѣ; ребятишки ползаютъ по двору и роются въ пескѣ. И собаки далеко залѣзли въ конуры: благо не на кого было лаять. Можно было пройти по всему дому насквозь и не встрѣтить ни души; легко было обокрасть все кругомъ и свезти со двора на подводахъ: никто не помѣшалъ бы, если бъ только водились воры въ томъ краю. Это былъ какой-то всепоглощающій, ничѣмъ непобѣдимый сонъ, истинное подобіе смерти. Все мертво; только изъ всѣхъ угловъ несется разнообразное храпѣнье на всѣ тоны и лады. Изрѣдка кто-нибудь вдругъ подниметъ со сна голову, посмотритъ безсмысленно, съ удивленіемъ, на обѣ стороны и перевернется на другой бокъ или, не открывая глазъ, плюнетъ спросонья и, почавкавъ губами или поворчавъ что-то подъ носъ себѣ, опять заснетъ. А другой быстро, безъ всякихъ предварительныхъ приготовленій, вскочитъ обѣими ногами съ своего ложа, какъ будто боясь потерять драгоцѣнныя минуты, схватитъ кружку съ квасомъ и, подувъ на плавающихъ тамъ мухъ, такъ чтобъ ихъ отнесло къ другому краю, отчего мухи, до тѣхъ поръ неподвижныя, сильно начинаютъ шевелиться, въ надеждѣ на улучшеніе своего положенія, промочитъ горло и потомъ падаетъ на постель какъ подстрѣленный.

А ребенокъ все наблюдалъ да наблюдалъ. Онъ съ няней послѣ обѣда опять выходилъ на воздухъ. Но и няня, несмотря на всю строгость наказовъ барыни и на свою собственную волю, не могла противиться обаянію сна. Она тоже заражалась этой господствовавшей въ Обломовкѣ повальной болѣзнью. Сначала она бодро

смотрѣла за ребенкомъ, не пускала далеко отъ себя, строго ворчала за рѣзвость, потомъ, чувствуя симптомы приближавшейся заразы, начинала упрашивать не ходить за ворота, не затрогивать козла, не лазить на голубятню. Сама она усаживалась гдѣ-

нибудь въ холодкѣ: на крыльцѣ, на порогѣ погреба или просто на травкѣ, повидимому, съ тѣмъ, чтобы вязать чулокъ и смотрѣть за ребенкомъ. Но вскорѣ она лѣниво унимала его, кивая головой. „Влѣзетъ, ахъ, того и гляди, влѣзетъ эта юла на галлерею“, думала она почти сквозь сонъ: „или еще... какъ бы въ оврагъ...“ Тутъ голова старухи клонилась къ колѣнямъ, чулокъ выпадалъ изъ рукъ; она теряла изъ виду ребенка и, открывъ немного ротъ, испускала легкое храпѣнье. А онъ съ нетерпѣніемъ дожидался этого мгновенія, съ которымъ начиналась его самостоятельная жизнь.

Онъ былъ какъ будто одинъ въ цѣломъ мірѣ; онъ на цыпочкахъ убѣгалъ отъ няни, осматривалъ всѣхъ, кто гдѣ спитъ; остановится и смотритъ пристально, какъ кто очнется, плюнетъ и промычитъ что-то во снѣ; потомъ, съ замирающимъ сердцемъ, взбѣгалъ на галлерею, обѣгалъ по скрипучимъ доскамъ кругомъ, лазилъ на голубятню, забирался въ глушь сада, слушалъ, какъ жужжитъ жукъ, и далеко слѣдилъ глазами его полетъ въ воздухѣ; прислушивался, какъ кто-то все стрекочетъ въ травѣ, искалъ и ловилъ нарушителей этой тишины; поймаетъ стрекозу, оторветъ ей крылья и смотритъ, что изъ нея будетъ, или проткнетъ сквозь нее соломинку и слѣдитъ, какъ она летаетъ съ этимъ прибавленіемъ; съ наслажденіемъ, боясь дохнуть, наблюдаетъ за паукомъ, какъ онъ сосетъ кровь пойманной мухи, какъ бѣдная жертва бьется и жужжитъ у него въ лапахъ. Ребенокъ кончитъ тѣмъ, что убьетъ и жертву, и мучителя. Потомъ онъ заберется въ канаву: роется, отыскиваетъ какіе-то корешки, очищаетъ отъ коры и ѣстъ всласть, предпочитая яблокамъ и варенью, которыя даетъ маменька. Онъ выбѣжитъ и за ворота; ему бы хотѣлось въ березнякъ: онъ такъ близко кажется ему, что вотъ онъ въ пять минутъ добрался бы до него, не кругомъ, по дорогѣ, а прямо черезъ канаву, плетни и ямы; но онъ боится: тамъ, говорятъ, и лѣшіе, и разбойники, и страшные звѣри. Хочется ему и въ оврагъ сбѣгать: онъ всего саженяхъ въ пятидесяти отъ сада; ребенокъ ужъ прибѣгалъ къ краю, зажмурилъ глаза, хотѣлъ заглянуть, какъ въ кратеръ вулкана... но вдругъ передъ нимъ возстали всѣ толки и преданія объ этомъ оврагѣ: его обуялъ ужасъ, и онъ, ни живъ, ни мертвъ, мчится назадъ и, дрожа отъ страха, бросился къ нянькѣ и разбудилъ старуху. Она вспрянула отъ сна, поправила платокъ на головѣ, подобрала подъ него пальцемъ клочки сѣдыхъ волосъ и,

притворяясь, что будто не спала совсѣмъ, подозрительно поглядываетъ на Илюшу, потомъ на барскія окна и начинаетъ дрожащими пальцами тыкать одну въ другую спицы чулка, лежавшаго у нея на колѣняхъ.

Между тѣмъ жара начала понемногу спадать; въ природѣ стало все поживѣе; солнце уже подвинулось къ лѣсу. И въ домѣ мало-по-малу нарушалась тишина: въ одномъ углу гдѣ-то скрипнула дверь; послышались по двору чьи-то шаги; на сѣновалѣ кто-то чихнулъ. Вскорѣ изъ кухни торопливо пронесъ человѣкъ, нагибаясь отъ тяжести, огромный самоваръ. Начали собираться къ чаю: у кого лицо измято и глаза заплыли слезами; тотъ належалъ себѣ красное пятно на щекѣ и вискахъ; третій говоритъ со сна не своимъ голосомъ. Все это сопитъ, охаетъ, зѣваетъ, почесываетъ голову и разминается, едва приходя въ себя. Обѣдъ и сонъ рождали неутолимую жажду. Жажда палила горло: выпивается чашекъ по двѣнадцати чаю, но это не помогаетъ; слышится оханье, стенанье; прибѣгаютъ къ брусничной, къ грушевой водѣ, къ квасу, а иные и къ врачебному пособію, чтобъ только залить засуху въ горлѣ. Всѣ искали освобожденія отъ жажды, какъ отъ какого-нибудь наказанія Господня; всѣ мечутся, всѣ томятся, точно караванъ путешественниковъ въ Аравійской степи, не находящій нигдѣ ключа воды.

Ребенокъ тутъ, подлѣ маменьки: онъ вглядывается въ странныя окружающія его лица, вслушивается въ ихъ сонный и вялый разговоръ. Весело ему смотрѣть на нихъ, любопытенъ кажется ему всякій сказанный ими вздоръ. Послѣ чая всѣ займутся чѣмъ-нибудь: кто пойдетъ къ рѣчкѣ и тихо бродитъ по берегу, толкая ногой камешки въ воду; другой сядетъ къ окну и ловитъ глазами каждое мимолетное явленіе: пробѣжитъ ли кошка по двору, пролетитъ ли галка, наблюдатель и ту и другую преслѣдуетъ взглядомъ и кончикомъ своего носа, поворачивая голову то направо, то налѣво. Такъ иногда собаки любятъ сидѣть по цѣлымъ днямъ на окнѣ, подставляя голову подъ солнышко и тщательно оглядывая всякаго прохожаго. Мать возьметъ голову Илюши, положитъ къ себѣ на колѣни и медленно расчесываетъ ему волосы, любуясь мягкостью ихъ и заставляя любоваться и Настасью Ивановну и Степаниду Тихоновну, и разговариваетъ съ ними о будущности Илюши, ставитъ его героемъ какой-нибудь созданной ею блистательной эпопеи. Тѣ сулятъ ему золотыя горы.

Но вотъ начинаетъ смеркаться. На кухнѣ опять трещитъ огонь, опять раздается дробный стукъ ножей: готовится ужинъ. Дворня собралась у воротъ: тамъ слышится балалайка, хохотъ. Люди играютъ въ горѣлки. А солнце ужъ опускалось за лѣсъ; оно бросало нѣсколько чуть-чуть теплыхъ лучей, которые прорѣзывались огненной полосой черезъ весь лѣсъ, ярко обливая золотомъ верхушки сосенъ. Потомъ лучи гасли одинъ за другимъ; послѣдній лучъ оставался долго; онъ, какъ тонкая игла, вонзился въ чащу вѣтвей; но и тотъ потухъ. Предметы теряли свою форму: все сливалось сначала въ сѣрую, потомъ въ темную массу. Пѣніе птицъ постепенно ослабѣвало; вскорѣ онѣ совсѣмъ замолкли кромѣ одной какой-то упрямой, которая, будто наперекоръ всѣмъ, среди общей тишины, одна монотонно чирикала съ промежутками, но все рѣже и рѣже, и та наконецъ свистнула слабо, незвучно, въ послѣдній разъ, встрепенулась, слегка пошевеливъ листья вокругъ себя... и заснула. Все смолкло. Одни кузнечики взапуски трещали сильнѣе. Изъ земли поднялись бѣлые пары и разостлались по лугу и по рѣкѣ. Рѣка тоже присмирѣла; немного погодя, и въ ней вдругъ кто-то плеснулъ еще въ послѣдній разъ, и она стала неподвижна. Запахло сыростью. Становилось все темнѣе и темнѣе. Деревья сгруппировались въ какихъ-то чудовищъ; въ лѣсу стало страшно: тамъ кто-то вдругъ заскрипитъ, точно одно изъ чудовищъ переходитъ со своего мѣста на другое, и сухой сучокъ, кажется, хруститъ подъ его ногой. На небѣ ярко сверкнула, какъ живой глазъ, первая звѣздочка, и въ окнахъ дома замелькали огоньки.

Настали минуты всеобщей, торжественной тишины природы, тѣ минуты, когда сильнѣе работаетъ творческій умъ, жарче кипятъ поэтическія думы, когда въ сердцѣ живѣе вспыхиваетъ страсть, или больнѣе ноетъ тоска, когда въ жестокой душѣ невозмутимѣе и сильнѣе зрѣетъ зерно преступной мысли, и когда... въ Обломовкѣ всѣ почиваютъ такъ крѣпко и спокойно.—Пойдемъ, мама, гулять, говоритъ Илюша.—Что ты, Богъ съ тобой! теперь гулять! отвѣчаетъ она:—сыро, ножки простудишь, и страшно: въ лѣсу теперь лѣшій ходитъ; онъ уноситъ маленькихъ дѣтей.—Куда онъ уноситъ? какой онъ бываетъ? гдѣ живетъ? спрашиваетъ ребенокъ.

И мать давала волю своей необузданной фантазіи. Ребенокъ слушалъ ее, открывая и закрывая глаза, пока наконецъ сонъ не

сморитъ его совсѣмъ. Приходила нянька и, взявъ его съ колѣней матери, уносила соннаго, съ повисшей черезъ ея плечо головой, въ постель.—Вотъ день-то и прошелъ, и славу Богу! говорили обломовцы, ложась въ постель, кряхтя и осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ:—прожили благополучно; дай Богъ и завтра такъ! Слава Тебѣ, Господи! Слава Тебѣ, Господи!

Натягивать, натянуть—употребл. въ двоякомъ значеніи: натянуть веревку потуже; натягивать лукъ; насилу натянулъ сапоги. Въ переносн. знач.: Натянуть кому носъ.—Натянутое сравненіе.

Околотокъ—окрестное селеніе. А въ полицейскомъ значеніи? (то же, что прежде кварталъ; **околоточный** — квартальный).

Репутація (франц. сл.)—ходячее мнѣніе о комъ-либо, хорошая или дурная слава. Хороши наши ребята, только славушка худа (народн. пѣсня).

Замыселъ—намѣреніе, планъ, задуманное предпріятіе. Между тѣмъ въ головѣ тетушки созрѣлъ совершенно новый замыселъ... (Гог.). А что значитъ: **замысловатый, умыселъ?**

Юла—непосѣда, кто юлитъ, т. е. не сидитъ смирно, безпокойно вертится, егозитъ.

Умиленіе—состояніе растроганности.

Непритворный—искренній, идущій отъ сердца. Непритворная радость.

Переимчивый—способный перенимать, подражать. Назовите другіе примѣры словъ съ оконч. **имчивый** (вспомните изъ I части „**неистомчивый**").

Импровизировать — говорить стихи, рѣчь или пѣть и играть на инструментѣ безъ приготовленія. Импровизаторъ вдругъ шагнулъ впередъ, сложилъ крестомъ руки на груди... музыканты умолкли... импровизація началась. (Пушк.).

Неукоснительно (отъ сл. укоснить, знач. медлить, опоздать)—безъ замедленія не пропуская, точно, строго слѣдуя за чѣмъ-нибудь.

Пострѣленокъ, пострѣлъ—непосѣда, шалунъ, сорванецъ. Нашъ пострѣлъ вездѣ поспѣлъ.

Моціонъ—движеніе, предпринимаемое для сохраненія здоровья.

Заплыть, заплывать—1, плывя заходить куда-нибудь: По рѣчушкѣ утенушка плавала, по быстрой сѣрая гуляла; впередъ ея селезень заплывалъ, въ глазушки утенушкѣ зазиралъ (нар. пѣсня). 2, засариваться, наполняться чѣмъ; см. выше на стр. 49: У кого лицо измято и глаза заплыли слезами.—Прудъ заплылъ. 3, сильно жирѣть. Отъ роскоши и нѣги заплылъ жиромъ (Крыл).—*Дѣло-то забывчиво, а тѣло-то заплывчиво.*

Окаменѣлость—предметъ, обратившійся въ камень.

Археологъ (греч. сл.)—изслѣдователь древностей.

Свита (франц. сл.)—окружающіе, приближенные при государѣ, а также при знатной или богатой особѣ. Убѣжалъ смотритель! Оробѣлъ и убѣжалъ и со всею свитой... (Некрас.).

Симптомъ (греч. сл.)—внѣшній признакъ.

Разминаться, размяться—1, разойтись, разъѣхаться. Съѣхались и насилу разминулись. 2, разойтись, не застать другъ друга. Мы съ нимъ разминулись: я къ нему поѣхалъ, а онъ ко мнѣ. 3, расправить члены отъ усталости.

Эпопея (греч. сл.)—героическая поэма, разсказъ о какомъ-нибудь героѣ и его похожденіяхъ.

*

19. Ученье Илюши Обломова.

Изъ романа *И. Гончарова* „Обломовъ“.

Иванъ Александровичъ Гончаровъ (1814—1891).

Илья Ильичъ учился въ селѣ Верхлевѣ, верстахъ въ пяти отъ Обломовки, у тамошняго управляющаго, нѣмца Штольца, который завелъ небольшой пансіонъ для дѣтей окрестныхъ дворянъ. У него былъ свой сынъ, Андрей, почти однихъ лѣтъ съ Обломовымъ; да еще отдали ему одного мальчика, который почти никогда не учился, а больше страдалъ золотухой, все дѣтство проходилъ постоянно съ завязанными глазами или ушами, да плакалъ все втихомолку о томъ, что живетъ не у бабушки, а въ чужомъ домѣ среди злодѣевъ, что, вотъ, его и приласкать-то некому, и никто любимаго пирожка не испечетъ ему. Кромѣ этихъ дѣтей, другихъ еще въ пансіонѣ пока не было.

Нечего дѣлать, отецъ и мать посадили баловника Илюшу за книгу. Это стоило слезъ, воплей, капризовъ. Наконецъ, отвезли.

Нѣмецъ былъ человѣкъ дѣльный и строгій, какъ почти всѣ нѣмцы. Можетъ быть, у него Илюша и успѣлъ бы выучиться чему-нибудь хорошенько, если бы Обломовка была верстахъ въ пятистахъ отъ Верхлева. А то какъ выучиться?

Какъ только онъ проснется въ понедѣльникъ, на него уже нападаетъ тоска. Онъ слышитъ рѣзкій голосъ Васьки, который кричитъ съ крыльца:

— „Антипка! закладывай пѣгую, барченка къ нѣмцу везти“.

Сердце дрогнетъ у него. Онъ печальный приходитъ къ матери. Та знаетъ, отчего, и начинаетъ золотить пилюлю, втайнѣ вздыхая сама о разлукѣ съ нимъ на цѣлую недѣлю. Не знаютъ, чѣмъ и накормить его въ то утро, напекутъ ему булочекъ и

кренделькова, отпустятъ съ нимъ соленья, печенья, варенья, пастилъ разныхъ и другихъ всякихъ сухихъ и мокрыхъ лакомствъ и даже съѣстныхъ припасовъ. Все это отпускалось въ тѣхъ видахъ, что у нѣмца не жирно кормятъ.

— Тамъ не разъѣшься, говорили обломовцы: обѣдать-то дадутъ супу, да жаркого, да картофелю, къ чаю масла, а ужинать то морженъ фри—носъ утри.

Впрочемъ, бывали больше такіе понедѣльники, когда онъ не слышитъ голоса Васьки, приказывающаго закладывать пѣгашку, и когда мать встрѣчаетъ его за чаемъ съ улыбкой и съ пріятной новостью.

— „Сегодня не поѣдешь; въ четвергъ большой праздникъ,— стоитъ ли ѣздить взадъ и впередъ на три дня?“

Или иногда вдругъ объявитъ ему, сегодня родительская недѣля: „не до ученья, блины будемъ печь“.

А не то, такъ мать посмотритъ утромъ въ понедѣльникъ пристально на него, да и скажетъ:

— „Что-то у тебя глаза не свѣжи сегодня. Здоровъ ли ты?“ и покачаетъ головой.

Лукавый мальчишка здоровехонекъ, но молчитъ.

— „Посиди-ка ты эту недѣльку дома, — скажетъ она, — а тамъ—что Богъ дастъ“.

И всѣ въ домѣ были проникнуты убѣжденіемъ, что ученье и родительская суббота никакъ не должны совпадать вмѣстѣ, или что праздникъ въ четвергъ—неодолимая преграда къ ученью во всю недѣлю. Развѣ только иногда слуга или дѣвушка, которымъ достанется за барченка, проворчатъ:

— „У, баловень! Скоро ли провалишься къ своему нѣмцу!“

Въ другой разъ вдругъ къ нѣмцу Антипка явится на знакомой пѣгашкѣ, среди или въ началѣ недѣли, за Ильей Ильичемъ.

— „Пріѣхала, дескать, Марья Савишна или Наталья Ѳаддеевна гостить или Кузовковы со всѣми дѣтьми, такъ пожалуйте домой!“

И недѣли три Илюша гоститъ дома, а тамъ, смотришь, до страстной недѣли ужъ недалеко, а тамъ и праздникъ, а тамъ кто-нибудь въ семействѣ почему-то рѣшитъ, что на Ѳоминой недѣлѣ не учатся; до лѣта остается недѣли двѣ — не стоитъ ѣздить; а лѣтомъ и самъ нѣмецъ отдыхаетъ, такъ-ужъ лучше до осени отложить.

Посмотришь, Илья Ильичъ и отгуляется въ полгода, и какъ вырастетъ онъ въ это время! какъ потолстѣетъ! какъ спитъ

Октябрь.

Съ акварели *И. Левитана.*

славно! Не налюбуются на него въ домѣ, замѣчая, напротивъ, что, возвратясь въ субботу отъ нѣмца, ребенокъ худъ и блѣденъ.

И нѣжные родители продолжаютъ пріискивать предлоги удерживать сына дома; за предлогами, и кромѣ праздниковъ, дѣло не ставало. Зимой казалось имъ холодно, лѣтомъ по жарѣ тоже не годится ѣхать, а иногда и дождь пойдетъ; осенью слякоть мѣшаетъ. Иногда Антипка что-то сомнителенъ покажется: пьянъ не пьянъ, а какъ-то дико смотритъ: бѣды бы не было, завязнетъ, или оборвется гдѣ-нибудь.

*

20. Жизнь Илюши дома.

Изъ романа *И. Гончарова* „Обломовъ“.

Илюша только что проснется у себя дома, какъ у постели его уже стоитъ Захарка. Захаръ, какъ бывало нянька, натягиваетъ ему чулки, надѣваетъ башмаки, а Илюша, уже четырнадцатилѣтній мальчикъ, только и знаетъ, что подставляетъ ему, лежа, то ту, то другую ногу. Потомъ Захарка чешетъ голову, натягиваетъ куртку, осторожно продѣвая руки Ильи Ильича въ рукава, чтобъ не слишкомъ безпокоить его, и напоминаетъ Ильѣ Ильичу, что надо сдѣлать то, другое: вставши поутру—умыться, и т. п.

Захочетъ ли чего-нибудь Илья Ильичъ, ему стоитъ только мигнуть—ужъ трое-четверо слугъ кидаются исполнять его желаніе; уронитъ ли онъ что-нибудь, достать ли ему нужно вещь, да не достанетъ, принести ли что, сбѣгать ли зачѣмъ, ему иногда, какъ рѣзвому мальчику, такъ и хочется броситься и передѣлать все самому, а тутъ вдругъ отецъ и мать да три тетки въ пять голосовъ и закричатъ:

— „Зачѣмъ? Куда? А Васька, а Ванька, а Захарка на что? Эй! Васька! Ванька! Захарка! Чего вы смотрите, разини? Вотъ я васъ!..“

И не удастся никакъ Ильѣ Ильичу сдѣлать что-нибудь самому для себя. Послѣ онъ нашелъ, что оно и покойнѣе гораздо, и самъ выучился покрикивать.

Подчасъ нѣжная заботливость родителей и надоѣдала ему. Побѣжитъ ли онъ съ лѣстницы или по двору, вдругъ, вслѣдъ ему раздастся въ десять отчаянныхъ голосовъ: „Ахъ, ахъ! поддержите, остановите! упадетъ, расшибется... стой, стой!“ Задумаетъ ли онъ выскочить зимой въ сѣни или отворить форточку,—

опять крики... И Илюша съ печалью оставался дома, лелѣянный, какъ цвѣтокъ въ теплицѣ, и такъ же, какъ послѣдній подъ стекломъ, росъ медленно и вяло.

А иногда онъ проснется такой бодрый, свѣжій, веселый; онъ чувствуетъ, въ немъ играетъ что-то, кипитъ, точно поселился бѣсенокъ какой-нибудь, который такъ и поддразниваетъ его то влѣзть на крышу, то сѣсть на савраску да поскакать въ луга, гдѣ сѣно косятъ, или посидѣть на заборѣ верхомъ, или подразнить деревенскихъ собакъ; или вдругъ захочется пуститься бѣгомъ по деревнѣ, потомъ въ поле, въ березнякъ, играть въ снѣжки, попробовать свои силы. Бѣсенокъ такъ и подмываетъ его: онъ крѣпится, крѣпится, наконецъ не вытерпитъ, и вдругъ, безъ картуза, зимой, прыгъ съ крыльца на дворъ, оттуда за ворота, захватилъ въ обѣ руки по кому снѣга и мчится къ кучѣ мальчишекъ. Свѣжій вѣтеръ такъ и рѣжетъ ему лицо, за уши щиплетъ морозъ, грудь охватило радостью—онъ мчится, откуда ноги взялись, самъ и визжитъ и хохочетъ. Вотъ и мальчишки: онъ бацъ снѣгомъ — мимо, сноровки нѣтъ: только хотѣлъ захватить еще снѣжку, какъ все лицо залѣпила ему цѣлая глыба снѣгу, — онъ упалъ; и больно ему съ непривычки, и весело, и хохочетъ онъ, и слезы у него на глазахъ... А въ домѣ гвалтъ: Илюши нѣтъ. Крикъ, шумъ. На дворъ выскочилъ Захарка, за нимъ Васька, Митька, Ванька — всѣ бѣгутъ, растерянные, по двору. За ними кинулись, хватая ихъ за пятки, двѣ собаки, которыя, какъ извѣстно, не могутъ равнодушно видѣть бѣгущаго человѣка. Люди съ криками, съ воплями, собаки съ лаемъ, мчатся по деревнѣ. Наконецъ, набѣжали на мальчишекъ и начали чинить правосудіе: кого за волосы, кого за уши, иному подзатыльника; пригрозили и отцамъ ихъ. Потомъ уже овладѣли барченкомъ, окутали его въ захваченный тулупъ, потомъ въ отцовскую шубу, потомъ въ два одѣяла, и торжественно принесли домой на рукахъ. Дома уже отчаялись его видѣть, считая погибшимъ: но при видѣ его живого и невредимаго, радость родителей была неописанна. Возблагодарили Господа Бога, потомъ напоили его мятой, тамъ бузиной, къ вечеру малиной, и продержали его три дня въ постели, а ему одно могло быть полезно: опять играть въ снѣжки.

Пилюля—лѣкарство, приготовляемое въ видѣ шарика; въ переносн. значеніи: непріятность, обида. Позолотить пилюлю—прикрасить, сдѣлать съ виду болѣе пріятной причиняемую непріятность.

Разъѣдаться, разъѣсться—то же, что отъѣсться, вдоволь, досыта наѣсться. Что значитъ **разъѣдать?**

Отгуляться, отгуливаться—оправиться на волѣ, безъ работы. Лошадка за лѣто отгулялась. Назовите этотъ же глаголъ съ другими приставками. А что значитъ **отгулять** и **отгуливать**? Прошли праздники: отгуляли, пора и за работу!—Онъ отъ дѣла отгуливаетъ.

Предлогъ—1) вымышленная причина, отговорка, оправданье. Онъ остался дома подъ предлогомъ болѣзни.—Благовидный предлогъ. 2) часть нашей рѣчи, напр. . . . . ?

Ставать, стать—имѣетъ много значеній. Опредѣлите ихъ по слѣд. примѣрамъ: Лошадь стала.—Часы стали.—Работа стала.—Рѣка стала.—Стать на якорѣ.—Стать лагеремъ.—Гдѣ намъ стать, чтобы лучше видѣть.—Ни стать, ни сѣсть.—Больному стало лучше.—Онъ сталъ нашимъ начальникомъ.—Больной сталъ ѣсть.—Стали дѣла наши поправляться: стало сѣмянъ отъ земли оставаться.—Стану я тоской томиться, безутѣшно ждать (Лерм.).—Сталъ бы я хлопотать, кабы не нужда.—Ему домъ сталъ втридорога.—Стало ему это въ копеечку.—Его не стало.—Лишь стало бы охоты, а то, во здравье, ѣшь до дна (Крыл.).—За чѣмъ же дѣло стало?—Терпѣнья не стало.—Стало быть и станешь выть.—Что съ нимъ сталось?—Съ него это станется.—Не можетъ статься.—Назовите другіе примѣры.

Лелѣять—нѣжить, ласкать, холить. А что значитъ: лелѣять мечту, надежду?

Подмывать—буквально: слегка вымыть, напр. полъ, платье; затѣмъ: подмыть берегъ; въ безличн. формѣ: меня подмываетъ—тянетъ, влечетъ, беретъ нетерпѣнье.

Чинить—дѣлать, творить, устраивать. Чинить судъ и расправу.—Никому зла не чинилъ, т.-е. не причинилъ.—Чинить избу, бѣлье, платье.—Бомбы чинятъ порохомъ.—Чинить пирогъ капустой.—Чинить карандашъ. А что значитъ: *кто чинится, тотъ за нашъ столъ не годится.*

*

21. Гуттаперчевый мальчикъ.

Изъ разсказа *Д. Григоровича.*

1.

Воспитанникъ акробата Беккера назывался „гуттаперчевымъ мальчикомъ“ только въ афишкахъ; настоящее имя его было Петя; всего вѣрнѣе, впрочемъ, было бы назвать его несчастнымъ мальчикомъ.

Исторія его очень коротка: да и гдѣ жъ ей быть длинной и сложной, когда ему минулъ всего восьмой годъ!

Лишившись матери на пятомъ году возраста, онъ хорошо однакожъ ее помнилъ. Какъ теперь видѣлъ онъ передъ собою тощую женщину со свѣтлыми, жиденькими и всегда растрепанными волосами, которая то ласкала его, наполняя ему ротъ всѣмъ, что подвертывалось подъ руку: лукомъ, кускомъ пирога, селед-

кой, хлѣбомъ,—то вдругъ, ни съ того, ни съ сего, накидывалась, начинала кричать и въ то же время принималась шлепать его чѣмъ ни попало и куда ни попало. Петя тѣмъ не менѣе часто вспоминалъ мать.

Въ числѣ воспоминаній Пети остался также день похоронъ матери. Было суровое январское утро; съ низменнаго пасмурнаго неба сыпался мелкій сухой снѣгъ, подгоняемый порывами вѣтра, онъ кололъ лицо какъ иголками и волнами убѣгалъ по мерзлой дорогѣ. Петя, слѣдуя за гробомъ между бабушкой и прачкой Варварой, чувствовалъ, какъ нестерпимо щемятъ пальцы на рукахъ и ногахъ; ему, между прочимъ, и безъ того было трудно поспѣвать за спутницами; одежда на немъ случайно была подобрана: случайны были сапоги, въ которыхъ ноги его болтались свободно, какъ въ лодкахъ; случайнымъ былъ кафтанишко, котораго нельзя было бы надѣть, если бъ не подняли ему фалды и не приткнули ихъ за поясъ; случайной была шапка, выпрошенная у дворника; она поминутно сползала на глаза и мѣшала Петѣ видѣть дорогу. Ознакомясь потомъ близко съ усталостью ногъ и спины, онъ все-таки помнилъ, какъ уходился тогда, провожая покойницу.

На обратномъ пути съ кладбища, бабушка и Варвара долго толковали о томъ, куда теперь дѣть мальчика. Онъ, конечно, солдатскій сынъ и надо сдѣлать ему опредѣленье по закону, куда слѣдуетъ; но какъ это сдѣлать? Къ кому надо обратиться? Кто, наконецъ, станетъ бѣгать и хлопотать? На это могли утвердительно отвѣтить только досужіе и притомъ практическіе люди. Мальчикъ продолжалъ жить, треплясь по разнымъ угламъ и старухамъ. И неизвѣстно, чѣмъ бы разрѣшилась судьба мальчика, если бъ снова не вступилась прачка Варвара.

Заглядывая къ „бабушкѣ“ и встрѣчая у нея мальчика, Варвара брала его иногда на нѣсколько дней къ себѣ. Жила она на Моховой улицѣ въ подвальномъ этажѣ, на второмъ дворѣ большого дома. На томъ же дворѣ, только выше, помѣщалось нѣсколько человѣкъ изъ труппы сосѣдняго цирка; они занимали рядъ комнатъ, соединявшихся темнымъ боковымъ коридоромъ. Варвара знала всѣхъ очень хорошо, такъ какъ постоянно стирала у нихъ бѣлье. Подымаясь къ нимъ, она часто таскала съ собою Петю. Всѣмъ была извѣстна его исторія; всѣ знали, что онъ круглый сирота, безъ роду и племени. Въ разговорахъ Варвара не разъ выражала мысль, что вотъ бы хорошо было, кабы кто-нибудь

изъ господъ сжалился и взялъ сироту въ обученье. Никто однако не рѣшался; всѣмъ, повидимому, довольно было своихъ заботъ. Одно только лицо не говорило ни да, ни нѣтъ. По временамъ лицо это пристально посматривало на мальчика. Это былъ акробатъ Беккеръ.

Надо полагать, между нимъ и Варварой велись одновременно какіе-нибудь тайные и болѣе ясные переговоры по этому предмету, потому что однажды, подкарауливъ, когда всѣ господа ушли на репетицію и въ квартирѣ оставался только Беккеръ, Варвара спѣшно повела Петю наверхъ и прямо вошла съ нимъ въ комнату акробата. Беккеръ точно поджидалъ кого-то. Онъ сидѣлъ на стулѣ, покуривая изъ фарфоровой трубки съ выгнутымъ чубукомъ, увѣшаннымъ кисточками; на головѣ его красовалась плоская, шитая бисеромъ шапочка, сдвинутая на бокъ; на столѣ передъ нимъ стояли три бутылки пива—двѣ пустыя, одна только что начатая. Раздутое лицо акробата и его шея, толстая какъ у быка, были красны; самоувѣренный видъ и осанка не оставляли сомнѣнія, что Беккеръ, даже здѣсь, у себя дома, былъ весь исполненъ сознаніемъ своей красоты.

— „Ну, вотъ, Карлъ Богдановичъ... вотъ мальчикъ!..“ проговорила Варвара, выдвигая впередъ Петю.

—„Хорошо, признесъ акробатъ, но я такъ не можно; надо раздѣвать малшикъ“...

Петя до сихъ поръ стоялъ неподвижно, робко поглядывая на Беккера; съ послѣднимъ словомъ онъ откинулся назадъ и крѣпко ухватился за юбку прачки. Но когда Беккеръ повторилъ свое требованіе, и Варвара, повернувъ мальчика къ себѣ лицомъ, принялась раздѣвать его, Петя судорожно ухватился за нее руками, началъ кричать и биться, какъ цыпленокъ подъ ножомъ повара.

— „Чего ты? Экой право глупенькій! Чего испугался?.. Раздѣнься, батюшка, раздѣнься... ничего... смотри ты, глупый какой“... повторяла прачка, стараясь раскрыть пальцы мальчика и въ то же время спѣшно разстегивая пуговицы на его панталонахъ.

Но мальчикъ рѣшительно не давался: объятый почему-то страхомъ, онъ вертѣлся какъ вьюнъ, корчился, тянулся къ полу, наполняя всю квартиру криками. Карлъ Богдановичъ потерялъ терпѣнье. Положивъ на столъ трубку, онъ подошелъ къ мальчику и, не обращая вниманія на то, что тотъ сталъ еще сильнѣе барахтаться, быстро обхватилъ его руками. Петя не успѣлъ очнуться, какъ уже

почувствовалъ себя крѣпко сжатымъ между толстыми колѣнами акробата. Послѣдній въ одинъ мигъ снялъ съ него рубашку и панталоны; послѣ этого онъ поднялъ его какъ соломинку и, уложивъ голаго поперекъ колѣнъ, принялся ощупывать ему грудь и бока.

Прачкѣ было жаль Пети: Карлъ Богдановичъ очень ужъ что-то сильно нажималъ и тискалъ; но, съ другой стороны, она боялась вступиться, такъ какъ сама привела мальчика и акробатъ обѣщалъ взять его на воспитанье, въ случаѣ, когда онъ окажется пригоднымъ. Стоя передъ мальчикомъ, она торопливо утирала слезы, уговаривая не бояться, убѣждая, что Карлъ Богдановичъ ничего худого не сдѣлаетъ,—только посмотритъ!..

Но когда акробатъ неожиданно поставилъ мальчика на колѣна, повернулъ его къ себѣ спиною и началъ выгибать ему назадъ плечи, Варвара не могла уже выдержать; она бросилась отнимать его. Прежде однакожъ, чѣмъ успѣла она это сдѣлать, Беккеръ передалъ ей Петю, который тотчасъ же очнулся и только продолжалъ дрожать, захлебываясь отъ слезъ.

— „Полно, батюшка, полно! Видишь, ничего съ тобою не сдѣлали!.. Карлъ Багдановичъ хотѣлъ только поглядѣть тебя“... повторяла прачка, стараясь всячески обласкать ребенка. Она взглянула украдкой на Беккера; тотъ кивнулъ головою и налилъ новый стаканъ пива.

Два дня спустя прачкѣ надо уже было пустить въ дѣло хитрость, когда пришлось окончательно передавать мальчика Беккеру. Тутъ не подѣйствовали ни новыя ситцевыя рубашки, купленныя Варварой на собственныя деньги, ни мятные пряники, ни убѣжденія, ни ласки. Петя боялся кричать, такъ какъ передача происходила въ знакомой намъ комнатѣ; онъ крѣпко припадалъ заплаканнымъ лицомъ къ подолу прачки и отчаянно, какъ потерянный, цѣплялся за ея руки каждый разъ, когда она дѣлала шагъ къ дверямъ съ тѣмъ, чтобы оставить его одного съ Карломъ Богдановичемъ.

Наконецъ, все это надоѣло акробату. Онъ ухватилъ мальчика за воротъ, оторвалъ его отъ юбки Варвары, и какъ только дверь за нею захлопнулась, поставилъ его передъ собою и велѣлъ ему смотрѣть себѣ прямо въ глаза.

Петя продолжалъ трястись, какъ въ лихорадкѣ; черты его худенькаго, болѣзненнаго лица какъ-то съеживались; въ нихъ проступало что-то жалобное, хилое, какъ у старичка.

Беккеръ взялъ его за подбородокъ, повернулъ къ себѣ лицомъ и повторилъ приказаніе. — „Ну, малшикъ, слушъ“, сказалъ онъ, грозя указательнымъ пальцемъ передъ носомъ Пети, „когда ты хочу тамъ... (онъ указалъ на дверь) — то будетъ тутъ!.. (онъ указалъ нѣсколько ниже спины), — und fest! und fest!..“ добавилъ онъ, выпуская его изъ рукъ и допивая оставшееся пиво.

Въ то же утро онъ повелъ его въ циркъ. Тамъ все суетилось и торопливо укладывалось. На другой день труппа со всѣмъ своимъ багажомъ, людьми и лошадьми перекочевывала на лѣтній сезонъ въ Ригу.

Въ теченіе десяти дней, какъ труппа переѣзжала въ Ригу, Петя былъ предоставленъ самому себѣ. Въ вагонѣ его окружали теперь не совсѣмъ уже чужіе люди; ко многимъ изъ нихъ онъ успѣлъ присмотрѣться; многіе были веселы, шутили, пѣли пѣсни и не внушали ему страха. Нашлись даже такіе, какъ клоунъ Эдвардсъ, который мимоходомъ всегда трепалъ его по щекѣ; разъ даже одна изъ женщинъ дала ему ломтикъ апельсина. Словомъ, онъ началъ понемногу привыкать, и было бы ему даже хорошо, если бъ взялъ его къ себѣ кто-нибудь другой, только не Карлъ Богдановичъ. Къ нему никакъ онъ не могъ привыкнуть; при немъ Петя мгновенно умолкалъ, весь какъ-то съеживался и думалъ о томъ только, какъ бы не заплакать...

Особенно тяжело стало ему, когда началось ученье. Послѣ первыхъ опытовъ, Беккеръ убѣдился, что не ошибся въ мальчикѣ; Петя былъ легокъ какъ пухъ и гибокъ въ суставахъ; не доставало, конечно, силы въ мускулахъ, чтобы управлять этими природными качествами; но бѣды въ этомъ еще не было. Беккеръ не сомнѣвался, что сила пріобрѣтется отъ упражненій. Онъ могъ отчасти даже теперь убѣдиться въ этомъ на питомцѣ. Мѣсяцъ спустя послѣ того, какъ онъ каждое утро и вечеръ, посадивъ мальчика на полъ, заставлялъ его пригибаться головою къ ногамъ, Петя могъ исполнить такой маневръ уже самъ по себѣ, безъ помощи наставника. Несравненно труднѣе было ему перегибаться назадъ и касаться пятками затылка; мало-по-малу онъ, однакожъ, и къ этому сталъ привыкать. Онъ ловко также начиналъ прыгать съ разбѣга черезъ стулъ; но только, когда послѣ прыжка Беккеръ требовалъ, чтобы воспитанникъ, перескочивъ на другую сторону стула, падалъ не на ноги, а на руки, оставляя ноги на воздухѣ,— послѣднее рѣдко удавалось: Петя летѣлъ кувыркомъ, падалъ на

лицо или голову, рискуя свихнуть себѣ шею. Неудача или ушибъ составляли, впрочемъ, половину горя; другая половина, болѣе вѣская, заключалась въ тузахъ, которыми всякій разъ надѣлялъ его Беккеръ. Мускулы мальчика оставались попрежнему тощими. Они, очевидно, требовали усиленнаго подкрѣпленія.

И ничего, ничего Беккеръ не дѣлалъ, чтобы сколько-нибудь привязать къ себѣ мальчика. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда мальчику удавалась какая-нибудь штука, Беккеръ никогда не обращался къ нему съ ласковымъ словомъ; онъ ограничивался тѣмъ, что снисходительно поглядывалъ на него съ высоты своего громаднаго туловища. Беккеру, повидимому, все равно было, что изъ двухъ рубашекъ, подаренныхъ мальчику прачкой Варварой, оставались лохмотья, что бѣлье на тѣлѣ мальчика носилось иногда безъ перемѣны по двѣ недѣли, что шея его и уши были не вымыты, а сапожишки просили каши и черпали уличную грязь и воду. Товарищи акробата, и болѣе другихъ Эдвардсъ, часто укоряли его въ томъ; въ отвѣтъ Беккеръ нетерпѣливо посвистывалъ и щелкалъ хлыстикомъ по панталонамъ. Онъ не переставалъ учить Петю, продолжая наказывать каждый разъ, какъ выходило что-нибудь неладно. Онъ хуже этого дѣлалъ.

Разъ, по возвращеніи труппы уже въ Петербургъ, Эдвардсъ подарилъ Петѣ щенка. Мальчикъ былъ въ восторгѣ; онъ носился съ подаркомъ по конюшнѣ и коридорамъ, всѣмъ его показывалъ и то и дѣло учащенно цѣловалъ его въ мокрую розовую мордочку. Беккеръ, раздосадованный во время представленія тѣмъ, что его публика не вызывала, возвращался во внутренній коридоръ; увидѣвъ щенка въ рукахъ Пети, онъ вырвалъ его и носкомъ башмака бросилъ въ сторону; щенокъ ударился головкой въ сосѣднюю стѣну и тутъ же упалъ, вытянувъ лапки.

Петя зарыдалъ и бросился къ Эдвардсу, выходившему въ эту минуту изъ уборной. Беккеръ, раздраженный окончательно тѣмъ, что вокругъ послышалась брань, однимъ движеніемъ оттолкнулъ Петю отъ Эдвардса и далъ ему съ размаху пощечину...

Несмотря на легкость и гибкость, Петя былъ не столько гуттаперчевымъ, сколько несчастнымъ мальчикомъ.

2.

Дѣтскія комнаты въ домѣ графа Листомирова располагались на южную сторону и выходили въ садъ. Чудное было помѣщеніе! Каждый разъ какъ солнце было на небѣ, лучи его съ утра до заката проходили въ окна; въ нижней только части окна завѣшивались голубыми тафтяными занавѣсками для предохраненія дѣтскаго зрѣнія отъ излишняго свѣта. Съ тою же цѣлью по всѣмъ комнатамъ разостланъ былъ коверъ также голубого цвѣта и стѣны оклеены были не слишкомъ свѣтлыми обоями. Въ одной изъ комнатъ вся нижняя часть стѣнъ была буквально заставлена игрушками; онѣ группировались тѣмъ разнообразнѣе и живописнѣе, что у каждаго изъ дѣтей было свое особое отдѣленіе. Пестрыя англійскія раскрашенныя тетрадки и книжки, кроватки съ куклами, картинки, комоды, маленькія кухни, фарфоровые сервизы, овечки и собачки на катушкахъ—обозначали владѣнія дѣвочекъ; столы съ оловянными солдатами, картонная тройка сѣрыхъ коней, съ глазами страшно выпученными, увѣшанная бубенчиками и запряженная въ коляску, большой бѣлый козелъ, казакъ верхомъ, барабанъ и мѣдная труба, звуки которой приводили всегда въ отчаяніе англичанку миссъ Бликсъ,—обозначали владѣнія мужского пола. Комната эта такъ и называлась „игральной“.

Рядомъ была учебная; дальше спальня, окна которой всегда были закрыты занавѣсами, приподымавшимися тамъ только, гдѣ вертѣлась вентиляціонная звѣзда, очищавшая воздухъ. Изъ нея можно было прямо пройти въ уборную, выстланную также ковромъ, но обшитую въ нижней ея части клеенкой; съ одной стороны находился большой умывальный мраморный столъ, уставленный крупнымъ англійскимъ фаянсомъ; дальше блистали бѣлизною двѣ ванны съ мѣдными кранами, изображавшими лебединыя головки; подлѣ возвышалась голландская печь. Ближе, по клеенчатой стѣнѣ, висѣлъ на тесемкахъ цѣлый рядъ маленькихъ и крупныхъ губокъ, которыми миссъ Бликсъ каждое утро и вечеръ обмывала съ головы до ногъ дѣтей, наводя красноту на ихъ нѣжное тѣло.

Въ среду, на масленицѣ, въ игральной комнатѣ было особенно весело. Ее наполняли восторженные дѣтскіе крики. Мудреваго нѣтъ; вотъ что было здѣсь между прочимъ сказано: „Дѣточки, вы съ самаго начала масленицы были послушны и милы;

сегодня у насъ среда; если вы будете такъ продолжать, васъ въ пятницу вечеромъ возьмутъ въ циркъ!..“

Слова эти были произнесены теткой Соней.

Не успѣла она проговорить свое обѣщаніе, какъ раздались опять возгласы, опять крики, сопровождаемые прыжками и другими болѣе или менѣе выразительными изъявленіями радости. Въ этомъ порывѣ дѣтской веселости всѣхъ больше удивилъ Пафъ; мальчикъ былъ всегда такимъ тяжелымъ, но тутъ, подъ впечатлѣніемъ разсказовъ и того, что его ожидало въ циркѣ, онъ вдругъ бросился на четвереньки, поднялъ лѣвую ногу и, страшно закручивая языкъ на щеку, поглядывая на присутствующихъ своими киргизскими глазами, принялся изображать клоуна.

— „Подымите его, подымите скорѣе, ему кровь бросится въ голову!“ проговорила тетя Соня.

Новые крики, новое скаканье вокругъ Пафа, который ни за что не хотѣлъ встать и упорно подымалъ то одну ногу, то другую.

— „Дѣти, дѣти... довольно! Вы, кажется, не хотите больше быть умными... Не хотите слушать“... говорила тетя Соня, досадовавшая главнымъ образомъ за то, что не умѣла сердиться.

Она обожала „своихъ дѣтей“, какъ сама выражалась. Дѣйствительно, надо сказать, дѣти были очень милы.

Старшей дѣвочкѣ, Вѣрочкѣ, было уже восемь лѣтъ; за нею шла шестилѣтняя Зина; мальчику было пять лѣтъ. Его окрестили Павломъ; но мальчикъ получалъ одно за другимъ различныя прозвища: Беби, Пузырь, Бутузъ, Булка и, наконецъ, Пафъ—имя, которое такъ и осталось. Мальчикъ былъ пухлый, коротенькій, съ рыхлымъ бѣлымъ тѣломъ, какъ сметана, крайне невозмутимаго права, съ шарообразною головою и круглымъ лицомъ, на которомъ единственною замѣтною чертою были маленькіе киргизскіе глазки, раскрывавшіеся вполнѣ, когда подавалось кушанье или говорилось о ѣдѣ.

Съ той минуты, какъ обѣщано было представленье въ циркѣ, старшая дочь, Вѣрочка, вся превратилась во вниманіе и зорко слѣдила за поведеніемъ сестры и брата.

Едва-едва начинался между ними признакъ разлада, она быстро къ нимъ подбѣгала, оглядываясь въ то же время на величавую миссъ Бликсъ, принималась скоро-скоро шептать что-то Зизи и Пафу и, поочередно цѣлуя то того, то другую, успѣвала всегда водворить между ними миръ и согласіе.

Наступила наконецъ такъ нетерпѣливо ожидаемая пятница. На большихъ часахъ столовой пробило двѣнадцать. Въ эту самую минуту одинъ изъ лакеевъ растворилъ настежь двери, и дѣти, сопровождаемыя англичанкой и швейцаркой, вошли въ столовую. Завтракъ прошелъ, по обыкновенію, очень чинно.

Зизи и Пафъ, предупрежденные Вѣрочкой, не произнесли ни слова; Вѣрочка не спускала глазъ съ сестры и брата; она заботливо предупреждала каждое ихъ движеніе.

Съ окончаніемъ завтрака, миссъ Бликсъ сочла своею обязанностью заявить графинѣ, что никогда еще не видала она, чтобы дѣти вели себя такъ примѣрно, какъ въ эти послѣдніе дни. Графиня возразила, что она уже слышала объ этомъ отъ сестры и потому распорядилась, приказавъ взять къ вечеру ложу въ циркѣ. При этомъ извѣстіи Вѣрочка, такъ долго крѣпившаяся, не могла больше владѣть собою. Соскочивъ со стула, она принялась обнимать графиню съ такою силой, что на секунду совершенно заслонила ея лицо своими пушистыми волосами; такимъ же порядкомъ подбѣжала она къ отцу; отъ отца Вѣрочка перебѣжала къ тетѣ Сонѣ, и тутъ уже пошли поцѣлуи безъ разбору: и въ глаза, въ щеки, въ подбородокъ, въ носъ,—словомъ, всюду, гдѣ только губы дѣвочки могли встрѣтиться съ лицомъ тети. Зизи и Пафъ буквально продѣлали тотъ же маневръ, но только, надо сказать, далеко не съ такимъ воодушевленіемъ.

Вѣрочка между тѣмъ подошла къ роялю, на которомъ лежали афишки; положивъ руку на одну изъ нихъ, она обратила къ матери голубые глаза свои и, вся замирая отъ нетерпѣнія, проговорила нѣжно вопрошающимъ голосомъ:

„Мама... можно?.. Можно взять эту афишку?..“

— Можно.

„Зизи! Пафъ!“ восторженно крикнула Вѣрочка, потрясая афишкой: „пойдемте скорѣе!.. Я разскажу вамъ все, что мы сегодня увидимъ въ циркѣ; все разскажу вамъ!.. Пойдемте въ наши комнаты!..“

— Вѣрочка!.. Вѣрочка!.. слабо, съ укоромъ, проговорила графиня.

Но Вѣрочка уже не слышала; она неслась, преслѣдуемая сестрою и братомъ, за которыми, пыхтя и отдуваясь, едва поспѣвала миссъ Бликсъ.

Въ игральной комнатѣ, освѣщенной полнымъ солнцемъ, стало еще оживленнѣе. На низенькомъ столѣ, освобожденномъ отъ игру-

шекъ, разложена была афишка. Вѣрочка настоятельно потребовала, чтобы всѣ присутствующія: и тетя Соня, и миссъ Бликсъ, и учительница музыки, и кормилица, вошедшая съ младенцемъ,—всѣ рѣшительно усѣлись вокругъ стола. Несравненно труднѣе было усадить Зизи и Пафа, которые, толкая другъ друга, нетерпѣливо осаждали Вѣрочку то съ одного бока, то съ другого, взбирались на табуреты, ложились на столъ и влѣзали локтями чуть не на середину афишки. Наконецъ съ помощью тети и это уладилось Вѣрочка откинула назадъ волосы, наклонилась къ афишкѣ и прочла съ особеннымъ жаромъ: „Гуттаперчевый мальчикъ. Воздушныя упражненія на концѣ шеста вышиною въ шесть аршинъ!..“—Нѣтъ, душечка тетя, это ужъ ты намъ разскажешь!.. Это ужъ разскажешь!.. Какой же это мальчикъ? Онъ настоящій? живой?.. Что такое: гуттаперчевый?

— Вѣроятно его такъ называютъ потому, что онъ очень гибкій... наконецъ, вы это увидите... Вѣрочка, ты бы продолжала; ну что жъ дальше?..

Но дальнѣйшее чтеніе не сопровождалось уже такою живостью; интересъ замѣтно ослабъ, онъ весь сосредоточился теперь на гуттаперчевомъ мальчикѣ; гуттаперчевый мальчикъ сдѣлался предметомъ разговоровъ, различныхъ предположеній и даже спора. Зизи и Пафъ не хотѣли даже слушать продолженіе того, что было дальше на афишкѣ; они оставили свои табуреты и принялись шумно играть, представляя, какъ будетъ дѣйствовать гуттаперчевый мальчикъ. Пафъ снова становился на четвереньки, подымалъ какъ клоунъ лѣвую ногу и, усиленно пригибая языкъ къ щекѣ, посматривалъ на всѣхъ своими киргизскими глазками, что всякій разъ вызывало восклицаніе у тети Сони, боявшейся, чтобъ кровь не бросилась ему въ голову. Торопливо дочитавъ афишку, Вѣрочка присоединилась къ сестрѣ и брату.

Никогда еще не было такъ весело въ игральной комнатѣ.

Дѣтскій обѣдъ прошелъ въ разспросахъ о томъ, какая погода и который часъ. Тетя Соня напрасно употребляла всѣ усилія, чтобы дать мыслямъ дѣтей другое направленіе и внести сколько-нибудь спокойствія. Тетя, исчезнувшая на четверть часа, возвратилась на дѣтскую половину; съ сіяющимъ лицомъ объявила она, что графъ и графиня велѣли одѣвать дѣтей и везти ихъ въ циркъ.

Вихремъ все поднялось и завозилось въ знакомой намъ комнатѣ, освѣщенной теперь лампами. Пришлось стращать, что оста-

вятъ дома тѣхъ, кто не будетъ слушаться и не дастъ себя какъ слѣдуетъ закутать. Вскорѣ дѣтей вывели на парадную лѣстницу, снова внимательно осмотрѣли и прикутали и наконецъ выпустили на подъѣздъ, передъ которымъ стояла четырехмѣстная карета, полузанесенная снѣгомъ...

Дверцы кареты захлопнулись, лакей вскочилъ на козлы, карета тронулась.

3.

Представленіе въ циркѣ еще не начиналось. Но на масленицѣ любятъ веселиться, и потому циркъ, особенно въ верхнихъ ярусахъ, былъ набитъ посѣтителями. Изящная публика, по обыкновенію, запаздывала. Оркестръ гремѣлъ въ то же время всѣми своими трубами. Круглая арена, залитая свѣтомъ съ боковъ и сверху, гладко выглаженная граблями, была еще пуста.

Неожиданно оркестръ заигралъ учащеннымъ темпомъ. Занавѣсь у входа въ конюшню раздвинулась и пропустила человѣкъ двадцать, одѣтыхъ въ красныя ливреи, обшитыя галуномъ; всѣ они были въ ботфортахъ, волосы на ихъ головахъ были круто завиты и лоснились отъ помады. Съ верху до низу цирка прошелъ одобрительный говоръ. Представленіе начиналось. Ливрейный персоналъ цирка не успѣлъ вытянуться, по обыкновенію, въ два ряда, какъ уже со стороны конюшенъ послышался пронзительный писк и хохотъ, и цѣлая ватага клоуновъ, кувыркаясь, падая на руки и взлетая на воздухъ, выбѣжала на арену.

Впереди всѣхъ былъ клоунъ съ большими бабочками на груди и на спинѣ камзола.

На смѣну ему поспѣшно была выведена толстая бѣлая лошадь и выбѣжала, граціозно присѣдая на всѣ стороны, 15-лѣтняя дѣвица Амалія, которая чуть не убилась утромъ, во время представленія.

На этотъ разъ все прошло, однакожъ, благополучно.

„Душечка тетя, теперь будетъ гуттаперчевый мальчикъ, да?“ спросила Вѣрочка.

— Да; въ афишѣ сказано: онъ во второмъ отдѣленіи... Ну, что, какъ? Весело ли вамъ, дѣточки?

„Ахъ, очень, очень весело!.. О-че-нь!..“ восторженно воскликнула Вѣрочка.

— Ну, а тебѣ, Зизи?.. тебѣ Пафъ,—весело ли?..

— „А стрѣлять будутъ?“ спросила Зизи.

— Нѣтъ, успокойся; сказано: не будутъ!

Отъ Пафа ничего нельзя было добиться; съ первыхъ минутъ антракта все вниманіе его было поглощено лоткомъ съ лакомствами и яблоками, появившимися на рукахъ разносчика.

Оркестръ снова заигралъ, снова выступили въ два ряда красныя ливреи. Началось второе отдѣленіе.

„Когда же будетъ гуттаперчевый мальчикъ?“ не переставали спрашивать дѣти каждый разъ, какъ одинъ выходъ смѣнялъ другой: „Когда же онъ будетъ?..“

— А вотъ, сейчасъ...

И дѣйствительно. Подъ звуки веселаго вальса портьера раздвинулась, и показалась рослая фигура акробата Беккера, державшаго за руку худенькаго, бѣлокураго мальчика. Оба были обтянуты въ трико тѣлеснаго цвѣта, обсыпанное блестками. За ними два прислужника вынесли длинный золоченый шестъ, съ желѣзнымъ перехватомъ на одномъ концѣ.

Выйдя на средину арены, Беккеръ и мальчикъ раскланялись на всѣ стороны, послѣ чего Беккеръ приставилъ правую руку къ спинѣ мальчика и перекувырнулъ его три раза въ воздухѣ. Но это было только вступленіе. Раскланявшись вторично, Беккеръ поднялъ шестъ, поставилъ его перпендикулярно, укрѣпилъ толстый его конецъ къ золотому поясу, обхватывавшему животъ, и началъ приводить въ равновѣсіе другой конецъ съ желѣзнымъ перехватомъ, едва мелькавшимъ подъ куполомъ цирка. Приведя такимъ образомъ шестъ въ должное равновѣсіе, акробатъ шепнулъ нѣсколько словъ мальчику, который влѣзъ ему сначала на плечи, потомъ обхватилъ шестъ тонкими руками и ногами и сталъ постепенно подыматься кверху. Каждое движеніе мальчика приводило въ колебаніе шестъ и передавалось Беккеру, продолжавшему балансировать, переступая съ одной ноги на другую.

Громкое „браво!“ раздалось въ залѣ, когда мальчикъ достигъ, наконецъ, верхушки шеста и послалъ оттуда поцѣлуй. Снова все смолкло, кромѣ оркестра, продолжавшаго играть вальсъ. Мальчикъ между тѣмъ, придерживаясь къ желѣзной перекладинѣ, вытянулся на рукахъ и тихо-тихо началъ выгибаться назадъ, стараясь пропустить ноги между головою и перекладиной; на минуту можно было видѣть только его свѣсившіеся назадъ бѣлокурые волосы и

усиленно сложенную грудь, усыпанную блестками. Шестъ колебался изъ стороны въ сторону, и видно было, какихъ трудовъ стоило Беккеру продолжать держать его въ равновѣсіи.

— Браво!.. браво!!. раздалось снова въ залѣ.

— Довольно!.. довольно!!. послышалось въ двухъ-трехъ мѣстахъ.

Но крики и аплодисменты наполнили весь циркъ, когда мальчикъ снова показался сидящимъ на перекладинѣ и послалъ оттуда поцѣлуй. Беккеръ, не спускавшій глазъ съ мальчика, шепнулъ снова что-то. Мальчикъ немедленно перешелъ къ другому упражненію. Придерживаясь на рукахъ, онъ началъ осторожно спускать ноги и ложиться на спину. Теперь предстояла самая трудная штука: слѣдовало сначала лечь на спину, уладиться на перекладинѣ такимъ образомъ, чтобы привести ноги въ равновѣсіе съ головою, и потомъ вдругъ, неожиданно сползти на спинѣ назадъ и повиснуть въ воздухѣ, придерживаясь только на подколѣнкахъ.

Все шло, однакожъ, благополучно. Шестъ, правда, сильно колебался, но гуттаперчевый мальчикъ былъ уже на половинѣ дороги; онъ замѣтно перегибался все ниже и ниже и начиналъ скользить на спинѣ.

— Довольно! Довольно! Не надо! — настойчиво прокричало нѣсколько голосовъ.

Мальчикъ продолжалъ скользить на спинѣ и тихо-тихо спускался внизъ головою... Внезапно что-то сверкнуло и завертѣлось, сверкая въ воздухѣ; въ ту же секунду послышался глухой звукъ чего-то упавшаго на арену.

Въ одинъ мигъ все заволновалось въ залѣ. Часть публики поднялась съ мѣстъ и зашумѣла; раздались крики и женскій визгъ; послышались голоса, раздраженно призывавшіе доктора. На аренѣ также происходила сумятица; прислуга и клоуны стремительно перескакивали черезъ барьеръ и тѣсно обступали Беккера, который вдругъ скрылся между ними. Нѣсколько человѣкъ подхватили что-то и, пригибаясь, спѣшно стали выносить къ портьерѣ, закрывавшей входъ въ конюшню. На аренѣ остался только длинный золоченый шестъ съ желѣзной перекладиной на одномъ концѣ. Оркестръ, замолкнувшій на минуту, снова вдругъ заигралъ по данному знаку; на арену выбѣжало, взвизгивая и кувыркаясь, нѣсколько клоуновъ, но на нихъ уже не обращали вниманія. Публика отовсюду тѣснилась къ выходу.

Несмотря на всеобщую суету, многимъ бросилась въ глаза хорошенькая бѣлокурая дѣвочка въ голубой шляпкѣ и мантильѣ; обвивая руками шею дамы въ черномъ платьѣ и рыдая, она не переставала кричать во весь голосъ: „ай, мальчикъ! мальчикъ!!“...

На слѣдующее утро афишка цирка не возвѣщала упражненій „гуттаперчеваго мальчика“. Имя его и потомъ не упоминалось; да и нельзя было: гуттаперчеваго мальчика уже не было на свѣтѣ.

Акробатъ—человѣкъ, искусный въ опасныхъ физическихъ упражненіяхъ, напр. на канатѣ, на трапеціи и т. п.

Подвернуться, подвертываться—случайно очутиться, попасться кому. Кто ему подъ руку подвернется, тотъ и виноватый.—Случай такой подвернулся. Употребл. также въ букв. смыслѣ: Нога подвернулась.

Болтаться—вспомните примѣры изъ I части, стр. 335. Что значитъ: **заболтаться, разболтаться**

Уходиться—успокоиться, утихнуть, утомиться. Не спорь съ нимъ, пусть кричитъ,—уходится!—Молодое пиво уходится.

Практическій человѣкъ—1) человѣкъ, опытный въ житейскихъ дѣлахъ; 2) чел., мысли котораго направлены преимущественно къ пріобрѣтенію матеріальныхъ выгодъ.

Репетиція—1) пробное исполненіе пьесы и 2) уроки, посвящаемые провѣркѣ знаній учениковъ. А что знач. часы съ репетиціей?

Вьюнъ, отъ сл. вить—тотъ или то, что вьется: рыба; о человѣкѣ: ловкій, расторопный человѣкъ, льстивый, увивающійся. *Вьюномъ вьется* (погов.)—увивается, ухаживаетъ съ угодливостью.

Перекочевать—перейти кочевьемъ, подняться съ кочевья на другое мѣсто, перегоняя скотъ и перевозя имущество. А здѣсь что значитъ?

Предоставить, предоставлять что, кому—отдавать на волю, давать въ чемъ полную свободу, не стѣснять. Что значитъ: предоставь это мнѣ?

Тузъ—1) игральная карта; 2) ударъ кулакомъ. Дать кому туза. Отсюда **тузить** кого — бить, колотить; 3) богачъ, вельможа, знатный человѣкъ. Что за тузы въ Москвѣ живутъ да умираютъ! („Горе отъ ума“).

Привязать, привязывать—прикрѣплять механически, внѣшнимъ образомъ, напр. веревкой, и внутреннимъ, духовнымъ способомъ, напр. ласковымъ обращеніемъ. Что значитъ: Ко мнѣ какая-то собачонка привязалась.—Мальчикъ очень привязался ко мнѣ.

Тафта—гладкая, тонкая шелковая ткань.

Вентиляціонный—относящійся къ вентиляціи, т.-е. удаленію изъ закрытаго помѣщенія испорченнаго воздуха.

Чинный (отъ сл. **чинъ**—установленный порядокъ, напр. чинъ вѣнчанія, крещенія)—наблюдающій чинъ, порядокъ, приличный, степенный. Романъ отмѣнно длинный, длинный, длинный, нравоучительный и чинный (Пушк.).—Ученики сидятъ чинно.

Ярусъ—въ театрѣ, рядъ мѣстъ на одной высотѣ. Городъ, мѣстность расположены ярусами.

Арена—мѣсто для представленія въ циркѣ. А что значитъ: Ликуетъ буйный Римъ... Торжественно гремитъ рукоплесканьями широкая арена (Лерм.).—Арена дѣятельности.

Темпъ—степень скорости, съ какой исполняется музыкальная пьеса.

Ливрея (франц.)—одежда лакея, служителя. Что значитъ въ перен. см. надѣть ливрею, одѣться въ ливрею?

Галунъ—золотая или серебряная тесьма, нашивающаяся на фуражки или на платье.

Ботфорты—сапоги со стоячими голенищами.

Ватага—толпа, дружное товарищество. Ватага бурлаковъ.—Разбойничья ватага.

Портьера—занавѣсь изъ матеріи, закрывающая дверь.

Балансировать—сохранять равновѣсіе.

Дайте каждой части разсказа заглавіе.—Сравните жизнь Пети и дѣтей гр. Листомировыхъ.

*

22. Верба.

Стихотвореніе *И. Сурикова.*

Ходитъ вѣтеръ, ходитъ буйный,
по полю гуляетъ,
на краю дороги вербу
тонкую сгибаетъ.
Гнется, гнется сиротинка,
нѣтъ для ней подпоры:
всюду поле, точно море,—
не окинутъ взоры.
Солнце жжетъ ее лучами,
дождикъ поливаетъ,
буйный вѣтеръ съ горемыки
листья обрываетъ.
Гнется, гнется сиротинка,
нѣтъ для ней защиты:
всюду поле, точно море,—
ковылемъ покрыто.
Кто же вербу-сиротинку
въ полѣ, на просторѣ,
посадилъ здѣсь при дорогѣ
на бѣду, на горе?
Гнется, гнется сиротинка,
нѣтъ для ней привѣта:
всюду поле,—точно море,
море безъ отвѣта.
Такъ и ты, моя сиротка,
какъ та верба въ полѣ,
вырастаешь безъ привѣта,
въ горемычной долѣ.

Горемыка—человѣкъ, не выходящій изъ бѣды, котораго бѣда преслѣдуетъ; отсюда **горемычный**—несчастный, горестный. *Горе-горемыка, хуже лапотнаго лыка!*—Изъ тебя ли, изъ дубровушки, мелки пташечки вонъ вылетали, одна пташечка оставалася, горемычная кукушечка. (Нар. пѣсня).

Ковыль—степная трава.

Привѣтъ—всякое доброе пожеланіе, ласковое слово при встрѣчѣ. Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ—разсказать, что солнце встало (Фетъ).—*Не мудренъ привыкъ, а сердца покоряетъ. Безъ привыку нѣтъ отвыку.*

Пословицы: *Горе лыкомъ подпоясано.—Горе одолѣетъ, никто не пригрѣетъ.—Горе не молодитъ.—Вѣку мало, да горя много.—Завей горе веревочкой.—Горе да бѣда, съ кѣмъ не была.—За моремъ веселье, да чужое; а у насъ и горе да свое.* Ср. у Некр.: *Какъ ни тепло чужое море, какъ ни красна чужая даль, не имъ размыкать наше горе, развѣять русскую печаль.*

За сиротою самъ Богъ съ калитою. — Въ сиротствѣ жить – слезы лить.—Не строй церкви, пристрой сироту!

*

Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ (1822—1899).

23. Дѣтство.

Изъ романа *Д. В. Григоровича* „Рыбаки".

Разъ какъ-то, въ прекрасный іюльскій день, Гришка и Ваня покачивались въ челнокѣ, который крѣпился къ берегу помощью веревочной петли, заброшенной за старое весло, водруженное въ песокъ. Но, можетъ быть, читатель не знаетъ, что такое рыбацкій челнокъ. Челнокъ рыбака совсѣмъ не то, что челнокъ обыкновенный: это—узенькая, колыхливая лодочка съ палубой, посреди которой вырѣзано круглое отверстіе, закрывающееся люкомъ; подъ этой палубой можетъ помѣститься одинъ только человѣкъ, да и то въ растяжку; въ лѣтнее время у рыбака нѣтъ другого жилища: ночи свои онъ проводитъ въ челнокѣ. Съ вечера забираетъ онъ „верши", уѣзжаетъ въ рѣку, забрасываетъ ихъ, завязываетъ концы веревокъ къ челноку и бросаетъ маленькій якорь; послѣ этого рыбакъ крестится, растягивается на днѣ палубы, подостлавъ напередъ овчину, закрываетъ люкъ; тутъ, слегка покачиваясь изъ стороны въ сторону въ легкой своей „посудинѣ", которая уступаетъ самому легкому вѣтерку и мельчайшей зыби, засыпаетъ онъ крѣпчайшимъ сномъ.

Гришка сидѣлъ на кормѣ челнока и, свѣсивъ смуглыя, худыя ноги свои черезъ бортъ, болталъ ими въ водѣ. Ваня сидѣлъ между тѣмъ въ трюмѣ, и наружу выглядывало только свѣжее, румяное личико его. Бѣлокурая голова мальчика, освѣщенная палящими лучами полуденнаго солнца, казалась еще миловиднѣе и нѣжнѣе посреди черныхъ, грубо высмоленныхъ досокъ палубы.

— Знаешь что, Ванюшка? сказалъ Гришка, неожиданно перебрасывая лѣвую ногу черезъ бортъ и садясь верхомъ на корму.

— Ну?

— Переѣдемъ на ту сторону.

— А тятька? произнесъ Ваня, поворачивая испуганные глаза на собесѣдника.

— Да вѣдь его теперь дома нѣтъ: въ Сосновку ушелъ.

— Ну, а какъ вернется?

— Глупый! да мы къ тому времени давно здѣсь будемъ.

И, не дожидаясь возраженій, онъ быстро скакнулъ на берегъ; но руки его никакъ не могли перекинуть петлю черезъ конецъ весла, и онъ принялся раскачивать его изо-всей мочи.

— Тронься только съ мѣста, сойди только, такъ вотъ тебя тутъ и пришибу! сказалъ онъ, показывая кулакъ Ванюшкѣ, который, испугавшись не на шутку дерзости предпріятія, карабкался изъ отверстія.

— Вишь какой! вѣдь, я чай, страшно.

— Чего?

— Ну, а какъ насъ вонъ туда—въ омутъ понесетъ! Батя и то сказывалъ: такъ, говоритъ, тебя завертитъ и завертитъ! какъ разъ на дно пойдешь! произнесъ Ваня, боязливо указывая на противоположный берегъ, гдѣ, между кустами ивняка, чернѣлъ старый пень ветлы.

— А зачѣмъ насъ туда понесетъ? я чай, мы будемъ грести наискось... Рази ты не видалъ, какъ братъ твой Василій управляется? Вишь: рѣка вонъ туда бѣжитъ, а мы вонъ туда станемъ грести,—все наискось, вонъ-вонъ, къ тому мѣсту—къ дубкамъ, гдѣ озеро.

— Да, ты думаешь рѣка-то узка? не управишься: потонемъ!

— А небось широка по-твоему, эхъ, ты! нетерпѣливо возразилъ Гриша.

Ширина большихъ рѣкъ, дѣйствительно, обманываетъ глазъ. Такъ бы вотъ, кажется, и переплылъ; а между тѣмъ, стоитъ только показаться баркѣ на поверхности воды или человѣку на противоположномъ берегу, чтобы понять всю огромность водяного пространства: барка кажется щепкой, голосъ человѣка чуть слышнымъ звукомъ достигаетъ слуха.

Весло, глубоко вбитое въ песокъ, плохо уступало, однакожъ, усиліямъ Гришки. Нетерпѣніе и досада отражались на смугломъ, остромъ лицѣ мальчика: обнявъ обѣими руками весло и скрежеща зубами, онъ принялся раскачивать его во всѣ стороны, между тѣмъ какъ Ваня стоялъ съ нерѣшительнымъ видомъ въ люкѣ и боязливо посматривалъ то на товарища, то на избу.

Наконецъ, весло повалилось.

— Полно, Гришка! оставь лучше.

— А вотъ погоди... вотъ! отвѣчалъ пріемышъ, схватилъ весло, приперъ грудью челнокъ, пустилъ его на воду и однимъ прыжкомъ очутился на палубѣ.

На все это потребовалась одна секунда, и Ваня не успѣлъ опомниться, какъ онъ и его товарищъ были уже далеко отъ берега. Но сколько Гришка ни размахивалъ весломъ, заставляя своего товарища накренивать челнокъ то на одинъ бокъ, то на другой, ихъ понесло теченіемъ рѣки въ совершенно противоположную отъ дубковъ. Сердце сильно застучало въ груди обоихъ мальчиковъ, когда увидѣли они себя такъ далеко отъ дома. Страхъ овладѣлъ ими еще пуще, когда челнокъ, вертясь и повинуясь быстрому теченію, сталъ приближаться къ черному пню старой ветлы. Гришка вскрикнулъ, выпустилъ весло и прицѣпился къ краямъ борта. Ваня исчезъ подъ палубой и забился въ уголъ. Оба заплакали. Отчаяніе ихъ не было, однакожъ продолжительно.

— Проѣхали! омутъ проѣхали! воскликнулъ неожиданно Гришка.

Ваня высунулъ голову изъ люка и, какъ бы внезапно пробуждаясь отъ сна, съ испугомъ оглянулся.

Старый пень находился уже позади ихъ. Челнокъ быстро несся къ берегу. Сдѣлавъ два-три круга, онъ въѣхалъ наконецъ въ одинъ изъ тѣхъ маленькихъ, мелкихъ заливовъ, или „заводьевъ“, которыми, какъ узоромъ, убираются песчаные берега рѣкъ, и засѣлъ въ густыхъ кустахъ лозняка. Мальчики ухватились за вѣтви, притащили челнокъ въ глубину залива и проворно соскочили наземь. Страхъ ихъ прошелъ мгновенно; они взглянули другъ на друга и засмѣялись.

— Ну, а какъ же мы назадъ-то поѣдемъ, безъ весла-то? сказалъ вдругъ Ваня, и личико его снова отуманилось.

— А вотъ что, возразилъ съ живостью Гришка,—мы пойдемъ на озеро, къ дѣдушкѣ Кондратію: онъ насъ перевезетъ.

— И то, и то! да куда жъ итти-то? радостно подхватилъ Ваня.

— Выйдемъ на лугъ: тамъ оглянемся. Отселева, изъ-за кустовъ-то, озера не видно... Пойдемъ.

— А заблудимся?

— Эвось-на! развѣ эти кусты-то не видалъ ты съ нашего берега?.. идутъ недалече! Сейчасъ луга пойдутъ, а тамъ и озеро... Ну, валяй!

И оба побѣжали, перепрыгивая поминутно черезъ сыпучіе песчаные овражки, заросшіе широкими сѣро-зелеными листьями лопуха. Темная зелень ежевичника и осоки, смѣшиваясь съ глянцовитою, серебристою листвою ветлы и ивы, обступала стѣною нашихъ мальчиковъ. На песокъ выбѣгали, переплетаясь между собою, черные узловатые корни, кругомъ обмытые весеннею водою. Попавъ разъ въ этотъ тѣсный лабиринтъ, шалуны сами не знали уже, какъ выбраться. Надъ головами ихъ подымались со всѣхъ сторонъ и высоко убѣгали въ синее небо обнаженныя вѣтви, покрытыя кое-гдѣ косматыми пучками сухихъ травъ, принесенныхъ на такую высоту весеннею водою, которая затопляетъ луговой берегъ верстъ за семь и болѣе. Вершины ветелъ усѣяны были обезображенными корягами, засѣвшими также во время водополья. Безчисленное множество дорожекъ изгибалось по всѣмъ возможнымъ направленіямъ. Изрѣдка, впрочемъ, открывались ровныя, гладкія площадки тонкаго песку, усѣянныя мелкими бѣлыми раковинами и испещренныя лапками рѣчныхъ куликовъ. Близость рѣки всюду сказывалась. Въ тѣни чувствовалась свѣжесть. Запахъ сырого песку, смѣшиваясь съ запахомъ лопуха, разливался въ воздухѣ.

Набѣгавшись вдоволь, запыхавшись такъ, что едва переводили духъ, наши мальчики наконецъ остановились.

— Ну, гдѣ жъ луга-то? вишь, нѣту! сказалъ Ваня, отирая рукой потъ, струившійся по раскраснѣвшемуся лицу его.

Гришка оглядывался во всѣ стороны. Въ смуглыхъ чертахъ его не было ни малѣйшаго признака смущенія.

— Постой! шт! молчи! я слышу чей-то голосъ! произнесъ онъ, неожиданно приподнявъ руку.

Оба стали прислушиваться.

Въ самомъ дѣлѣ, посреди слабаго шелеста насѣкомыхъ, раздался вдругъ тоненькій-тоненькій голосокъ. Голосъ, приближавшійся постепенно, напѣвалъ пѣсню.

— Слышь, Ваня?

— Слышу.

— Пойдемъ туда! Слышь, дѣвчонка поетъ! сказалъ Гришка.

— Ну, пойдемъ.

Но не успѣли они сдѣлать нѣсколько прыжковъ, какъ уже очутились прямо противъ пѣвуньи.

То была хорошенькая дѣвочка лѣтъ восьми, съ голубыми, какъ васильки, глазами, румяными щечками и красными, смѣю-

щимися губками; длинныя пряди бѣлокурыхъ шелковистыхъ волосъ сбѣгали золотистыми изгибами по обѣимъ сторонамъ ея загорѣлаго, но чистенькаго, какъ словно обточеннаго личика. Она собирала валежникъ. Связка сухихъ вѣтвей лежала на рукѣ дѣвочки и, свѣсившись немного на бокъ, обнажала полное загорѣлое плечико, привлекательно круглившееся на складкахъ бѣлой рубашки, которая прикрывала только до колѣнъ ея тоненькія быстрыя ножки. Застигнутая врасплохъ, пѣвунья остановилась какъ вкопанная, пугливо взглянула на мальчиковъ и, раскрывъ губки, выпустила валежникъ, который, вѣтка за вѣткой, посыпался на песокъ.

— И то дѣвчонка! Ишь какъ ее распѣваетъ! сказалъ Гришка, осматривая ее съ любопытствомъ.

— Ты чья? спросилъ Ваня.

Дѣвочка молчала. Валежникъ продолжалъ сыпаться къ ногамъ ея.

— Что жъ ты не говоришь ничего?

— Запужалась добре: знаетъ, съ разбойниками повстрѣчалась! Вѣдь мы разбойники! воскликнулъ Гришка, подпираясь въ бока кулаками и страшно хмуря брови.

— Вишь... какъ же... разбойники! проговорила дѣвочка, ободренная смѣхомъ Ванюши.

— Вѣстимо, разбойники!

— Да ты отколѣ? продолжалъ разспрашивать Ваня.

— А съ озера, чай! отвѣчала дѣвочка.

— Съ какого озера?

— А вамъ зачѣмъ? съ озера...

— Постой, Ванюша: я вотъ ее... Она у меня скажетъ! произнесъ Гришка, дѣлая шагъ къ дѣвочкѣ.

— Тронь только! вскрикнула она, схватывая вѣтку и становясь въ оборонительное положеніе,—у меня тутъ вотъ тятька за кустами: онъ те дастъ.

— А кто твой тятька? спросилъ Гришка, озираясь на стороны.

— А дядя Кондратій, чай,—вотъ кто!

— Эвона! вѣдь мы его знаемъ!

— Да вы отколь! бойко спросила дѣвочка.

— А мы съ рѣчки: мы рыбаки!

— Ужъ и рыбаки! возразила дѣвочка, сомнительно посматривая на мальчиковъ.

— Не вѣришь?

— Нѣтъ, вы мальчишки: рыбаки-то, я чай, съ бородами.

— А рази у всѣхъ бороды-то?

— У всѣхъ, лаконически отвѣчала дѣвочка, нагибаясь и принимаясь подбирать валежникъ.

— Ты говоришь, тятька твой близко, произнесъ Ванюша,— что жъ его не слыхать?

— А онъ вонъ тамъ, за кустами.

Дѣйствительно, неподалеку послышался стукъ топора.

— Дуня! проговорилъ вслѣдъ затѣмъ протяжный, спокойный голосъ,—съ кѣмъ это ты тамъ калякаешь?

Дѣвочка подняла вѣтви, положила ихъ на плечо и, не взглянувъ даже на мальчиковъ, побѣжала въ ту сторону, откуда раздался голосъ.

Гришка и Ваня послѣдовали за нею, и вскорѣ всѣ трое очутились у опушки кустовъ, гдѣ начинался уже лугъ, сначала желтый, рѣдкій, перемѣшанный съ пескомъ, но постепенно зеленѣющій и убѣгающій въ необозримую даль, задернутую переливающимися струями раскаленнаго воздуха.

Тутъ, подъ синеватою тѣнью раскидистыхъ ивъ, сидѣлъ старикъ лѣтъ шестидесяти. Его бѣлые какъ снѣгъ волосы, волною ниспадавшіе до плечъ, придавали ему видъ самый почтенный, патріархальный, чему не мало также способствовало выраженіе неизъяснимаго спокойствія, кротости и добродушія, разлитое во всѣхъ чертахъ его. Его обнаженный лобъ, виски и щеки усѣяны были тѣми мелкими, тоненькими морщинками, которыя даются только тихою, спокойною жизнію. Жизнь старика отражалась, впрочемъ, еще яснѣе въ свѣтло-голубыхъ глазахъ его, смотрѣвшихъ съ какою-то дѣтскою простотою. Это былъ дѣдушка Кондратій, озерскій рыбакъ и отецъ Дуни. Подлѣ него лежала, съ одной стороны начатая верша, съ другой—ворохъ красноватыхъ прутьевъ лозняка.

— Э-э! такъ вотъ это ты съ кѣмъ калякала! то-то слышу я: та, та, та... Отколь вы, молодцы? какъ сюда попали? сказалъ старикъ, потряхивая волосами и съ улыбкой поглядывая на мальчиковъ.

Мальчики, перебивая другъ дружку, разсказали повѣсть первыхъ своихъ неудачъ на мореходномъ поприщѣ; оба просили дѣдушку перевезти ихъ на ту сторону.

— Перевезти-то я васъ перевезу, а только въ другой разъ, смотрите, ребятенки, одни такъ-то по рѣкѣ не пускайтесь. Скажи на милость, баловники какіе!.. а? Одни безъ спроса по рѣкѣ ѣздятъ! Ну, долго ли до грѣха? Гдѣ вамъ еще управиться!.. Слава-те Господи, въ омутъ не попали! что бы сказалъ тогда Глѣбъ-то Савинычъ? Ну, ступайте на озеро за весломъ... что съ вами станешь дѣлать!.. Дуня, подь-ка, матушка, съ ними, укажи дорогу,— а сама назадъ не приходи. Я только вотъ перевезу ихъ, да и домой... Ну, ребятушки, въ бѣжки! Кто попрытчѣе изъ васъ! Нутка-сь, нутка-сь, я погляжу...

Крѣпиться—имѣетъ различныя значенія: Части строенія нерѣдко крѣпятся желѣзомъ.—Я долго крѣпился, но терпѣніе лопнуло. *Давши слово—держись, а не давши—крыпись.*—Что значитъ это слово съ приставками **у, под, при?**

Колыхливый—легко колышащійся, валкій, качкій. Обратите вниманіе на суффиксъ **лив**. Что онъ значитъ? сравните его въ слов.: **смѣшливый, смѣтливый** и т. д. Назовите еще другіе примѣры.

Люкъ (нѣм.)—отверстіе въ палубѣ, съ крышкою къ нему; вообще входъ въ погребъ, въ подполье, закрывающійся лежачей дверью.

Верша—рыболовный снарядъ изъ прутьевъ, въ видѣ воронки.

Трюмъ—нижняя внутренняя часть корабля, куда кладется грузъ или товаръ.

Управляться—буквально то же, что быть управляему, напр.: Кѣмъ управляется это имѣніе? Въ переносн. значен.: преодолѣвать трудности, успѣвать въ чемъ. Тутъ одному не управиться, много дѣла.—Мы еще не управились съ уборкой хлѣба.

Накренить, накренивать—наклонять, нагибать на бокъ (о суднѣ).

Лабиринтъ (греч.)—мѣсто, откуда трудно найти выходъ, запутанныя дорожки.

Коряга—смытое въ рѣку дерево, суковатый кривой мелкій лѣсъ.

Испещрять, испестрить—дѣлать пестрымъ, окрашивать разноцвѣтно, сплошь покрывать крапинами.

Патріархальный—по образу и обычаю праотцевъ; имѣющій свойство, напоминающій патріарха, почтеннаго старца.

Калякать—бесѣдовать, болтать.

Поприще—мѣсто, на которомъ дѣйствуютъ, подвизаются. Часто употребл. въ переносномъ значеніи. Поприще жизни.—Какое поприще онъ избралъ? т.-е. какой родъ занятій, чему посвятилъ себя? На литературномъ поприщѣ онъ подвизается уже много лѣтъ. У Некр. (въ „Школьникѣ"): Тамъ ужъ поприще широко,—знай, работай да не трусь.

*

24. Сиротка Акулина.

Отрывокъ *Д. В. Григоровича.*

Маленькая Акулина сдѣлалась на скотномъ дворѣ съ перваго же дня своего существованія предметомъ всеобщаго нерасположенія. „Добро бы своя была", говорили бабы: „добро бы родная, а то не вѣсть по какого лѣшаго смотришь за нею!" Но хуже всего

приходилось терпѣть сироткѣ отъ пріемной матери, скотницы Домны. Случалось ли кому изъ ребятъ напроказить: разбить горшокъ или выпить втихомолку сливки, разгнѣванная Домна накидывалась обыкновенно на Акульку, видя въ ней если не виновницу, то по крайней мѣрѣ главную зачинщицу; забредетъ ли свинья въ барскій палисадникъ, и за свинью отвѣчала бѣдняжка,—словомъ все, что только могло случиться непріятнаго въ домашнемъ быту скотнаго двора, все вызывало побои на безотвѣтную дѣвочку.

Много слезъ и горя стоило въ первое время Акулинѣ новое назначеніе, опредѣленное ей Домной: ее посылали на рѣку стеречь гусей и утокъ. Выгоняя утромъ гусиное стадо, проходила ли она по улицѣ, всюду встрѣчались веселые ребятишки, беззаботно игравшіе подъ навѣсами и на дорогѣ, всюду слышались ихъ веселыя пѣсни, крики; одна она должна была проходить мимо, не смѣя присоединиться къ нимъ и раздѣлить общую радость. А ужъ какъ страшно-то было, ей, боязливой дѣвочкѣ, напуганной разными дивами, проводить цѣлые дни одной-одинешенькой, далеко отъ села, въ какомъ-нибудь глухомъ болотѣ или темномъ лѣсу. Въ первое время она часто не могла вынести своего одиночества и, бросивъ тутъ же гусиное стадо свое, возвращалась одна на скотный дворъ, позабывая и побои скотницы и все, что могло ожидать ее за такой своевольный поступокъ.

Но прошелъ годъ-другой, и свыклась Акулька со своей тяжкой долей. Какое-то даже радостное чувство наполняло грудь дѣвочки, когда, вставъ вмѣстѣ съ зарею, ранымъ-рано, вооружась хворостиною, выгоняла она за околицу свое стадо. Теперь, уже не ожидая намека, спѣшила она убраться со своими гусями и утками въ поле, лишь бы только скорѣе вырваться изъ избы. Какъ птичка встрепенется она тогда; все измѣнялось въ ней; движенія дѣлались развязнѣе, станъ выпрямлялся,—словомъ, трудно было узнать въ сироткѣ одну и ту же дѣвочку. Робкій и жалкій видъ, такъ рѣзко отличавшій ее дома отъ прочихъ дѣтей, какъ бы мгновенно исчезалъ. Бывало даже, на Акулю находилъ въ эти минуты вдругъ какой-то припадокъ веселости, рѣзвости. Она особенно любила загонять свое стадо въ густую осиновую рощу. Ей невыразимо легко, весело, привольно было просиживать тутъ съ утра до вечера. Тутъ только запуганный, забитый ребенокъ чувствовалъ себя на свободѣ. Природа ни мало не плѣняла деревенской дѣвочки; невѣдомо пріятное чувство, подъ вліяніемъ котораго нахо-

дилась она, было въ ней совершенно безотчетно... Ее выводили изъ раздумья однообразное кукованье кукушки, крикъ иволги или коршуна, который, распластавъ широкія крылья свои, вдругъ, откуда ни возьмись, кружась и вертясь, появлялся надъ испуганнымъ ея стадомъ. Акуля вскакивала тогда, блѣдное личико ея покрывалось яркимъ румянцемъ; она начинала бѣгать и суетиться, хмурила сердито свои узенькія брови и, размахивая по сторонамъ длинною хворостиною, казалось, готовилась съ самоотверженіемъ защищать слабыхъ своихъ питомцевъ. Наступалъ вечеръ, и дѣвочка снова направлялась къ околицѣ, слѣдя съ какою-то не ребяческой грустью за стаями галокъ, несшихся на ночлегъ въ теплыя родныя гнѣзда.

Съ возрастомъ, по мѣрѣ того, какъ сиротка становилась разумнѣе, постоянное это одиночество обратилось не только въ привычку, но сдѣлалось для нея потребностью. Оно было единственнымъ средствомъ, избавлявшимъ ее отъ побоевъ скотницы и толчковъ встрѣчнаго и поперечнаго. Вообще отчужденіе, которое испытывала она со стороны окружающихъ, какъ круглая сирота, и которое съ нѣкоторыхъ поръ какъ-то особенно тяготило ее, также не мало способствовало подобному расположенію. Постоянное отдаленіе Акулины отъ жителей скотнаго двора и одинокая жизнь производили на ея дѣтство сильное вліяніе. Прежде еще, когда неотлучно оставалась она при людяхъ, приластится бывало къ тому, къ другому, или вымолвитъ ласковое слово, не взирая на толчки, которыми часто отвѣчали на ея ласки; теперь же, едва успѣетъ вернуться съ поля, какъ тотчасъ забьется въ самый темный уголъ, молчитъ, не шевельнется даже, боясь обратить на себя вниманіе. Она входила въ избу всегда съ какимъ-то страхомъ, смущеніемъ, трепетомъ — чувствами, появлявшимися прежде не иначе, какъ вслѣдствіе приключившагося съ нею несчастія. Ребенокъ одичалъ, наконецъ, до того, что разъ, безъ особенной причины, цѣлыя трое сутокъ сряду не возвращался домой со своимъ стадомъ,—голодъ только могъ вынудить его покинуть поля и рощу. Первое зазимье и морозы возвращали, однако, волею-неволею полуодичалую сиротку на скотный дворъ. Въ это время года, когда всѣ, отъ мала до велика, не исключая даже домашнихъ животныхъ, столпятся вмѣстѣ подъ одною и тою же кровлею,—она снова сближалась нѣсколько съ семействомъ скотницы. Однако сближеніе это у ней было болѣе внѣшнее, нежели нравственное. Робкій и тихій

нравъ дѣвочки, притомъ постоянно грубое обхожденіе, которому она подвергалась,—все это должно было отталкивать ее отъ задушевныхъ съ ними сношеній.

Самоотверженіе—состоянье человѣка, который жертвуетъ собою своими благами на пользу ближняго или для общаго блага.

Отчужденіе—1, состояніе, которое испытываетъ человѣкъ, котораго чуждаются, избѣгаютъ; 2, дѣйствіе, которымъ имущество, принадлежащее однимъ лицамъ, передается въ собственность другихъ. Постройкѣ желѣзной дороги всегда предшествуетъ отчужденіе частныхъ земель, по которымъ она пройдетъ.

Приласти́ться—то же, что приласка́ться.

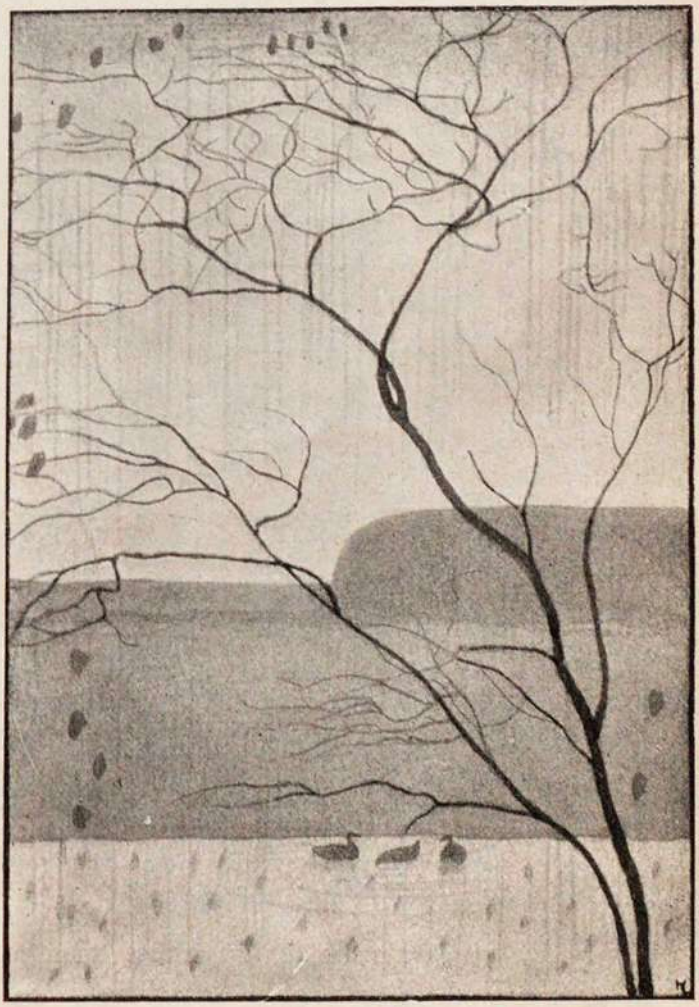
Задушевный—милый, сердечный, идущій отъ души, проникающій въ душу, хватающій за душу, искренній. Запѣлъ лучинушку—вся задушевная тоска этой пѣсни такъ и послышалась и почуялась въ каждомъ переливѣ его голоса (Писемск.).—Нѣсколько разъ прочелъ онъ это изреченіе, выражавшее его задушевную мысль (Л. Толст.). Задушевный голосъ.—Задушевная бесѣда.

*

25. * * *

Стихотвореніе *Н. Огарева.*

Осенній день былъ сѣръ и сыръ,
и мелкій дождь ежеминутно
на землю капалъ; мокрый міръ
смотрѣлъ уныло, безпріютно.
Казалось пусто. Садъ притихъ,
замолкъ деревьевъ гулъ протяжный,
и желтый листъ, срываясь съ нихъ,
печально мокъ на почвѣ влажной,
и только утки, какъ всегда,
плескались глупо у пруда.



*

На побывку къ сыну.

Съ картины *В. Маковскаго.*

Разскажите, что здѣсь нарисовано?

26. Приготовленіе къ охотѣ.

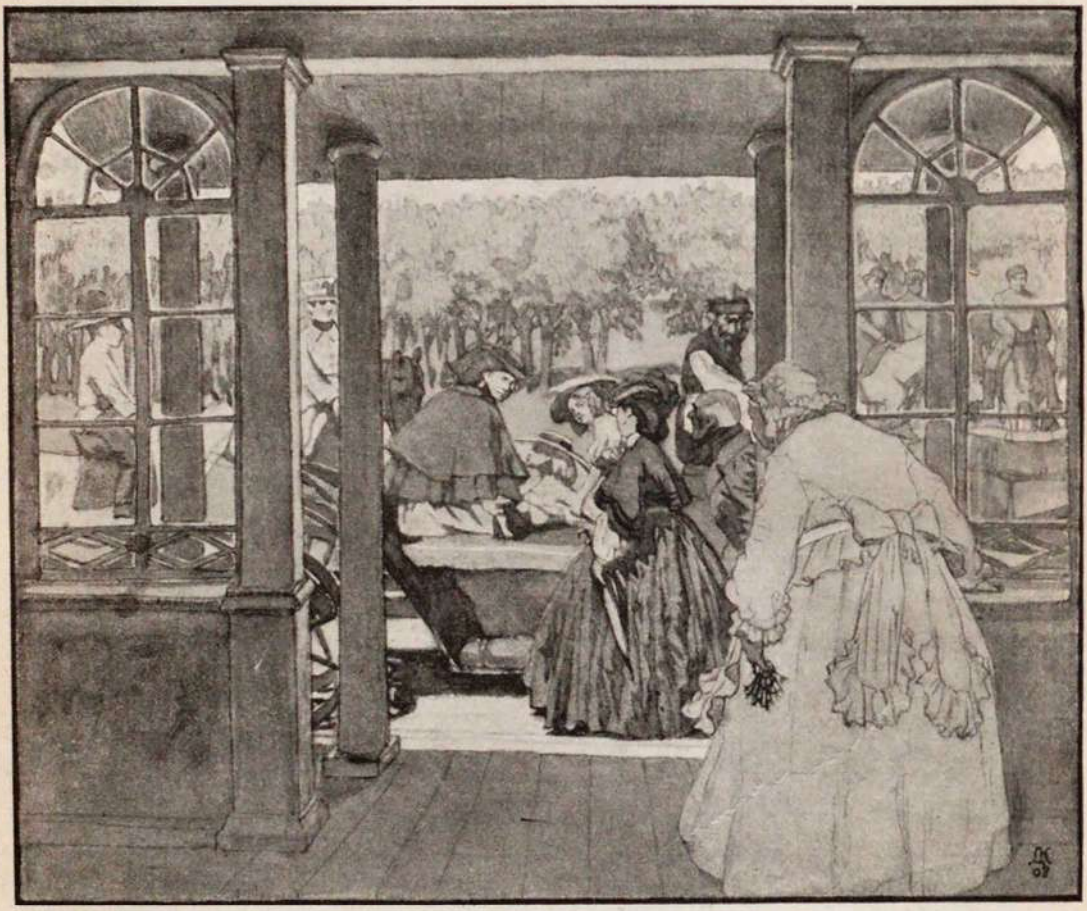
Изъ повѣсти *гр. Л. Н. Толстого* „Дѣтство и отрочество".

Во время пирожнаго былъ позванъ Яковъ, и отданы приказанія насчетъ линейки, собакъ и верховыхъ лошадей—все съ величайшею подробностью, называя каждую лошадь по имени. Володина лошадь хромала; папа велѣлъ осѣдлать для него охотничью. Эти слова: „охотничья лошадь"—какъ-то странно звучали въ ушахъ maman: ей казалось, что охотничья лошадь должна быть что-то въ родѣ бѣшенаго звѣря и что она непремѣнно понесетъ и убьетъ Володю. Несмотря на увѣщанія папа и Володи, который съ удивительнымъ молодечествомъ говорилъ, что это ничего и что онъ очень любитъ, когда лошадь несетъ, бѣдняжка maman продолжала твердить, что она все гулянье будетъ мучиться.

Обѣдъ кончился; большіе пошли въ кабинетъ пить кофе, а мы побѣжали въ садъ шаркать ногами по дорожкамъ, покрытымъ упавшими желтыми листьями, и разговаривать. Начались разговоры о томъ, что Володя поѣдетъ на охотничьей лошади, о томъ, какъ стыдно, что Любочка тише бѣгаетъ, чѣмъ Катенька, о томъ, что интересно было бы посмотрѣть вериги Гриши и т. д.,—о томъ же, что мы разстаемся, ни слова не было сказано. Разговоръ нашъ былъ прерванъ стукомъ подъѣзжавшей линейки, на которой у каждой рессоры сидѣло по дворовому мальчику. За линейкой ѣхали охотники съ собаками, за охотниками—кучеръ Игнатъ, на назначенной Володѣ лошади, и велъ въ поводу моего стариннаго клепера. Сначала мы всѣ бросились къ забору, отъ котораго видны были всѣ эти интересныя вещи, а потомъ съ визгомъ и топотомъ побѣжали наверхъ одѣваться, и одѣваться такъ, чтобы какъ можно болѣе походить на охотниковъ. Одно изъ главныхъ къ тому средствъ было всучиваніе панталонъ въ сапоги. Нимало не медля, мы принялись за это дѣло, торопясь скорѣе кончить его и бѣжать на крыльцо наслаждаться видомъ собакъ, лошадей и разговоромъ съ охотниками.

День былъ жаркій. Бѣлыя, причудливыхъ формъ тучки съ утра показались на горизонтѣ; потомъ все ближе и ближе сталъ сгонять ихъ маленькій вѣтерокъ, такъ что изрѣдка онѣ закрывали солнце. Сколько ни ходили и ни чернѣли тучи, видно не суждено имъ было собраться въ грозу и въ послѣдній разъ помѣшать нашему удовольствію. Къ вечеру онѣ опять стали расходиться; однѣ поблѣднѣли, подлиннѣли и бѣжали на горизонтъ; другія, надъ самою

головой, превратились въ бѣлую прозрачную чешую; одна только черная, большая туча остановилась на востокѣ. Карлъ Ивановичъ всегда зналъ, куда какая туча пойдетъ; онъ объявилъ, что эта туча пойдетъ къ Масловкѣ, что дождя не будетъ и погода будетъ превосходная.



Фока, несмотря на свои преклонныя лѣта, сбѣжалъ съ лѣстницы очень ловко и скоро, крикнулъ: „подавай!“—и, раздвинувъ ноги, твердо сталъ по серединѣ подъѣзда, между тѣмъ мѣстомъ, куда долженъ былъ подкатить линейку кучеръ, и порогомъ, въ позиціи человѣка, которому не нужно напоминать объ его обязанности. Барыни сошли и, послѣ небольшого пренія о томъ, кому на какой сторонѣ сидѣть и за кого держаться (хотя, мнѣ кажется, совсѣмъ не нужно было держаться), усѣлись, раскрыли зонтики и поѣхали. Когда линейка тронулась, maman, указывая на „охотничью лошадь“, спросила дрожащимъ голосомъ у кучера:

— Эта для Владиміра Петровича лошадь?

И когда кучеръ отвѣчалъ утвердительно, она махнула рукой и отвернулась. Я былъ въ сильномъ нетерпѣніи: влѣзъ на свою лошадку, смотрѣлъ ей между ушей и дѣлалъ по двору разныя эволюціи.

— Собакъ не извольте раздавить, — сказалъ мнѣ какой-то охотникъ.

— Будь покоенъ: мнѣ не въ первый разъ!—отвѣчалъ я гордо.

Володя сѣлъ на „охотничью лошадь“, несмотря на твердость своего характера, не безъ нѣкотораго содроганія и, оглаживая ее, нѣсколько разъ спросилъ:

— Смирна ли она?

На лошади же онъ былъ очень хорошъ, точно большой. Обтянутыя ляжки его лежали на сѣдлѣ такъ хорошо, что мнѣ было завидно,—особенно потому, что, сколько я могъ судить по тѣни, я далеко не имѣлъ такого прекраснаго вида.

Вотъ послышались шаги папа по лѣстницѣ; выжлятникъ подогналъ отрыскавшихъ гончихъ: охотники съ борзыми подозвали своихъ и стали садиться. Стремянный подвелъ лошадь къ крыльцу; собаки своры папа, которыя прежде лежали въ разныхъ живописныхъ позахъ около нея, бросились къ нему. Вслѣдъ за нимъ, въ бисерномъ ошейникѣ, побрякивая желѣзкой, весело выбѣжала Милка. Она, выходя, всегда здоровалась съ псарными собаками съ однѣми поиграетъ, съ другими понюхается и порычитъ, а у нѣкоторыхъ поищетъ блохъ.

Папа сѣлъ на лошадь, и мы поѣхали.

Линейка—широкія, многомѣстныя дрожки, съ сидѣньями на двѣ стороны, употреблявшіяся встарину.

Понести, поносить—имѣетъ различныя значенія, которыя легко выяснить по слѣд. примѣрамъ: Понести трудъ, понести убытокъ.—Лошади понесли, помчали, закусивъ удила. Онъ понесъ такую дичь (чепуху), что тошно слушать.—Въ очи льстить, позаочью поноситъ.

Вериги—желѣзныя цѣпи, носимыя на голомъ тѣлѣ, для смиренія плоти. Въ слезахъ раскаянья, съ мольбой, предъ образомъ смиренно распростирался Громобой, веригой отягченный (Жук.). Или изъ Некр.: Весь въ веригахъ, обувь бѣдная, на щекѣ глубокій шрамъ (Власъ).

Позиція—положеніе.

Преніе—состязаніе, споръ. Заглавіе старинн. литерат. произведенія: „Преніе живота съ смертью“.

Эволюція—постепенное развитіе органическихъ формъ (животныхъ и растеній); упражненія, маневры.

Огладить, оглаживать—дѣлать гладкимъ, ровнять съ разныхъ сторонъ. Огладить рукою—погладить рукою, поласкать.

Выжлятникъ—старшій псарь, который водитъ стаю, напускаетъ и сзываетъ ее.

Свора —бичевка, на коей водятъ борзыхъ собакъ, обычно по двѣ. Борзыя на сворахъ, гончія на смычкѣ.—Борзыя прыгаютъ на сворахъ (Пушк.).

*

27. Охота.

Изъ повѣсти *гр. Л. Н. Толстого* „Дѣтство и отрочество".

Доѣзжачій, прозывавшійся Турка, на голубой, горбоносой лошади, въ мохнатой шапкѣ, съ огромнымъ рогомъ за плечами и ножомъ на поясѣ, ѣхалъ впереди всѣхъ. По мрачной и свирѣпой наружности этого человѣка скорѣе можно было подумать, что онъ ѣдетъ на смертный бой, чѣмъ на охоту. Около заднихъ ногъ его лошади, пестрымъ, волнующимся клубкомъ, бѣжали сомкнутыя гончія. Жалко было видѣть, какая участь постигала ту несчастную, которой вздумывалось отстать. Ей надо было съ большими усиліями перетянуть свою подругу, и, когда она достигала этого, одинъ изъ выжлятниковъ, ѣхавшихъ сзади, непремѣнно хлопалъ по ней арапникомъ, приговаривая: „въ кучу!" Выѣхавъ за ворота, папа велѣлъ охотникамъ и намъ ѣхать по дорогѣ, а самъ повернулъ въ ржаное поле.

Хлѣбная уборка была во всемъ разгарѣ. Необозримое, блестяще-желтое поле замыкалось только съ одной стороны высокимъ, синѣющимъ лѣсомъ, который тогда казался мнѣ самымъ отдаленнымъ, таинственнымъ мѣстомъ, за которымъ или кончается свѣтъ, или начинаются необитаемыя страны. Все поле было покрыто копнами и народомъ. Въ высокой густой ржи виднѣлись кое-гдѣ на выжатой полосѣ согнутая спина жницы, взмахъ колосьевъ, когда она перекладывала ихъ между пальцевъ, женщина въ тѣни, нагнувшаяся надъ люлькой, и разбросанные снопы по усѣянному васильками жнивью. Въ другой сторонѣ мужики въ однѣхъ рубахахъ, стоя на телѣгахъ, накладывали копны и пылили по сухому, раскаленному полю. Староста, въ сапогахъ и армякѣ въ накидку, съ бирками въ рукѣ, издалека замѣтивъ папа, снялъ свою поярковую шляпу, утиралъ рыжую голову и бороду полотенцемъ и покрикивалъ на бабъ. Рыженькая лошадка, на которой ѣхалъ папа, шла легкою, игривою ходой, изрѣдка опуская голову къ груди, вытягивая поводья и смахивая густымъ хвостомъ оводовъ и мухъ, которые жадно лѣпились на нее. Двѣ борзыя собаки, напряженно загнувъ хвостъ серпомъ и высоко поднимая ноги, граціозно перепрыгивали по высокому жнивью, за ногами лошади; Милка бѣжала впереди и, загнувъ голову, ожи-

дала прикормки. Говоръ народа, топотъ лошадей и телѣгъ, веселый свистъ перепеловъ, жужжанье насѣкомыхъ, которыя неподвижными стаями вились въ воздухѣ, запахъ полыни, соломы и лошадинаго пота, тысячи различныхъ цвѣтовъ и тѣней, которые разливало палящее солнце по свѣтло-желтому жнивью, синей дали лѣса и бѣло-лиловымъ облакамъ, бѣлыя паутины, которыя носились въ воздухѣ или ложились по жнивью—все это я видѣлъ, слышалъ и чувствовалъ.

Подъѣхавъ къ Калиновому лѣсу, мы нашли линейку уже тамъ и, сверхъ всякаго ожиданія, еще телѣгу въ одну лошадь, на серединѣ которой сидѣлъ буфетчикъ. Изъ-подъ сѣна виднѣлись: самоваръ, кадка съ мороженою формой и еще кое-какіе привлекательные узелки и коробочки. Нельзя было ошибиться: это былъ чай на чистомъ воздухѣ, мороженое и фрукты. При видѣ телѣги мы изъявили шумную радость, потому что пить чай въ лѣсу на травѣ и вообще на такомъ мѣстѣ, на которомъ никто никогда не пивалъ чаю, считалось большимъ наслажденіемъ.

Турка подъѣхалъ къ острову, остановился, внимательно выслушалъ отъ папа подробное наставленіе, какъ ровняться и куда выходить (впрочемъ, онъ никогда не соображался съ этимъ наставленіемъ, а дѣлалъ по-своему), разомкнулъ собакъ, не спѣша второчилъ смычки, сѣлъ на лошадь и, посвистывая, скрылся за молодыми березками. Разомкнутыя гончія прежде всего маханіемъ хвостовъ выразили свое удовольствіе, встряхнулись, оправились и потомъ уже маленькой рысцой, принюхиваясь и махая хвостами, побѣжали въ разныя стороны.

— Есть у тебя платокъ?—спросилъ папа.

Я вынулъ изъ кармана и показалъ ему.

— Ну, такъ возьми на платокъ эту сѣрую собаку...

— Жирана? — сказалъ я съ видомъ знатока.

— Да; и бѣги по дорогѣ. Когда придетъ полянка, остановись и, смотри: ко мнѣ безъ зайца не приходить!

Я обмоталъ платкомъ мохнатую шею Жирана и опрометью бросился бѣжать къ назначенному мѣсту. Папа смѣялся и кричалъ мнѣ вслѣдъ:

— Скорѣй, скорѣй, а то опоздаешь.

Жиранъ безпрестанно останавливался, поднимая уши, и прислушивался къ порсканью охотниковъ. У меня недоставало силъ стащить его съ мѣста, и я начиналъ кричать: „ату! ату!“ Тогда Жиранъ рвался такъ сильно, что я насилу могъ удерживать его,

и не разъ упалъ, покуда добрался до мѣста. Избравъ у корня высокаго дуба тѣнистое и ровное мѣсто, я легъ на траву, усадилъ подлѣ себя Жирана и началъ ожидать. Воображеніе мое, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, ушло далеко впередъ дѣйствительности: я воображалъ себѣ, что травлю уже третьяго зайца, въ то время, какъ отозвалась въ лѣсу первая гончая. Голосъ Турки громче и одушевленнѣе раздавался въ лѣсу; гончая взвизгивала, и голосъ ея слышался все чаще и чаще; къ нему присоединился другой баснстый голосъ, потомъ третій, четвертый... Голоса эти то замолкали, то перебивали другъ друга. Звуки постепенно становились сильнѣе и непрерывнѣе и, наконецъ, слились въ одинъ звонкій, заливистый гулъ. Островъ былъ голосистый, и гончія варили варомъ.

Услыхавъ это, я замеръ на своемъ мѣстѣ. Вперивъ глаза въ опушку, я безсмысленно улыбался, потъ катился съ меня градомъ: и хотя капли его, сбѣгая по подбородку, щекотали меня, я не вытиралъ ихъ. Мнѣ казалось, что не можетъ быть рѣшительнѣе этой минуты. Положеніе этой напряженности было слишкомъ неестественно, чтобы продолжаться долго. Гончія то заливались около самой опушки, то постепенно отдалялись отъ меня; зайца не было. Я сталъ смотрѣть по сторонамъ. Съ Жираномъ было то же самое сначала онъ рвался и взвизгивалъ, потомъ легъ подлѣ меня, положилъ морду мнѣ на колѣни и успокоился.

Около оголившихся корней того дуба, подъ которымъ я сидѣлъ, по сѣрой, сухой землѣ, между сухими дубовыми листьями, желудями, пересохшими, обомшалыми хворостинками, желто-зеленымъ мхомъ и изрѣдка пробивавшимися, тонкими, зелеными травками кишмя кишѣли муравьи. Они, одинъ за другимъ, торопились по пробитымъ ими торнымъ дорожкамъ: нѣкоторые съ тяжестями, другіе порожнякомъ. Я взялъ въ руки хворостину и загородилъ ею дорогу. Надо было видѣть, какъ одни, презирая опасность, подлѣзали подъ нее, другіе перелѣзали черезъ, а нѣкоторые, особенно тѣ, которые были съ тяжестями, совершенно терялись и не знали, что дѣлать: останавливались, искали обхода, или ворочались назадъ, или по хворостинкѣ добирались до моей руки и, кажется, намѣревались забраться подъ рукавъ моей курточки. Отъ этихъ интересныхъ наблюденій я былъ отвлеченъ бабочкой съ желтыми крылышками, которыя чрезвычайно заманчиво вилась предо мною. Какъ только я обратилъ на нее внима-

ніе, она отлетѣла отъ меня шага на два, повилась надъ почти увядшимъ бѣлымъ цвѣткомъ дикаго клевера и сѣла на него. Не знаю, солнышко ли ее пригрѣло, или она брала сокъ изъ этой травки,—только видно было, что ей очень хорошо. Она изрѣдка взмахивала крылышками и прижималась къ цвѣтку, наконецъ совсѣмъ замерла. Я положилъ голову на обѣ руки и съ удовольствіемъ смотрѣлъ на нее.

Вдругъ Жиранъ завылъ и рванулся съ такою силой, что я чуть было не упалъ. Я оглянулся. На опушкѣ лѣса, приложивъ одно ухо и приподнявъ другое, перепрыгивалъ заяцъ. Кровь ударила мнѣ въ голову, и я, все забывъ въ эту минуту, закричалъ что-то неистовымъ голосомъ, пустилъ собаку и бросился бѣжать. Но не успѣлъ я этого сдѣлать, какъ уже началъ раскаиваться: заяцъ присѣлъ, сдѣлалъ прыжокъ, и больше я его не видалъ.

Но каковъ былъ мой стыдъ, когда вслѣдъ за гончими, которыя въ голосъ вывели на опушку, изъ-за кустовъ показался Турка! Онъ видѣлъ мою ошибку (которая состояла въ томъ, что я не выдержалъ) и, презрительно взглянувъ на меня, сказалъ только: „эхъ, баринъ!“ Но надо знать, какъ это было сказано! Мнѣ было бы легче, ежели бы онъ меня, какъ зайца, повѣсилъ на сѣдло.

Долго стоялъ я въ сильномъ отчаяніи на томъ же мѣстѣ, не звалъ собаки и только твердилъ, ударяя себя по ляжкамъ:

— Боже мой, что я надѣлалъ!

Я слышалъ, какъ гончія погнали дальше, какъ застукали на другой сторонѣ острова, отбили зайца, и какъ Турка въ свой огромный рогъ вызывалъ собакъ,—но все не трогался съ мѣста...

Доѣзжачій—служитель, обучающій гончихъ собакъ, завѣдывающій стаей.

Бирка—палочка или дощечка, на которой зарубками, крестами или другимъ образомъ кладутся знаки для счета. Ко боярскому двору Акимъ староста идетъ, бирки въ пазухѣ несетъ (Пушк.).

Размыкать, разомкнуть—разнять сомкнутое, отомкнуть цѣпь, разомкнуть собакъ, сомкнутыхъ по двѣ.

Второчить—привязывать тороками, ремешками для пристежки.

Смычокъ—связь, скрѣпа двухъ вещей; въ охотѣ—пара ошейниковъ, связанныхъ цѣпочкой. Гончія ходятъ на смычкѣ, смычками, дружками, по двѣ вмѣстѣ, почему смычокъ гончихъ—пара. А что такое смычокъ для скрипки?

Порскать—крикомъ и хлопаньемъ арапника выставлять звѣря въ поле.

Заливистый—о звукахъ, производящихся съ малыми, едва замѣтными промежутками, потому какъ бы непрерывныхъ—заливистый колокольчикъ.

Островъ (на охотнич. яз.)—небольшой, отдѣльный лѣсъ.

Варить варомъ—говорится для обозначенія сильной степени жара при варенія; у охотниковъ—говорится, когда гонитъ вся стая дружно, когда у нихъ звѣрь въ виду.

Обомшалый—обросшій мохомъ.

⁂

28. Игры.

Изъ повѣсти *гр. Л. Н. Толстого* „Дѣтство и отрочество".

Охота кончилась. Въ тѣни молодыхъ березокъ былъ разостланъ коверъ, и на коврѣ кружкомъ сидѣло все общество. Буфетчикъ Гаврило, примявъ около себя зеленую, сочную траву, перетиралъ тарелки и доставалъ изъ коробочки завернутыя въ листья сливы и персики. Сквозь зеленыя вѣтви молодыхъ березъ просвѣчивало солнце и бросало на узоры ковра, на мои ноги и даже на плѣшивую, вспотѣвшую голову Гаврилы круглые, колеблющіеся просвѣты. Легкій вѣтерокъ, пробѣгая по листвѣ деревьевъ, по моимъ волосамъ и вспотѣвшему лицу, чрезвычайно освѣжалъ меня.

Когда насъ одѣлили мороженымъ и фруктами, дѣлать на коврѣ было нечего, и мы, несмотря на косые, палящіе лучи солнца, встали и отправились играть.

— Ну, во что?—сказала Любочка, щурясь отъ солнца и припрыгивая по травѣ.—Давайте въ Робинзона.

— Нѣтъ... скучно,—сказалъ Володя, лѣниво повалившись на траву и пережевывая листья:—вѣчно Робинзонъ! Ежели непремѣнно хотите, такъ давайте лучше бесѣдочку строить.

Володя замѣтно важничалъ: должно-быть онъ гордился тѣмъ, что пріѣхалъ на охотничьей лошади, и притворялся, что очень усталъ. Можетъ-быть и то, что у него уже было слишкомъ много

здраваго смысла и слишкомъ мало силы воображенія, чтобы вполнѣ наслаждаться игрою въ Робинзона. Игра эта состояла въ представленіи сценъ изъ „Швейцарскаго Робинзона“, котораго мы читали незадолго передъ этимъ.

— Ну, пожалуйста... отчего ты не хочешь сдѣлать намъ этого удовольствія?—приставали къ нему дѣвочки.—Ты будешь Charles, или Ernest, или отецъ... какъ хочешь, — говорила Катенька, стараясь за рукавъ курточки приподнять его съ земли.

— Право, не хочется... скучно!—сказалъ Володя, потягиваясь и вмѣстѣ съ тѣмъ самодовольно улыбаясь.

— Такъ лучше бы дома сидѣть, коли никто не хочетъ играть,— сквозь слезы выговорила Любочка.

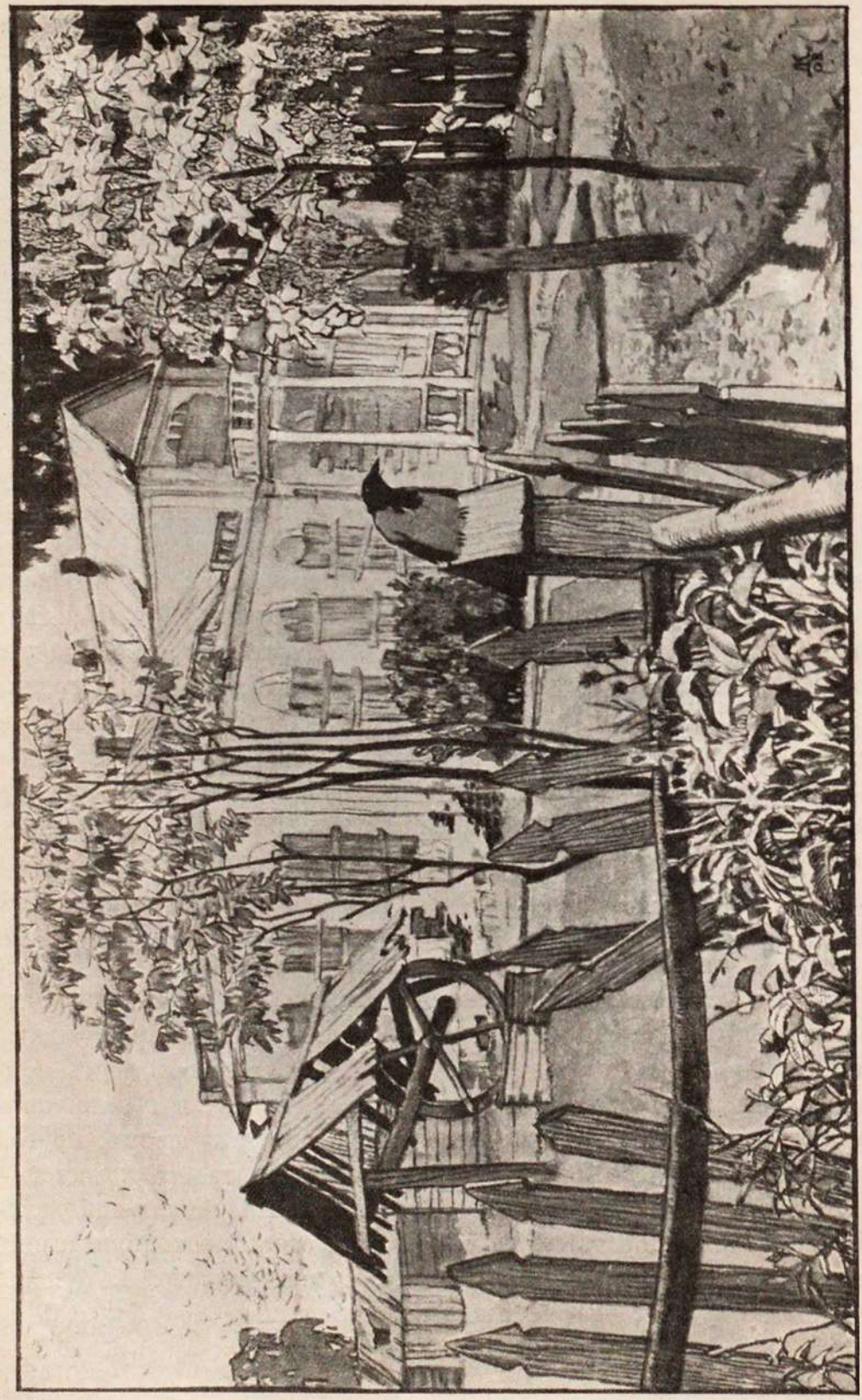
Она была страшная плакса.

— Ну, пойдемте; только не плачь, пожалуйста: терпѣть не могу!

Снисхожденіе Володи доставило намъ очень мало удовольствія; напротивъ, его лѣнивый и скучный видъ разрушалъ все очарованіе игры. Когда мы сѣли на землю и, воображая, что плывемъ на рыбную ловлю, изо всѣхъ силъ начали грести, Володя сидѣлъ сложа руки и въ позѣ, не имѣющей ничего схожаго съ позой рыболова. Я замѣтилъ ему это; но онъ отвѣчалъ, что отъ того, что мы будемъ больше или меньше махать руками, мы ничего не выиграемъ и не проиграемъ, и все же далеко не уѣдемъ. Я невольно согласился съ нимъ. Когда, воображая, что я иду на охоту, съ палкой на плечѣ, я отправился въ лѣсъ, Володя легъ на спину, закинувъ руки подъ голову, и сказалъ мнѣ, что будто бы и онъ ходилъ. Такіе поступки и слова, охлаждая насъ къ игрѣ, были крайне непріятны, тѣмъ болѣе, что нельзя было въ душѣ не согласиться, что Володя поступаетъ благоразумно.

Я самъ знаю, что изъ палки не только что убить птицу, да и выстрѣлить никакъ нельзя: это—игра. Коли такъ разсуждать, то и на стульяхъ ѣздить нельзя; а Володя, я думаю, самъ помнитъ, какъ въ долгіе зимніе вечера мы накрывали кресло платками, дѣлали изъ него коляску, одинъ садился кучеромъ, другой лакеемъ, дѣвочки въ середину, три стула были тройка лошадей— и мы отправлялись въ дорогу. И какія разныя приключенія случались въ этой дорогѣ! И какъ весело и скоро проходили зимніе вечера!.. Ежели судить по-настоящему, то игры никакой не будетъ. А игры не будетъ, что же тогда остается?..

*



29. Старый домъ.

Стихотвореніе *Н. Огарева.*

Старый домъ, старый другъ, посѣтилъ я
наконецъ въ запустѣньи тебя,
и былое опять воскресилъ я,
и печально смотрѣлъ на тебя.
Дворъ лежалъ предо мной неметеный,
да колодецъ валился гнилой,
и въ саду не шумѣлъ листъ зеленый—
желтый тлѣлъ онъ на почвѣ сырой.
Домъ стоялъ обветшалый уныло,
штукатурка обилась кругомъ,
туча сѣрая сверху ходила
и все плакала, глядя на домъ.

*

30. Старинный домъ.

Стихотвореніе *гр. А. Толстого.*

Шумитъ на дворѣ непогода,
а въ домѣ давно уже спятъ;
къ окошку, вздохнувъ, подхожу я;
чуть виденъ чернѣющій садъ;
на небѣ такъ темно, такъ темно,
и звѣздочки нѣтъ ни одной;
а въ домѣ старинномъ такъ грустно
среди непогоды ночной.
Дождь бьетъ, барабаня по крышѣ,
хрустальныя люстры дрожатъ;
за шкапомъ проворныя мыши
въ бумажныхъ обояхъ шумятъ;
онѣ себѣ чуютъ раздолье:
какъ скоро хозяинъ умретъ,
наслѣдникъ покинетъ помѣстье,
гдѣ жилъ его доблестный родъ;
и домъ навсегда запустѣетъ,
заглохнутъ ступени травой...
И думать объ этомъ такъ грустно
среди непогоды ночной!

Доблестный—мужественный, исполненный высокихъ добродѣтелей.
Запустѣть и **опустѣть**. Какая разница?

Заглохнуть—1) зарасти. Въ травѣ заглохъ широкій дворъ (Пушк.).—Тропинка тутъ вилась—она заглохла... Давно, давно сюда никто не ходитъ (Пушк.). 2) Покрыться тиной. Прудъ заглохшій. 3) Утратить жизненность. Выступили на свѣтъ Божій давно заглохшія воспоминанія (Тург.). 4) Потерять звонкость, сдѣлаться неслышнымъ. По дорогѣ, въ чистомъ полѣ, колокольчикъ нашъ заглохъ (Вяземск.).—Что значитъ: самоваръ заглохъ.

❊

31. Новый свѣтъ.

Изъ сочин. *Евгенія Маркова* „Барчуки".

Мнѣ кажется, что мы живемъ совсѣмъ не въ той деревнѣ Лазовкѣ, въ какой теперь живемъ, хотя, конечно, и та и эта называются именемъ Лазовки. Той Лазовкѣ не было конца—ни на сѣверъ, ни на югъ, ни на западъ; въ ней простирались необитаемыя пустыни, глухія дороги, дикіе лѣса; въ ней были даже моря, на которыхъ мы открывали уединенные, еще никѣмъ непосѣщенные острова. Та Лазовка была населена разными народами, врагами и друзьями нашими. Гдѣ же все это въ теперешней моей деревушкѣ, скучной и тѣсной? Гдѣ эти дороги, по которымъ такъ долго, бывало, бѣжишь, утомленный и нетерпѣливый, тщетно отыскивая на горизонтѣ глазами желанныя верхушки осинъ, возвѣщающихъ отдаленную пасѣку?.. Тамъ были такіе живописные холмы, лощины, луга; всему было особенное названіе, вѣчно памятное, ознаменованное историческими событіями. Вонъ полосатый курганъ—тамъ была битва съ козой-обманщицей—такъ прозывался неустрашимый и коварный лакей Пашка, вѣчный врагъ нашъ въ воинственныхъ играхъ. Вонъ лозочки—отрадный зеленый уголокъ среди ржаного поля, гдѣ мы находили столько ягодъ, дикихъ персиковъ и новыхъ цвѣтовъ... По этой межѣ бѣжалъ волкъ, едва не съѣвшій Ильюшу, хотя объ этомъ не подозрѣвала въ домѣ ни одна душа. Трупъ прежняго передо мною, во всѣхъ своихъ мертвыхъ деталяхъ, но отлетѣла душа, которая его живила, и не вернется никогда. Самая благодарная и безграничная сфера для предпріятій и открытій былъ нашъ прудъ. Впрочемъ, прудъ—фальшивое названіе. У подошвы нашего огромнаго сада стлалось большое и многоводное озеро; на ту сторону голосъ не хваталъ, и люди казались маленькими...

Тутъ былъ нашъ Тихій океанъ, съ его коралловыми рифами, водорослями, невѣдомыми архипелагами... Тутъ мы выдерживали бури, подвергались опасностямъ, знакомились съ скудными богатствами незатѣйливой Лазовской природы... Счастливы были дни и часы, когда удавалось урваться на долгое, рискованное пла-

ваніе. Отпроситься было всегда очень трудно, потому что и маменька, и отецъ очень боялись воды и очень не довѣряли нашему благоразумію. Оттого иногда приходилось итти напропалую, т.-е. уплывать безъ спроса, куда глаза глядятъ, заранѣе рѣшившись вытерпѣть грозный отвѣтъ, передъ кѣмъ слѣдуетъ.

Солнце еще не распеклось, какъ слѣдуетъ по-лѣтнему; еще лакей Пашка не принесъ въ чайную огромнаго самовара; еще не видно на кабинетномъ балконѣ папенькинаго бухарскаго халата съ дымящейся трубкой. А мы уже проворно и тихо собрались въ путь; сапоги на босу ногу, русскія рубашки прямо на тѣло; Саша уже тащитъ по-за кухней къ пруду, укрываясь отъ хоромъ, двѣ лопаты, похищенныя въ конюшнѣ, и подъ мышкой огромный деревянный ковшъ, захваченный мимоходомъ въ застольной. Костя, одаренный не столько лисьими, сколько волчьими свойствами, бѣжитъ прямо черезъ дворъ въ калитку сада, только что успѣвъ ворваться въ ледникъ, вслѣдъ за спускавшейся ключницей, что-то поспѣшно пережевывая, облизываясь, пряча и засовывая. Главная армія съ атаманомъ и Петею ушла впередъ и спѣшитъ теперь по боковымъ аллеямъ бѣглымъ маршемъ къ пруду. Всѣ держатъ себя какъ-то сосредоточенно, серьезно, будто чувствуя особенную важность предстоящаго дѣла. Говорятъ отрывисто и шопотомъ. Атаманъ обдумываетъ—не упущено ли что; вотъ онъ махнулъ головой налѣво—гдѣ шалашъ садовника—и зачѣмъ-то отряжаетъ туда Петю; а мы все бѣжимъ далѣе... Петя догоняетъ насъ, мчась по некошеннымъ куртинамъ, пригибаясь подъ вѣтками яблонь, продираясь черезъ вишнякъ...

Что-то глухо скребетъ за нимъ землю и цѣпляется со стукомъ за деревья... Что это такое? Петя тащитъ за собою какую-то длинную и толстую вѣху.—Атаманъ, зачѣмъ это? что это будетъ? спрашиваютъ голоса.

Борисъ, не отвѣчая, подходитъ къ Петѣ и нѣсколько мгновеній разсматриваетъ вѣху, хмурясь, перещупывая и перевертывая ее со всѣхъ концовъ. Петя и всѣ мы смотримъ на него съ безпокойнымъ любопытствомъ.

— Ну, что?—спрашиваетъ неувѣренно Петя.

— Ничего... какъ-нибудь приладимъ,—тономъ знатока, и словно нехотя, отвѣчаетъ атаманъ.

— Годится?—продолжаетъ Петя, пытливо всматриваясь то въ вѣху, то въ атамана.

— Ничего себѣ... годится... Тащи къ пристани,—повелительно говоритъ Боря.

— Что это такое, атаманъ, багоръ, что ли, будетъ?—спрашиваютъ кругомъ.

Но Борисъ быстро идетъ вслѣдъ за Пьеромъ къ пристани, не удостоивая насъ отвѣтомъ.

— Да скажи жъ, атаманъ, что это будетъ?

— Мачта! не видишь? а еще матросъ!—презрительно кричитъ атаманъ.—Скидай сапоги, ребята, все скидай долой,—за работу!

Мы уже стояли на доморощенной пристани, внизу сада, около которой въ заросшихъ тростникомъ заливчикахъ качались двѣ наши лодки: одна—большая, тяжелая, съ рулемъ и окрашенная зеленою краскою, по медленности хода—и вообще неуклюжести—прозванье ей было „Марфа Посадница“; другая—вострая и узкая, натекающая водой, грязная и осмоленная сверху до низу. Эта называлась „Душегубка“, хотя на этой любимой душегубкѣ своей мы преблагополучно путешествовали по своему пруду нѣсколько лѣтъ сряду. Закипѣла работа. Толпа голыхъ матросиковъ, мускулистыхъ и смуглыхъ, закопошилась около душегубки.

— А ковша нѣту! У кого ковшъ?—кричалъ распорядительный голосъ Бори.

— Гдѣ Саша? Куда Саша дѣвался?—спрашивали въ толпѣ:—у него долженъ быть ковшъ!

Между тѣмъ, молодой осинникъ, густо засѣвшій на низкомъ берегу, сейчасъ за камышами, трещитъ отъ чьихъ-то порывистыхъ и спѣшныхъ шаговъ. Изъ-за камышей показывается, поблѣднѣвшая отъ скораго бѣга, фигура Саши съ двумя лопатами на плечахъ, съ огромнымъ ковшомъ за поясомъ.

— Ну, братцы, насилу перепрыгнулъ черезъ ровъ!—кричалъ онъ, размахивая руками и весь радостный.—Теперь его вдвое шире раскопали, да такой плетень наверху высокій—два раза въ крапиву падалъ—едва выкарабкался...

— Давай ковшъ сюда, некогда болтать!—крикнулъ Боря. Онъ стоялъ по колѣна въ водѣ, пригнувъ къ себѣ корму лодки, чтобы дать стечь водѣ... Саша между тѣмъ раздѣвался...

— Постой, не раздѣвайся... сѣна принеси! — крикнулъ атаманъ, не оборачиваясь и притворно грубымъ голосомъ.

— Много сѣна, атаманъ?

— Тащи, сколько захватишь... да ты одинъ не донесешь много... Иди ты, Костя, съ нимъ...

Костя не пошелъ. У него оказались безъ того ноги изрѣзаны, и босой онъ не побѣжитъ по травѣ.

Атаманъ его выругалъ трусомъ и нѣженкой.

Послали меня, потому что Ильюшѣ давались болѣе тонкія и болѣе отвлеченныя порученія, въ родѣ выпросить чего-нибудь у маменьки, отговориться отъ наказанія и т. п. На грубыя же услуги его обыкновенно не рѣшались употреблять.

Мы воротились, запыхавшись, съ охапками сѣна, выхваченнаго изъ стога.

— Братцы, мы козюлю сейчасъ видѣли! — полуиспуганно, полурадостно кричалъ я, еще не добѣжавъ до братьевъ.

— Братцы, я козюлю сейчасъ видѣлъ! — силился перебить меня Саша.—Прямо въ сажалку поползла; теперь туда никому нельзя ходить. Надо сказать Павлычу... Можетъ быть, онъ ее отыщетъ.

Лодка была вычерпана и набита сѣномъ. Атаманъ съ Пьеромъ, пригнувшись лицомъ къ самому дну лодки, ухитрились какъ-то увязать нижній конецъ вѣхи между вбитыхъ гвоздей. Костя навязывалъ между тѣмъ на веревки заранѣе сшитыя простыни.

— Не зѣвай, не зѣвай, ребята — дружно работать! — строго покрикивалъ атаманъ, самъ весь въ поту отъ напряженія.

Ахъ, какъ восхитительно хорошо плыть по нашей извилистой степной рѣчкѣ, синей посерединѣ отъ отражающагося въ ней лѣтняго неба, зеленой къ берегамъ отъ отраженія камышей, придвинувшихся къ ней изъ болотъ и луговъ сплошными стѣнами... Тихо-тихо по этимъ низкимъ берегамъ... Мы притаили дыханіе, и атаманъ чуть слышно опускаетъ въ воду лопату свою то съ одной, то съ другой стороны кормы... Только въ тростникахъ шуршитъ и плещется что-то...

— Что это, утка?—спрашиваетъ шопотомъ Саша, и никто не отвѣчаетъ ему...

Съ болотныхъ кочекъ, по мѣрѣ приближенія лодки, шумливо снимаются стаи бѣлопузыхъ чибисовъ и кружатся около, наполняя своимъ пискливымъ „чіи-вы“ неподвижно отдыхающій воздухъ.

— Чіи-вы! чіи-вы!.. звенитъ вдали и вблизи. Костя отвѣчаетъ имъ въ рифму нашу фамилію. Такъ учила насъ дѣлать нянька Наталья. Она разсказывала намъ, что чибисиха потеряла дѣтей

своихъ и ищетъ ихъ теперь по всему свѣту, опрашивая прохожихъ... Атаманъ толкаетъ Костю въ бокъ съ гнѣвнымъ жестомъ... Опять кругомъ тишь и сырая пахучая свѣжесть... Мы врѣзаемся носомъ лодки между двухъ чубастыхъ кочекъ, торчащихъ среди воды, какъ острова.

Вода мелѣетъ съ каждымъ ударомъ весла; бородатые, перегнувшіеся тростники охватываютъ насъ тѣснѣе и тѣснѣе; мы въѣхали въ плесу...

— Это заливъ красныхъ водорослей!—торжественно раздается голосъ Ильюши, служившаго географомъ, поэтомъ, ботаникомъ и вообще ученымъ элементомъ нашей удалой шайки.

Мы всѣ нагибаемся къ водѣ; подъ нами широко кругомъ вдругъ открывается цѣлый подводный лѣсъ красивыхъ и разнообразныхъ травъ, тѣсно перепутанныхъ между собою... Видно, какъ въ этомъ лѣсу гуляютъ маленькія рыбки, трепеща своими хвостиками; видно, какъ лежитъ распластавшаяся на днѣ зеленая лягушка, вылупивши на насъ глаза... Какіе-то ярко-красные волокнистые корешки стелются внизу... Изъ грязи сверкаютъ перламутромъ раскрытыя раковины... Сколько незнакомыхъ мушекъ, пауковъ и всякой мелкой и живой твари снуетъ и копошится въ этой глухой заводи... На сердцѣ такъ радостно... Солнце все прохватываетъ насквозь—и воду, и подводный лѣсъ, и самое сердце... Такъ весело, какъ будто открылъ какой-то никому незримый, невѣдомый міръ... Тростникъ зашуршалъ и какъ-то сухо затрещалъ, ломясь по сторонамъ лодки: мы прорѣзались насквозь... Лягушки плашмя падали въ воду, съ шумомъ ударяясь о нее... Мнѣ дѣлалось немножко страшно и немножко омерзительно отъ такого близкаго сосѣдства: такъ и казалось, что эта слизкая и мокрая скверность шмякнется тебѣ въ лицо или чѣмъ-нибудь обрызгаетъ тебя.

Даже самъ Пьеръ поднялся на ноги. Мы всѣ боялись лягушекъ... Заѣхать въ тростникъ—это казалось заѣхать въ самое лягушечье царство; какъ-то непривычно и непріятно сидѣть въ этой густотѣ и тѣснотѣ, черезъ которую ничего не видно, кромѣ стоячей лягушечьей воды... Тростники ежеминутно задѣвали по лицу своими пушистыми хохлами. Отъ этого неожиданнаго, незнакомаго прикосновенія дрожь отвращенія пробѣгала по всѣмъ моимъ суставамъ, и я испуганно отмахивался рукой; но мы вламывались однако все далѣе и далѣе въ чащу этихъ камышей...

Борисъ съ Пьеромъ стояли на кормѣ, почти повалившись на лопаты, которыми они упирались въ землю; Ильюша ободрялъ къ продолженію пути, обѣщая открытіе какихъ-то рѣдкостей, какого-то еще никѣмъ непосѣщеннаго о з е р а г а г а р ъ. Онъ увѣрялъ, что ни одинъ нашъ охотникъ или рыболовъ ни разу не могли добраться до этого чудеснаго озера, совершенно спрятаннаго въ тростникѣ; что оно совсѣмъ круглое, зеленое какъ сукно, и что туда прячутся на ночь всѣ утки, лысухи и гагары; потомъ онъ разсказывалъ, какъ опасно человѣку приближаться къ этому озеру ночью, какъ онъ разъ совсѣмъ было опрокинулся о подводную кочку; онъ прибавлялъ еще, что въ самой глуши тростниковъ есть какой-то осиновый колъ, вбитый въ землю, что подъ этимъ коломъ лежитъ утопленникъ и что утопленникъ этотъ, весь синій, покрытый раками и піявками, купается по ночамъ тоже въ этомъ озерѣ... Не скажу, чтобы мы во всемъ и буквально вѣрили мистическому разсказу Ильюши. Но я знаю только, что онъ насъ необыкновенно возбуждалъ и радовалъ... Такъ хотѣлось, чтобы изъ мутной воды вдругъ дѣйствительно поднялся какой-нибудь обглоданный утопленникъ. Такъ страстно желалось приключеній, опасностей и какой-бы то ни было необычайности... Лодка уже почти не двигалась съ мѣста, сѣвъ плоскимъ дномъ на подводныя кочки...

Отъ усилій братьевъ она только вертѣлась кругомъ, какъ на винтѣ, будучи не въ силахъ податься.

— Эка, завелъ насъ, жила эта!—въ досадѣ кричалъ атаманъ на Ильюшу:—ну, куда теперь сунемся?.. Назадъ тоже не подается... До обѣда такъ провозимся.

Пьеръ, багровый отъ натуги, налегалъ широкою чугунною грудью своею въ упоръ на ручку лопатки и молча бѣсился, что не можетъ двинуть лодки...

Мы стояли въ смущеніи и нѣкоторомъ страхѣ: что дѣлать?..

— Что вы, дурачье, перевѣсились на одну сторону, ступайте съ носа!.. — кричалъ Борисъ, безплодно употребляя послѣднія усилія.

Мы столпились къ кормѣ, но лодка продолжала стоять попрежнему, слегка вращаясь какъ на оси...

И Пьеръ и Борисъ бросили лопаты и стояли вмѣстѣ съ нами, опустивъ руки, молча раздумывая.

— Надо слѣзть одному!—наконецъ сказалъ Борисъ:—вотъ тебя, жилу, и слѣдуетъ, по правдѣ, бросить за бортъ, чтобы не

выдумывалъ чепухи!—посадилъ въ трущобу, такъ и вытаскивай, какъ знаешь.

Ильюша не рѣшался отгрызаться и, по привычкѣ, сконфуженно облизывалъ свои губы, высматривая чего-то по сторонамъ.

— Небось, не останемся, съѣдемъ какъ-нибудь,—ворчалъ онъ, не глядя на атамана.

— Атаманъ, хочешь, я брошусь!—вдругъ раздался тоненькій голосъ Саши; онъ стоялъ посреди лодки, удальски подбоченясь и смѣло глядя на насъ своими одушевленными глазами.

— Вотъ такъ молодецъ! не то что эта калѣка Ильюша!—сказалъ одобрительно атаманъ:—валяй разомъ, казаку нечего раздумывать.

Саша уже сбросилъ рубашонку и теперь крестился, держась за голубенькую ленточку своего Митрофаньева образка, инстинктивно мѣшкая, съеживаясь всѣмъ бѣленькимъ нѣжнымъ тѣломъ при взглядѣ на заросшій тиною грязный омутъ, въ которомъ засѣла лодка.

— Ну, молодцомъ, Саша, живо!—кричали ему кругомъ.

Бѣлокурая круглая головка взмахнула въ воздухѣ, и всплескъ жидкой грязи разомъ обдалъ всѣхъ насъ.

Саша провалился по самыя мышки въ подводную трясину. По его сморщенной минѣ и стиснутымъ, словно отъ боли, зубамъ видно было, какое отвращеніе онъ чувствовалъ въ это мгновеніе.

Мы были убѣждены, что въ грязи трясины живутъ змѣи, жабы, скверные червяки и даже чуть не крокодилы. Саша былъ убѣжденъ въ этомъ болѣе, чѣмъ кто-нибудь.

Но онъ исполнилъ свой подвигъ съ безропотнымъ терпѣніемъ и настойчивостью... Онъ цѣпко ухватился ручонками за носъ лодки, повернулъ ее немного въ бокъ и медленно потащилъ за собою съ отчаяніемъ неизбѣжности, отмахиваясь отъ хлеставшихъ его тростниковъ и разгоняя передъ собою сплошную, зеленую тину...

— Тронулась, тронулась!.. тащи, тащи ее!..—кричали мы.

Пьеръ уже опять тяжко налегалъ на лопату, словно пытался вывернуть ею дно цѣлаго пруда.

Борисъ работалъ съ другой стороны.

Вдругъ тростникъ разступился, и передъ нами открылось, словно травяная лужайка, совершенно зеленое, совершенно круглое озерцо. Поднялась, подпрыгивая и какъ-то глупо выпячивая шею, длинноногая, большеротая цапля и съ какимъ-то глухимъ, словно

жестянымъ крикомъ замахала широкими крыльями—туда, далеко, къ Кунацкимъ болотамъ...

— Озеро гагаръ!—тихо произнесъ Ильюша, окидывая насъ всѣхъ торжественнымъ взглядомъ.

Лодка остановилась. Пьеръ, атаманъ, всѣ мы безмолвно любовались на новооткрытое озеро...

— Я говорилъ, что проведу... и провелъ: озеро гагаръ!—повторилъ еще разъ Ильюша такимъ самодовольнымъ тономъ, какъ-будто онъ самъ и устроилъ и подарилъ намъ это озеро.

Саша стоялъ по горло въ тинѣ и тоже любовался, держась рукой за свой образочекъ.

Ознаменовать что чѣмъ—обозначать, оставлять примѣту; дѣлать памятнымъ, прославить. Придумайте примѣры.

Деталь (франц.)—подробность.

Сфера (греч.)—шаръ; область, предѣлы чего-либо. Военн.: сфера огня.

Урваться, урываться—оторваться отъ работы, чтобы сдѣлать что-ниб. Если урвусь, то забѣгу къ тебѣ на минутку. Въ томъ же знач. употребл. урвать время. Что значитъ: **урывками?**

Рисковать, рискнуть (франц.)—пускаться наудачу, на невѣрное дѣло, итти на авось, подвергаться случайности, дѣйствовать смѣло, надѣясь на счастье. Рискнулъ, да и закаялся. Рискованное дѣло—сомнительное, опасное. Иронич.: Рискъ—благородное дѣло.

Напропалу́ю—очертя голову, отчаянно, ни передъ чѣмъ не останавливаясь, что бы ни вышло.

По-за̀, двойной предлогъ—позади, сзади. Здѣсь Чичиковъ... скорѣе за шапку да по-за спиною капитана-исправника выскользнулъ на крыльцо (Гог.). Какіе еще употребляются двойные предлоги? Въ этой же статьѣ есть **изъ-за**: Изъ-за камышей показывается... фигура Саши, а у Кольцова можно найти **по-надъ**: По-надъ Дономъ садъ цвѣтетъ.

Застольная—комната, гдѣ обѣдаютъ вмѣстѣ дворовые люди. Это какъ имя сущ. А какъ прилагат.?—застольная пѣсня.

Атаманъ (малоросс. гетманъ, нѣм. Hauptmann)—первоначально обозначало: предводитель шайки, вольницы, затѣмъ: выборный, старшина казачьей общины. Войсковой атаманъ—начальникъ казачьяго войска, станичный ат.—начальникъ станицы (казачьяго селенія). *Терпи казакъ, атаманомъ будешь. Не всѣмъ казакамъ въ атаманахъ быть.*

Отрядить, отряжать кого куда—назначать, посылать, командировать. Его отрядили на развѣдку. Отсюда: **отрядъ**, напр. воинскій отрядъ, отрядъ судовъ.

Вѣха̀, или **ве́ха**—шестъ или жердь, поставленная стойкомъ, съ какимъ-нибудь значкомъ: флагомъ, пучкомъ соломы; для чего она ставится на сухомъ пути и на морѣ?

Доморощенный—большей частью говорится о животныхъ: дома выращенный выкормленный, вообще домашняго изготовленія, простой. Помѣщичья карета запряженная шестерикомъ доморощенныхъ лошадей (Тург.).—Вся губернія съѣзжалась у него, плясала и веселилась на славу, при оглушительномъ громѣ доморощенной музыки (Тург.).

В. Стенберг

Плесá, плесó или плёсъ—колѣно рѣки, межъ двухъ изгибовъ, прямое теченіе безъ поворота.

Распластаться—упасть пластомъ, лечь навзничь, раскинувшись.

Плашмя—лежмя, плоскою, широкою стороною книзу.

Омерзительный—гадкій, противный, отвратительный.

Шмякать, шмякнуть—шлепнуть, бросить что мягкое или въ мягкое.

Мистическій—сокровенный, таинственный.

Жила—см. стр. 38.

*

32. На своихъ.

Изъ сочин. *Евгенія Маркова* „Барчуки".

Мы ѣдемъ на богомолье въ Воронежъ.

Въ каретѣ сидитъ бабушка, три старшихъ сестры и Володя, глубоко этимъ обиженный, ибо его этимъ актомъ какъ бы отписали отъ казаковъ и признали дѣвчонкой. За каретой ѣдетъ коляска четверикомъ съ отцомъ и четырьмя казаками, то-есть братьями; за коляской тарантасъ съ учителемъ и двумя старшими братьями; за тарантасомъ кибитка съ нянькой Афанасьевной и двумя горничными. Лакеевъ только три, и изъ нихъ одинъ, что сидитъ на высокихъ козлахъ, обшитыхъ басономъ и кистями, есть поваръ Василій, лицо чрезвычайно важное во всѣхъ событіяхъ нашей жизни, столь же неизбѣжный и незамѣнимый, какъ кучеръ Михайло, какъ Зайчикъ въ дышлѣ. Въ коляскѣ рыжая четверня молодыхъ, только что подобранныхъ; это тѣмъ страшнѣе, что кучеру Степану никто не довѣряетъ; самъ папенька сѣлъ въ коляску для руководства и предотвращенія опасности; но мы все-таки ждемъ приключеній. Въ тарантасѣ опытныя разгонныя лошади; большой Яковъ, отличный троечникъ, свиститъ и поетъ, какъ почтарь; съ тѣмъ ничего не случится... Лишь бы не отставалъ.

Ночи и дни, полные впечатлѣній и приключеній, смѣняютъ одни другіе. Душа набралась богатаго и разнообразнаго запаса... Въ городѣ Нижнедѣвицкѣ всѣхъ насъ поразилъ своими размѣрами и великолѣпіемъ—казенный соляной магазинъ, около котораго стояла пестрая будка и ходилъ часовой—инвалидъ въ киверѣ и бѣлыхъ штанахъ, ружье на-плечо. Саша думалъ, что это царь, и нянѣ довольно трудно было разувѣрить его. Единственная нижнедѣвицкая церковь не такъ поразила насъ, потому что въ нашемъ селѣ церковь была побольше и покрасивѣе. Но зато съ какимъ

удовольствіемъ высунулись мы въ окна коляски полюбоваться на красоту и хитрую махинацію шлагбаума, тяжело поднявшагося надъ нашими экипажами и нетерпѣливо пропускавшаго ихъ подъ собою...

— Вотъ-вотъ отхватитъ кибитку съ нянькой или тарантасъ... Тарантасъ еще пробьется; тамъ Петя, тамъ атаманъ; но за няню приходилось серьезно опасаться; она еще какъ нарочно отстала чуть не на полверсты на своихъ мужицкихъ клячахъ. Съ тревогою поглядывали мы на приближающуюся рогоженную кибитку и на опустившуюся полосатую перекладину... Однако, нашу кибитку пропускаютъ, вотъ она уже на этомъ берегу.

Съ благодарностью и благоговѣніемъ глядѣлъ я на мрачнаго воина, располагавшаго судьбою проѣзжихъ, мановеніемъ руки поднимавшаго и запиравшаго эту непонятную намъ махину.

Вечеромъ кто-то сказалъ, что лѣсомъ до самой станціи ѣхать... Папенькину коляску пустили впередъ, и папенька досталъ изъ-подъ мѣста и уложилъ около себя саблю, которая всегда бралась въ дальній путь. Дома она висѣла на стѣнѣ кабинета надъ трубками, рядомъ съ арапникомъ, кинжаломъ и какимъ-то очень хитрымъ садовымъ инструментомъ, употребленіе котораго не постигалъ самъ атаманъ нашъ, рисковавшій иногда въ отсутствіе папеньки осторожно снимать саблю и кинжалъ и обнажать ихъ сокровенныя лезвія къ всеобщему нашему ужасу и восторгу. Это предпріятіе было тѣмъ опаснѣе, что на саблѣ всегда бренчали кольца, и маменька легко могла накрыть любознательныхъ изслѣдователей, забиравшихся въ кабинетъ вопреки строгихъ приказаній. Мы твердо вѣрили въ саблю и силу папеньки, и считали коляску наиболѣе обезпеченною; тѣмъ болѣе, что четыре казака дома успѣли вооружиться, какъ слѣдуетъ храбрымъ воинамъ, заткнувъ за поясъ панталонъ деревянные кинжалы съ ручками, вырѣзанные атаманомъ изъ грушевыхъ сучьевъ, и снабдивъ карманы навязанными на шнурки камнями. Папенька, конечно, не зналъ объ этихъ боевыхъ средствахъ, но въ минуту опасности они должны были неожиданно его выручить.

Оборонительныя средства кареты очень безпокоили насъ. Мы долго разсуждали съ Костей и Ильюшей—что будетъ дѣлать тамошній гарнизонъ въ случаѣ нападенія. Положимъ, что Василій будетъ поражать ихъ кнутомъ съ козелъ и защититъ этимъ лошадей,—это всѣ допускали. Андрей, конечно, долженъ соскочить и

напасть сзади. Но у него ничего болѣе не было, кромѣ хлѣбнаго ножа; а ножомъ трудно драться противъ дубины. Костя предлагалъ отвязать валекъ; онъ говорилъ, что дяденькинъ Петрушка отбился валькомъ отъ трехъ разбойниковъ, когда дяденька ѣздилъ съ нимъ въ Арзамасъ. Но Ильюша справедливо замѣтилъ, что тогда спасъ ихъ не столько Петрушка, сколько Милордъ, который бросился съ саней прямо на грудь атамана разбойниковъ и перегрызъ ему горло; а Петрушка уже въ это время только успѣлъ отрѣзать валекъ и справиться съ остальными. Да Андрей еще развѣ такой, какъ Петрушка? Какъ бы не такъ. Зато единогласно одобрено было умное изобрѣтеніе маменьки, которая всегда брала съ собою въ дорогу кулекъ съ пескомъ. Разбойники, конечно, не ожидаютъ этого; одинъ изъ нихъ просунетъ голову въ окно и, приставивъ кинжалъ къ груди бабушки, закричитъ: „смерть или кошелекъ!“ Въ это время маменька ударитъ ему въ глаза горстью песку—онъ кидается назадъ; другой бросается къ каретѣ—и опять отбѣгаетъ въ ужасѣ, ослѣпленный.

Мы не можемъ удержаться отъ радостнаго и удалого хохота, слушая эти пророчества Ильюши... Мы между тѣмъ успѣемъ перевязать заднихъ разбойниковъ, которые напали на коляску и тарантасъ, и окружаемъ со всѣхъ сторонъ карету—Пьеръ и Борисъ нападаютъ на главнаго атамана. „Спасайся, кто можетъ!“ кричитъ атаманъ и въ отчаяніи бѣжитъ къ лѣсу; но Карпъ Петровичъ (учитель) съ Василіемъ перерѣзаютъ ему отступленіе отъ лѣсу.

— Смерть злодѣямъ!—раздается голосъ папеньки, и его сабля рубитъ одного разбойника вслѣдъ за другимъ.

Однако, на самомъ дѣлѣ выходитъ немного пострашнѣе, и удалая фантазія начинаетъ слегка трепетать передъ насунувшимся со всѣхъ сторонъ чернымъ обложнымъ лѣсомъ. На темномъ небѣ смутно вырѣзаются черныя пирамиды, стрѣлы и шапки. Михайло начинаетъ кричать на лошадей какимъ-то необычнымъ, искусственно-веселымъ и принужденно-громкимъ голосомъ; форейторъ Яшка тоже кричитъ и понукаетъ; лошади бѣгутъ особенно скоро и дружно, будто напуганныя... Папенька молчитъ, какъ мертвый, и неподвижно смотритъ на дорогу, держась за эфесъ сабли... Андрей что-то безпокойно шепчетъ кучеру и указываетъ куда-то пальцемъ... „Но, но, но! но, вы, дѣтки, покатывай!“—кричатъ на всѣхъ козлахъ кучера... Шестерня, четверка и двѣ тройки съ трудомъ, но быстро

мчатся по песчаной неправильно-вьющейся и разбросанной дорогѣ, отфыркиваясь и глухо шумя копытами...

Песокъ шуршитъ подъ колесами и скрипитъ во втулкахъ... Одинокія сосны внезапно подходятъ и уходятъ отъ дороги, словно огромные, темные люди. Стѣна лѣса то напираетъ сбоку на экипажъ, то ныряетъ въ лощину, то совсѣмъ заслоняетъ ходъ, заставляя дорогу бѣжать ящерицей съ горки на горку...

А что мы видимъ въ этомъ лѣсу,—избави Богъ! Сколько разъ на моихъ глазахъ этотъ черный кустъ подползалъ къ дорогѣ, чтобы схватить карету за колесо. Сколько разъ внезапно отдѣлялись отъ лѣсного мрака толпы грабителей, вооруженныхъ до зубовъ, и такъ же внезапно пропадали во тьмѣ... Можетъ быть, они гнались за нами до удобнаго мѣста, гдѣ ждала засада... Изъ-за деревьевъ смотрѣли привидѣнья, сѣдыя какъ туманъ, кто-то махалъ длинными крючковатыми руками... кто-то стоналъ...

Вдругъ, откуда-то, издали, раздался отчаянный крикъ, пронесшійся по всему лѣсу и по всей окрестности... Казалось, онъ отдавался даже въ облакахъ. Какъ будто кого-то рѣзали, кто-то звалъ кого-то, догонялъ кого-то, и не могъ догнать.

Звукъ за звукомъ, стонъ за стономъ, мѣрно, съ ровными промежутками, потрясалъ ночное безмолвіе... Казаки тряслись, забывъ про кинжалы и пращи, потерявъ вѣру въ маменькинъ песокъ и въ папенькину саблю...

— Степка, что это за крикъ?—порывисто спросилъ отецъ.

Степанъ усмѣхнулся на козлахъ, словно ожидая этого вопроса, и, полуобратясь назадъ, сказалъ спокойно: „Это, сударь, филинъ кричитъ... Тутъ филиновъ страсть сколько“...

Но мы еще долго дрожали. Въ другомъ мѣстѣ насъ напугалъ огонь, разложенный въ лѣсу; онъ мерцалъ то справа, то слѣва, смотря по изгибамъ дорожки, словно смѣялся надъ нами. Сначала мы его приняли за глазъ лѣшаго, но когда стали приближаться къ нему и разсмотрѣли черныя движущіяся фигуры на фонѣ краснаго пламени—для насъ сдѣлалось несомнѣннымъ, что мы попали въ станъ разбойниковъ... Въ дѣйствительности это былъ станъ цыганъ...

Актъ—событіе, дѣйствіе, поступокъ. Письменные акты—документы, касающіеся какой-нибудь сдѣлки, напр. покупки имѣнія.—Драматическія произведенія дѣлятся на акты, или дѣйствія. Отсюда антрактъ, промежутокъ между дѣйствіями.—Въ нашемъ училищѣ ежегодный актъ бываетъ 8 сентября.

Басонъ—узорчатая тесьма, нашивки на погонахъ солдатъ.

Предотвращать, предотвратить — устранить какими-ниб. предварительными распоряженіями.

Разгонныя лошади—назначенныя для разгону, для ямской гоньбы.

Киверъ—военный головной уборъ изъ твердой кожи. Кто киверъ чистилъ весь избитый, кто штыкъ точилъ (Лерм.).

Махинація—искусное устройство.

Шлагбаумъ—горизонтальное подъемное бревно на заставахъ, на переѣздахъ черезъ полотно желѣзной дороги, преграждающее сквозной проѣздъ. Иль чума меня подцѣпитъ, иль морозъ окостенитъ, иль мнѣ въ лобъ шлагбаумъ влѣпитъ непроворный инвалидъ (Пушк.).

Благоговѣніе—глубоко почтительное чувство, смѣшанное со страхомъ, къ чему-либо священному, чудесному, прекрасному.

Оборонительный—служащій или относящійся къ оборонѣ, защитѣ.

Валекъ—кругловатый брусокъ, на концы котораго надѣваютъ постромки; употребляется для пристяжныхъ.

Фантазія—способность воображенія изъ воспринятыхъ впечатлѣній создавать какъ бы новую дѣйствительность. Все это однѣ фантазіи!—И придетъ же въ голову такая дикая фантазія!

Эфесъ—рукоятка шашки или шпаги.

Пра́ща или пращъ—сложенный петлею ремень для киданія камней. И пращъ и стрѣла, и лукавый кинжалъ щадятъ побѣдителя годы (Пушк.).

Фонъ (франц.)—задній планъ картины; то, на чемъ нанесенъ узоръ.

*

33. Яичница.

Изъ сочин. *Евгенія Маркова* „Барчуки".

— Что это такое, Михайло? отчего мы стоимъ? — разбудилъ вдругъ насъ знакомый тонкій голосъ матери...

Мы дѣйствительно стояли на мѣстѣ; на дворѣ черная ночь; сырой вѣтеръ дуетъ прямо въ лицо, неба не разглядишь за сплошною тучею... Лошади стоятъ скучно, понуривъ головы, сонныя и озябшія, изрѣдка потряхивая гремушками...

Кто-то тяжко шлепаетъ по густой грязи, кто-то споритъ съ кѣмъ-то, не поймешь о чемъ; какой-то темный, красноватый огонекъ, ничего не освѣщающій, стоитъ сбоку и рябитъ въ грязи: окно ли, фонарь—съ просонку не разберешь... Отецъ храпитъ, какъ будто на своей деревенской постели, ровно и явственно, опрокинувшись къ задку.

Сгорбившаяся и закутанная фигура кучера Степана неподвижно торчитъ на козлахъ; должно быть, и онъ похрапываетъ... По рѣдкому звону гремушекъ замѣтно, что и тарантасъ и кибитка тоже стоятъ сзади насъ...

Отецъ вдругъ очнулся.

— Что такое? — нѣсколько испуганно вскрикнулъ онъ.—Что случилось? Чего ты остановился?..

— Деревня-съ...—отвѣчалъ съ козелъ полусонный голосъ:— ночевать здѣсь изволите.

— Это Прилѣпы, Степанъ? — спросили мы, вдругъ обрадовавшись.

— Прилѣпы-съ, — отвѣчалъ Степанъ.

Василій и Андрей уже осмотрѣли комнаты и справились объ овсѣ... Подошелъ какой-то мужикъ, снялъ шапку, что-то сталъ говорить и божиться. Папенька кричалъ на него, Михайла приговаривалъ сбоку, Василій тоже кричалъ съ козелъ. Все это переплеталось въ сонныхъ головахъ въ какую-то смутную плетеницу словъ. Наконецъ, карета впереди насъ тронулась, и копыта шестерика дружно зашлепали въ подворотной грязи. Въѣзжали на дворъ. За каретой коляска, за коляской тарантасъ, за тарантасомъ кибитка... Пристяжныя пугливо жались къ дышловымъ... Хозяинъ съ фонаремъ шелъ впереди дышла и показывалъ, гдѣ повернуть... Рессоры скрипѣли и качались... Лужи плескались подъ ударами множества ногъ... Насъ стали выносить.

Какъ хорошо! Еще изъ головы не успѣли вылѣзти эта холодная слякоть, эта черная ночь, вѣтреная и дождливая—а уже мы сидимъ чинно и мирно около самовара, и на столѣ наша бѣлая скатерть съ маменькиной мѣткой, и на скатерти наши чашки, нашъ сливочникъ, нашъ чайникъ, нашъ лимонъ, даже бѣлый хлѣбъ нашъ, настоящій Михайлинъ хлѣбъ. Точь въ точь чайная въ нашемъ Лазовскомъ домѣ. Кто это все устроилъ, кто спряталъ и досталъ все это — намъ до этого нѣтъ дѣла... Отдаются неслышныя намъ приказанія, что-то вносится и уносится, докладывается и отмѣняется; горничныя Анюта и Ольга снуютъ туда и сюда; Андрей, весь мокрый, вваливаетъ какіе-то узлы и баулы... А мы, беззаботныя птички, сидимъ кружкомъ около шипящаго и ворчащаго самовара, болтая ножонками и усиленно мигая слипающимися глазами...

Свѣтло и тепло въ избѣ отъ свѣчей, зажженныхъ въ нашихъ дорожныхъ подсвѣчникахъ, отъ самовара, отъ топящейся печки... За перегородкой дѣвушки стелютъ постели, совершенно такъ, какъ

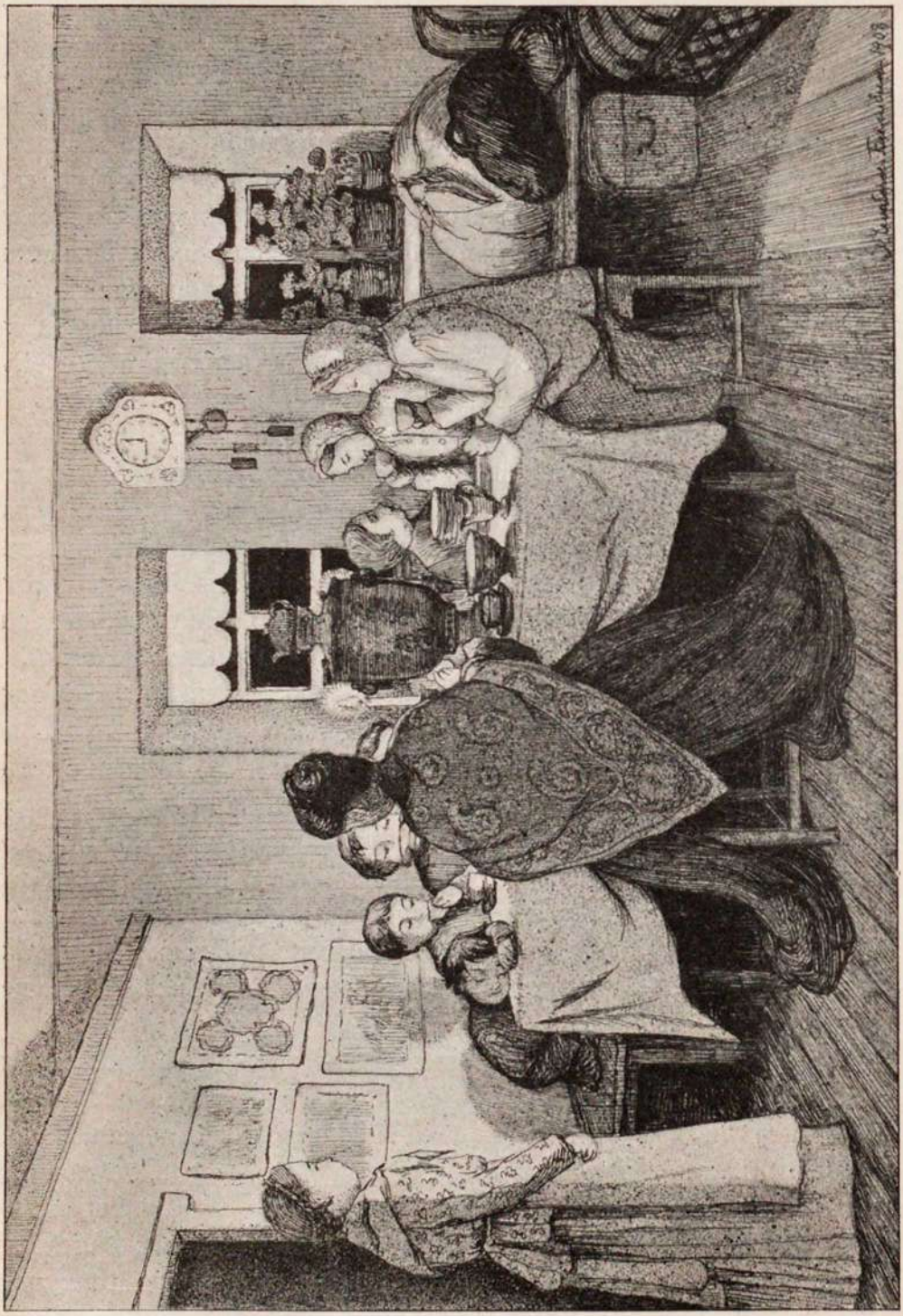
дѣлаютъ намъ всякій день въ Лазовкѣ. Голодъ борется со сномъ, такъ бы и бросился на подушку, если бы не ожиданье ужина...

Наконецъ-то Лиза сняла съ клокочущаго дорожнаго самоварчика нашего смѣшной бѣлый чайникъ, подбоченившійся позолоченною ручкою. Какой, въ самомъ дѣлѣ, смѣшной этотъ чайникъ и вся его компанія — эти чашки толкачиками, этотъ горбатый сливочникъ, эти шестиугольные стаканы!... Они живутъ весь вѣкъ въ погребцѣ, никѣмъ невидимые, и только въ рѣдкихъ оказіяхъ, во время Коренной или долгаго путешествія, вынимаются изъ своихъ глухихъ норокъ. Когда мы забираемся иногда тайкомъ въ кладовую, то непремѣнно осматриваемъ таинственный погребецъ, вмѣщающій въ себѣ такъ хитро столько всякихъ вещей... На крышкѣ его смѣшная картинка—мыши кота хоронятъ, и вся внутренность обклеена хорошенькой крапленою бумажкой. Ильюша увѣрялъ, что если бы ему дали погребецъ вовсе (то-есть подарили), то онъ бы надѣлалъ тамъ множество потаенныхъ ходовъ, пещеръ и подземелій, гдѣ жили бы его куклы. И какъ намъ всѣмъ хотѣлось пріобрѣсть этотъ погребецъ, и какъ мы искренно и горячо вѣрили въ осуществимость Ильюшиныхъ фантазій.

Какое удовольствіе напиться теперь чаю изъ нихъ, а не изъ обычнаго нашего сервиза свѣтло-кирпичнаго цвѣта... То, да не то. Чай какъ-то вкуснѣе; никогда не случалось съ такимъ апетитомъ и такой внутренней благодарностью къ кому-то тянуть въ себя горячій чай со сливками, торопливо заѣдая калачиками. Домашніе калачики всю дорогу поддерживаютъ свою старинную славу.

Всѣ казаки сидятъ кругомъ стола, съ раскраснѣвшимися лицами, съ лихорадочными отъ вѣтра глазами, немножко встрепанные и измятые, и, болтая подъ столомъ ногами, дуютъ съ блюдечекъ свой чай.

На сестрицъ смотрѣть хорошо: всѣ розовенькія, полненькія, въ бѣлыхъ ночныхъ чепчикахъ; какъ будто отъ этихъ чепчиковъ ихъ лица стали добрѣе и ласковѣе. И кацавейки на нихъ какія-то особенныя, и смѣшныя, и милыя; дома онѣ никогда не ходили въ нихъ. И онѣ теперь не спрашиваютъ съ насъ уроковъ, не бранятъ насъ за шумъ, словно совсѣмъ другія стали; болтаютъ съ нами, поятъ чаемъ, всѣмъ потчуютъ; право, гораздо лучше въ дорогѣ, чѣмъ дома; всѣмъ хорошо и весело, и ничего никто не требуетъ, и все можно дѣлать, что хочешь.



Нынче не учимся, и завтра не учимся, и послѣзавтра не учимся; маменька сказала, что шестнадцать дней не будемъ учиться. На душѣ такъ легко. Будто прыгнуть куда-то собираешься, и сердце замираетъ отъ радости.

Мы опять, кажется, ѣдемъ... и самоваръ опять съ нами... я сижу въ коляскѣ и жую калачики... противъ меня Лиза держитъ чайникъ... Насъ качаетъ и толкаетъ... кругомъ лѣсъ... изъ лѣсу выходитъ хозяинъ со счетами... Это уже не лѣсъ... постель постлана, бѣлая, чистая, на постели погребецъ, весь наполненный куклами... Подъ одѣяломъ сливочникъ...

— А Гриша-то нашъ совсѣмъ заснулъ!—вдругъ встрепенулъ меня голосъ маменьки.—Такъ и прикурнулся, бѣдняжка... Не трогай его, Лиза, пускай спитъ...

Недоставало силъ открыть вѣки и приподнять отяжелѣвшую голову, тихо спустившуюся на скатерть стола... Маменькинъ голосъ исчезъ, какъ будто въ какомъ-то провалѣ. Что-то глухое и смутное, какой-то усыпляющій гулъ, наполнилъ голову... Какіе-то неприпоминаемые образы пробѣгали и исчезали безслѣдно, куда-то увлекая душу сквозь окружавшій хаосъ... Все стерлось...

Разбойники снимаютъ съ меня платье и тащатъ въ свою пещеру... Что-то пріятное пролилось вдругъ по сердцу... Сначала свѣжо, потомъ тепло... потомъ такъ хорошо...

— Не будите его, запри дверь, Ольга...—опять различилъ я голосъ маменьки, не постигая, откуда онъ, гдѣ я и зачѣмъ все это. И опять все исчезло, все стерлось.

Слышите звонъ сабель! Это Петя рубитъ разбойниковъ, защищая домъ... Мы всѣ голодны и устали... Въ огромной залѣ длинный столъ, покрытый хрусталемъ и блюдами... Горятъ свѣчи... Василій-поваръ разноситъ сдобные калачики и яичницу... Братья ѣдятъ съ ужаснымъ аппетитомъ. Я тоже ѣмъ пропасть, и все свое любимое: ананасы, абрикосы, поросенка подъ хрѣномъ, саламату со сметаной... Вотъ Михайло-кучеръ въ мокрыхъ сапогахъ подноситъ мнѣ гречишные вареники... Я хочу проглотить...

— А Гришѣ-то не оставили?—явственно раздается въ моемъ ухѣ громкій голосъ отца. Въ то же время изъ-за перегородки доносится до меня веселый звонъ дѣятельно работающихъ ножей и

вилокъ, запахъ жареныхъ цыплятъ, стукъ перемѣняемыхъ тарелокъ, шипѣнье масла на сковородѣ, сдержанный, но дружный говоръ.

Я лежу совсѣмъ раздѣтый, спрятавшійся подъ фланелевое одѣяло на свѣженькой бѣлой постели, устроенной изъ хозяйскаго сундука. Кто меня раздѣлъ? слабо думается мнѣ; голова не въ состояніи разрѣшить этотъ смутный вопросъ... Дадутъ ли мнѣ ужинать? мерещится мнѣ нѣсколько посильнѣй... Но ротъ, окованный сномъ, не раскрывается, и мимолетное желаніе безсильно воплотиться въ звукъ... А за перегородкой все ѣдятъ да ѣдятъ... Оттуда свѣтитъ огонь... звенитъ посуда... Тамъ смѣются и болтаютъ... Слышно, какъ приступили къ яичницѣ съ ветчиной.

Обо мнѣ всѣ забыли, какъ будто я не такой же маменькинъ сынъ, какъ и всѣ. Какъ будто нельзя было разбудить меня. Костя все поѣлъ вмѣсто меня и радъ теперь, что я сплю... До завтрашняго обѣда надо ждать... Можетъ быть, мнѣ оставили? Ложки заскребли по сковородѣ; не было больше никакого сомнѣнія, что яичница кончена... Вдругъ двѣ горячія слезы прорвались сквозь слипшіяся вѣки... ротъ, чѣмъ-то вдохновенный раскрылся, и, сквозь всхлипыванье оскорбленнаго чувства, раздался мой жалобный и укоряющій голосъ:

— Маменька, мнѣ оставьте! Вѣдь я ничего не ужиналъ.

Громкій хохотъ отвѣчалъ мнѣ изъ-за перегородки, и рѣзче всѣхъ изъ общаго хора выдѣлялся закатистый смѣхъ Кости, который въ это мгновеніе доѣдалъ послѣднюю ложку яичницы съ послѣднимъ кусочкомъ ветчины.

Баулъ—дорожный сундукъ, обитый кожей.

Оказія—случай, удобный случай. Вотъ оказія: мостъ провалился.—Пишу тебѣ съ первой оказіей.—Мнѣ объявили, что я долженъ прожить тутъ еще три дня, ибо „оказія“ изъ Екатеринограда еще не пришла и, слѣдовательно, отправиться обратно не можетъ. Что за оказія!.. (Лерм.).—Что за оказія! Молчалинъ, ты, братъ? (Гриб.).

Прикорнуть—прилечь отдохнуть, уснуть на короткое время, прилечь свернувшись, скорчившись.

Хаосъ (греч.)—1) первоначальная нестройная масса изъ которой состояла вселенная до сотворенія міра; 2) всякій безпорядокъ.

Воплотиться, воплощаться—буквально: принимать плоть, выразиться въ чемъ-либо вещественномъ, видимомъ или слышимомъ. Мечта, мысль, идея художника воплощается въ его произведеніи.—Я воплотилъ боль сердца въ звуки (Никит.).

*

34. Отлетъ.

Стихотвореніе *Германова.*

Чей голосъ счастливый, какъ смѣхъ шаловливый,
струится съ небесныхъ высотъ?
То ласточекъ стая, на югъ улетая,
прощальный привѣтъ намъ свой шлетъ.
Ихъ крылья такъ быстры. Проворнѣй, чѣмъ искры,
мелькаютъ ряды въ вышинѣ.
Купаются въ свѣтѣ, безпечнѣй, чѣмъ дѣти,
всѣ вмѣстѣ щебечутъ онѣ:
„Прощайте, Богъ съ вами! Какъ знаете сами,
живите подъ властью зимы!
Ужъ близко морозы, ужъ блекнутъ березы...
На югъ собираемся мы...
Весной у васъ голодъ, а осенью холодъ,
печальные дремлютъ луга.
Зимой у васъ горе... Не ждите насъ вскорѣ,
пока не растаютъ снѣга.
Летимъ мы безпечно въ тѣ страны, гдѣ вѣчно
лазурью блестятъ небеса;
тамъ вѣчная нѣга, ни стужи, ни снѣга
не знаютъ поля и лѣса...
Мелькая и рѣя, скорѣй и скорѣе,
умчимся мы весело въ даль
на поиски счастья, покинувъ ненастье,
и вашу покинувъ печаль".

35. Мечты и фантазіи.

Отрывокъ *В. Г. Короленко.*

Мнѣ было лѣтъ десять, брату около восьми... Въ глубокомъ молчаніи сидѣли мы на заборѣ, подъ тѣнью развѣсистаго серебристаго тополя, и держали въ рукахъ удочки, крючки которыхъ были опущены въ огромную бадью съ загнившей водой. Вотъ уже около недѣли любимымъ нашимъ занятіемъ было — сидѣть на заборѣ, надъ бадьей, съ опущенными въ нее крючками изъ простыхъ мѣдныхъ булавокъ и ждать, что вотъ-вотъ, по особой къ намъ милости судьбы, въ этой бадьѣ и на эти удочки клюнетъ у насъ „настоящая“, живая рыба.

Правда, уголокъ двора, гдѣ помѣщалась эта волшебная бадья, и самъ по себѣ, даже безъ живой рыбы, представлялъ много привлекательнаго и заманчиваго. Среди садовъ, огородовъ, сараевъ, двориковъ, домовъ и флигелей этотъ уголокъ вырѣзался какъ-то такъ удобно, что никому и ни на что не былъ нуженъ; поэтому мы чувствовали себя полными его обладателями, и никто не нарушалъ здѣсь нашего одиночества.

Середину этого пространства,—ограниченнаго съ двухъ сторонъ палисадникомъ и деревьями сада, а съ двухъ другихъ пустыми стѣнами сараевъ, оставлявшими узкій проходъ, — занимала большая мусорная куча. На вершинѣ ея валялся старый - престарый кузовъ какого-то фантастическаго рыдвана, какихъ уже не бывало въ дѣйствительности. Это былъ какой-то призрачный обломокъ минувшихъ временъ, попавшій сюда, быть можетъ, еще до постройки окружающихъ зданій и теперь лежавшій на боку. На единственной половинкѣ единственной дверки сохранились еще остатки красокъ какого-то герба,—и единственная рука, закованная въ стальные нарамники и державшая мечъ, высовывалась непонятнымъ образомъ изъ тусклаго пятна, въ которомъ чуть рисовалось подобіе короны. Остальное все распалось, растрескалось, облупилось и облѣзло въ такой степени, что уже не ставило воображенію никакихъ прочныхъ преградъ; вѣроятно, поэтому старый скелетъ легко принималъ въ нашихъ глазахъ всѣ формы, всю роскошь и все великолѣпіе настоящей золотой кареты.

Когда намъ пріѣдались впечатлѣнія реальной жизни на большихъ дворахъ и въ переулкѣ, то мы съ братомъ удалялись въ этотъ уединенный уголокъ, садились въ кузовъ,—и тогда начинались здѣсь чудеснѣйшія приключенія, какія только могутъ постигнуть людей, безразсудно пускающихся въ невѣдомый путь далекій и опасный, въ такой чудесной и такой фантастической каретѣ. Мой братъ, по большей части, предпочиталъ болѣе дѣятельную роль кучера. Онъ бралъ въ руки кнутъ изъ ременнаго обрѣзка, найденнаго въ мусорной кучѣ, затѣмъ серьезно и молча вынималъ изъ кузова два деревянныхъ пистолета, перекидывалъ черезъ плечо деревянное ружье и втыкалъ за поясъ огромную саблю, изготовленную моими руками изъ кровельнаго тесу. Видъ его, вооруженнаго съ головы до ногъ, настраивалъ тотчасъ же и меня на соотвѣтствующій ладъ, и затѣмъ, усѣвшись каждый на свое мѣсто, мы отдавались теченію нашей судьбы, не обмѣниваясь ни словомъ. Это не мѣшало намъ съ той же минуты испытывать общія опасности, приключенія и побѣды. Очень можетъ быть, конечно, что событія не всегда совпадали съ точки зрѣнія кузова и козелъ, и я предавался упоенію побѣды въ то самое время, какъ кучеръ чувствовалъ себя на краю гибели... Но это ничему, въ сущности, не мѣшало. Развѣ изрѣдка я принимался неистово палить изъ оконъ, когда кучеръ внезапно натягивалъ вожжи, привязанныя къ обломку дышла,—и тогда братъ говорилъ съ досадой:

— Что ты, ей-Богу... Вѣдь это гостиница...

Тогда я пріостанавливалъ пальбу, выходилъ изъ кузова и извинялся передъ гостепріимнымъ трактирщикомъ въ причиненномъ безпокойствѣ, между тѣмъ какъ кучеръ распрягалъ лошадей, поилъ ихъ у бадьи, и мы предавались мирному, хотя и короткому, отдыху въ одинокой гостиницѣ. Однако, случаи подобныхъ разногласій бывали тѣмъ рѣже, что я скоро отдавался полету чистой фантазіи, нетребовавшей отъ меня внѣшнихъ проявленій... Мы могли молча, почти не двигаясь и сохраняя созерцательный видъ, просидѣть на своихъ мѣстахъ отъ утренняго чаю до самаго обѣда. И въ этотъ промежутокъ отъ завтрака и до обѣда вмѣщались для насъ цѣлыя недѣли путешествій, съ остановками въ одинокихъ гостиницахъ, съ ночлегами въ полѣ, съ длинными просѣками въ черномъ лѣсу, съ дальними огоньками, съ угасающимъ закатомъ, съ ночными грозами въ горахъ, съ

утренней зарей въ открытой степи, съ нападеніями свирѣпыхъ бандитовъ и, наконецъ, съ туманными женскими фигурами, еще ни разу не открывавшими лица изъ-подъ густого покрывала, которыхъ мы, съ неопредѣленнымъ замираніемъ души, спасали изъ рукъ мучителей на радость или на горе въ будущемъ...

И все это вмѣщалось въ тихомъ уголкѣ, между садомъ и сараями, гдѣ, кромѣ бадьи, кузова и мусорной кучи, не было ничего... Впрочемъ, были еще лучи солнца, пригрѣвавшіе зелень сада и расцвѣчивающіе палисадникъ яркими золотистыми пятнами; были еще двѣ доски около бадьи и широкая лужа подъ ними. Затѣмъ, чуткая тишина, невнятный шопотъ листьевъ, сонное чириканье какой-то птицы въ кустахъ и... странныя фантазіи, которыя, вѣроятно, росли здѣсь сами по себѣ, какъ грибы въ тѣнистомъ мѣстѣ,—потому что нигдѣ больше мы на находили ихъ съ такой легкостью, въ такой полнотѣ и изобиліи... Когда, черезъ узкій переулокъ и черезъ крыши сараевъ, долеталъ до насъ до садный призывъ къ обѣду или къ вечернему чаю, мы оставляли здѣсь вмѣстѣ съ пистолетами и саблями наше фантастическое настроеніе, точно скинутое съ плечъ верхнее платье, въ которое наряжались тотчасъ по возвращеніи...

Однако, съ тѣхъ поръ, какъ брату пришла оригинальная мысль вырѣзать кривыя и узловатыя вѣтки тополя, навязать на нихъ бѣлыя нитки, навѣсить мѣдные крючки и попробовать запустить удочки въ таинственную глубину огромной бадьи, стоявшей въ углу дворика, для насъ на цѣлую недѣлю померкли всѣ прелести золотой кареты. Во-первыхъ, мы садились оба, въ самыхъ удивительныхъ позахъ, на верхней перекладинѣ палисадника, угломъ охватывавшаго бадью и у котораго мы предварительно обломали верхушки балясинъ. Во-вторыхъ, надъ нами качался серебристо-зеленый шатеръ тополя, переполнявшій окружающій воздухъ зеленоватыми тѣнями и бродячими солнечными пятнами. Въ-третьихъ, отъ бадьи отдѣлялся какой-то особенный запахъ, свойственный загнившей водѣ, въ которой уже завелась своя особенная жизнь, въ видѣ множества какихъ-то странныхъ существъ, въ родѣ головастиковъ, только гораздо меньше... Какъ ни покажется это странно, но запахъ этотъ казался намъ, въ сущности, пріятнымъ и прибавлялъ, съ своей стороны, нѣчто къ прелестямъ этого угла надъ бадьей... Въ то время, какъ мы сидѣли по цѣлымъ часамъ на заборѣ, вглядываясь въ зеленоватую воду, изъ глубины

бадьи то и дѣло подымались стайками эти странныя существа, напоминавшія собой гибкія мѣдныя булавки, головки которыхъ такъ тихо шевелили поверхность воды, между тѣмъ какъ хвостики извивались подъ ними, точно крошечныя змѣйки. Это былъ цѣлый особый мірокъ, подъ этой зеленою тѣнью, и, если сказать правду, въ насъ не было полной увѣренности въ томъ, что въ одинъ прекрасный мигъ поплавокъ нашей удочки не вздрогнетъ, не пойдетъ ко дну, и что послѣ этого который-нибудь изъ насъ не вытащитъ на крючкѣ серебристую, трепещущую живую рыбку. Разумѣется, разсуждая трезво, мы не могли бы не прійти къ заключенію, что событіе это выходитъ за предѣлы возможнаго. Но мы вовсе не разсуждали трезво въ тѣ минуты, а просто сидѣли на заборѣ, надъ бадьей, подъ колыхавшимся и шептавшимъ зеленымъ шатромъ, въ сосѣдствѣ съ чудесной каретой, среди зеленоватыхъ тѣней, въ атмосферѣ полусна и полусказки...

Бадья—деревянный сосудъ, опускаемый на канатѣ или цѣпи для доставанія воды изъ колодца или руды изъ рудниковъ, а также родъ ушата безъ ножекъ.

Кузовъ—плетеный коробъ, часть экипажа, гдѣ устраивается сидѣнье. **Кузовокъ**—корзинка, лукошко. Назвался груздемъ—полѣзай въ кузовъ.

Рыдванъ—большая старинная карета; нынѣ употребл. въ этомъ значеніи больше въ шутку. Въ іюлѣ, въ самый зной, въ полуденную пору, сыпучими песками, въ гору, съ поклажей и съ семьей дворянъ, четверкою рыдванъ тащился (Крыл.).

Фантастическій—не существующій въ дѣйствительности, порожденный воображеніемъ.

Призрачный—мнимый, воображаемый, обманчивый, неуловимый, не постижимый. Призрачное счастье.—Призрачныя блага жизни.

Пріѣдаться—опротивѣть въ ѣдѣ, надоѣдать. Пшеничный хлѣбъ пріѣдается, а ржаной не пріѣстся.

Реальный (латинск.)—относящійся къ дѣйствительности, жизни, не отвлеченный.

Упоеніе—восторгъ, восхищенье; происходитъ отъ сл. **упоить, напоить**. Какая же между ними связь? Сердце бьется въ упоеньѣ (Пушк.).

Созерцательный—наблюдательный, видящій разумно, со смысломъ.

Бандитъ—воръ, грабитель, разбойникъ, отъ сл. **банда**—шайка.

Балясина—точеный столбикъ подъ поручни, перила или ограду. Во мн. ч. болѣе употр. **балясы**—шутки, веселыя розсказни. Точить балясы (или лясы), балясничать—шутить, смѣяться, болтать отъ нечего дѣлать.

Атмосфера—воздушная оболочка земного шара; въ переносн. знач.: условія, въ которыхъ приходится жить и дѣйствовать. Онъ задыхался въ этой отдѣляющей буднишней атмосферѣ, изъ которой не видѣлъ себѣ никуда выхода.

*

36. Мальчики.

Разсказъ *А. Чехова.*

Три сестры Володи, Катя, Соня и Маша,—самой старшей изъ нихъ было одиннадцать лѣтъ,—сидѣли за столомъ и не отрывали глазъ отъ новаго знакомаго. Чечевицынъ былъ такого же возраста и роста, какъ Володя, но не такъ пухлъ и бѣлъ, а худъ, смуглъ, покрытъ веснушками. Волосы у него были щетинистые, глаза узенькіе, губы толстыя, вообще былъ онъ очень некрасивъ. Онъ былъ угрюмъ, все время молчалъ и ни разу не улыбнулся. Дѣвочки, глядя на него, сразу сообразили, что это, должно быть, очень умный и ученый человѣкъ. Онъ о чемъ-то все время думалъ и такъ былъ занятъ своими мыслями, что когда его спрашивали о чемъ-нибудь, то онъ вздрагивалъ, встряхивалъ головой и просилъ повторить вопросъ.

Дѣвочки замѣтили, что и Володя, всегда веселый и разговорчивый, на этотъ разъ говорилъ мало, вовсе не улыбался и какъ будто даже не радъ былъ тому, что пріѣхалъ домой. Пока сидѣли за чаемъ, онъ обратился къ сестрамъ только разъ, да и то съ какими-то странными словами. Онъ указалъ пальцемъ на самоваръ и сказалъ:

— А въ Калифорніи вмѣсто чаю пьютъ джинъ.

Онъ тоже былъ занятъ какими-то мыслями и, судя по тѣмъ взглядамъ, какими онъ изрѣдка обмѣнивался съ другомъ своимъ Чечевицынымъ, мысли у мальчиковъ были общія.

Послѣ чаю всѣ пошли въ дѣтскую. Отецъ и дѣвочки сѣли за столъ и занялись работой, которая была прервана пріѣздомъ мальчиковъ. Они дѣлали изъ разноцвѣтной бумаги цвѣты и бахрому для елки. Это была увлекательная и шумная работа. Каждый вновь сдѣланный цвѣтокъ дѣвочки встрѣчали восторженными криками, даже криками ужаса, точно этотъ цвѣтокъ падалъ съ неба; папаша тоже восхищался и изрѣдка бросалъ ножницы на полъ, сердясь на нихъ за то, что онѣ тупы.

Въ предыдущіе свои пріѣзды Володя тоже занимался приготовленіями для елки или бѣгалъ на дворъ поглядѣть, какъ кучеръ и пастухъ дѣлали снѣговую гору, но теперь онъ и Чечевицынъ не обратили никакого вниманія на разноцвѣтную бумагу и ни разу даже не побывали въ конюшнѣ, а сѣли у окна и стали

о чемъ-то шептаться; потомъ они оба вмѣстѣ раскрыли географическій атласъ и стали разсматривать какую-то карту.

— Сначала въ Пермь... тихо говорилъ Чечевицынъ... Оттуда въ Тюмень... потомъ Томскъ... потомъ... потомъ... въ Камчатку... Отсюда самоѣды перевезутъ на лодкахъ черезъ Беринговъ проливъ... Вотъ тебѣ и Америка... Тутъ много пушныхъ звѣрей.

— А Калифорнія? — спросилъ Володя.

— Калифорнія ниже... Лишь бы въ Америку попасть, а Калифорнія не за горами. Добывать же себѣ пропитаніе можно охотой и грабежомъ.

Чечевицынъ весь день сторонился дѣвочекъ и глядѣлъ на нихъ исподлобья. Послѣ вечерняго чая случилось, что его минутъ на пять оставили одного съ дѣвочками. Неловко было молчать. Онъ сурово кашлянулъ, потеръ правой ладонью лѣвую руку, поглядѣлъ угрюмо на Катю и спросилъ:

— Вы читали Майнъ-Рида?

— Нѣтъ, не читала... Послушайте, вы умѣете на конькахъ кататься?

Погруженный въ свои мысли, Чечевицынъ ничего не отвѣтилъ на этотъ вопросъ, а только сильно надулъ щеки и сдѣлалъ такой вздохъ, какъ будто ему было очень жарко. Онъ еще разъ поднялъ глаза на Катю и сказалъ:

— Когда стадо бизоновъ бѣжитъ черезъ пампасы, то дрожитъ земля, а въ это время мустанги, испугавшись, брыкаются и ржутъ.

Чечевицынъ грустно улыбнулся и добавилъ:

— А также индѣйцы нападаютъ на поѣзда. Но хуже всего— это москиты и термиты.

— А что это такое?

— Это въ родѣ муравчиковъ, только съ крыльями. Очень сильно кусаются. Знаете, кто я?

— Господинъ Чечевицынъ.

— Нѣтъ, я—Монтигомо, Ястребиный Коготь, вождь непобѣдимыхъ.

Маша, самая маленькая дѣвочка, поглядѣла на него, потомъ на окно, за которымъ уже наступалъ вечеръ, и сказала въ раздумьи:

— А у насъ чечевицу вчера готовили.

Совершенно непонятныя слова Чечевицына и то, что онъ постоянно шептался съ Володей, и то, что Володя не игралъ, а все

думалъ о чемъ-то,—все это было загадочно и странно. И обѣ старшія дѣвочки, Катя и Соня, стали зорко слѣдить за мальчиками. Вечеромъ, когда мальчики ложились спать, дѣвочки подкрались къ двери и подслушали ихъ разговоръ. О, что онѣ узнали! Мальчики собирались бѣжать куда-то въ Америку, добывать золото; у нихъ для дороги было уже все готово: пистолетъ, два ножа, сухари, увеличительное стекло для добыванія огня, компасъ и четыре рубля денегъ. Онѣ узнали, что мальчикамъ придется пройти пѣшкомъ нѣсколько тысячъ верстъ, а по дорогѣ сражаться съ тиграми и дикарями, потомъ добывать золото и слоновую кость, убивать враговъ, поступать въ морскіе разбойники, пить джинъ и въ концѣ концовъ жениться на красавицахъ и обрабатывать плантаціи. Володя и Чечевицынъ говорили и въ увлеченіи перебивали другъ друга. Себя Чечевицынъ называлъ при этомъ такъ: „Монтигомо, Ястребиный Коготь“, а Володю: „блѣднолицый братъ мой“.

— Ты смотри же, не говори мамѣ,—сказала Катя Сонѣ, отправляясь съ нею спать.—Володя привезетъ намъ изъ Америки золота и слоновой кости, а если ты скажешь мамѣ, то его не пустятъ.

Наканунѣ сочельника Чечевицынъ цѣлый день разсматривалъ карту Азіи и что-то записывалъ, а Володя, томный, пухлый, какъ укушенный пчелой, угрюмо ходилъ по комнатамъ и ничего не ѣлъ. И разъ даже въ дѣтской онъ остановился передъ иконой, перекрестился и сказалъ:

— Господи, прости меня грѣшнаго! Господи, сохрани мою бѣдную, несчастную маму!

Къ вечеру онъ расплакался. Идя спать, онъ долго обнималъ отца, мать, сестеръ. Катя и Соня понимали, въ чемъ тутъ дѣло, а младшая, Маша, ничего не понимала, рѣшительно ничего, и только при взглядѣ на Чечевицына задумывалась и говорила со вздохомъ:

— Когда постъ, няня говоритъ, надо кушать горохъ и чечевицу.

Рано утромъ въ сочельникъ Катя и Соня тихо поднялись съ постелей и пошли подсмотрѣть, какъ мальчики будутъ бѣжать въ Америку. Подкрались къ двери.

— Такъ ты не поѣдешь?—сердито спрашивалъ Чечевицынъ.—Говори, не поѣдешь?

— Господи!—тихо плакалъ Володя.—Какъ же я поѣду? Мнѣ маму жалко.

— Блѣднолицый братъ мой, я прошу тебя, поѣдемъ! Ты же увѣрялъ, что поѣдешь, самъ меня сманилъ, а какъ ѣхать, такъ вотъ и струсилъ.

— Я... я не струсилъ, а мнѣ... мнѣ маму жалко.

— Ты, говори, поѣдешь или нѣтъ?

— Я поѣду, только... только погоди. Мнѣ хочется дома пожить.

— Въ такомъ случаѣ я самъ поѣду!—рѣшилъ Чечевицынъ.— И безъ тебя обойдусь. А еще тоже хотѣлъ охотиться на тигровъ, сражаться! Когда такъ, отдай же мои пистоны!

Володя заплакалъ такъ горько, что сестры не выдержали и тоже тихо заплакали. Наступила тишина.

— Такъ ты не поѣдешь?—еще разъ спросилъ Чечевицынъ.

— По... поѣду.

— Такъ одѣвайся!

И Чечевицынъ, чтобы уговорить Володю, хвалилъ Америку, рычалъ какъ тигръ, изображалъ пароходъ, бранился, обѣщалъ отдать Володѣ всю слоновую кость и всѣ львиныя и тигровыя шкуры.

И этотъ худенькій смуглый мальчикъ, со щетинистыми волосами и веснушками, казался дѣвочкамъ необыкновеннымъ, замѣчательнымъ. Это былъ герой, рѣшительный, неустрашимый человѣкъ, и рычалъ онъ такъ, что, стоя за дверями, въ самомъ дѣлѣ можно было подумать, что это тигръ или левъ.

Когда дѣвочки вернулись къ себѣ и одѣвались, Катя, съ глазами, полными слезъ, сказала:

— Ахъ, мнѣ такъ страшно!

До двухъ часовъ, когда сѣли обѣдать, все было тихо, но за обѣдомъ вдругъ оказалось, что мальчиковъ нѣтъ дома. Послали въ людскую, въ конюшню, во флигель къ приказчику,—тамъ ихъ не было. Послали въ деревню,—и тамъ не нашли. И чай потомъ тоже пили безъ мальчиковъ, а когда садились ужинать, мамаша очень безпокоилась, даже плакала. А ночью опять ходили въ деревню, искали, ходили съ фонарями на рѣку. Боже, какая поднялась суматоха!

На другой день пріѣзжалъ урядникъ, писали въ столовой какую-то бумагу. Мамаша плакала.

Но вотъ у крыльца остановились розвальни, и отъ тройки бѣлыхъ лошадей валилъ паръ.

— Володя пріѣхалъ!—крикнулъ кто-то на дворѣ.

Оказалось, что мальчиковъ задержали въ городѣ въ Гостиномъ дворѣ (тамъ они ходили и все спрашивали, гдѣ продается порохъ). Володя, какъ вошелъ въ переднюю, такъ и зарыдалъ и бросился матери на шею. Дѣвочки, дрожа, съ ужасомъ думали о томъ, что теперь будетъ, слышали, какъ папаша повелъ Володю и Чечевицына къ себѣ въ кабинетъ и долго тамъ говорилъ съ ними; и мамаша тоже говорила и плакала.

— Развѣ это такъ можно?—убѣждалъ папаша.—Не дай Богъ узнаютъ въ гимназіи, васъ исключатъ. А вамъ стыдно, господинъ Чечевицынъ! Нехорошо-съ! Вы зачинщикъ и, надѣюсь, вы будете наказаны вашими родителями. Развѣ это такъ можно? Вы гдѣ ночевали?

— На вокзалѣ!—гордо отвѣтилъ Чечевицынъ.

Володя потомъ лежалъ, и ему къ головѣ прикладывали полотенце, смоченное въ уксусѣ. Послали куда-то телеграмму, и на другой день пріѣхала дама, мать Чечевицына, и увезла своего сына.

Когда уѣзжалъ Чечевицынъ, то лицо у него было суровое надменное, и, прощаясь съ дѣвочками, онъ не сказалъ ни одного слова; только взялъ у Кати тетрадку и написалъ въ знакъ памяти: „Монтигомо, Ястребиный Коготь“.

Бизонъ—сѣверо-американскій дикій быкъ.

Пампасы—южно-американскія степи.

Мустангъ—дикая лошадь въ американскихъ степяхъ.

Плантація—мѣсто въ жаркихъ странахъ, засѣянное растеніемъ, требующимъ ухода.

Розвальни—просторныя, развалистыя сани. У него совѣсть—что розвальни: садись—да катись.

Зачинщикъ—кто зачинаетъ, предводитель, коноводъ. Онъ зачинщикъ всѣхъ ссоръ.—Кому, кому, а зачинщику больше всѣхъ.

37. Осенняя слякоть.

И. Тургенева.

Къ половинѣ октября я стоялъ у окна моей комнаты, во второмъ этажѣ нашего дома—и, ни о чемъ не помышляя, уныло посматривалъ на дворъ и на пролегавшую за нимъ дорогу. Погода уже пятый день стояла отвратительная, все живое попряталось; даже воробьи притихли, и грачи давно пропали. Вѣтеръ то глухо завывалъ, то свисталъ порывисто; низкое, безъ всякаго просвѣта, небо изъ непріятно-бѣлаго цвѣта переходило въ свинцовый, еще болѣе зловѣщій цвѣтъ,—и дождь, который лилъ, лилъ неумолчно и безпрестанно, внезапно становился еще крупнѣе, еще косѣе—съ визгомъ расплывался по стекламъ. Деревья совсѣмъ истрепались и какія-то сѣрыя стали: ужъ, кажется, что было съ нихъ взять,—а вѣтеръ, нѣтъ-нѣтъ, да опять примется тормошить ихъ. Вездѣ стояли засоренныя мертвыми листьями лужи; крупные волдыри, то и дѣло лопаясь и возрождаясь, вскакивали и скользили по нимъ. Грязь по дорогамъ стояла невылазная; холодъ проникалъ въ комнаты, подъ платье, въ самыя кости; невольная дрожь пробѣгала по тѣлу, и ужъ какъ становилось дурно на душѣ! Именно дурно—не грустно. Казалось, уже никогда не будетъ ни свѣта, ни солнца, ни блеска, ни красокъ, а вѣчно будетъ стоять эта слякоть, и слизь, и сѣрая мокрота, и сырость кислая,—и вѣтеръ будетъ вѣчно пищать и ныть!

Пролегать—лежать вдоль, простираться, протянуться полосой. Не одна-то во́-полѣ дороженька пролегала. Что пониже города было Саратова, а повыше было города Царицына, протекала, пролегала мать Камышенка рѣка. (Нар. пѣсня).

Неумолчный, неумолкаемый, несмолкаемый—не умолкающій, не затихающій вѣчно говорящій, шумящій.

Волдырь—опухоль на тѣлѣ, нарывъ, водяной пузырь. Лопнулъ (пропалъ) какъ волдырь на водѣ.

Слизь, отъ сл. слизкій, склизкій, скользкій—скользкая жидкость.

38. Илюшечка.

Ѳ. Достоевскаго.

I. Школьники.

Разъ, когда Алеша Карамазовъ проходилъ по городу, съ нимъ вдругъ случилось одно происшествіе, на видъ хоть и не очень важное, но сильно его поразившее. Какъ только онъ прошелъ площадь и свернулъ въ переулокъ, чтобы выйти въ Михайловскую улицу, параллельную Большой, но отдѣлявшуюся отъ нея лишь канавкой, онъ увидѣлъ внизу предъ мостикомъ маленькую кучку школьниковъ, все малолѣтнихъ дѣтокъ, отъ девяти до двѣнадцати лѣтъ, не больше. Они расходились по домамъ изъ класса со своими ранчиками за плечами, другіе съ кожаными мѣшочками на ремняхъ черезъ плечо, одни въ курточкахъ, другіе въ пальтишкахъ, а иные и въ высокихъ сапогахъ со складками на голенищахъ, въ какихъ особенно любятъ щеголять маленькія дѣтки, которыхъ балуютъ зажиточные отцы. Вся группа оживленно о чемъ-то толковала, повидимому, совѣщалась. Алеша никогда не могъ безучастно проходить мимо ребятокъ, въ Москвѣ тоже это бывало съ нимъ, и хоть онъ больше всего любилъ трехлѣтнихъ дѣтей или около того, но и школьники лѣтъ десяти, одиннадцати ему очень нравились. А потому, какъ ни озабоченъ онъ былъ теперь, но ему вдругъ захотѣлось свернуть къ нимъ и вступить въ разговоръ. Подходя, онъ вглядывался въ ихъ румяныя оживленныя личики и вдругъ увидалъ, что у всѣхъ мальчиковъ было въ рукахъ по камню, у другихъ такъ по два. За канавкой же, примѣрно шагахъ въ тридцати отъ группы, стоялъ у забора и еще мальчикъ, тоже школьникъ, тоже съ мѣшочкомъ на боку, по росту лѣтъ десяти, не больше или даже меньше того — блѣденькій, болѣзненный и со сверкавшими черными глазками. Онъ внимательно и пытливо наблюдалъ группу шести школьниковъ изъ школы, но съ которыми онъ, видимо, былъ во враждѣ. Алеша подошелъ и, обратясь къ одному курчавому, бѣлокурому, румяному мальчику въ черной курточкѣ, замѣтилъ, оглядѣвъ его:

— Когда я носилъ вотъ такой, какъ у васъ мѣшочекъ, такъ у насъ носили на лѣвомъ боку, чтобы правою рукой тотчасъ достать; а у васъ мѣшокъ на правомъ боку, вамъ неловко доставать.

— Да онъ лѣвша,—отвѣтилъ тотчасъ же другой мальчикъ, молодцоватый и здоровый, лѣтъ одиннадцати. Всѣ остальные пять мальчиковъ уперлись глазами въ Алешу.

— Онъ и камни лѣвшой бросаетъ,—замѣтилъ третій мальчикъ. Въ это мгновеніе въ группу какъ разъ влетѣлъ камень, задѣлъ слегка мальчика-лѣвшу, но пролетѣлъ мимо, хотя пущенъ былъ ловко и энергически. Пустилъ же его мальчикъ за канавкой.

— Лупи его, сажай въ него, Смуровъ!—закричали всѣ. Но Смуровъ (лѣвша) и безъ того не заставилъ ждать себя и тотчасъ отплатилъ: онъ бросилъ камнемъ въ мальчика за канавкой, но неудачно, камень ударился въ землю. Мальчикъ за канавкой тотчасъ же пустилъ еще въ группу камень, на этотъ разъ прямо въ Алешу и довольно больно ударилъ его въ плечо. У мальчишки за канавкой весь карманъ былъ полонъ заготовленными камнями. Это видно было за тридцать шаговъ по отдувшимся карманамъ его пальтишка.

— Это онъ въ васъ, въ васъ, онъ нарочно въ васъ мѣтилъ. Вѣдь вы Карамазовъ, Карамазовъ?—закричали хохоча мальчики.— Ну, всѣ разомъ въ него, пали!

И шесть камней разомъ вылетѣли изъ группы. Одинъ угодилъ мальчику въ голову, и тотъ упалъ, но мигомъ вскочилъ и съ остервенѣніемъ началъ отвѣчать въ группу камнями. Съ обѣихъ сторонъ началась непрерывная перестрѣлка, у многихъ въ группѣ тоже оказались въ карманѣ заготовленные камни.

— Что вы это! Не стыдно ли, господа! Шестеро на одного, да вы убьете его!—закричалъ Алеша.

Онъ выскочилъ и сталъ навстрѣчу летящимъ камнямъ, чтобы загородить собою мальчика за канавкой. Трое или четверо на минутку унялись.

— Онъ самъ первый началъ!—закричалъ мальчикъ въ красной рубашкѣ раздраженнымъ дѣтскимъ голоскомъ:—онъ подлецъ, онъ давеча въ классѣ Красоткина перочиннымъ ножикомъ пырнулъ, кровь потекла. Красоткинъ только фискалить не хотѣлъ, а этого надо избить...

— Да за что? Вы, вѣрно, сами его дразните?

— А вотъ онъ опять вамъ камень въ спину прислалъ. Онъ васъ знаетъ,—закричали дѣти.—Это онъ въ васъ теперь кидаетъ, а не въ насъ. Ну, всѣ, опять въ него, не промахивайся, Смуровъ!

И опять началась перестрѣлка, на этотъ разъ очень злая. Мальчику за канавкой ударило камнемъ въ грудь; онъ вскрикнулъ, заплакалъ и побѣжалъ вверхъ въ гору на Михайловскую улицу. Въ группѣ загалдѣли: „Ага, струсилъ, бѣжалъ, мочалка!“

— Вы еще не знаете, Карамазовъ, какой онъ подлый, его убить мало,—повторилъ мальчикъ въ курточкѣ, съ горящими глазенками, старше всѣхъ, повидимому.

— А какой онъ?—спросилъ Алеша.—Фискалъ, что ли?

Мальчики переглянулись какъ будто съ усмѣшкой.

— Вы туда же идете, въ Михайловскую?—продолжалъ тотъ же мальчикъ.—Такъ вотъ догоните-ка его... Вонъ, видите, онъ остановился опять, ждетъ и на васъ глядитъ.

— На васъ глядитъ, на васъ глядитъ!—подхватили мальчики.

— Такъ вотъ и спросите его, любитъ ли онъ банную мочалку, растрепанную. Слышите, такъ и спросите.

Раздался общій хохотъ. Алеша смотрѣлъ на нихъ, а они на него.

— Не ходите, онъ васъ зашибетъ!—закричалъ предупредительно Смуровъ.

— Господа, я его спрашивать о мочалкѣ не буду, потому что вы, вѣрно, его этимъ какъ-нибудь дразните, но я узнаю отъ него, за что вы его такъ ненавидите...

— Узнайте-ка, узнайте-ка,—засмѣялись мальчики.

Алеша перешелъ мостикъ и пошелъ въ горку мимо забора прямо къ опальному мальчику.

— Смотрите,—кричали ему вслѣдъ предупредительно,—онъ васъ не побоится, онъ вдругъ пырнетъ исподтишка... какъ Красоткина.

Мальчикъ ждалъ его, не двигаясь съ мѣста. Подойдя совсѣмъ Алеша увидѣлъ предъ собою ребенка не болѣе девяти лѣтъ отъ роду, изъ слабыхъ и малорослыхъ, съ блѣдненькимъ, худенькимъ продолговатымъ личикомъ, съ большими, темными и злобно смотрѣвшими на него глазами. Одѣтъ онъ былъ въ довольно ветхій, старенькій пальтишко, изъ котораго уродливо выросъ. Голыя руки торчали изъ рукавовъ. На правой колѣнкѣ панталонъ была большая заплатка, а на правомъ сапогѣ, на носкѣ, гдѣ большой палецъ, большая дырка, видно, что сильно замазанная чернилами. Въ оба отдувшіеся кармашка его пальто были набраны камни. Алеша остановился предъ нимъ въ двухъ шагахъ, вопросительно

смотря на него. Мальчикъ, догадавшись тотчасъ по глазамъ Алеши, что тотъ его бить не хочетъ, тоже спустилъ куражу и самъ даже заговорилъ:

— Я одинъ, а ихъ шесть... Я ихъ всѣхъ перебью одинъ,— сказалъ онъ вдругъ, сверкнувъ глазами.

— Васъ одинъ камень должно-быть очень больно ударилъ,— замѣтилъ Алеша.

— А я Смурову въ голову попалъ!—воскликнулъ мальчикъ.

— Они мнѣ тамъ сказали, что вы меня знаете и за что-то въ меня камнемъ бросили?—спросилъ Алеша.

Мальчикъ мрачно посмотрѣлъ на него.

— Я васъ не знаю. Развѣ вы меня знаете?—допрашивалъ Алеша.

— Не приставайте!—вдругъ раздражительно вскрикнулъ мальчикъ, самъ однако не двигаясь съ мѣста, какъ бы все чего-то выжидая и опять злобно засверкавъ глазенками.

— Хорошо, я пойду,—сказалъ Алеша,—только я васъ не знаю и не дразню. Они мнѣ сказали, какъ васъ дразнятъ, но я васъ не хочу дразнить, прощайте!

— Монахъ въ гарнитуровыхъ штанахъ!—крикнулъ мальчикъ, все тѣмъ же злобнымъ и вызывающимъ взглядомъ слѣдя за Алешей, да кстати и ставъ въ позу, разсчитывая, что Алеша непремѣнно бросится на него теперь, но Алеша повернулся, поглядѣлъ на него и пошелъ прочь. Но не успѣлъ онъ сдѣлать и трехъ шаговъ, какъ въ спину его больно ударился пущенный мальчикомъ самый большой булыжникъ, который только былъ у него въ карманѣ.

— Такъ вы сзади? Они правду, стало быть, говорятъ про васъ, что вы нападаете исподтишка?—обернулся Алеша, но на этотъ разъ мальчишка съ остервенѣніемъ опять пустилъ въ Алешу камнемъ и уже прямо въ лицо, но Алеша успѣлъ заслониться во время, и камень ударилъ его въ локоть.

— Какъ вамъ не стыдно! Что я вамъ сдѣлалъ?—вскричалъ онъ.

Мальчикъ молча и задорно ждалъ лишь одного, что вотъ теперь Алеша уже несомнѣнно на него бросится; видя же, что тотъ даже и теперь не бросается, совершенно озлился, какъ звѣренокъ: онъ сорвался съ мѣста и кинулся самъ на Алешу, и не успѣлъ тотъ шевельнуться, какъ злой мальчишка, нагнувъ голову

и схвативъ обѣими руками его лѣвую руку, больно укусилъ ему средній ея палецъ. Онъ впился въ него зубами и секундъ десять не выпускалъ его. Алеша закричалъ отъ боли, дергая изо всей силы палецъ. Мальчикъ выпустилъ его наконецъ и отскочилъ на прежнюю дистанцію. Палецъ былъ больно прокушенъ, у самаго ногтя, глубоко, до кости! полилась кровь. Алеша вынулъ платокъ и крѣпко обернулъ раненую руку. Обертывалъ онъ почти цѣлую минуту. Мальчишка все это время стоялъ и ждалъ. Наконецъ Алеша поднялъ на него свой тихій взоръ.

— Ну, хорошо,—сказалъ онъ,—видите, какъ вы меня больно укусили; ну и довольно вѣдь, такъ ли? Теперь скажите, что я вамъ сдѣлалъ?

Мальчикъ посмотрѣлъ съ удивленіемъ.

— Я хоть васъ совсѣмъ не знаю и въ первый разъ вижу,— все также спокойно продолжалъ Алеша,—но не можетъ быть, чтобъ я вамъ ничего не сдѣлалъ, не стали бы вы меня такъ мучить даромъ. Такъ что же я сдѣлалъ и чѣмъ я виноватъ предъ вами, скажите?

Вмѣсто отвѣта, мальчикъ вдругъ громко заплакалъ, въ голосъ, и вдругъ побѣжалъ отъ Алеши. Алеша пошелъ тихо вслѣдъ за нимъ на Михайловскую улицу, и долго еще видѣлъ онъ, какъ бѣжалъ вдали мальчикъ, не умаляя шагу, не оглядываясь и вѣрно все также въ голосъ плача. Онъ положилъ непремѣнно, какъ только найдется время, разыскать его и разъяснить эту чрезвычайно поразившую его загадку.

Теперь ему надо было зайти къ невѣстѣ своего брата Дмитрія Чуть увидавъ его, она обратилась къ нему съ такими словами:

— Недѣлю,—да, кажется, недѣлю назадъ,—Дмитрій Ѳедоровичъ сдѣлалъ одинъ горячій и несправедливый поступокъ, очень безобразный. Тутъ есть одно нехорошее мѣсто, одинъ трактиръ. Въ немъ онъ встрѣтилъ этого отставного офицера, штабсъ-капитана этого, котораго вашъ батюшка употреблялъ по какимъ-то своимъ дѣламъ. Разсердившись почему-то на этого штабсъ-капитана, Дмитрій Ѳедоровичъ схватилъ его за бороду и при всѣхъ вывелъ въ этомъ унизительномъ видѣ на улицу и на улицѣ еще долго велъ, и, говорятъ, что мальчикъ, сынъ этого штабсъ-капитана, который учится въ здѣшнемъ училищѣ, еще ребенокъ, увидавъ это, бѣжалъ все подлѣ и плакалъ вслухъ и просилъ за отца и бросался ко всѣмъ и просилъ, чтобъ защитили, а всѣ смѣялись.

Простите, Алексѣй Ѳедоровичъ, я не могу вспомнить безъ негованія этого позорнаго его поступка... одного изъ такихъ поступковъ, на которые можетъ рѣшиться только одинъ Дмитрій Ѳедоровичъ въ своемъ гнѣвѣ... и въ страстяхъ своихъ! Я и разсказать этого не могу, не въ состояніи... Я сбиваюсь въ словахъ. Я справлялась объ этомъ обиженномъ и узнала, что онъ очень бѣдный человѣкъ. Фамилія его Снегиревъ. Онъ за что-то провинился на службѣ, его выключили, я не умѣю вамъ это разсказать, и теперь онъ съ своимъ семействомъ, съ своимъ несчастнымъ семействомъ изъ больныхъ дѣтей и жены, сумасшедшей, кажется, впалъ въ страшную нищету. Онъ уже давно здѣсь въ городѣ, онъ что-то дѣлаетъ, писаремъ гдѣ-то былъ, а ему вдругъ теперь ничего не платятъ. Я бросила взглядъ на васъ... то-есть я думала,—я не знаю, я какъ-то путаюсь,—видите, я хотѣла васъ просить, Алексѣй Ѳедоровичъ,—добрѣйшій мой Алексѣй Ѳедоровичъ, сходить къ нему, отыскать предлогъ, войти къ нимъ, то-есть къ этому штабсъ-капитану,—о Боже! какъ я сбиваюсь, — и деликатно, осторожно,—именно какъ только вы одинъ сумѣете сдѣлать (Алеша вдругъ покраснѣлъ) — сумѣть отдать ему это вспоможеніе, вотъ двѣсти рублей. Онъ навѣрно приметъ... то-есть уговорите его принять... Или нѣтъ, какъ это? Видите ли, это не то, что плата ему за примиреніе, чтобы онъ не жаловался, а просто сочувствіе, желаніе помочь; отъ меня, отъ меня, отъ невѣсты Дмитрія Ѳедоровича, а не отъ него самого... Однимъ словомъ, вы сумѣете... Я бы сама поѣхала, но вы сумѣете гораздо лучше меня. Онъ живетъ въ Озерной улицѣ, въ домѣ мѣщанки Калмыковой... Ради Бога, Алексѣй Ѳедоровичъ, сдѣлайте мнѣ это, а теперь... теперь я нѣсколько... устала. До свиданія...

Она вдругъ такъ быстро повернулась и скрылась за портьеру, что Алеша не успѣлъ и слова сказать.

2. У капитана.

Въ порученіи Катерины Ивановны промелькнуло одно обстоятельство, чрезвычайно тоже его заинтересовавшее: когда Катерина Ивановна упомянула о маленькомъ мальчикѣ, школьникѣ, сынѣ того штабсъ-капитана, который бѣжалъ плача въ голосъ подлѣ отца,—то у Алеши и тогда уже вдругъ мелькнула мысль, что этотъ мальчикъ есть навѣрное тотъ давешній школьникъ, укуси-

вшій его за палецъ, когда онъ, Алеша, допрашивалъ его, чѣмъ онъ его обидѣлъ. Теперь ужъ Алеша былъ почти увѣренъ въ этомъ, самъ не зная еще почему.

Алеша разыскалъ въ Озерной улицѣ домъ мѣщанки Калмыковой, ветхій домишко, перекосившійся, всего въ три окна на улицу, съ грязнымъ дворомъ, посреди котораго уединенно стояла корова. Входъ былъ со двора въ сѣни—налѣво изъ сѣней жила старая хозяйка со старухою дочерью и, кажется, обѣ глухія. На вопросъ его о штабсъ-капитанѣ, нѣсколько разъ повторенный, одна изъ нихъ, понявъ наконецъ, что спрашиваютъ жильцовъ, ткнула ему пальцемъ чрезъ сѣни, указывая на дверь въ чистую избу. Квартира штабсъ-капитана дѣйствительно оказалась только простою избой. Алеша взялся было рукой за желѣзную скобу, чтобы отворить дверь, какъ вдругъ необыкновенная тишина за дверями поразила его. Онъ зналъ однако со словъ Катерины Ивановны, что отставной штабсъ-капитанъ человѣкъ семейный: „или спятъ всѣ они, или можетъ-быть услыхали, что я пришелъ и ждутъ, пока я отворю, лучше я снова постучусь къ нимъ“, — и онъ постучалъ.

Отвѣтъ послышался, но не сейчасъ, а секундъ даже можетъ-быть десять спустя.

— Кто таковъ?—прокричалъ кто-то громкимъ и усиленно сердитымъ голосомъ.

Алеша отворилъ тогда дверь и шагнулъ чрезъ порогъ. Онъ очутился въ избѣ, хотя и довольно просторной, но чрезвычайно загроможденной и людьми и всякимъ домашнимъ скарбомъ. Налѣво была большая русская печь. Отъ печи къ лѣвому окну чрезъ всю комнату была протянута веревка, на которой было развѣшено разное тряпье. По обѣимъ стѣнамъ налѣво и направо помѣщалось по кровати, покрытыхъ вязаными одѣялами. На одной изъ нихъ, на лѣвой, была воздвигнута горка изъ четырехъ ситцевыхъ подушекъ, одна другой меньше. На другой же кровати справа виднѣлась лишь одна очень маленькая подушечка. Далѣе въ переднемъ углу было небольшое мѣсто, отгороженное занавѣской или простыней, тоже перекинутою чрезъ веревку, протянутую поперекъ угла. За этой занавѣской тоже примѣчалась сбоку устроенная на лавкѣ и на приставленномъ къ ней стулѣ постель. Простой деревянный, четырехугольный мужицкій столъ былъ отодвинутъ изъ передняго угла къ серединному окошку.

Всѣ три окна, каждое въ чѣтыре мелкія, зеленыя заплеснѣвшія стекла, были очень тусклы и наглухо заперты, такъ что въ комнатѣ было довольно душно и не такъ свѣтло. На столѣ стояла сковорода съ остатками глазной яичницы, лежалъ надъѣденный ломоть хлѣба и сверхъ того находился полуштофъ со слабыми остатками земныхъ благъ лишь на донышкѣ. Возлѣ лѣвой кровати на стулѣ помѣщалась женщина, похожая на даму, одѣтая въ ситцевое платье. Она была очень худа лицомъ, желтая. Подлѣ этой дамы у лѣваго окошка стояла молодая дѣвушка съ довольно некрасивымъ лицомъ, съ рыженькими жиденькими волосами, бѣдно, хотя и весьма опрятно одѣтая. Она брезгливо осматривала вошедшаго Алешу. Направо, тоже у постели, сидѣло и еще одно женское существо. Это было очень жалкое созданіе, молодая тоже дѣвушка, лѣтъ двадцати, но горбатая и безногая, съ отсохшими, какъ сказали потомъ Алешѣ, ногами. Костыли ея стояли подлѣ, въ углу, между кроватью и стѣной. Замѣчательно прекрасные и добрые глаза бѣдной дѣвушки съ какою-то спокойною кротостью поглядѣли на Алешу. За столомъ, кончая яичницу, сидѣлъ господинъ лѣтъ сорока пяти, невысокаго роста, сухощавый, слабаго сложенія, рыжеватый, съ рыженькою рѣдкою бородкой, весьма похожею на растрепанную мочалку (это сравненіе и особенно слово „мочалка“ такъ и сверкнули почему-то съ перваго же взгляда въ умѣ Алеши, онъ это потомъ припомнилъ).

— Позвольте спросить въ свою очередь,—вдругъ повернулся онъ къ Алешѣ,—что побудило васъ-съ посѣтить... эти нѣдра-съ?

Алеша внимательно смотрѣлъ на него, онъ въ первый разъ этого человѣка видѣлъ. Было въ немъ что-то угловатое, спѣшащее и раздражительное. Одѣтъ былъ этотъ господинъ въ темное, весьма плохое, какое-то нанковое пальто, заштопанное и въ пятнахъ. Панталоны на немъ были чрезвычайно какія-то свѣтлыя, такія, что никто давно и не носитъ, клѣтчатыя и изъ очень тоненькой какой-то матеріи, смятыя снизу и сбившіяся оттого наверхъ, точно онъ изъ нихъ, какъ маленькій мальчикъ, выросъ.

— Я... Алексѣй Карамазовъ...—проговорилъ было въ отвѣтъ Алеша.

— Отмѣнно умѣю понимать-съ,—тотчасъ же отрѣзалъ господинъ, давая знать, что ему и безъ того извѣстно, кто онъ такой.— Штабсъ я капитанъ-съ Снегиревъ-съ въ свою очередь; но все же желательно узнать, что именно побудило...

— Да я такъ только зашелъ. Мнѣ въ сущности отъ себя хотѣлось бы вамъ сказать одно слово... Если только позволите...

— Въ такомъ случаѣ вотъ и стулъ-съ, извольте взять мѣсто-съ. Это въ древнихъ комедіяхъ говорили: „извольте взять мѣсто“...—и штабсъ-капитанъ быстрымъ жестомъ схватилъ порожній стулъ (простой мужицкій, весь деревянный и ничѣмъ не обитый) и поставилъ его чуть не посрединѣ комнаты; затѣмъ, схвативъ другой такой же стулъ для себя, сѣлъ напротивъ Алеши, попрежнему къ нему въ упоръ и такъ, что колѣни ихъ почти соприкасались вмѣстѣ.

— Николай Ильичъ Снегиревъ-съ, русской пѣхоты бывшій штабсъ-капитанъ-съ, хоть и посрамленный своими пороками, но все же штабсъ-капитанъ.

— Я пришелъ... по тому самому дѣлу...

— По тому самому дѣлу?—нетерпѣливо прервалъ штабсъ-капитанъ.

— По поводу той встрѣчи вашей съ братомъ моимъ Дмитріемъ Ѳедоровичемъ,—неловко отрѣзалъ Алеша.

— Какой же это встрѣчи-съ? Это ужъ не той ли самой-съ? Значитъ на счетъ мочалки, банной мочалки?—надвинулся онъ вдругъ такъ, что въ этотъ разъ положительно стукнулся колѣнками въ Алешу. Губы его какъ-то особенно сжались въ ниточку.

— Какая это мочалка?—пробормоталъ Алеша.

— Это онъ на меня тебѣ, папа, жаловаться пришелъ!—крикнулъ знакомый уже Алешѣ голосокъ давешняго мальчика изъ-за занавѣски въ углу.—Это я ему давеча палецъ укусилъ!

Занавѣска отдернулась, и Алеша увидѣлъ давешняго врага своего, въ углу, подъ образами, на прилаженной на лавкѣ и на стулѣ постелькѣ. Мальчикъ лежалъ, накрытый своимъ пальтишкомъ и еще старенькимъ ватнымъ одѣяльцемъ. Очевидно, былъ нездоровъ и, судя по горящимъ глазамъ, въ лихорадочномъ жару. Онъ безстрашно не по-давешнему, глядѣлъ теперь на Алешу: „Дома, дескать, теперь не достанешь“.

— Какой такой палецъ укусилъ? — привскочилъ со стула штабсъ-капитанъ.—Это вамъ онъ палецъ укусилъ-съ?

— Да, мнѣ. Давеча онъ на улицѣ съ мальчиками камнями перебрасывался; они въ него шестеро кидаютъ, а онъ одинъ. Я подошелъ къ нему, а онъ и въ меня камень бросилъ, потомъ другой мнѣ въ голову. Я спросилъ: что я ему сдѣлалъ? Онъ

вдругъ бросился и больно укусилъ мнѣ палецъ, не знаю за что.

— Сейчасъ высѣку-съ! Сею минутой высѣку-съ,—совсѣмъ уже вскочилъ со стула штабсъ-капитанъ.

— Да я вѣдь вовсе не жалуюсь, я только разсказалъ... Я вовсе не хочу, чтобы вы его высѣкли. Да онъ, кажется, теперь и боленъ...

— А вы думали, я высѣку-съ? Что я Илюшечку возьму да сейчасъ и высѣку предъ вами для вашего полнаго удовлетворенія? Скоро вамъ это надо-съ?—проговорилъ штабсъ-капитанъ, вдругъ повернувшись къ Алешѣ съ такимъ жестомъ, какъ будто хотѣлъ на него броситься.—Жалѣю, сударь, о вашемъ пальчикѣ, но не хотите ли, я, прежде чѣмъ Илюшечку сѣчь, свои четыре пальца, сейчасъ же на вашихъ глазахъ, для вашего справедливаго удовлетворенія, вотъ этимъ самымъ ножомъ оттяпаю? Четырехъ-то пальцевъ, я думаю, вамъ будетъ довольно-съ, для утоленія жажды мщенія-съ, пятаго не потребуете?..—Онъ вдругъ остановился и какъ бы задохся. Каждая черточка на его лицѣ ходила и дергалась, глядѣлъ же съ чрезвычайнымъ вызовомъ. Онъ былъ какъ бы въ изступленіи.

— Я, кажется, теперь все понялъ,—тихо и грустно отвѣтилъ Алеша, продолжая сидѣть. — Значитъ, вашъ мальчикъ — добрый мальчикъ, любитъ отца и бросился на меня, какъ на брата вашего обидчика... Это я теперь понимаю,—повторилъ онъ, раздумывая.—Но братъ мой Дмитрій Ѳедоровичъ раскаивается въ своемъ поступкѣ, я знаю это, и если только ему возможно будетъ притти къ вамъ, или всего лучше свидѣться съ вами опять въ томъ самомъ мѣстѣ, то онъ попроситъ у васъ при всѣхъ прощенія... если вы пожелаете.

— То-есть вырвалъ бороденку и попросилъ извиненія... Все, дескать, закончилъ и удовлетворилъ, такъ ли-съ?

— О, нѣтъ, напротивъ, онъ сдѣлаетъ все, что вамъ будетъ угодно и какъ вамъ будетъ угодно!

— Такъ что, если бы я попросилъ его свѣтлость стать на колѣнки предо мной въ этомъ самомъ трактирѣ-съ, — „Столичный городъ“ ему наименованіе, — или на площади-съ, такъ онъ и сталъ бы.

— Да, онъ станетъ и на колѣни.

— Пронзили-съ. Прослезили меня и пронзили-съ. Слишкомъ наклоненъ чувствовать.

— Папа, папа! Неужели ты съ нимъ... Брось ты его, папа!— крикнулъ вдругъ мальчикъ, привставъ на своей постелькѣ и горящимъ взглядомъ смотря на отца.

— Да полноте вы наконецъ,—совсѣмъ озлившись крикнула все изъ того же угла Варвара Николаевна, даже ногой топнула.

— Совершенно справедливо на этотъ разъ изволите изъ себя выходить, Варвара Николаевна, и я васъ стремительно удовлетворю. Шапочку вашу надѣньте, Алексѣй Ѳедоровичъ, а я вотъ картузъ возьму—и пойдемте-съ. Надобно вамъ одно серьезное словечко сказать, только внѣ этихъ стѣнъ.

И, схвативъ Алешу за руку, онъ вывелъ его изъ комнаты прямо на улицу.

— Воздухъ чистый-съ, а въ хоромахъ-то у меня и впрямь не свѣжо, во всѣхъ даже смыслахъ. Пройдемте, сударь, шажкомъ. Очень бы хотѣлось мнѣ васъ заинтересовать-съ.

— Я и самъ къ вамъ имѣю одно чрезвычайное дѣло...— замѣтилъ Алеша,—и только не знаю, какъ мнѣ начать.

— Какъ не узнать, что у васъ до меня дѣло-съ? Безъ дѣла-то вы бы никогда ко мнѣ и не заглянули. Али въ самомъ дѣлѣ только жаловаться на мальчика приходили-съ? Такъ вѣдь это невѣроятно-съ. А кстати о мальчикѣ-съ: я вамъ тамъ всего изъяснить не могъ-съ, а здѣсь теперь сцену эту вамъ опишу-съ. Видите ли, мочалка-то была гуще-съ, еще всего недѣлю назадъ, — я про бороденку мою говорю-съ, это вѣдь бороденку мою мочалкой прозвали, школьники главное-съ. Ну-съ, вотъ-съ, тянетъ меня тогда вашъ братецъ Дмитрій Ѳедоровичъ за мою бороденку, вытянулъ изъ трактира на площадь, а какъ разъ школьники изъ школы выходятъ, а съ ними и Илюша. Какъ увидалъ онъ меня въ такомъ видѣ-съ,—бросился ко мнѣ: „Папа, кричитъ, папа!“ Хватается за меня, обнимаетъ меня, хочетъ меня вырвать, кричитъ моему обидчику: „Пустите, пустите, это папа мой, папа, простите его“, такъ вѣдь и кричитъ „простите“, ручонками-то тоже его схватилъ, да руку-то ему, эту самую-то руку его, и цѣлуетъ-съ. Помню я въ ту минуту, какое у него было личико-съ, не забылъ-съ и не забуду-съ!..

— Клянусь,—воскликнулъ Алеша, — братъ вамъ самымъ искреннимъ образомъ, самымъ полнымъ, выразитъ раскаяніе, хотя бы даже на колѣняхъ на той самой площади... Я заставлю его, иначе онъ мнѣ не братъ! Онъ будетъ у васъ просить прощенія,

онъ посреди площади вамъ въ ноги поклонится,—вскричалъ опять Алеша съ загорѣвшимся взоромъ.

— Хотѣлъ я его въ судъ позвать,—продолжалъ штабсъ-капитанъ,—но разверните нашъ кодексъ, много ль мнѣ придется удовлетворенія за личную обиду мою съ обидчика получить-съ? А тутъ вдругъ вслѣдствіе всего этого я притихъ-съ, и вы нѣдра видѣли-съ? А теперь позвольте спросить: больно онъ вамъ пальчикъ давеча укусилъ, Илюша-то? Въ хоромахъ-то я при немъ войти въ сію подробность не рѣшился.

— Да, очень больно, и онъ очень былъ раздраженъ. Онъ мнѣ, какъ Карамазову, за васъ отомстилъ, мнѣ это ясно теперь. Но если бы вы видѣли, какъ онъ съ товарищами школьниками камнями перекидывался? Это очень опасно, они могутъ его убить, они дѣти, глупы, камень летитъ, можетъ голову проломить.

— Да ужъ и попало-съ, не въ голову, такъ въ грудь-съ, повыше сердца-съ, сегодня ударъ камнемъ, синякъ-съ, пришелъ — плачетъ, охаетъ, а вотъ и заболѣлъ.

— И, знаете, вѣдь онъ тамъ самъ первый и нападаетъ на всѣхъ, онъ озлился за васъ, они говорятъ, что онъ одному мальчику, Красоткину, давеча въ бокъ перочиннымъ ножикомъ пырнулъ...

— Слышалъ и про это, опасно-съ: Красоткинъ это чиновникъ здѣсь былъ, еще можетъ-быть хлопоты выйдутъ-съ...

— Я бы вамъ совѣтовалъ,—съ жаромъ продолжалъ Алеша,—нѣкоторое время не посылать его вовсе въ школу, пока онъ уймется... и гнѣвъ этотъ въ немъ пройдетъ...

—Гнѣвъ-съ!—подхватилъ штабсъ-капитанъ,—именно гнѣвъ-съ. Въ маленькомъ существѣ, а великій гнѣвъ-съ. Вы этого всего не знаете-съ. Позвольте мнѣ пояснить эту повѣсть особенно. Дѣло въ томъ, что послѣ того событія всѣ школьники въ школѣ стали его мочалкой дразнить. Дѣти въ школахъ народъ безжалостный: порознь ангелы Божіи, а вмѣстѣ, особенно въ школахъ, весьма часто безжалостны. Начали они его дразнить, воспрянулъ въ Илюшѣ благородный духъ. Обыкновенный мальчикъ, слабый сынъ,— тотъ бы смирился, отца своего застыдился, а этотъ одинъ противъ всѣхъ возсталъ за отца. За отца и за истину-съ, за правду-съ. Ибо что онъ тогда вынесъ, какъ вагнему братцу руки цѣловалъ и кричалъ ему: „простите папочку, простите папочку“, — то это только Богъ одинъ знаетъ, да я-съ. И вотъ такъ-то дѣтки наши,

то-есть не ваши, а наши-съ, дѣтки презрѣнныхъ, но благородныхъ нищихъ-съ, правду на землѣ еще въ девять лѣтъ отъ роду узнаютъ-съ. Богатымъ гдѣ: тѣ всю жизнь такой глубины не изслѣдуютъ, а мой Илюшка въ ту самую минуту на площади-то-съ, какъ руки-то его цѣловалъ, въ ту самую минуту всю истину произошелъ-съ. Вошла въ него эта истина-съ и пришибла его на вѣки-съ,—горячо и опять какъ бы въ изступленіи произнесъ штабсъ-капитанъ и при этомъ ударилъ правымъ своимъ кулакомъ въ лѣвую ладонь, какъ бы желая наяву выразить, какъ пришибла его Илюшу „истина“.—Въ тотъ самый день онъ у меня въ лихорадкѣ былъ-съ, всю ночь бредилъ. Весь тотъ день мало со мной говорилъ, совсѣмъ молчалъ даже, только замѣтилъ я: глядитъ, глядитъ на меня изъ угла, а все больше къ окну припадаетъ и дѣлаетъ видъ, будто бы уроки учитъ, а я вижу, что не уроки у него на умѣ. На другой день я выпилъ-съ и многаго не помню-съ, грѣшный человѣкъ, съ горя-съ. Маменька тоже тутъ плакать начала-съ,—маменьку-то я очень люблю-съ,—ну, съ горя и клюкнулъ, на послѣднія-съ. Лежу это я-съ и Илюшу въ тотъ день не очень запомнилъ, а въ тотъ-то именно день мальчишки и подняли его на смѣхъ въ школѣ съ утра-съ: „мочалка,—кричатъ ему,—отца твоего за мочалку изъ трактира тащили, а ты подлѣ бѣжалъ и прощенья просилъ“. На третій это день пришелъ онъ опять изъ школы, смотрю—лица на немъ нѣтъ, поблѣднѣлъ. Что ты, говорю? Молчитъ. Вотъ-съ къ вечеру я и вывелъ мальчика погулять. А мы съ нимъ, надо вамъ знать-съ, каждый вечеръ и допрежь того гулять выходили, ровно по тому самому пути, по которому съ вами теперь идемъ, отъ самой нашей калитки да вонъ до того камня большущаго, который вонъ тамъ на дорогѣ сиротой лежитъ у плетня и гдѣ выгонъ городской начинается: мѣсто пустынное и прекрасное-съ. Идемъ это мы съ Илюшей, ручка его въ моей рукѣ, по обыкновенію; махонькая у него ручка, пальчики тоненькіе, холодненькіе,—грудкой вѣдь онъ у меня страдаетъ.—„Папа, говоритъ, папа!“—Что, говорю ему,—глазенки, вижу, у него сверкаютъ.—„Папа, какъ онъ тебя тогда, папа!“—Что дѣлать, Илюша, говорю.—„Не мирись съ нимъ, папа, не мирись. Школьники говорятъ, что онъ тебѣ десять рублей за это далъ“.—Нѣтъ, говорю, Илюша, я денегъ отъ него не возьму теперь ни за что. Такъ онъ и затрясся весь, схватилъ мою руку въ свои обѣ ручки, опять цѣлуетъ!—„Папа, говоритъ, папа, вызови его на дуэль, въ школѣ

дразнятъ, что ты трусъ и не вызовешь его на дуэль, а десять рублей у него возьмешь".—На дуэль, Илюша, мнѣ нельзя его вызвать, отвѣчаю я, грѣшно, говорю я ему, убивать, хотя бы и на поединкѣ.—„Папа, говоритъ, папа, я его повалю, какъ большой буду, я ему саблю выбью своей саблей, брошусь на него, повалю его, замахнусь на него саблей и скажу ему: могъ бы сейчасъ убить, но прощаю тебя, вотъ тебѣ!"—Видите, видите, сударь, какой процессикъ въ головкѣ-то его произошелъ въ эти два дня, это онъ день и ночь объ этомъ мщеніи съ саблей думалъ и ночью должно-быть объ этомъ бредилъ-съ. Только сталъ онъ изъ школы приходить больно битый, это третьяго дня я все узналъ, и вы правы-съ, больше ужъ въ школу эту я его не пошлю-съ. Узнаю я, что онъ противъ всего класса одинъ идетъ и всѣхъ самъ вызываетъ, самъ озлился, сердце въ немъ зажглось,—испугался я тогда за него. Опять ходимъ, гуляемъ. „Папа, говоритъ, какой это нехорошій городъ нашъ, папа!"—Да, говорю, Илюшечка, не очень-таки хорошъ нашъ городъ.—„Папа, переѣдемъ въ другой городъ, въ хорошій, говоритъ, городъ, гдѣ про насъ и не знаютъ".—Переѣдемъ, говорю, переѣдемъ, Илюша,—вотъ только денегъ скоплю. Обрадовался я случаю отвлечь его отъ мыслей темныхъ, и стали мы мечтать съ нимъ, какъ мы въ другой городъ переѣдемъ, лошадку свою купимъ да телѣжку. Маменьку да сестрицъ усадимъ, закроемъ ихъ, а сами съ боку пойдемъ, изрѣдка тебя подсажу, а я тутъ подлѣ пойду, потому лошадку свою поберечь надо, не всѣмъ же садиться, такъ и отправимся. Восхитился онъ этимъ, а главное, что своя лошадка будетъ и самъ на ней поѣдетъ. А ужъ извѣстно, что русскій мальчикъ такъ и родился вмѣстѣ съ лошадкой. Болтали мы долго; слава Богу, думаю, развлекъ я его, утѣшилъ. Это третьяго дня вечеромъ было, а вчера вечеромъ уже другое оказалось. Опять онъ утромъ въ эту школу пошелъ, мрачный вернулся, очень ужъ мраченъ. Вечеромъ взялъ я его за ручку, вывелъ гулять, молчитъ, не говоритъ. Вѣтерокъ тогда начался, солнце затмилось, осенью повѣяло, да и смеркалось ужъ,—идемъ, обоимъ намъ грустно.—Ну, мальчикъ, какъ же мы, говорю, съ тобой въ дорогу-то соберемся,—думаю на вчерашній-то разговоръ навести. Молчитъ. Только пальчики его, слышу, въ моей рукѣ вздрогнули. Э, думаю. плохо, новое есть. Дошли мы, вотъ какъ теперь, до этого самаго камня, сѣлъ я на камень этотъ, а на небесахъ все змѣи запущены, гудятъ и трещатъ, змѣевъ

тридцать видно. Вѣдь нынѣ змѣиный сезонъ-съ. Вотъ, говорю, Илюша, пора бы и намъ змѣекъ прошлогодній запустить. Починю-ка я его, гдѣ онъ у тебя тамъ спрятанъ? Молчитъ мой мальчикъ, глядитъ въ сторону, стоитъ ко мнѣ бокомъ. А тутъ вѣтеръ вдругъ загудѣлъ, понесло пескомъ... Бросился онъ вдругъ ко мнѣ весь, обнялъ мнѣ обѣими ручонками шею, стиснулъ меня. Знаете, дѣтки, коли молчаливыя да гордыя, да слезы долго перемогаютъ въ себѣ, да какъ вдругъ прорвутся, если горе большое придетъ, такъ вѣдь не то что слезы потекутъ-съ, а брызнутъ словно ручьи-съ. Теплыми-то брызгами этими такъ вдругъ и обмочилъ онъ мнѣ все лицо. Зарыдалъ, какъ въ судорогѣ, затрясся, прижимаетъ меня къ себѣ, я сижу на камнѣ.—„Папочка, вскрикиваетъ, папочка, милый папочка, какъ онъ тебя унизилъ!“ Зарыдалъ тутъ и я-съ, сидимъ и сотрясаемся обнявшись.—„Папочка, говоритъ, папочка!“—Илюша, говорю ему, Илюшечка!.. Никто-то насъ тогда не видѣлъ-съ, Богъ одинъ видѣлъ, авось мнѣ въ формуляръ занесетъ-съ. Поблагодарите вашего братца, Алексѣй Ѳедоровичъ. Нѣтъ-съ, я моего мальчика для вашего удовлетворенія не высѣку-съ.

— Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось помириться съ вашимъ мальчикомъ!—воскликнулъ Алеша.—Если бы вы это устроили...

— Точно такъ-съ,—пробормоталъ штабсъ-капитанъ.

— Но теперь не про то, совсѣмъ не про то, слушайте,—продолжалъ восклицать Алеша,—слушайте! Я имѣю къ вамъ порученіе; этотъ самый братъ, этотъ Дмитрій, оскорбилъ и свою невѣсту, благороднѣйшую дѣвушку и о которой вы вѣрно слышали. Я имѣю право вамъ открыть про ея оскорбленіе, я даже долженъ такъ сдѣлать, потому что она, узнавъ про вашу обиду и узнавъ все про ваше несчастное положеніе, поручила мнѣ сейчасъ... давеча... снести вамъ это вспоможеніе отъ нея... но только отъ нея одной, не отъ Дмитрія, который и ее бросилъ, отнюдь нѣтъ, и не отъ меня, отъ брата его, и не отъ кого-нибудь, а отъ нея, только отъ нея одной! Она васъ умоляетъ принять ея помощь... вы оба обижены однимъ и тѣмъ же человѣкомъ... Она и вспомнила-то о васъ лишь тогда, когда вынесла отъ него такую же обиду (по силѣ обиды), какъ и вы отъ него. Это значитъ сестра идетъ къ брату съ помощью... Она именно поручила мнѣ уговорить васъ принять отъ нея вотъ эти двѣсти рублей, какъ отъ сестры. Никто-то объ этомъ не узнаетъ, никакихъ несправедли-

выхъ сплетенъ не можетъ произойти... Вотъ эти двѣсти рублей, и, клянусь, вы должны принять ихъ, иначе... иначе, стало быть, всѣ должны быть врагами другъ другу на свѣтѣ! Но вѣдь есть же и на свѣтѣ братья... У васъ благородная душа... вы должны это понять, должны!..

И Алеша протянулъ ему двѣ новенькія радужныя сторублевыя кредитки. Оба они стояли тогда именно у большого камня, у забора, и никого кругомъ не было. Кредитки произвели, казалось, на штабсъ-капитана страшное впечатлѣніе; онъ вздрогнулъ, но сначала какъ бы отъ одного удивленія: ничего подобнаго ему и не мерещилось, и такого исхода онъ не ожидалъ вовсе. Помощь отъ кого-нибудь, да еще такая значительная, ему и не мечталась даже во снѣ. Онъ взялъ кредитки и съ минуту почти и отвѣчать не могъ, совсѣмъ что-то новое промелькнуло въ лицѣ его.

— Это мнѣ-то, мнѣ-съ, это столько денегъ, двѣсти рублей! Батюшки! Да я ужъ четыре года не видалъ такихъ денегъ, — Господи! И говоритъ, что сестра... и вправду это, вправду?

— Клянусь вамъ, что все, что я вамъ сказалъ, правда!—вскричалъ Алеша.

Штабсъ-капитанъ покраснѣлъ.

— Послушайте-съ, голубчикъ мой, послушайте-съ, вѣдь если я и приму, то вѣдь не буду же я подлецомъ? Въ глазахъ-то вашихъ, Алексѣй Ѳедоровичъ, вѣдь не буду, не буду подлецомъ? Нѣтъ-съ, Алексѣй Ѳедоровичъ, вы выслушайте, выслушайте-съ,— торопился онъ, поминутно дотрогиваясь до Алеши обѣими руками, — вы вотъ уговариваете меня принять тѣмъ, что „сестра“ посылаетъ, а внутри-то, про себя-то, — не восчувствуете ко мнѣ презрѣнія, если я приму-съ, а?

— Да нѣтъ же, нѣтъ! Спасеніемъ моимъ клянусь вамъ, что нѣтъ! И никто не узнаетъ никогда, только мы: я, вы да она.

— Слушайте, Алексѣй Ѳедоровичъ, выслушайте-съ, вѣдь ужъ теперь митута такая пришла-съ, что надо выслушать, ибо вы даже и понять не можете, что могутъ значить для меня теперь эти двѣсти рублей,—продолжалъ бѣднякъ, приходя постепенно въ какой-то безпорядочный, почти дикій восторгъ. Онъ былъ какъ бы сбитъ съ толку, говорилъ же чрезвычайно спѣша и торопясь, точно опасаясь, что ему не дадутъ всего высказать.—Кромѣ того, что это честно пріобрѣтено, отъ столь уважаемой и святой „сестры-съ“, знаете-ли вы, что я маменьку и Ниночку, — горбатенькаго

ангела моего, дочку-то,—полечить могу? Пріѣзжалъ ко мнѣ докторъ Герценштубе, по добротѣ своего сердца, осматривалъ ихъ обѣихъ цѣлый часъ: „Не понимаю, говоритъ, ничего“, а однакоже минеральная вода, которая въ аптекѣ здѣшней есть (прописалъ онъ ее), несомнѣнную пользу ей принесетъ, да ванны ножныя изъ лекарствъ тоже ей прописалъ. Минеральная-то вода стоитъ тридцать копѣекъ, а кувшиновъ-то надо выпить можетъ-быть сорокъ. Такъ я взялъ да рецептъ и положилъ на полку подъ образа, да тамъ и лежитъ. А Ниночку прописалъ купать въ какомъ-то растворѣ, въ горячихъ ваннахъ такихъ, да ежедневно утромъ и вечеромъ, такъ гдѣ жъ намъ было сочинить такое леченіе-съ у насъ-то, въ хоромахъ-то нашихъ, безъ прислуги, безъ помощи, безъ посуды и воды-съ? А Ниночка-то вся въ ревматизмѣ, я вамъ это еще и не говорилъ, по ночамъ ноетъ у ней вся правая половина, мучается, и вѣрите ли, ангелъ Божій, крѣпится, чтобы насъ не обезпокоить, не стонетъ, чтобы насъ не разбудить. Кушаемъ мы, что попало, что добудется, такъ вѣдь она самый послѣдній кусокъ возьметъ, что собакѣ только можно выкинуть: „Не стою я, дескать, этого куска, я у васъ отнимаю, вамъ бременемъ сижу“. Вотъ что ея взглядъ ангельскій хочетъ изобразить. Служимъ мы ей, а ей это тягостно: „Не стою я того, не стою, недостойная я калѣка, безполезная“,—а еще бы она не стоила-съ, когда она всѣхъ насъ своею ангельскою кротостью у Бога вымолила, безъ нея, безъ ея тихаго слова, у насъ былъ бы адъ-съ, даже Варю и ту смягчила. А Варвару-то Николаевну тоже не осуждайте-съ, тоже ангелъ она, тоже обиженная. Прибыла она къ намъ лѣтомъ, а было съ ней шестнадцать рублей, уроками заработала и отложила ихъ на отъѣздъ, чтобы въ сентябрѣ, то-есть теперь-то, въ Петербургъ на нихъ воротиться. А мы взяли денежки-то ея и прожили, и не на что ей теперь воротиться, вотъ какъ-съ. Да и нельзя воротиться-то, потому на насъ, какъ каторжная, работаетъ,—вѣдь мы ее какъ клячу запрягли-осѣдлали, за всѣми ходитъ, чинитъ, моетъ, полъ мететъ, маменьку въ постель укладываетъ, а маменька капризная-съ, а маменька слезливая-съ, а маменька сумасшедшая-съ!... Такъ вѣдь теперь я на эти двѣсти рублей служанку нанять могу-съ, понимаете-ли вы, Алексѣй Ѳедоровичъ, леченіе милыхъ существъ предпринять могу-съ, Вареньку въ Петербургъ направлю-съ, говядины куплю-съ, діэту новую заведу-съ. Господи, да вѣдь это мечта!

Алеша былъ ужасно радъ, что доставилъ столько счастья и что бѣднякъ согласился быть осчастливленнымъ.

— Стойте, Алексѣй Ѳедоровичъ, стойте!—схватился опять за новую вдругъ представившуюся ему мечту штабсъ-капитанъ и опять затараторилъ изступленною скороговоркой, — да знаете ли вы, что мы съ Илюшкой, пожалуй, и впрямь теперь мечту осуществимъ: купимъ лошадку да кибитку, да лошадку-то вороненькую, онъ просилъ непремѣнно, чтобы вороненькую, да и отправимся, какъ третьяго дня расписывали. У меня въ К-ской губерніи адвокатъ есть знакомый-съ, съ дѣтства пріятель-съ, передавали мнѣ чрезъ вѣрнаго человѣка, что если пріѣду, то онъ мнѣ у себя на конторѣ мѣсто письмоводителя будто бы дастъ-съ, такъ вѣдь, кто это знаетъ, можетъ и дастъ... Ну такъ посадить бы маменьку, посадить бы Ниночку, Илюшечку править посажу, а я бы пѣшечкомъ, пѣшечкомъ, да всѣхъ бы и повезъ-съ... Господи, да если бы только одинъ должокъ пропащій здѣсь получить, такъ можетъ достанетъ даже и на это-съ!

— Достанетъ, достанетъ!—воскликнулъ Алеша: — Катерина Ивановна вамъ пришлетъ еще, сколько угодно, и знаете ли, у меня тоже есть деньги, возьмите, сколько вамъ надо, какъ отъ друга; потомъ отдадите... (Вы разбогатѣете, разбогатѣете!) И знаете, что никогда вы ничего лучше даже и придумать не въ состояніи, какъ этотъ переѣздъ въ другую губернію! Въ этомъ бы ваше спасеніе, а главное для вашего мальчика,—и, знаете, поскорѣе бы, до зимы бы, до холодовъ, и написали намъ оттуда, и остались бы мы братьями... Нѣтъ, это не мечта!

Алеша хотѣлъ было обнять его, до того онъ былъ доволенъ. Но, взглянувъ на него, онъ вдругъ остановился: тотъ стоялъ, вытянувъ шею, вытянувъ губы, съ изступленнымъ и поблѣднѣвшимъ лицомъ и что-то шепталъ губами, какъ будто желая что-то выговорить; звуковъ не было, а онъ все шепталъ губами, было какъ-то странно.

— Чего вы!—вздрогнулъ вдругъ отчего-то Алеша.

— Алексѣй Ѳедоровичъ... я... вы...—бормоталъ и срывался штабсъ-капитанъ, странно и дико смотря на него въ упоръ съ видомъ рѣшившагося полетѣть съ горы, и въ то же время губами какъ бы улыбаясь,—я-съ... вы-съ... А не хотите ли, я вамъ одинъ фокусикъ сейчасъ покажу-съ!—вдругъ прошепталъ онъ быстрымъ, твердымъ шопотомъ, рѣчь уже не срывалась болѣе.

— Какой фокусикъ?

— Фокусикъ, фокусъ-покусъ такой,—все шепталъ штабсъ-капитанъ; ротъ его скривился на лѣвую сторону, лѣвый глазъ прищурился, онъ, не отрываясь, все смотрѣлъ на Алешу, точно приковался къ нему.

— Да что съ вами, какой фокусъ?—прокричалъ тотъ ужъ совсѣмъ въ испугѣ.

— А вотъ какой, глядите!—взвизгнулъ вдругъ штабсъ-капитанъ.

И, показавъ ему обѣ радужныя кредитки, которыя все время, въ продолженіе всего разговора, держалъ обѣ вмѣстѣ за уголокъ большимъ и указательнымъ пальцами правой руки, онъ вдругъ съ какимъ-то остервенѣніемъ схватилъ ихъ, смялъ и крѣпко зажалъ въ кулакѣ правой руки.

— Видѣли-съ, видѣли-съ!—взвизгнулъ онъ Алешѣ, блѣдный и изступленный, и вдругъ, поднявъ вверхъ кулакъ, со всего размаху бросилъ обѣ смятыя кредитки на песокъ,—видѣли-съ?—взвизгнулъ онъ опять, показывая на нихъ пальцемъ,—ну, такъ вотъ же-съ!..

И вдругъ, поднявъ правую ногу, онъ съ дикою злобой бросился ихъ топтать каблукомъ, восклицая и задыхаясь съ каждымъ ударомъ ноги:

— Вотъ ваши деньги-съ! Вотъ ваши деньги-съ! Вотъ ваши деньги-съ!—Вдругъ онъ отскочилъ назадъ и выпрямился предъ Алешей. Весь видъ его изобразилъ собой неизъяснимую гордость.— Доложите пославшимъ васъ, что мочалка чести своей не продаетъ-съ! — вскричалъ онъ, простирая на воздухъ руку. Затѣмъ быстро повернулся и бросился бѣжать; но онъ не пробѣжалъ и пяти шаговъ, какъ, весь повернувшись опять, вдругъ сдѣлалъ Алешѣ ручкой. Но и опять, не пробѣжавъ пяти шаговъ, онъ въ послѣдній уже разъ обернулся, на этотъ уже разъ безъ искривленнаго смѣха въ лицѣ, а, напротивъ, все оно сотрясалось слезами. Плачущею, срывающеюся, захлебывающеюся скороговоркой прокричалъ онъ: — А что жъ бы я моему мальчику-то сказалъ, если бы у васъ деньги за позоръ нашъ взялъ?—и, проговоривъ это, бросился бѣжать, на сей разъ уже не оборачиваясь.

Алеша глядѣлъ ему вслѣдъ съ невыразимою грустью. О, онъ понималъ, что тотъ до самаго послѣдняго мгновенія самъ не зналъ, что скомкаетъ и швырнетъ кредитки. Бѣжавшій ни разу не обернулся; такъ и зналъ Алеша, что не обернется. Преслѣдовать и звать его онъ не захотѣлъ, онъ зналъ почему. Когда же тотъ ис-

чезъ изъ виду, Алеша поднялъ обѣ кредитки. Онѣ были лишь очень смяты, сплюснуты и вдавлены въ песокъ, но совершенно цѣлы и даже захрустѣли какъ новенькія, когда Алеша развертывалъ ихъ и разглаживалъ. Разгладивъ, онъ сложилъ ихъ, сунулъ въ карманъ и пошелъ къ Катеринѣ Ивановнѣ докладывать объ успѣхѣ ея порученія.

Остервенѣніе—состояніе неистовства, когда человѣкъ или животное свирѣпѣетъ, разъяряется.

Пырнуть, пырять—тыкать, колоть. Пырнуть ножомъ, рогатиной.

Опальный—подвергшійся опалѣ, т-е. впавшій въ немилость. Ты, бояринъ, закуси чѣмъ Богъ послалъ, не обидь старика опальнаго (гр. А. Толст.). Отсюда же **опала**. Я никогда не таилъ моей мысли; оттого-то я теперь и подъ опалою (гр. А. Толст.).

Куражъ (франц.)—напускная храбрость; отсюда **куражиться** надъ кѣмъ-ниб. — ломаться. А что значитъ быть подъ куражомъ?

Гарнитуръ (искаженное франц. сл.)—плотная шелковая ткань.

Дистанція—разстояніе; участокъ дороги или рѣки; округъ. Едва гдѣ сыщется столица, какъ Москва. Дистанція огромнаго размѣра (Гриб.).

Положить, полагать—1) класть, помѣщать. Много положили на возъ.—*Положить зубы на полку*. 2) постановить, рѣшить, назначить. Всѣ сообща положили отказаться. — Полагай, не полагай, а тутъ уже положено. 3) думать. *Человѣкъ полагаетъ, а Богъ располагаетъ*.

Сбиваться. сбиться—имѣетъ разныя значенія. Опредѣлите ихъ по слѣд. примѣрамъ: Клепки сбиваются обручами.—Подковы сбились.—Не сбейся съ дороги.—Я зналъ урокъ, да сбился.—Онъ не можетъ говорить рѣчей, все сбивается.—Сбиться съ ноги.—Мужики наши совсѣмъ сбились.

Скарбъ—пожитки, движимое имущество, рухлядь.

Надъѣдать, надъѣсть—надкусывать, начинать ѣсть. Что значитъ то же слово съ другими приставками: **изъ, разъ, подъ, съ, про, вы** и т. д.

Нѣдро или мн. нѣдра—внутренность, глубь. Нѣдра земли. Нѣдра морскія все поглощаютъ. Скорбь въ нѣдрахъ моихъ.—Отсюда **нѣдриться**—гнѣздиться, вкорениться. Коли злоба нѣдрится въ сердцѣ твоемъ, то смири и укроти ее.

Угловатый человѣкъ—суровый, неучтивый; неловкій, неуклюжій.

Нанковый—изъ нанки, бумажной ткани.

Отмѣнный—отличный, несравнимый, превосходный

Оттяпнуть, оттяпать—отсѣчь, отрубить, тяпнувъ, ударивъ острымъ.

Кодексъ—сводъ законовъ, правилъ, постановленій.

Пришибить—у(за)шибить, ударить умышленно или случайно; убить, покончить съ кѣмъ. Онъ себѣ бревномъ ногу пришибъ.—Крестьяне на мѣстѣ пришибли конокрада.—Гречу морозомъ пришибло. Что значитъ: онъ какой-то пришибленный ходитъ?

Выгонъ—пастбище.

Процессъ—въ данномъ случаѣ: ходъ мыслей.

Формуляръ—послужной списокъ, документъ, въ который вносятся всѣ свѣдѣнія, касающіяся прохожденія чиновникомъ службы. А здѣсь въ какомъ значеніи употреблено это слово?

Діэта—правильное и умѣренное питаніе, соотвѣтственно роду болѣзни.

Затараторить—начать тараторить, болтать, говорить скороговоркой.

⁂

39. Осень.

А. С. Пушкина.

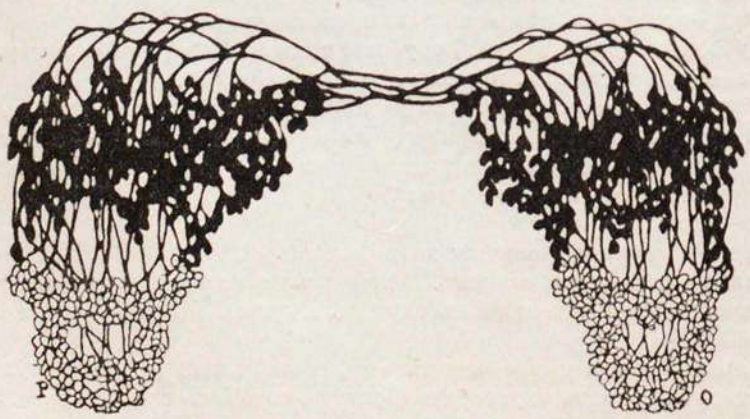
Октябрь ужъ наступилъ; ужъ роща отряхаетъ
послѣдніе листы съ нагихъ своихъ вѣтвей;
дохнулъ осенній хладъ, дорога промерзаетъ,
журча еще бѣжитъ за мельницу ручей,
но прудъ уже застылъ; сосѣдъ мой поспѣшаетъ
въ отъѣзжія поля съ охотою своей—
и страждутъ озими отъ бѣшеной забавы,
и будитъ лай собакъ уснувшія дубравы.

Унылая пора, очей очарованье,
пріятна мнѣ твоя прощальная краса!
Люблю я пышное природы увяданье,
въ багрецъ и золото одѣтые лѣса,
въ ихъ сѣняхъ вѣтра шумъ и свѣжее дыханье,
и мглой волнистою покрыты небеса,
и рѣдкій солнца лучъ, и первые морозы,
и отдаленныя сѣдой зимы угрозы.

Отъѣзжій—о человѣкѣ: кто уѣзжаетъ, отправляется въ путь; о мѣстѣ: отдаленное, требующее отъѣзда. Отъѣзжее поле (охотн.)—псовая охота въ дальности отъ житья, въ пустошахъ.

Очарованіе—то же, что прелесть; отъ гл. очаровать—обворожить, околдовать, плѣнить. Минувшихъ дней очарованье, зачѣмъ опять воскресло ты? (Жук.).

Багрецъ—краска, дающая самый чистый, красный цвѣтъ.



40. Въ дурномъ обществѣ.

Изъ разсказа *В. Короленко.*

Моя мать умерла, когда мнѣ было пять лѣтъ. Отецъ, весь отдавшись своему горю, какъ будто совсѣмъ забылъ о моемъ существованіи. Порой онъ ласкалъ мою маленькую сестру Соню и по-своему заботился о ней, потому что въ ней были черты матери. Я же росъ, какъ дикое деревцо въ полѣ; никто не окружалъ меня особенной заботливостью, но никто и не стѣснялъ моей свободы.

Мѣстечко, гдѣ мы жили, называлось Княжье-вѣно; или, проще, Княжъ-городокъ. Оно принадлежало одному разорившемуся, но гордому польскому роду и напоминало любой изъ мелкихъ городовъ юго-западныхъ губерній.

Если вы подъѣзжаете къ мѣстечку съ востока, вамъ, прежде всего, бросается въ глаза тюрьма—лучшее архитектурное украшеніе города. Самый городокъ раскинулся внизу надъ сонными заплѣснѣвшими прудами, и къ нему приходится спускаться по отлогому шоссе, загороженному заставой. Вѣчно заспанный солдатъ-инвалидъ лѣниво поднимаетъ шлагбаумъ, и вы въ городѣ, хотя, быть-можетъ, не замѣчаете этого сразу. Сѣрые заборы, пустыри съ кучками разнаго хлама понемногу перемежаются съ подслѣповатыми, ушедшими въ землю хатками. Далѣе широкая площадь перерѣзана въ разныхъ мѣстахъ темными воротами еврейскихъ „заѣзжихъ домовъ"; казенныя зданія наводятъ уныніе своими бѣлыми стѣнами и казарменно-ровными линіями. Деревянный мостъ, перекинутый черезъ узкую рѣчонку, кряхтитъ, вздрагивая подъ колесами, и шатается, точно дряхлый старикъ. За мостомъ потянулась еврейская улица съ магазинами, лавками, лавчонками, столами евреевъ-мѣнялъ, сидящихъ подъ зонтами на тротуарахъ, и съ навѣсами калачницъ. Вонь, грязь, кучи ребятъ, ползающихъ въ уличной пыли. Но вотъ еще минута—и вы уже за городомъ. Тихо шепчутся березы надъ могилами кладбища, да вѣтеръ волнуетъ хлѣба на нивахъ и звенитъ унылой, безконечной пѣсней въ проволокахъ придорожнаго телеграфа.

Рѣчка, чрезъ которую перекинутъ упомянутый мостъ, вытекала изъ пруда и впадала въ другой прудъ. Такимъ образомъ,

съ сѣвера и юга городокъ ограждался широкими водяными гладями и топями. Пруды годъ-отъ-году мелѣли, заростали зеленью, а высокіе густые камыши волновались какъ море на громадныхъ болотахъ. По срединѣ одного изъ прудовъ находился островъ; на островѣ—старый полуразрушенный замокъ.

Я помню, съ какимъ страхомъ смотрѣлъ я на это величавое, дряхлое зданіе. О немъ ходили преданія и разсказы, одинъ другого страшнѣе. Говорили, что островъ насыпанъ искусственно руками плѣнныхъ турокъ. „На костяхъ человѣческихъ стоитъ старое замчище“, передавали старожилы, и мое дѣтское испуганное воображеніе рисовало подъ землей тысячи русскихъ скелетовъ, поддерживающихъ костлявыми руками островъ съ его высокими пирамидальными тополями и старымъ замкомъ. Отъ этого, понятно, замокъ казался еще страшнѣе, и даже въ ясные дни, когда, бывало, ободренные свѣтомъ и громкими голосами птицъ, мы подходили къ нему поближе, онъ нерѣдко наводилъ на насъ припадки паническаго ужаса: такъ страшно глядѣли на насъ черныя впадины давно выбитыхъ оконъ; въ пустыхъ залахъ ходилъ таинственный шорохъ, камешки и штукатурка, отрываясь, падали внизъ, будя гулкое эхо, и мы бѣжали безъ оглядки, а за нами долго еще стояли стукъ, и топотъ, и гоготанье.

Было время, когда старый замокъ служилъ даровымъ убѣжищемъ всякому бѣдняку. Все, что не находило себѣ мѣста въ городѣ или потеряло возможность, по той или другой причинѣ, платить хотя бы и жалкіе гроши за кровъ и уголъ на ночь и въ непогоду,—все это тянулось на островъ и тамъ, среди мрачныхъ, грозившихъ паденіемъ развалинъ, преклоняло свои побѣдныя головушки, платя за гостепріимство лишь рискомъ быть погребенными подъ грудами стараго мусора. „Живетъ въ замкѣ“,—вотъ фраза, которая употреблялась у насъ, обыкновенно, для выраженія крайней степени нищеты. Старый замокъ радушно принималъ и покрывалъ и временно обнищавшаго писца, и сиротливыхъ старушекъ, и безродныхъ бродягъ. Всѣ эти бѣдняки терзали внутренности дряхлаго замка, обламывая потолки и полы, топили печи, что-то варили и чѣмъ-то питались.

Но вдругъ среди общества, ютившагося подъ кровомъ сѣдыхъ руинъ, пошли раздоры и произошелъ ужаснѣйшій переворотъ. Старый Янушъ, бывшій однимъ изъ мелкихъ служащихъ у послѣдняго изъ владѣтелей замка, престарѣлаго графа, выпросилъ

себѣ нѣчто въ родѣ званія управляющаго и разомъ вымелъ цѣлую толпу бездомныхъ нищихъ, нашедшихъ себѣ пріютъ въ подпольяхъ и на чердакахъ полуразвалившагося замка. Нѣсколько дней сряду на островѣ стоялъ такой шумъ, раздавались такіе вопли, что по временамъ казалось, ужъ не турки ли вырвались изъ подземныхъ темницъ, чтобы отомстить утѣснителямъ-панамъ. Янушъ оставилъ въ замкѣ только „добрыхъ христіанъ“, т.-е. католиковъ, и притомъ, преимущественно, бывшихъ слугъ или потомковъ слугъ графскаго рода.

Самая замѣчательная личность изъ толпы бѣдняковъ, не ужившихся въ старомъ замкѣ, а теперь командовавшая ими, какъ вѣрнымъ своимъ войскомъ, былъ панъ Тыбурцій Драбъ, образъ котораго живо запечатлѣлся въ моемъ дѣтскомъ воображеніи. Въ наружности его не было ничего аристократическаго: роста онъ былъ высокаго, словно сутуловатый, и съ крупными, грубо-выразительными чертами лица; короткіе, слегка рыжеватые волосы торчали врозь; низкій лобъ, нѣсколько выдававшаяся впередъ нижняя челюсть, сильная подвижность личныхъ мускуловъ придавали всей физіономіи что-то обезьянье; но глаза, сверкавшіе изъ-подъ нависшихъ бровей, смотрѣли какъ-то упорно и мрачно, и въ нихъ свѣтились, вмѣстѣ съ лукавствомъ, острая проницательность, энергія и недюжинный умъ. Въ то время, когда лицо его выдѣлывало уморительныя гримасы, глаза сохраняли постоянно одно выраженіе, и мнѣ, ребенку, безотчетно жутко бывало смотрѣть на шутовство этого страннаго человѣка.

Тайна, окружавшая происхожденіе пана Тыбурція, сдѣлала то, что онъ даже въ окрестностяхъ нашего мѣстечка прослылъ за колдуна. Вѣроятно, самъ онъ отъ души смѣялся надъ людской глупостью, но если его приглашали поколдовать, онъ не отказывался и, вмѣсто заклинаній, произносилъ отрывки изъ сочиненій Тита Ливія.

Были у пана Тыбурція и дѣти, свои или чужія — никто не могъ объяснить; но онъ привелъ ихъ откуда-то, и они жили вмѣстѣ съ нимъ на горѣ, около часовни въ подземельи. Мальчику было лѣтъ семь, дѣвочкѣ—три года. Мальчикъ, по имени Валекъ, высокій, тонкій, черноволосый, угрюмо шатался иногда по городу безъ всякаго дѣла, заложивъ руки въ карманы и кидая по сторонамъ взгляды, смущавшіе калачницъ. Дѣвочку видѣли одинъ или два раза на рукахъ пана Тыбурція, а затѣмъ она куда-то исчезала, и гдѣ находилась—никто этого не зналъ.

Гора близъ часовни, изрытая могилами, пользовалась дурной славой. На старомъ кладбищѣ, во время осеннихъ ночей, загорались синіе огни; а въ часовнѣ сычи кричали такъ пронзительно и громко, что отъ крика проклятой птицы даже у безстрашнаго кузнеца сжималось сердце.

Съ тѣхъ поръ, какъ умерла моя мать, а сумрачное лицо отца стало еще мрачнѣе, меня очень рѣдко видѣли дома. Въ поздніе лѣтніе вечера я прокрадывался по саду, какъ молодой волчонокъ, избѣгая встрѣчи съ отцомъ, отворялъ посредствомъ особыхъ приспособленій свое окно, полузакрытое густой зеленью сирени, и тихо ложился въ постель. Если маленькая сестренка еще не спала въ своей качалкѣ въ сосѣдней комнатѣ, я подходилъ къ ней, и мы тихо ласкали другъ друга и играли, стараясь не потревожить сонъ ворчливой старой няньки. А утромъ, чуть свѣтъ, когда въ домѣ всѣ еще спали, я уже прокладывалъ росистый слѣдъ по густой высокой травѣ сада, перелѣзалъ черезъ заборъ и шелъ къ пруду, гдѣ меня ждали съ удочками такіе же сорванцы-товарищи, или къ мельницѣ, гдѣ сонный мельникъ только-что отодвинулъ шлюзы, и вода, чутко вздрагивая на зеркальной поверхности, кидалась въ „лотоки“ и бодро принималась за дневную работу.

Тогда я шелъ далѣе. Мнѣ нравилось встрѣчать пробужденіе природы: я бывалъ радъ, когда мнѣ удавалось вспугнуть заспавшагося жаворонка или выгнать изъ борозды трусливаго зайца. Капли росы падали съ трясунки-осины, съ головокъ луговыхъ цвѣтовъ, когда я пробирался полями къ загородной рощѣ. Деревья встрѣчали меня шопотомъ лѣнивой дремоты.

Я успѣвалъ совершить дальній обходъ, а все же въ городѣ то и дѣло встрѣчались мнѣ заспанныя фигуры, отворявшія ставни домовъ. Но вотъ солнце поднялось уже надъ горой, изъ-за прудовъ слышится крикливый звонокъ, сзывающій гимназистовъ, и голодъ заставляетъ меня отправиться домой къ утреннему чаю.

Вообще меня звали бродягой, злымъ, негоднымъ мальчишкой, и такъ часто это повторяли, что я, наконецъ, самъ пришелъ къ убѣжденію, что это правда. Отецъ также повѣрилъ этому и дѣлалъ иногда попытки заняться моимъ воспитаніемъ; но попытки его всегда кончались неудачей. При видѣ строгаго и угрюмаго лица, на которомъ лежала суровая печать неизлѣчимаго горя, я робѣлъ

и замыкался въ себѣ. Я стоялъ передъ нимъ, переминаясь, теребя свои штанишки и озираясь. По временамъ что-то какъ будто поднималось у меня въ груди: мнѣ хотѣлось, чтобы отецъ обнялъ меня, посадилъ къ себѣ на колѣни и приласкалъ. Тогда я прильнулъ бы къ его груди, и, быть-можетъ, мы вмѣстѣ заплакали бы—ребенокъ и суровый мужчина—о нашей общей утратѣ. Но онъ смотрѣлъ на меня своими отуманенными глазами, какъ будто устремленными поверхъ моей головы, и я весь сжимался подъ этимъ непонятнымъ для меня взглядомъ.

— Ты помнишь матушку?..—спрашивалъ отецъ.

Помнилъ ли я ее? О, да! я помнилъ ее! Я помнилъ, какъ бывало, просыпаясь ночью, я искалъ въ темнотѣ ея нѣжныя руки и крѣпко прижимался къ нимъ, покрывая ихъ поцѣлуями. Я помнилъ ее, когда она сидѣла больная передъ открытымъ окномъ и грустно оглядывала чудную весеннюю картину, прощаясь съ нею въ послѣдній годъ своей жизни. О, да! я помнилъ ее! Когда она, вся покрытая цвѣтами, молодая и прекрасная лежала съ печатью смерти на блѣдномъ лицѣ, я, какъ звѣрекъ, забился въ уголъ и смотрѣлъ на нее горящими глазами, передъ которыми впервые открылся весь ужасъ таинственной загадки жизни и смерти. А потомъ, когда ее унесли въ толпѣ незнакомыхъ людей, не мои ли рыданія звучали сдавленнымъ тономъ въ сумракѣ первой ночи моего сиротства?

Но на вопросъ отца я молчалъ, весь съеживался и старался поскорѣе вырвать свои ручонки изъ его рукъ.

Ему наговорили со всѣхъ сторонъ, что я дурной, испорченный мальчикъ, и онъ все болѣе и болѣе сторонился меня, мучаясь сознаніемъ, что онъ долженъ любить меня и не можетъ. А я это чувствовалъ. Порой, спрятавшись въ кустахъ, я наблюдалъ за нимъ; я видѣлъ, какъ онъ шагалъ по аллеямъ, все ускоряя походку, и глухо стоналъ отъ нестерпимой душевной муки. Тогда мое сердце сжималось жалостью и сочувствіемъ. Одинъ разъ, когда, сжавъ руками голову, онъ присѣлъ на скамейку и зарыдалъ, я не вытерпѣлъ и выбѣжалъ изъ кустовъ на дорожку, повинуясь пламенному желанію кинуться на шею отцу. Но, услыхавъ мои шаги, онъ поднялъ голову, сурово взглянулъ на меня и осадилъ холоднымъ вопросомъ:

— Что нужно?.

Мнѣ ничего не было нужно. Я быстро повернулся, стыдясь своего порыва, боясь, чтобы отецъ не прочелъ его на моемъ смущенномъ лицѣ. Убѣжавъ въ чащу сада, я упалъ въ траву лицомъ и горько заплакалъ отъ досады и боли.

Въ восемь лѣтъ я испыталъ уже весь ужасъ одиночества. Сестрѣ Сонѣ было четыре года. Я пламенно любилъ ее, и она платила мнѣ такою же любовью; но общій установившійся взглядъ на меня, какъ на отпѣтаго маленькаго разбойника, успѣлъ поставить между нами высокую преграду. Всякій разъ, когда я начиналъ играть съ нею по-своему шумно и рѣзво, старая нянька. вѣчно сонная и вѣчно дравшая съ закрытыми глазами куриныя перья для подушекъ, немедленно просыпалась, быстро схватывала мою Соню и уносила къ себѣ, кидая на меня сердитые взгляды; въ такихъ случаяхъ она всегда напоминала мнѣ всклокоченную насѣдку; самъ я сравнивалъ себя съ хищнымъ коршуномъ, а Соню—съ маленькимъ цыпленкомъ. Мнѣ становилось очень горько и досадно. Немудрено поэтому, что я скоро прекратилъ всякія попытки занимать Соню моими шумными играми, а черезъ нѣсколько времени мнѣ стало душно, тѣсно у насъ въ домѣ и въ садикѣ, гдѣ я не встрѣчалъ ни въ комъ привѣта и ласки. Я началъ бродяжничать, притерпѣлся къ упрекамъ и выносилъ ихъ такъ же равнодушно, какъ внезапно разражавшійся ливень или солнечный зной.

Когда всѣ углы города сдѣлались мнѣ извѣстны до послѣднихъ грязныхъ закоулковъ, тогда я сталъ заглядываться на виднѣвшуюся вдали на горѣ часовню. Сначала я, какъ пугливый звѣрекъ, подходилъ къ ней съ разныхъ сторонъ, все не рѣшаясь подняться на гору, пользовавшуюся дурной славой. Но по мѣрѣ того, какъ я знакомился съ мѣстностью, передо мною выступали только могилы и разрушенные кресты. Тамъ не было видно признаковъ какого-либо жилья или человѣческаго присутствія, все было какъ-то смиренно, тихо, заброшено, пусто. Только самая часовня глядѣла, насупившись, пустыми окнами, точно думала какую-то грустную думу. Мнѣ захотѣлось осмотрѣть ее, взглянуть внутрь, чтобы убѣдиться окончательно, что и тамъ нѣтъ ничего кромѣ пыли. Но такъ какъ одному было бы и страшно и неудобно пускаться въ такое предпріятіе, то я навербовалъ на улицахъ города небольшой отрядъ изъ двухъ сорванцевъ, обѣщая имъ въ награду булокъ и яблокъ изъ нашего сада.

Мы отправились тотчасъ послѣ обѣда и, подойдя къ горѣ, стали подыматься по глинистымъ обваламъ, изрытымъ лопатами и весенними потоками. Обвалы обнажали склоны горы, и кое-гдѣ виднѣлись высунувшіяся изъ глины бѣлыя, истлѣвшія кости.

Наконецъ, помогая другъ другу, мы торопливо взобрались на гору изъ послѣдняго обрыва. Солнце начинало склоняться къ закату. Косвенные лучи мягко золотили зеленую мураву стараго кладбища, играли на старыхъ покосившихся крестахъ, переливались въ уцѣлѣвшихъ окнахъ часовни. Было тихо; вѣяло спокойствіемъ и глубокимъ миромъ брошеннаго кладбища.

Мы были одни; только воробьи весело возились кругомъ, да ласточки безшумно влетали и вылетали въ окна старой часовни, которая стояла, какъ-то грустно понурясь, среди поросшихъ травою могилъ, скромныхъ крестовъ и полуразрушенныхъ гробницъ, устланныхъ густою зеленью, гдѣ пестрѣли разноцвѣтныя головки лютиковъ, кашки и фіалокъ.

— Нѣтъ никого,—сказалъ одинъ изъ моихъ спутниковъ.

— Солнце заходитъ,—замѣтилъ другой, глядя на солнце, которое не заходило еще, а стояло надъ горой.

Дверь часовни была крѣпко заколочена; окна были высоко надъ землей; однако, при помощи товарищей, я надѣялся взобраться на нихъ и заглянуть внутрь часовни.

— Не надо!—крикнулъ одинъ изъ нихъ, вдругъ потерявшій всю храбрость, и схватилъ меня за руку.

— Пошелъ прочь, баба!—вскрикнулъ на него старшій изъ нашей арміи, съ готовностью подставляя мнѣ спину.

Я храбро взобрался на нее; потомъ онъ выпрямился, и я всталъ на его плечи. Въ такомъ положеніи я безъ труда досталъ рукой раму и, убѣдясь въ ея крѣпости, поднялся къ окну и сѣлъ на него.

— Ну, что же тамъ?—спрашивали меня снизу съ живѣйшимъ интересомъ.

Я молчалъ. Перегнувшись черезъ косякъ, я заглянулъ внутрь часовни: оттуда на меня пахнуло торжественной тишиной заброшеннаго храма. Внутренность этого высокаго, узкаго зданія была лишена всякаго украшенія. Лучи вечерняго солнца, свободно вливаясь въ открытыя окна, разрисовывали яркимъ золотомъ старыя, ободранныя стѣны. Я увидѣлъ внутреннюю сторону запертой двери, провалившіеся хоры, старыя истлѣвшія колонны, какъ бы покач-

нувшіяся подъ непосильною тяжестью. Углы были затканы паутиной, и тамъ было темно, какъ обыкновенно бываетъ въ углахъ старыхъ зданій. Отъ окна до полу казалось гораздо дальше, чѣмъ до травы снаружи. Я смотрѣлъ точно въ яму и сначала никакъ не могъ разглядѣть, какіе это странные предметы валяются на полу.

Между тѣмъ, моимъ товарищамъ надоѣло стоять внизу, ожидая отъ меня извѣстій; тогда одинъ изъ нихъ, продѣлавъ ту же самую процедуру, которую продѣлалъ я раньше, повисъ рядомъ со мной, держась за оконную раму.

— Престолъ,—сказалъ онъ, вглядѣвшись въ странный предметъ на полу.

— И паникадило.

— Столикъ для Евангелія.

— А вонъ, тамъ что такое?—съ любопытствомъ указалъ онъ на темный предметъ, виднѣвшійся рядомъ съ престоломъ.

— Поповская шапка.

— Нѣтъ, ведро.

— Зачѣмъ же тутъ ведро?

— Можетъ-быть, въ немъ когда-то были угли для кадила.

— Нѣтъ, это, дѣйствительно, шапка. Впрочемъ, можно посмотрѣть. Давай, привяжемъ къ рамѣ поясъ, и ты по немъ спустишься.

— Да, какъ же! Такъ и спущусь. Полѣзай самъ, если хочешь.

— Ну, что жъ! Думаешь, не полѣзу?

— И полѣзай!

Дѣйствительно, по первому побужденію, я крѣпко связалъ два ремня, задѣлъ ихъ за раму и, отдавъ одинъ конецъ товарищу, самъ повисъ на другомъ.

Когда моя нога коснулась пола, я вздрогнулъ; но взглядъ на участливо склонившуюся ко мнѣ рожицу моего пріятеля возстановилъ мою храбрость, и я храбро ступилъ на полъ. Стукъ каблука зазвенѣлъ подъ потолкомъ, отдался въ пустотѣ часовни, въ темныхъ углахъ. Нѣсколько воробьевъ вспорхнули съ насиженныхъ мѣстъ на хорахъ и вылетѣли въ большую прорѣху въ крышѣ. Со стѣны глянуло на меня вдругъ строгое лицо въ терновомъ вѣнцѣ. Это склонялось изъ-подъ самаго потолка гигантское распятіе.

Мнѣ было жутко; глаза моего друга сверкали захватывающимъ духъ любопытствомъ и участіемъ.

— Ты подойдешь?—спросилъ онъ тихо.

— Подойду,— отвѣтилъ я также тихо, собираясь съ духомъ. Но въ эту минуту случилось нѣчто до того неожиданное и ужасное, что кровь сразу застыла у меня въ жилахъ.

Сначала послышался стукъ и шумъ обвалившейся на хорахъ штукатурки. Что-то завозилось вверху, тряхнуло въ воздухѣ тучею пыли, и большая, сѣрая масса, размахнувъ крыльями, поднялась къ прорѣхѣ въ крышѣ. Часовня на мгновеніе какъ будто потемнѣла. Огромная старая сова, обезпокоенная нашей возней, вылетѣла изъ темнаго угла, мелькнула на фонѣ голубого неба въ пролетѣ и шарахнулась вонъ.

Я почувствовалъ приливъ судорожнаго страха.

— Подымай!—крикнулъ я товарищу, схватившись за ремень.

— Не бойся, не бойся!—успокаивалъ онъ, приготовляясь поднять меня на свѣтъ дня и солнца.

Но вдругъ я увидѣлъ, что лицо его исказилось отъ ужаса; онъ вскрикнулъ и мгновенно исчезъ, спрыгнувъ съ окна. Я инстинктивно оглянулся и увидѣлъ странное явленіе, поразившее меня, впрочемъ, больше удивленіемъ, чѣмъ ужасомъ.

Темный предметъ нашего спора—шапка или ведро—оказавшійся въ концѣ концовъ горшкомъ, мелькнулъ въ воздухѣ и на глазахъ моихъ скрылся подъ престоломъ. Я успѣлъ только разглядѣть смутное очертаніе небольшой, какъ будто дѣтской руки, увлекавшей его въ это убѣжище.

Трудно передать мои ощущенія въ эту минуту. Чувство, которое я испытывалъ, нельзя даже назвать страхомъ. Откуда-то, точно съ другого міра, въ теченіе нѣсколькихъ секундъ доносился до меня быстрой дробью тревожный топотъ двухъ паръ дѣтскихъ ногъ. Но вскорѣ затихъ и онъ. Я былъ одинъ, точно въ мрачномъ гробу, въ виду какихъ-то странныхъ, необъяснимыхъ явленій.

Времени для меня не существовало, поэтому я не могъ сказать, скоро ли я услышалъ подъ престоломъ сдержанный шопотъ:

— Почему же онъ не лѣзетъ назадъ?

— Видишь, испугался.

Первый голосъ показался мнѣ совсѣмъ дѣтскимъ, второй могъ принадлежать мальчику моего возраста. Мнѣ даже показалось, что въ щели стараго престола сверкнула пара черныхъ глазъ.

— Что жъ онъ теперь будетъ дѣлать?—послышался опять шопотъ.

— А вотъ, погоди,—отвѣтилъ голосъ постарше.

Подъ престоломъ что-то сильно завозилось, онъ даже какъ будто покачнулся, и въ то же мгновеніе изъ-подъ него вынырнула фигура.

Это былъ мальчикъ, лѣтъ девяти, больше меня ростомъ, худощавый и тонкій, какъ тростинка. Одѣтъ онъ былъ въ грязной рубашонкѣ, руки держалъ въ карманахъ узкихъ и короткихъ штанишекъ. Темные курчавые волосы лохматились надъ черными задумчивыми глазами.

Хотя незнакомецъ, явившійся на сцену такимъ неожиданнымъ и страннымъ образомъ, подходилъ ко мнѣ съ тѣмъ безпечнымъ, задорнымъ видомъ, съ какимъ всегда на нашемъ базарѣ подходили другъ къ другу мальчики, готовившіеся вступить въ драку, но все же, увидѣвъ его, я сильно ободрился. Я ободрился еще болѣе, когда изъ-подъ того же престола или, вѣрнѣе, изъ люка въ полу часовни, который онъ покрывалъ, сзади мальчика показалось еще одно грязное личико дѣвочки, обрамленное бѣлокурыми волосами, съ устремленными на меня дѣтски-любопытными голубыми глазами.

Я нѣсколько отодвинулся отъ стѣны и, согласно рыцарскимъ правиламъ нашего рынка, тоже положилъ руки въ карманы. Это было признакомъ, что я не боюсь противника и даже, отчасти, намекаю на мое къ нему презрѣніе.

Мы встали другъ противъ друга и обмѣнялись взглядами. Осмотрѣвъ меня съ головы до ногъ, мальчикъ спросилъ:

— Ты здѣсь зачѣмъ?

— Такъ,—отвѣтилъ я,—а тебѣ какое дѣло?

Мой противникъ повелъ плечомъ, какъ будто намѣреваясь вынуть изъ кармана руки и ударить меня.

Я не моргнулъ и глазомъ.

— Я вотъ тебѣ покажу!—пригрозилъ онъ.

Я выпятился грудью впередъ.

— Ну, ударь!.. Попробуй!..

Мгновеніе было критическое; отъ него зависѣлъ характеръ дальнѣйшихъ отношеній. Я ждалъ, но мой противникъ, окинувъ меня тѣмъ же испытующимъ взглядомъ, не шевелился.

— Я, братъ, и самъ... тоже...—сказалъ я, но уже болѣе миролюбиво.

Между тѣмъ дѣвочка, опершись маленькими ручонками на полъ часовни, старалась тоже выкарабкаться изъ люка. Она падала, вновь поднималась и, наконецъ, направилась нетвердыми шагами къ мальчишкѣ. Подойдя вплоть къ нему, она крѣпко ухватилась за него, прижалась къ нему и устремила на меня удивленный и отчасти испуганный взглядъ.

Это рѣшило исходъ дѣла; стало совершенно ясно, что въ такомъ положеніи мальчишка не могъ драться, а я, конечно, тоже былъ слишкомъ великодушенъ, чтобы воспользоваться его неудобнымъ положеніемъ.

— Какъ твое имя?—спросилъ мальчикъ, гладя рукой бѣлокурую головку дѣвочки.

— Вася. А ты кто такой?

— Я—Валекъ... я тебя знаю; ты живешь въ саду, надъ прудомъ. У васъ большія яблоки.

— Да, это правда: яблоки у насъ хорошія. Не хочешь ли?

Вынувъ изъ кармана два яблока, предназначавшіяся для расплаты съ моей постыдно бѣжавшей арміей, я подалъ одно изъ нихъ Валеку, другое протянулъ дѣвочкѣ. Но она скрыла свое лицо, прижавшись къ Валеку.

— Боится,—сказалъ тотъ, и самъ передалъ яблоко дѣвочкѣ.—Зачѣмъ ты влѣзъ сюда? Развѣ я когда-нибудь лазилъ въ вашъ садъ?—спросилъ онъ затѣмъ.

— Что жъ, приходи! Я буду радъ,—отвѣтилъ я радушно.

Отвѣтъ этотъ озадачилъ Валека; онъ задумался.

— Я тебѣ не компанія,—сказалъ онъ грустно.

— Отчего же?—спросилъ я, сильно огорченный грустнымъ тономъ, какимъ были сказаны эти слова.

— Твой отецъ—панъ судья.

— Такъ что же?—изумился я чистосердечно.—Вѣдь ты будешь играть со мною, не съ отцомъ.

Валекъ покачалъ головой.

— Тыбурцій не пуститъ,—сказалъ онъ и, какъ будто это имя напомнило ему что-то, вдругъ спохватился.—Послушай, ты славный хлопецъ, но все-таки тебѣ лучше уйти. Если Тыбурцій тебя застанетъ, плохо будетъ.

Я согласился, что мнѣ, дѣйствительно, пора уходить. Послѣдніе лучи солнца исчезали уже сквозь окна часовни, а до города было не близко.

— Какъ же мнѣ отсюда выйти?

— Я тебѣ укажу дорогу, мы пойдемъ вмѣстѣ.

— А она?—ткнулъ я пальцемъ въ нашу маленькую даму.

— Маруся? Она тоже пойдетъ съ нами.

— Какъ, въ окно?

Валекъ задумался.

— Нѣтъ, вотъ что: я тебѣ помогу взобраться на окно, а сами мы выйдемъ другимъ ходомъ.

Съ помощью моего новаго пріятеля я поднялся къ окну. Отвязавъ ремень, я обвилъ его вокругъ рамы и, держась за оба конца, повисъ въ воздухѣ. Затѣмъ, выпустивъ одинъ конецъ, я спрыгнулъ на землю и выдернулъ ремень. Валекъ и Маруся ждали меня уже подъ стѣной, снаружи.

Солнце недавно еще сѣло за гору. Городъ утонулъ въ лилово-туманной тѣни, и только верхушки высокихъ тополей на островѣ рѣзко выдѣлялись червоннымъ золотомъ, разрисованныя послѣдними лучами заката. Мнѣ казалось, что съ тѣхъ поръ, какъ я явился сюда, на старое кладбище, прошло не менѣе сутокъ, что это было вчера.

— Какъ хорошо!—сказалъ я, охваченный свѣжестью наступившаго вечера и вдыхая полной грудью влажную прохладу.

— Скучно здѣсь,—съ грустью произнесъ Валекъ.

— Вы все здѣсь живете?—спросилъ я, когда мы втроемъ стали спускаться съ горы.

— Здѣсь.

— Гдѣ жъ вашъ домъ?

Я не могъ себѣ представить, чтобы подобныя мнѣ дѣти могли жить безъ дома.

Валекъ усмѣхнулся съ обычнымъ его грустнымъ видомъ и ничего не отвѣтилъ.

Мы миновали крутые обвалы, такъ какъ Валекъ зналъ болѣе удобную дорогу. Пройдя межъ камышей по высохшему болоту и переправившись черезъ ручеекъ по тонкимъ дощечкамъ, мы очутились у подножія горы, на равнинѣ.

Тутъ надо было разстаться. Пожавъ руку моему новому знакомому, я протянулъ ее также и дѣвочкѣ. Она ласково подала

мнѣ свою крохотную ручонку и, глядя снизу вверхъ голубыми глазами, спросила:

— Ты придешь къ намъ опять?

— Приду,—отвѣчалъ я,—непремѣнно.

— Что жъ?—сказалъ въ раздумьи Валекъ:—приходи, пожалуй, только въ такое время, когда наши будутъ въ городѣ.

— Кто это „ваши“?

— Да наши... всѣ... Тыбурцій... профессоръ...

— Хорошо. Я высмотрю, когда они будутъ въ городѣ, и тогда приду. А пока— прощайте!

— Эй, послушай-ка!—крикнулъ мнѣ Валекъ, когда я отошелъ нѣсколько шаговъ:—а ты болтать не будешь о томъ, что былъ у насъ?

— Никому не скажу,—отвѣтилъ я твердо.

— Ну, вотъ это хорошо! А этимъ твоимъ дуракамъ мальчишкамъ, когда станутъ приставать, скажи, что видѣлъ чорта.

— Ладно, скажу.

— Ну, прощай.

— Прощай.

Густыя сумерки залегли надъ Княжьимъ-вѣномъ, когда я приблизился къ забору своего сада. Надъ замкомъ зарисовался тонкій серпъ луны, загорѣлись звѣзды. Я хотѣлъ уже подняться на заборъ, какъ кто-то схватилъ меня за руку.

— Вася, другъ!—заговорилъ взволнованнымъ шопотомъ мой бѣжавшій товарищъ.—Какъ же это ты?... Голубчикъ!...

— А вотъ, какъ видишь!... А вы всѣ меня бросили!...

Онъ потупился, но любопытство взяло верхъ надъ чувствомъ стыда; онъ спросилъ опять:

— Что же тамъ было?

— Что?—отвѣтилъ я тономъ, не допускавшимъ сомнѣнія:—разумѣется, черти! А вы трусы...

И, отмахнувшись отъ сконфуженнаго товарища, я полѣзъ на заборъ.

Черезъ четверть часа, я спалъ уже глубокимъ сномъ.

Съ этихъ поръ я весь былъ поглощенъ моимъ новымъ знакомствомъ. Вечеромъ, ложась въ постель, и утромъ, вставая, я только и думалъ о предстоящемъ визитѣ на гору. По улицамъ города я шатался съ единственной цѣлью—подсмотрѣть, тутъ ли

панъ Тыбурцій и его компанія, тѣ странныя личности, которыхъ старый Янушъ, управитель замка, характеризовалъ словами „дурное общество“, и которыя, являясь по утрамъ въ городъ, по вечерамъ исчезали безслѣдно. Теперь я зналъ, кого Валекъ, разумѣлъ подъ именемъ „нашихъ“, и, замѣтивъ, какъ эти темныя личности шныряютъ по базару, я тотчасъ же бѣгомъ отправлялся черезъ болото на гору, къ часовнѣ, предварительно наполнивъ карманы яблоками, которыя могъ рвать въ саду безъ запрету, и лакомствами, которыя сберегалъ всегда для своихъ новыхъ друзей.

Валекъ, вообще очень солидный, точно взрослый по манерамъ, принималъ эти приношенія просто и, по большей части, откладывалъ куда-нибудь, приберегая для сестры; но маленькая Маруся всякій разъ всплескивала ручонками, и глаза ея загорались огонькомъ самаго неподдѣльнаго восторга; блѣдное лицо дѣвочки вспыхивало румянцемъ, она смѣялась, и этотъ смѣхъ нашей маленькой пріятельницы отдавался въ нашихъ сердцахъ, вознаграждая за конфеты, которыя мы жертвовали въ ея пользу.

Это было блѣдное, крошечное созданье, напоминавшее цвѣтокъ, выросшій безъ живительныхъ лучей солнца. Несмотря на свои четыре года, она ходила еще плохо, неувѣренно ступая красивыми ножками, и шаталась какъ былинка; руки ея были тонки и прозрачны, головка покачивалась на тонкой шеѣ, какъ головка полевого колокольчика, но глаза смотрѣли порой такъ не по-дѣтски-грустно, и улыбка такъ напоминала мнѣ мою мать въ послѣдніе дни ея жизни, когда она, бывало, сидѣла противъ открытаго окна и вѣтеръ шевелилъ ея бѣлокурые волосы,—что мнѣ, при взглядѣ на это дѣтское личико, становилось самому грустно, и слезы подступали къ глазамъ.

Я невольно сравнивалъ ее съ моей сестрой; онѣ были одного возраста, но моя Соня была кругла, какъ пышка, и упруга, какъ мячикъ. Она такъ рѣзво бѣгала, когда бывало разыграется, такъ звонко смѣялась, на ней всегда были такія красивыя платья, а въ темныя косы ей каждый день горничная вплетала алую ленту.

А моя маленькая пріятельница почти никогда не бѣгала и смѣялась очень рѣдко; когда же смѣялась, то смѣхъ ея звучалъ, какъ самый маленькій серебряный колокольчикъ, котораго въ десяти шагахъ уже не слышно. Платье ея было грязно и старо, въ

косѣ не было лентъ, но волосы у нея были гораздо длиннѣе и роскошнѣе, чѣмъ у Сони, и Валекъ, къ моему удивленію, очень искусно умѣлъ заплетать ихъ, что и исполнялъ каждое утро.

Я былъ большой сорванецъ. „У этого малаго,—говорили обо мнѣ старшіе,—руки и ноги налиты ртутью“, чему я и самъ вѣрилъ, хоть не представлялъ себѣ ясно, кто и какимъ образомъ произвелъ надо мною эту операцію. Въ первые же дни я внесъ оживленіе и въ общество моихъ новыхъ знакомыхъ. Едва ли эхо старой „капличы“ (часовни) повторяло когда-нибудь такіе громкіе возгласы, какъ въ то время, когда я старался расшевелить и завлечь въ игры Валека и Марусю. Однако, это удавалось плохо. Валекъ серьезно смотрѣлъ на меня и на дѣвочку, и разъ, когда я заставлялъ ее бѣгать со мною взапуски, онъ сказалъ:

— Нѣтъ, она сейчасъ заплачетъ.

Дѣйствительно, когда я растормошилъ ее и заставилъ бѣжать, Маруся, заслышавъ мои шаги за собой, вдругъ повернулась ко мнѣ, поднявъ ручонки надъ головой точно для защиты, посмотрѣла на меня безпомощнымъ взглядомъ пойманой пташки и громко заплакала. Я совсѣмъ растерялся.

— Вотъ видишь,—сказалъ Валекъ,—она не любитъ играть.

Онъ усадилъ ее на траву, нарвалъ цвѣтовъ и кинулъ ей. Маруся перестала плакать и тихо перебирала растенія, что-то говорила, обращаясь къ золотистымъ лепесткамъ, и подносила къ губамъ синіе колокольчики. Я тоже присмирѣлъ и легъ рядомъ съ Валекомъ около дѣвочки.

— Отчего она такая?—спросилъ я наконецъ, указывая глазами на Марусю.

— Невеселая?—переспросилъ Валекъ и затѣмъ сказалъ тономъ совершенно убѣжденнаго человѣка:—а это, видишь ли, отъ сѣраго камня...

— Да-а,—повторила дѣвочка, точно слабое эхо:—это отъ сѣраго камня.

— Отъ какого сѣраго камня?—переспросилъ я, не понимая.

— Сѣрый камень высосалъ изъ нея жизнь,—пояснилъ опять Валекъ, попрежнему смотря на небо.—Такъ говоритъ Тыбурцій... Тыбурцій хорошо знаетъ.

— Да-а,—опять повторила тихимъ эхомъ дѣвочка:—Тыбурцій все знаетъ.

Я ничего не понималъ въ этихъ загадочныхъ словахъ, приподнялся на локтѣ и взглянулъ на Марусю. Она сидѣла въ томъ же положеніи, въ какомъ усадилъ ее Валекъ, и все также перебирала цвѣты. При взглядѣ на эту крохотную грустную фигурку, мнѣ стало ясно, что въ словахъ Тыбурція,—хотя я и не понималъ ихъ значенія,—заключается горькая правда. Несомнѣнно, кто-то высасывалъ жизнь изъ этой странной дѣвочки, которая плачетъ тогда, когда другіе на ея мѣстѣ смѣются. Но какъ же можетъ сдѣлать это сѣрый камень? „Должно быть, это бываетъ по ночамъ“, думалъ я, и чувство щемящаго до боли сожалѣнія сжимало мнѣ сердце.

Подъ вліяніемъ этого чувства я тоже умѣрилъ свою рѣзвость. Примѣняясь къ тихой солидности нашей дамы, оба мы съ Валекомъ, усадивъ ее гдѣ-нибудь на травѣ, собирали для нея цвѣты, разноцвѣтные камешки, ловили бабочекъ, иногда дѣлали изъ кирпичей ловушки для воробьевъ. Иногда же, растянувшись около нея на травѣ, смотрѣли въ небо, какъ плывутъ облака высоко надъ лохматой крышей старой „каплицы“, разсказывали Марусѣ сказки или бесѣдовали другъ съ другомъ.

Эти бесѣды съ каждымъ днемъ все больше закрѣпляли нашу дружбу съ Валекомъ, которая росла, несмотря на рѣзкую противоположность нашихъ характеровъ. Всегда порывистый, рѣзвый, я невольно подчинялся грустно-солидному тону Валека и, въ особенности, той независимости, съ которой онъ отзывался о старшихъ. Кромѣ того, онъ часто сообщалъ мнѣ много новаго, о чемъ я раньше и не думалъ. Слыша, какъ онъ отзывается о Тыбурціи точно о товарищѣ, я спросилъ:

— Тыбурцій тебѣ отецъ?

— Не знаю,—отвѣчалъ онъ задумчиво.

— Онъ тебя любитъ?

— Да, любитъ,—сказалъ Валекъ уже гораздо увѣреннѣе.— Онъ постоянно обо мнѣ заботится, и, знаешь, иногда онъ цѣлуетъ меня и плачетъ...

— И меня любитъ, и тоже плачетъ,—прибавила Маруся съ выраженіемъ дѣтской гордости.

— А меня отецъ не любитъ,—проговорилъ я грустно.—Онъ никогда не цѣловалъ меня... онъ нехорошій.

— Неправда! неправда!—возразилъ Валекъ.—Ты не понимаешь. Тыбурцій лучше знаетъ. Онъ говоритъ, что судья—самый лучшій человѣкъ въ городѣ и что городу давно бы уже надо провалиться, если бы не твой отецъ, да одинъ священникъ, да еврейскій раввинъ. Вотъ изъ-за нихъ троихъ городъ еще не провалился... Такъ говоритъ Тыбурцій... потому что они всегда за бѣдныхъ людей заступаются... А твой отецъ, говоритъ Тыбурцій, не побоится засудить богатаго, будь онъ хоть самъ графъ; а когда къ нему пришла старая Иваниха съ костылемъ, онъ велѣлъ принести ей стулъ. Вотъ онъ какой.

Все это заставило меня глубоко задуматься. Валекъ указалъ мнѣ моего отца съ такой стороны, съ какой мнѣ никогда не приходило въ голову взглянуть на него; слова Валека задѣли въ моемъ сердцѣ струну сыновней гордости. Мнѣ было пріятно слушать похвалы моему отцу, высказываемыя отъ имени Тыбурція, который „все знаетъ“, но вмѣстѣ съ тѣмъ дрогнула въ моемъ сердцѣ нота щемящей любви съ горячимъ сознаніемъ, что никогда родной отецъ не полюбитъ меня такъ, какъ Тыбурцій любитъ Валека и Марусю.

Близилась осень. Въ полѣ шла жатва; листья на деревьяхъ стали желтѣть. Вмѣстѣ съ тѣмъ наша Маруся начала что-то прихварывать.

Она ни на что не жаловалась, только все худѣла; лицо ея все больше и больше блѣднѣло, глаза потемнѣли, вѣки приподнимались съ трудомъ.

Теперь я могъ приходить на гору, не стѣсняясь ничѣмъ. Я совершенно свыкся съ Тыбурціемъ и сталъ на горѣ своимъ человѣкомъ.

— Ты славный хлопецъ и когда-нибудь, пожалуй, тоже будешь ученымъ, не хуже меня!—говорилъ панъ Тыбурцій.

Осень все больше вступала въ свои права. Небо все чаще заволакивалось тучами, окрестности тонули въ туманномъ сумракѣ, потоки дождя шумно лились на землю, отдаваясь однообразнымъ и грустнымъ гуломъ въ подземельяхъ.

Мнѣ стоило много труда урываться изъ дома въ такую погоду; впрочемъ, я только старался уйти незамѣченнымъ, когда же возвращался домой весь вымокшій, то самъ развѣшивалъ платье противъ камина и смиренно ложился въ постель, философски отмалчиваясь подъ цѣлымъ градомъ упрековъ, которые лились на меня изъ устъ нянекъ и служанокъ.

Каждый разъ, придя къ своимъ друзьямъ, я замѣчалъ, что Маруся все больше хирѣетъ. Теперь она совсѣмъ уже не выходила на воздухъ, и сѣрый камень—темное, молчаливое чудовище подземелья—продолжалъ безъ перерывовъ свою ужасную работу, высасывая жизнь изъ маленькаго тѣльца. Дѣвочка большую часть времени проводила теперь въ постели, и мы съ Валекомъ изо всѣхъ силъ старались развлечь ее и позабавить, чтобы вызвать тихіе переливы ея слабаго смѣха.

Теперь, когда я окончательно сжился съ „дурнымъ обществомъ", грустная улыбка Маруси стала мнѣ почти такъ же дорога, какъ улыбка сестры; тутъ никто не ставилъ мнѣ вѣчно на видъ мою испорченность; тутъ не было ворчливой няньки; тутъ я былъ нуженъ, я чувствовалъ, что каждый разъ мое появленіе вызываетъ румянецъ оживленія на щечкахъ дѣвочки.

Валекъ обнималъ меня, какъ брата, и даже Тыбурцій по временамъ смотрѣлъ на насъ троихъ какими-то странными глазами, въ которыхъ что-то мерцало, точно слеза.

На время небо опять прояснилось; съ него сбѣжали тучи, и надъ просыхающей землей, въ послѣдній разъ передъ наступленіемъ зимы, засіяли солнечные дни. Мы каждый день выносили Марусю наверхъ, и здѣсь она смотрѣла вокругъ широко-раскрытыми глазами, на щекахъ ея загорался румянецъ; казалось, что вѣтеръ, обдававшій ее своими свѣжими, живительными взмахами, возвращалъ ей частицы жизни, похищенныя сѣрыми камнями подземелья. Но это продолжалось недолго...

Между тѣмъ надъ моей головой тоже стали собираться тучи.

Однажды, когда я по обыкновенію утромъ проходилъ по аллеямъ сада, я увидалъ въ одной изъ нихъ отца, а рядомъ—стараго Януша изъ замка. Старикъ подобострастно кланялся и что-то говорилъ, а отецъ стоялъ съ угрюмымъ видомъ, и на лбу его рѣзко обозначалась склада нетерпѣливаго гнѣва. Наконецъ онъ протянулъ руку, какъ бы отстраняя Януша съ своей дороги, и сказалъ:

— Уходите! Вы, просто, старый сплетникъ!

Я сильно недолюбливалъ стараго филина изъ замка, и теперь сердце мое дрогнуло предчувствіемъ. Я понялъ, что подслушанный мною разговоръ относился къ моимъ друзьямъ и, быть-можетъ, также ко мнѣ.

Тыбурцій, которому я разсказалъ объ этомъ случаѣ, скорчилъ ужасную гримасу:

— У-уфъ, малый!.. Какая это непріятная новость!.. О, проклятая старая лисица!

— Отецъ его прогналъ,—замѣтилъ я въ видѣ утѣшенія.

— Твой отецъ, малый, самый лучшій изъ всѣхъ судей, начиная съ Соломона... Онъ не считаетъ нужнымъ травить стараго, беззубаго звѣря въ его послѣдней берлогѣ... Но, малый, какъ бы тебѣ объяснить это?.. Твой отецъ служитъ господину, котораго имя—законъ. У него есть глаза и сердце только до тѣхъ поръ, пока законъ спитъ себѣ на полкахъ; когда же этотъ господинъ сойдетъ оттуда и скажетъ твоему отцу: „а ну-ка, судья, не взяться ли намъ за Тыбурція Драба или какъ тамъ его зовутъ?“—съ этого момента судья запираетъ свое сердце на ключъ, и тогда у него такія твердыя лапы, что скорѣе міръ повернется въ другую сторону, чѣмъ панъ Тыбурцій вывернется изъ его рукъ... Понимаешь ты, малый?.. И за это я и всѣ еще больше уважаемъ твоего отца, потому что онъ вѣрный слуга своего господина, а такіе люди рѣдки. Будь у закона все такіе слуги, онъ могъ бы спать себѣ спокойно на своихъ полкахъ и никогда не просыпаться...

Съ этими словами Тыбурцій всталъ, взялъ за руки Марусю и, отойдя съ нею въ дальній уголъ, сталъ цѣловать ее, прижимаясь къ ея маленькой груди. А я остался на мѣстѣ и долго стоялъ въ одномъ положеніи подъ впечатлѣніемъ странныхъ рѣчей.

Ясные дни миновали, и Марусѣ опять стало хуже. На всѣ наши ухищренія, съ цѣлью занять ее, она смотрѣла равнодушно своими большими потемнѣвшими и неподвижными глазами, и мы давно уже не слышали ея смѣха. Я сталъ носить въ подземелье свои игрушки, но и онѣ развлекали дѣвочку только на короткое время. Тогда я рѣшился обратиться къ своей сестрѣ Сонѣ.

У Сони была большая кукла съ ярко-раскрашеннымъ лицомъ и роскошными льняными волосами—подарокъ покойной матери. На

эту куклу я возлагалъ большія надежды и потому, отозвавъ сестру въ боковую аллейку сада, попросилъ дать мнѣ ее на время. Я такъ убѣдительно просилъ ее объ этомъ, такъ живо описалъ ей бѣдную больную дѣвочку, у которой никогда не было своихъ игрушекъ, что Соня, которая сначала только прижимала куклу къ себѣ, отдала мнѣ ее и обѣщала въ теченіе двухъ-трехъ дней играть другими игрушками.

Дѣйствіе этой нарядной фаянсовой барышни на нашу больную превзошло всѣ мои ожиданія.

Маруся, которая увядала, какъ цвѣтокъ осенью, казалось, вдругъ опять ожила. Она такъ крѣпко меня обнимала, такъ звонко смѣялась, разговаривая съ своей новой знакомой... Маленькая кукла сдѣлала почти чудо: Маруся, давно уже не сходившая съ постели, начала ходить, водя за собой свою бѣлокурую дочку, и по временамъ бѣгала даже, попрежнему шлепая по полу слабыми ногами.

Зато мнѣ эта кукла доставила очень много тревожныхъ минутъ. Прежде всего, когда я несъ ее за пазухой, направляясь съ нею на гору, на дорогѣ мнѣ попался старый Янушъ, который долго провожалъ меня глазами и качалъ головой.

Потомъ, дня черезъ два, старушка нянька замѣтила пропажу и стала соваться по угламъ, вездѣ разыскивая куклу. Соня старалась унять ее, но своими наивными увѣреніями, что ей кукла не нужна, что она ушла гулять и скоро вернется, только вызывала недоумѣніе служанокъ и возбуждала подозрѣніе, что тутъ не простая пропажа. Отецъ ничего еще не зналъ, но къ нему опять приходилъ Янушъ и былъ прогнанъ на этотъ разъ съ еще большимъ гнѣвомъ; однако, въ тотъ же день отецъ остановилъ меня на пути къ садовой клѣткѣ и велѣлъ остаться дома. На слѣдующій день повторилось то же, и только черезъ четыре дня я всталъ рано утромъ и махнулъ черезъ заборъ, пока отецъ еще спалъ.

На горѣ дѣла были плохи. Маруся опять слегла, и ей стало еще хуже; лицо ея горѣло страннымъ румянцемъ, бѣлокурые волосы раскидались по подушкѣ; она никого не узнавала. Рядомъ съ нею лежала злополучная кукла съ розовыми щеками и глупыми блестящими глазами.

Я сообщилъ Валеку свои опасенія, и мы рѣшили, что куклу необходимо унести обратно, тѣмъ болѣе, что Маруся этого и не замѣтитъ. Но мы ошиблись: какъ только я вынулъ куклу изъ рукъ

лежавшей въ забытьи дѣвочки, она открыла глаза, посмотрѣла передъ собой смутнымъ взглядомъ, какъ будто не видя меня, не сознавая, что съ нею происходитъ, и вдругъ заплакала тихо-тихо, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ жалобно, а въ исхудаломъ лицѣ ея подъ покровомъ бреда мелькнуло выраженіе такого глубокаго горя, что я тотчасъ же съ испугомъ положилъ куклу на прежнее мѣсто. Дѣвочка улыбнулась, прижала куклу къ себѣ и успокоилась. Я понялъ, что хотѣлъ лишить моего маленькаго друга первой и послѣдней радости въ ея недолгой жизни.

Валекъ робко посмотрѣлъ на меня.

— Какъ же теперь будетъ?—спросилъ онъ грустно.

Тыбурцій, сидя на лавочкѣ съ печально понуренной головой, также смотрѣлъ на меня вопросительнымъ взглядомъ. Поэтому я постарался придать себѣ видъ по возможности безпечный и сказалъ:

— Ничего! Нянька, навѣрное, ужъ забыла.

Но старуха не забыла. Когда я возвращался на этотъ разъ домой, у калитки мнѣ опять попался Янушъ; Соню я засталъ съ заплаканными глазами, а нянька кинула на меня сердитый, подавляющій взглядъ и что-то ворчала беззубымъ, шамкавшимъ ртомъ.

Отецъ спросилъ у меня, куда я ходилъ, и, выслушавъ внимательно обычный отвѣтъ, ограничился тѣмъ, что повторилъ мнѣ приказъ—ни подъ какимъ видомъ не отлучаться изъ дому безъ его позволенія. Приказъ былъ категориченъ и очень рѣшителенъ; ослушаться его я не посмѣлъ, но не посмѣлъ также и обратиться къ нему за позволеніемъ.

Прошло четыре томительныхъ дня. Я грустно ходилъ по саду и съ тоской смотрѣлъ по направленію къ горѣ, ожидая кромѣ того грозы, которая собиралась надъ моей головой. Что будетъ—я не зналъ, но на сердцѣ у меня было тяжело. Меня во всю жизнь никто еще не наказывалъ: отецъ не только не трогалъ меня пальцемъ, но я отъ него не слышалъ никогда ни одного рѣзкаго слова.

Теперь меня томило тяжелое предчувствіе.

Наконецъ меня позвали къ отцу въ его кабинетъ. Я вошелъ и робко остановился у притолки. Въ окно заглядывало грустное осеннее солнце. Отецъ сидѣлъ въ своемъ креслѣ передъ портретомъ матери и не поворачивался ко мнѣ. Я слышалъ тревожный стукъ собственнаго сердца.

Но вотъ онъ повернулся. Я поднялъ на него глаза и тотчасъ же опустилъ ихъ въ землю. Лицо отца показалось мнѣ страшнымъ.

Прошло около полу-минуты, и въ теченіе этого времени я чувствовалъ на себѣ тяжелый и неподвижный, подавляющій взглядъ.

— Ты взялъ у сестры куклу?

Эти слова упали вдругъ на меня такъ отчетливо и рѣзко, что я вздрогнулъ.

— Да,—отвѣтилъ я тихо.

— А знаешь ты, что это—подарокъ матери, которымъ ты долженъ бы дорожить, какъ святыней?.. Ты укралъ ее?..

— Нѣтъ,—сказалъ я, подымая голову.

— Какъ нѣтъ?—вскрикнулъ вдругъ отецъ, отталкивая кресло.—Ты укралъ ее и снесъ... Кому ты снесъ ее?.. Говори!

Онъ быстро подошелъ ко мнѣ и положилъ мнѣ на плечо тяжелую руку. Я съ усиліемъ поднялъ голову и взглянулъ вверхъ. Лицо отца было блѣдно. Я весь съежился.

Отецъ тяжело перевелъ духъ. Я съежился еще болѣе, горькія слезы жгли мои щеки. Я ждалъ...

— Эге-ге!—раздался вдругъ за открытымъ окномъ рѣзкій голосъ Тыбурція.—Я вижу,—продолжалъ Тыбурцій, входя черезъ двѣ-три секунды въ комнату,—вижу моего молодого друга въ затруднительномъ положеніи.

Отецъ встрѣтилъ его мрачнымъ, угрожающимъ взглядомъ, но Тыбурцій выдержалъ его спокойно. Онъ былъ серьезенъ, не кривлялся, глаза его глядѣли какъ-то особенно грустно.

— Панъ судья!—заговорилъ онъ мягко:—вы человѣкъ справедливый... отпустите ребенка. Видитъ Богъ, онъ не сдѣлалъ дурного дѣла, и если его сердце лежитъ къ моимъ оборваннымъ бѣднягамъ, то, клянусь Богородицей, лучше велите меня повѣсить, но я не допущу, чтобы мальчикъ пострадалъ изъ-за этого. Вотъ твоя кукла, малый!..

Онъ развязалъ узелокъ и вынулъ оттуда куклу.

Рука отца, державшая мое плечо, разжалась. Въ лицѣ виднѣлось изумленіе.

— Что это значитъ?—спросилъ онъ наконецъ.

— Отпустите мальчика,—повторилъ Тыбурцій, и его широкая рука любовно погладила мою опущенную голову.—Вы ничего не добьетесь отъ него угрозами, а между тѣмъ я охотно разскажу вамъ все, что вы желаете знать... Выйдемъ, панъ судья, въ другую комнату.

Я все еще стоялъ на томъ же мѣстѣ, когда дверь изъ кабинета отворилась, и оба собесѣдника вошли. Я опять почувствовалъ на своей головѣ чью-то руку и вздрогнулъ. То была рука отца, нѣжно гладившаго мои волосы.

Тыбурцій взялъ меня на руки и посадилъ въ присутствіи отца къ себѣ на колѣни.

— Приходи къ намъ,—сказалъ онъ:—отецъ тебя отпустилъ прощаться съ моей дѣвочкой. Она... она умерла.

Голосъ Тыбурція дрогнулъ; онъ странно заморгалъ глазами, но тотчасъ всталъ, поставилъ меня на полъ, выпрямился и быстро ушелъ изъ комнаты.

Я вопросительно поднялъ глаза на отца.

Теперь передо мной стоялъ другой человѣкъ, и въ этомъ именно человѣкѣ я нашелъ что-то родное, чего тщетно искалъ въ немъ прежде. Онъ смотрѣлъ на меня обычнымъ своимъ, слегка затуманеннымъ взглядомъ, но теперь въ этомъ взглядѣ виднѣлись только задумчивость, нѣжность и какъ будто вопросъ.

Я довѣрчиво взялъ его руку и сказалъ:

— Я, вѣдь, не укралъ... Соня дала мнѣ, на время...

— Д-да,—отвѣтилъ онъ задумчиво,—я знаю... Я виноватъ передъ тобой, мальчикъ, и ты постараешься когда-нибудь забыть это, не правда ли?

Я съ живостью схватилъ его руку и сталъ ее цѣловать. Я зналъ, что теперь никогда уже онъ не будетъ смотрѣть на меня тѣми строгими глазами, какими смотрѣлъ за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, и долго сдерживаемая любовь невозбранно хлынула цѣлымъ потокомъ. Теперь я уже не боялся его.

— Ты отпустишь меня теперь на гору?—спросилъ я, вспомнивъ вдругъ приглашеніе Тыбурція.

— Д-да... Ступай, ступай... мальчикъ,—ласково проговорилъ онъ, все еще съ тѣмъ же оттѣнкомъ недоумѣнія въ голосѣ.—Да, впрочемъ, постой, пожалуйста, мальчикъ, погоди немного.

Онъ ушелъ въ свою спальню, и, черезъ минуту выйдя оттуда, сунулъ мнѣ въ руку нѣсколько бумажекъ.

— Передай это... Тыбурцію... Скажи, что я покорнѣйше прошу его... понимаешь?.. покорнѣйше прошу взять эти деньги... отъ тебя... Понялъ?.. Теперь ступай, мальчикъ, ступай скорѣе.

Я догналъ Тыбурція уже на горѣ и, запыхавшись, нескладно исполнилъ порученіе отца.

— Покорнѣйше просить... отецъ...

И я сталъ совать ему въ руку данныя отцомъ деньги. Я не глядѣлъ ему въ лицо. Деньги онъ взялъ.

Въ подземельи, въ темномъ углу, на лавочкѣ лежала Маруся. Слово „смерть“ не имѣетъ еще полнаго значенія для дѣтскаго слуха, и горькія слезы только теперь, при видѣ этого безжизненнаго тѣла, сдавили мнѣ горло. Моя маленькая пріятельница лежала серьезная и грустная, съ печально вытянутымъ личикомъ. Закрытые глаза слегка ввалились и еще рѣзче оттѣнились синевой. Ротикъ немного раскрылся, съ выраженіемъ дѣтской печали. Маруся какъ будто отвѣчала этой гримаской на мои слезы.

Кто-то въ углу стучалъ топоромъ, готовя гробикъ изъ старыхъ досокъ, сорванныхъ съ крыши часовни. Марусю убирали осенними цвѣтами.

Гладь — гладкое, ровное мѣсто, а также особый вышивной шовъ. Ты (дорога) въ даль протянулась, пряма какъ стрѣла, широкою гладью что скатерть легла (И. Аксак.).—Тишь да гладь, Божья благодать.—Шить гладью.

Топь—топкое, вязкое мѣсто.

Паническій ужасъ — внезапный, безотчетный, неодолимый страхъ. **Паника** (греч. сл.)—сильный страхъ, переполохъ, охватывающій толпу.

Убѣжище—куда можно уйти для безопасности или покою, пріютъ, пристанище.

Терзать—1) рвать на части, раздирать. Волкъ терзаетъ добычу.—Коршунъ хохлатый, степной нелюдимъ, добычу терзаетъ и щиплетъ надъ нимъ (ключомъ) (Лерм.).—Терзать на себѣ въ отчаяніи одежду, волосы. 2) мучить, томить нравственно. Меня терзаетъ мысль о его несчастной долѣ.—Гляжу, какъ безумный, на черную шаль, и хладную душу терзаетъ печаль (Пушк.).

Ютиться—пріютиться, искать пріюта. Бѣдняки ютятся въ подвалахъ.

Проницательность—острота взгляда, умѣнье глубоко вникать во что-нибудь, предвидѣть, постигнуть.

Энергія—настойчивость въ достиженіи какой-либо цѣли, сильная воля, проявляемая человѣкомъ въ дѣятельности.

Недюжинный — букв.: не относящійся къ дюжинѣ, т.-е. не простой, не обыкновенный, выходящій изъ ряду, выдающійся.

Калачница, калачникъ—кто печетъ калачи или торгуетъ ими.

Шлюзы—подвижныя ворота, устраиваемыя у плотинъ для удержанія или спуска воды.

Лотокъ—жолобъ, по которому вода бѣжитъ на мельничное колесо.

Замыкаться, замкнуться—запереться, въ перенос. знач.: уйти въ себя, сосредоточиться, прерывать сношенія со всѣмъ міромъ.

Переминаться—находиться въ недоумѣніи, въ нерѣшимости. Переминаться съ ноги на ногу.

Осадить, осаживать—подавать назадъ, отодвигать: осадить лошадей; заставить замолчать или одуматься человѣка, дерзко говорящаго: онъ его осадилъ при всѣхъ; что значитъ осадить городъ?

Отпѣтый—букв.: тотъ, котораго отпѣли, т.-е. покойникъ; человѣкъ, на котораго рукой махнули, потеряли надежду, что изъ него что-ниб. выйдетъ.

Насупиться—хмуриться, принимать пасмурный, угрюмый видъ.

Навербовать (нѣмецк. происхожд.)—набирать желающихъ, привлекать къ какому-нибудь дѣлу.

Процедура (лат.)—рядъ дѣйствій, необходимыхъ для совершенія какого-нибудь дѣла; порядокъ, обрядъ.

Престолъ въ церкви:—столикъ въ алтарѣ, передъ царскими вратами; престолъ государя—тронъ; царствованье, владычество: престолъ перешелъ къ Николаю Павловичу, черезъ брата его.

Паникадило (греч.)—люстра, висящая подъ сводомъ храма; **кадило**—церковный сосудъ, курильница на цѣпочкахъ, въ которую на угли кладется ладанъ. А что значитъ **кадить**—въ букв. и переносн. знач.?

Хоры (мн. ч.)—открытая галлерея, переходы вдоль стѣны въ залахъ большихъ зданій, напр. церкви, театрѣ. Хоры для музыкантовъ.—Билеты на хоры всѣ проданы. Имѣетъ ли къ этому сл. какое-ниб. отношеніе сл. **хоръ?** Замолкли птичекъ хоры (Крыл.).—Соединенные хоры пѣвчихъ, любительскихъ кружковъ, музыкальныхъ обществъ.

Прорѣха—распоротое, разрѣзанное или разорванное мѣсто въ одеждѣ и вообще дыра, отверстіе. *Смолоду прорѣшка, подъ старость дыра.*

Люкъ—1) отверстіе, закрывающееся лежачей дверью; 2) на кораблѣ всякое наружное отверстіе: И молча въ открытые люки чугунныя пушки глядятъ (Лермонтовъ).

Обрамлять, обрамить—вставить въ раму, очертить кругомъ чертой, каймой.

Намекать, намекнуть—говорить непрямо, обиняками, давать понять. Онъ намекалъ на вчерашнее происшествіе. Отсюда **намекъ**. Твой намекъ мнѣ невдомекъ.—Умному намекъ, глупому толчокъ. Шуточн. выраж.: Тонкій намекъ на толстыя обстоятельства.

Повести, поводить. Опредѣлите различныя значенія: Не повело бы это къ худому.—Повести дѣло неумѣло.—*Какъ себя поведешь, такъ и прослывешь.*—Плясунья поводитъ руками и головой.—*Съ кѣмъ повелся, отъ того и занялся.*—Кому какъ поведется.—Такъ повелось уже изстари. Отсюда **поведеніе, поводъ, поводырь.**

Критическій (греч.) — рѣшительный, опасный. Критическія обстоятельства. А что значитъ: критическое отношеніе къ чему-нибудь?

Озадачить—привести въ затрудненіе, въ недоумѣніе, поставить втупикъ.

Компанія (франц.)—общество, товарищество. Выпить за компанію.

Визитъ (франц.)—посѣщеніе.

Живительный—укрѣпляющій силы, способствующій жизни. Живительный горный воздухъ возвратилъ ей цвѣтъ лица и силы (Лерм.).

Сорванецъ—проказникъ, шалунъ, повѣса.

Растормошить—расшевелить, а также привести въ безпорядокъ. Весь товаръ растормошили, а ничего не купили.

Щемить, щемнуть, щемлять—давить, сжимать. Сердце щемитъ—ноетъ, болитъ. (За, при) ущемить палецъ въ дверяхъ. Что значитъ ущемленное самолюбіе?

Отмолчаться, отмалчиваться—отдѣлаться молчаніемъ, не отвѣчать, не возражать, не оправдываться. Назовите еще глаголы съ приставкой **отъ** въ томъ же значеніи.

Подобострастный—рабски покорный. Съ подобострастнымъ взоромъ выжидалъ онъ приказаній.

Ухищреніе—хитрость, выдумка.

Категорическій (греч.)—рѣшительный, опредѣленный, безусловный.

Притолка—верхній брусъ, косякъ въ дверяхъ, въ воротахъ.

Подавлять, подавить что—давить, налегать, губить. Страсть къ наживѣ подавила въ немъ всѣ лучшія чувства. Что значитъ подавляющее большинство?

*

41. Осенью въ полѣ.

Стихотвореніе *Н. М. Михайлова.*

Холодомъ дышитъ осеннее небо.
Голое поле мокро и черно,
копны душистаго, сжатаго хлѣба
убраны съ поля давно.
Съ крикомъ вороны летятъ надъ землею.
Вѣтеръ срываетъ сухіе листы.
Дождь, какъ туманъ, затянулъ пеленою
поле, холмы и кусты.
Грустно и жутко. Заря умираетъ;
черныя лужи повсюду блестятъ.
Туча все ниже и ниже сползаетъ;
меркнетъ, блѣднѣя, закатъ.
Небо осеннее сыростью дышитъ.
Сердце трепещетъ, ему холодно.
Крикнуть о помощи... Кто же услышитъ?
Въ полѣ безлюдно, темно.

*

42. * * *

С. Гусева-Оренбургскаго.

Наступила поздняя осень, съ дождями, съ туманами.

Тяжелыя тучи ползли день и ночь по небу, какъ чьи-то безнадежныя думы, вѣтеръ ревѣлъ по обнаженнымъ лѣсамъ и пустыннымъ полямъ, по кривымъ и грязнымъ деревенскимъ улицамъ; съ наглой дерзостью онъ разворачивалъ крыши, хлопалъ ставнями и калитками, свистѣлъ и выл подъ застрѣхами, будто въ поискахъ лютаго врага. Земля похолодѣла, обнаженная и несчастная, политая дождемъ, какъ слезами...

Безнадежный—лишенный надежды, не имѣющій, не подающій надежды. Безнадежный больной.—Казалось, плѣнникъ безнадежный къ унылой жизни привыкалъ (Пушк.).

Наглый—тотъ, кто не стыдясь (наголо́), дерзко требуетъ того, на что не имѣетъ права.

Застрѣха—нижній край кровли.

*

43. Чумацкія дѣти.

Стихотвореніе *И. Сурикова.*

„Ой вы, дѣтки, мои дѣтки,
горе мое, горе!
На курганъ бѣгите, дѣтки,
поглядите въ поле.
„Ѣдетъ полемъ по дорогѣ
чумаковъ не мало;
только вашего все тятьки
нѣтъ, какъ не бывало.
„Лѣто красное проходитъ, —
онъ не пріѣзжаетъ;
что-то сердце мое ноетъ,
ноетъ, занываетъ.
„Иль пути-дороги степью
дождики размыли!
Иль разбойники напали,
чумака убили?
„Помолитеся вы, дѣтки,
Господу Святому,
чтобъ здоровымъ воротился
тятька вашъ до дому".
Поднялись поспѣшно дѣти
и черезъ поляну
побѣжали вперегонку
къ дальнему кургану.
Прибѣжали и съ кургана
смотрятъ на дорогу;
старшій, ставши на колѣни,
сталъ молиться Богу:
„Боже нашъ, Отецъ Небесный,
смилуйся надъ нами!
Вороти намъ тятьку къ дому
съ сивыми волами.
„Пусть не плачетъ тихо ночью
мама, не рыдаетъ;
пусть здоровымъ тятьку въ очи
мама увидаетъ.
„А для насъ, для малыхъ дѣтокъ,
просимъ мы немного:
сбереги гостинцы наши
у отца дорогой".
Жарко молится ребенокъ
Господу Святому,
жарко...„Гей, гей!—слышно въполѣ,—
гей, волы, до дому!"
— Тятька, тятька!—закричали
дѣти, суетятся
и бѣгутъ къ нему навстрѣчу,
кубаремъ катятся.
Кто жъ словами радость тятьки
передать возьмется?
Обнимаетъ онъ малютокъ,
плачетъ и смѣется.
„Что? какъ мамка? не хвораетъ?
тятьку поминаетъ?"
А ужъ дѣти на возъ влѣзли,
воловъ погоняютъ.
„Гей, волы вы длиннороги!
Гей, волы, до дому!
Жарко мы за васъ молились
Господу Святому!"
Веселится тятька, глядя:
„Чумаки-ребята!
Возрастить Господь привелъ бы,-
заживемъ богато!"
Заглядѣлся онъ на дѣтокъ,
сердце такъ и бьется...
„Пощадите!" крикъ батрацкій
сзади раздается.
Оглянулся чумакъ,—горе,
горе повстрѣчало:

удальцовъ степныхъ ватага
на воза напала.
Онъ къ дубинкѣ... „Стой, ни
съ мѣста!
и молись святому,
да деньжонки доставай-ка,
что везешь до дому".
— „Пощадите, люди Божьи,
удалое братство!
Шесть воловъ и есть лишь
только—
все мое богатство".
Хоть молись, хоть не молися
удальцамъ заклятымъ,—
не спускаютъ на дорогѣ
чумакамъ богатымъ.
—„Ой, берите жъ, все берите,
что есть, до послѣдокъ:
да не дѣлайте лишь только
сиротами дѣтокъ!"
Дѣти, дѣти!—о, какъ много
слово это значитъ!
Кто жъ, отца печаль и горе
видя, не заплачетъ?
„Стойте, стойте!—старшій
крикнулъ,—
ничего не трогай!
Здѣсь добыча, знать, не наша.
Маршъ своей дорогой!"
И разсыпалась ватага,
скрылась за курганы;
радъ чумакъ и повалился
въ ноги атаману.
„Ой, не кланяйся, не надо,—
не нуждаюсь этимъ;
пусть поклонъ твой будетъ
Богу,
да вотъ малымъ дѣтямъ.
„Видѣлъ я ихъ на курганѣ,
какъ они стояли,
какъ они за тятьку Бога
жарко умоляли.
„И смѣшно сперва мнѣ было,
а потомъ взгрустнулось,—
отъ молитвы дѣтской, жаркой
сердце шевельнулось...
„И заплакалъ я, заплакалъ,—
а на сердцѣ тяжко:
и припомнились мнѣ дѣтки
и жена-бѣдняжка.
„И меня, быть-можетъ, также
дѣтки поджидаютъ,
и о мнѣ, быть-можетъ, также
Бога умоляютъ.
„Но, знать, мнѣ такая доля
при рожденьи пала,
чтобы дѣтокъ не увидѣть,
сгинуть, какъ попало!
„Ну, ступайте жъ вы счастливо,
къ дому воротитесь;
о душѣ моей погибшей
Богу помолитесь..."

Чумакъ—такъ прежде назывались въ Малороссіи извозчики, перевозившіе на волахъ въ Крымъ хлѣбъ, а оттуда—рыбу и соль. Смотрятъ путники, навстрѣчу ѣдутъ съ рыбой чумаки (Г. Данилевск.). Почему чумаки теперь исчезли?

Курганъ—насыпной холмъ, древняя могила. Въ степи, на равнинѣ открытой, курганъ одинокій стоитъ (гр. А. Толст.).

Батракъ—наемный работникъ, особ. въ деревнѣ. Батракъ я тебѣ, что ли!

Ватага—см. стр. 71.

Братство—братское родство, товарищество, дружба. *Доброе братство милѣе богатства.* Иногда, какъ и здѣсь, въ значеніи **братія**—общество, кружокъ.

44. Наталья Савишна.

Изъ повѣсти *гр. Л. Н. Толстого* „Дѣтство и отрочество“.

Съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню, помню я и Наталью Савишну, ея любовь и ласки; но теперь только умѣю цѣнить ихъ, тогда же мнѣ и въ голову не приходило, какое рѣдкое, чудесное созданіе была эта старушка. Она не только никогда не говорила, но и не думала, кажется, о себѣ: вся жизнь ея была любовь и самопожертвованіе. Я такъ привыкъ къ ея безкорыстной, нѣжной любви къ намъ, что и не воображалъ чтобы это могло быть иначе, нисколько не былъ благодаренъ ей, и никогда не задавалъ себѣ вопросовъ: а что, счастлива ли она, довольна ли?

Бывало, подъ предлогомъ необходимой надобности, прибѣжишь отъ урока въ ея комнатку, усядешься и начинаешь мечтать вслухъ, нисколько не стѣсняясь ея присутствіемъ. Всегда она бывала чѣмъ-нибудь занята: или вязала чулокъ, или рылась въ сунду-

кахъ, которыми была наполнена ея комната, или записывала бѣлье и, слушая всякій вздоръ, который я говорилъ, „какъ, когда я буду генераломъ, я женюсь на чудесной красавицѣ, куплю себѣ рыжую лошадь, построю стеклянный домъ и выпишу родныхъ Карла Ивановича изъ Саксоніи“ и т. д.,—она приговаривала: „да, мой батюшка, да“. Обыкновенно, когда я вставалъ и собирался уходить, она отворяла голубой сундукъ, на крышкѣ котораго снутри—какъ теперь помню—были наклеены: крашеное изображеніе какого-то гусара, картинка съ помадной баночки и рисунокъ Володи,—вынимала изъ этого сундука куренье, зажигала его и, помахивая, говаривала:

— Это, батюшка, еще очаковское куренье. Когда вашъ покойникъ дѣдушка,—царство небесное!—подъ турку ходили, такъ оттуда еще привезли. Вотъ ужъ послѣдній кусочекъ остался,— прибавляла она со вздохомъ.

Въ сундукахъ, которыми была наполнена ея комната, было рѣшительно все. Чтобы ни понадобилось, обыкновенно говаривали: „надо спросить у Натальи Савишны“, и, дѣйствительно, порывшись немного, она находила требуемый предметъ и говорила: „вотъ и хорошо, что припрятала“. Въ сундукахъ этихъ были тысячи такихъ предметовъ, о которыхъ никто въ домѣ, кромѣ нея, не зналъ и не заботился.

Одинъ разъ я на нее разсердился. Вотъ какъ это было. За обѣдомъ, наливая себѣ квасу, я уронилъ графинъ и облилъ скатерть.

— Позовите-ка Наталью Савишну, чтобъ она порадовалась на своего любимчика!—сказала maman.

Наталья Савишна вошла и, увидавъ лужу, которую я сдѣлалъ, покачала головой; потомъ maman сказала ей что-то на ухо, и она, погрозившись на меня, вышла.

Послѣ обѣда я, въ самомъ веселомъ расположеніи духа, припрыгивая, отправился въ залу, какъ вдругъ изъ-за двери выскочила Наталья Савишна, со скатертью въ рукѣ, поймала меня и, несмотря на отчаянное сопротивленіе съ моей стороны, начала тереть меня мокрымъ по лицу, приговаривая: „не пачкай скатертей, не пачкай скатертей!“ Меня такъ это обидѣло, что я разревѣлся отъ злости.

„Какъ!—говорилъ я самъ себѣ, прохаживаясь по залѣ и захлебываясь отъ слезъ:—Наталья Савишна, просто Наталья, гово-

ритъ мнѣ ты и еще бьетъ меня по лицу мокрою скатертью какъ двороваго мальчишку. Нѣтъ, это ужасно!“

Когда Наталья Савишна увидала, что я распустилъ слюни, она тотчасъ же убѣжала, а я, продолжая прохаживаться, разсуждалъ о томъ, какъ бы отплатить дерзкой Натальѣ за нанесенное мнѣ оскорбленіе.

Черезъ нѣсколько минутъ Наталья Савишна вернулась, робко подошла ко мнѣ и начала увѣщевать:

— Полноте, мой батюшка, не плачьте... простите меня, дуру... я виновата... ужъ вы меня простите, мой голубчикъ... вотъ вамъ.

Она вынула изъ-подъ платка корнетъ, сдѣланный изъ красной бумаги, въ которомъ были двѣ карамельки и одна винная ягода, и дрожащею рукой подала его мнѣ. У меня недоставало силъ взглянуть въ лицо доброй старушкѣ; я, отвернувшись, принялъ подарокъ, и слезы потекли еще обильнѣе, но уже не отъ злости, а отъ любви и стыда.

Что вы помните о своей нянѣ? Разскажите.

*

45. Къ нянѣ.

Стихотвореніе *А. Пушкина.*

Подруга дней моихъ суровыхъ,
голубка дряхлая моя!
Одна въ глуши лѣсовъ сосновыхъ
давно, давно ты ждешь меня.

Ты подъ окномъ своей свѣтлицы
горюешь, будто на часахъ,
и медлятъ поминутно спицы
въ твоихъ наморщенныхъ рукахъ.

Глядишь въ забытыя вороты,
на черный, отдаленный путь:
тоска, предчувствіе, заботы
тѣснятъ твою всечасно грудь...

Свѣтлица, свѣтелка—горница съ красными окнами (т.-е. со ставнями), чистая свѣтлая комната.

Спица — заостренная палочка. Китайцы ѣдятъ деревянными или костяными спицами; вязальная или чулочная игла; въ колесѣ—палочки, вдолбленныя въ ступицу и въ ободъ. Невелика (послѣдняя) спица въ колесницѣ, про кого говорится? Отсюда сл. **спичка**.

Тѣснить—1) сдѣлать тѣснымъ, загромождать. Деревья густо насажены, только другъ друга тѣснятъ; 2) жать, давить, гнести. Тѣснимъ мы шведовъ рать за ратью (Пушк.).—Въ минуту жизни трудную, тѣснится ль въ сердце грусть: одну молитву чудную твержу я наизусть (Лерм.). Что значитъ: **вытѣснить, стѣснить, притѣснять, оттѣснить, потѣсниться, стѣсняться**?

*

46. Смерть Натальи Савишны.

Изъ повѣсти *гр. Л. Н. Толстого* „Дѣтство и отрочество".

Послѣ нашего отъѣзда, какъ мнѣ потомъ разсказывали люди, оставшіеся въ деревнѣ, она очень скучала отъ бездѣлья. Хотя всѣ сундуки были еще на ея рукахъ, и она не переставала рыться въ нихъ, перекладывать, развѣшивать, раскладывать; но ей недоставало шуму и суетливости барскаго, обитаемаго господами, деревенскаго дома, къ которымъ она съ дѣтства привыкла. Горе, перемѣна образа жизни и отсутствіе хлопотъ скоро развили въ ней старческую болѣзнь, къ которой она имѣла склонность. Ровно черезъ годъ послѣ кончины матушки у нея открылась водяная, и она слегла въ постель.

Тяжело, я думаю, было Натальѣ Савишнѣ жить и еще тяжелѣе умирать одной, въ большомъ пустомъ Петровскомъ домѣ, безъ родныхъ, безъ друзей. Всѣ въ домѣ любили и уважали Наталью Савишну; но она ни съ кѣмъ не имѣла дружбы и гордилась этимъ. Она полагала, что въ ея положеніи—экономки, пользующейся довѣренностью своихъ господъ и имѣющей на рукахъ столько сундуковъ со всякимъ добромъ, дружба съ кѣмъ-нибудь непремѣнно повела бы ее къ лицепріятію и преступной снисходительности; поэтому или, можетъ-быть, потому, что не имѣла ничего общаго съ другими слугами, она удалялась отъ всѣхъ и говорила, что у нея въ домѣ нѣтъ ни кумовьевъ, ни сватовъ, и что за барское добро она никому потачки не дастъ.

Повѣряя Богу въ теплой молитвѣ свои чувства, она искала и находила утѣшеніе; но иногда, въ минуты слабости, которымъ всѣ подвержены, когда лучшее утѣшеніе для человѣка доставляютъ слезы и участіе живого существа, она клала себѣ на постель

свою собачонку моську (которая лизала ея руки, уставивъ на нее свои желтые глаза), говорила съ ней и тихо плакала, лаская ее. Когда моська начинала жалобно выть, она старалась успокоить ее и говорила: „полно, я и безъ тебя знаю, что скоро умру".

За мѣсяцъ до своей смерти она достала изъ своего сундука бѣлаго коленкору, бѣлой кисеи и розовыхъ лентъ; съ помощью своей дѣвушки сшила себѣ бѣлое платье, чепчикъ и до малѣйшихъ подробностей распорядилась всѣмъ, что нужно было для ея похоронъ. Она тоже разобрала барскіе сундуки и съ величайшей отчетливостью, по описи, передала ихъ приказчицѣ; потомъ достала два шелковыхъ платья, старинную шаль, подаренныя ей когда-то бабушкой, дѣдушкинъ военный мундиръ, шитый золотомъ, тоже отданный въ ея полную собственность. Благодаря ея заботливости, шитье и галуны на мундирѣ были совершенно свѣжи и сукно не тронуто молью.

Передъ кончиной она изъявила желаніе, чтобы одно изъ этихъ платьевъ—розовое—было отдано Володѣ на халатъ или бешметъ, другое—пюсовое, въ клѣткахъ—мнѣ, для того же употребленія, а шаль — Любочкѣ. Мундиръ она завѣщала тому изъ насъ, кто прежде будетъ офицеромъ. Все остальное имущество и деньги, исключая сорока рублей, которые она отложила на погребеніе и поминовеніе, она предоставила получить своему брату. Братъ ея, еще давно отпущенный на волю, проживалъ въ какой-то дальней губерніи и велъ жизнь самую распутную; поэтому при жизни своей она не имѣла съ нимъ никакихъ сношеній.

Когда братъ Натальи Савишны явился для полученія наслѣдства, и всего имущества покойной оказалось на двадцать пять рублей ассигнаціями, онъ не хотѣлъ вѣрить этому и говорилъ, что не можетъ быть, чтобы старуха, которая шестьдесятъ лѣтъ жила въ богатомъ домѣ, все на рукахъ имѣла, весь свой вѣкъ жила скупо и надъ всякою тряпкой тряслась,—чтобы она ничего не оставила. Но это дѣйствительно было такъ.

Наталья Савишна два мѣсяца страдала отъ своей болѣзни и переносила страданія съ истинно-христіанскимъ терпѣніемъ: не ворчала, не жаловалась, а только, по своей привычкѣ, безпрестанно поминала Бога. За часъ передъ смертью она съ тихою радостью исповѣдалась, причастилась и соборовалась масломъ.

У всѣхъ домашнихъ она просила прощенія за обиды, которыя могла причинить имъ, и просила духовника своего, отца Ва-

силія, передать всѣмъ намъ, что не знаетъ, какъ благодарить насъ за наши милости, и проситъ насъ простить ее, если по глупости своей огорчила кого-нибудь, „но воровкой никогда не была, и могу сказать, что барскою ниткой не поживилась“. Это было одно качество, которое она цѣнила въ себѣ.

Надѣвъ приготовленный капотъ и чепчикъ и облокотившись на подушки, она до самаго конца не переставала разговаривать со священникомъ, вспомнила, что ничего не оставила бѣднымъ, достала десять рублей и просила его раздать ихъ въ приходѣ; потомъ перекрестилась, легла и въ послѣдній разъ вздохнула, съ радостной улыбкой произнося имя Божіе.

Она оставляла жизнь безъ сожалѣнія, не боялась смерти и приняла ее какъ благо. Часто это говорятъ, но какъ рѣдко дѣйствительно бываетъ! Наталья Савишна могла не бояться смерти, потому что она умирала съ непоколебимою вѣрой и исполнивъ законъ Евангелія. Вся жизнь ея была чистая, безкорыстная любовь и самоотверженіе.

Она совершила лучшее и величайшее дѣло въ этой жизни: умерла безъ сожалѣнія и страха.

Ее похоронили, по ея желанію, недалеко отъ часовни, которая стоитъ на могилѣ матушки. Заросшій крапивой и репейникомъ бугорокъ, подъ которымъ она лежитъ, огороженъ черною рѣшеткою, и я никогда не забываю изъ часовни подойти къ этой рѣшеткѣ и положить земной поклонъ.

Иногда я молча останавливаюсь между часовней и черною рѣшеткой. Въ душѣ моей вдругъ пробуждаются тяжелыя воспоминанія. Мнѣ приходитъ мысль: неужели Провидѣніе для того только соединило меня съ этими двумя существами, чтобы вѣчно заставить сожалѣть о нихъ?...

Безкорыстный—чуждый корысти, заботы о своей пользѣ или выгодѣ. Безкорыстный человѣкъ. А что значитъ безкорыстный трудъ?

Захлебываться, захлебнуться—задыхаться отъ попавшей въ дыхательное горло жидкости. Захлебнулся виномъ и насилу прокашлялся.—Человѣкъ этотъ судорожно рыдалъ и захлебывался.—Говорить захлебываясь (торопясь).

Чуйка—длинный суконный кафтанъ, халатнаго покроя. Говорится еще въ смыслѣ: мѣщанинъ, человѣкъ изъ простонародья.

Приступать къ чему—1) подходить, приближаться. Со страхомъ и вѣрою приступите (ко Св. Дарамъ).—Приступать къ работѣ. 2) неотступно требовать. Что ты приступаешь, какъ съ ножомъ къ горлу! 3) о времени. Пора жатвы приступаетъ. Сравн. съ словомъ **преступать**.

Лицепріятіе—пристрастіе, предпочтеніе одного лица другому не по достоинству, а по личнымъ отношеніямъ.

Потачка—послабленіе, потворство, поблажка. Отъ какого глагола происходитъ это сл.?

Соборовать—совершать надъ кѣмъ таинство елеосвященія.

Причастить, причащать—пріобщать Св. Тайнъ. Для уясненія истиннаго смысла этого слова обратите вниманіе на прил. **причастный** (къ какому-нибудь дѣлу).

*

47. Сонъ и дрема.

Стихотвореніе.

Ходитъ сонъ
близъ оконъ,
бродитъ дрёма
возлѣ дома,
и глядятъ—
всѣ ли спятъ?
Вотъ измученный, въ постели,
весь въ жару, лежитъ больной.
Безъ надежды и безъ цѣли
онъ глядитъ передъ собой...
Но тихохонько, съ любовью
дрёма къ бѣдному идетъ
и садится къ изголовью,
сонъ же за руку ведетъ...
Вѣки нѣжно закрываетъ
и тихонько напѣваетъ:
„Спи, мой бѣдный!
„Сонъ и ночь
„гонятъ прочь
„недугъ блѣдный!
„Спи, усни!
„Отъ волненій,
„отъ мученій
„отдохни!“

Ходитъ сонъ
близъ оконъ,
бродитъ дрёма
возлѣ дома,
и глядятъ—
всѣ ли спятъ?
Истомленная, худая,
надъ шитьемъ не спитъ швея,
силъ остатокъ убивая,
чтобъ сыта была семья...
Но неслышною стопою
входитъ къ труженицѣ сонъ,
надъ усталой головою
сновидѣнья сыплетъ онъ,
вѣки нѣжно закрываетъ
и тихонько напѣваетъ:
„Спи, бѣдняжка,
„сонъ пришелъ...
„Трудъ тяжелъ,
„горе тяжко!..
„Спи жъ, усни,
„отъ работы,
„отъ заботы
„отдохни!“

Ходитъ сонъ
близъ оконъ,
бродитъ дрёма
возлѣ дома,
и глядятъ—
всѣ ли спятъ?

Вотъ не спитъ еще ребенокъ,
хоть давно пора ужъ спать;
онъ во снѣ ума, силенокъ,
роста долженъ набирать.
И его съ улыбкой нѣжной
дрёма за руку беретъ
и къ постелькѣ бѣлоснѣжной
съ поцѣлуями ведетъ;
вѣки нѣжно закрываетъ
и тихонько напѣваетъ:
„Спи, мой милый,
„ужъ пора!
„Для добра
„нужны силы;
„спи жъ, усни
„и въ покоѣ
„силы вдвое
„почерпни!“

Дрема—склонность ко сну, состояніе легкаго забытья, предшествующее сну. Еще Марія сладко дышитъ, дремой объятая („Полт.“).—Завтра приходи со мною проститься, а теперь ступай себѣ, и меня уже дрема клонитъ („Кап. дочка“). Въ народн. пѣсняхъ дрема олицетворяется: Ходитъ сонъ по сѣнюшкамъ, дрема—по новымъ.

Изголовье—часть постели, куда ложатся головой. Противопол. рѣдко употреб. выраж.: изножье. Ср. ниже въ ст. „Отъѣздъ въ Сѣчь“: „Она все сидѣла въ головахъ милыхъ сыновей своихъ“.

Недугъ—нездоровье, болѣзнь, преимущественно продолжительн. или даже прирожденная. А у меня къ тебѣ влеченье, родъ недуга (Гриб.).

Стопа — нижняя часть ноги, ступня, употребл. часто вмѣсто сл. нога. Итти по стопамъ чьимъ — слѣдомъ за кѣмъ-ниб., подражать кому. Припадать къ стопамъ—кланяться въ ноги, униженно просить. Стар.—чаша для питья крѣпкихъ напитковъ. Наливай-ка чару зелена вина, ты не малую стопу да полтора ведра (былина). А что значитъ стопа бумаги?

Почерпать, почерпнуть—употребл. чаще въ переносн. смыслѣ. Почерпать въ чемъ-ниб. силу, вѣру, знанія.—Сужденья черпаютъ изъ забытыхъ газетъ временъ очаковскихъ и покоренья Крыма (Гриб.).

*

48. „Помню!...“

Стихотвореніе *И. Бунина*.

Помню:

Долгій зимній вечеръ, полумракъ и тишина... Тускло льется свѣтъ лампады, буря плачетъ у окна.

Я лежу въ своей кроваткѣ, истомленный и больной. Мать съ безмолвной, тайной грустью наклонилась надо мной.

„Дорогой мой,—шепчетъ тихо,—если хочешь задремать, чтобы добрымъ и веселымъ завтра утромъ быть опять,—позабудь, что ты со мной, вспомни тихій шопотъ лѣса и полдневный лѣтній зной. Вспомни, какъ шумятъ березы, а за лѣсомъ, у межи, ходятъ медленно и плавно золотыя волны ржи“.

И знакомому совѣту я довѣрчиво внималъ и, обвѣянный мечтами, забываться начиналъ. Вмѣстѣ съ тихимъ сномъ слива-

лось убаюкиванье грезъ: шопотъ зрѣющихъ колосьевъ и невнятный шумъ березъ.

Дорогая!

Снова боленъ я и тѣломъ и душой. Зимній вечеръ одинокій вѣетъ темною тоской,—и встаетъ передо мною все печальнѣй и грустнѣй вереница дней ненастныхъ бѣдной юности моей.

Отчего же, какъ бывало, не звучитъ мнѣ голосъ твой? Отчего жъ теперь не могутъ мнѣ мечты принесть покой?!...

*

49. Разлука.

Изъ повѣсти *гр. Л. Н. Толстого* „Дѣтство и отрочество".

Когда всѣ собрались въ гостиной около круглаго стола, чтобы въ послѣдній разъ провести нѣсколько минутъ вмѣстѣ, мнѣ и въ голову не приходило, какая грустная минута предстоитъ намъ. Самыя пустыя мысли бродили въ моей головѣ. Я задавалъ себѣ вопросы: какой ямщикъ поѣдетъ въ бричкѣ и какой въ коляскѣ? кто поѣдетъ съ папа, кто съ Карломъ Ивановичемъ? и для чего непремѣнно хотятъ меня укутать въ шарфъ и ваточную чуйку?

„Что я за нѣженка? авось не замерзну. Хоть бы поскорѣе все это кончилось: сѣсть бы и ѣхать".

— Кому прикажете записку о дѣтскомъ бѣльѣ отдать?—сказала вошедшая, съ заплаканными глазами и съ запиской въ рукѣ, Наталья Савишна, обращаясь къ maman.

— Николаю отдайте, да приходите же послѣ съ дѣтьми проститься.

Старушка хотѣла что-то сказать, но вдругъ остановилась, закрыла лицо платкомъ и, махнувъ рукой, вышла изъ комнаты. У меня немного защемило въ сердцѣ, когда я увидалъ это движеніе; но нетерпѣніе ѣхать было сильнѣе этого чувства, и я продолжалъ совершенно равнодушно слушать разговоръ отца съ матушкой. Они говорили о вещахъ, которыя замѣтно не интересовали ни того, ни другого: что нужно купить для дома? что сказать княжнѣ Sophie и madame Julie? и хороша ли будетъ дорога?

Вошелъ Фока и точно тѣмъ же голосомъ, которымъ онъ докладывалъ: „кушать готово", остановившись у притолки, сказалъ: „лошади готовы". Я замѣтилъ, что maman вздрогнула и поблѣд-

нѣла при этомъ извѣстіи, какъ будто оно было для нея не ожиданно.

Фокѣ приказано было затворить всѣ двери въ комнатѣ. Меня это очень забавляло: „какъ будто всѣ спрятались отъ кого-нибудь“.

Когда всѣ сѣли, Фока тоже присѣлъ на кончикѣ стула, но только-что онъ это сдѣлалъ, дверь скрипнула, и всѣ оглянулись. Въ комнату торопливо вошла Наталья Савишна и, не поднимая глазъ, пріютилась около двери на одномъ стулѣ съ Фокой. Какъ теперь вижу я плѣшивую голову, морщинистое, неподвижное лицо Фоки и сгорбленную, добрую фигурку въ чепцѣ, изъ-подъ котораго виднѣются сѣдые волосы. Они жмутся на одномъ стулѣ, и имъ обоимъ неловко.

Я продолжалъ быть беззаботенъ и нетерпѣливъ. Десять секундъ, которыя просидѣли съ закрытыми дверьми, показались мнѣ за цѣлый часъ. Наконецъ, всѣ встали, перекрестились и стали прощаться. Папа обнялъ maman и нѣсколько разъ поцѣловалъ ее.

— Полно, мой дружокъ!—сказалъ папа:—вѣдь не на вѣкъ разстаемся.

— Все-таки грустно!—сказала maman дрожащимъ отъ слезъ голосомъ.

Когда я услыхалъ этотъ голосъ, увидалъ ея дрожащія губы и глаза, полные слезъ, я забылъ про все, и мнѣ такъ стало грустно, больно и страшно, что хотѣлось бы лучше убѣжать, чѣмъ прощаться съ нею. Я понялъ въ эту минуту, что, обнимая отца, она уже прощалась съ нами.

Она столько разъ принималась цѣловать и крестить Володю, что, полагая, что она теперь обратится ко мнѣ, я совался впередъ, но она еще и еще благословляла его и прижимала къ груди. Наконецъ, я обнялъ ее и, прильнувъ къ ней, плакалъ, плакалъ, ни о чемъ не думая, кромѣ своего горя.

Когда мы пошли садиться, въ передней приступила прощаться докучная дворня. Ихъ „пожалуйте ручку-съ“, звучные поцѣлуи въ плечико и запахъ сала отъ ихъ головъ возбудили во мнѣ чувство, самое близкое къ огорченію у людей раздражительныхъ. Подъ вліяніемъ этого чувства я чрезвычайно холодно поцѣловалъ въ чепецъ Наталью Савишну, когда она вся въ слезахъ прощалась со мною.

Странно то, что я какъ теперь вижу всѣ лица дворовыхъ и могъ бы нарисовать ихъ со всѣми мельчайшими подробностями; но лицо и положеніе maman рѣшительно ускользаетъ изъ моего воображенія,—можетъ-быть оттого, что во все это время я ни разу не могъ собраться съ духомъ взглянуть на нее. Мнѣ казалось, что, если бъ я это сдѣлалъ, ея и моя горесть должны бы были дойти до невозможныхъ предѣловъ.

Я бросился прежде всѣхъ въ коляску и усѣлся на заднемъ мѣстѣ. За поднятымъ верхомъ я ничего не могъ видѣть, но какой-то инстинктъ говорилъ мнѣ, что maman еще здѣсь.

„Посмотрѣть ли на нее еще, или нѣтъ?.. Ну, въ послѣдній разъ!“—сказалъ я самъ себѣ и высунулся изъ коляски къ крыльцу. Въ это время maman, съ тою же мыслью, подошла съ противоположной стороны коляски и позвала меня по имени. Услыхавъ ея голосъ сзади себя, я повернулся къ ней, но такъ быстро, что мы столкнулись головами; она грустно улыбнулась и крѣпко, крѣпко поцѣловала меня въ послѣдній разъ.

Когда мы отъѣхали нѣсколько саженъ, я рѣшился взглянуть на нее. Вѣтеръ поднималъ голубенькую косыночку, которою была повязана ея голова; опустивъ голову и закрывъ лицо руками, она медленно всходила на крыльцо. Фока поддерживалъ ее.

Папа сидѣлъ со мной рядомъ и ничего не говорилъ; я же захлебывался отъ слезъ, и что-то такъ давило мнѣ въ горлѣ, что я боялся задохнуться... Выѣхавъ на большую дорогу, мы увидали бѣлый платокъ, которымъ кто-то махалъ съ балкона. Я сталъ махать своимъ, и это движеніе немного успокоило меня. Я продолжалъ плакать, и мысль, что слезы мои доказываютъ мою чувствительность, доставляла мнѣ удовольствіе и отраду.

Отъѣхавъ съ версту, я усѣлся покойнѣе и съ упорнымъ вниманіемъ сталъ смотрѣть на ближайшій предметъ передъ глазами—заднюю часть пристяжной, которая бѣжала съ моей стороны... Смотрѣлъ я, какъ махала хвостомъ эта пѣгая пристяжная, какъ забивала она одну ногу о другую, какъ доставалъ по ней плетеный кнутъ ямщика и ноги начинали прыгать вмѣстѣ; смотрѣлъ, какъ прыгала на ней шлея и на шлеѣ кольца, и смотрѣлъ до тѣхъ поръ, покуда эта шлея покрылась около хвоста мыломъ. Я сталъ смотрѣть кругомъ: на волнующіяся поля спѣлой ржи, на темный паръ, на которомъ кое-гдѣ виднѣлись соха, мужикъ, лошадь съ жеребенкомъ, на верстовые столбы, заглянулъ даже на

козлы, чтобъ узнать, какой ямщикъ съ нами ѣдетъ; и еще лицо мое не просохло отъ слезъ, какъ мысли мои были далеко отъ матери, съ которой я разстался можетъ-быть навсегда. Но всякое воспоминаніе наводило меня на мысль о ней. Я вспомнилъ о грибѣ, который нашелъ наканунѣ въ березовой аллеѣ, вспомнилъ о томъ, какъ Любочка съ Катенькой поспорили—кому сорвать его, вспомнилъ и о томъ, какъ онѣ плакали, прощаясь съ нами.

Жалко ихъ, и Наталью Савишну жалко, и березовую аллею, и Фоку жалко! Даже злую Мими—и ту жалко. Все, все жалко. А бѣдная maman?.. И слезы опять навертывались на глаза, но не надолго.

Не случалось ли вамъ переживать разлуку съ кѣмъ-нибудь изъ близкихъ? Опишите такой случай.

*

50. Отъѣздъ въ Сѣчь.

Изъ повѣсти *Н. В. Гоголя* „Тарасъ Бульба".

„Ну, дѣти, теперь надобно спать, а завтра будемъ дѣлать то, что Богъ дастъ. Да не стели намъ постель! намъ не нужна постель; мы будемъ спать на дворѣ".

Ночь еще только-что обняла небо; но Бульба всегда ложился рано. Онъ развалился на коврѣ, накрылся баранымъ тулупомъ, потому что ночной воздухъ былъ довольно свѣжъ и потому что Бульба любилъ укрыться потеплѣе, когда былъ дома. Онъ вскорѣ захрапѣлъ, и за нимъ послѣдовалъ весь дворъ; все, что ни лежало въ разныхъ его углахъ, захрапѣло и запѣло. Прежде всего заснулъ сторожъ, потому что болѣе всѣхъ напился для пріѣзда паничей.

Одна бѣдная мать не спала. Она приникла къ изголовью дорогихъ сыновей своихъ, лежавшихъ рядомъ; она расчесывала гребнемъ ихъ молодые, небрежно всклокоченные кудри и смачивала ихъ слезами. Она глядѣла на нихъ вся, глядѣла всѣми чувствами, вся превратилась въ одно зрѣніе и не могла наглядѣться. Она вскормила ихъ собственною грудью; она возрастила, взлелѣяла ихъ—и только на одинъ мигъ видитъ ихъ передъ собой.—„Сыны мои, сыны мои милые! что будетъ съ вами? что ждетъ васъ?" говорила она, и слезы остановились въ морщинахъ, измѣнившихъ прекрасное когда-то лицо ея. Въ самомъ дѣлѣ, она была жалка, какъ

всякая женщина того удалого вѣка. Она мигъ только жила любовью, только въ первую горячку юности. Она видѣла мужа въ годъ два, три дня, и потомъ нѣсколько лѣтъ о немъ не бывало слуху. Да и когда видѣлась съ нимъ, когда они жили вмѣстѣ, что за жизнь ея была? Она терпѣла оскорбленія, даже побои; она видѣла ласки, оказываемыя только изъ милости; она была какое-то странное существо въ этомъ сборищѣ безженныхъ рыцарей, на которыхъ разгульное Запорожье набрасывало суровый колоритъ свой. Молодость безъ наслажденія мелькнула передъ нею, и ея прекрасныя свѣжія щеки отцвѣли и покрылись преждевременными морщинами. Вся любовь, всѣ чувства, все, что есть нѣжнаго и страстнаго въ женщинѣ,—все обратилось у нея въ одно материнское чувство. Она съ жаромъ, со страстью, со слезами, какъ степная чайка, вилась надъ дѣтьми своими. Ея сыновей, ея милыхъ сыновей берутъ отъ нея,—берутъ для того, чтобы не увидѣть ихъ никогда! Кто знаетъ, можетъ-быть при первой битвѣ татаринъ срубитъ имъ головы, и она не будетъ знать, гдѣ лежатъ брошенныя тѣла ихъ, которыя расклюетъ хищная подорожная птица; а за каждую каплю крови ихъ она отдала бы себя всю. Рыдая, глядѣла она имъ въ очи, когда всемогущій сонъ начиналъ уже смыкать ихъ, и думала: „Авось-либо Бульба, проснувшись, отсрочитъ денька на два отъѣздъ; можетъ-быть онъ задумалъ оттого такъ скоро ѣхать, что много выпилъ“.

Мѣсяцъ съ вышины неба давно уже озарялъ весь дворъ, наполненный спящими, густую кучу вербъ и высокій бурьянъ, въ которомъ потонулъ частоколъ, окружавшій дворъ. Она все сидѣла въ головахъ милыхъ сыновей своихъ, ни на минуту не сводила съ нихъ глазъ и не думала о снѣ. Уже кони, чуя разсвѣтъ, всѣ полегли на траву и перестали ѣсть; верхніе листья вербъ начали лепетать, и мало-по-малу лепечущая струя спустилась по нимъ до самаго низу. Она просидѣла до свѣта, вовсе не была утомлена и внутренно желала, чтобы ночь протянулась, какъ можно дольше. Со степи понеслось звонкое ржаніе жеребенка; красныя полосы ясно сверкнули на небѣ.

Бульба вдругъ проснулся и вскочилъ. Онъ очень хорошо помнилъ все, что приказывалъ вчера. „Ну, хлопцы, полно спать! Пора, пора! Напойте коней! А гдѣ стара̀? (такъ онъ обыкновенно называлъ жену свою). Живѣе, стара̀, готовь намъ ѣсть: путь лежитъ великій!“

Бѣдная старушка, лишенная послѣдней надежды, уныло поплелась въ хату. Между тѣмъ, какъ она со слезами готовила все, что нужно, къ завтраку, Бульба раздавалъ свои приказанія, возился на конюшнѣ и самъ выбиралъ для дѣтей своихъ лучшіе убранства.

Бурсаки вдругъ преобразились: на нихъ явились, вмѣсто прежнихъ запачканныхъ сапоговъ, сафьянные красные, съ серебряными подковами; шаровары, шириною въ Черное море, съ тысячью складокъ и со сборами, перетянулись золотымъ очкуромъ; къ очкуру прицѣплены были длинные ремешки, съ кистями и прочими побрякушками для трубки. Казакинъ алаго цвѣта, сукна яркаго, какъ огонь, опоясался узорчатымъ поясомъ; чеканные турецкіе пистолеты были засунуты за поясъ; сабля брякала по ногамъ. Ихъ лица, еще мало загорѣвшія, казалось, похорошѣли и побѣлѣли; молодые, черные усы теперь какъ-то ярче оттѣняли бѣлизну ихъ и здоровый, мощный цвѣтъ юности; они были хороши подъ черными бараньими шапками, съ золотымъ верхомъ. Бѣдная мать! Она какъ увидѣла ихъ, она и слова не могла промолвить, и слезы остановились въ глазахъ ея.

„Ну, сыны, все готово! нечего мѣшкать!“ произнесъ, наконецъ, Бульба. „Теперь, по обычаю христіанскому, нужно передъ дорогою всѣмъ присѣсть“.

Всѣ сѣли, не выключая даже и хлопцевъ, стоявшихъ почтительно у дверей.

„Теперь благослови, мать, дѣтей своихъ!“ сказалъ Бульба: „моли Бога, чтобы они воевали храбро, защищали бы всегда честь лыцарскую, чтобы стояли всегда за вѣру Христову; а не то— пусть лучше пропадутъ, чтобы и духу ихъ не было на свѣтѣ! Подойдите, дѣти, къ матери: молитва материнская и на водѣ и на землѣ спасаетъ!“

Мать, слабая какъ мать, обняла ихъ, вынула двѣ небольшія иконы, надѣла имъ, рыдая, на шею. „Пусть хранитъ васъ... Божья Матерь... Не забывайте, сынки, мать вашу... пришлите хоть вѣсточку о себѣ...“ Далѣе она не могла говорить.

„Ну, пойдемъ, дѣти!“ сказалъ Бульба.

У крыльца стояли осѣдланные кони. Бульба вскочилъ на своего Чорта, который бѣшено отшатнулся, почувствовавъ на себѣ двадцатипудовое бремя, потому что Тарасъ былъ чрезвычайно тяжелъ и толстъ.

Когда увидѣла мать, что уже и сыны ея сѣли на коней, она кинулась къ меньшому, у котораго въ чертахъ лица выражалось болѣе какой-то нѣжности; она схватила его за стремя, она прильнула къ сѣдлу его и, съ отчаяніемъ въ глазахъ, не выпускала его изъ рукъ своихъ. Два дюжихъ казака взяли ее бережно и унесли въ хату. Но когда выѣхали они за ворота, со всею легкостью дикой козы, несообразной ея лѣтамъ, выбѣжала она за ворота, съ непостижимою силою остановила лошадь и обняла одного изъ сыновей съ какою-то помѣшанною, безчувственною горячностью. Ее опять увели.

Молодые казаки ѣхали смутно и удерживали слезы, боясь отца, который, съ своей стороны, былъ тоже нѣсколько смущенъ, хотя старался этого не показывать. День былъ сѣрый, зелень сверкала ярко; птицы щебетали какъ-то въ разладъ. Они, проѣхавши, оглянулись назадъ: хуторъ ихъ какъ будто ушелъ въ землю, только видны были надъ землей двѣ трубы скромнаго ихъ домика да вершины деревъ, по сучьямъ которыхъ они лазали, какъ бѣлки; еще стлался передъ ними тотъ лугъ, по которому они могли припомнить всю исторію своей жизни. Вотъ уже одинъ только шестъ надъ колодцемъ, съ привязаннымъ кверху колесомъ отъ телѣги, одиноко торчитъ въ небѣ; уже равнина, которую они проѣхали, кажется издали горою и все собою закрыла.—Прощайте и дѣтство, и игры, и все, и все!

Горячка—общее воспаленіе крови въ человѣкѣ, жаръ, пылъ, увлеченіе. Этакій горячка!

Колоритъ—способъ сочетанія красокъ въ живописи, оттѣнокъ, иногда характеръ.

Бурьянъ—травянистое сорное растеніе.

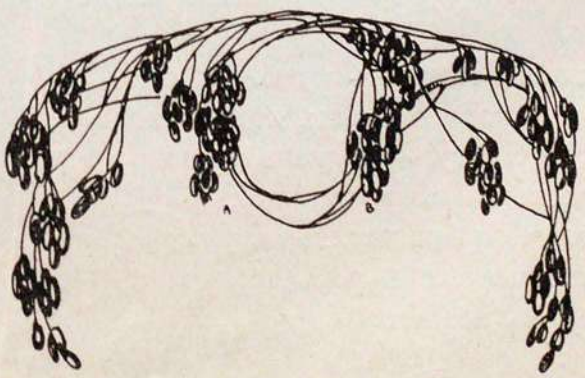
Бурсакъ—воспитанникъ бурсы; такъ назыв. духовныя училища, семинаріи.

Сборы—здѣсь значатъ складки въ одеждѣ.

Очкуръ—поясъ на брюкахъ, шароварная опояска, съ застежкой.

Казакинъ—полукафтанъ съ прямымъ воротникомъ, безъ пуговицъ, на крючкахъ.

Несообразный—не соотвѣтствующій, не идущій къ чему.



Съ картины *В. Верещагина.* **Забытый.**

51. * * *

Стихотвореніе *гр. А. Голенищева-Кутузова.*

Онъ смерть нашелъ въ краю чужомъ,
въ краю чужомъ, въ бою съ врагомъ;
но врагъ друзьями побѣжденъ;
друзья ликуютъ, только онъ
на полѣ битвы позабытъ,
одинъ лежитъ.

И между тѣмъ, какъ жадный вранъ
пьетъ кровь его изъ свѣжихъ ранъ
и точитъ незакрытый глазъ,
грозившій смертью въ смерти часъ,
и насладившись, пьянъ и сытъ,
долой летитъ,—

далёко тамъ, въ краю родномъ,
мать кормитъ сына подъ окномъ:
„Агу... агу!—не плачь, сынокъ;
вернется тятя, пирожокъ
тогда, на радостяхъ, дружку
я испеку...“ А тотъ забытъ,
одинъ лежитъ.

Ликовать—торжествовать, шумно радоваться, веселиться. *Какъ ни ликовать, а бѣды не миновать.*

Точить—1) острить лезвее на брускѣ, камнѣ, оселкѣ, точилѣ и т. д. Я топоръ велю наточить-навострить (Лерм.). 2) обдѣлывать вещь на токарномъ станкѣ. 3) исподволь переѣдать, грызть, просверливать. Моль одежду точитъ.—Червь точитъ яблоко. 4) лить, проливать. Точить слезы.—По каплѣ кровь точилася моя (Лерм.). Въ переносн. значеніи: 1) бранить, журить. Онъ день и ночь меня точитъ. 2) точить лясы — говорить, болтать вздоръ, пустяки; въ этомъ же смыслѣ употр. точить балы.

Съ картины *И. Пелевина.*

52. На могилѣ сына.

Отрывокъ изъ романа *И. Тургенева* „Отцы и дѣти“.

Есть небольшое сельское кладбище, въ одномъ изъ отдаленныхъ уголковъ Россіи. Какъ почти всѣ наши кладбища, оно являетъ видъ печальный: окружавшія его канавы давно заросли; сѣрые деревянные кресты поникли и гніютъ подъ своими когда-то кра-

На могилѣ сына. Съ картины *В. Г. Перова.*

шеными крышами; каменныя плиты всѣ сдвинуты, словно кто ихъ подталкиваетъ снизу; два-три ощипанныхъ деревца едва даютъ скудную тѣнь; овцы безвозбранно ходятъ по могиламъ... Но между ними есть одна, до которой не касается человѣкъ, которую не топчетъ животное: однѣ птицы садятся на нее и поютъ на зарѣ. Желѣзная ограда ее окружаетъ; двѣ молодыя елки посажены по обоимъ ея концамъ: Евгеній Базаровъ похороненъ въ этой могилѣ. Къ ней, изъ недалекой деревушки, часто приходятъ два уже дряхлыхъ старичка—мужъ съ женою. Поддерживая другъ друга, идутъ они отяжелѣвшею походкой; приблизятся къ оградѣ, припадутъ и станутъ на колѣни, и долго и горько плачутъ, и долго и внимательно смотрятъ на нѣмой камень, подъ которымъ лежитъ ихъ сынъ; помѣняются короткимъ словомъ, пыль смахнутъ съ камня да вѣтку елки поправятъ, и снова молятся, и не могутъ покинуть это мѣсто, откуда имъ какъ будто ближе до ихъ сына, до воспоминаній о немъ... Неужели ихъ молитвы, ихъ слезы безплодны? Неужели любовь, святая, преданная любовь не всесильна?

Являть, явить—дѣлать виднымъ, обнаруживать, показывать. Яви намъ, Господи, милость Твою!—Явите Божескую милость.—Тутъ соловей являть свое искусство сталъ (Крыл.).—Ступай, мой князь, во храмъ, яви себя въ народѣ (Сумароковъ).

Безвозбранный—невозбраняемый, безпрепятственный, дозволенный.

*

53. Внимая ужасамъ войны...

Стихотвореніе *Н. Некрасова.*

Внимая ужасамъ войны,
при каждой новой жертвѣ боя
мнѣ жаль не друга, не жены,
мнѣ жаль не самого героя...
Увы! утѣшится жена,
и друга лучшій другъ забудетъ;
но гдѣ-то есть душа одна—
она до гроба помнить будетъ.
Средь лицемѣрныхъ нашихъ дѣлъ
и всякой пошлости, и прозы,
однѣ я въ мірѣ подсмотрѣлъ
святыя, искреннія слезы—
то слезы бѣдныхъ матерей!
Имъ не забыть своихъ дѣтей,
погибшихъ на кровавой нивѣ,
какъ не поднять плакучей ивѣ
своихъ поникнувшихъ вѣтвей...

Лицемѣрный—притворный, гдѣ зло скрывается подъ личиною добра, порокъ подъ видомъ добродѣтели. На рыцаря Делоржа съ лицемѣрной и колкою улыбкою глядитъ его красавица (Жук.).

Пошлость—свойство пошлаго человѣка. **Пошлый**—избитый, надоѣвшій своей обыденностью, грубый, простой, низкопробный. Пошлыя шутки, пошлые романы.

Проза—буквально: обыкновенная, неразмѣренная рѣчь, въ противоположность стихамъ; въ переносн. знач.: обыденщина, будничность съ ея мелкими, часто низменными интересами. Проза жизни, житейская проза.

Неутѣшное горе.

Съ картины *И. Крамского.*

II Отдѣлъ.

Сиверко.

Съ картины *И. Остоухова*

54. Мѣдный всадникъ.

Петербургская повѣсть *А. Пушкина.*

ВСТУПЛЕНІЕ.

На берегу пустынныхъ волнъ
стоялъ онъ, думъ великихъ полнъ,
и вдаль глядѣлъ. Предъ нимъ широко
рѣка неслася; бѣдный чолнъ
по ней стремился одиноко.
По мшистымъ топкимъ берегамъ
чернѣли избы здѣсь и тамъ,
пріютъ убогаго чухонца;
и лѣсъ, невѣдомый лучамъ
въ туманѣ спрятаннаго солнца,
кругомъ шумѣлъ.
И думалъ онъ:
„отсель грозить мы будемъ шведу;
здѣсь будетъ городъ заложенъ,
на зло надменному сосѣду;
природой здѣсь намъ суждено

въ Европу прорубить окно,
ногою твердой стать при морѣ;
сюда, по новымъ имъ волнамъ,
всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ,—
и запируемъ на просторѣ".

Прошло сто лѣтъ,—и юный градъ,
полнощныхъ странъ краса и диво,
изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ
вознесся пышно, горделиво:
гдѣ прежде финскій рыболовъ,
печальный пасынокъ природы,
одинъ у низкихъ береговъ
бросалъ въ невѣдомыя воды
свой ветхій неводъ, нынѣ тамъ
по оживленнымъ берегамъ
громады стройныя тѣснятся
дворцовъ и башенъ; корабли
толпой со всѣхъ концовъ земли
къ богатымъ пристанямъ стремятся;
въ гранитъ одѣлася Нева;
мосты повисли надъ водами;
темнозелеными садами
ея покрылись острова,—
и передъ младшею столицей
главой склонилася Москва,
какъ передъ новою царицей
порфироносная вдова.

Люблю тебя, Петра творенье,
люблю твой строгій, стройный видъ,
Невы державное теченье,
береговой ея гранитъ,
твоихъ оградъ узоръ чугунный,
твоихъ задумчивыхъ ночей
прозрачный сумракъ, блескъ безлунный
когда я въ комнатѣ моей
пишу, читаю безъ лампады,
и ясны спящія громады
пустынныхъ улицъ, и свѣтла
адмиралтейская игла,

и, не пуская тьму ночную
на золотыя небеса,
одна заря смѣнить другую
спѣшитъ, давъ ночи полчаса;
люблю зимы твоей жестокой
недвижный воздухъ и морозъ,
бѣгъ санокъ вдоль Невы широкой,
дѣвичьи лица ярче розъ,
и блескъ, и шумъ, и говоръ баловъ,
а въ часъ пирушки холостой—
шипѣнье пѣнистыхъ бокаловъ
и пунша пламень голубой;
люблю воинственную живость
потѣшныхъ Марсовыхъ полей,
пѣхотныхъ ратей и коней
однообразную красивость;
въ ихъ стройно-зыблемомъ строю
лоскутья сихъ знаменъ побѣдныхъ,
сіянье шапокъ этихъ мѣдныхъ,
насквозь прострѣленныхъ въ бою;
люблю, военная столица,
твоей твердыни дымъ и громъ,
когда полнощная царица
даруетъ сына въ царскій домъ,
или побѣду надъ врагомъ
Россія снова торжествуетъ,
или, взломавъ свой синій ледъ,
Нева къ морямъ его несетъ
и, чуя вешни дни, ликуетъ.

Красуйся, градъ Петровъ, и стой
неколебимо, какъ Россія!
Да умирится же съ тобой
и побѣжденная стихія:
вражду и плѣнъ старинный свой
пусть волны финскія забудутъ
и тщетной злобою не будутъ
тревожить вѣчный сонъ Петра!

Была ужасная пора:
объ ней свѣжо воспоминанье...

Объ ней, друзья мои, для васъ
начну свое повѣствованье.
Печаленъ будетъ мой разсказъ...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Надъ омраченнымъ Петроградомъ
дышалъ ноябрь осеннимъ хладомъ;
плеская шумною волной
въ края своей ограды стройной,
Нева металась, какъ больной
въ своей постели безпокойной.
Ужъ было поздно и темно;
сердито бился дождь въ окно,
и вѣтеръ дулъ, печально воя.
Въ то время изъ гостей домой
пришелъ Евгеній молодой...
Мы будемъ нашего героя
звать этимъ именемъ. Оно
звучитъ пріятно; съ нимъ давно

мое перо ужъ какъ-то дружно;
прозванья намъ его не нужно,—
хотя въ минувши времена

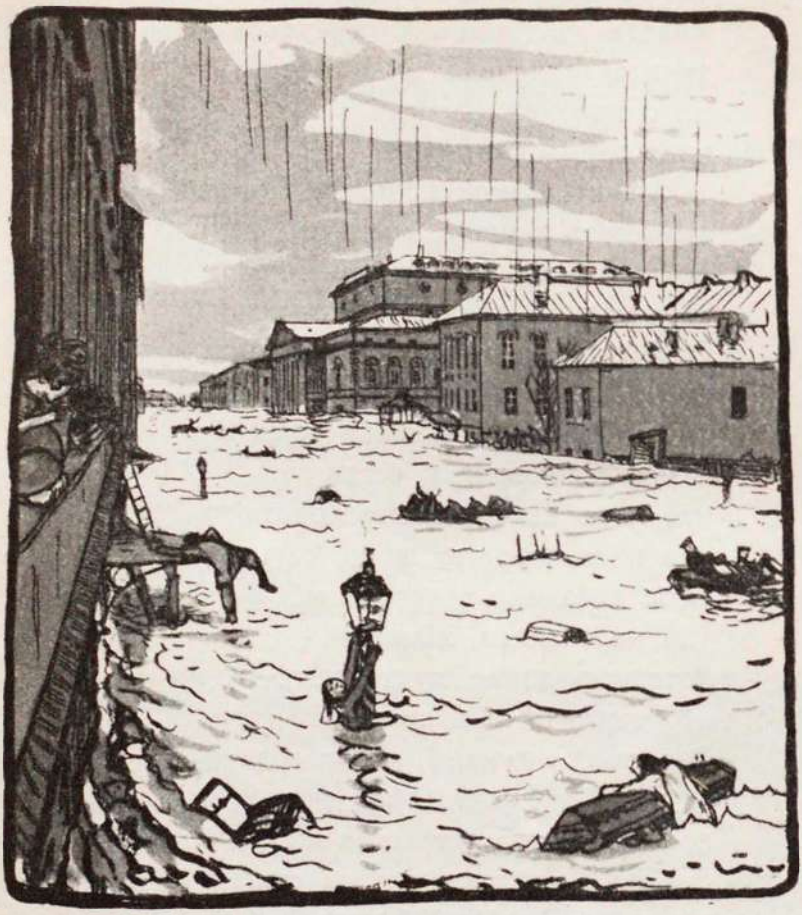
оно, быть-можетъ, и блистало,
и подъ перомъ Карамзина
въ родныхъ преданьяхъ прозвучало,
но нынѣ свѣтомъ и молвой
оно забыто. Нашъ герой
живетъ въ Коломнѣ, гдѣ-то служитъ,
дичится знатныхъ и не тужитъ
ни о покойницѣ роднѣ
ни о забытой старинѣ.

Итакъ, домой пришедъ, Евгеній
стряхнулъ шинель, раздѣлся, легъ—
но долго онъ заснуть не могъ
въ волненьи разныхъ размышленій.
О чемъ же думалъ онъ? О томъ,
что былъ онъ бѣденъ; что трудомъ
онъ долженъ былъ себѣ доставить
и независимость и честь;
что могъ бы Богъ ему прибавить
ума и денегъ; что, вѣдь, есть
такіе праздные счастливцы,
ума недальняго, лѣнивцы,
которымъ жизнь куда легка!
что служитъ онъ всего два года...
Онъ также думалъ, что погода
не унималась; что рѣка
все прибывала; что едва ли
съ Невы мостовъ уже не сняли,
и что съ Парашей будетъ онъ
дня на два, на три разлученъ.

Такъ онъ мечталъ. И грустно было
ему въ ту ночь, и онъ желалъ,
чтобъ вѣтеръ вылъ не такъ уныло
и чтобы дождь въ окно стучалъ
не такъ сердито...

Сонны очи
онъ, наконецъ, закрылъ. И вотъ
рѣдѣетъ мгла ненастной ночи,
и блѣдный день ужъ настаетъ...
Ужасный день!

Нева всю ночь
рвалася къ морю противъ бури,
не одолѣвъ ихъ буйной дури...
и спорить стало ей не въ мочь...



Поутру надъ ея брегами
тѣснился кучами народъ,
любуясь брызгами, горами
и пѣной разъяренныхъ водъ.
Но силой вѣтра отъ залива
перегражденная Нева
обратно шла гнѣвна, бурлива,
и затопляла острова;
погода пуще свирѣпѣла;
Нева вздувалась и ревѣла,
котломъ клокоча и клубясь—

и вдругъ, какъ звѣрь остервенясь,
на городъ кинулась. Предъ нею
все побѣжало, все вокругъ
вдругъ опустѣло... Воды вдругъ
втекли въ подземные подвалы;
къ рѣшеткамъ хлынули каналы—
и всплылъ Петрополь, какъ Тритонъ,
по поясъ въ воду погруженъ.
Осада! приступъ! Злыя волны,
какъ воры, лѣзутъ въ окна; челны
съ разбѣга стекла бьютъ кормой;
садки подъ мокрой пеленой,
обломки хижинъ, бревна, кровли,
товаръ запасливой торговли,
пожитки блѣдной нищеты,
грозой снесенные мосты,
гроба съ размытаго кладбища
плывутъ по улицамъ!
Народъ
зритъ Божій гнѣвъ и казни ждетъ.
Увы! все гибнетъ: кровъ и пища;
гдѣ будетъ взять?
Въ тотъ грозный годъ
покойный царь еще Россіей
со славой правилъ. На балконъ
печаленъ, смутенъ вышелъ онъ.
И молвилъ: „съ Божіей стихіей
царямъ не совладать“. Онъ сѣлъ
и въ думѣ скорбными очами
на злое бѣдствіе глядѣлъ.
Стояли стогны озерами,
и въ нихъ широкими рѣками
вливались улицы. Дворецъ
казался островомъ печальнымъ...
Царь молвилъ,—изъ конца въ конецъ,
по ближнимъ улицамъ и дальнимъ,
въ опасный путь средь бурныхъ водъ
его пустились генералы
спасать и страхомъ обуялый

и дома тонущій народъ.
Тогда на площади Петровой —
гдѣ домъ въ углу вознесся новый,
гдѣ надъ возвышеннымъ крыльцомъ
съ подъятой лапой, какъ живые,
стоятъ два льва сторожевые—
на звѣрѣ мраморномъ верхомъ,
безъ шляпы, руки сжавъ крестомъ,
сидѣлъ недвижный, страшно блѣдный
Евгеній. Онъ страшился, бѣдный,
не за себя. Онъ не слыхалъ,
какъ подымался жадный валъ,
ему подошвы подмывая,
какъ дождь ему въ лицо хлесталъ,
какъ вѣтеръ, буйно завывая,
съ него и шляпу вдругъ сорвалъ.
Его отчаянные взоры
на край одинъ наведены
недвижно были. Словно горы,
изъ возмущенной глубины
вставали волны тамъ и злились,
тамъ буря выла, тамъ носились
обломки... Боже, Боже! тамъ —
увы! близехонько къ волнамъ,
почти у самаго залива —
заборъ некрашеный, да ива
и ветхій домикъ: тамъ онѣ,—
вдова и дочь, его Параша,
его мечта... Или во снѣ
онъ это видитъ? Иль вся наша
и жизнь ничто, какъ сонъ пустой,
насмѣшка рока надъ землей?
И онъ, какъ будто околдованъ,
какъ будто къ мрамору прикованъ,
сойти не можетъ. Вкругъ него
вода — и больше ничего.
И обращенъ къ нему спиною
въ неколебимой вышинѣ
надъ возмущенною Невою

сидитъ съ простертою рукою
гигантъ на бронзовомъ конѣ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Но вотъ, насытясь разрушеньемъ
и наглымъ буйствомъ утомясь,
Нева обратно повлеклась,
своимъ любуясь возмущеньемъ
и покидая съ небреженьемъ
свою добычу. Такъ злодѣй,
съ свирѣпой шайкою своей
въ село ворвавшись, ловитъ, рѣжетъ,

крушитъ и грабитъ; вопли, скрежетъ,
насилье, брань, тревога, вой!..
И, грабежомъ отягощенны,
боясь погони, утомленны,
спѣшатъ разбойники домой,
добычу на пути роняя.

Вода сбыла, и мостовая
открылась. И Евгеній мой
спѣшитъ, душою замирая,
въ надеждѣ, страхѣ и тоскѣ
къ едва смирившейся рѣкѣ.
Но, торжествомъ побѣды полны,
еще кипѣли злобно волны,
какъ бы подъ ними тлѣлъ огонь;
еще ихъ пѣна покрывала,

и тяжело Нева дышала,
какъ съ битвы прибѣжавшій конь.
Евгеній смотритъ, видитъ лодку;
онъ къ ней бѣжитъ какъ на находку;
онъ перевозчика зоветъ,—
и перевозчикъ беззаботный
его за гривенникъ охотно
чрезъ волны страшныя везетъ.
И долго съ бурными волнами
боролся опытный гребецъ,
и скрыться въ глубь межъ ихъ рядами

всечасно съ дерзкими пловцами
готовъ былъ челнъ,—и наконецъ
достигъ онъ берега.
Несчастный
знакомой улицей бѣжитъ
въ мѣста знакомыя. Глядитъ...
Узнать не можетъ: видъ ужасный!
Все передъ нимъ завалено;
что брошено, что снесено;
скривились домики; другіе
совсѣмъ обрушились; иные
волнами сдвинуты; кругомъ,
какъ будто въ полѣ боевомъ,
тѣла валяются. Евгеній
стремглавъ, не помня ничего,
изнемогая отъ мученій,
бѣжитъ туда, гдѣ ждетъ его
судьба съ невѣдомымъ извѣстьемъ,
какъ съ запечатаннымъ письмомъ.
И вотъ, бѣжитъ онъ ужъ предмѣстьемъ,
и вотъ заливъ, и близокъ домъ...
Что жъ это?
Онъ остановился;
пошелъ назадъ—и воротился.

Глядитъ... идетъ... еще глядитъ:
вотъ мѣсто, гдѣ ихъ домъ стоитъ;
вотъ ива. Были здѣсь ворота;
снесло ихъ, видно. Гдѣ же домъ?
И, полонъ сумрачной заботы,
все ходитъ, ходитъ онъ кругомъ,
толкуетъ громко самъ съ собою—
и вдругъ, ударя въ лобъ рукою,
захохоталъ...

Ночная мгла
на городъ трепетный сошла;
но долго жители не спали
и межъ собою толковали
о днѣ минувшемъ.

Утра лучъ
изъ-за усталыхъ, блѣдныхъ тучъ
блеснулъ надъ тихою столицей—
и не нашелъ уже слѣдовъ
бѣды вчерашней. Багряницей
уже покрыто было зло,—
въ порядокъ прежній все вошло.
Уже по улицамъ свободнымъ,
съ своимъ безчувствіемъ холоднымъ,
ходилъ народъ. Чиновный людъ,
покинувъ свой ночной пріютъ,
на службу шелъ. Торгашъ отважный,
не унывая, открывалъ
Невой ограбленный подвалъ,
сбираясь свой убытокъ важный
на ближнемъ выместить. Съ дворовъ
свозили лодки...

Но бѣдный, бѣдный мой Евгеній...
Увы! его смятенный умъ
противъ ужасныхъ потрясеній
не устоялъ. Мятежный шумъ
Невы и вѣтровъ раздавался
въ его ушахъ. Ужасныхъ думъ
безмолвно полонъ, онъ скитался;
его терзалъ какой-то сонъ.

Прошла недѣля, мѣсяцъ,—онъ
къ себѣ домой не возвращался.
Его пустынный уголокъ
отдалъ въ наймы, какъ вышелъ срокъ,
хозяинъ бѣдному поэту.
Евгеній за своимъ добромъ
не приходилъ. Онъ скоро свѣту
сталъ чуждъ. Весь день бродилъ пѣшкомъ,
а спалъ на пристани; питался
въ окошко поданнымъ кускомъ;
одежда ветхая на немъ
рвалась и тлѣла. Злыя дѣти
бросали камни вслѣдъ ему;

нерѣдко кучерскія плети
его стегали, потому
что онъ не разбиралъ дороги
ужъ никогда; казалось, онъ
не примѣчалъ. Онъ оглушенъ
былъ шумомъ внутренней тревоги.
И такъ онъ свой несчастный вѣкъ

влачилъ—ни звѣрь, ни человѣкъ,
ни то, ни се—ни житель свѣта,
ни призракъ мертвый...
Разъ онъ спалъ
у невской пристани. Дни лѣта
клонились къ осени. Дышалъ
ненастный вѣтеръ. Мрачный валъ
плескалъ на пристань, ропща пени
и бьясь о гладкія ступени,
какъ челобитчикъ у дверей
ему не внемлющихъ судей.
Бѣднякъ проснулся. Мрачно было;
дождь капалъ; вѣтеръ вылъ уныло,—
и съ нимъ вдали, во тьмѣ ночной,
перекликался часовой...
Вскочилъ Евгеній, вспомнилъ живо
онъ прошлый ужасъ; торопливо
онъ всталъ, пошелъ бродить,—и вдругъ
остановился и вокругъ
тихонько сталъ водить очами,
съ боязнью дикой на лицѣ.
Онъ очутился подъ столбами
большого дома. На крыльцѣ
съ подъятой лапой, какъ живые,
стояли львы сторожевые,
и прямо въ темной вышинѣ,
надъ огражденною скалою,
гигантъ съ простертою рукою
сидѣлъ на бронзовомъ конѣ.
Евгеній вздрогнулъ. Прояснились
въ немъ страшно мысли. Онъ узналъ
и мѣсто, гдѣ потопъ игралъ,
гдѣ волны хищныя толпились,
бунтуя злобно вкругъ него,
и львовъ, и площадь, и того,
кто неподвижно возвышался
во мракѣ мѣдною главой,
того, чьей волей роковой
надъ моремъ городъ основался...

Ужасенъ онъ въ окрестной мглѣ!
Какая дума на челѣ!
Какая сила въ немъ сокрыта!
А въ семъ конѣ какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
и гдѣ опустишь ты копыта?

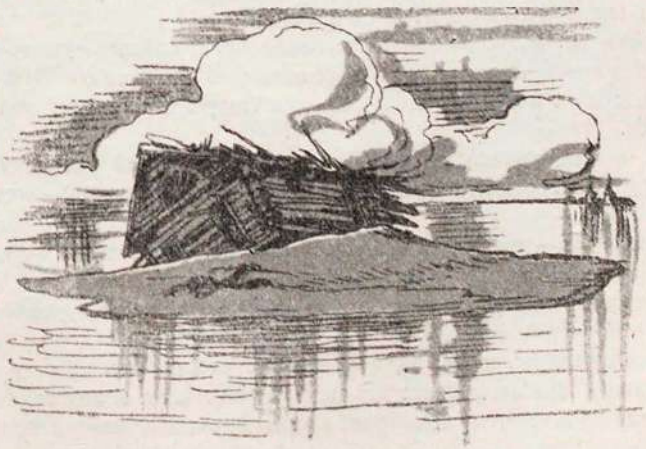
Кругомъ подножія кумира
безумецъ бѣдный обошелъ
и взоры дикіе навелъ
на ликъ державца полуміра.
Стѣснилась грудь его. Чело
къ рѣшеткѣ хладной прилегло,
глаза подернулись туманомъ,
по сердцу пламень пробѣжалъ,
вскипѣла кровь; онъ мрачно сталъ
предъ горделивымъ истуканомъ,—
и, зубы стиснувъ, пальцы сжавъ,
какъ обуянный силой черной:
„Добро, строитель чудотворный!“
шепнулъ онъ, злобно задрожавъ:
„ужо тебѣ!..“ И вдругъ стремглавъ

бѣжать пустился. Показалось
ему, что грознаго царя,
мгновенно гнѣвомъ возгоря,

лицо тихонько обращалось...
И онъ по площади пустой
бѣжитъ и слышитъ за собой
какъ будто грома грохотанье,
тяжело-мѣрное скаканье,
и, озаренъ луною блѣдной,
простерши руку въ вышинѣ,
за нимъ несется всадникъ мѣдный
на звонко-скачущемъ конѣ.
И во всю ночь безумецъ бѣдный
куда стопы ни обращалъ,
за нимъ повсюду всадникъ мѣдный
съ тяжелымъ топотомъ скакалъ.

И съ той поры, когда случалось
итти той площадью ему,
въ его лицѣ изображалось
смятенье; къ сердцу своему
онъ прижималъ поспѣшно руку,
какъ бы его смиряя муку,
картузъ изношенный снималъ,
смущенныхъ глазъ не подымалъ
и шелъ сторонкой.

Островъ малый
на взморьѣ виденъ. Иногда
причалитъ съ неводомъ туда
рыбакъ, на ловлѣ запоздалый,
и бѣдный ужинъ свой варитъ;



или чиновникъ посѣтитъ,
гуляя въ лодкѣ въ воскресенье,
пустынный островъ. Не взросло
тамъ ни былинки. Наводненье

туда, играя, занесло
домишко ветхій. Надъ водою
остался онъ, какъ черный кустъ.
Его прошедшею весною
свезли на баркѣ. Былъ онъ пустъ
и весь разрушенъ. У порога
нашли безумца моего,
и тутъ же хладный трупъ его
похоронили, ради Бога.

Полный—1, содержащій столько, сколько можно вмѣстить. Домъ полная чаша.—Хлопотъ мартышкѣ полонъ ротъ (Крыл.). 2, содержащій въ себѣ, сколько требуется по вѣсу, мѣрѣ и т. д. Полный рубль.—Онъ не въ полномъ умѣ.—Полный генералъ. 3, объемистый. Она женщина полная. 4, неограниченный. Онъ полный хозяинъ.

Надменный—отъ сл. надмиться, надмеваться, надуваться—раздуваться, возноситься гордостью, спесью.

Полнощный, отъ сл. полуноч(щ)ье—полночь, въ противопол. полуденный—значитъ сѣверный.

Пасынокъ—не родной одному изъ супруговъ сынъ.

Порфироносный — несущій порфиру, т.-е. бархатную, подбитую горностаемъ мантію, служащую верхней одеждой государей въ торжественныхъ случаяхъ.

Державный—имѣющій верховную власть. О царь державный! (Держав.); сильный, могущественный. Предъ нимъ (Терекомъ) паритъ орелъ державный (Пушк.).

Громада—предметъ огромнаго объема; зданіе или сооруженіе огромныхъ размѣровъ; общество, мірская сходка. Предъ громадой войсковой онъ (Кочубей) долженъ быть казненъ сегодня (Пушк.).

Потѣшный (отъ сл. потѣха—забава, увеселенье, зрѣлище)—употребл. въ разныхъ значеніяхъ: потѣшный человѣкъ—забавный; потѣшное мѣсто—для всякаго рода зрѣлищъ; потѣшный полкъ—при Петрѣ набирался изъ дворянъ для обученья и потѣхи.

Рать—ссора, война, войско, армія. Что значитъ **ратный, ратникъ, ратовать?**

Зыблемый (отъ сл. зыбиться, зыблиться, т.-е. колебаться)—легко приходящій въ колебаніе.

Твердыня, стар. сл.—укрѣпленіе, крѣпкое мѣсто, крѣпость. Богъ—твердыня наша.

Умирять, умирить—умиротворять, примирять, утишать, успокоивать. Умирить край.

Стихія—силы природы, напр. вѣтеръ, громъ, молнія и т. д.; у древнихъ грековъ начала міра, которыми признавались: огонь, воздухъ, вода и земля.

Неколебимый то же, что непоколебимый: прочный, твердый, надежный, постоянный.

Тщетный—напрасный, безуспѣшный, суетный—относящійся къ земному. Тщетное старанье. Тщетный трудъ. Тщетная просьба. Тщетная надежда. Какіе оттѣнки значенія этого слова можно отмѣтить въ перечисл. выраженіяхъ? **Тще (вотще)**—нарѣч.—тщетно, напрасно, суетно. Вспомните, что значитъ **тше душный, тщеславный?**

Повѣствованіе, повѣсть (отъ сл. повѣдать)—разсказъ о быломъ.

Обратите вниманіе на окончаніе въ сл. **безпокойной**, къ какому слову оно относится, а на самомъ дѣлѣ должно относиться?

Прозванье — именованье, фамилія человѣка; иногда обозначаетъ добавочную кличку.

Дичиться—бояться людей, общества, быть нелюдимымъ. Ни съ кѣмъ не разговариваетъ, дичится (Тург.).—Съ которыхъ поръ (Софья) меня дичится какъ чужого? (Груб.).

Въ стихѣ: „не одолѣвъ ихъ буйной бури“ представляется не совсѣмъ понятнымъ слово „ихъ“; вѣроятно, оно относится къ морю и къ бурѣ.

Преградить что—перегораживать, ставить поперекъ пути. Преграждать путь. Сюда же относятся **преграда**, **перегородка**.

Петрополь (греч.)—городъ Петра, т.-е. Петербургъ.

Тритонъ — миѳологическій морской богъ, изображавшійся въ видѣ человѣка съ рыбьимъ хвостомъ. Не знаете ли, какое животное назыв. этимъ именемъ?

Садокъ — всякое устройство для содержанія въ неволѣ животныхъ. Садокъ на гусей, на утокъ—клѣтка съ отгородками, куда сажаютъ птицу на откормъ. Садокъ рыбный, живорыбный — ящикъ, срубъ или продыренная лодка въ водѣ для держанья живой рыбы. А въ Петербургѣ?

Запасливый—имѣющій свойство, обыкновеніе запасать; въ переносн. см.: содержащій что-либо въ запасѣ, изобиліи.

Совладать, совладѣть, совладѣвать—справиться, управиться, сладить, одолѣть. Онъ отъ рукъ отбился, съ нимъ не совладаешь.

Стогна (употребл. чаще во множ. числѣ)—площадь, улицы въ городѣ. Тогда великій градъ Петровъ въ едину стогну умѣстился (Ломон.).

Обуялый—вмѣсто обуянный, отъ сл. обуять—лишить ума, разсудка, подчиниться силѣ страстей. Корысть его обуяла.—Обуянный страхомъ, потерялся.

Рокъ—судьба, неминучее, суженое. Что значитъ роковой день?

Насы́тить, насыщать — кормить досыта. **Насытѝть**—подслащать, напр. медомъ, сытою (сыта—разварной медъ на водѣ; отсюда—меда сыченые).

Повлечься, повлачиться—мало употреб. потащиться.

Небреженье—нерадѣнье, безпечность, беззаботность о чемъ-либо. **Небрежный**—нерадивый; **небрежность**—свойство небрежнаго. Эти слова происходятъ отъ гл. **небречь** небрегать (не беречь); чаще употребл. **пренебречь**.

Предмѣстье—слобода, подгородное селенье, пригородъ; иностран. названіе: форштатъ. **Предмѣстникъ**—предшественникъ, занимавшій прежде мѣсто чье, должность.

Багряница—багрецъ, ткань багрянаго цвѣта, т.-е. пурпуровая; см. выше порфира

Выместить, вымещать—см. I часть, стр. 107. Крестьянинъ на спинѣ ослиной убытокъ выместилъ дубиной (Крыл.).

Смятенный—отъ неупотребит. сл. смятати, смясти—приводить въ смятеніе, въ замѣшательство.

Потрясеніе—нарушеніе порядка, покоя, душевная тревога. Россія за послѣдніе годы испытала не мало потрясеній.—Онъ не перенесъ этого потрясенія.

Влачить—волочить, тащить насильно. Влачить жизнь—вести несчастную, тягостную для себя жизнь. Влачить заботъ и скуки бремя онъ въ настоящемъ осужденъ (Жук.).

Пеня—упрекъ, укоръ, изъявленіе неудовольствія, а также денежное взысканіе, штрафъ.

Роптать—ворчать, брюзжать, выражать неудовольствіе; обратите вниманіе на необычное выраженіе: „ропща пени“ (вин. п. мн. ч.)—выражая свое неудовольствіе, жалобы.

Челобитчикъ (отъ сл. бить челомъ—просить)—проситель.

Кумиръ—изображеніе, изваяніе языческаго божества; предметъ слѣпой привязанности.

Истуканъ (отъ сл. истюкать, изсѣчь тюкая)—статуя, изображенье, идолъ.
Черный—употребл. здѣсь въ значеніи нечистый.
Взморье—морское прибрежье, близкая къ берегу часть моря.

Раздѣлите повѣсть на нѣсколько частей, давъ каждой свое заглавіе.

Составьте описаніе „Наводненія въ С.-Петербургѣ“, воспользовавшись прочитанной повѣстью.

Составьте разсказъ: Жизнь Евгенія по „Мѣдному всаднику“.

*

55. Зима.

Отрывокъ *Д. Григоровича.*

Но вотъ пришла наконецъ и „зимняя Матрена“, поднялась зима на ноги; прилетѣли морозы съ „желѣзныхъ горъ“. Рѣка стала. Рѣзко зазвучали колеса на колкой, мерзлой дорогѣ, захрустѣли въ колесахъ ледяныя иглы, весело блеснули на солнцѣ длинныя ледяныя сосульки, облѣпившія бахромою окна и кровли избушекъ. Выпалъ первый снѣгъ. Шумною толпою выбѣгаютъ ребятишки на побѣлѣвшую улицу; въ волоковыя окна выглядываютъ сморщенныя лица бабушекъ; крестясь или радостно похлопывая рукавицами, показываются изъ-за скрипучихъ воротъ отцы истарые дѣды, такіе же почти бѣлые, какъ самый снѣгъ, который продолжаетъ валить пушистыми хлопьями Наступила пора всеобщаго отдыха. Работы рѣшены: ужъ обмолотились. Съ трудомъ вызовешь теперь мужичка изъ теплой избы, окутанной соломой, припертой жердями и полузанесенной снѣгомъ. Развѣ придется съѣздить въ сосѣдній лѣсъ за валежникомъ или нужда велитъ итти съ обозомъ. И снова спѣшитъ онъ въ теплую избу свою. Котко летятъ его пустыя санишки по буграмъ и раскатамъ, нетерпѣливо взглядываетъ онъ изъ-подъ рогожи въ снѣжную даль... „Прочь съ дороги!“ Тамъ, сквозь сумерки, уже мелькаетъ огонекъ, привѣтливо подымается витая струя дыма надъ трубнымъ горшочкомъ. Чаще и чаще покрикиваетъ онъ на клячу; но кляча сама уже почуяла стойло и во всю скачь помчалась съ косогора. Сладко вѣдь отдохнуть и порасправить кости послѣ тяжкаго страднаго лѣта и многозаботной осени.

Матрена-зимняя—день 9 ноября.
Колкій—колючій, острый; болѣе употреб. въ переносн. значен.: язвительный колкій отвѣтъ, колкая насмѣшка.

Волоковое окно (отъ сл. волочить)—маленькое, задвижное оконце въ избахъ, въ которое также выволакиваетъ дымъ въ курныхъ избахъ.

Рѣшить—кромѣ обычныхъ значеній (какихъ?) употребл., какъ и здѣсь, въ смыслѣ кончить.

Котко или катко—отъ каткій, легко катающійся.

*

56. Зимній вечеръ.

Стихотвореніе *А. Пушкина.*

Буря мглою небо кроетъ,
вихри снѣжные крутя:
то какъ звѣрь она завоетъ,
то заплачетъ какъ дитя,
то по кровлѣ обветшалой
вдругъ соломой зашумитъ,
то какъ путникъ запоздалый
къ намъ въ окошко застучитъ.
Наша ветхая лачужка
и печальна и темна.
Что же ты, моя старушка,
пріумолкла у окна?
Или бури завываньемъ
ты, мой другъ, утомлена?
или дремлешь подъ жужжаньемъ
своего веретена?
Выпьемъ, добрая подружка
бѣдной юности моей,
выпьемъ съ горя; гдѣ же кружка?
сердцу будетъ веселѣй.
Спой мнѣ пѣсню, какъ синица
тихо за моремъ жила;
спой мнѣ пѣсню, какъ дѣвица
за водой поутру шла.
Буря мглою небо кроетъ,
вихри снѣжные крутя:
то какъ звѣрь она завоетъ,
то заплачетъ какъ дитя.

Выпьемъ, добрая подружка
бѣдной юности моей,
выпьемъ съ горя; гдѣ же кружка?
сердцу будетъ веселѣй!

Обветшать—придти въ ветхость.

Пріумолкнуть, пріумолкать—умолкнуть на время, притихнуть; въ томъ же значеніи и **примолкнуть**. Что жъ, красныя дѣвицы, вы примолкли? что жъ, бѣлыя лебедушки, притихли? (Пушк.). Пріумолчать о чемъ—не досказать, умолчать съ намѣреніемъ.

*

57. Прохожій.

Изъ разсказа *Д. Григоровича.*

I.

А, поистинѣ, это была страшная ночь! Старики говорили правду: такая почь могла выпасть на долю Васильеву вечеру. И въ самомъ дѣлѣ, всѣмъ и каждому чудилось что-то недоброе въ суровомъ, непреклонномъ голосѣ бури.

Посреди свиста и завыванія вѣтра внятно слышались дикіе голоса и стоны, то пѣвучіе и какъ будто терявшіеся въ отдаленіи за гумнами, то отрывчатые, пронзительные, раздававшіеся у самыхъ воротъ и оконъ и забравшіеся даже въ трубы и запечья. Выходитъ ли кто на улицу—передъ нимъ носились незнакомые, чужые образы; изъ мрака и вихрей возникали то и дѣло страшные, никому невѣдомые лики... Да, старики говорили правду, когда, прислушиваясь чуткимъ ухомъ къ реву метели, утверждали они, что буря бурѣ рознь, и что шишига, или вѣдьма, или нечистая сила (что все одно) играла теперь свадьбу, возвращаясь съ гулянокъ. Но хорошо имъ было такъ-то разговаривать, сидя на горячей печкѣ. Что имъ дѣлалось посреди веселья, криковъ ребятъ и шумнаго говора гостей, наполнявшихъ избу! (Въ Васильевъ вечеръ, какъ вѣдомо, одна только буря злится да хмурится). Студеный вѣтеръ не проникалъ ихъ до костей нестерпимымъ ознобомъ, снѣжные хлопья не залипали имъ очи, шипящіе вихри не рвали на части ихъ одежды, не опрокидывали ихъ въ снѣжные наметы... какъ

это дѣйствительно было съ однимъ бѣднякомъ, прохожимъ, брошеннымъ въ эту ночь посреди поля, далеко отъ жилья и голоса человѣческаго.

Много грозныхъ ночей застигало прохожаго, много вьюгъ и непогодъ вынесла сѣдая голова его,—но такой ночи онъ никогда еще не видывалъ. Затерянный посреди сугробовъ, по колѣна въ снѣгу, онъ тщетно озирался по сторонамъ или ощупывалъ костылемъ дорогу: метель и сумракъ сливали небо съ землею, снѣжныя горы, взрываемыя могучимъ вѣтромъ, двигались какъ волны морскія, и то разсыпались въ обледенѣломъ воздухѣ, то застилали дорогу; гулъ, ревъ и смятеніе наполняли окрестность. Напрасно также силился онъ подать голосъ: крикъ застывалъ на губахъ его и не достигалъ ни до чьего слуха; грозный ревъ бури одинъ подавалъ о себѣ вѣсть въ мрачной пустынѣ. Отчаяніе начинало уже проникать въ душу путника, страшныя думы бродили въ головѣ его и воплощались въ видѣнія: на-дняхъ знакомый мужичокъ, застигнутый такою же точно погодой, сбился съ пути на собственномъ гумнѣ своемъ, и на другой день, объ утро, нашли его замерзшаго подъ плетнемъ собственнаго огорода; третьяго дня постигла такая же участь бабу, которая не могла найти околицы; вечоръ еще посреди самой улицы нашли мертвую калѣку-перехожую, которая за метелью не различила избушекъ...

Такъ думалъ прохожій; а вьюга, между тѣмъ, съ часу на часъ подымалась сильнѣе и сильнѣе. Вотъ повернула она, поднялась хребтомъ на пригоркѣ, закрутилась вихремъ, пронеслась надъ головой путника, загудѣла въ поляхъ и ударила на деревню. Вздрогнули бѣдныя лачужки, внезапно пробужденныя отъ сна посреди темной холодной ночи; замирая отъ страха, онѣ тѣсно прижались другъ къ дружкѣ, закутались до верху своимъ снѣжнымъ покровомъ, прилегли на бокъ и трепетно ждутъ лютаго вихря. Но вихрь, привыкшій къ простору, рвется и мечется пуще прежняго въ тѣсныхъ закоулкахъ и улицахъ. Разбитый на части, онъ, разомъ со всѣхъ сторонъ, нападаетъ на лачужки, всползаетъ на шаткія стѣны, гудитъ въ стропилахъ, ломаетъ тамъ сучья, срываетъ воробьиныя гнѣзда, сверлитъ кровлю и, выхвативъ клокъ соломы, бросается на кровлю, силясь сбросить пѣтушка или конька на макушкѣ; и тогда какъ одна часть бури реветъ вокругъ дома, другая уже давно проползла шипящею змѣею подъ ворота, ринулась въ клѣти и сараи, обѣжала навѣсы и, не найдя тамъ, вѣ-

роятно, ничего, кромѣ вьющагося снѣга, напала на беззащитную жучку, свернувшуюся клубкомъ подъ рогожей... Но вотъ вихрь прилегъ наземь, загудѣлъ вдоль плетня, украдкою подобрался къ калиткѣ, поднялся на дыбы, сорвалъ ее съ петель, бросился на улицу, присоединился къ другому, третьему, и снова грозный ревъ наполняетъ окрестность...

Но что до этого! По всему крещеному міру не было все-таки бѣдной избенки, не было такого скромнаго уголка, гдѣ бы не раздавались веселыя пѣсни, гдѣ бы не было тепло и пріятно! Тамъ—шумная толпа ребятишекъ рѣзво прыгаетъ по лавкамъ и нарамъ, выбрасывая изъ рукава нарочно припасенныя про случай хлѣбныя зерна и звонко распѣвая: „Уроди, Боже, всякаго хлѣбца, по закорму, что по закорму, да по великому, а и стало бы того хлѣбушка на весь міръ крещеный!..“ Между тѣмъ, старшая хозяйка дома,—мать или тетка,—отбиваясь одной рукою отъ колючихъ иглъ овса и гречи, пущенныхъ въ нее какъ бы нечаянно шаловливымъ парнемъ, другою приподнявъ надъ головою зажженную лучину, суетливо ходитъ взадъ и впередъ и набожно подбираетъ зерна въ лукошко для будущаго посѣва. Остальные члены семьи, кто усѣвшись подъ иконы, кто стоя въ углу, молча, но весело глядятъ на совершеніе обряда; даже старая подслѣповатая бабушка, много лѣтъ не сходившая съ печки, свѣсилась на перекладину поглядѣть на внучекъ—на семейную радость!

Въ другой избѣ крики и хохотъ раздаются еще громче. Рой молодыхъ дѣвокъ натискался въ избу. Двери плотно заперты; окно на улицу завѣшено прорванной понявой. Одна изъ дѣвокъ—самая вострая—стоитъ на-слуху въ сѣнечкахъ: не идетъ ли кто. Остальныя заняты дѣломъ: кто повязываетъ на голову войлокъ, обвитый вокругъ палки, кто натягиваетъ армякъ или покрываетъ маленькую головку неуклюжей шапкой, обтыканной по краямъ, ради смѣха, льняными прядями, обсыпанными мукою; кто прикутывается въ овчину, вывороченную наизнанку,—это ряженые! Хохотъ, визгъ, шушуканье, писк не прерываются ни на минуту. Надо же весело справить послѣдній день Васильева вечера! Въ третьей избѣ громкій говоръ и восклицанія смѣнились на минуту молчанкою. Ребята, бабы, большіе и малые, всѣ пришипились. Тамъ, подъ сладкій шумокъ веретена и прялки, тянутся мѣрныя розсказни старика-дѣда. Семейка сѣла въ кружокъ и, пригнувшись къ одной лучинѣ, не пропускаетъ ни одного звука ни одного движенія разсказчика.

Разсказъ, прерываемый трескомъ мороза, который стучитъ въ углы и заборы, благополучно дотянулся, однакожъ, за полночь. Лучина скоро угаснетъ. И тогда вся семья, женатые и холостые, большіе

Зимнею ночью. Съ картины *А. Вырубя-Ковальскаго.*

и малые, заползутъ на печку и предадутся мирному отдыху, нимало не заботясь, что вьюга реветъ и завываетъ въ полѣ и вокругъ дома...

О! счастливъ, сто разъ счастливъ тотъ, у кого въ такую ночь родной кровъ, родная семья и теплая печка!.. Такъ, по крайней мѣрѣ, думалъ... но не до того, впрочемъ, было прохожему, чтобы умомъ раскидывать! Отчаянье уже давно завладѣло его душою. И если какія-нибудь мысли и приходили ему въ голову,—имъ все-таки не время теперь было опредѣляться въ ясную думу; онѣ мелькали передъ нимъ такъ же быстро, какъ снѣжныя хлопья, несомыя лютою метелью, посреди которой стоялъ онъ съ обнаженною сѣдою головою и замирающимъ сердцемъ,—и такъ же быстро уносились и смѣнялись другими мыслями, какъ одинъ вихрь смѣнялся другими вихрями...

Силы начинали покидать его. Онъ провелъ окоченѣвшею ладонью по мерзлымъ волосамъ, окинулъ мутными глазами окрестность и крикнулъ еще разъ. Но крикъ снова замеръ на помертвѣлыхъ устахъ его.

Прохожій медленно опустился въ сугробъ и трепетною рукою сотворилъ крестное знаменіе. Буря, между тѣмъ, пронеслась мимо: все какъ будто на минуту стихло... и вдругъ нежданно, въ сторонѣ, послышался лай собаки... Нѣтъ, это не обманъ—лай повторился въ другой и третій разъ... Застывшее сердце старика встрепенулось; онъ рванулся впередъ, простеръ руки и пошелъ на-слухъ... Немного погодя, ощупалъ онъ сараи, и вскорѣ изъ-за угла мелькнули передъ нимъ привѣтливые огоньки избушекъ.

II.

За дубовы столы,
за набранные,
на сосновыхъ скамьяхъ,
сѣли званые.
На столахъ—куръ, гусей
много жареныхъ,
пироговъ, ветчины
блюда полныя!

А. В. Кольцовъ.

Между тѣмъ, пирушка у Савелія шла на славу; народу всякаго, званаго и незванаго, набралось къ нему такое множество, что, кажись, пришелъ бы еще одинъ человѣкъ, такъ и мѣста бы ему недостало. Даже подъ самымъ потолкомъ торчали головы; послѣднія, впрочемъ, принадлежали большею частью малолѣтнимъ парнишкамъ и дѣвчонкамъ, которые, будучи изгоняемы отовсюду, рѣшительно не знали уже, куда приткнуться. И какъ, въ самомъ

дѣлѣ, сидѣть дома, когда у сосѣда вечеринка, да еще въ какое время—въ святки? Того и смотри нагрянутъ ряженые, пойдутъ пляски, пѣсни... деревенскимъ ребятамъ все въ диковинку! И вотъ, томимые любопытствомъ, пробираются они сквозь перекрестный огонь пинковъ и подзатыльниковъ, карабкаются на лавки, вползаютъ на печку и полати, мостятся другъ на дружку, лишь бы поглядѣть на веселье. Между ними попадаются такіе бойкіе, которые, не зная, куда дѣвать маленькаго братишку, заснувшаго у нихъ на рукахъ, забрались вмѣстѣ съ нимъ на зыбкую перекладину и висятъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало!

Въ избѣ жарко какъ на полкѣ; никто, однакожъ, не думаетъ отступать къ двери; каждый, напротивъ того, норовитъ изо всей мочи какъ бы протискаться впередъ, къ красному углу, гдѣ происходитъ угощеніе. Тамъ, за столомъ, покрытымъ рядномъ, обложеннымъ по краямъ ложками и обломками пироговъ и хлѣба, сидѣли гости званые и почетные. На самомъ первомъ мѣстѣ подъ образами, въ которыхъ дробился свѣтъ восковой свѣчки вмѣстѣ со свѣтомъ сальнаго огарка, воздвигнутаго на столѣ, бросался прежде всего въ глаза мельникъ и жена его, оба толстые, оба красные, какъ очищенная свекла. Подлѣ нихъ, по правую руку, сидѣлъ понамарь изъ чужой вотчины, долговязый, рябой какъ кукушка, косой какъ заяцъ, съ вострымъ обточеннымъ носомъ и коротенькой взъерошенной косичкой на затылкѣ; жаръ дѣйствовалъ на него совсѣмъ иначе, чѣмъ на мельника: онъ, казалось, сушилъ и коробилъ его, какъ щепку. Подлѣ понамаря сидѣлъ сотскій,— крошечный, мозглявый старикашка лѣтъ симидесяти-пяти, но живой и вертлявый, щупавшій поминутно то медаль на груди форменной инвалидной шинели, то дергавшій себя за кончики сѣдыхъ волосъ, изрѣдка торчавшихъ по обѣимъ сторонамъ лысины; слезливые глаза его щурились постоянно, тогда какъ ротъ, украшенный однѣми деснами, былъ постоянно открытъ и сохранялъ такое выраженіе, какъ будто сотскаго парилъ кто-то сзади наижесточайшимъ образомъ самымъ жгучимъ вѣникомъ. По лѣвую руку мельника находился староста и рядомъ съ нимъ хозяинъ дома—рыжій, плечистый мужикъ, такой же толстый почти, какъ мельничиха. Съ обоихъ потъ катилъ градомъ, но оба не замѣчали этого и, казалось, были очень довольны сосѣдствомъ другъ друга, потому что то и дѣло обнимались. По обѣимъ сторонамъ описанныхъ лицъ, на лавочкахъ, подлѣ стола и немного поодаль, сидѣли еще гости,

тоже званые, но менѣе почетные. Тутъ были старики, и молодые, и бабы съ ихъ ребятами; всѣ они расположились семьями: гдѣ мужъ съ женой, гдѣ старуха со снохой. Каждая семья явилась въ гости съ своей чашкой и ложкой; радушіе хозяевъ ограничивалось снабженіемъ съѣстного, и такъ какъ хозяйка приготовила кисленькаго и солененькаго въ волю, а хозяинъ припасъ чѣмъ и ротъ прополоснуть, то гости были очень довольны. Немолчный говоръ, восклицанія, хохотъ, раздававшіеся вокругъ стола, свидѣтельствовали о довольствѣ присутствующихъ. Но всѣхъ довольнѣе былъ, повидимому, все-таки самъ хозяинъ.

— Александръ Елисѣичъ, сватъ! кумушка Матрена Алексѣевна! Кондратій Захарычъ! еще стаканчикъ, милости просимъ, понатужьтесь маленько...—кричалъ Савелій, приподнимаясь поминутно со штофомъ въ одной рукѣ, со стаканомъ въ другой и кланяясь поочередно каждому изъ гостей своихъ. — Александръ Елисѣичъ, что жъ ты, откушай, полно тебѣ отнѣкиваться, ну, хошь пригубь,— прибавилъ онъ, обращаясь настойчивѣе къ мельнику, который пыхтѣлъ, какъ быкъ, взбирающійся на гору.

— О-охъ! не много ли, примѣрно, будетъ, Савелій Трофимычъ,— отвѣчалъ гость, но взялъ, однакожъ, стаканъ, тягостно возвелъ къ потолку тусклые, водянистые глаза свои, испустилъ страдальческій вздохъ и, проговоривъ: „Господи, прости намъ прегрѣшенія наши“, выпилъ все до капельки.

— Гости дорогіе, милости просимъ! Данила Левонычъ, ты что? Аль боишься уста опорочить? Пей, да подноси сосѣду,—продолжалъ Савелій, передавая штофъ старостѣ и подмигивая на понамаря, который сидѣлъ, раскрывъ ротъ, какъ птица, умирающая отъ жажды.

— Эй, Кондратій Захарычъ, о чемъ вы тутъ толмачите?—заключилъ Савелій, махнувъ рукою и поворачиваясь къ понамарю, который разговаривалъ съ мельникомъ.

— А вотъ, Александръ Елисѣичъ разсказывалъ, какой случай вышелъ съ шушеловскимъ мужикомъ, Кирилой Власовымъ; небось ты его знаешь?

— Трафилось видѣть. А что за случай такой?

— Да не сегодня, такъ завтра помретъ, за попомъ посылали...

— Ой ли? да съ чего такъ?..—спросило нѣсколько голосовъ.

— А вотъ что,—началъ мельникъ, останавливаясь на каждомъ словѣ, чтобы перевести одышку,—недѣли три тому будетъ, пошелъ какъ-то Кирила на Каменскую мельницу; дѣло было къ вечеру, гораздо ужъ смеркалось; взялъ, примѣрно, шапку, пошелъ. Пришелъ, примѣрно, на мельницу, помолотился, взялъ мѣшокъ съ мукой и идетъ домой. Время стояло, какъ нынче, метель, примѣрно, такая буря, зги не видать,—продолжалъ Александръ Елисѣичъ, посматривая поочередно то на того, то на другого, тогда какъ присутствующіе, подстрекаемые любопытствомъ, двигались къ нему и вытягивали шеи.—Вотъ сталъ онъ подходить къ лѣсу, миновалъ было половину, вдругъ слышитъ, кто-то кликнулъ его по имени. „Кирила Власовъ!“ зоветъ, примѣрно, какъ словно какой знакомый человѣкъ, либо сродственникъ... Онъ глядь—никого... Въ другой разъ, онъ опять остановился,—опять никого... „Кто тамъ?“ крикнулъ. Никто, примѣрно, не откликается... Чтой-то за диво!.. Вотъ онъ опять пошелъ; что ни шагъ ступитъ, зоветъ его кто-то по имени да и полно!.. Вотъ приходитъ онъ домой; сѣлъ, поѣлъ, легъ на печку—не спится... словно, говоритъ, мутитъ меня стало... Ну, нечего дѣлать, всталъ это онъ, сѣлъ на лавку и сталъ, примѣрно, сумлѣваться... Кто, говоритъ, звалъ меня въ лѣсу?.. Сталъ это онъ такъ-то сумлѣваться, вдругъ слышитъ—стучатъ въ окно... Кто? говоритъ,—кого надыть?.. „Пусти, Власычъ, пусти, примѣрно, переночевать!“ отозвалось за окномъ. Какъ услыхалъ, говоритъ, такъ индо по закожью меня и дернуло, вся кровь, говоритъ, запечаталась во мнѣ... слышу, говоритъ, тотъ же голосъ, что звалъ меня въ лѣсу...

— Подлинно диковинное дѣло и всякаго любопытствія достойно!—произнесъ со вздохомъ понамарь, обращая оба глаза на сосѣдку. Но только что успѣлъ онъ это сдѣлать, какъ оба глаза его вмѣстѣ съ глазами мельника и всѣхъ присутствующихъ устремились въ одно мгновеніе на уличное окно.

Въ окнѣ послышался стукъ. Всѣ оглянулись и невольно попятились назадъ. Стукъ въ окнѣ повторился.

— Ну, чего, вы?..—крикнулъ Савелій, обращаясь къ бабамъ, которыя съ визгомъ побросались въ сторону.—Кума! Матрена Алексѣевна! полно тебѣ!—присовокупилъ онъ, вставъ съ мѣста и подталкивая мельничиху, которая повалилась всею тяжестью на сотскаго и притиснула долговязыя ноги понамаря, успѣвшаго уже прыгнуть на лавку.—Ну, чего вы! экъ! ишь ихъ! (Тутъ Савелій

повернулся назадъ къ двери, гдѣ происходила какая-то каша, въ которой все двигалось, кричало и тискалось). Куда вы?—стойте, я погляжу пойду!..

Савелій сдѣлалъ шагъ къ окну, но стукъ раздался снова, сопровождаемый на этотъ разъ голосомъ, отъ котораго вздрогнули въ самыхъ дальнихъ углахъ избы.

— О-охъ! касатикъ, Савелій Трофимычъ, не ходи! съ нами крестная сила!—проговорила хозяйка, вцѣпившись въ мужнину рубаху.

— Кто тамъ?—крикнулъ, что есть мочи, Савелій.

— Про-хо-жій...—отвѣчалъ дрожащій, прерывающійся голосъ.

— Чего надыть?—гаркнулъ Савелій.

— Пусти... перено... чевать... озябъ...—отвѣчалъ голосъ, заглушаемый ревомъ метели.

— Ступай, ступай! коли ты добрый человѣкъ,—сердито отозвался Савелій, дѣлая шагъ къ окну.—Ступай, по добру, по здорову, много васъ шляется; проваливай, проваливай... здѣсь не мѣсто, ступай!.. Эй, Александръ Елисѣичъ, Данило! кума! гости дорогіе! что жъ вы, аль не слышите? чего всполохнулись! это, должно-быть, какой-нибудь христарадникъ, а вы и взаправду подумали... садитесь, милости просимъ... ишь нашелъ время таскаться да грызть окна...

— Да ты, касатикъ, посмотри въ окно!—сказала хозяйка, робко выглядывая изъ толпы.

— Чего смотрѣть! говорятъ тебѣ толкомъ—нищенка!

— Охъ, нѣтъ, родной, нѣтъ, Савелій Трофимычъ, обойди-ка вокругъ двора, оно вѣрнѣе, обойди, касатикъ!—раздалось въ толпѣ бабъ.

— Ну, пошли... съ вами не столкуешь!.. Эй, Александръ Елисѣичъ, сватъ Данило, Кондратій Захарычъ, полно вамъ; куда, Матрена Алексѣевна, просимъ покорно, просимъ не сумлѣваться, чего вы взаправду переполошились, садитесь!—говорилъ Савелій, усаживая гостей, которые, не слыша болѣе шума за окномъ, начинали мало-по-малу ободряться.—Авдотья, давай перемѣну!..

Гости, ободренные окончательно тишиною, водворившеюся за окномъ, усѣлись попрежнему на свои мѣста, и веселая вечеринка, прерванная на время, продолжалась на славу радушнымъ хозяевамъ.

III.

Мы ходили, мы искали
коляду, коляду,
по всѣмъ дворамъ, по проулочкамъ,
нашли коляну
у Василисина двора.
Здравствуй, хозяинъ съ хозяюшкой,
на долги вѣка, на многи лѣта!

Народная пѣсня.

Избенка Алексѣя была крошечная: стѣны ея, перекосившіяся во многихъ мѣстахъ и прокопченыя дымомъ, были такъ черны, что даже съ помощью лучины едва-едва можно было различить что-нибудь въ углахъ. Но, несмотря на то, вездѣ, куда только проникалъ глазъ, виднѣлись слѣды заботливости и строгаго порядка; все показывало, что старушка Василиса была добрая, радѣтельная хозяйка. Ничто не валялось зря, гдѣ ни попало, все было прибрано къ мѣсту, земляной полъ былъ чисто-начисто выметенъ; и хотя во всемъ виднѣлась страшная бѣдность, но все-таки лачужка глядѣла какъ-то уютнѣе, привѣтливѣе, теплѣе многихъ сосѣднихъ избъ. Наружность самой хозяйки соотвѣтствовала какъ нельзя лучше ея жилищу: это была крошечная, тщедушная старушонка, съ вдавленною грудью, прикрытою толстой, заплатанной, но чистой рубахой. Голова ея, повязанная ветхимъ платкомъ съ длинными концами назади, склонялась постоянно на бокъ,—ни дать ни взять, какъ кровля ея избенки. Лицо Василисы было желто и покрыто, какъ паутина, морщинами, но столько еще веселости отражалось въ ея свѣтлыхъ глазахъ, столько добродушія проглядывало въ потускнѣвшихъ чертахъ ея лица, что нельзя было не полюбить ее сразу.

Заложивъ въ свѣтецъ лучину, она тотчасъ же подошла къ сыну.

— Алеша, погляди-ка-сь на меня... ты словно, касатикъ, не веселъ?..

— Нѣтъ, матушка, право, ничего,—отвѣчалъ парень, отходя къ печкѣ и принимаясь развѣшивать на шесткѣ вымокшую овчину.

— Полно, родной, я вижу... не тотъ ты былъ, какъ вышелъ изъ дому; ужъ не прилучилось ли чего?—вымолвила старушка, преслѣдуя сына и устремляя на него пытливый взглядъ.

— Взаправду ничего,—сказалъ Алексѣй, стараясь засмѣяться,—ходилъ съ ребятами по сосѣдямъ, вездѣ пиръ такой, веселье... съ чего, кажись, быть не веселу!..

— То-то, то-то, касатикъ, съ чего тебѣ кручиниться... а я такъ-то сижу да думаю: куда, молъ, думаю, запропастился...

— Я, признаться, матушка, не чаялъ, что ты станешь меня дожидаться...

— Ахъ ты, голова, голова!.. а то какъ же?.. Такъ-таки лечь мнѣ да махнуть рукой?.. Вспомни-ка, какой нынче вечеръ!.. Развѣ ты запамятовалъ, что было у насъ прошлаго года?.. Нутка-сь, ну, раскинь-ка умомъ,—весело прибавила она, качая головою и не отрывая глазъ отъ парня.

— Не помню, матушка,—отвѣчалъ Алексѣй, разглаживая волосы.

— Не помнишь?.. Ахъ ты, голова, голова, а я-то жду да жду его...

— Что жъ такое, матушка?.. Видитъ Богъ, не запомню...

— Ну, молчи только, молчи, коли такъ,—сказала она, лукаво подмигивая однимъ глазомъ.—Ставь скорѣе свѣтецъ къ столу да засвѣти новую лучину.

Старушка поправила платокъ на головѣ, повернулась къ сыну спиною и торопливо подошла къ печкѣ.

— А! знаю, знаю!..—воскликнулъ Алексѣй, слѣдившій съ любопытствомъ за всѣми движеніями матери.—Знаю, ты, какъ въ прошломъ году, хочешь кашу вынимать!—промолвилъ онъ, дѣлая шагъ къ старушкѣ, которая неожиданно показалась изъ-за печки съ полновѣснымъ горшкомъ въ рукахъ.

— Молчи, только молчи,—вымолвила она, отклоняя сына локтями и заботливо ставя горшокъ на столъ.—Ну, теперь садись да смотри, что-то пошлетъ намъ Господь... Ахъ, родной!. погляди-ка, погляди, какой полный!.. постой... нѣтъ, и не треснулъ нигдѣ, какъ есть нигдѣ!..—радостно говорила она, ощупывая горшокъ, между тѣмъ, какъ сынъ разсѣянно и какъ-то принужденно глядѣлъ на все происходившее.—А ну-ка-сь, ну, посмотримъ, что-то скажется...

Тутъ Василиса бережно сняла пѣнку.

— Вотъ не чаяла, не гадала! Ахти, касатикъ, родной ты мой!—воскликнула она, всплеснувъ руками и взглянувъ на сына, который обнаружилъ тотчасъ же веселость.—Погляди-ка, красная какая! да разсыпчатая какая!.. Ахти, родные вы мои, да и полная-полная,—словно и не кипѣла... А ну, дай-то Господи, кабы сбылось!..

— Что жъ, по-твоему, матушка, чему же быть?—спросилъ сынъ.

— А быть, родной ты мой, дѣлу хорошему... Ахъ, кабы Господь подсобилъ намъ!—отвѣчала старушка, творя крестъ.—Слышь,

коли такъ-то,—прибавила она, указывая на горшокъ,—люди добрые, дѣды наши сказывали: быть благополучію всему дому, будущій урожай и... и... и талантливую дочку!..

Алексѣй недовѣрчиво улыбнулся. Въ самую эту минуту кто-то постучался въ окно.

— Слышалъ, Алеша?..—спросила старушка, оглядываясь въ ту сторону.

— Никакъ стукнули въ окно,—отвѣчалъ парень, приподнимаясь съ лавки.

— Погоди, Алеша... Охъ, съ нами святая сила!..—сказала старушка, удерживая сына.

— Ничего, матушка, должно-быть, изъ сосѣдей кто; можетъ-статься, нужда какая; постой-ка, погляжу... Кто тамъ?—крикнулъ онъ, прикладывая лицо свое къ окну и стараясь разглядѣть сквозь снѣговое узорочье стекла.

Съ минуту продолжалось молчаніе, прерываемое визгомъ метели, которая люто завывала вокругъ избушки.

— Кто тамъ?—повторилъ Алексѣй.

— Прохожій...—отвѣчалъ трепещущій, вздрагивающій голосъ,—пусти... во имя Христово...—прибавилъ голосъ, дѣлавшій явныя усилія, чтобы внятно произносить слова.

— Слышь?—сказалъ Алексѣй, поворачиваясь къ матери.—Вѣрно съ пути сбился за метелью; пущай его обогрѣется.

— Охъ, касатикъ,—вымолвила старушка, нерѣшительно взглядывая на окно.

— А что жъ, вѣдь не убудетъ у насъ... къ тому же, не помирать ему взаправду на улицѣ.

— Вѣстимо, родной, не убудетъ... Ну, Господь съ тобою, какъ знаешь, такъ и дѣлай... покличь его.

— Дядя! а дядя, ступай на дворъ!—крикнулъ Алексѣй, стукнувъ въ окно.—Погоди, матушка, я выйду на дворъ, провожу его, а то и не найдетъ, пожалуй...

Алексѣй набросилъ на плечи овчину и вышелъ на крылечко.

— Дядя! гдѣ ты? сюда ступай!—крикнулъ онъ, поворачиваясь къ воротамъ.

Метель ревѣла попрежнему, снѣжныя хлопья, валившія со всѣхъ сторонъ, усиливали темноту и безъ того уже мрачной ночи; на дворѣ нельзя было различить собственной руки.

— Сюда, дѣдушка!.. ступай на голосъ!—продолжалъ кричать парень.

Глухой стонъ отозвался гдѣ-то въ сторонѣ, и минуту спустя неровные шаги зазвучали на шаткихъ ступеняхъ крылечка.

— Сюда, дѣдушка, сюда...—сказалъ Алексѣй, входя въ сѣни и отворяя дверь избы, чтобы виднѣе было куда итти,—пойди, отогрѣйся...

Прохожій вошелъ въ избу. Алексѣй взглянулъ на него при свѣтѣ лучины и невольно отступилъ къ матери, которая попятилась къ образамъ и перекрестилась. Передъ ними стоялъ, едва держась на ногахъ, сѣдой старикъ, лѣтъ семидесяти, блѣдный и растрепанный, похожій скорѣе на пришельца съ того свѣта, чѣмъ на живого человѣка. Страшная худоба изнеможеннаго лица его и блѣдные, совсѣмъ почти бѣлые зрачки, глядѣвшіе мутно и безжизненно, довершали это сходство. Онъ дрожалъ всѣми своими членами; зубы его щелкали; холщевая сума, висѣвшая за его спиною, и мерзлыя лохмотья рубища, прикрывавшія тощую его грудь, плечи и ноги, тряслись въ свою очередь, слѣдуя движеніямъ закутаннаго въ нихъ тѣла. Онъ медленно поднялъ окоченѣвшія свои руки, провелъ ими по головѣ, сдѣлавъ шагъ впередъ, хотѣлъ что-то сказать, но рѣчь его вышла нескладна. Онъ глубоко вздохнулъ, ощупалъ невѣрными руками стѣну и опустился въ изнеможеніи на лавочку.

— Что ты, дѣдушка, аль прозябъ добре? посиди, отогрѣйся; изба у насъ теплая,—сказалъ Алексѣй, въ которомъ страхъ смѣнился жалостливымъ участіемъ. Онъ подошелъ къ старику.

— Вѣстимо, касатикъ; да ты бы къ печкѣ-то сѣлъ...—проговорила Василиса, слѣдуя за сыномъ.

Бѣлые зрачки старика устремились какъ-то неопредѣленно на хозяевъ лачужки; онъ снова хотѣлъ что-то сказать, и снова дрожащія губы не повиновались ему; онъ опустилъ голову и принялся ощупывать края лавки и рубище.

— Погоди, дѣдушка, я подсоблю, руки-то у тебя окоченѣли, ничего съ ними не сдѣлаешь...—произнесъ Алексѣй, видя, что старикъ хотѣлъ освободиться отъ сумы, которая перетягивала ему грудь и плечи,—положи ее на лавочку... ладно; тебѣ бы лучше разуться, право-ну, скорѣй бы отогрѣлъ ноги.

— Вѣстимо, касатикъ, разуться, ишь застылъ какъ, — перебила Василиса, качая головою,—разунься, да подь къ столу, я чай, съ пути-то поснѣдать хочешь...

И, не дожидаясь отвѣта, она придвинула къ столу лучину и начала хлопотать подлѣ горшковъ.

— Ну, дядя, вставай, повечеряй поди,—сказалъ Алексѣй.

— Ась?..

— Повечеряй поди!—крикнулъ парень, наклонясь къ его уху,—съ дороги-то, я чай, проголодался.

— Нѣтъ... охъ... спасибо, касатикъ... спасибо,—простоналъ старикъ, останавливаясь на каждомъ словѣ.

Онъ замоталъ какъ-то безсильно головою, ухватился руками за края лавки, закрылъ глаза и вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ.

— Что жъ ты, родной, аль недужится?..—спросила Василиса, подходя къ прохожему и стараясь вглядѣться ему въ лицо, — знамо, въ такую-то пору, безъ одежи... тебѣ, родной, попариться бы надыть, да время-то вишь позднее...

Старикъ приложилъ изрытую ладонь къ тощей груди своей и закашлялся; кашлю этому, казалось, конца не было.

— Спасибо...—проговорилъ онъ, переводя одышку и подымая глаза на хозяйку,—спасибо вамъ... что пустили...

— И-и-и... касатикъ, Господь съ тобою! сиди, обогрѣйся... да ты бы, право, поснѣдалъ чего: кашки, а нето и киселекъ есть у насъ...

— Нѣтъ... спасибо... охъ!.. вотъ кабы парень-то твой... пособилъ... силъ моихъ нѣтъ...

Онъ хотѣлъ еще что-то прибавить, но слова замерли въ его горлѣ; онъ ощупалъ вокругъ себя мѣсто, придвинулъ суму и медленно сталъ опускаться на лавку.

— Не нудь себя, дѣдушка, не нудь,—вымолвилъ Алексѣй, подсобляя старику растянуться на лавкѣ и подкладывая ему подъ голову сумку.—Ну, дѣдушка, ладно, что ли?

— Ладно, ладно, спасибо... родной... охъ!—проговорилъ старикъ, сжимая губы, чтобы удержать стоны и щелканье зубовъ.

— Ладно, такъ и Христосъ съ тобой; спи, авось ночью переможешься, объ утро легче станетъ... Я чай, и намъ пора, матушка,—промолвилъ парень, обратясь къ матери; но, увидя, что она молилась передъ образами, онъ взобрался на печку и началъ раздѣваться.

Немного погодя, старушка затушила лучину и присоединилась къ сыну.

Въ избушкѣ стало тихо... Ревъ вѣтра, то глухой, какъ похоронное причитанье, то свирѣпый и пронзительный, какъ дикая

разгульная пѣсня, загудѣлъ снова на дворахъ и въ навѣсахъ. Иной разъ весь этотъ грохотъ метели падалъ, какъ бы сломанный внезапно на пути своемъ вражескою силой,—воцарялось мертвое молчаніе... И вдругъ, откуда ни возьмись, летѣли новые вихри, росли, подымались хребтами, вторгались со всѣхъ сторонъ въ проулки, потрясали ворота, навѣсы и дико рвались вокругъ лачужекъ, какъ бы желая срыть ихъ съ основанія.

Но, сколько ни надрывалась буря, сколько ни разсылала она вихрей,—все было напрасно; грозный ревъ не доходилъ, по крайней мѣрѣ, до слуха Василисы; утомленная дневными хлопотами и заботами, старушка не успѣла перекрестить изголовье, какъ уже голова ея склонилась и сладкій сонъ оковалъ ея усталые члены. Что жъ касается до Алексѣя, ему также ни почемъ былъ голосъ вьюги: онъ лежалъ, не смыкая глазъ, и ничего не слышалъ... Глухой стонъ, раздавшійся на лавкѣ подъ образами, вывелъ его, однакожъ, изъ забывчивости: онъ вспомнилъ присутствіе прохожаго и насторожилъ слухъ.

Стонъ повторился еще протяжнѣе.

— Дѣдушка, что ты?—спросилъ парень, приподымаясь на локтѣ.

— Подь сюда...

Голосъ, съ какимъ были произнесены эти слова, отозвался почему-то въ самомъ сердцѣ молодого парня; онъ проворно соскочилъ съ печки, зажегъ лучину и подошелъ къ лавкѣ.

Старикъ лежалъ попрежнему врастяжку; члены его, однакожъ, перестали трястись, и только бѣлые зрачки его блуждали съ безпокойствомъ вокругъ.

— Что съ тобой, дѣдушка? прихватило, что ли?—вымолвилъ Алексѣй, нагибаясь къ блѣдному, заостренному лицу старика.

— Гдѣ старуха-то... я ее не вижу... она тебѣ мать?—произнесъ больной.

— Мать, а что?..—спросилъ Алексѣй, котораго невольно начиналъ пронимать страхъ.

— Позови ее сюда...—отвѣчалъ старикъ едва внятно.

Алексѣй заложилъ въ свѣтецъ лучину, разбудилъ мать, и, минуту спустя, оба очутились подлѣ лавки.

— Тетушка,—сказалъ старикъ, обращая тусклый взоръ на Василису, — пришелъ, видно, мой часъ помирать... ты и парень твой... не отогнали меня... пустили какъ родного... Богъ васъ не оставитъ...

— И-и-и, касатикъ, что ты, опомнись... старѣе да хворѣе тебя живутъ... полно, Богъ милостивъ!..

— Нѣтъ, тетка, чую—смерть пришла... спасибо вамъ... охъ... не дали помереть на улицѣ... будьте же до конца родными мнѣ... никого у меня нѣтъ... все мое... добро...

Онъ отвелъ глаза отъ старухи и остановился.

— И-и-и, касатикъ, на что намъ добро твое, мы не изъ корысти какой пустили тебя; мы, касатикъ, и своимъ довольны, благодаримъ Царя Небеснаго!..

Больной снова устремилъ потухающій взоръ на старуху, хотѣлъ что-то сказать, но снова остановился. Прошло нѣсколько минутъ тягостнаго ожиданія для Василисы и ея сына, которые стояли, прикованные страхомъ, и не сводили глазъ со старика. Едва слышный стонъ вырвался, наконецъ, изъ груди его; онъ приподнялъ длинныя сухія руки, вперилъ полуоткрытые глаза на старуху и произнесъ отрывисто:

— Пошли... сына въ село Аблезино... тамъ за рощей... подлѣ громоваго колодца... дупло... зарыта ку... кубышка... двадцать лѣтъ копилъ!.. никому только... не сказывай...—продолжалъ онъ ослабѣвающимъ голосомъ.—Вы меня... призрѣли... возьмите... за добро ваше... Господи! прости прегрѣшенія... охъ!..

— Касатикъ, дѣдушка! что ты, очнись! Христосъ съ тобой, кормилецъ! слышь, не сбѣгать ли парню за попомъ?..—крикнули въ одно время Василиса и сынъ ея.

Старикъ скрестилъ руки на груди, потянулся и закрылъ глаза.

Василиса и сынъ ея бросились къ лучинѣ.

Когда они вернулись къ лавкѣ и взглянули, при трепетномъ свѣтѣ угасающей лучины, въ лицо прохожему,—онъ былъ уже мертвъ.

Васильевъ вечеръ—канунъ новаго года.

Непреклонный—непреклоняющійся, стоящій твердо, неколебимый, стойкій въ намѣреніяхъ. Такова моя непреклонная воля.

Наметъ—то, что наметано, накидано, насыпь, снѣжный сугробъ.

Калика перехожая—странствующій, нищенствующій богатырь, нынѣ—нищій, распѣвающій стихи и духовныя пѣсни; потому и спутали **калику** съ **калѣкой**. Приходили калики перехожія, они крестъ кладутъ по писаному, поклонъ ведутъ по ученому (был.).

Острый—вострый, здѣсь значитъ бойкій. Какія еще значенія имѣетъ это слово? Назовите примѣры.

На слуху быть—слушать во всѣ уши. Сравни: быть на чеку.

Молчанка—безмолвіе, молчаніе. Что значитъ: Играть въ молчанку.

Рядно—грубый деревенскій холстъ.

Пригубить—отвѣдать питія, вина, приложить губы.

Конекъ—гребень крыши; въ переносн. значен.: любимое, страсть. У каждаго свой конекъ.

Закормъ—искаженн. сл.: закромъ, сусѣкъ (отъ сл. кромѣ, кромить—отдѣлять), въ хлѣбныхъ амбарахъ отгородка для ссыпанія зерна. На гумнѣ ни снопа, въ закромахъ ни зерна (Кольц.).

Понява—шерстяная, полосатая юбка.

Пришипиться—притаиться, присмирѣть.

Нагрянуть—явиться внезапно, застигнуть врасплохъ. Гости нагрянули.—Съ чѣмъ нагрянулъ, съ тѣмъ и отпрянулъ.

Мостить—застилать чѣмъ-либо улицу, дорогу. Моститься—быть мостиму, мостить свой участокъ, подыматься куда-либо при помощи какого-ниб. приспособленія. Загадка: мостится мостъ безъ досокъ, безъ топора и безъ клина. Что значитъ: **взмоститься, примоститься?**

Перекрестный — пересѣкающійся крестомъ, накрестъ. Перекрестный огонь—букв.: выстрѣлы, кои скрещиваются. Часто употребл. въ переносномъ значеніи: наприм.—? Свидѣтель былъ подвергнутъ перекрестному допросу.

Зыбкій, зыбучій—качкій, валкій, что склонно колыхаться. Зыбкій челнъ.—Выводы его покоятся на весьма зыбкомъ основаніи.

Полокъ—помостъ со ступенями въ банѣ, гдѣ парятся. Полокъ мягче перины.

Дробить—дѣлить на части, раздроблять. Такъ тяжкій млатъ, дробя стекло, куетъ булатъ (Пушк.). Волна дробится объ утесъ.

Понамарь—причетникъ, церковнослужитель, который зажигаетъ свѣчи въ церкви, звонитъ въ колокола, вообще прислуживаетъ въ церкви.—Что значитъ: читаетъ, какъ понамарь. Читай, не такъ, какъ понамарь, а съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой (Грибоѣд.).

Долговязый—высокій ростомъ, но худой и нескладный.

Сотскій—родъ полицейскаго надзирателя въ деревняхъ, по выбору крестьянъ.

Мозглявый—слабый, хилый, тщедушный.

Сноха (сыноха)—жена сына, невѣстка.

Толмачить—объяснять, разсказывать, а также: переводить съ одного языка на другой. Отсюда же **толмачъ**—переводчикъ.

Трафиться (нѣмецк.)—случаться, попадаться, встрѣчаться.

Всполохнуться—то же, что всполошиться.

Христарадникъ—нищій, просящій милостыни именемъ Христа.

Грызть окна—просить подаянія.

Радѣтельный—старательный, усердный, заботливый, ревностный; сюда относ. глаг. **радѣть**—заботиться о комъ, хлопотать о комъ. Ну, какъ не порадѣть родному человѣчку (Гриб.).

Запропаститься (запропасть, запропадать)—дѣваться неизвѣстно куда, исчезнуть. „Лежала на столѣ четвертка чистой бумаги", сказалъ онъ (Плюшкинъ), „да не знаю, куда запропастилась" (Гоголь).

Запамятовать—забыть. Фамилію даже называли, только запамятовалъ-съ (Тург.).

Запомнить—1) удерживать, сохранять въ памяти. Запомни же нынѣ ты слово мое (Пушк. „Пѣснь о вѣщ. Ол.").—Я запомнилъ эту пѣсню отъ слова до слова (Лерм.). 2) забывать. Виновата, запомнила-съ, завтра скажу (Лѣск.). 3) припоминать, вспоминать о чемъ-либо. Ей Богу! такого никто не запомнитъ городничаго! (Гог. „Ревизоръ").

Довершать—1) оканчивать, додѣлывать, приводить къ совершенію. Довершить

начатое дѣло.—Ахъ, матушка, не довершай удара! (Грибоѣд.). 2) довести до верха, до вершины. Довершить стогъ сѣна.

Вечерять—проводить вечеръ, ужинать. Вечеромъ, немного можетъ-быть раньше теперешняго, усѣлись вечерять (Гог.).

Причитанье—припѣвъ съ плачемъ, напр. по покойникѣ, по сынѣ, котораго отдаютъ въ солдаты, по дѣвушкѣ, выходящей замужъ.

Насторожить — ставить для стороженья, поимки. Насторожить уши, слухъ — прислушиваться.

Кубышка—кувшинъ съ узкимъ горлышкомъ, съ раздутыми боками; также ларецъ для денегъ. Кубышку набить — накопить денегъ.

Зимой. Съ картины *А. Галлена.*

58. Морозъ Красный Носъ.

Изъ стихотворенія *Н. Некрасова.*

I.

Въ селѣ, за четыре версты,
у церкви, гдѣ вѣтеръ шатаетъ
подбитые бурей кресты,
мѣстечко старикъ выбираетъ;
усталъ онъ, работа трудна,
тутъ тоже сноровка нужна —
чтобъ крестъ было видно съ дороги,
чтобъ солнце играло кругомъ.

Въ снѣгу до колѣнъ его ноги,
въ рукахъ его заступъ и ломъ,
вся въ инеѣ шапка большая,
усы, борода въ серебрѣ.

Недвижно стоитъ, размышляя,
старикъ на высокомъ бугрѣ.

Рѣшился. Крестомъ обозначилъ,
гдѣ будетъ могилу копать,
крестомъ осѣнился и началъ
лопатою снѣгъ разгребать.

Согнувъ свою старую спину,
онъ долго прилежно копалъ,
и желтую мерзлую глину
тотчасъ же снѣжокъ застилалъ.

Ворона къ нему подлетѣла,
потыкала носомъ, прошлась:
земля какъ желѣзо звенѣла,
ворона ни съ чѣмъ убралась...

Могила на славу готова,—
„не мнѣ бъ эту яму копать!“
(у стараго вырвалось слово)
„не Проклу бы въ ней почивать,

не Проклу!..“ Старикъ оступился,
изъ рукъ его выскользнулъ ломъ
и въ бѣлую яму скатился,
старикъ его вынулъ съ трудомъ.

Пошелъ... по дорогѣ шагаетъ...
Нѣтъ солнца, луна не взошла...
Какъ будто весь міръ умираетъ:
затишье, снѣжокъ, полумгла...

II.

Сурово метелица выла
и снѣгомъ кидала въ окно,
не весело солнце всходило:
въ то утро свидѣтелемъ было
печальной картины оно.

Савраска, запряженный въ сани,
понуро стоялъ у воротъ;
безъ лишнихъ рѣчей, безъ рыданій
покойника вынесъ народъ.

Ну, трогай, Саврасушка, трогай!
натягивай крѣпче гужи!
служилъ ты хозяину много,
въ послѣдній разокъ послужи!..

Чу! два похоронныхъ удара!
Попы ожидаютъ,—иди!..
Убитая, скорбная пара,
шли мать и отецъ впереди.

Ребята съ покойникомъ оба
сидѣли, не смѣя рыдать,
и, правя Савраской, у гроба
съ возжами ихъ бѣдная мать
шагала.....

III.

...Дарья домой воротилась—
прибраться, дѣтей накормить.
Ай-ай, какъ изба настудилась!
Торопится печь затопить,

анъ глянь—ни полѣна дровишекъ...
Задумалась бѣдная мать:
покинуть ей жаль ребятишекъ,
хотѣлось бы ихъ приласкать,

да времени нѣту на ласки.
Къ сосѣдкѣ свела ихъ вдова
и тотчасъ на томъ же Савраскѣ
поѣхала въ лѣсъ, по дрова.

Съ картины В. Перова.

Похороны.

Окончивъ привычное дѣло,
на дровни сложила дрова,
за возжи взялась и хотѣла
пуститься въ дорогу вдова.

Да вновь пораздумалась, стоя,
топоръ машинально взяла
и тихо, прерывисто воя,
къ высокой соснѣ подошла.

Едва ее ноги держали,
душа истомилась тоской,
настало затишье печали—
невольный и страшный покой!..

Стоитъ подъ сосной чуть живая,
безъ думы, безъ стона, безъ слезъ.
Въ лѣсу тишина гробовая—
день свѣтелъ, крѣпчаетъ морозъ.

IV.

Не вѣтеръ бушуетъ надъ боромъ,
не съ горъ побѣжали ручьи,
Морозъ-воевода дозоромъ
обходитъ владѣнья свои.

Глядитъ—хорошо ли метели
лѣсныя тропы занесли,
и нѣтъ ли гдѣ трещины, щели,
и нѣтъ ли гдѣ голой земли?

пушисты ли сосенъ вершины,
красивъ ли узоръ на дубахъ?
и крѣпко ли скованы льдины
въ великихъ и малыхъ водахъ?

Идетъ—по деревьямъ шагаетъ,
трещитъ по замерзлой водѣ,
и яркое солнце играетъ
въ косматой его бородѣ.

Дорога вездѣ чародѣю.
Чу! ближе подходитъ, сѣдой,
и вдругъ очутился надъ нею,
надъ самой ея головой!

Забравшись на сосну большую,
по вѣточкамъ палицей бьетъ
и самъ про себя удалую,
хвастливую пѣсню поетъ:

„взглядись, молодица, смѣлѣе,
каковъ воевода Морозъ!
наврядъ тебѣ парня сильнѣе
и краше видать привелось?

Метели, снѣга и туманы
покорны морозу всегда;
пойду на моря-океаны—
построю дворцы изо льда.

Задумаю—рѣки большія
надолго упрячу подъ гнетъ,
построю мосты ледяные,
какихъ не построитъ народъ.

Гдѣ быстрыя, шумныя воды
недавно свободно текли,—
сегодня прошли пѣшеходы,
обозы съ товаромъ прошли.

Богатъ я, казны не считаю,
а все не скудѣетъ добро;
я царство мое убираю
въ алмазы, жемчугъ, серебро.

V.

„Тепло ли тебѣ, молодица?“
съ высокой сосны ей кричитъ.
— Тепло! отвѣчаетъ вдовица,
сама холодѣетъ, дрожитъ.

Морозко спустился пониже,
опять помахалъ булавой
и шепчетъ ей ласковѣй, тише:
„Тепло ли?..“ — Тепло, золотой!—

Тепло,—а сама коченѣетъ.
Морозко коснулся ее:
въ лицо ей дыханіемъ вѣетъ
и иглы колючія сѣетъ
съ сѣдой бороды на нее.

Въ сверкающій иней одѣта,
стоитъ, холодѣетъ она,
и снится ей жаркое лѣто—
не вся еще рожь свезена,

но сжата,—полегче имъ стало!
Возили снопы мужики,
а Дарья картофель копала
съ сосѣднихъ полосъ у рѣки.

Свекровь ея тутъ же, старушка,
трудилась; на полномъ мѣшкѣ
красивая Маша, рѣзвушка,
сидѣла съ морковкой въ рукѣ.

Телѣга, скрипя, подъѣзжаетъ—
Савраска глядитъ на своихъ,
и Проклушка крупно шагаетъ
за возомъ сноповъ золотыхъ.

— Богъ помочь! А гдѣ же
Гришуха?
отецъ мимоходомъ сказалъ.
„Въ горохахъ", сказала старуха.
— Гришуха! отецъ закричалъ,

на небо взглянулъ.—Чай, не рано?
Испить бы... Хозяйка встаетъ
и Проклу изъ бѣлаго жбана
напиться кваску подаетъ.

Гришуха межъ тѣмъ отозвался:
горохомъ опутанъ кругомъ,
проворный мальчуга казался
бѣгущимъ зеленымъ кустомъ.

— Бѣжитъ!.. у!.. бѣжитъ,
пострѣленокъ,
горитъ подъ ногами трава!—
Гришуха черёнъ, какъ галчонокъ,
бѣла лишь одна голова.

Крича, подбѣгаетъ въ присядку
(на шеѣ горохъ хомутомъ).
Попотчевалъ баушку, матку,
сестренку—вертится вьюномъ!

Отъ матери молодцу ласка,
отецъ мальчугана щипнулъ;
межъ тѣмъ не дремалъ и
Савраска:
онъ шею тянулъ да тянулъ,

добрался,—оскаливши зубы,
горохъ аппетитно жуетъ,
и въ мягкія добрыя губы
Гришухино ухо беретъ...

Чу, пѣсня! знакомые звуки!
Хорошъ голосокъ у пѣвца...
Послѣдніе признаки муки
у Дарьи исчезли съ лица;

душой улетая за пѣсней,
она отдалась ей вполнѣ...
Нѣтъ въ мірѣ той пѣсни
прелестнѣй,
которую слышимъ во снѣ!

Нѣтъ глубже, нѣтъ слаще покоя,
какой посылаетъ намъ лѣсъ,
недвижно, безтрепетно стоя,
подъ холодомъ зимнихъ небесъ.

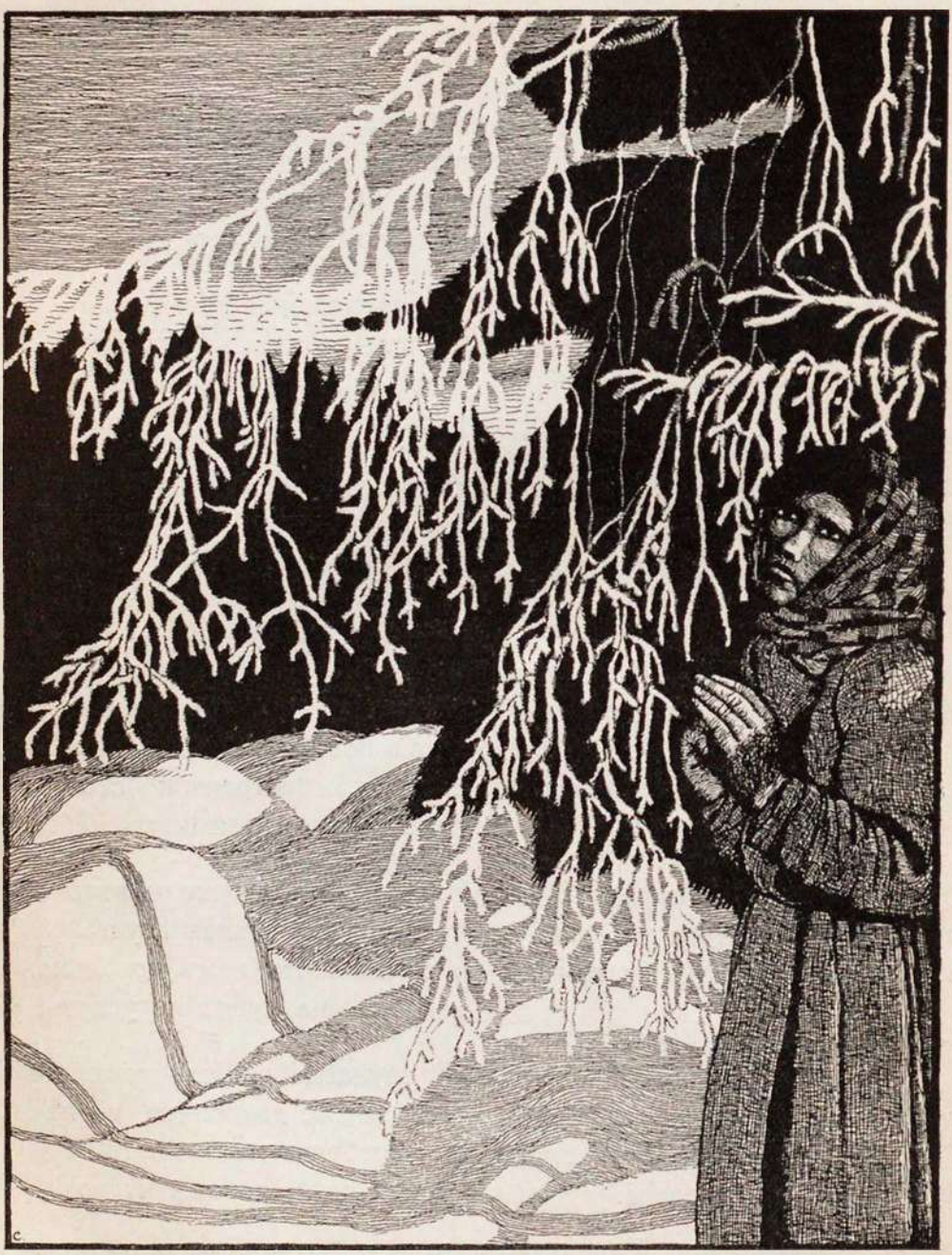
Нигдѣ такъ глубоко и вольно
не дышитъ усталая грудь,
и ежели жить намъ довольно,
намъ слаще нигдѣ не уснуть!

Ни звука! И видишь ты синій
сводъ неба, да солнце, да лѣсъ,
въ серебряно-матовый иней
наряженный, полный чудесъ,

влекущій невѣдомой тайной,
глубоко-безстрастный... Но вотъ
послышался шорохъ случайный—
вершинами бѣлка идетъ.

Комъ снѣга она уронила
на Дарью, прыгнувъ по соснѣ.

А Дарья стояла и стыла
въ своемъ заколдованномъ снѣ.



Подбить что, чѣмъ, подо что—подколачивать, прибить снизу. Подбить сапоги.—Шуба подбита бѣличьимъ мѣхомъ. А что значитъ: вѣтромъ подбито?—Онъ ходитъ съ подбитымъ глазомъ.—Лодку подбило подъ барку.—Онъ подбилъ его подъ ножку.—Подбить вѣтромъ,

морозомъ—повредить. **Подбивать** кого на что—подстрекать, наущать. Онъ подбилъ меня на это дѣло.

Сноровка—умѣнье, ловкость въ тѣлѣ, навыкъ. У всякаго своя сноровка.

Почивать, почить—спать, отдыхать, покоиться, умереть, лежать въ могилѣ Спи, почивай, угомонъ возьми (колыб. пѣсня).—И почилъ Богъ въ день седьмый отъ трудовъ своихъ. — Въ Бозѣ почившій. — Здѣсь (или подъ симъ камнемъ) почіетъ прахъ такого-то. — Почивать на лаврахъ. См. примѣръ къ слову „истлѣвать“ (стр. 12).

Понурый—наклонный, потупленный, обращенный долу. Понурая лошадь съ повислою головою. — Онъ понуро глядитъ.

Гужъ—толстая веревка или ремень, употребляемый всего чаще для утвержденія оглобли и дуги. Гужи ослабли.—**Гужомъ**—на возахъ. Товары возятся водой и гужомъ.—*Взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ.*

Прибрать, прибирать—1) убрать то, что стоитъ не на мѣстѣ, мѣшаетъ, привести въ порядокъ; 2) подбирать, пріискивать что впору, вмѣру. Прибрать комнаты.—Новая свѣтелка чисто прибрана (Мей). — Прибери волосы.—Прибрать ключъ къ замку. Что значитъ: прибрать кого или что къ рукамъ?—Это стойлице коровье, а коровку Богъ прибралъ (Некр.).

Палица—трость, дубинка. Учинилася бой-драка великая: они тяжкими палицами ударились, у нихъ тяжкія палицы разгоралися. (был.).

Скудѣть—оскудѣвать, нищать, умаляться въ количествѣ. Ѣдоковъ много работниковъ не стало, и хозяйство скудѣетъ.

Свекровь—мать мужа. Свекоръ — гроза, а свекровь выѣстъ глаза.—Ахъ, вечоръ меня больно свекоръ билъ, а свекровь, ходя, похваляется: „хорошо учить чужихъ дѣтей“ (нар. пѣсня).

Жбанъ—сосудъ въ видѣ кувшина съ навѣшенной крышкой, для кваса и браги. Попивали медъ изъ жбана („Кон.-Горб.“).

*

59. Жена ямщика.

Стихотвореніе *И. Никитина.*

Жгучъ морозъ трескучій,
на дворѣ темно;
серебристый иней
запушилъ окно.

Тяжело и скучно,
тишина въ избѣ;
только вѣтеръ воетъ
жалобно въ трубѣ.

И горитъ лучина,
издавая трескъ,
на палати, стѣны
разливая блескъ.

Дремлетъ подлѣ печки,
прислонясь къ стѣнѣ,
мальчуганъ кудрявый
въ старомъ зипунѣ.

Слабо освѣщаетъ
блѣдный огонекъ
дѣтскую головку
и румянецъ щекъ.

Тѣнь его головки
на стѣнѣ лежитъ;
на скамьѣ, за прялкой
мать его сидитъ.

Ей не даромъ снился
страшный сонъ вчера:
вся душа изныла
съ ранняго утра.

Пятая недѣля
вотъ къ концу идетъ,
мужъ что въ воду канулъ,
вѣсточки не шлетъ.
„Ну, Господь помилуй,
если съ мужикомъ
грѣхъ какой случился
на пути глухомъ!
„Дѣло мое бабье,
цѣлый вѣкъ больна,
что я буду дѣлать
одиной-одна.
„Сынъ еще ребенокъ,
скоро ль подрастетъ?
Бѣдный!.. все гостинца
отъ отца онъ ждетъ!..“
И глядитъ на сына
горемыка-мать:
„ты бы легъ, касатикъ,
перестань дремать“.
— „А зачѣмъ же, мама,
ты сама не спишь,
и вечоръ все пряла,
и теперь сидишь?“
— „Охъ, мой ненаглядный,
прясть-то нѣтъ ужъ силъ:
что-то такъ мнѣ грустно,
Божій свѣтъ не милъ!“
— „Полно плакать, мама!“
мальчуганъ сказалъ
и къ плечу родимой
головой припалъ.
— „Я не стану плакать.
Лягъ, усни, дружокъ;
я тебѣ соломки
принесу снопокъ,
„постелю постельку,
и Господь пошлетъ —
твой отецъ гостинецъ
скоро привезетъ;
„новыя салазки
сдѣлаетъ опять,
будетъ въ нихъ сыночка
по двору катать...“
И дитя забылось,
ночь длинна-длинна...
Мѣрно раздается
звукъ веретена.
Дымная лучина
чуть въ свѣтцѣ горитъ,
только вьюга какъ-то
жалобнѣй шумитъ.
Мнится, будто стонетъ
кто-то у крыльца,
словно провожаютъ
съ плачемъ мертвеца...
И на память пряхѣ
молодость пришла,
вотъ и мать-старушка,
мнится, ожила.
Сѣла на лежанку
и на дочь глядитъ:
„сохнешь ты, родная,
сохнешь, говоритъ;
„гдѣ тебѣ, голубкѣ,
за мужемъ-то жить,
трудъ, порой рабочей,
въ полѣ выносить.
„И въ кого родилась
ты съ такимъ лицомъ?
Старшія-то сестры
кровь, вѣдь, съ молокомъ;
„и разгульны, правда,
нечего сказать,
да зато имъ шутка
молотить и жать,
„а тебя за разумъ
хвалитъ вся семья,

да любить-то... любитъ
только мать твоя".
Вотъ въ сѣняхъ избушки
кто-то застучалъ.
„Батюшка пріѣхалъ!"
мальчуганъ сказалъ
и вскочилъ съ постели,
щеки ярче розъ:
„батюшка пріѣхалъ,
калачей привезъ!.."
— „Вишь морозъ какъ крѣпко
дверь-то прихватилъ!"
грубо гость знакомый
вдругъ заговорилъ...
И мужикъ плечистый
сильно дверь рванулъ,
на порогѣ съ шапки
иней отряхнулъ,
осѣнилъ три раза
грудь свою крестомъ,
почесалъ затылокъ
и сказалъ потомъ:
— „Здравствуешь, сосѣдка!
Какъ живешь, мой свѣтъ?
Экая погодка,
въ полѣ слѣду нѣтъ.
„Ну, не съ доброй вѣстью
я къ тебѣ пришелъ:
я лошадокъ вашихъ
изъ Москвы привелъ".
— „А мой мужъ?" спросила
ямщика жена,
и бѣлѣе снѣга
сдѣлалась она.
— „Да, въ Москву пріѣхавъ,
вдругъ онъ захворалъ,
и Господь бѣднягѣ
по душу послалъ".—
Вѣсть, какъ громъ, упала...
И, едва жива,
перевесть дыханья
не могла вдова;
опустивъ ручонки,
сынъ дрожалъ, какъ листъ...
За стѣной избушки
былъ и плачъ и свистъ.
— „Вишь, какая притча",
разсуждалъ мужикъ:
„вѣрно, я не впору
развязалъ языкъ.
„А, вѣдь, жалко бабу,
что и говорить.
Скоро ей придется
по міру ходить.
„Полно горевать-то",
онъ вдовѣ сказалъ:
„стало, неча дѣлать,
Богъ, знать, наказалъ.
„Ну, прощай покуда,
мнѣ домой пора;
лошади-то ваши
тутъ вотъ у двора.
„Да... вѣдь, эка память,
все сталъ забывать:
вотъ отецъ сынишкѣ
крестъ велѣлъ отдать.
„Самъ онъ черезъ силу
съ шеи его снялъ,
въ грамоткѣ мнѣ отдалъ
въ руки и сказалъ:
„вотъ благословенье
„сыну моему;
„пусть не забываетъ
„мать, скажи ему".
„А тебя-то, видно,
крѣпко онъ любилъ:
по-смерть твое имя
бѣдный, онъ твердилъ".

У харчевни. Съ картины *П. Соколова.*

Грѣхъ—1) поступокъ, противный законамъ Божескимъ; 2) вина, проступокъ, ошибка; 3) бѣда, несчастіе, напасть. Грѣхи любезны, доводятъ до бездны.—*Живемъ помаленьку, пока Богъ грѣхамъ терпитъ.—Плохо не клади, вора въ грѣхъ не вводи.—На грѣхъ мастера нѣтъ.—Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ.*—Что значитъ: Грѣхъ попуталъ.—Съ грѣхомъ пополамъ.—На грѣхъ.—Есть тотъ грѣхъ.

Мнить, мнѣть—думать, предполагать. Встань, бѣдный самозванецъ! Не мнишь ли ты колѣнопреклоненьемъ... тщеславное мнѣ сердце умилить? (Пушк.). **Мниться** — безлично: казаться, представляться, видѣться, мерещиться. Кого недугъ, кого печали свели во мракъ земли сырой— и всѣхъ мы братски поминали. И, мнится, очередь за мной (Пушк.). Что значитъ: **мнѣніе, мнимый, мнительный?**

Развязать языкъ—дать волю говорить. Вино языкъ развяжетъ. Также и обратно: Привяжи язычокъ!—Смерть всякому языкъ привяжетъ (Дмитр.). Развязать кому руки—дать полную свободу дѣйствій. Развязывай мошну! — готовься къ расходамъ. Что значитъ **развязный, развязность?**

Грамотка—простонар. уменьш. сл. грамота—1) письмецо. Я получилъ отъ него грамотку.—Пишетъ грамотки, да проситъ памятки. 2) бумага дѣловая и вообще бумага, даже не писаная. Здѣсь, очевидно, разумѣется, не письмо, а бумага, въ которую оно завернуто.

*

60 Крестьянинъ и смерть.

Басня *И. Крылова.*

Набравъ валежнику, порой холодной, зимней,
старикъ, изсохшій весь отъ нужды и трудовъ,
тащился медленно къ своей лачужкѣ дымной,
кряхтя и охая подъ тяжкой ношей дровъ.
Несъ, несъ онъ ихъ и утомился,
остановился,
на землю съ плечъ спустилъ дрова долой,
присѣлъ на нихъ, вздохнулъ и думалъ самъ съ собой:
„куда я бѣденъ, Боже мой!
нуждаюся во всемъ; къ тому жъ жена и дѣти,
а тамъ подушное, боярщина, оброкъ...
И выдался ль когда на свѣтѣ
хотя одинъ мнѣ радостный денекъ?“
Въ такомъ унынiи, на свой пеняя рокъ,
зоветъ онъ смерть; она у насъ не за горами,
а за плечами:
явилась вмигъ
и говоритъ: „зачѣмъ ты звалъ меня, старикъ?“
Увидѣвши ея свирѣпую осанку,
едва промолвить могъ бѣднякъ, оторопѣвъ:
„я звалъ тебя, коль не во гнѣвъ,
чтобъ помогла ты мнѣ поднять мою вязанку“.

Изъ басни сей
намъ видѣть можно,
что какъ бываетъ жить ни тошно,
а умирать еще тошнѣй.

Лачуга—хижинка, плохая избенка.

Боярщина—1) боярское имѣніе, помѣстье; 2) то же, что барщина, то-есть работа, которую крѣпостные крестьяне отправляли на помѣщика.

Оброкъ—подать, которую платили помѣщикамъ крестьяне, отпущенные ими на заработокъ.

Подушное—подать, которая вносилась крестьянами въ казну съ каждой души мужскаго пола.

Пенять—упрекать, укорять, выговаривать, изъявлять неудовольствіе. *На зеркало нечего пенять, коли рожа крива.*

61. Съ работы.

Стихотвореніе *Н. Некрасова.*

Здравствуй, хозяюшка! Здравствуйте, дѣтки!
Выпить бы. Эки стоятъ холода!
„Инъ ты забылъ, что намедни послѣдки
выпилъ съ десятникомъ?“
— Ну, не бѣда!
И безъ вина отогрѣюсь я, грѣшный.
ты обряди-ка савраску, жена;
поголодалъ онъ весною, сердечный,
какъ подобрались сѣна.
Экъ я умаялся!.. что, обрядила?
Дай-ка горяченькихъ щецъ.
„Печи я нынче, родной, не топила,
не было, знаешь, дровецъ!“
— Ну, и безъ щей поснѣдаю я, грѣшный.
Ты овсеца бы савраскѣ дала,—
въ лѣто одинъ онъ управилъ, сердечный,
пашни четыре тягла.
Трудно и нынче намъ съ бревнами было,
портится путь... Инъ и хлѣбушка нѣтъ?..
„Вышелъ, родной... У сосѣдей просила,
завтра сулили чѣмъ свѣтъ!“
— Ну, и безъ хлѣба улягусь я, грѣшный,
кинь подъ савраску соломки, жена!
Въ зиму-то вывезъ онъ, вывезъ, сердечный,
триста четыре бревна...

Десятникъ—старшій надъ рабочими, надсмотрщикъ, указчикъ.
Обрядить, обряжать—убирать, оправлять, приводить въ должный видъ.
Подбираться, подобраться—см. I часть, стр. 17.
Снѣдать, снѣсти—1) съѣдать, употреблять въ пищу; 2) разорять, губить, сокрушать. Снѣдаемый печалью, нуждою, болѣзнію. Что значитъ **снѣдь**?
Тягло—отъ сл. тяглый—обложенный податью; раскладка податей производилась по тягламъ, по душамъ, считая двѣ души на семью, на тягло; этимъ же словомъ обозначалась и мѣра земли.

62. Коля Красоткинъ.

Изъ романа *Ѳ. Достоевскаго* „Братья Карамазовы".

1.

Ноябрь въ началѣ. Морозъ градусовъ въ одиннадцать, а съ нимъ гололедица. На мерзлую землю упало въ ночь немного сухого снѣгу, и вѣтеръ сухой и острый подымаетъ его и мететъ по скучнымъ улицамъ городка и особенно по базарной площади. Утро мутное, но снѣжокъ пересталъ. Недалеко отъ площади, поблизости отъ лавки Плотниковыхъ, стоитъ небольшой, очень чистенькій и снаружи и снутри домикъ вдовы чиновника Красоткиной. Самъ губернскій секретарь Красоткинъ померъ уже очень давно, тому назадъ почти четырнадцать лѣтъ, вдова его живетъ въ своемъ чистенькомъ домикѣ „своимъ капиталомъ". Живетъ она честно и робко, характера нѣжнаго, но довольно веселаго. Осталась она послѣ мужа лѣтъ восемнадцати, проживъ съ нимъ всего лишь около году. Съ тѣхъ поръ, съ самой его смерти, она посвятила всю себя воспитанію своего нѣщечка мальчика Коли, и хоть любила его всѣ четырнадцать лѣтъ безъ памяти, но ужъ конечно перенесла съ нимъ несравненно больше страданій, чѣмъ выжила радостей, трепеща и умирая отъ страха чуть не каждый день, что онъ заболѣетъ, простудится, нашалитъ, полѣзетъ на стулъ и свалится и проч. и проч. Когда же Коля сталъ ходить въ школу и потомъ въ прогимназію, то мать бросилась изучать вмѣстѣ съ нимъ всѣ науки, чтобы помогать ему и репетировать съ нимъ уроки, бросилась знакомиться съ учителями и съ ихъ женами, ласкала даже товарищей Коли, школьниковъ и лисила предъ ними, чтобы не трогали Колю, не насмѣхались надъ нимъ, не прибили его. Довела до того, что мальчишки и въ самомъ дѣлѣ стали было чрезъ нее надъ нимъ насмѣхаться и начали дразнить его тѣмъ, что онъ маменькинъ сынокъ. Но мальчикъ сумѣлъ отстоять себя. Былъ онъ смѣлый мальчишка, „ужасно сильный", какъ пронеслась и скоро утвердилась молва о немъ въ классѣ, былъ ловокъ, характера упорнаго, духа дерзкаго и предпріимчиваго. Учился онъ хорошо, и шла даже молва, что онъ и изъ ариѳметики и изъ всемірной исторіи собьетъ самого учителя Дарданелова. Но мальчикъ хоть и смотрѣлъ на всѣхъ свысока, вздернувъ носикъ, но товарищемъ былъ хорошимъ и не превозносился. Уваженіе школьниковъ принималъ какъ должное,

но держалъ себя дружелюбно. Главное, зналъ мѣру, умѣлъ при случаѣ сдержать себя самого, а въ отношеніяхъ къ начальству никогда не переступалъ нѣкоторой послѣдней и завѣтной черты, за которою уже проступокъ не можетъ быть терпимъ, обращаясь въ безпорядокъ, бунтъ и беззаконіе. И однако онъ очень-очень не прочь былъ пошалить при всякомъ удобномъ случаѣ, пошалить какъ самый послѣдній мальчишка, и не столько пошалить, сколько что-нибудь намудрить, начудесить, задать „экстрафеферу“, шику, порисоваться. Главное, былъ очень самолюбивъ. Даже свою маму сумѣлъ поставить къ себѣ въ отношенія подчиненныя, дѣйствуя на нее почти деспотически. Она и подчинилась, о, давно уже подчинилась, и лишь не могла ни за что перенести одной только мысли, что мальчикъ ее „мало любитъ“. Ей безпрерывно казалось, что Коля къ ней „безчувственъ“, и бывали случаи, что она, обливаясь истерическими слезами, начинала упрекать его въ холодности. Мальчикъ этого не любилъ, и чѣмъ болѣе требовали отъ него сердечныхъ изліяній, тѣмъ какъ бы нарочно становился неподатливѣе. Но происходило это у него не нарочно, а невольно,— таковъ ужъ былъ характеръ. Мать ошибалась: маму свою онъ очень любилъ, а не любилъ только „телячьихъ нѣжностей“, какъ выражался онъ на своемъ школьническомъ языкѣ. Послѣ отца остался шкапъ, въ которомъ хранилось нѣсколько книгъ. Коля любилъ читать и про себя прочелъ уже нѣкоторыя изъ нихъ. Мать этимъ не смущалась и только дивилась иногда, какъ это мальчикъ вмѣсто того, чтобъ итти играть, простаиваетъ у шкапа по цѣлымъ часамъ надъ какою-нибудь книжкой. И такимъ образомъ Коля прочелъ кое-что, чего бы ему и не надо было давать читать въ его возрастѣ. Впрочемъ въ послѣднее время, хотя мальчикъ и не любилъ переходить въ своихъ шалостяхъ извѣстной черты, но начались шалости, испугавшія мать не на шутку,— правда, не безнравственныя какія-нибудь, зато отчаянныя, головорѣзныя. Какъ разъ въ это лѣто, въ іюлѣ мѣсяцѣ, во время вакацій, случилось такъ, что маменька съ сынкомъ отправилась погостить на недѣльку въ другой уѣздъ, за семьдесятъ верстъ, къ одной дальней родственницѣ, мужъ которой служилъ на станціи желѣзной дороги. Тамъ Коля началъ съ того, что оглядѣлъ желѣзную дорогу въ подробности, изучилъ распорядки, понимая, что новыми знаніями своими можетъ блеснуть, возвратясь домой, между школьниками своей прогимназіи. Но нашлись тамъ какъ

разъ въ то время и еще нѣсколько мальчиковъ, съ которыми и онъ сошелся, одни изъ нихъ проживали на станціи, другіе по сосѣдству, — всего молодого народа отъ двѣнадцати до пятнадцати лѣтъ сошлось человѣкъ шесть или семь, а изъ нихъ двое случились и изъ нашего городка. Мальчики вмѣстѣ играли, шалили, и вотъ на четвертый или на пятый день гощенія на станціи состоялось между глупою молодежью одно преневозможное пари въ два рубля, именно: Коля, почти изо всѣхъ младшій, а потому нѣсколько презираемый старшими, изъ самолюбія или безпардонной отваги, предложилъ, что онъ, ночью, когда придетъ одиннадцатичасовой поѣздъ, ляжетъ между рельсами ничкомъ и пролежитъ недвижимо, пока поѣздъ пронесется надъ нимъ на всѣхъ парахъ. Правда, сдѣлано было предварительное изученіе, изъ котораго оказалось, что дѣйствительно можно такъ протянуться и сплющиться вдоль между рельсами, что поѣздъ, конечно, пронесется и не задѣнетъ лежащаго, но однакоже каково пролежать! Коля стоялъ твердо, что пролежитъ. Надъ нимъ сначала смѣялись, звали лгунишкой, фанфаономъ, но тѣмъ пуще его подзадорили. Главное, эти пятнадцатилѣтніе слишкомъ ужъ задирали предъ нимъ носъ и сперва даже не хотѣли считать его товарищемъ, какъ „маленькаго“, что было уже нестерпимо обидно. И вотъ рѣшено было отправиться съ вечера за версту отъ станціи, чтобы поѣздъ, снявшись со станціи, успѣлъ уже совсѣмъ разбѣжаться. Мальчишки собрались. Ночь настала безлунная, не то что темная, а почти черная. Въ надлежащій часъ Коля легъ между рельсами. Пятеро остальныхъ, державшихъ пари, съ замираніемъ сердца, а наконецъ въ страхѣ и съ раскаяніемъ ждали внизу насыпи подлѣ дороги, въ кустахъ. Наконецъ загремѣлъ вдали поѣздъ, снявшійся со станціи. Засверкали изъ тьмы два красные фонаря, загрохотало приближающееся чудовище. „Бѣги, бѣги долой съ рельсовъ!“ закричали Колѣ изъ кустовъ умиравшіе отъ страха мальчишки, но было уже поздно: поѣздъ наскакалъ и промчался мимо. Мальчишки бросились къ Колѣ: онъ лежалъ недвижимо. Они стали его теребить, начали подымать. Онъ вдругъ поднялся и молча сошелъ съ насыпи. Сойдя внизъ, онъ объявилъ, что нарочно лежалъ какъ безъ чувствъ, чтобъ ихъ испугать, но правда была въ томъ, что онъ и въ самомъ дѣлѣ лишился чувствъ, какъ и признался потомъ самъ, уже долго спустя, своей мамѣ. Такимъ образомъ, слава „отчаяннаго“ за нимъ укрѣпилась навѣки. Воротился онъ домой на станцію блѣдный,

какъ полотно. На другой день заболѣлъ слегка нервною лихорадкой, но духомъ былъ ужасно веселъ, радъ и доволенъ. Происшествіе огласилось не сейчасъ, а уже въ городѣ, проникло и въ прогимназію и достигло до ея начальства. Но тутъ маменька Коли бросилась молить начальство за своего мальчика и кончила тѣмъ, что его отстоялъ и упросилъ за него уважаемый и вліятельный учитель Дарданеловъ, и дѣло оставили втуне, какъ не бывшее вовсе.

Читатели, конечно, припомнятъ, что Коля Красоткинъ былъ тотъ самый мальчикъ, котораго знакомый уже имъ мальчикъ Илюша, сынъ отставного штабсъ-капитана Снегирева, пырнулъ перочиннымъ ножичкомъ въ бедро, заступаясь за отца, котораго школьники задразнили „мочалкой“.

Итакъ, въ то морозное и сиверкое ноябрьское утро, мальчикъ Коля Красоткинъ сидѣлъ дома. Было воскресенье и классовъ не было. Но пробило уже одиннадцать часовъ, а ему непремѣнно надо было итти со двора „по одному весьма важному дѣлу“, а между тѣмъ онъ во всемъ домѣ оставался одинъ и рѣшительно какъ хранитель его, потому что такъ случилось, что всѣ его старшіе обитатели, по нѣкоторому экстренному и оригинальному обстоятельству, отлучились со двора. Въ домѣ вдовы Красоткиной, чрезъ сѣни отъ квартиры, которую занимала она сама, отдавалась еще одна и единственная въ домѣ квартирка изъ двухъ маленькихъ комнатъ внаймы, и занимала ее докторша съ двумя малолѣтними дѣтьми. Эта докторша была однихъ лѣтъ съ Анной Ѳедоровной и большая ея пріятельница, самъ же докторъ вотъ уже съ годъ заѣхалъ куда-то сперва въ Оренбургъ, а потомъ въ Ташкентъ, и уже съ полгода какъ отъ него не было ни слуху ни духу, такъ что, если бы не дружба съ г-жою Красоткиной, нѣсколько смягчавшая горе оставленной докторши, то она рѣшительно бы истекла отъ этого горя слезами. Въ это утро обѣ дамы были по дѣламъ въ отлучкѣ, служанка же самой г-жи Красоткиной, баба Агаѳья, ушла на базаръ, и Коля очутился такимъ образомъ на время хранителемъ и караульщикомъ „пузырей“, то-есть мальчика и дѣвочки докторши, оставшихся одинешенькими. Караулить домъ Коля не боялся, съ нимъ къ тому же былъ Перезвонъ, которому повелѣно было лежать ничкомъ въ передней подъ лавкой „безъ движеній“ и который именно поэтому, каждый разъ какъ входилъ въ переднюю расхаживавшій по комнатамъ Коля, вздрагивалъ головой и давалъ два твердые и заискивающіе удара хвостомъ по полу, но, увы,

призывнаго свистка не раздавалось. Коля грозно взглядывалъ на несчастнаго пса, и тотъ опять замиралъ въ послушномъ оцѣпенѣніи. Но если что смущало Колю, то единственно „пузыри“. Настя, старшая дѣвочка восьми уже лѣтъ, умѣла читать, а младшій пузырь, семилѣтній мальчикъ, Костя, очень любилъ слушать, когда Настя ему читаетъ. Разумѣется, Красоткинъ могъ бы ихъ занять интереснѣе, то-есть поставить обоихъ рядомъ и начать съ ними играть въ солдаты или прятаться по всему дому. Это онъ не разъ уже дѣлалъ, такъ что даже въ классѣ у нихъ разнеслось было разъ, что Красоткинъ у себя дома играетъ съ маленькими жильцами своими въ лошадки, прыгаетъ за пристяжную и гнетъ голову, но Красоткинъ гордо отпарировалъ это обвиненіе, выставивъ на видъ, что со сверстниками, съ тринадцатилѣтними, дѣйствительно было бы позорно играть „въ нашъ вѣкъ“ въ лошадки, но что онъ дѣлаетъ это для „пузырей“, потому что ихъ любитъ, а въ чувствахъ его никто не смѣетъ у него спрашивать отчета. Зато и обожали же его оба „пузыря“. Но на сей разъ было не до игрушекъ. Ему предстояло одно очень важное собственное дѣло, и на видъ какое-то почти даже таинственное, между тѣмъ время уходило, а Агаѳья, на которую можно бы было оставить дѣтей, все еще не хотѣла возвратиться съ базара. Онъ нѣсколько разъ уже переходилъ чрезъ сѣни, отворялъ дверь къ докторшѣ и озабоченно оглядывалъ „пузырей“, которые, по его приказанію, сидѣли за книжкой, и каждый разъ, какъ онъ отворялъ дверь, молча улыбались ему во весь ротъ, ожидая, что вотъ онъ войдетъ и сдѣлаетъ что-нибудь прекрасное и забавное. Но Коля былъ въ душевной тревогѣ и не входилъ. Наконецъ пробило одиннадцать, и онъ твердо и окончательно рѣшилъ, что если чрезъ десять минутъ „проклятая“ Агаѳья не воротится, то онъ уйдетъ со двора, ея не дождавшись, разумѣется, взявъ съ „пузырей“ слово, что они безъ него не струсятъ, не нашалятъ и не будутъ отъ страха плакать. Въ этихъ мысляхъ онъ одѣлся въ свое ватное зимнее пальтишко съ мѣховымъ воротникомъ изъ какого-то котика, навѣсилъ черезъ плечо свою сумку и, несмотря на прежнія неоднократныя мольбы матери, чтобы онъ по „такому холоду“, выходя со двора, всегда надѣвалъ калошки, только съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на нихъ, проходя чрезъ переднюю, и вышелъ въ однихъ сапогахъ. Перезвонъ, завидя его одѣтымъ, началъ было усиленно стучать хвостомъ по полу, нервно подергиваясь всѣмъ тѣломъ, и даже испу-

стилъ было жалобный вой, но Коля, при видѣ такой страстной стремительности своего пса, заключилъ, что это вредитъ дисциплинѣ, и хоть минуту, а выдержалъ его еще подъ лавкой, и уже, отворивъ только дверь въ сѣни, вдругъ свистнулъ его. Песъ вскочилъ какъ сумасшедшій и бросился скакать предъ нимъ отъ восторга. Перейдя сѣни, Коля отворилъ дверь къ „пузырямъ“. Оба попрежнему сидѣли за столикомъ, но уже не читали, а жарко о чемъ-то спорили. Эти дѣтки часто другъ съ другомъ спорили о разныхъ вызывающихъ житейскихъ предметахъ, причемъ Настя, какъ старшая, всегда одерживала верхъ, Костя же, если не соглашался съ нею, то всегда почти шелъ апеллировать къ Колѣ Красоткину, и ужъ какъ тотъ рѣшалъ, такъ оно и оставалось въ видѣ непреложнаго приговора для всѣхъ сторонъ.

— Пузыри, я въ затрудненіи,—началъ важно Красоткинъ,—и вы должны мнѣ помочь: Агаѳья, конечно, ногу сломала, потому что до сихъ поръ не является, это рѣшено и подписано, мнѣ же необходимо со двора. Отпустите вы меня, али нѣтъ?

Дѣти озабоченно переглянулись другъ съ другомъ, осклабившіяся лица ихъ стали выражать безпокойство. Они впрочемъ еще не понимали вполнѣ, чего отъ нихъ добиваются.

— Шалить безъ меня не будете? Не полѣзете на шкапъ, не сломаете ногъ? Не заплачете отъ страха одни?

На лицахъ дѣтей выразилась страшная тоска.

— А я бы вамъ за то могъ вещицу одну показать, пушечку мѣдную, изъ которой можно стрѣлять настоящимъ порохомъ.

Лица дѣтокъ мгновенно прояснились.

— Покажите пушечку,—весь просіявшій проговорилъ Костя.

Красоткинъ запустилъ руку въ свою сумку и, вынувъ изъ нея маленькую бронзовую пушечку, поставилъ ее на столъ.

— То-то покажите! Смотри, на колескахъ,—прокатилъ онъ игрушку по столу,—и стрѣлять можно. Дробью зарядить и стрѣлять.

— И убьетъ?

— Всѣхъ убьетъ, только стоитъ навести,—и Красоткинъ растолковалъ, куда положить порохъ, куда вкатить дробинку, показалъ на дырочку въ видѣ затравки и разсказалъ, что бываетъ откатъ. Дѣти слушали со страшнымъ любопытствомъ. Особенно поразило ихъ воображеніе, что бываетъ откатъ.

— А у васъ есть порохъ?—освѣдомилась Настя.

— Есть.

— Покажите и порохъ,—протянула она съ просящей улыбкой.

Красоткинъ опять слазилъ въ сумку и вынулъ изъ нея маленькій пузырекъ, въ которомъ дѣйствительно было насыпано нѣсколько настоящаго пороха, а въ свернутой бумажкѣ оказалось нѣсколько крупинокъ дроби. Онъ даже откупорилъ пузырекъ и высыпалъ немножко пороху на ладонь.

— Вотъ, только не было бы гдѣ огня, а то такъ и взорветъ и насъ всѣхъ перебьетъ,—предупредилъ для эффекта Красоткинъ.

Дѣти разсматривали порохъ съ благоговѣйнымъ страхомъ, еще усилившимъ наслажденіе. Но Костѣ больше понравилась дробь.

— А дробь не горитъ?—освѣдомился онъ.

— Дробь не горитъ.

— Подарите мнѣ немножко дроби,—проговорилъ онъ умоляющимъ голоскомъ.

— Дроби немножко подарю, вотъ, бери, только мамѣ своей до меня не показывай, пока я не приду обратно, а то подумаетъ, что это порохъ, и такъ и умретъ отъ страха, а васъ выпоретъ.

— Мама насъ никогда не сѣчетъ розгой,—тотчасъ же замѣтила Настя.

— Знаю, я только для красоты слога сказалъ. И маму вы никогда не обманывайте, но на этотъ разъ—пока я приду. Итакъ, пузыри, можно мнѣ итти или нѣтъ? Не заплачете безъ меня отъ страха?

— За-пла-чемъ,—протянулъ Костя, уже приготовляясь плакать.

— Заплачемъ, непремѣнно заплачемъ!—подхватила пугливою скороговоркою и Настя.

— Охъ, дѣти, дѣти, какъ опасны ваши лѣта! Нечего дѣлать, птенцы, придется съ вами просидѣть не знаю сколько. А время-то, время-то, ухъ!

— А прикажите Перезвону мертвымъ притвориться,—попросилъ Костя.

— Да ужъ, нечего дѣлать, придется прибѣгнуть и къ Перезвону. Ісі, Перезвонъ!

И Коля началъ повелѣвать собакѣ, а та представлять все, что знала. Это была лохматая собака, величиной съ обыкновенную дворняжку, какой-то сѣро-лиловой шерсти. Правый глазъ ея былъ кривъ, а лѣвое ухо почему-то съ разрѣзомъ. Она взвизгивала и прыгала, служила, ходила на заднихъ лапахъ, бросалась на спину всѣми четырьмя лапами вверхъ и лежала безъ движенія,

какъ мертвая. Во время этой послѣдней штуки отворилась дверь и Агаѳья, толстая служанка г-жи Красоткиной, рябая баба лѣтъ сорока, показалась на порогѣ, возвратясь съ базара съ кулькомъ накупленной провизіи въ рукѣ. Она стала и, держа въ лѣвой рукѣ на отвѣсѣ кулекъ, принялась глядѣть на собаку. Коля, какъ ни ждалъ Агаѳьи, представленія не прервалъ и, выдержавъ Перезвона опредѣленное время мертвымъ, наконецъ-то свистнулъ ему: собака вскочила и пустилась прыгать отъ радости, что исполнила свой долгъ.

— Вишь, песъ!—проговорила назидательно Агаѳья.

— А ты чего, женскій полъ, опоздала?—спросилъ грозно Красоткинъ.

— Женскій полъ, ишь пупырь!

— Пупырь?

— И пупырь. Что тебѣ, что я опоздала, значитъ, такъ надо, коли опоздала,—бормотала Агаѳья, принимаясь возиться около печки, но совсѣмъ не недовольнымъ и не сердитымъ голосомъ, а, напротивъ, очень довольнымъ, какъ будто радуясь случаю позубоскалить съ веселымъ барчонкомъ.

— Слушай, легкомысленная старуха,—началъ, вставая съ дивана, Красоткинъ,—можешь ты мнѣ поклясться всѣмъ, что есть святого въ этомъ мірѣ и сверхъ того чѣмъ-нибудь еще, что будешь наблюдать за пузырями въ мое отсутствіе неустанно? Я ухожу со двора.

— А зачѣмъ я тебѣ клястись стану?—засмѣялась Агаѳья,—и такъ присмотрю.

— Нѣтъ, не иначе, какъ поклявшись вѣчнымъ спасеніемъ души твоей. Иначе не уйду.

— И не уходи. Мнѣ какое дѣло, на дворѣ морозъ, сиди дома.

— Пузыри,—обратился Коля къ дѣткамъ,—эта женщина останется съ вами до моего прихода или до прихода вашей мамы, потому что и той давно бы воротиться надо. Сверхъ того дастъ вамъ позавтракать. Дашь чего-нибудь имъ, Агаѳья?

— Это возможно.

— До свиданья, птенцы, ухожу со спокойнымъ сердцемъ.

Выйдя за ворота, онъ оглядѣлся, передернулъ плечиками и, проговоривъ: „морозъ!“ направился прямо по улицѣ и потомъ направо по переулку къ базарной площади. Не доходя одного дома до площади, онъ остановился у воротъ, вынулъ изъ кармашка свистульку и свистнулъ изо всей силы, какъ бы подавая условный

знакъ. Ему пришлось ждать не болѣе минуты, изъ калитки вдругъ выскочилъ къ нему румяненькій мальчикъ, лѣтъ одиннадцати, тоже одѣтый въ теплое, чистенькое и даже щегольское пальтецо. Это былъ мальчикъ Смуровъ, состоявшій въ приготовительномъ классѣ (тогда какъ Коля Красоткинъ былъ уже двумя классами выше), сынъ зажиточнаго чиновника и которому, кажется, не позволяли родители водиться съ Красоткинымъ, какъ съ извѣстнѣйшимъ отчаяннымъ шалуномъ, такъ что Смуровъ, очевидно, выскочилъ теперь украдкой. Этотъ Смуровъ, если не забылъ читатель, былъ одинъ изъ той группы мальчиковъ, которые два мѣсяца тому назадъ кидали камнями черезъ канаву въ Илюшу и который разсказывалъ тогда про Илюшу Алешѣ Карамазову.

— Я васъ уже цѣлый часъ жду, Красоткинъ,—съ рѣшительнымъ видомъ проговорилъ Смуровъ, и мальчики зашагали къ площади.

— Запоздалъ,—отвѣтилъ Красоткинъ.—Есть обстоятельства. Тебя не выпорютъ, что ты со мной?

— Ну, полноте, развѣ меня порютъ? И Перезвонъ съ вами?

— И Перезвонъ!

— Вы и его туда?

— И его туда!

— Ахъ, кабы Жучка...

— Нельзя Жучку. Жучка не существуетъ. Жучка исчезла во мракѣ неизвѣстности.

— Ахъ, нельзя ли бы такъ,—пріостановился вдругъ Смуровъ,—вѣдь Илюша говоритъ, что Жучка тоже была лохматая и тоже такая же сѣдая, дымчатая, какъ и Перезвонъ,—нельзя ли сказать, что это та самая Жучка и есть, онъ, можетъ-быть, и повѣритъ?

— Школьникъ, гнушайся лжи, это разъ; даже для добраго дѣла, два. А главное, надѣюсь, ты тамъ не объявлялъ ничего о моемъ приходѣ.

— Боже сохрани, я вѣдь понимаю же. Но Перезвономъ его не утѣшишь,—вздохнулъ Смуровъ.—Знаешь что: отецъ этотъ, капитанъ, мочалка-то, говорилъ намъ, что сегодня щеночка ему принесетъ, настоящаго меделянскаго, съ чернымъ носомъ; онъ думаетъ, что этимъ утѣшитъ Илюшу, только врядъ ли?

— А каковъ онъ самъ, Илюша-то?

— Ахъ, плохъ, плохъ! Я думаю у него чахотка. Онъ весь въ памяти, только такъ дышитъ-дышитъ, нехорошо онъ дышитъ. Намедни попросилъ, чтобы его поводили, обули его въ сапожки,

пошелъ было, да и валится. „Ахъ, говоритъ, я говорилъ тебѣ, папа, что у меня дурные сапожки, прежніе, въ нихъ и прежде было неловко ходить“. Это онъ думалъ, что онъ отъ сапожекъ съ ногъ валится, а онъ просто отъ слабости. Недѣли не проживетъ.

— Что это у васъ тамъ за сентиментальности однако завелись? Вы тамъ всѣмъ классомъ кажется пребываете?

— Не всѣмъ, а такъ человѣкъ десять нашихъ ходитъ туда, всегда, всякій день. Это ничего.

— Удивляетъ меня во всемъ этомъ роль Алексѣя Карамазова: брата его завтра или послѣзавтра судятъ, а у него столько времени на сентиментальничанье съ мальчиками!

— Совсѣмъ тутъ никакого нѣтъ сентиментальничанья. Самъ же вотъ идешь теперь съ Илюшей мириться.

— Мириться? Смѣшное выраженіе. Я впрочемъ никому не позволяю анализовать мои поступки.

— А какъ Илюша будетъ тебѣ радъ! Онъ и не воображаетъ, что ты придешь. Почему, почему ты такъ долго не хотѣлъ итти?— воскликнулъ вдругъ съ жаромъ Смуровъ.

— Милый мальчикъ, это мое дѣло, а не твое. Я иду самъ по себѣ, потому что такова моя воля, а васъ всѣхъ притащилъ туда Алексѣй Карамазовъ, значитъ, разница. И почему ты знаешь, я можетъ вовсе не мириться иду? Глупое выраженіе.

— Вовсе не Карамазовъ, совсѣмъ не онъ. Просто наши сами туда стали ходить, конечно, сперва съ Карамазовымъ. И ничего такого не было, никакихъ глупостей. Сначала одинъ, потомъ другой. Отецъ былъ ужасно намъ радъ. Ты знаешь, онъ просто съ ума сойдетъ, коли умретъ Илюша. Онъ видитъ, что Илюша умретъ. А намъ-то какъ радъ, что мы съ Илюшей помирились. Илюша о тебѣ спрашивалъ, ничего больше не прибавилъ. Спроситъ и замолчитъ. А отецъ съ ума сойдетъ или повѣсится. Онъ вѣдь и прежде держалъ себя, какъ помѣшанный. Знаешь, онъ благородный человѣкъ, и тогда вышла ошибка. Все этотъ братъ Карамазова виноватъ, что избилъ его тогда.

— А все-таки Алексѣй Карамазовъ для меня загадка. Я могъ бы и давно съ нимъ познакомиться, но я въ иныхъ случаяхъ люблю быть гордымъ. Притомъ я составилъ о немъ нѣкоторое мнѣніе, которое надо еще провѣрить и разъяснить.

Вдали на соборныхъ часахъ пробило половину двѣнадцатаго. Мальчики заспѣшили, и остальной довольно еще длинный путь

до жилища штабсъ-капитана Снегирева прошли быстро и почти уже не разговаривая. За двадцать шаговъ до дома Коля остановился и велѣлъ Смурову пойти впередъ и вызвать ему сюда Карамазова.

— Надо предварительно обнюхаться,—замѣтилъ онъ Смурову.

— Да зачѣмъ вызывать,—возразилъ было Смуровъ,—войди и такъ, тебѣ ужасно обрадуются. А то что же на морозѣ знакомиться?

— Это ужъ я знаю, зачѣмъ мнѣ его надо, сюда на морозъ,— деспотически отрѣзалъ Коля (что ужасно любилъ дѣлать съ этими „маленькими"), и Смуровъ побѣжалъ исполнять приказаніе.

2.

Коля съ важною миною въ лицѣ прислонился къ забору и сталъ ожидать появленія Алеши.

Алеша появился скоро и спѣша подошелъ къ Колѣ. Миловидное лицо его имѣло всегда веселый видъ, но веселость эта была какая-то тихая и спокойная. Къ удивленію Коли, Алеша вышелъ къ нему въ томъ, въ чемъ сидѣлъ въ комнатѣ, безъ пальто, видно, что поспѣшилъ. Онъ прямо протянулъ Колѣ руку.

— Вотъ и вы наконецъ, какъ мы васъ всѣ ждали.

— Были причины, о которыхъ сейчасъ узнаете. Во всякомъ случаѣ, радъ познакомиться. Давно ждалъ случая и много слышалъ,—пробормоталъ, немного задыхаясь, Коля.

— Да мы съ вами и безъ того бы познакомились, я самъ о васъ много слышалъ, но здѣсь-то, сюда-то вы запоздали.

— Скажите, какъ здѣсь?

— Илюша очень плохъ, онъ непремѣнно умретъ. Илюша часто, очень часто поминалъ объ васъ, даже, знаете, во снѣ, въ бреду. Видно, что вы ему очень, очень были дороги прежде... до того случая... съ ножикомъ. Тутъ есть и еще причина... Скажите, это ваша собака?

— Моя. Перезвонъ.

— А не Жучка?—жалостно поглядѣлъ Алеша въ глаза Колѣ.— Та ужъ такъ и пропала?

— Знаю, что вамъ хотѣлось бы всѣмъ Жучку, слышалъ все-съ,— загадочно усмѣхнулся Коля.—Слушайте, Карамазовъ, я вамъ объясню все дѣло, я главное съ тѣмъ и пришелъ, для этого васъ и вызвалъ, чтобы вамъ предварительно объяснить весь пассажъ, прежде чѣмъ мы войдемъ,—оживленно началъ онъ.—Видите, Ка-

рамазовъ, весной Илюша поступаетъ въ приготовительный классъ. Ну, извѣстно, нашъ приготовительный классъ: мальчишки, дѣтвора. Илюшу тотчасъ же начали задирать. Я двумя классами выше и, разумѣется, смотрю издали, со стороны. Вижу, мальчикъ маленькій, слабенькій, но не подчиняется, даже съ ними дерется, гордый, глазенки горятъ. Я люблю этакихъ. А они его пуще. Главное, у него тогда было платьишко скверное, штанишки наверхъ лѣзутъ, а сапоги каши просятъ. Они его и за это унижаютъ. Нѣтъ, это ужъ я не люблю, тотчасъ заступился и экстрафеферу задалъ. Такимъ образомъ Илюшу перестали бить, и я взялъ его подъ мою протекцію. Вижу, мальчикъ гордый, это я вамъ говорю, что гордый, но кончилъ тѣмъ, что предался мнѣ рабски, исполняетъ малѣйшія мои повелѣнія, слушаетъ меня, какъ Бога, лѣзетъ мнѣ подражать. Въ антрактахъ между классами сейчасъ ко мнѣ, и мы вмѣстѣ съ нимъ ходимъ. По воскресеньямъ тоже. Примѣчаю, что въ мальчикѣ развивается какая-то чувствительность, сентиментальность, а я, знаете, рѣшительный врагъ всякихъ телячьихъ нѣжностей, съ самаго моего рожденія. И къ тому же противорѣчія: гордъ, а мнѣ преданъ рабски,—преданъ рабски, а вдругъ засверкаютъ глазенки и не хочетъ даже соглашаться со мной, споритъ, на стѣну лѣзетъ. Я проводилъ иногда разныя идеи: онъ не то что съ идеями не согласенъ, а просто вижу, что онъ лично противъ меня бунтуетъ, потому что я на его нѣжности отвѣчаю хладнокровіемъ. И вотъ, чтобы его выдержать, я, чѣмъ онъ нѣжнѣе, тѣмъ становлюсь еще хладнокровнѣе, нарочно такъ поступаю, таково мое убѣжденіе. Я имѣлъ въ виду вышколить характеръ, выровнять, создать человѣка... ну, и тамъ... вы, разумѣется, меня съ полслова понимаете. Вдругъ замѣчаю, онъ день, другой, третій смущенъ, скорбитъ, но ужъ не о нѣжностяхъ, а о чемъ-то другомъ, сильнѣйшемъ, высшемъ. Думаю, что за трагедія? Наступаю на него, и узнаю штуку: какимъ-то онъ образомъ сошелся съ лакеемъ покойнаго отца вашего (который тогда еще былъ въ живыхъ) Смердяковымъ, а тотъ и научи его, дурачка, глупой шуткѣ, т.-е. звѣрской шуткѣ, подлой шуткѣ,—взять кусокъ хлѣба, мякиша, воткнуть въ него булавку и бросить какой-нибудь дворовой собакѣ, изъ такихъ, которыя съ голодухи кусокъ не жуя глотаютъ, и посмотрѣть, что изъ этого выйдетъ. Вотъ и смастерили они такой кусокъ и бросили вотъ этой самой лохматой Жучкѣ, о которой теперь такая исторія, одной дворовой собакѣ изъ такого двора, гдѣ ее просто не кормили, а она-то весь день на

вѣтеръ лаетъ. Такъ и бросилась, проглотила и завизжала, завертѣлась и пустилась бѣжать, бѣжитъ и все визжитъ, и исчезла,— такъ мнѣ описывалъ самъ Илюша. Признается мнѣ, а самъ плачетъ-плачетъ, обнимаетъ меня, сотрясается: „Бѣжитъ и визжитъ, бѣжитъ и визжитъ“,—только это и повторяетъ, поразила его эта картина. Ну, вижу, угрызенія совѣсти. Я принялъ серьезно. Мнѣ, главное, и за прежнее хотѣлось его прошколить, такъ что, признаюсь, я тутъ схитрилъ, притворился, что въ такомъ негодованіи, какого можетъ и не было у меня вовсе: „Ты, говорю, сдѣлалъ низкій поступокъ, ты подлецъ, я конечно не разглашу, но пока прерываю съ тобою сношенія. Дѣло это обдумаю, и дамъ тебѣ знать черезъ Смурова (вотъ этого самаго мальчика, который теперь со мной пришелъ и который всегда мнѣ былъ преданъ): буду ли продолжать съ тобою впредь отношенія или брошу тебя навѣки, какъ подлеца“. Это страшно его поразило. Я, признаюсь, тогда же почувствовалъ, что, можетъ-быть, слишкомъ строго отнесся, но что дѣлать, такова была моя тогдашняя мысль. День спустя посылаю къ нему Смурова и чрезъ него передаю, что я съ нимъ больше „не говорю“, то-есть это такъ у насъ называется, когда два товарища прерываютъ между собой сношенія. Тайна въ томъ, что я хотѣлъ его выдержать на фербантѣ всего только нѣсколько дней, а тамъ, видя раскаяніе, опять протянуть ему руку. Это было твердое мое намѣреніе. Но что же вы думаете: выслушалъ отъ Смурова, и вдругъ у него засверкали глаза: „Передай, закричалъ онъ, отъ меня Красоткину, что я всѣмъ собакамъ буду теперь куски съ булавками кидать, всѣмъ, всѣмъ!“ „А, думаю, вольный душокъ завелся, его надо выкурить“, и сталъ ему выказывать полное презрѣніе, при всякой встрѣчѣ отвертываюсь или иронически улыбаюсь. И вдругъ тутъ происходитъ этотъ случай съ отцомъ, помните, мочалка-то? Поймите, что онъ такимъ образомъ уже предварительно приготовленъ былъ къ страшному раздраженію. Мальчики, видя, что я его оставилъ, накинулись на него, дразнятъ: „мочалка, мочалка“. Вотъ тутъ-то у нихъ и начались баталіи, о которыхъ я страшно сожалѣю, потому что его, кажется, очень больно тогда разъ избили. Вотъ разъ онъ бросается на всѣхъ на дворѣ, когда выходили изъ классовъ, а я какъ разъ стою въ десяти шагахъ и смотрю на него. И, клянусь, я не помню, чтобъ я тогда смѣялся, напротивъ, мнѣ тогда очень, очень стало жалко его, и еще мигъ, и я бросился бы его защищать. Но онъ вдругъ

встрѣтилъ мой взглядъ: что ему показалось—не знаю, но онъ выхватилъ перочинный ножикъ, бросился на меня и ткнулъ мнѣ его въ бедро, вотъ тутъ у правой ноги. Я не двинулся; я, признаюсь, иногда бываю храбръ, Карамазовъ, я только посмотрѣлъ съ презрѣніемъ, какъ бы говоря взглядомъ: „Не хочешь ли молъ еще, за всю мою дружбу, такъ я къ твоимъ услугамъ“. Но онъ другой разъ не пырнулъ, онъ не выдержалъ, онъ самъ испугался, бросилъ ножикъ, заплакалъ въ голосъ и пустился бѣжать. Я, разумѣется, не фискалилъ и приказалъ всѣмъ молчать, чтобы не дошло до начальства, даже матери сказалъ только тогда, когда все зажило, да и ранка была пустая, царапина. Потомъ слышу, въ тотъ же день онъ бросался камнями и вамъ палецъ укусилъ,— но, понимаете, въ какомъ онъ былъ состояніи! Ну, что дѣлать, я сдѣлалъ глупо: когда онъ заболѣлъ, я не пошелъ его простить, то-есть помириться, теперь раскаиваюсь. Но тутъ ужъ у меня явились особыя цѣли. Ну, вотъ и вся исторія... только, кажется, я сдѣлалъ глупо...

— Ахъ, какъ это жаль,—воскликнулъ съ волненіемъ Алеша,— что я не зналъ вашихъ этихъ съ нимъ отношеній раньше, а то бы я самъ давно уже пришелъ къ вамъ васъ просить пойти къ нему со мной вмѣстѣ. Вѣрите ли, въ жару, въ болѣзни, онъ бредилъ вами. Я и не зналъ, какъ вы дороги ему. И неужели вы такъ и не отыскали эту Жучку? Отецъ и всѣ мальчики по всему городу разыскивали. Вѣрите ли, онъ, больной, въ слезахъ, три раза при мнѣ ужъ повторялъ отцу: „Это отъ того я боленъ, папа, что я Жучку тогда убилъ, это меня Богъ наказалъ“; не собьешь его съ этой мысли. И если бы только достали теперь эту Жучку и показали, что она не умерла, а живая, то, кажется, онъ бы воскресъ отъ радости. Всѣ мы на васъ надѣялись.

— Скажите, съ какой же стати надѣялись, что я отыщу Жучку, то-есть, что именно я отыщу?—съ чрезвычайнымъ любопытствомъ спросилъ Коля,—почему именно на меня разсчитывали, а не на другого?

— Какой-то слухъ былъ, что вы ее отыскиваете, и что когда отыщете ее, то приведете. Смуровъ что-то говорилъ въ этомъ родѣ. Мы, главное, все стараемся увѣрить, что Жучка жива, что ее гдѣ-то видѣли. Мальчики ему живого зайчика откуда-то достали, только онъ посмотрѣлъ, чуть-чуть улыбнулся и попросилъ, чтобы выпустили его въ поле. Такъ мы и сдѣлали. Сію минуту

отецъ воротился и ему щенка меделянскаго принесъ, тоже досталъ откуда-то, думалъ этимъ утѣшить, только хуже еще, кажется, вышло... А я какъ увидалъ васъ съ собакой, такъ и подумалъ, что вы это привели ту самую Жучку.

— Подождите, Карамазовъ, можетъ-быть, мы ее и отыщемъ, а эта—это Перезвонъ. Я впущу ее теперь въ комнату и, можетъ-быть, развеселю Илюшу побольше, чѣмъ меделянскимъ щенкомъ. Подождите, Карамазовъ, вы кой-что сейчасъ узнаете. Ахъ, Боже мой, что жъ я васъ держу!—вскричалъ вдругъ стремительно Коля. —Вы въ одномъ сюртучкѣ на такомъ холодѣ, а я васъ задерживаю; видите, видите, какой я эгоистъ! О, всѣ мы эгоисты, Карамазовъ!

— Не безпокойтесь,—правда, холодно, но я не простудливъ. Пойдемте однакоже. Зайдемъ сначала налѣво къ хозяевамъ, тамъ всѣ ваши свои пальто оставляютъ, потому что въ комнатѣ тѣсно и жарко.

— О, вѣдь я на мгновеніе, я войду и просижу въ пальто. Перезвонъ останется здѣсь въ сѣняхъ и умретъ: „иси, Перезвонъ, кушъ и умри!“—видите, онъ и умеръ. А я сначала войду, высмотрю обстановку, и потомъ, когда надо будетъ, свистну: „иси, Перезвонъ!“ и вы увидите, онъ тотчасъ же влетитъ, какъ угорѣлый. Только надо, чтобы Смуровъ не забылъ отворить въ то мгновеніе дверь. Ужъ я распоряжусь, и вы увидите фортель...

3.

Въ знакомой уже намъ комнатѣ, въ которой обитало семейство извѣстнаго намъ отставного штабсъ-капитана Снегирева, было въ эту минуту и душно и тѣсно отъ многочисленной набравшейся публики. Нѣсколько мальчиковъ сидѣли въ этотъ разъ у Илюши, и хоть всѣ они готовы были, какъ Смуровъ, отрицать, что помирилъ и свелъ ихъ съ Илюшей Алеша, но это было такъ. Все искусство его въ этомъ случаѣ состояло въ томъ, что свелъ онъ ихъ съ Илюшей, одного за другимъ, безъ „телячьихъ нѣжностей“, а совсѣмъ какъ бы ненарочно и нечаянно. Илюшѣ же это принесло огромное облегченіе въ его страданіяхъ. Увидѣвъ почти нѣжную дружбу и участіе къ себѣ всѣхъ этихъ мальчиковъ, прежнихъ враговъ своихъ, онъ былъ очень тронутъ. Однако, только Красоткина недоставало, и это лежало на его сердцѣ страшнымъ гнетомъ. Если было въ горькихъ воспоминаніяхъ Илюшечки нѣчто самое горчайшее, то это именно весь этотъ эпизодъ съ Красоткинымъ,

бывшимъ единственнымъ другомъ его и защитникомъ, на котораго онъ бросился тогда съ ножикомъ. Такъ думалъ и умненькій мальчикъ Смуровъ (первый пришедшій помириться съ Илюшей).

Между тѣмъ Илюша уже недѣли двѣ какъ почти не сходилъ съ своей постельки, въ углу, у образовъ. Въ классы же не ходилъ съ самаго того случая, когда встрѣтился съ Алешей и укусилъ ему палецъ. Впрочемъ, онъ съ того же дня и захворалъ, хотя еще съ мѣсяцъ могъ кое-какъ ходить изрѣдка по комнатѣ и въ сѣняхъ, изрѣдка вставая съ постельки. Наконецъ, совсѣмъ обезсилѣлъ, такъ что безъ помощи отца не могъ двигаться. Отецъ трепеталъ надъ нимъ, пересталъ даже совсѣмъ пить, почти обезумѣлъ отъ страха, что умретъ его мальчикъ, и часто, особенно послѣ того, какъ проведетъ бывало его по комнатѣ подъ руку и уложитъ опять въ постельку,—вдругъ выбѣгалъ въ сѣни, въ темный уголъ, и, прислонившись лбомъ къ стѣнѣ, начиналъ рыдать какимъ-то заливчатымъ, сотрясающимся плачемъ, давя свой голосъ, чтобы рыданій его не было слышно у Илюшечки.

Въ то самое мгновеніе, когда Красоткинъ отворилъ дверь и появился въ комнатѣ, всѣ, штабсъ-капитанъ и мальчики, столпились около постельки больного и разсматривали только что принесеннаго крошечнаго меделянскаго щенка, вчера только родившагося, но еще за недѣлю заказаннаго штабсъ-капитаномъ, чтобы развлечь и утѣшить Илюшечку, все тосковавшаго объ исчезнувшей и, конечно, уже погибшей Жучкѣ. Но Илюша, уже слышавшій и знавшій еще за три дня, что ему подарятъ маленькую собачку и не простую, а настоящую меделянскую (что, конечно, было ужасно важно), хотя и показывалъ изъ тонкаго и деликатнаго чувства, что радъ подарку, но всѣ, и отецъ и мальчики, ясно увидѣли, что новая собачка можетъ-быть только сильнѣе шевельнула въ его сердечкѣ воспоминаніе о несчастной, имъ замученной Жучкѣ. Щеночекъ лежалъ и копошился подлѣ него, и онъ, болѣзненно улыбаясь, гладилъ его своею тоненькою блѣдненькою, высохшею ручкой: даже видно было, что собачка ему понравилась, но... Жучки все же не было, все же это не Жучка, а вотъ если бы Жучка и щеночекъ вмѣстѣ, тогда бы было полное счастье.

— Красоткинъ!—крикнулъ вдругъ одинъ изъ мальчиковъ, первый завидѣвшій Колю.

Произошло видимое волненіе, мальчики разступились и стали

по обѣ стороны постельки, такъ что вдругъ открыли всего Илюшечку. Штабсъ-капитанъ стремительно бросился навстрѣчу Колѣ.

— Пожалуйте, пожалуйте... дорогой гость!—залепеталъ онъ ему.—Илюшечка, господинъ Красоткинъ къ тебѣ пожаловалъ...

Но Коля уже стоялъ у постельки Илюши. Больной, видимо поблѣднѣлъ. Онъ приподнялся на кроваткѣ и пристально, пристально посмотрѣлъ на Колю. Тотъ не видалъ своего прежняго маленькаго друга уже мѣсяца два и вдругъ остановился предъ нимъ совсѣмъ пораженный: онъ и вообразить не могъ, что увидитъ такое похудѣвшее и пожелтѣвшее личико, такіе горящіе въ лихорадочномъ жару и какъ будто ужасно увеличившіеся глаза, такія худенькія ручки. Съ горестнымъ удивленіемъ всматривался онъ, что Илюша такъ глубоко и часто дышитъ и что у него такъ ссохлись губы. Онъ шагнулъ къ нему, подалъ руку и, почти совсѣмъ потерявшись, проговорилъ:

— Ну, что, старикъ... какъ поживаешь?

Но голосъ его пресѣкся, развязности не хватило, лицо какъ-то вдругъ передернулось, и что-то задрожало около его губъ. Илюша болѣзненно ему улыбался, все еще не въ силахъ сказать слова. Коля вдругъ поднялъ руку и провелъ для чего-то своею ладонью по волосамъ Илюши.

— Ни-че-го!—пролепеталъ онъ ему тихо,—не то ободряя его, не то самъ не зная, зачѣмъ это сказалъ. Съ минутку опять помолчали.

— Что это у тебя новый щенокъ?—вдругъ самымъ безчувственнымъ голосомъ спросилъ Коля.

— Да-а-а!—отвѣтилъ Илюша длиннымъ шопотомъ.

— Черный носъ, значитъ, изъ злыхъ, изъ цѣпныхъ,—важно и твердо замѣтилъ Коля, какъ будто все дѣло было именно въ щенкѣ и въ его черномъ носѣ. Но главное было въ томъ, что онъ еще изо всѣхъ силъ старался побороть въ себѣ чувство, чтобы не заплакать, какъ „маленькій“, и все еще не могъ побороть.—Подрастетъ, придется посадить на цѣпь, ужъ я знаю.

— Онъ огромный будетъ!—воскликнулъ одинъ мальчикъ изъ толпы.

— Извѣстно меделянскій, огромный, вотъ этакій, съ теленка,—раздалось вдругъ нѣсколько голосковъ.

— Съ теленка, съ настоящаго теленка-съ,—подскочилъ штабсъ-капитанъ,—я нарочно отыскалъ такого, самаго-самаго злющаго, и родители его тоже огромные и самые злющіе, вотъ этакіе отъ

полу ростомъ... Присядьте-съ, вотъ здѣсь на кроваткѣ у Илюши, а не то здѣсь на лавку. Милости просимъ, гость дорогой, гость долго жданый... Съ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ изволили прибыть-съ?

Красоткинъ присѣлъ на постелькѣ, въ ногахъ Илюши. Онъ хоть, можетъ-быть, и приготовилъ дорогой, съ чего развязно начать разговоръ, но теперь рѣшительно потерялъ нитку.

— Нѣтъ... я съ Перезвономъ... У меня такая собака теперь, Перезвонъ... Славянское имя. Тамъ ждетъ... свистну и влетитъ. Я тоже съ собакой,—оборотился онъ вдругъ къ Илюшѣ,—помнишь, старикъ, Жучку?—вдругъ огрѣлъ онъ его вопросомъ.

Личико Илюшечки перекосилось. Онъ страдальчески посмотрѣлъ на Колю. Алеша, стоявшій у дверей, нахмурился и кивнулъ было Колѣ украдкой, чтобы тотъ не заговаривалъ про Жучку, но тотъ не замѣтилъ или не захотѣлъ замѣтить.

— Гдѣ же... Жучка?—надорваннымъ голоскомъ спросилъ Илюша.

— Ну, братъ, твоя Жучка—фью! Пропала твоя Жучка!

Илюша смолчалъ, но пристально-пристально посмотрѣлъ еще разъ на Колю. Алеша, поймавъ взглядъ Коли, изо всѣхъ силъ опять закивалъ ему, но тотъ снова отвелъ глаза, сдѣлавъ видъ, что и теперь не замѣтилъ.

— Забѣжала куда-нибудь и пропала. Какъ не пропасть послѣ такой закуски,—безжалостно рѣзалъ Коля, а между тѣмъ самъ какъ будто сталъ отъ чего-то задыхаться.—У меня зато Перезвонъ... Славянское имя... Я къ тебѣ привелъ...

— Не на-до!—проговорилъ вдругъ Илюшечка.

— Нѣтъ, нѣтъ, надо, посмотри... Ты развлечешься. Я нарочно привелъ... такая же лохматая, какъ и та... Вы позволите, сударыня, позвать сюда мою собаку?—обратился онъ вдругъ къ госпожѣ Снегиревой въ какомъ-то совсѣмъ уже непостижимомъ волненіи.

— Не надо, не надо!—съ горестнымъ надрывомъ въ голосѣ воскликнулъ Илюша, укоръ загорѣлся въ глазахъ его.

— Вы бы-съ...— рванулся вдругъ штабсъ-капитанъ съ сундука у стѣнки, на которомъ было присѣлъ,—вы бы-съ... въ другое время-съ...—пролепеталъ онъ, но Коля, неудержимо настаивая и спѣша, вдругъ крикнулъ Смурову: „Смуровъ, отвори дверь!“ и только что тотъ отворилъ, свистнулъ въ свою свистульку. Перезвонъ стремительно влетѣлъ въ комнату.

— Прыгай, Перезвонъ, служи! Служи!—завопилъ Коля, вскочивъ съ мѣста, и собака, ставъ на заднія лапы, вытянулась прямо предъ постелькой Илюши.

Произошло нѣчто никѣмъ неожиданное: Илюша вздрогнулъ и вдругъ съ силой двинулся весь впередъ, нагнулся къ Перезвону и какъ бы замирая смотрѣлъ на него.

— Это... Жучка!—прокричалъ онъ вдругъ надтреснутымъ отъ страданія и счастія голоскомъ.

— А ты думалъ кто?—звонкимъ и счастливымъ голосомъ изо всей силы завопилъ Красоткинъ и, нагнувшись къ собакѣ, обхватилъ ее и приподнялъ къ Илюшѣ.

— Гляди, старикъ, видишь, глазъ кривой и лѣвое ухо надрѣзано, точь-въ-точь тѣ примѣты, какъ ты мнѣ разсказалъ. Я его по этимъ примѣтамъ и разыскалъ! Тогда же разыскалъ, въ скорости. Она вѣдь ничья была, она вѣдь была ничья!—пояснялъ онъ, быстро оборачиваясь къ штабсъ-капитану, къ супругѣ его, къ Алешѣ и потомъ опять къ Илюшѣ,—она была у Ѳедотовыхъ на задворкахъ, прижилась было тамъ, но тѣ ее не кормили, а она бѣглая, она забѣглая изъ деревни... Я ее и разыскалъ... Видишь, старикъ, она тогда твой кусокъ, значитъ, не проглотила. Если бы проглотила, такъ ужъ, конечно, бы померла, вѣдь ужъ конечно! Значитъ, успѣла выплюнуть, коли теперь жива. А ты и не замѣтилъ, что она выплюнула. Выплюнула, а языкъ себѣ все-таки уколола, вотъ отчего тогда и завизжала. Бѣжала и визжала, а ты и думалъ, что она совсѣмъ проглотила. Она должна была очень визжать, потому что у собаки очень нѣжная кожа во рту... нѣжнѣе, чѣмъ у человѣка, гораздо нѣжнѣе!—восклицалъ неистово Коля съ разгорѣвшимся и съ сіяющимъ отъ восторга лицомъ.

Илюша же и говорить не могъ. Онъ смотрѣлъ на Колю своими большими и какъ-то ужасно выкатившимися глазами, съ раскрытымъ ртомъ и поблѣднѣвъ, какъ полотно. И если бы только зналъ не подозрѣвавшій ничего Красоткинъ, какъ мучительно и убійственно могла вліять такая минута на здоровье больного мальчика, то ни за что бы не рѣшился выкинуть такую штуку, какую выкинулъ. Но въ комнатѣ понималъ это, можетъ-быть, лишь одинъ Алеша. Что же до штабсъ-капитана, то онъ весь какъ бы обратился въ самаго маленькаго мальчика.

— Жучка! Такъ это-то Жучка?—выкрикивалъ онъ блаженнымъ

голосомъ.—Илюшечка, вѣдь это Жучка, твоя Жучка! Маменька, вѣдь это Жучка!—Онъ чуть не плакалъ.

— А я-то и не догадался!—горестно воскликнулъ Смуровъ,—Ай да Красоткинъ! Я говорилъ, что онъ найдетъ Жучку, вотъ и нашелъ!

— Вотъ и нашелъ!—радостно отозвался еще кто-то

— Молодецъ Красоткинъ!—прозвенѣлъ третій голосокъ.

— Молодецъ, молодецъ!—закричали всѣ мальчики и начали аплодировать.

— Да стойте, стойте,—силился всѣхъ перекричать Красоткинъ:—я вамъ разскажу, какъ это было, штука въ томъ, какъ было, а не въ чемъ другомъ! Вѣдь я его разыскалъ, затащилъ къ себѣ и тотчасъ же спряталъ, и домъ на замокъ, и никому не показывалъ до самаго послѣдняго дня. Только одинъ Смуровъ узналъ двѣ недѣли назадъ, но я увѣрилъ его, что это Перезвонъ, и онъ не догадался, а я въ антрактѣ научилъ Жучку всѣмъ наукамъ, вы посмотрите, посмотрите только, какія онъ штуки знаетъ! Для того и училъ, чтобъ ужъ привесть къ тебѣ, старикъ, обученнаго, гладкаго: вотъ, дескать, старикъ, какая твоя Жучка теперь! Да нѣтъ ли у васъ какого-нибудь кусочка говядинки, онъ вамъ сейчасъ одну такую штуку покажетъ, что вы со смѣху упадете,—говядинки, кусочекъ, ну неужели же у васъ нѣтъ?

Штабсъ-капитанъ стремительно кинулся, черезъ сѣни, въ избу къ хозяевамъ, гдѣ варилось и штабсъ-капитанское кушанье. Коля же, чтобы не терять драгоцѣннаго времени, отчаянно спѣша крикнулъ Перезвону: „Умри!“ И тотъ вдругъ завертѣлся, легъ на спину и замеръ неподвижно всѣми четырьмя своими лапками вверхъ. Мальчики смѣялись, Илюша смотрѣлъ съ прежнею страдальческою своею улыбкой, но всѣхъ больше понравилось, что умеръ Перезвонъ, „маменькѣ“. Она расхохоталась на собаку и принялась щелкать пальцами и звать:

— Перезвонъ, Перезвонъ!

— Ни за что не подымется, ни за что,—побѣдоносно и справедливо гордясь, прокричалъ Коля,—хоть весь свѣтъ кричи, а вотъ я крикну, и въ одинъ мигъ вскочитъ! Ісі, Перезвонъ!

Собака вскочила и принялась прыгать, визжа отъ радости Штабсъ-капитанъ вбѣжалъ съ кускомъ вареной говядины.

— Не горяча?—торопливо и дѣловито освѣдомился Коля, принимая кусокъ,—нѣтъ, не горяча, а то собаки не любятъ горячаго.

Смотрите же всѣ, Илюшечка, смотри, да смотри же, смотри, старикъ, что же ты не смотришь? Я привелъ, а онъ не смотритъ!

Новая штука состояла въ томъ, чтобы неподвижно стоящей и протянувшей свой носъ собакѣ положить на самый носъ лакомый кусочекъ говядины. Несчастный песъ, не шевелясь, долженъ былъ простоять съ кускомъ на носу, сколько велитъ хозяинъ, не двинуться, не шевельнуться, хоть полчаса. Но Перезвона выдержали только самую маленькую минутку.

— Пиль!—крикнулъ Коля, и кусокъ въ одинъ мигъ перелетѣлъ съ носу въ ротъ Перезвона.

Публика, разумѣется, выразила восторженное удивленіе.

— И неужели, неужели вы изъ-за того только, чтобы обучить собаку, все время не приходили!—воскликнулъ съ невольнымъ укоромъ Алеша.

— Именно для того,—прокричалъ простодушнѣйшимъ образомъ Коля.—Я хотѣлъ показать его во всемъ блескѣ!

— Перезвонъ! Перезвонъ!—защелкалъ вдругъ своими худенькими пальчиками Илюша, маня собаку.

— Да чего тебѣ! Пусть онъ къ тебѣ на постель самъ вскочитъ. Ісі, Перезвонъ!—стукнулъ ладонью по постели Коля, и Перезвонъ, какъ стрѣла, влетѣлъ къ Илюшѣ. Тотъ стремительно обнялъ его голову обѣими руками, а Перезвонъ мигомъ облизалъ ему за это щеку. Илюшечка прижался къ нему, протянулся на постелькѣ и спряталъ отъ всѣхъ въ его косматой шерсти свое лицо.

— Господи, Господи! — восклицалъ штабсъ-капитанъ.

Коля присѣлъ опять на постель къ Илюшѣ.

— Илюша, я тебѣ могу еще одну штуку показать. Я тебѣ пушечку принесъ. Помнишь, я тебѣ еще тогда говорилъ про эту пушечку, а ты сказалъ: „Ахъ, какъ бы мнѣ ее посмотрѣть!“ Ну, вотъ я теперь и принесъ.

И Коля, торопясь, вытащилъ изъ своей сумки свою бронзовую пушечку. Торопился онъ потому, что ужъ самъ былъ очень счастливъ: въ другое время такъ выждалъ бы, когда пройдетъ эффектъ, произведенный Перезвономъ, но теперь поспѣшилъ, презирая всякую выдержку: „ужъ и такъ счастливы, такъ вотъ вамъ и еще счастья!“ Самъ ужъ онъ былъ очень упоенъ.

— Я эту штучку давно уже у чиновника Морозова наглядѣлъ,—для тебя, старикъ, для тебя. Она у него стояла даромъ, отъ брата

ему досталась, я и вымѣнялъ ему на книжку, изъ папина шкафа: Родственникъ Магомета, или цѣлительное дурачество. Сто лѣтъ книжкѣ, въ Москвѣ вышла, когда еще цензуры не было, а Морозовъ до этихъ штучекъ охотникъ. Еще поблагодарилъ...

Пушечку Коля держалъ въ рукѣ передъ всѣми, такъ что всѣ могли видѣть и наслаждаться. Илюша приподнялся и, продолжая правою рукой обнимать Перезвона, съ восхищеніемъ разглядывалъ игрушку. Эффектъ дошелъ до высокой степени, когда Коля объявилъ, что у него есть порохъ и что можно сейчасъ же и выстрѣлить, „если это только не обезпокоитъ дамъ“. „Маменька“ немедленно попросила, чтобы ей дали поближе посмотрѣть на игрушку, что тотчасъ и было исполнено. Бронзовая пушечка на колесахъ ей ужасно понравилась, и она принялась ее катать на своихъ колѣняхъ. На просьбу о позволеніи выстрѣлить отвѣчала самымъ полнымъ согласіемъ, не понимая, впрочемъ, о чемъ ее спрашиваютъ. Коля показалъ порохъ и дробь. Штабсъ-капитанъ, какъ бывшій военный человѣкъ, самъ распорядился зарядомъ, всыпавъ самую маленькую порцію пороху, дробь же попросилъ отложить до другого раза. Пушку поставили на полъ, дуломъ въ пустое мѣто, втиснули въ затравку три порошинки и зажгли спичкой. Произошелъ самый блистательный выстрѣлъ. Маменька вздрогнула было, но тотчасъ же засмѣялась отъ радости. Мальчики смотрѣли съ молчаливымъ торжествомъ, но болѣе всего блаженствовалъ, смотря на Илюшу, штабсъ-капитанъ. Коля поднялъ пушечку и немедленно подарилъ ее Илюшѣ вмѣстѣ съ дробью и съ порохомъ.

— Это для тебя, для тебя! Давно приготовилъ,—повторилъ онъ еще разъ въ полнотѣ счастья.

Гололедица—тонкій ледяной слой, покрывающій землю послѣ тумана, оттепели или дождя.

Нѣщечко—дорогая вещь, лакомство.

Лисить—хитро льстить, поддѣлываясь.

Превозноситься — гордиться, зазнаваться, почитать себя лучше, достойнѣе прочихъ.

Рисоваться—принимать позы, искусственныя положенія, заботясь о своей красотѣ, представляться. Онъ рисуется своимъ безкорыстіемъ.

Деспотически—самовластно, не признавая чужихъ правъ.

Головорѣзъ—сорванецъ, отчаянный, безразсудный человѣкъ. Вотъ, батюшка, надоѣли намъ эти головорѣзы! Нынче, слава Богу, смирнѣе (Лерм.).

Безпардонный– не дающій пощады, отчаянный, сорви-голова.

Фанфаронъ—бахвалъ, самохвалъ, хвастунъ, пускающій пыль въ глаза.

Подзадорить—подстрекать, поджигать, задирая.

Втуне—напрасно, даромъ, безъ пользы, безъ вниманія.

Экстренный (лат.) — требующій быстраго исполненія, скорый, чрезвычайный, неожиданный, спѣшный.

Отпарировать—отвергнуть, отвести отъ себя.

Апеллировать—жаловаться въ высшій судъ на рѣшеніе низшаго, ссылаться на что, взывать къ чему. Апеллировать къ здравому смыслу.

Непреложный — неподлежащій измѣненію, отмѣнѣ, вѣрный, несомнительный. Непреложная истина.—Непреложная воля.

Осклабиться—улыбаться, усмѣхаться, ухмыляться.

Затравка — запалъ, сквозная, округленая скважина въ концѣ огнестрѣльныхъ орудій.

Откатъ орудія—отдача, т.-е. обратное движеніе послѣ произведеннаго выстрѣла.

Эффектъ—дѣйствіе, вызываемое какой-нибудь причиной, а также впечатлѣніе, производимое чѣмъ-нибудь красивымъ, неожиданнымъ и т. п.

Гнушаться—считать гнуснымъ, отвращаться съ негодованіемъ, презирать. Не погнушайся нашего хлѣба-соли.

Сентиментальность—чувствительность, слезливость.

Анализовать, анализировать—разбирать, разлагать на составныя части.

Пассажъ—происшествіе, а также крытый проходъ изъ одной улицы въ другую, съ магазинами по обѣимъ сторонамъ. Ахъ, какой пассажъ! (Гог.).

Протекція—покровительство, поддержка, оказываемая вліятельнымъ лицомъ.

Антрактъ — промежутокъ времени между двумя дѣйствіями въ театральномъ представленіи, между уроками и т. п. См. **актъ**, стр. 106.

Вышколить—выучить, воспитать, пріучить къ чему-нибудь, строго держать.

Эгоистъ (лат.)—человѣкъ, думающій только о себѣ, о своихъ удобствахъ себялюбецъ.

Фортель—ловкая штука, ловкій пріемъ, поступокъ, большей частью основанный на обманѣ.

Эпизодъ—происшествіе, случай изъ чьей-либо жизни, вводный разсказъ.

Заливчатый—см. стр. 89.

Пресѣкаться — прекращаться, уничтожаться, останавливаться, изсякнуть. Со смертью Ѳеодора пресѣкся на престолѣ домъ Рюрика.

Развязность—слишкомъ большая свобода въ обращеніи.

Дайте каждой главѣ отдѣльное заглавіе.

*

63. * * *

Стихотвореніе *Я. Полонскаго.*

На снѣжной равнинѣ въ зеленомъ уборѣ
темнѣла угрюмая ель;
и, какъ горностаями, снѣгомъ пушистымъ
ей плечи покрыла метель.

Съ ней рядомъ березку сухую, нагую
отъ стужи бросало въ ознобъ;
и ель ей скрипѣла: „Бѣдняжка, попробуй
прикрыться,—заройся въ сугробъ...“

Надъ снѣжной равниной апрѣльское солнце
затеплилось вешнимъ огнемъ,—
сугробы сбѣжали ручьями, лощины
зеленымъ покрылись ковромъ.

Очнулась березка и въ свѣжемъ нарядѣ,
слегка колыхаясь, шумитъ;
и вѣтеръ несетъ ей веселыя вѣсти,
и птичка ей сны говоритъ.

*

Басня *И. Крылова.*

Зимой, ранехонько, близъ жила
лиса у проруби пила въ большой морозъ.
Межъ тѣмъ, оплошность ли, судьба ль (не въ этомъ сила),
но кончикъ хвостика лисица замочила,
и ко льду онъ примерзъ.
Бѣда не велика, легко бъ ее поправить:
рвануться только посильнѣй
и волосковъ хотя десятка два оставить,
но до людей
домой убраться поскорѣй.

Да какъ испортить хвостъ? А хвостъ такой пушистый,
раскидистый и золотистый!
Нѣтъ, лучше подождать,—вѣдь спитъ еще народъ,
а между тѣмъ, авось, и оттепель придетъ,
такъ хвостъ отъ проруби оттаетъ.
Вотъ ждетъ-пождетъ, а хвостъ лишь болѣ примерзаетъ.
Глядитъ—и день свѣтаетъ,
народъ шевелится, и слышны голоса.
Тутъ бѣдная моя лиса
туда, сюда метаться;
но ужъ отъ проруби не можетъ оторваться.
По счастью, волкъ бѣжитъ.—„Другъ милый! кумъ!
отецъ!“
кричитъ лиса: „спаси! Пришелъ совсѣмъ конецъ!“—
Вотъ кумъ остановился
и въ спасенье лисы вступился.
Пріемъ его былъ очень простъ:
онъ начисто отгрызъ ей хвостъ.
Тутъ безъ хвоста домой моя пустилась дура,
ужъ рада, что на ней цѣла осталась шкура.

Мнѣ кажется, что смыслъ не теменъ басни сей:
щепотки волосковъ лиса не пожалѣй,
остался бъ хвостъ у ней.

Оплошность отъ оплошать — дать маху, прозѣвать, упустить пору, случай, не догадаться, не сдѣлать во-время нужнаго. *Кто въ чемъ оплошаетъ, за то и отвѣчаетъ.*

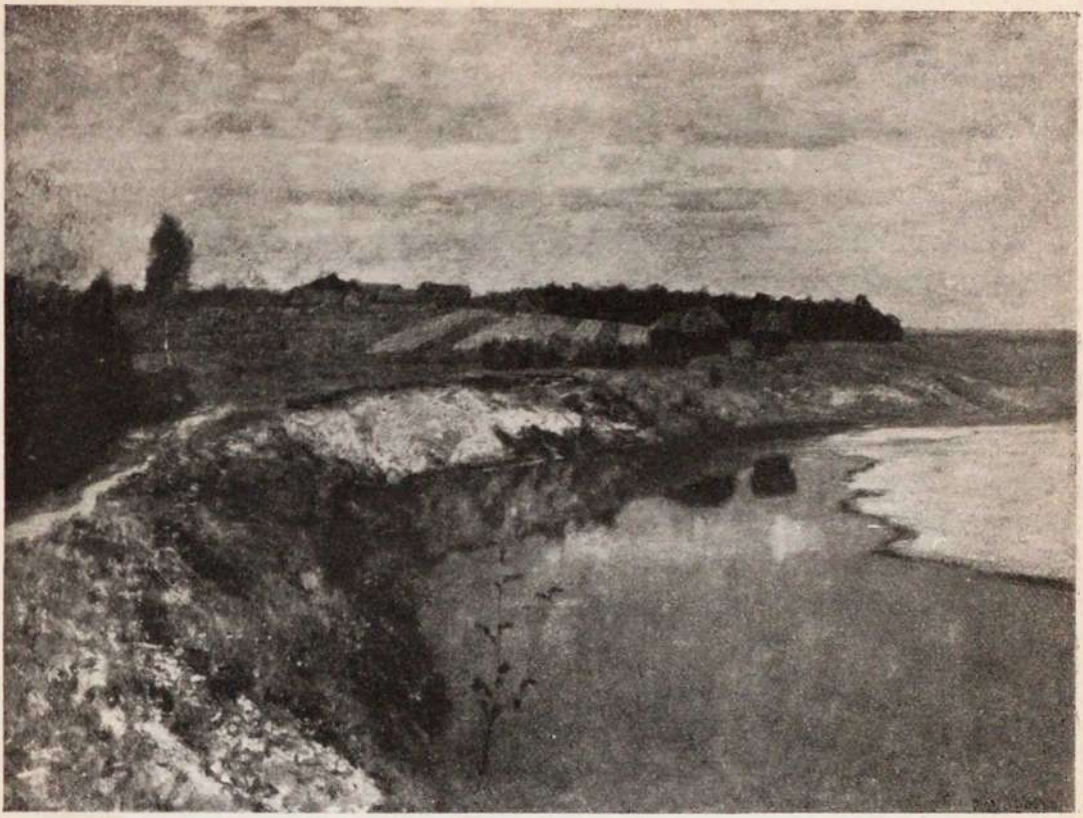
Обратите вниманіе на предлогъ **до**, въ выраженіи до людей, какъ и въ данномъ случаѣ, въ отношеніи ко времени, **до** часто означаетъ то же что: прежде передъ. До Петра Великаго Россія не имѣла флота.

Обратите вниманіе на суффиксъ **ист** въ словахъ: пушистый, раскидистый и золотистый. Какой оттѣнокъ значенія онъ имъ придаетъ?

Повтореніе глагола, какъ напр. **ждать - пождать** — служитъ для обозначенія продолжительности дѣйствія. *Ждемъ - пождемъ, авось и мы свое найдемъ.* Назовите другія такія же выраженія, какъ напр. **глянь-поглянь.**

Опредѣлите различныя значенія слова **пріемъ** по слѣдующимъ примѣрамъ: Пріемъ гостей. — Пріемъ больныхъ. — Работу кончили въ два пріема.—Во всякомъ дѣлѣ есть свои пріемы. Что такое: Пріемный день? Пріемный отецъ?

⁂



Съ картины *И. Левитана.* **Ранней весной.**

65. Бѣлая тронулась.

Отрывокъ *С. Аксакова.*

Съ наступленіемъ весны проснулась во мнѣ горячая любовь къ природѣ. Великимъ моимъ удовольствіемъ было смотрѣть, какъ бѣгутъ по косогору мутные и шумные потоки весенней воды мимо нашего высокаго крыльца, а еще большимъ наслажденіемъ, которое мнѣ не часто дозволялось,—прочищать палочкой весенніе ручейки. Съ крыльца нашего была видна рѣка Бѣлая, и я съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда она вскроется. И, наконецъ, пришелъ этотъ желанный день и часъ! Торопливо заглянулъ Евсеичъ въ мою дѣтскую и тревожно-радостнымъ голосомъ сказалъ: „Бѣлая тронулась“. Въ одну минуту, тепло одѣтый, я уже стоялъ на крыльцѣ и жадно слѣдилъ глазами, какъ шла между неподвижныхъ береговъ огромная полоса синяго, темнаго, а иногда и желтаго льда. Далеко уже уплыла поперечная дорога, и какая-то несчастная черная корова бѣгала по ней, какъ безумная, отъ одного берега до другого. Стоявшія около меня женщины и дѣвушки сопрово-

ждали жалобными восклицаніями каждое неудачное движеніе бѣгающаго животнаго, ревъ котораго долеталъ до моихъ ушей, и мнѣ стало очень его жалко. Рѣка на поворотѣ загибалась за крутой утесъ, и скрылась за нимъ дорога и бѣгающая по ней черная корова.

Вдругъ двѣ собаки показались на льду; но ихъ суетливые прыжки возбудили не жалость, а смѣхъ въ окружающихъ меня людяхъ; всѣ были увѣрены, что собаки не утонутъ, а перепрыгнутъ или переплывутъ на берегъ. Я охотно этому вѣрилъ и, позабывъ бѣдную корову, самъ смѣялся вмѣстѣ съ другими. Собаки не замедлили оправдать общее ожиданіе и скоро перебрались на берегъ. Ледъ все еще шелъ крѣпкою, сплошною, неразрывною, безконечною глыбою. Евсеичъ, опасаясь сильнаго и холоднаго вѣтра, сказалъ мнѣ: „Пойдемъ, соколикъ, въ горницу; рѣка еще не скоро изломается, а ты прозябнешь; лучше я тебѣ скажу, когда ледъ начнетъ трескаться“. Я очень неохотно послушался...

Въ самомъ дѣлѣ, не ближе какъ черезъ часъ Евсеичъ пришелъ сказать мнѣ, что ледъ на рѣкѣ ломается. Одѣвшись еще теплѣе, я вышелъ и увидалъ новую, тоже невиданную мною, картину: ледъ трескался, ломался на отдѣльныя глыбы, вода всплескивалась между ними; онѣ набѣгали одна на другую, большая и крѣпкая затопляла слабѣйшую, а если встрѣчался сильный упоръ, то поднималась однимъ краемъ вверхъ, иногда долго плыла въ такомъ положеніи; иногда обѣ глыбы разрушались на мелкіе куски и съ трескомъ погружались въ воду. Глухой шумъ, похожій по временамъ на скрипъ или отдаленный стонъ, явственно долеталъ до нашихъ ушей.

Полюбовавшись нѣсколько времени этимъ величественнымъ и страшнымъ зрѣлищемъ, я воротился къ матери и долго съ жаромъ разсказывалъ ей все, что видѣлъ. Пріѣхалъ отецъ, и я принялся описывать и ему, какъ прошла Бѣлая, и разсказывалъ ему долѣе, еще горячѣе, потому что онъ слушалъ меня какъ-то охотнѣе.

Съ этого дня Бѣлая сдѣлалась постояннымъ предметомъ моихъ наблюденій. Рѣка начала выступать изъ береговъ и затоплять луговую сторону. Каждый день картина измѣнялась, и, наконецъ, разливъ воды, простиравшійся слишкомъ на восемь верстъ, слился съ облаками. Налѣво виднѣлась необозримая водяная поверхность, чистая и гладкая, какъ стекло, а прямо противъ нашего дома вся она была точно усѣяна верхушками деревъ, а иногда до половины

затопленными огромными дубами, вязами, вышина которыхъ только тогда вполнѣ обозначилась; они были похожи на мелкіе, какъ будто плавающіе островки. Долго не сбывала полая вода.

Суетливый—1, (о человѣкѣ) кто безъ толку торопится, спѣшитъ; 2, (о дѣлѣ) тревожный, хлопотливый, безпокойный.

Оправдать, оправдывать — 1) признать правымъ. Обвиняемаго оправдали; 2) подтвердить что-ниб. на дѣлѣ, показать истину чего-либо. Погода оправдала мои предсказанія. Ты не оправдалъ моихъ ожиданій 3) объяснять, извинять. Его поступки оправдываются его болѣзненнымъ состояніемъ.

Глыба — плотная масса земли, глины, камня и т. п. Глыба льду. Глыба гранита.—На солнцѣ искрами блистая, спадаетъ глыба снѣговая (Пушк.).

Упоръ—1, укрѣпа, подставка, поддержка; 2, преграда. Что значитъ стрѣлять въ упоръ? смоттрѣть въ упоръ?

Не случалось ли вамъ самимъ наблюдать, какъ ломается ледъ на рѣкѣ? Составьте разсказъ.

*

66. Весна.

Стихотвореніе *Н. Языкова.*

Великолѣпный день!

На мягкой муравѣ лежу; ни облачка въ небесной синевѣ. Цвѣтетъ зеленый лугъ, чистѣйшій воздухъ горный прохладой сладостной и нѣгой животворной струится въ грудь мою, и полонъ я весной!

И вотъ пѣвецъ ея летаетъ надо мной, и звуки надо мной веселые летаютъ... И чувство дивное тѣ звуки навѣваютъ мнѣ въ душу; отдаюсь невольно забытью волшебному, глаза невольно закрываю.

Легко мнѣ, такъ легко, какъ будто я летаю, летаю и пою, летаю и пою!

Животворный—способный возстановить жизненныя силы, животворящій, оживляющій. Животворная теплота солнечныхъ лучей.—Позволь мнѣ сномъ животворнымъ хоть нѣсколько въ домѣ твоемъ насладиться (Гнѣдичъ „Иліада“).

Отдаваться, отдаться—ввѣряться, покоряться сполна. См. объ этомъ I ч., стр. 315

*

67. Весна.

Стихотвореніе *Е. Баратынскаго.*

Весна, весна! Какъ воздухъ чистъ!
Какъ ясенъ небосклонъ!
Своей лазурію живой
слѣпитъ мнѣ очи онъ.

Весна, весна! Какъ высоко
на крыльяхъ вѣтерка,
ласкаясь къ солнечнымъ лучамъ,
летаютъ облака!

Шумятъ ручьи, блестятъ ручьи!
Взревѣвъ, рѣка несетъ
на торжествующемъ хребтѣ
поднятый ею ледъ!

Еще древа обнажены,
но въ рощѣ ветхій листъ,
какъ прежде, подъ моей ногой
и шуменъ и душистъ.

Подъ солнце самое взвился
и, въ яркой вышинѣ
незримый, жавронокъ поетъ
заздравный гимнъ веснѣ.

Что съ нею, что съ моей душой?
съ ручьемъ она—ручей,
и съ птичкой—птичка: съ нимъ журчитъ,
летаетъ въ небѣ съ ней!

Взревѣть—поднять ревъ. Медвѣдь взревѣлъ и замертво упалъ (Крыл.).—Бушуетъ вѣтръ, удвоилъ силы онъ, взревѣлъ и вырвалъ съ корнемъ вонъ (Крыл.).

Хребетъ—какимъ словомъ можно его здѣсь замѣнить? Отсюда **захребетникъ**.

Гимнъ (греческ.)—хвалебная пѣснь, у древнихъ преимущественно въ честь боговъ; у христіанъ: духовная пѣснь. Что такое народный гимнъ?

Заздравный — содержащій въ себѣ пожеланіе кому-либо здравія, многолѣтія. Заздравный молебенъ. — Заздравная просфора. — И за учителей своихъ заздравный кубокъ поднимаетъ (Пушкинъ).

*

68. Дѣдушка Мазай и зайцы.

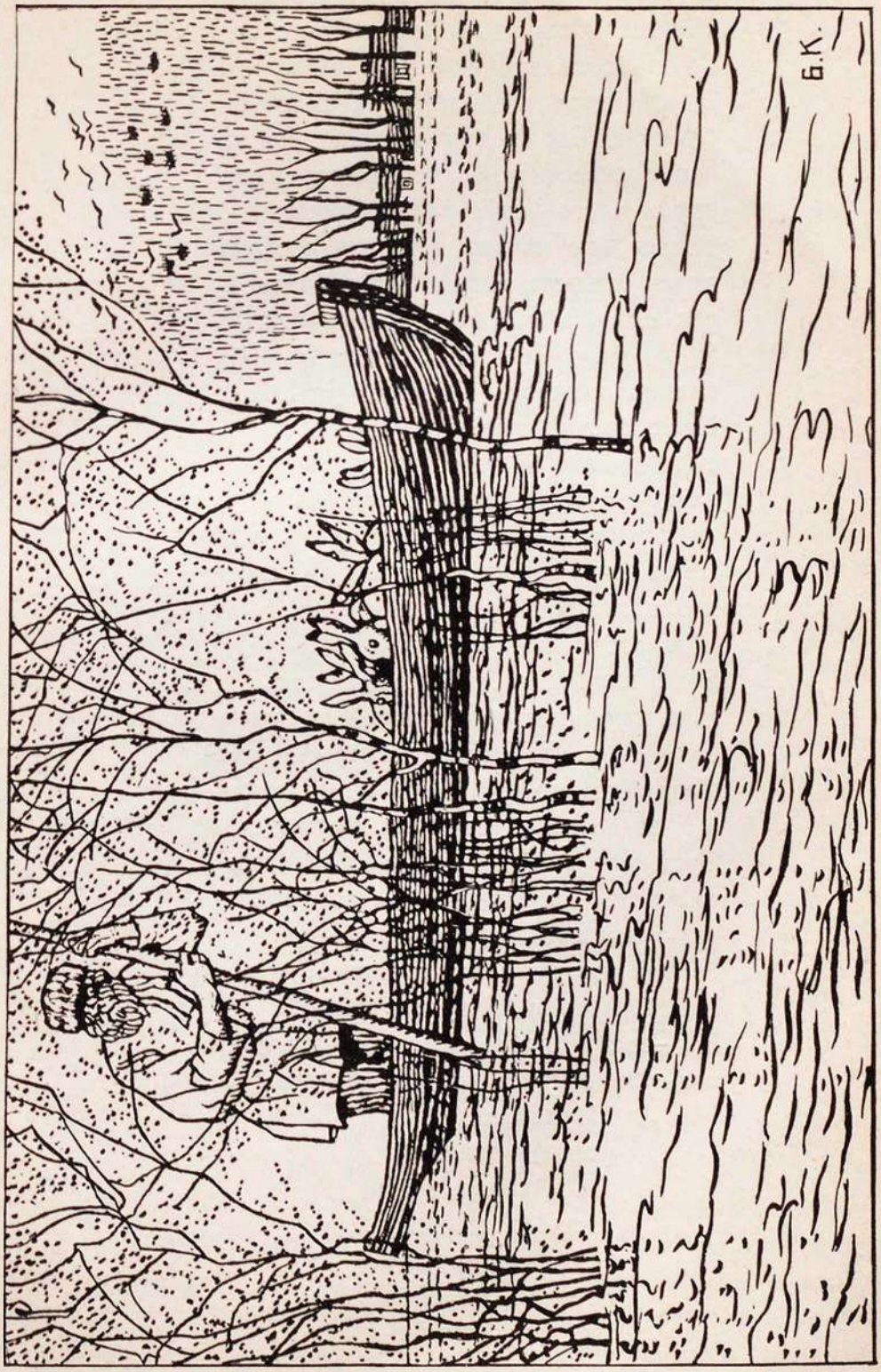
Стихотвореніе *Н. Некрасова.*

Дѣти, я вамъ разскажу про Мазая.
Каждое лѣто домой пріѣзжая,
я по недѣлѣ гощу у него.
Нравится мнѣ деревенька его:

лѣтомъ ее убирая красиво,
изстари хмель въ ней родится на диво,
вся она тонетъ въ зеленыхъ садахъ;
домики въ ней на высокихъ столбахъ
(всю эту мѣстность вода понимаетъ,
такъ что деревня весною всплываетъ,
словно Венеція). Старый Мазай
любитъ до страсти свой низменный край.
Вдовъ онъ, бездѣтенъ, имѣетъ лишь внука,
торной дорогой ходить ему—скука!
За сорокъ верстъ въ Кострому прямикомъ
сбѣгать лѣсами ему нипочемъ:
„Лѣсъ не дорога: по птицѣ, по звѣрю
выпалить можно".—А лѣшій?—„Не вѣрю!
Разъ въ куражѣ я ихъ звалъ-поджидалъ
цѣлую ночь,—никого не видалъ!
За день грибовъ насбираешь корзину,
ѣшь мимоходомъ бруснику, малину;
вечеромъ пѣночка нѣжно поетъ;
словно какъ въ бочку пустую удодъ
ухаетъ; сычъ разлетается къ ночи,
рожки точены, рисованы очи.
Ночью... ну, ночью робѣлъ я и самъ:
очень ужъ тихо въ лѣсу по ночамъ.
Тихо какъ въ церкви, когда отслужили
службу и накрѣпко дверь затворили,
развѣ какая сосна заскрипитъ,
словно старуха во снѣ проворчитъ..."
Дня не проводитъ Мазай безъ охоты.
Жилъ бы онъ славно, не зналъ бы заботы,
кабы не стали глаза измѣнять:
началъ частенько Мазай пуделять.
Впрочемъ, въ отчаянье онъ не приходитъ:
выпалитъ дѣдушка,—заяцъ уходитъ,
дѣдушка пальцемъ косому грозитъ:
„врешь—упадешь!" добродушно кричитъ.
Знаетъ онъ много разсказовъ забавныхъ
про деревенскихъ охотниковъ славныхъ:
Кузя сломалъ у ружьишка курокъ,

спичекъ таскаетъ съ собой коробокъ,
сядетъ за кустомъ—тетерю подманитъ,
спичку къ затравкѣ приложитъ—и грянетъ!
Ходитъ съ ружьишкомъ другой звѣроловъ,
носитъ съ собою горшокъ угольковъ.
„Что ты таскаешь горшокъ съ угольками?“
— Больно, родимый, я зябокъ руками:
ежели зайца теперь сослѣжу,
прежде я сяду, ружье положу,
надъ уголечками руки согрѣю,
да ужъ потомъ и палю по злодѣю!
„Вотъ такъ охотникъ!“ Мазай прибавлялъ.
Я, признаюсь, отъ души хохоталъ.

Старый Мазай разболтался въ сараѣ:
„въ нашемъ болотистомъ, низменномъ краѣ
впятеро больше бы дичи велось,
кабы сѣтями ее не ловили,
кабы силками ее не давили;
зайцы вотъ тоже,—ихъ жалко до слезъ!
Только весеннія воды нахлынутъ,
и безъ того они сотнями гинутъ,—
нѣтъ! еще мало! бѣгутъ мужики,
ловятъ и топятъ, и бьютъ ихъ баграми.
Гдѣ у нихъ совѣсть... Я разъ за дровами
въ лодкѣ поѣхалъ—ихъ много съ рѣки
къ намъ въ половодье весной нагоняетъ—
ѣду, ловлю ихъ. Вода прибываетъ.
Вижу одинъ островокъ небольшой—
зайцы на немъ собралися гурьбой.
Съ каждой минутой вода подбиралась
къ бѣднымъ звѣркамъ; ужъ подъ ними осталось
меньше аршина земли въ ширину,
меньше сажени въ длину.
Тутъ я подъѣхалъ: лопочутъ ушами,
сами ни съ мѣста; я взялъ одного,
прочимъ скомандовалъ: прыгайте сами!
Прыгнули зайцы мои,—ничего!
Только усѣлась команда косая,


Б.К.

весь островочекъ пропалъ подъ водой.
„То-то!“ сказалъ я: „не спорьте со мной!
Слушайтесь, зайчики, дѣда Мазая!“
Этакъ гуторя, плывемъ въ тишинѣ.
Столбикъ не столбикъ, зайчишко на пнѣ,
лапки скрестивши, стоитъ, горемыка,
взялъ и его—тягота не велика!
Только что началъ работать весломъ,
глядь, у куста копошится зайчиха—
еле жива, а толста какъ купчиха!
Я ее, дуру, накрылъ зипуномъ—
сильно дрожала... Не рано ужъ было.
Мимо бревно суковатое плыло;
сидя и стоя, и лежа пластомъ,
зайцевъ съ десятокъ спасалось на немъ,—
„взялъ бы я васъ—да потопите лодку!“
Жаль ихъ, однако, да жаль и находку—
я зацѣпился багромъ за сучокъ
и за собою бревно поволокъ...
Было потѣхи у бабъ, ребятишекъ,
какъ прокатилъ я деревней зайчишекъ:
„глянь-ко, что дѣлаетъ старый Мазай!“
Ладно! любуйся, а намъ не мѣшай!
Мы за деревней въ рѣкѣ очутились.
Тутъ мои зайчики точно сбѣсились:
смотрятъ, на заднія лапы встаютъ,
лодку качаютъ, грести не даютъ:
берегъ завидѣли плуты косые,
озимь, и рощу, и кусты густые!..
Къ берегу плотно бревно я пригналъ,
лодку причалилъ—и „съ Богомъ!“ сказалъ...

И во весь духъ
пошли зайчишки.
А я имъ: „у-ухъ!
живѣй, звѣришки!
Смотри, косой,
теперь спасайся,
а, чуръ, зимой
не попадайся!

Прицѣлюсь—бухъ!
и ляжешь... Ууу-хъ!..“
Мигомъ команда моя разбѣжалась,
только на лодкѣ двѣ пары осталось—
сильно измокли, ослабли; въ мѣшокъ
я ихъ поклалъ—и домой приволокъ,
за ночь больные мои отогрѣлись;
высохли, выспались, плотно наѣлись;
вынесъ я ихъ за лужокъ; изъ мѣшка
вытряхнулъ, ухнулъ—и дали стречка!
Я проводилъ ихъ все тѣмъ же совѣтомъ:
„Не попадайтесь зимой!“
Я ихъ не бью ни весною ни лѣтомъ:
шкура плохая,—линяетъ косой...

Понимать—о водѣ: наводнять, заливать, потоплять. Вода пойметъ, вода сольетъ,—а все по старому идетъ. Отсюда: поёмные луга, пóйма, поёмъ

Удодъ—птица.

Ухать—громко и отрывисто кричать. См. объ этомъ I ч., стр. 160.

Пуделять—давать промахъ изъ ружья. Либо дупеля, либо пуделя.

Затравка—часть ружья, служащая для зажиганія пороха.

Половодье, полноводье—весенній разливъ рѣкъ.

Гурьба—толпа, вереница. Прошла цѣлая гурьба народу. — Они всегда ходятъ гурьбою.—Большой собравшися гурьбой, медвѣдя звѣри изловили (Крыловъ).

Лопотать—1) говорить часто, скоро, невнятно, непонятно (объ инородцахъ). Лопочетъ что-то по-своему, ничего не разберешь. 2) дѣлать какія-нибудь частыя движенія, напр. ушами, крыльями.

Гутóрить—разговаривать, дружески бесѣдовать. Гуторя слуги вздоръ, плетутся вслѣдъ шажкомъ (Крыл.). — Гости пьютъ и ѣдятъ, рѣчи гуторятъ про хлѣба, про покосъ, про старинушку (Кольц.).

Тягота или тягость—бремя, трудность.

Лежать пластомъ—лежать плашмя, во всю длину, не шевелясь.

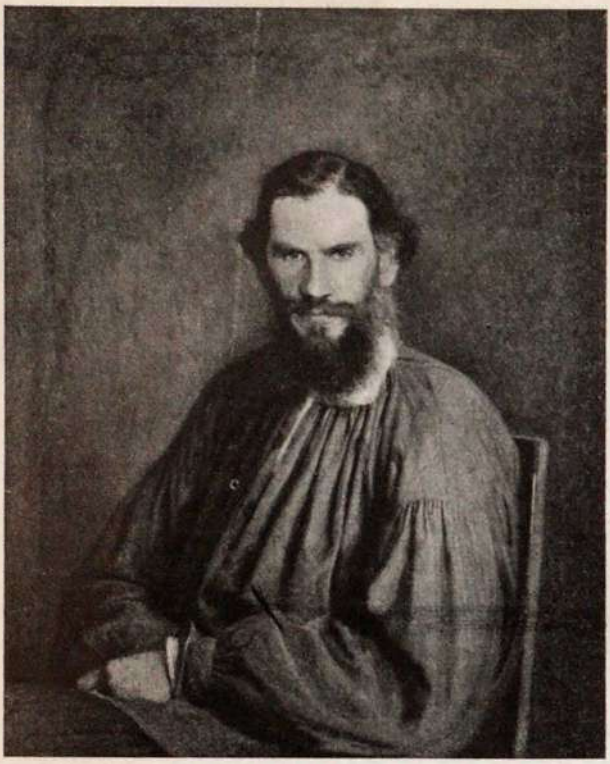
Стречокъ, стрекачъ — бѣгъ, побѣгъ, поспѣшное бѣгство. Дать стречка—улизнуть, дать тягу. Отсюда же сл.: **стрекать** (прыгать) и **стрекоза**.

*

69. Весенній дождь.

Отрывокъ *Л. Толстого.*

Ужъ солнце зашло, начинало смеркаться, и весенняя темная тучка висѣла надъ домомъ и садомъ, только изъ-за деревьевъ виднѣлся чистый край неба съ потухавшею зарей и только-что вспыхнувшею вечернею звѣздочкой. Надо всѣмъ стояла тѣнь легкой



Графъ Левъ Николаевичъ Толстой (род. 1828 г.).

тучки, и все ждало тихаго весенняго дождика. Вѣтеръ замеръ, ни одинъ листъ ни одна травка не шевелилась; запахъ сирени и черемухи такъ сильно, какъ будто весь воздухъ цвѣлъ, стоялъ въ саду и на террасѣ и наплывами то вдругъ ослабѣвалъ, то усиливался, такъ что хотѣлось закрыть глаза и ничего не видѣть, не слышать, кромѣ этого сладкаго запаха. Георгины и кусты розановъ, еще безъ цвѣта, неподвижно вытянувшись на своей вскопанной черной рабаткѣ, какъ будто медленно росли вверхъ по своимъ бѣлымъ, обструганнымъ подставкамъ; лягушки изъ всѣхъ силъ, какъ будто напослѣдкахъ предъ дождемъ, который ихъ загонитъ въ воду, дружно и пронзительно трещали изъ-подъ оврага. Одинъ какой-то тонкій, непрерывный водяной звукъ стоялъ надъ этимъ крикомъ. Соловьи перекликались вперемежку, и слышно было, какъ тревожно перелетали съ мѣста на мѣсто... А тучи безъ вѣтра все спускались ниже и ниже; все становилось тише, пахучѣе и неподвижнѣе, и вдругъ капля упала и какъ будто подпрыгнула на парусинномъ навѣсѣ террасы, другая разбилась на щебнѣ дорожки; по лопуху шлепнуло, и закапалъ крупный, свѣжій, усиливающійся дождикъ. Соловьи и лягушки совсѣмъ затихли, только тонкій водяной звукъ хотя и казался дальше изъ-за дождя, но все стоялъ въ воздухѣ, и какая-то птица, должно-быть забившись въ сухіе листья, недалеко отъ террасы, равномѣрно выводила свои двѣ однообразныя ноты... Тучка, свѣтлѣя и рѣдѣя, проливалась надъ головою; ровный звукъ дождя замѣнился рѣдкими каплями, падавшими сверху и съ листьевъ. Опять внизу затрещали лягушки, опять встрепенулись соловьи и изъ мокрыхъ кустовъ стали отзываться то съ той, то съ другой стороны. Все просвѣтлѣло въ природѣ.

Рабатка (франц.)—узкая гряда по бокамъ дорожки для украшенія, подорожные цвѣтники.

Обстругать—огладить доску со всѣхъ сторонъ стругомъ, ::ожомъ. Отсюда **стружки**.

Послѣдки, напослѣдкахъ, напослѣдокъ—подъ конецъ чего-нибудь.

Вперемежку—попеременно, то одно, то другое; одно послѣ другого. Сравни **вперемѣшку**—смѣшанно. Какая разница въ корняхъ?

Щебень,—битыш, битый, измельченный камень для убоя дорогъ.

*

70. Утро.

Стихотвореніе *И. Никитина.*

Звѣзды меркнутъ и гаснутъ. Въ огнѣ облака.
Бѣлый паръ по лугамъ разстилается.
По зеркальной водѣ, по кудрямъ лозняка
отъ зари алый свѣтъ разливается.
Дремлетъ чуткій камышъ. Тишь-безлюдье вокругъ.
Чуть примѣтна тропинка росистая.
Кустъ задѣнешь плечомъ,—на лицо тебѣ вдругъ
съ листьевъ брызнетъ роса серебристая.
Потянулъ вѣтерокъ,—воду морщитъ, рябитъ.
Пронеслись утки съ шумомъ и скрылися.
Далеко, далеко колокольчикъ звенитъ.
Рыбаки въ шалашѣ пробудилися,
сняли сѣти съ шестовъ, весла къ лодкамъ несутъ...
А востокъ все горитъ, разгорается.
Птички солнышка ждутъ, птички пѣсни поютъ,
и стоитъ себѣ лѣсъ, улыбается.
Вотъ и солнце встаетъ, изъ-за пашенъ блеститъ,
за морями ночлегъ свой покинуло;
на поля, на луга, на макушки ракитъ
золотыми потоками хлынуло.
Ѣдетъ пахарь съ сохой, ѣдетъ—пѣсню поетъ;
по плечу молодцу все тяжелое...
Не боли ты, душа! отдохни отъ заботъ!
Здравствуй, солнце да утро веселое!

Меркнуть—терять свѣтъ, блескъ, тускнѣть. День меркнетъ, приходитъ ночная пора (А. Толст.).

Мерцать—слабо сверкать, сіять блѣднымъ или дрожащимъ свѣтомъ. Огонекъ едва мерцаетъ.—Посмотри, въ избѣ мерцая свѣтитъ огонекъ (Майк.).

Рябить — дѣлать пестрымъ; употребл. обыкнов. въ безл. формѣ: Рябитъ въ глазахъ—видится не ясно, мелькаетъ, пестритъ. Вѣтерокъ рябитъ озеро—подернулъ струйками, сморщилъ, покрылъ рябью.

Шалашъ—наскоро сдѣланный въ лѣсу или въ полѣ пріютъ; палатка, сдѣланная изъ вѣтвей, изъ рогожи, изъ бересты.

Хлынуть—натечь, набѣжать, налетѣть во множествѣ, потокомъ, толпой. Дождь хлынулъ, какъ изъ ведра.—Толпа хлынула на площадь.

По плечу кому-нибудь—по силамъ.

⁂

71. * * *

Отрывокъ *И. Тургенева.*

Погода прекрасная; кротко синѣетъ майское небо; гладкіе, молодые листья ракитъ блестятъ словно вымытые; широкая, ровная дорога вся покрыта той мелкой травой съ красноватымъ стебелькомъ, которую такъ охотно щиплютъ овцы; направо и налѣво по длиннымъ скатамъ пологихъ холмовъ тихо зыблется зеленая рожь: жидкими пятнами скользятъ по ней тѣни небольшихъ тучекъ. Въ отдаленьи темнѣютъ лѣса, сверкаютъ пруды, желтѣютъ деревни; жаворонки сотнями поднимаются, поютъ, падаютъ стремглавъ, вытянувъ шейки стоятъ на глыбочкахъ; грачи на дорогѣ останавливаются, глядятъ на васъ, приникаютъ къ землѣ, даютъ вамъ проѣхать и, подпрыгнувъ раза два, тяжко отлетаютъ въ сторону; на горѣ, за оврагомъ, мужикъ пашетъ; пѣгій жеребенокъ, съ куцымъ хвостикомъ и взъерошенной гривкой, бѣжитъ на невѣрныхъ ножкахъ вслѣдъ за матерью; слышится его тонкое ржанье.

Пологій — покатый, наклонный, идущій некруто подъ гору или въ гору.

Зыбать, зыбить или зыбнуть—колебать, качать, покачивать, колыхать. Отсюда: зыбкій, зыбь, незыблемый. Что значатъ эти слова? Найдите для нихъ примѣры.

Глыба—см. стр. 272, а также комъ твердой земли на пашнѣ.

Взъерошить — всклочивать, взбивать, вздымать въ безпорядкѣ; противоп. пригладить, причесать. Большой взъерошенный медвѣдь (Пушк.).

⁂

72. Пѣсня пахаря.

Стихотвореніе *А. Кольцова.*

Ну, тащися, сивка,
пашней десятиной!
Выбѣлимъ желѣзо
о сырую землю.
Красавица зорька
въ небѣ загорѣлась;
изъ большого лѣса
солнышко выходитъ.
Весело на пашнѣ...
Ну, тащися, сивка!

я самъ-другъ съ тобою,
слуга и хозяинъ.
Весело я лажу
борону и соху,
телѣгу готовлю,
зерна насыпаю.
Весело гляжу я
на гумно, на скирды,
молочу и вѣю;
ну, тащися, сивка!

Пашенку мы рано
съ сивкою распашемъ,
зернышку сготовимъ
колыбель святую.
Его вспоитъ, вскормитъ
мать земля сырая;
выйдетъ въ полѣ травка —
ну, тащися, сивка!
выйдетъ въ полѣ травка —
выростетъ и колосъ,
станетъ спѣть, рядиться
въ золотыя ткани.

Заблеститъ нашъ серпъ здѣсь,
зазвенятъ здѣсь косы;
сладокъ будетъ отдыхъ
на снопахъ тяжелыхъ!
Ну, тащися, сивка!
накормлю досыта,
напою водою,
водою ключевою.
Съ тихою молитвой
я вспашу, посѣю:
уроди мнѣ, Боже,
хлѣбъ—мое богатство!

Самъ-другъ—самъ другой, вдвоемъ съ кѣмъ-нибудь другимъ. А что значитъ **самъ-третей?**

Десятина—десятая часть чего-либо; подать, составляющая десятичную долю съ имущества или дохода; мѣра земли. Десятинная церковь.

Ладить—1) приноравливать, пригонять, приводить въ порядокъ; 2) ладить съ кѣмъ—жить мирно, не ссориться, быть въ ладахъ. Что значитъ **заладить?** *Заладила сорока Якова одно про всякаго.*

Гумно—огороженное мѣсто, гдѣ ставятъ въ скирды убранный съ поля хлѣбъ также расчищенное мѣсто или токъ, гдѣ молотятъ. На гумнѣ ни снопа, въ закромахъ ни зерна (Кольц.).

Вѣять—1) очищать зерна отъ пыли и мякины, ручнымъ способомъ (какъ?) или при помощи вѣялки; 2) о вѣтрѣ—дуть. Вѣютъ вѣтры, вѣютъ буйные.—Навѣвать прохладу.—Развѣять печаль.—Вѣютъ бѣлые султаны, какъ степной ковыль (Лерм.).

Молотить—выбивать зерно изъ колоса. Какая разница между **молотить** и **молоть?**

Рядиться—1) красиво одѣваться, наряжаться; 2) договариваться, условливаться въ цѣнѣ. *Рядись—не торопись, а посль не вертись.*

*

73. Бирюкъ.

Разсказъ *И. Тургенева.*

Я ѣхалъ съ охоты вечеромъ одинъ, на бѣговыхъ дрожкахъ. До дому еще было верстъ восемь; моя добрая рысистая кобыла бодро бѣжала по пыльной дорогѣ, изрѣдка похрапывая и шевеля ушами; усталая собака, словно привязанная, ни на шагъ не отставала отъ заднихъ колесъ. Гроза надвигалась. Впереди огромная лиловая туча медленно поднималась изъ-за лѣса: надо мною и мнѣ навстрѣчу неслись длинныя, сѣрыя облака; ракиты тревожно шевелились и лепетали. Душный жаръ внезапно смѣнился влажнымъ холодомъ; тѣни быстро густѣли. Я ударилъ возжой по ло-

шади, спустился въ оврагъ, перебрался черезъ сухой ручей, весь заросшій лозняками, поднялся въ гору и въѣхалъ въ лѣсъ. Дорога вилась передо мною между густыми кустами орѣшника, уже залитыми мракомъ; я подвигался впередъ съ трудомъ. Дрожки прыгали по твердымъ корнямъ столѣтнихъ дубовъ и липъ, безпрестанно пересѣкавшимъ глубокія продольныя рытвины—слѣды телѣжныхъ колесъ; лошадь моя начала спотыкаться. Сильный вѣтеръ внезапно загудѣлъ въ вышинѣ, деревья забушевали, крупныя капли дождя рѣзко застучали, зашлепали по листьямъ, сверкнула молнія, и гроза разразилась. Дождь полилъ ручьями. Я поѣхалъ шагомъ и скоро принужденъ былъ остановиться: лошадь моя вязла, я не видѣлъ ни зги. Кое-какъ пріютился я къ широкому кусту. Сгорбившись и закутавши лицо, ожидалъ я терпѣливо конца ненастья, какъ вдругъ, при блескѣ молніи, на дорогѣ почудилась мнѣ высокая фигура. Я сталъ пристально глядѣть въ ту сторону,— та же фигура словно выросла изъ земли подлѣ моихъ дрожекъ.

— Кто это?—спросилъ звучный голосъ.

— А ты кто самъ?

— Я здѣшній лѣсникъ.

Я назвалъ себя.

— А, знаю! вы домой ѣдете?

— Домой. Да видишь, какая гроза...

— Да, гроза,—отвѣчалъ голосъ.

Бѣлая молнія озарила лѣсника съ головы до ногъ; трескучій и короткій ударъ грома раздался тотчасъ вслѣдъ за нею. Дождикъ хлынулъ съ удвоенной силой.

— Не скоро пройдетъ,—продолжалъ лѣсникъ.

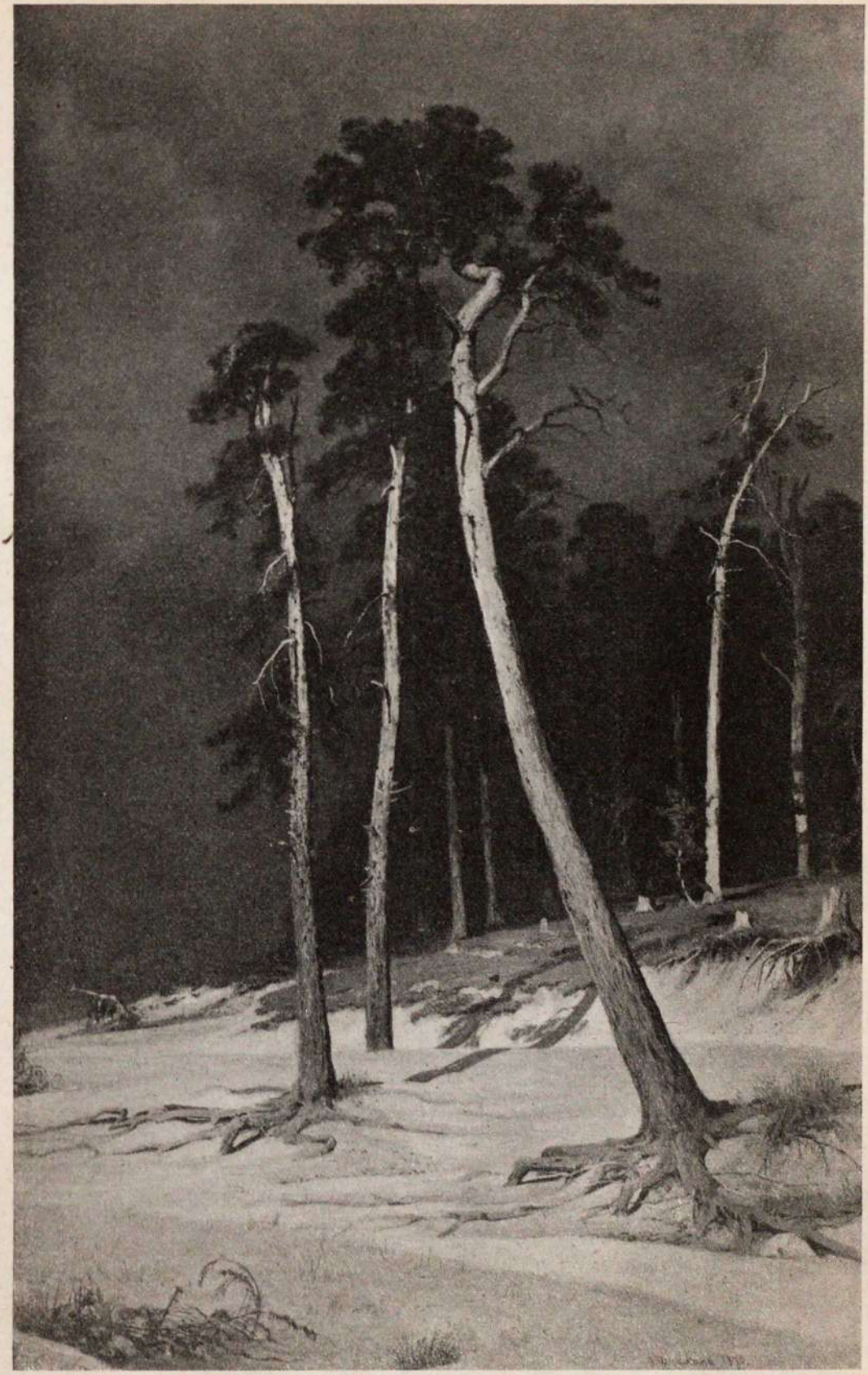
— Что дѣлать?

— Я васъ, пожалуй, въ свою избу проведу,—отрывисто проговорилъ онъ.

— Сдѣлай одолженіе.

— Извольте сидѣть.

Онъ подошелъ къ головѣ лошади, взялъ ее за узду и сдернулъ съ мѣста. Мы тронулись. Я держался за подушки дрожекъ, которыя колыхались, „какъ въ морѣ челнокъ“, и кликалъ собаку. Бѣдная моя кобыла тяжко шлепала ногами по грязи, скользила, спотыкалась; лѣсникъ покачивался передъ оглоблями направо и налѣво, словно привидѣнье. Мы ѣхали довольно долго; наконецъ мой проводникъ остановился.—„Вотъ мы и дома, баринъ“,—про-



Въ грозу. Съ картины *И. Шишкина.*

молвилъ онъ спокойнымъ голосомъ.—Калитка заскрипѣла, нѣсколько щенковъ дружно залаяло. Я поднялъ голову и, при свѣтѣ молніи, увидалъ небольшую избушку посреди обширнаго двора, обнесеннаго плетнемъ. Изъ одного окошечка тускло свѣтилъ огонекъ. Лѣсникъ довелъ лошадь до крыльца и застучалъ въ дверь.—„Сичасъ, сичасъ!“ раздался тоненькій голосокъ, послышался топотъ босыхъ ногъ, засовъ заскрипѣлъ, и дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, въ рубашонкѣ, подпоясанная покромкой, съ фонаремъ въ рукѣ, показалась на дорогѣ.

— Посвѣти барину,—сказалъ онъ ей:—а я ваши дрожки подъ навѣсъ поставлю.

Дѣвочка глянула на меня и пошла въ избу. Я отправился вслѣдъ за ней.

Изба лѣсника состояла изъ одной комнаты, закоптѣлой, низкой и пустой, безъ полатей и перегородокъ. Изорванный тулупъ висѣлъ на стѣнѣ. На лавкѣ лежало одноствольное ружье, въ углу валялась груда тряпокъ; два большихъ горшка стояли возлѣ печки. Лучина горѣла на столѣ, печально вспыхивая и погасая. На самой серединѣ избы висѣла люлька, привязанная къ концу длиннаго шеста. Дѣвочка погасила фонарь, присѣла на крошечную скамейку и начала правой рукой качать люльку, лѣвой поправлять лучину. Я посмотрѣлъ кругомъ,—сердце во мнѣ заныло: не весело войти ночью въ мужицкую избу. Ребенокъ въ люлькѣ дышалъ тяжело и скоро.

— Ты развѣ одна здѣсь?—спросилъ я дѣвочку.

— Одна,—произнесла она едва внятно.

— Ты лѣсникова дочь?

— Лѣсникова,—прошептала она.

Дверь заскрипѣла, и лѣсникъ шагнулъ, нагнувъ голову, черезъ порогъ. Онъ поднялъ фонарь съ полу, подошелъ къ столу и зажегъ свѣтильню.

— Чай, не привыкли къ лучинѣ?—проговорилъ онъ и тряхнулъ кудрями.

Я посмотрѣлъ на него. Рѣдко мнѣ случалось видѣть такого молодца. Онъ былъ высокаго роста, плечистъ и сложенъ на славу. Изъ-подъ мокрой запашной рубашки выпукло выставлялись его могучія мышцы. Черная курчавая борода закрывала до половины его суровое и мужественное лицо; изъ-подъ сросшихся широкихъ

бровей смѣло глядѣли небольшіе каріе глаза. Онъ слегка уперся руками въ бока и остановился передо мною.

Я поблагодарилъ его и спросилъ его имя.

— Меня зовутъ Ѳомой, — отвѣчалъ онъ: — а по прозвищу Бирюкъ.

— А, ты Бирюкъ?

Я съ удвоеннымъ любопытствомъ посмотрѣлъ на него. Отъ моего Ермолая и отъ другихъ я часто слышалъ разсказы о лѣсникѣ Бирюкѣ, котораго всѣ окрестные мужики боялись, какъ огня. По ихъ словамъ, не бывало еще на свѣтѣ такого мастера своего дѣла: „Вязанки хворосту не дастъ утащить; въ какую бы ни было пору, хоть въ самую полночь, нагрянетъ, какъ снѣгъ на голову, и ты не думай сопротивляться, — силенъ, дескать, и ловокъ какъ бѣсъ... И ничѣмъ его взять нельзя: ни виномъ ни деньгами; ни на какую приманку не идетъ. Уже не разъ добрые люди его сжить со свѣту собирались, да нѣтъ—не дается“.

Вотъ какъ отзывались сосѣдніе мужики о Бирюкѣ.

— Такъ ты Бирюкъ, — повторилъ я: — я, братъ, слыхалъ про тебя. Говорятъ, ты никому спуску не даешь.

— Должность свою исправляю, — отвѣчалъ онъ угрюмо: — даромъ господскій хлѣбъ ѣсть не приходится.

Онъ досталъ изъ-за пояса топоръ, присѣлъ на полъ и началъ колоть лучину.

— Аль у тебя хозяйки нѣтъ?—спросилъ я его.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ и сильно махнулъ топоромъ.

— Умерла, знать?

— Нѣтъ... да... умерла,—прибавилъ онъ и отвернулся.

Я замолчалъ; онъ поднялъ глаза и посмотрѣлъ на меня.

— Съ прохожимъ мѣщаниномъ сбѣжала,—произнесъ онъ съ жестокой улыбкой. Дѣвочка потупилась; ребенокъ проснулся и закричалъ; дѣвочка подошла къ люлькѣ.—На, дай ему,—проговорилъ Бирюкъ, сунувъ ей въ руку запачканный рожокъ.—Вотъ и его бросила,—продолжалъ онъ вполголоса, указывая на ребенка. Онъ подошелъ къ двери, остановился и обернулся.

— Вы, чай, баринъ, — началъ онъ, — нашего хлѣба ѣсть не станете, а у меня окромя хлѣба...

— Я не голоденъ.

— Ну, какъ знаете. Самоваръ бы я вамъ поставилъ, да чаю у меня нѣту... Пойду посмотрю, что ваша лошадь.

Онъ вышелъ и хлопнулъ дверью. Я въ другой разъ осмотрѣлся. Изба показалась мнѣ еще печальнѣе прежняго. Горькій запахъ остывшаго дыма непріятно стѣснялъ мнѣ дыханіе. Дѣвочка не трогалась съ мѣста и не поднимала глазъ; изрѣдка поталкивала она люльку, робко наводила на плечо спускавшуюся рубашку; ея голыя ноги висѣли, не шевелясь.

— Какъ тебя зовутъ?—спросилъ я.

— Улитой, — проговорила она, еще болѣе понуривъ свое печальное личико.

Лѣсникъ вошелъ и сѣлъ на лавку.

— Гроза проходитъ,—замѣтилъ онъ, послѣ небольшого молчанія:—коли прикажете, я васъ изъ лѣсу провожу.

Я всталъ. Бирюкъ взялъ ружье и осмотрѣлъ полку.

— Это зачѣмъ?—спросилъ я.

— А въ лѣсу шалятъ... У Кобыльяго Верху дерево рубятъ,— прибавилъ онъ въ отвѣтъ на мой вопрошающій взоръ.

— Будто отсюда слышно?

— Со двора слышно.

Мы вышли вмѣстѣ. Дождикъ пересталъ. Въ отдаленіи еще толпились тяжелыя громады тучъ, изрѣдка вспыхивали длинныя молніи; но надъ нашими головами уже виднѣлось кое-гдѣ темно-синее небо, звѣздочки мерцали сквозь жидкія, быстро летѣвшія облака. Очерки деревьевъ, обрызганныхъ дождемъ и взволнованныхъ вѣтромъ, начинали выступать изъ мрака. Мы стали прислушиваться. Лѣсникъ снялъ шапку и потупился.—„Во.... вотъ,— проговорилъ онъ вдругъ и протянулъ руку:—вишь какую ночку выбралъ“. Я ничего не слышалъ, кромѣ шума листьевъ. Бирюкъ вывелъ лошадь изъ-подъ навѣса. „А этакъ я, пожалуй,—прибавилъ онъ вслухъ:—и прозѣваю его“.—„Я съ тобой пойду.... хочешь?“— „Ладно, — отвѣчалъ онъ и попятилъ лошадь назадъ: — мы его духомъ поймаемъ, а тамъ я васъ провожу. Пойдемте“.

Мы пошли: Бирюкъ впереди, я за нимъ. Богъ его знаетъ, какъ онъ узнавалъ дорогу, но онъ останавливался только изрѣдка, и то для того, чтобы прислушиваться къ стуку топора.—„Вишь,— бормоталъ онъ сквозь зубы:—слышите? слышите?“—„Да гдѣ?“— Бирюкъ пожималъ плечами. Мы спустились въ оврагъ, вѣтеръ затихъ на мгновенье — мѣрные удары ясно достигали до моего слуха. Бирюкъ глянулъ на меня и качнулъ головой. Мы пошли

далѣе по мокрому папоротнику и крапивѣ. Глухой и продолжительный гулъ раздался...

— Повалилъ...—пробормоталъ Бирюкъ.

Между тѣмъ небо продолжало расчищаться; въ лѣсу чуть-чуть свѣтлѣло. Мы выбрались, наконецъ, изъ оврага. — „Подождите здѣсь“, шепнулъ мнѣ лѣсникъ, нагнулся и, поднявъ ружье кверху, исчезъ между кустами. Я сталъ прислушиваться съ напряженіемъ. Сквозь постоянный шумъ вѣтра чудились мнѣ невдалекѣ слабые звуки: топоръ осторожно стучалъ по сучьямъ, колеса скрипѣли, лошадь фыркала... „Куда? стой!“ загремѣлъ вдругъ желѣзный голосъ Бирюка. — Другой голосъ закричалъ жалобно, по-заячьи.... Началась борьба. „Вре-ешь, вре-ешь,—твердилъ, задыхаясь, Бирюкъ:—не уйдешь“.... Я бросился въ направленіи шума и прибѣжалъ, спотыкаясь на каждомъ шагу, на мѣсто битвы. У срубленнаго дерева, на землѣ, копошился лѣсникъ; онъ держалъ подъ собою вора и закручивалъ ему кушакомъ руки на спину. Я подошелъ. Бирюкъ поднялся и поставилъ его на ноги. Я увидалъ мужика, мокраго, въ лохмотьяхъ, съ длинной растрепаной бородой. Дрянная лошаденка, до половины закрытая угловатой рогожкой, стояла тутъ же вмѣстѣ съ телѣжнымъ ходомъ. Лѣсникъ не говорилъ ни слова; мужикъ тоже молчалъ и только головой потряхивалъ.

— Отпусти его,—шепнулъ я на ухо Бирюку:—я заплачу за дерево.

Бирюкъ молча взялъ лошадь за чолку лѣвой рукой; правой онъ держалъ вора за поясъ. „Ну, поворачивайся, ворона!“—промолвилъ онъ сурово.—„Топорикъ-то вонъ возьмите“, — пробормоталъ мужикъ. — „Зачѣмъ ему пропадать!“ — сказалъ лѣсникъ и поднялъ топоръ. Мы отправились. Я шелъ позади.... Дождикъ началъ опять накрапывать и скоро полилъ ручьями. Съ трудомъ добрались мы до избы. Бирюкъ бросилъ пойманную лошаденку посреди двора, ввелъ мужика въ комнату, ослабилъ узелъ кушака и посадилъ его въ уголъ. Дѣвочка, которая заснула - было возлѣ печки, вскочила и съ молчаливымъ испугомъ стала глядѣть на насъ. Я сѣлъ на лавку.

— Экъ его, какой полилъ,—замѣтилъ лѣсникъ: — переждать придется. Не хотите ли прилечь?

— Спасибо.

— Я бы его, для вашей милости, въ чуланчикъ заперъ, — продолжалъ онъ, указывая на мужика:—да, вишь, засовъ...

— Оставь его тутъ, не трогай,—перебилъ я Бирюка.

Мужикъ глянулъ на меня исподлобья. Я внутренно далъ себѣ слово, во что бы то ни стало, освободить бѣдняка. Онъ сидѣлъ неподвижно на лавкѣ. При свѣтѣ фонаря я могъ разглядѣть его испитое, морщинистое лицо, нависшія желтыя брови, безпокойные глаза, худые члены.... Дѣвочка улеглась на полу у самыхъ его ногъ и опять заснула. Бирюкъ сидѣлъ возлѣ стола, опершись головою на руки. Кузнечикъ кричалъ въ углу.... дождикъ стучалъ по крышѣ и скользилъ по окнамъ; мы всѣ молчали.

— Ѳома Кузьмичъ,—заговорилъ вдругъ мужикъ голосомъ глухимъ и разбитымъ:—а Ѳома Кузьмичъ.

— Чего тебѣ?

— Отпусти.

Бирюкъ не отвѣчалъ.

— Отпусти... съ голодухи... отпусти.

— Знаю я васъ,—угрюмо возразилъ лѣсникъ:—ваша вся слобода такая—воръ на ворѣ.

— Отпусти,—твердилъ мужикъ:—приказчикъ... разорены, вѣ какъ... отпусти!

— Разорены!.. Воровать никому не слѣдъ.

— Отпусти, Ѳома Кузьмичъ... не погуби. Вашъ-то, самъ знаешь, заѣстъ, вѣ какъ.

Бирюкъ отвернулся. Мужика подергивало, словно лихорадка его колотила. Онъ встряхивалъ головой и дышалъ неровно.

— Отпусти!—повторилъ онъ съ унылымъ отчаяньемъ.—Отпусти, ей-Богу, отпусти! я заплачу, вѣ какъ, ей-Богу. Ей-Богу, съ голодухи... дѣтки пищатъ, самъ знаешь. Круто, вѣ какъ, приходится.

— А ты все-таки воровать не ходи.

— Лошаденку, — продолжалъ мужикъ: — лошаденку-то, хоть ее-то... одинъ животъ и есть... отпусти.

— Говорятъ, нельзя. Я тоже человѣкъ подневольный: съ меня взыщутъ. Васъ баловать тоже не приходится.

— Отпусти! Нужда, Ѳома Кузьмичъ, нужда, какъ есть того.... отпусти!

— Знаю я васъ!

— Да отпусти.

— Э, да что съ тобой толковать; сиди смирно, а то у меня, знаешь? Не видишь, что ли, барина?

Бѣднякъ потупился... Бирюкъ зѣвнулъ и положилъ голову на столъ. Дождикъ все не переставалъ. Я ждалъ, что будетъ.

Мужикъ внезапно выпрямился. Глаза у него загорѣлись, и на лицѣ выступила краска. „Ну нà, ѣшь, нà, подавись, нà,— началъ онъ, прищуривъ глаза и опустивъ углы губъ: — нà, душегубецъ окаянный: пей христіанскую кровь, пей“...

Лѣсникъ обернулся.

— Тебѣ говорю, тебѣ, азіатъ, кровопійца, тебѣ!

— Пьянъ ты, что ли, что ругаться вздумалъ?—заговорилъ съ изумленіемъ лѣсникъ.—Съ ума сошелъ, что ли?

— Пьянъ!... не на твои ли деньги, душегубецъ окаянный, звѣрь, звѣрь, звѣрь!

— Ахъ, ты... да я тебя!..

— А мнѣ что? Все едино — пропадать; куда я безъ лошади пойду? Пришиби — одинъ конецъ; что съ голоду, что такъ — все едино. Пропадай все: жена, дѣти, — околѣвай все... А до тебя, погоди, доберемся!

Бирюкъ приподнялся.

— Бей, бей, — подхватилъ мужикъ свирѣпымъ голосомъ: — бей, нà, нà, бей... (Дѣвочка торопливо вскочила съ полу и уставилась на него). Бей! бей!

— Молчать!—загремѣлъ лѣсникъ и шагнулъ два раза.

— Полно, полно, Ѳома,—закричалъ я:—оставь его... Богъ съ нимъ.

— Не стану я молчать,—продолжалъ несчастный.— Все едино— околѣвать-то. Душегубецъ ты, звѣрь, погибели на тебя нѣту... Да постой, не долго тебѣ чваниться! затянутъ тебѣ глотку, постой!

Бирюкъ схватилъ его за плечо... Я бросился на помощь мужику...

— Не троньте, баринъ!—крикнулъ на меня лѣсникъ.

Я бы не побоялся его угрозы и уже протянулъ-было руку; но, къ крайнему моему изумленію, онъ однимъ поворотомъ сдернулъ съ локтей мужика кушакъ, схватилъ его за шиворотъ, нахлобучилъ ему шапку на глаза, растворилъ дверь и вытолкнулъ его вонъ.

— Убирайся къ чорту съ своей лошадью! — закричалъ онъ ему вслѣдъ:—да смотри, въ другой разъ у меня...

Онъ вернулся въ избу и сталъ копаться въ углу.

— Ну, Бирюкъ, — промолвилъ я наконецъ: — удивилъ ты меня: ты, я вижу, славный малый.

— Э, полноте, баринъ,—перебилъ онъ меня съ досадой:—не извольте только сказывать. Да ужъ я лучше васъ провожу,—прибавилъ онъ:—знать, дождика-то вамъ не переждать...

На дворѣ застучали колеса мужицкой телѣги.

— Вишь, поплелся!—пробормоталъ онъ:—да я его!...

Черезъ полчаса онъ простился со мной на опушкѣ лѣса.

Бирюкъ—въ Орловской губ. такъ наз. человѣкъ одинокій и угрюмый. А у насъ?

Продольный—что идетъ, лежитъ вдоль, по длинѣ; противопол.—поперечный.

Засовъ—запоръ, задвижка; деревянная или желѣзная полоса для запиранія дверей и оконъ.

Покромка—крайняя полоса, продольный край ткани; въ деревняхъ употребляется какъ женскій поясъ.

Люлька—1) колыбель, зыбка; 2) табачная трубка. Вдругъ, среди самаго бѣга, остановился Тарасъ и вскрикнулъ: „Стой! выпала люлька съ табакомъ; не хочу, чтобы и люлька досталась вражьимъ лягамъ!“ (Гог.).

Поправлять лучину—сбивать нагорающій уголь, отъ чего лучина горитъ ярче.

Запашной—имѣющій запахивающіяся полы. Запашной кафтанъ.

Нагрянуть—см. стр. 232.

Какъ снѣгъ на голову—внезапно, вдругъ.

Сжить, сживать кого, что—сбывать съ рукъ, избавиться, отдѣлаться отъ чего. Одну бѣду сживешь, другую наживешь. Сживать кого со свѣту—не давать просвѣту, покою, угнетать, преслѣдовать. Что значитъ **сжиться?** Сжился я съ бѣдою, какъ со своею головою.

Спускъ—имѣетъ нѣсколько буквальныхъ значеній; напр.: крутой спускъ у горы; спускъ корабля на воду. Въ переносномъ: спуску не давать—не спускать, не потворствовать, не потакать. Спускомъ также называютъ мазь для перевязки ранъ.

Исправлять должность—буквально знач.: занимать мѣсто, связанное съ извѣстными обязанностями; въ данномъ случаѣ точно исполнять свои обязанности. Исправляющій должность—завѣдывающій временно, еще не утвержденный въ должности.

Рогъ, рожокъ—1) наростъ на черепѣ у животныхъ для обороны; 2) музыкальное орудіе, напр.: пѣсенный рожокъ, пастушій рожокъ. Пастухъ выйдетъ на лужокъ, заиграетъ во рожокъ (нар. пѣсня). 3) обдѣланный коровій рогъ для кормленія младенцевъ молокомъ (употребляется въ деревнѣ). Такъ же называются стеклянныя бутылочки съ резиновымъ наконечникомъ, употребляющіяся для этой же цѣли въ городахъ.

Полка—вообще всякая доска, придѣланная къ стѣнѣ для постановки и поклажи чего-нибудь. У ружья—выступъ или корытце для насыпки пороху.

Верхъ—въ Орловской губерніи оврагъ.

Копошиться—см. I часть, стр. 35.

Ходъ—имѣетъ нѣсколько значеній. Опредѣлите ихъ по слѣд. примѣрамъ: Жить тебѣ, пока ты на ходу (Некр.).—Тутъ нѣтъ ходу.—Ходъ корабля.—Пустить мельницу въ ходъ.—У этихъ часовъ невѣрный ходъ.—Машина въ полномъ ходу.—Тихій ходъ!—Естественный ходъ со-

бытій.—Ходъ болѣзни.—Невѣрный ходъ (въ игрѣ въ шахматы).—Изъ кожи лѣзутъ вонъ, а возу все нѣтъ ходу (Крыл.).—Дѣло въ ходу.—Товаръ въ ходу.—На полномъ ходу.—Подземный ходъ.—Крестный ходъ. Ходъ у повозокъ: весь низъ, кромѣ кузова. Къ этой каретѣ есть лѣтній и зимній ходъ. Вспомните примѣръ на это слово изъ 1-ой части.

Испитой—малокровный, худосочный, истощенный, изнуренный.

Душегубецъ—убійца. А что значитъ: **душегубка**? Мелькали рыбачьи лодки, столь выразительно прозванныя душегубками (Пушкинъ).

*

74. Крестьянинъ и работникъ.

Басня *И. Крылова.*

Когда у насъ бѣда надъ головой,
то рады мы тому молиться,
кто вздумаетъ за насъ вступиться;
но только съ плечъ бѣда долой,
то избавителю отъ насъ же часто худо:
всѣ взапуски его цѣнятъ;
и если онъ у насъ не виноватъ,
такъ это чудо!

Старикъ-крестьянинъ съ батракомъ
шелъ подъ вечеръ лѣскомъ
домой, въ деревню, съ сѣнокосу,
и повстрѣчали вдругъ медвѣдя носомъ къ носу.
Крестьянинъ ахнуть не успѣлъ,
какъ на него медвѣдь насѣлъ.
Подмялъ крестьянина, ворочаетъ, ломаетъ
и, гдѣ бъ его почать, лишь мѣсто выбираетъ.
Конецъ приходитъ старику!
„Степанушка родной, не выдай, милый!“
изъ-подъ медвѣдя онъ взмолился батраку.
Вотъ новый Геркулесъ, со всей собравшись силой,
что только было въ немъ,
отнесъ полчерепа медвѣдю топоромъ
и брюхо прокололъ ему желѣзной вилой.
Медвѣдь взревѣлъ и замертво упалъ:
медвѣдь мой издыхаетъ.
Прошла бѣда; крестьянинъ всталъ—
и онъ же батрака ругаетъ.
Опѣшилъ бѣдный мой Степанъ.

„Помилуй“, говоритъ: „за что?“ — „За что! болванъ!
Чему обрадовался сдуру?
Знай колетъ: всю испортилъ шкуру!“

Съ плечъ долой—сбыть, отдѣлаться. Обычай мой такой: подписано, такъ съ плечъ долой! (Грибоѣдовъ).

Цѣнить — 1) опредѣлять стоимость, цѣну; 2) опредѣлять достоинство, заслуги человѣка; 3) бранить, ругать, поносить, хулить кого. Дайте нѣсколько примѣровъ.

Батракъ—крестьянинъ, работающій по найму у кого-либо, преимущественно у другого крестьянина.

Опредѣлите различныя значенія слова **насѣсть** по слѣдующимъ примѣрамъ: Множество скворцовъ насѣло на иву.—Грязь насѣла на колеса.—Непріятель сильно насѣдаетъ. Какъ можно иначе сказать: медвѣдь насѣлъ?

Геркулесъ—древнегреческій герой, отличавшійся необыкновенной силой.

Отнести—въ данномъ случаѣ значитъ отхватить, отрубить.

Опѣшить — 1) лишиться лошади, стать пѣшимъ; 2) стать втупикъ, растеряться, недоумѣвать.

*

75. Засохшая береза.

Стихотвореніе *И. Никитина.*

Въ глуши на почвѣ раскаленной
береза старая стоитъ;
въ ея вершинѣ обнаженной
зеленый листъ не шелеститъ.

Кругомъ, сливаясь съ небесами,
полуодѣтыми въ туманъ,
пестрѣетъ чудными цвѣтами
волнистой степи океанъ.

Курганы ярко зеленѣютъ,
росу приносятъ вечера,
прохладой тихой ночи вѣютъ,
и пышетъ заревомъ заря.

Но беззащитная береза
глядитъ съ тоской на небеса,
и на вѣтвяхъ ея, какъ слезы,
сверкаетъ чистая роса;

далеко бурею суровой
ея листы разнесены,
нѣтъ для нея одежды новой
и благодѣтельной весны...

Курганъ—насыпной холмъ, древняя могила. Въ степи на равнинѣ открытой курганъ одинокій стоитъ; подъ нимъ богатырь знаменитый въ минувшіе вѣки зарытъ (гр. А. Толстой).

Беззащитный—лишенный защиты, за кого некому заступиться. На беззащитныя сѣдины не поднимается рука (Пушк.).—Я предоставленъ самому себѣ, я беззащитенъ (Гончаровъ).

Благодѣтельный—приносящій добро, полезный, служащій къ счастью, благотворный, спасительный. Благодѣтельный указъ, уничтожившій пытку, долго оставался безъ всякаго дѣйствія (Пушк.).

*

76. Пѣсенка земли.

Сказка *Кота-Мурлыки* (*Н. П. Вагнера*).

Солнце такъ сильно грѣетъ. Отъ земли идетъ паръ. Куда летитъ онъ выше и выше? Вонъ, смотри: вѣдь это онъ сталъ облачкомъ бѣлымъ, блестящимъ, и облачко уходитъ въ глубь, таетъ въ голубомъ небѣ. Оно совсѣмъ улетѣло далеко... Можетъ-быть опять вернется.

А какая славная травка! Маленькая, чистая, зеленая. Ей только всего три дня. Назадъ тому три дня вездѣ была голая земля, но она вскормила, вспоила зерно. Она напоила всѣ корешки всѣхъ травокъ, кустовъ, деревьевъ, вспоила ихъ чистой водой изъ снѣга, изъ теплаго весенняго дождичка, и все пошло расти, зеленѣть— травка, кусты, деревья.

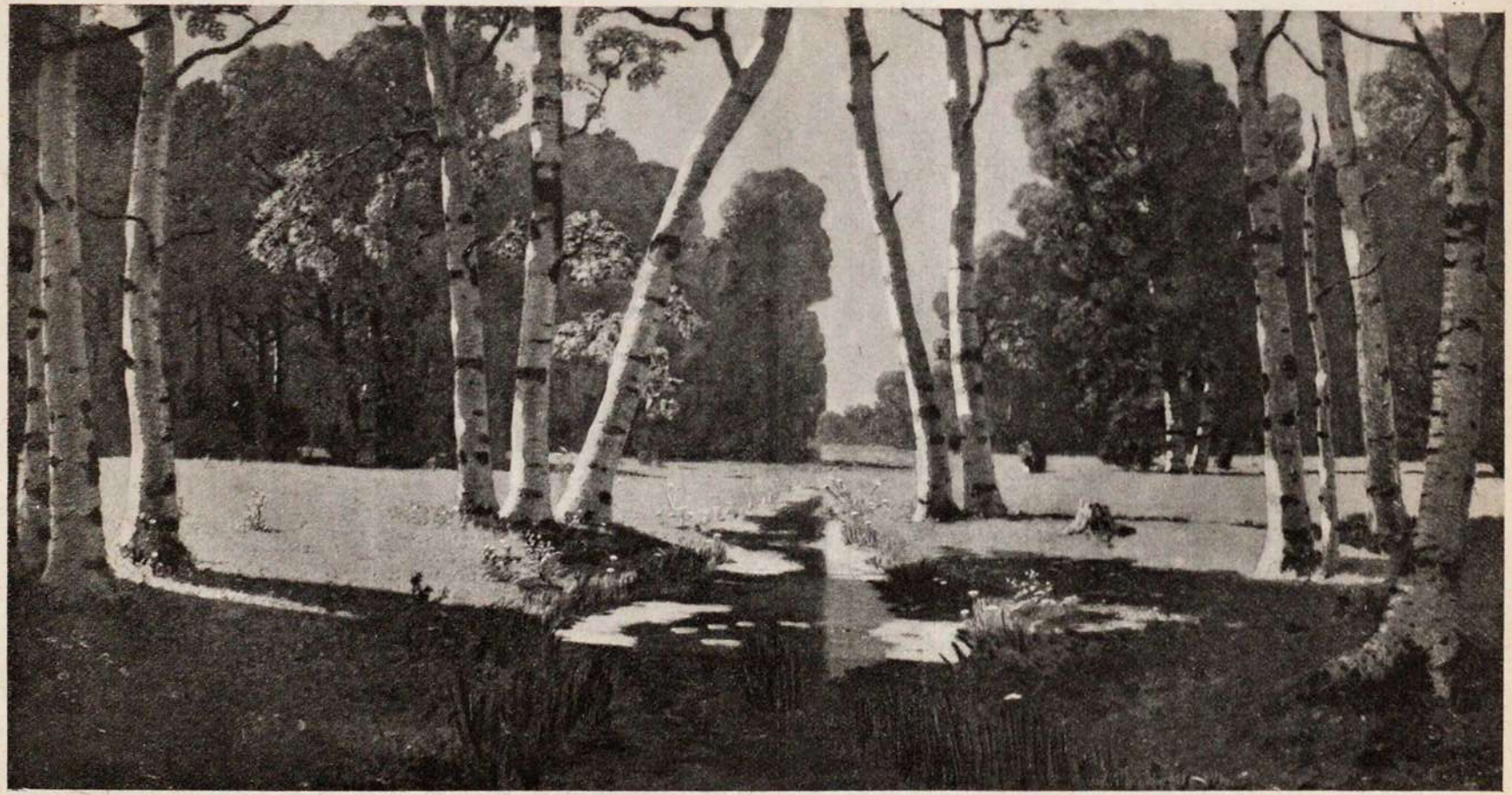
А птицы!? Посмотри, сколько прилетѣло большихъ птицъ и маленькихъ птичекъ. Вотъ ходятъ по пашнѣ грачи съ бѣлыми носами. Они кричатъ карр... карр... и роются въ черной землѣ. Вотъ летитъ и щебечетъ ласточка, хорошенькая ласточка. Она прилетѣла къ намъ изъ далекихъ земель, изъ заморскихъ странъ. Вездѣ по кустамъ и лугамъ налетѣло множество веселыхъ маленькихъ птичекъ, зеленыхъ чижей и желтыхъ овсянокъ, красногрудыхъ чечетокъ и пестрыхъ скворцовъ. Ахъ, какъ всѣ они свистятъ, пищатъ, чирикаютъ! И всѣ веселы, всѣ радуются и порхаютъ на солнцѣ.

А тамъ, вонъ высоко, высоко изъ самой синей глубины синяго неба летятъ къ намъ журавли и звонко курлычутъ. А тамъ, ужъ неизвѣстно откуда, какъ будто отъ самого солнца, несутся звонкія, веселыя пѣсни и трели.

Вонъ, посмотри, изъ домика вывели маленькую хорошенькую дѣвочку. Бѣдная дѣвочка больная! Ее за руку ведетъ няня, ея прежняя кормилица, а подлѣ нея идетъ мама.

И садятъ маленькую дѣвочку на теплый коверъ, на лужайку.

— Мама,—говоритъ она,—какъ хорошо здѣсь мнѣ на чистомъ воздухѣ, подъ теплымъ солнышкомъ. Какъ все здѣсь весело! Свѣтлыя облачка плывутъ въ голубомъ небѣ. Вездѣ такая отличная, бархатная зеленая травка и бѣлые цвѣты. Ахъ! не рви ихъ, милая мама. Они такъ весело смотрятъ на солнце, а солнце на нихъ. А сколько маленькихъ птичекъ! И какъ онѣ всѣ поютъ и щебечутъ!



Березовая роща. Съ картины *А. Куинджи.*

Милыя птички! Но отчего это, скажи мнѣ, милая мама, отчего я слышу, какъ будто отовсюду, и съ неба, и съ луговъ, и съ цвѣтовъ, кто-то поетъ чудную пѣсню? И въ моей больной груди такъ сильно раздается эта прекрасная пѣсня.

— Это земля,—говоритъ мама,—это земля поетъ свою пѣсенку!

И дѣвочка наклоняется къ землѣ и слушаетъ, а маленькое сердце у ней бьется въ груди. И слышитъ дѣвочка, какъ говоритъ ей земля:

— Ты моя! маленькая, хорошенькая дѣвочка, ты моя! Я вскормила, вспоила тебя. Я дала твоей кормилицѣ и травъ, и кореньевъ, и хлѣба, и мяса, и всякихъ плодовъ. Все, что она ѣла, все я дала ей, и все она отдала тебѣ въ своемъ молокѣ. Я всѣхъ кормлю, когда солнце меня грѣетъ. И мнѣ такъ тепло, такъ хорошо подъ теплымъ солнышкомъ. Ты моя, маленькая, хорошенькая дѣвочка!

Крѣпко задумалась дѣвочка надъ тѣмъ, что сказала ей земля. Долго думала она. Наконецъ, мама говоритъ ей:

— Пойдемъ въ комнаты, тебѣ нельзя быть долго на воздухѣ: онъ вреденъ тебѣ—этотъ весенній воздухъ.

И увели маленькую дѣвочку.

* * *

А дни шли за днями и становились все длиннѣе и длиннѣе. Только что смеркнется и не погаснетъ еще вечерняя зорька, а съ другой стороны неба занимается уже новая зорька и снова всходитъ красное солнышко.

И жарче и ярче свѣтитъ и грѣетъ оно, свѣтлое солнце. Вся земля точно принарядилась и убралась зеленью и цвѣтами.

Маленькая дѣвочка какъ будто совсѣмъ выздоровѣла. Она бѣгаетъ веселая, розовая по лугамъ и рощамъ. Она слушаетъ, какъ громко поютъ соловьи и кукуютъ кукушки. Сколько всякихъ цвѣтовъ цвѣтетъ по полямъ и лугамъ! И высокая рожь качаетъ свои колосья, точно кланяется маленькой дѣвочкѣ.

И бѣгутъ по небу синія тучки, все выше и выше, синѣе и темнѣе становятся онѣ, и вотъ блеснула молнія, и ударилъ, загремѣлъ, загрохоталъ громъ. А какой дождикъ полился, запрыгалъ, забарабанилъ по крышѣ, по листьямъ, по лужамъ!

Пронеслась тучка, снова выглянуло солнце, и заблестѣла яркая, разноцвѣтная радуга. Лѣсъ и луга умылись. Листки такъ весело сверкаютъ на солнцѣ, и птички, маленькія птички снова запорхали, запѣли, защебетали. Все блеститъ, свѣтитъ, сіяетъ, радуется.

— Мама,—говоритъ дѣвочка,—это земля поетъ свою пѣсенку!

— Я дала дождь,—говоритъ земля,—солнце нагрѣло меня, и пошелъ отъ меня паръ въ небо, и онъ сталъ облаками; а облака стали тучей: и она пролилась дождемъ. Что я даю, то опять получаю.

* *
*

Устало, наконецъ, свѣтить солнышко, рано оно ложится спать, поздно встаетъ, короче становятся дни и длиннѣе холодныя, темныя ночки.

Сколько зато ягодъ въ лѣсу, сколько всякихъ грибовъ! Поспѣли яблоки, вишни и груши. Созрѣли арбузы и дыни.

Холодно и сыро на дворѣ, холодно въ комнатѣ. Опять стала больна бѣдная маленькая дѣвочка и не выходитъ уже больше изъ комнаты.

Солнце прячется въ сѣрыя тучи, а онѣ все ближе и ближе опускаются къ землѣ. И дождь, дождь безъ конца: онъ стучитъ въ окна, и они горько плачутъ; слезы бѣгутъ, бѣгутъ по нимъ въ три ручья. А вѣтеръ такъ и злится, холодный вѣтеръ. Онъ свиститъ, гудитъ, плачетъ и воетъ и вихремъ несется по опустѣлымъ полямъ, по голымъ лѣсамъ.

И чутко прислушивается дѣвочка къ гулу вѣтра, и слышится въ немъ голосъ земли.—Я лечу, я несусь на невидимыхъ крыльяхъ, на крыльяхъ могучихъ. Я лечу и кружусь въ пустыняхъ безграничныхъ. Я стремлюсь... Куда?.. Сама я не знаю. Ночь и день, зима и лѣто, горе и радость, жизнь и смерть—все мелькаетъ на мнѣ въ быстромъ круговоротѣ, все летитъ мимо, мимо, и остается только то, что не можетъ исчезнуть.

— Мама,—говоритъ дѣвочка,—слышишь, какъ что-то ноетъ и плачетъ у меня въ груди?

— Это земля поетъ свою пѣсенку!

* *
*

Вездѣ бѣлый иней опушилъ всѣ деревья. Побѣлѣла, озябла, земля. Ужъ не грѣетъ ее холодное солнце.

— Мама,—говоритъ дѣвочка,—мнѣ легче теперь, я совсѣмъ выздоравливаю.

— Хорошо, мой другъ!—говоритъ мама и крѣпко цѣлуетъ дѣвочку, а сама горько плачетъ. Она знаетъ, хорошо знаетъ, что не выздоровѣетъ ея бѣдная дѣвочка, что она умретъ непремѣнно и скоро умретъ.

А маленькая дѣвочка сидитъ, улыбаясь, на большомъ зеленомъ креслѣ, положивъ голову на подушку. Ей хорошо и покойно, какъ въ маленькой люлькѣ, какъ будто кто-то качаетъ ее и поетъ надъ нею колыбельную пѣсенку. И кажется дѣвочкѣ, что кругомъ нея зеленая, молодая травка, ей только три дня. Вонъ летитъ бѣлый паръ и становится чистымъ свѣтлымъ облакомъ, а облако таетъ въ голубомъ небѣ, улетаетъ далеко. Вернется ли оно снова къ намъ? А птички поютъ, поютъ и щебечутъ. Веселыя птички!

— Полетимъ со мной!—говоритъ бѣлый паръ дѣвочкѣ. И они полетѣли.

Вотъ зеленые луга и рощи, бѣлые цвѣты. Ахъ, не рви ихъ, милая мама!

Мимо! Мимо!

Вонъ черные грачи роются въ землѣ и тучи скворцовъ несутся на пашню. Щебечетъ быстрая ласточка.

Мимо! Мимо!

Вонъ бѣлыя, блестящія облачка, точно барашки.

Мимо! Мимо!

Вотъ синее небо, и ничего нѣтъ кромѣ чистаго синяго неба, а бѣлый паръ улетѣлъ; дѣвочка одна, совсѣмъ одна, въ широкомъ, широкомъ синемъ небѣ. Она вся вздрагиваетъ и открываетъ глаза.

— Мама,—говоритъ она,—милая мама! У меня голова кружится, и я полетѣла туда высоко, высоко! Мнѣ такъ было хорошо! Скажи, милая мама, вѣдь опять будетъ тепло, и земля запоетъ свою веселую пѣсенку, и я увижу бѣлые цвѣты и голубое небо, быструю ласточку и маленькихъ птичекъ!

— Да ты все увидишь,—говоритъ мама,—ты, можетъ-быть, больше увидишь!

И дѣвочка смотритъ въ темную залу, а вьюга колотитъ снѣгомъ окно. И вспоминаетъ дѣвочка, что такъ же колотила она въ окна, когда въ этой залѣ стояла нарядная елка. Смотритъ дѣвочка, и кажется ей, что стоитъ она передъ этой елкой, убранной хорошенькими игрушками, конфетами, и вся блеститъ и горитъ высокая елка веселыми огоньками.

„Что тамъ на самомъ верху?“—думаетъ дѣвочка.

И кажется ей, что она тихо поднимается отъ полу и летитъ, летитъ кверху. Мелькаютъ передъ ней конфеты, игрушки и огоньки, огоньки безъ конца. Выше и выше несется дѣвочка, исчезли огоньки, не видать елки, она одна, одна, маленькая дѣвочка, въ темномъ холодномъ небѣ, а вьюга свиститъ и воетъ вокругъ нея. Вздрагиваетъ дѣвочка и открываетъ глаза.

— Мама,—шепчетъ она,—мнѣ такъ хорошо и страшно! Я все летаю высоко, высоко! Мама, принеси мнѣ маленькую свѣчку отъ елки, мнѣ такъ хочется посмотрѣть, какъ она будетъ горѣть.

И мама отыскала маленькую восковую свѣчку съ прежней елки, свѣчку съ розовой ленточкой, завязанной бантикомъ. Она ставитъ свѣчку на столикъ передъ дѣвочкой и зажигаетъ ее.

Но дѣвочка уже не смотритъ на свѣчку, она лежитъ безъ движенія, она умираетъ. И стоятъ подлѣ ея кресла мать и кормилица. Онѣ горько плачутъ, навзрыдъ, но не слышитъ ихъ маленькая дѣвочка, а свѣчка ярко и скоро горитъ.

Потускли глазки бѣдной дѣвочки, голубые, умные глазки, которые такъ ласково блестѣли: они ничего ужъ не видятъ. И только дышитъ она тяжело всей больной грудью, полной нестерпимой боли. Она съ жадностью старается глотать воздухъ и не можетъ. Она задыхается.

А свѣчка таетъ, плыветъ, догараетъ, но не хочется огоньку потухнуть. Онъ вспыхиваетъ, вспыхиваетъ изъ послѣднихъ силъ и, наконецъ, тихо погасаетъ.

Потухла свѣчка! Умерла хорошенькая дѣвочка!

Со стономъ наклоняется надъ нею мама и цѣлуетъ ее въ высокій холодный лобикъ. Стоитъ передъ ней на колѣняхъ ея кормилица и, рыдая, цѣлуетъ маленькія, худенькія ручки мертвой дѣвочки.

И если бы не было этихъ слезъ и рыданій, то еще тяжелѣе было бы мамѣ и кормилицѣ.

И вотъ одѣваютъ дѣвочку въ бѣлое платьице, подпоясываютъ ее розовой лентой и кладутъ въ маленькій гробикъ—и лежитъ въ немъ она какъ маленькая восковая свѣчечка, перевязанная розовой ленточкой.

— Истаяла ты, моя ненаглядная крошечка,—плачетъ надъ ней кормилица,—истаяла и потухла, моя ясная свѣчечка!

И берутъ маленькій гробикъ, берутъ и несутъ далеко, далеко, и вѣтеръ свиститъ и бьетъ, и рветъ со всѣхъ платки и шубы и всѣхъ торопитъ: скорѣе, скорѣе!

Тамъ ждетъ глубокая могила, въ холодной замерзлой землѣ. Тамъ ждетъ земля свою хорошенькую дѣвочку.

Священникъ читаетъ надъ гробомъ молитвы, онъ говоритъ: „отъ земли ты взята и въ землю обратилась!“...

И опускаютъ, наконецъ, гробъ въ землю. Рыдая, бросаетъ на него горсть земли кормилица, забрасываетъ его землей могильщикъ.

И земля съ грохотомъ падаетъ на маленькій гробикъ. „Ты моя, ты моя!“—глухо повторяетъ она. „Ты моя и скоро возвратилась ко мнѣ, потому что на мнѣ не можетъ жить слабое и больное: оно умираетъ, и я строю изъ него сильное и крѣпкое“.

Ушли всѣ. Осталась одна могилка подъ маленькой зеленой елкой и заноситъ могилку снѣгомъ. Онъ идетъ, идетъ, летитъ безъ конца, а вѣтеръ злится и воетъ, хохочетъ и стонетъ. Въ его звукахъ горе и радость, смѣхъ и слезы. Въ нихъ все смѣшано въ свободномъ безразличномъ просторѣ, все, что выше и шире всего, что есть въ человѣкѣ.

Это земля поетъ свою пѣсенку!

Гулъ—глухой звукъ, доходящій издали, отголосокъ, эхо. Гулъ подземныхъ ударовъ.—Въ странѣ, гдѣ долго, долго брани ужасный гулъ не умолкалъ (Пушкинъ). Что значитъ гулкій?

Потускнѣть—утратить блескъ, помрачиться, потемнѣть. Серебро потускнѣло.—Стекла потускнѣли отъ копоти.—На картинѣ потускнѣли краски.

*

77. Колыбельная пѣсня.

Стихотвореніе *К. Бальмонта.*

Легкій вѣтеръ присмирѣлъ,
вечеръ блѣдный догорѣлъ,
съ неба звѣздные огни
говорятъ тебѣ: усни!
Не страшись передъ судьбой,
я, какъ няня, здѣсь съ тобой;
я, какъ няня, здѣсь пою:
„баю-баюшки-баю“.

Тотъ, кто знаетъ скорби гнетъ,
темной ночью отдохнетъ;
все, что дышитъ на землѣ,
сладко спитъ въ полночной мглѣ,
дремлютъ птички и цвѣты,
отдохни, усни и ты,
я всю ночь здѣсь пропою:
„баю-баюшки-баю“.

Гнетъ—1) тяжелая вещь, накладываемая на другую для давленія. Капуста долго была подъ гнетомъ; 2) тяжесть, иго. Страдать подъ гнетомъ нужды, насилія. Что значитъ **угнетать, гнетущій**? Жаль мнѣ тѣхъ, чья гибнетъ сила подъ гнетущимъ игомъ зла (Плещ.).

*

78. * * *

Стихотвореніе *С. Дрожжина.*

Жаръ весеннихъ лучей
и томитъ и живитъ;
съ горъ спадая, ручей
по каменьямъ журчитъ.

Старый пахарь межой
за сохою идетъ,
а въ селѣ за рѣкой
кто-то пѣсню ведетъ.

Смотритъ весело день
на поля и лѣса,
только облачка тѣнь
бороздитъ небеса.

Живить—давать кому-либо жизнь, оживлять, вносить жизнь. Весна вокругъ живитъ природу (Батюшк.).

Томить—см. I часть, стр. 119.

Вести пѣсню.—Въ бурю на Руси добрый молодецъ пѣсню русскую ведетъ (бар. Розенъ „Жизнь за Царя"). Какъ говорится обыкновенно? Сравни у Пушкина: Идетъ направо—пѣснь заводитъ, налѣво—сказку говоритъ. – Вотъ ужъ пѣснь заводитъ пѣсенникъ лихой (Никит.).

Бороздить—проводить, прорѣзывать борозды или рѣзкія, яркія черты. Бороздить пашню.—Молнія бороздитъ тучу.

❊

79. Дѣдушка.

Стихотвореніе *И. Никитина.*

Лысый, съ бѣлой бородою,
дѣдушка сидитъ.
Чашка съ хлѣбомъ и водою
передъ нимъ стоитъ.

Бѣлъ, какъ лунь, на лбу морщины,
съ испитымъ лицомъ,
много видѣлъ онъ кручины
на вѣку своемъ.

Все прошло; пропала сила,
притупился взглядъ;
смерть въ могилу уложила
дѣтокъ и внучатъ.

Съ нимъ въ избушкѣ закоптѣлой
котъ одинъ живетъ.
Старъ и онъ, и спитъ день цѣлый,
съ печи не спрыгнетъ.

Старику не много надо:
лапти сплесть, да сбыть—
вотъ и сытъ. Его отрада—
въ Божій храмъ ходить.

Къ стѣнкѣ, около порога,
станетъ тамъ, кряхтя,
и за скорби славитъ Бога,
Божіе дитя.

Радъ онъ жить, не прочь въ могилу—
въ темный уголокъ...
Гдѣ ты черпалъ эту силу,
бѣдный мужичокъ?

Лунь—хищная птица изъ породы совъ, бѣлесовато-пепельнаго цвѣта.
Испитой—см. стр. 292.
Притупиться—стать тупымъ, потерять воспріимчивость. Намахалися ихъ плечи могутныя, уходилися кони ихъ добрые, притупились мечи ихъ булатные (был.).

*

80. Старый звонарь.

Разсказъ *В. Короленко.*

Стемнѣло.

Небольшое селеніе, пріютившееся надъ дальнею рѣчкой, въ бору, тонуло въ томъ особенномъ сумракѣ, которымъ полны весеннія звѣздныя ночи, когда тонкій туманъ, подымаясь съ земли, сгущаетъ тѣни лѣсовъ и застилаетъ открытыя пространства серебристо-лазурною дымкой... Все тихо, задумчиво, грустно.

Село тихо дремлетъ.

Убогія хаты чуть выдѣляются темными очертаніями; кое-гдѣ мерцаютъ огни; изрѣдка скрипнутъ ворота, залаетъ чуткая собака и смолкнетъ; порой изъ темной массы тихо шумящаго лѣса выдѣляются фигуры пѣшеходовъ, проѣдетъ всадникъ, проскрипитъ телѣга. То жители одинокихъ лѣсныхъ поселковъ собираются въ свою церковь встрѣчать весенній праздникъ.

Церковь стоитъ на холмикѣ, въ самой серединѣ поселка. Окна ея свѣтятъ огнями. Колокольня—старая, высокая, темная—тонетъ вершиной въ лазури.

Скрипятъ ступени лѣстницы... Старый звонарь Михеичъ подымается на колокольню, и скоро его фонарикъ, точно взлетѣвшая въ воздухѣ звѣзда, повиснетъ въ пространствѣ.

Тяжело старику взбираться по крутой лѣстницѣ. Не служатъ уже старыя ноги, поизносился онъ самъ, плохо видятъ глаза... Пора ужъ, пора старику на покой, да Богъ не шлетъ смерти. Хоронилъ сыновей, хоронилъ внуковъ, провожалъ въ домовину старыхъ, провожалъ молодыхъ, а самъ все еще живъ. Тяжело...

Много ужъ разъ встрѣчалъ онъ весенній праздникъ, потерялъ счетъ и тому, сколько разъ ждалъ урочнаго часа на этой самой колокольнѣ. И вотъ привелъ Богъ опять...

Старикъ подошелъ къ пролету колокольни и облокотился на перила. Внизу, вокругъ церкви, маячили въ темнотѣ могилы сельскаго кладбища; старые кресты какъ будто охраняли ихъ распростертыми руками. Кое-гдѣ склонялись надъ ними березы, еще не покрытыя листьями... Оттуда, снизу, несся къ Михеичу ароматный запахъ молодыхъ почекъ и вѣяло грустнымъ спокойствіемъ вѣчнаго сна...

Что-то будетъ съ нимъ черезъ годъ? Взберется ли онъ сюда, на вышку, подъ мѣдный колоколъ, чтобы гулкимъ ударомъ разбудить чутко-дремлющую ночь, или будетъ лежать... вонъ тамъ, въ темномъ уголкѣ кладбища, подъ крестомъ? Богъ знаетъ... Онъ готовъ; а пока привелъ Богъ еще разъ встрѣтить праздникъ. „Слава те, Господи!“ шепчутъ старческія уста, и Михеичъ смотритъ вверхъ, на горящее милліонами огней звѣздное небо, и крестится...

— Михеичъ, а Михеичъ!—зоветъ его снизу дребезжащій, тоже старческій голосъ. Древній годами дьячокъ смотритъ вверхъ на колокольню, даже приставляетъ ладонь къ моргающимъ и слезящимся глазамъ, но все же не видитъ Михеича.

— Что тебѣ? Здѣсь я!—отвѣчаетъ звонарь, склоняясь съ своей колокольни.—Аль не видишь?

— Не вижу... А не пора ли и вдарить? По-твоему какъ?

Оба смотрятъ на звѣзды. Тысячи Божьихъ огней мигаютъ на нихъ съ высоты. Пламенный „Возъ“ поднялся уже высоко... Михеичъ соображаетъ.

— Нѣтъ еще, погоди мало... Знаю вѣдь.

Онъ знаетъ. Ему не нужно часовъ: Божьи звѣзды скажутъ ему, когда придетъ время... Земля и небо, и бѣлое облако, тихо плывущее въ лазури, и темный боръ, невнятно шепчущій внизу, и плескъ невидной во мракѣ рѣчки—все это ему знакомо, все это ему родное... Не даромъ здѣсь прожита цѣлая жизнь...

Передъ нимъ оживаетъ далекое прошлое... Онъ вспоминаетъ, какъ въ первый разъ съ тятькой взобрался на эту колокольню... Господи Боже, какъ это давно и... какъ недавно!.. Онъ видитъ себя бѣлокурымъ мальчонкой; глаза его разгорѣлись; вѣтеръ,—но

не тотъ, что подымаетъ уличную пыль, а какой-то особенный, высоко надъ землею машущій своими безшумными крыльями,— развѣваетъ его волосенки... Внизу, далеко-далеко, ходятъ какіе-то маленькіе люди, и домишки деревни тоже маленькіе, и лѣсъ отодвинулся вдаль, и круглая поляна, на которой стоитъ поселокъ, кажется такою громадною, почти безграничною.

— Анъ вотъ она, вся тутъ,—улыбнулся сѣдой старикъ, взглянувъ на небольшую полянку.

Такъ вотъ—и жизнь... Смолоду конца ей не видишь и краю... Анъ вотъ она вся, какъ на ладони, съ начала и до самой вонъ той могилки, что облюбовалъ онъ себѣ въ углу кладбища... И что жъ,— слава те, Господи!—пора на покой. Тяжелая дорога пройдена честно, а сырая земля—ему мать... Скоро, ужъ скоро!..

Однако, пора. Взглянувъ еще разъ на звѣзды, Михеичъ поднялся, снялъ шапку, перекрестился и сталъ подбирать веревки отъ колоколовъ... Черезъ минуту ночной воздухъ дрогнулъ отъ гулкаго удара... Другой, третій, четвертый... одинъ за другимъ, наполняя чутко дремавшую предпраздничную ночь, полились властные, тягучіе, звенящіе и поющіе тоны...

Звонъ смолкъ. Въ церкви началась служба. Въ прежніе годы Михеичъ всегда спускался по лѣстницѣ внизъ и становился въ углу, у дверей, чтобы молиться и слушать пѣніе. Но теперь онъ остался на своей вышкѣ. Трудно ему; притомъ же онъ чувствовалъ какую-то истому. Онъ присѣлъ на скамейку и, слушая стихающій гулъ расколыхавшейся мѣди, глубоко задумался. О чемъ?— онъ самъ едва ли могъ отвѣтить на этотъ вопросъ... Колокольная вышка слабо освѣщалась его фонаремъ. Глухо гудящіе колокола тонули во мракѣ; снизу, изъ церкви, по временамъ слабымъ рокотомъ доносилось пѣніе, и ночной вѣтеръ шевелилъ веревки, привязанныя къ желѣзнымъ колокольнымъ сердцамъ...

Старикъ опустилъ на грудь свою сѣдую голову, въ которой роились безсвязныя представленія. „Тропарь поютъ!“—думаетъ онъ и видитъ себя тоже въ церкви. На клиросѣ заливаются десятки дѣтскихъ голосовъ; старенькій священникъ, покойникъ отецъ Наумъ, „возглашаетъ“ дрожащимъ голосомъ возгласы; сотни му-

жичьихъ головъ, какъ спѣлые колосья отъ вѣтру, нагибаются и вновь подымаются... Мужики крестятся... Все знакомыя лица и все-то покойники... Вотъ строгій обликъ отца; вотъ старшій братъ истово крестится и вздыхаетъ, стоя рядомъ съ отцомъ. Вотъ и онъ самъ, цвѣтущій здоровьемъ и силой, полный безсознательной надежды на счастіе, на радости жизни... Гдѣ оно, это счастіе?.. Старческая мысль вспыхиваетъ, какъ угасающее пламя, скользя яркимъ, быстрымъ лучомъ, освѣщающимъ всѣ закоулки прожитой жизни... Непосильный трудъ, горе, заботы... Гдѣ оно, это счастіе? Тяжелая доля проведетъ морщины по молодому лицу, согнетъ могучую спину, научитъ вздыхать, какъ и старшаго брата.

Но вотъ, налѣво, среди деревенскихъ бабъ, смиренно склонивъ голову, стоитъ его „молодица“. Добрая была баба, царствіе небесное. И много же приняла муки, сердешная... Нужда да работа, да неисходное бабье горе изсушатъ красивую бабу; потускнѣютъ глаза, и выраженіе вѣчнаго тупого испуга передъ неожиданными ударами жизни замѣнитъ величавую красоту молодицы... Да, гдѣ ея счастіе?.. Одинъ остался у нихъ сынъ, надежда и радость, и того осилила людская неправда...

А вотъ и онъ, богатый ворогъ, бьетъ земные поклоны, замаливая кровавыя сиротскія слезы; торопливо взмахиваетъ онъ на себя крестное знаменіе и падаетъ на колѣни, и стукаетъ льбомъ... И кипитъ-разгорается у Михеича сердце, а темные лики иконъ сурово глядятъ со стѣны на людское горе и на людскую неправду...

Все это прошло, все это тамъ, назади... А теперь весь міръ для него—эта темная вышка, гдѣ вѣтеръ гудитъ въ темнотѣ, шевеля колокольными веревками... „Богъ васъ суди, Богъ суди!“— шепчетъ старикъ и поникаетъ сѣдою головой, и слезы тихо льются по старымъ щекамъ звонаря...

— Михеичъ, а Михеичъ!.. Что жъ ты, али заснулъ?— кричатъ ему снизу.

— Ась?—откликнулся старикъ и быстро вскочилъ на ноги.— Господи! неужто и вправду заснулъ? Не было еще экаго сраму!..

И Михеичъ быстро, привычною рукой, хватаетъ веревки. Внизу, точно муравейникъ, движется мужичья толпа; хоругви бьются въ воздухѣ, поблескивая золотистою парчой... Вотъ обошли крестнымъ

ходомъ вокругъ церкви, и до Михеича доносится радостный крикъ: „Христосъ воскресе изъ мертвыхъ“.

И отдается этотъ кличъ волною въ старческомъ сердцѣ... И кажется Михеичу, что ярче вспыхнули въ темнотѣ огни восковыхъ свѣчей, и сильнѣй заволновалась толпа и забились хоругви, и проснувшійся вѣтеръ подхватилъ волны звуковъ и широкими взмахами понесъ ихъ въ высь, сливая съ громкимъ, торжественнымъ звономъ...

Никогда еще такъ не звонилъ старый Михеичъ.

Казалось, его переполненное старческое сердце перешло въ мертвую мѣдь, и звуки точно пѣли и трепетали, смѣялись и плакали и, сплетаясь чудною вереницей, неслись вверхъ, къ самому звѣздному небу. И звѣзды вспыхивали ярче, разгорались, а звуки дрожали и лились, и вновь припадали къ землѣ съ любовною лаской...

Большой басъ громко вскрикивалъ и кидалъ властные, могучіе тоны, оглашавшіе небо и землю: „Христосъ воскресе!“

И два тенора, вздрагивая отъ поочередныхъ ударовъ желѣзныхъ сердецъ, подпѣвали ему радостно и звонко: „Христосъ воскресе!“

А два самые маленькіе дисканта, точно торопясь, чтобы не отстать, вплетались между большихъ и радостно, точно малые ребята, пѣли вперегонку: „Христосъ воскресе!“

И казалось, старая колокольня дрожитъ и колеблется, и вѣтеръ, обвѣвающій лицо звонаря, трепещетъ могучими крыльями и вторитъ: „Христосъ воскресе!“

И старое сердце забыло про жизнь, полную заботъ и обиды... Забылъ старый звонарь, что онъ въ мірѣ одинъ, какъ старый пень, разбитый злою непогодой... Онъ слушаетъ эти звуки, поющіе и плачущіе, летящіе къ горнему небу и припадающіе къ бѣдной землѣ, и кажется ему, что онъ окруженъ сыновьями и внуками, что это ихъ радостные голоса, голоса большихъ и малыхъ, сливаются въ одинъ хоръ и поютъ ему про счастіе и радость, которыхъ онъ не видалъ въ своей жизни. И дергаетъ веревки старый звонарь, и слезы бѣгутъ по лицу, и сердце усиленно бьется иллюзіей счастія...

А внизу люди слушали и говорили другъ другу, что никогда еще не звонилъ такъ чудно старый Михеичъ...

Но вдругъ большой колоколъ неувѣренно дрогнулъ и смолкъ... Смущенные подголоски прозвенѣли неоконченной трелью и тоже оборвали ее, какъ будто вслушиваясь въ печально-гудящую долгую ноту, которая дрожитъ и льется, и плачетъ, постепенно стихая въ воздухѣ...

Старый звонарь изнеможенно опустился на скамейку, и двѣ послѣднихъ слезы тихо катятся по блѣднымъ щекамъ...

Эй, посылайте на смѣну! Старый звонарь отзвонилъ...

Пріютиться—1) найти себѣ пристанище; 2) помѣститься. Что значитъ **пріютъ** и **пріютить**?

Дымка—1) рѣденькая шелковая ткань. Умѣютъ же себя онѣ (дѣвицы) принарядить тафтицей, бархатцемъ и дымкой (Грибоѣдовъ); 2) воздухъ, насыщенный испареніями, туманъ. Въ дымкѣ невидимкѣ выплылъ мѣсяцъ вешній (Фетъ).

Износить—изнашивать на себѣ одежду, носить одежду на себѣ до полной негодности; состарить прежде времени.

Домовина—въ старину: колода, выдолбленная внутри, для помѣщенія мертваго тѣла; гробъ.

Пролетъ—свободное пространство между столбами или выступами какого-нибудь строенія или моста. Что значитъ **напролетъ?** Трясся ночь онъ напролетъ (Пушк.).

Маячить—1) неясно виднѣться, 2) подавать сигналъ. Что значитъ **маякъ?**

Привести, приводить—имѣетъ нѣсколько значеній, которыя видны изъ слѣдующ. примѣровъ. Приводить дѣла въ порядокъ.—Въ книгѣ приведены выписки изъ древнихъ писателей.—Ты меня приводишь въ ужасъ.—Не приведи Богъ испытать такое горе.—Привести дроби къ одному знаменателю.—Привести въ извѣстность.—Это меня привело къ мысли, къ убѣжденію.—Привести къ присягѣ.—Привести себѣ что-нибудь на память.—Приведите примѣры на этотъ случай.—Привести преступника къ сознанію.

Дребезжать—издавать прерывистый звукъ, подобный звуку отъ треснувшаго сосуда или колокола. Струна дребезжитъ.—Голосъ начинаетъ дребезжать.—Нѣсколько разъ балалайку настраивали, и опять дребезжали тѣ же звуки (Л. Толстой).

Возъ—такъ въ простонародіи называется созвѣздіе Большой Медвѣдицы.

Облюбовать—выбрать себѣ что-нибудь по вкусу, съ любовью что-нибудь избрать, присмотрѣть.

Подбирать, подобрать—1) брать подымая, собирать съ полу, съ земли, брать кидаемое, роняемое. Кто разсыпалъ, тотъ и подбери. 2) выбирать и собирать одно къ одному равное, сходное. Жемчугъ отлично подобранъ.

Властный—1) имѣющій власть дѣлать и распоряжаться по своей волѣ. Въ своемъ добрѣ я властенъ (Крыл.); 2) сильный, повелительный. Но человѣка человѣкъ послалъ къ анчару властнымъ взглядомъ (Пушк.). Что значитъ: **властитель, властелинъ?**

Тягучій—растяжимый, поддающійся растяжкѣ, упругій. Тягучій каучукъ—Золото тягучѣе всѣхъ металловъ—Тягучая рѣчь.

Роиться—о пчелахъ: составлять, образовывать рои. Пчелы роятся—стало, скоро тепло будетъ; переносно: зашевелиться, появиться во множествѣ, роями—о мысляхъ, о вопросахъ и т. д.

Клиросъ (греч. слово)—мѣсто въ церкви, гдѣ стоятъ пѣвчіе. И стройно клирное несется пѣніе (И. Аксак.).

Возглашать, возгласить—произносить громогласно, объявлять во всеуслышаніе.

Возглаесъ—громкое восклицаніе; въ церкви—произносимое священникомъ вслухъ заключеніе молитвъ.

Обликъ—окладъ и черты лица, общее выраженіе лица. У него добродушный обликъ.

Молодица—молодая замужняя женщина.

Принимать муку, побои—претерпѣвать. Составьте примѣры со словомъ принимать.

Ворогъ—то же самое, что врагъ.

Хоругвь—знамя, священное изображеніе, носимое во время крестнаго хода на высокомъ древкѣ.

Парча—шелковая ткань, протканая золотомъ, серебромъ.

Горній—находящійся въ вышинѣ, небесный, относящійся до духовнаго міра. И внялъ я неба содроганье и горній ангеловъ полетъ (Пушк.).

Иллюзія (франц.)—видимость, мнимое, обманъ воображенія, надеждъ и пр.

Подголоски—въ русскомъ хорѣ запѣвала держитъ голосъ, ладъ и мѣру; запѣвала, второй голосъ и басъ называются голосами, всѣ прочіе въ хорѣ называются подголосками. Запѣвала затягиваетъ, голоса вторятъ, подголоски подхватываютъ Куда запѣвала, туда и подголоски.

*

81. Похороны.

Стихотвореніе *С. Надсона.*

Слышишь—въ селѣ, за рѣкою зеркальной,
глухо разносится звонъ погребальный
въ сонномъ затишьи полей;
грозно и мѣрно, ударъ за ударомъ,
тонетъ въ дали, озаренной пожаромъ
алыхъ вечернихъ лучей...
Слышишь—звучитъ похоронное пѣнье:
это апостолъ труда и терпѣнья—
честный рабочій почилъ...
Долго онъ шелъ трудовою дорогой,
долго родимую землю съ тревогой
потомъ и кровью поилъ.
Жегъ его полдень горячимъ сіяньемъ,
вѣтеръ знобилъ леденящимъ дыханьемъ,
туча мочила дождемъ...
Вьюгой избенку его заметало,
градомъ на нивахъ его побивало
колосъ, взращенный трудомъ...

Надъ вѣчнымъ покоемъ. Съ картины *И. Левитана.*

Много онъ вынесъ могучей душою,
съ дѣтства привыкшій бороться съ судьбою
пусть же, зарытый землей,
онъ отдохнетъ отъ заботъ и волненья—
этотъ апостолъ труда и терпѣнья
нашей отчизны родной.

Мѣрно—черезъ опредѣленные, равные промежутки времени, въ опредѣленномъ порядкѣ. Но часто и мѣрно онъ въ колоколъ бьетъ (гр. А. Толстой).

Апостолъ (греческ.)—1) ученикъ, послѣдователь, приверженецъ, человѣкъ, воплощающій всей своею жизнью какую-нибудь идею; 2) 12 учениковъ Христа.

Леденящій, отъ слова леденить что—замораживать, обращать въ ледъ. Леденящій взглядъ.

Взращенный, взрастить, возрастить, возращать—заботиться о ращеніи и воспитаніи. Возращать деревья, травы, возрастить дѣтей.

*

82. Дурачокъ.

Изъ разсказа *Н. Лѣскова.*

Кого надо считать дуракомъ? Кажется, будто это всякій знаетъ, а если начать свѣрять, какъ это кто понимаетъ, то и выйдетъ, что всѣ понимаютъ о дуракѣ неодинаково. По академическому словарю, гдѣ каждое слово растолковано въ его значеніи, изъяснено такъ, что „дуракъ—слабоумный человѣкъ, глупый, лишенный разсудка, безумный, шутъ“... Въ подкрѣпленіе такого толкованія приведенъ словесный примѣръ: „Онъ былъ и будетъ дуракъ-дуракомъ“. „Дурачокъ—смягченіе слова дуракъ“. Ученѣе этого объясненія и искать нечего, а между тѣмъ въ жизни случается встрѣчать такихъ дураковъ или дурачковъ, которымъ эта кличка дана, но они между тѣмъ не безумны, не глупы и ничего шутовского изъ себя не представляютъ... Это люди любопытные, и про одного такого я здѣсь и разскажу.

Былъ у насъ въ деревнѣ безродный крѣпостной мальчикъ Панька. Росъ онъ при господскомъ дворѣ, ходилъ въ томъ, что ему давали, а ѣлъ на застольщинѣ вмѣстѣ съ коровницей и съ ея дѣтьми. Должность у него была такая, чтобы „всѣмъ помогать“; это значило, что всѣ должностные люди въ усадьбѣ имѣли право заставлять Паньку дѣлать за нихъ всякую работу, а онъ, бывало, безпрестанно работаетъ. Какъ сейчасъ это помню: бы-

вало, зимой—у насъ зимы бываютъ лютыя—когда мы встанемъ и подбѣжимъ къ окнамъ, Панька уже везетъ на себѣ, изогнувшись, большія салазки съ вязанками сѣна, соломы и съ плетушками колоса и другого мелкаго корма для скотины и птицъ... Мы встаемъ, а онъ уже наработался, и рѣдко увидишь его, что онъ присядетъ къ скотной избѣ и ѣстъ краюшку хлѣба, а запиваетъ водой изъ деревяннаго ковшика.

Спросишь его, бывало:

— Что ты, Паня, одинъ сухой хлѣбъ жуешь?

А онъ шутя отвѣчаетъ:

— Какъ такъ „съ ухой"?—онъ, гляди-ко съ чистой водицею.

— А ты бы еще чего-нибудь попросилъ: капустки, огурца или картошечки!

А Паня головой мотнетъ и отвѣчаетъ:

— Ну, вотъ еще чего!.. Я и такъ наѣлся,—слава те, Господи.

Подпоясется и опять на дворъ идетъ таскать то одно, то другое. Работа у него никогда не переводилася, потому что всѣ его заставляли помогать себѣ. Онъ и конюшни и хлѣва чистилъ, и скоту кормъ задавалъ, и овецъ на водопой гонялъ, а вечеромъ, бывало, еще и себѣ и другимъ лапти плететъ, и ложился онъ, бывало, позже всѣхъ, а вставалъ раньше всѣхъ, до свѣта, и одѣтъ былъ всегда очень плохо и скаредно. И его, бывало, никто не жалѣетъ, и всѣ говорятъ:

— Ему вѣдь ничего, онъ—дурачокъ.

— А чѣмъ же онъ дурачокъ?

— Да всѣмъ...

— А напримѣръ?

— Да что за примѣръ! Вонъ коровница-то всѣ огурцы и картошки своимъ дѣтямъ отдаетъ, а онъ, хоть бы что ему... и не проситъ у нихъ, и на нихъ не жалуется. Дуракъ!

Мы, дѣти, не могли хорошо въ этомъ разобраться, и хоть глупостей отъ Паньки не слыхали и даже видѣли отъ него ласку, потому что онъ дѣлалъ намъ игрушечныя мельницы и туезочки изъ бересты,—однако и мы, какъ всѣ въ домѣ, одинаково говорили, что Панька дурачокъ, и никто противъ этого не спорилъ, а скоро вышелъ такой случай, что противъ этого и нельзя стало спорить.

Былъ у насъ нанятъ строгій-престрогій управитель, и любилъ онъ за всякую вину человѣка наказывать. Ѣдетъ, бывало, на бѣговыхъ

дрожкахъ и по всѣмъ сторонамъ смотритъ: нѣтъ ли гдѣ какой неисправности? И если замѣтитъ что-нибудь въ безпорядкѣ—сейчасъ же остановится, подзоветъ виновнаго и приказываетъ:

— Ступай сейчасъ въ контору и скажи моимъ именемъ старостѣ, чтобы дали тебѣ 25 розогъ; а если слукавишь, я тебѣ вечеромъ при себѣ велю вдвое дать.

Прощенья у него ужъ не смѣли просить, потому что онъ этого терпѣть не могъ и еще прибавлялъ наказанія.

Вотъ разъ лѣтомъ ѣдетъ этотъ управляющій и видитъ, что въ молодыхъ хлѣбахъ жеребята ходятъ и не столько зелени рвутъ, сколько ее топчутъ и копытами съ корнями выколупываютъ...

Управитель и расшумѣлся.

А жеребятъ въ этотъ годъ былъ приставленъ стеречь мальчикъ Петруша, — сынъ той самой Арины - коровницы, которая Панькѣ картошекъ жалѣла, а все своимъ дѣтямъ отдавала. Петруша тотъ имѣлъ въ ту пору лѣтъ двѣнадцать и былъ тѣломъ много помельче Паньки и понѣжнѣе, за это его и дразнили „творожничкомъ“,—словомъ, онъ былъ мальчикъ у матери избалованный и на работу слабый, а на расправу жидкій. Выгналъ онъ жеребятъ рано утромъ „на росу“, и стало его знобить, а онъ сѣлъ да укрылся свиткой, и какъ согрѣлся, то на него нашелъ сонъ—онъ и заснулъ, а жеребятки въ это время въ хлѣбъ пошли.

— Пусть Панька пока за своимъ и за твоимъ дѣломъ посмотритъ, а ты сейчасъ иди въ разрядную контору и скажи выборному, чтобы онъ тебѣ 20 розогъ далъ; а если это до моего возвращенія не исполнишь, то я при себѣ тебѣ тогда вдвое дамъ...

Сказалъ это и уѣхалъ.

А Петруша такъ и залился слезами. Весь трясется, потому его еще никогда розгами не наказывали, и говоритъ онъ Панькѣ:

— Братъ, милый, Панюшка, очень страшно мнѣ... скажи, какъ мнѣ быть?

А Панька его по головкѣ гладитъ и говоритъ:

— И мнѣ тоже страшно было... Что съ этимъ дѣлать-то Христа били.

А Петруша еще горьче плачетъ и говоритъ:

— Боюсь я итти и боюсь не итти... Лучше я въ воду кинуся.

А Панька его уговаривалъ, уговаривалъ, а потомъ сказалъ:

— Ну, постой же, ты оставайся здѣсь и смотри за своимъ и за моимъ дѣломъ, а я скорѣе сбѣгаю, за тебя постараюсь,—авось тебя Богъ помилуетъ. Видишь, ты трусъ какой.

Петрушка спрашиваетъ:

— А какъ же ты, Панюшка, постараешься?

— Да ужъ я штуку выдумалъ—постараюся!

И побѣжалъ Панька черезъ поле въ усадьбу рѣзвенько, а черезъ часъ назадъ идетъ, улыбается.

— Не робѣй,—говоритъ,—Петька, все сдѣлано; и не ходи никуда—съ тебя наказаніе избавлено...

Петька думаетъ:

„Все равно: надо вѣрить ему“,—и не пошелъ; а вечеромъ управляющій спрашиваетъ у выборнаго въ разрядной избѣ:

— Что пастушокъ утромъ приходилъ сѣчься?

— Какъ же,—говорятъ,—приходилъ, ваша милость.

— Взбрызнули его?

— Да,—говорятъ,—взбрызнули.

— И хорошо?

— Хорошо,—постаралися.

Дѣло и успокоилось, а потомъ узнали, что высѣкли-то пастушонка, да не того, котораго было назначено, не Петра, а Паньку, и пошло это по усадьбѣ и по деревнѣ, и всѣ надъ Панькой смѣялись, а Петю уже не стали сѣчь.

— Что же,—говорили,—ужъ если дуракъ его выручилъ, нехорошо за одну вину двухъ разомъ наказывать.

Ну, не дуракъ ли взаправду нашъ Панька былъ?

Безродный—не имѣющій родныхъ, сирый. Жилъ нѣкто, человѣкъ безродный, одинокій (Крыл.).

Застольщина—то же, что застольная—общій столъ отъ барина или хозяина.

Скаредно—чрезвычайно скупо.

Туезочекъ—бурачокъ, берестяная кубышка съ тугой крышкой.

Слукавить—схитрить.

Выколупывать, выколупнуть—ковырять, отдѣлять ногтемъ или какимъ-нибудь орудіемъ.

Свитка—верхняя широкая и длинная запашная одежда. На ярмаркѣ случилось странное происшествіе: все наполнилось слухомъ, что гдѣ-то между товаромъ показалась „красная свитка“ (Гог.).

*

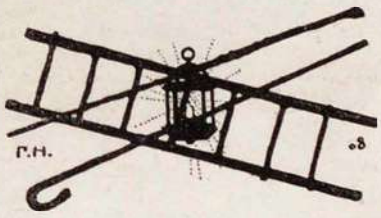
83. ДВА МУЖИКА
БАСНЯ И. КРЫЛОВА

—„Здорово, кумъ Ѳаддей!“—„Здорово, кумъ Егоръ!“
—„Ну, каково, пріятель, поживаешь?“
—„Охъ, кумъ, бѣды моей, что вижу, ты не знаешь!
Богъ посѣтилъ меня: я сжегъ до тла свой дворъ,
и по міру пошелъ съ тѣхъ поръ“.
—„Какъ такъ? Плохая, кумъ, игрушка!“
—„Да такъ! О Рождествѣ была у насъ пирушка;
я со свѣчей пошелъ дать корму лошадямъ.

Признаться, въ головѣ шумѣло;
я какъ-то заронилъ, насилу спасся самъ;
а дворъ и все добро сгорѣло.
Ну, ты какъ?“—„Охъ, Ѳаддей, худое дѣло!
И на меня прогнѣвался, знать, Богъ:

ты видишь, я безъ ногъ;
какъ самъ остался живъ, считаю, право, дивомъ.
Я тожъ о Рождествѣ пошелъ въ ледникъ за пивомъ,
и тоже черезчуръ, признаться, я хлебнулъ
съ друзьями полугару;
а чтобъ въ хмелю не сдѣлать мнѣ пожару,
такъ я свѣчу совсѣмъ задулъ.
Анъ бѣсъ меня впотьмахъ такъ съ лѣстницы толкнулъ,
что сдѣлалъ изъ меня совсѣмъ не человѣка,
и вотъ я съ той поры калѣка".

—„Пеняйте на себя, друзья!"
сказалъ имъ сватъ Степанъ. „Коль молвить правду, я
совсѣмъ не чту за чудо,
что ты сожегъ свой дворъ, а ты на костыляхъ:
для пьянаго и со свѣчею худо
да врядъ не хуже ль и впотьмахъ".



Посѣтить, посѣщать — какое обыкновенное значеніе этого слова? О Богѣ— значитъ ниспослать на человѣка милость или несчастье: Посѣти насъ, Господи, благодатью, спасеніемъ твоимъ!—Господь посѣтилъ меня горемъ, смертью сына.

До тла — до послѣдней порошинки; происходитъ отъ слова **тло**, тлѣнъ, гниль, пепелъ, прахъ.

О Рождествѣ—малоупотребительное выраженіе вмѣсто: „на Рождествѣ".

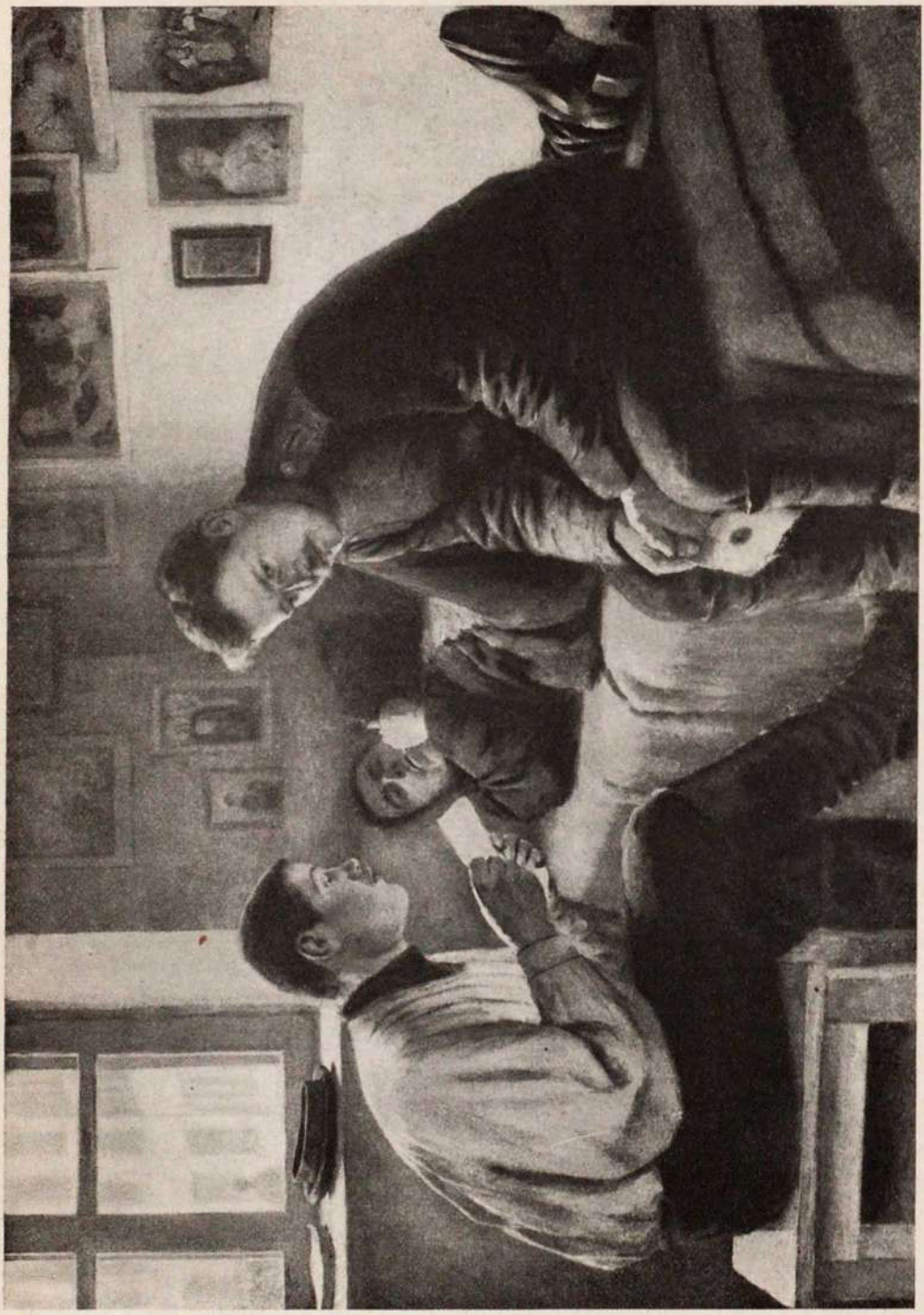
Заронить, заранивать что, куда — ронять, упускать нечаянно изъ рукъ. Съ лучиной ходи съ оглядкой, не заронивши огня.—Ночью въ колыбель младенца мѣсяцъ лучъ свой заронилъ.

Полугаръ, полугарное вино—водка, наполовину очищенная.

Хлебать, хлебнуть—1) ѣсть, черпая ложкой; 2) отпивать глотками.

Пенять—см. стр. 213.

⁂



Вѣсти съ родины. Съ картины *Касаткина.*

Разскажите, что здѣсь нарисовано.

84. Одинъ день на полѣ сраженія.

Разсказъ *Ѳ. Тютчева.*

Угрюмый, измученный возвращался Павелъ Савельевъ съ позиціи, съ трудомъ передвигая ноги и опираясь на ружье. Засаленная кепка (фуражка) сползла на затылокъ, потъ струился по тощему, побурѣвшему отъ загара и копоти лицу. Брюки на одной ногѣ, повыше колѣна, были изорваны, и оттуда выглядывала грязная, закорузлая отъ запекшейся крови повязка, сквозь которую время отъ времени просачивались капли свѣжей крови.

Чрезъ каждые пятнадцать-двадцать шаговъ Павелъ Савельевъ останавливался, стаскивалъ съ головы кепку, обтиралъ лобъ, щеки и шею рукавомъ бѣлой холщевой рубахи и, вдохнувъ нѣсколько разъ глубоко въ себя раскаленный отъ полдневнаго зноя воздухъ, тащился дальше.

До перевязочнаго пункта было всего какихъ-нибудь версты три; раненому Савельеву эти три версты казались десятью. Съ каждымъ шагомъ боль въ ранѣ обострялась, силы быстро покидали Савельева, и онъ съ ужасомъ замѣчалъ за собой, какъ раза два его словно что подхватывало, кружило и несло. Ко всему этому Савельева мучила нестерпимая жажда.

Жара стояла удушливая, воздухъ, казалось, замеръ въ огненныхъ лучахъ южнаго солнца; небо было безоблачное... ни вѣтерка... ни тѣни... Горло пересохло до боли. Савельевъ готовъ былъ отдать все за каплю воды. Дорога свернула вправо. Съ обѣихъ сторонъ потянулись виноградники, окружавшіе покинутую деревушку. Пройдя нѣсколько саженъ, Савельевъ остановился. Ему почудилось, что изъ глубины виноградниковъ раздался чей-то слабый стонъ. Онъ прислушался. Стонъ повторился громче и отчетливѣй.

— Должно быть, раненый,—подумалъ Савельевъ.

Онъ остановился въ раздумьи, итти ли своей дорогой или пойти разыскать раненаго. Но вотъ раздался снова мучительный стонъ, и чей-то голосъ, видимо съ усиліемъ, тоскливо прохрипѣлъ:

— Кто тамъ? помогите Христа ради!

— Свой!—подумалъ Савельевъ и, уже не разсуждая больше, торопливо двинулся въ кустарники, ища глазами стонавшаго. Ему не пришлось долго разыскивать. Не далѣе какъ шагахъ въ десяти отъ тропинки, Савельевъ увидѣлъ трупъ лошади. Около него, ли-

цомъ вверхъ, лежалъ совсѣмъ еще молоденькій, безусый мальчикъ въ юнкерскомъ мундирѣ. Лицо его было блѣдно, какъ у мертвеца, дыханіе съ трудомъ вырывалось вмѣстѣ со стономъ изъ стиснутыхъ губъ. Савельевъ подошелъ къ лежавшему и участливо наклонился надъ нимъ.

— Ишь ты, молодой какой!—подумалъ онъ,—баринъ... Чай, дома папенька съ маменькой не надышались; а тутъ вонъ что... Жаль... Эй, баринъ!—крикнулъ Савельевъ,—тяжело?

Юноша открылъ глаза и устремилъ на Савельева мутный, тоскующій взглядъ.

— Пи-и-ть, уми-ра-ю...—чуть слышно прошепталъ онъ, безпокойно откидывая голову.

— Пить? э, братъ, я и самъ бы напиться не прочь, да гдѣ воды-то взять, милъ человѣкъ?

— На сѣдлѣ... фляга съ виномъ... Христа ради... достань.

Савельевъ заковылялъ къ убитой лошади.

Тщательно осмотрѣвъ сѣдло, онъ замѣтилъ въ одной изъ кобуръ горлышко плетеной фляжки. Савельевъ вытащилъ ее и встряхнулъ... Въ ту же минуту онъ почувствовалъ приступъ такой невыносимой жажды, что, забывъ все на свѣтѣ, дрожащими руками торопливо сорвалъ пробку и, припавъ къ горлышку фляги воспаленными, потрескавшимися губами, жадно глотнулъ изъ нея. О, какимъ вкуснымъ, освѣжительнымъ напиткомъ показалось ему кисловато-горькое болгарское винцо! Но не успѣлъ онъ проглотить и нѣсколько капель, какъ опомнился, и ему стало невыразимо совѣстно за свой поступокъ.

„Словно разбойникъ, у своего же брата раненаго отнимаю!“ мелькнуло у него въ головѣ. Онъ торопливо оторвалъ отъ губъ горлышко соблазнительной фляги и поспѣшно обратился къ раненому. Кряхтя и охая, закусивъ отъ боли губы, опустился Савельевъ на колѣни и, приподнявъ голову юнкера, приложилъ къ его губамъ фляжку. Тотъ жадно приникъ къ ней. Савельевъ слышалъ, какъ булькало вино. Это бульканье еще болѣе усиливало невыносимую жажду. Голова его кружилась. А тотъ все пилъ и пилъ... пилъ не торопясь, то и дѣло переводя духъ, пилъ мучительно долго, довѣрчиво опираясь головой о широкую мозолистую ладонь Савельева. Наконецъ юноша утолилъ свою жажду и отвернулъ голову отъ фляги.

— Можно мнѣ глотнуть, баринъ?—прохрипѣлъ, еле шевеля опаленнымъ языкомъ, Савельевъ, все еще не рѣшаясь самовольно воспользоваться чужимъ добромъ.

— Пей хоть все!—прошепталъ юнкеръ.

Не помня себя, съ помутившимся взоромъ, прижался Савельевъ губами къ флягѣ. Черезъ минуту фляга была пуста.

— Ну, вотъ и отлично!—весело крякнулъ Савельевъ, утирая губы и чувствуя, какъ силы снова вернулись къ нему.—Ну, что жъ, батюшка-баринъ —обратился онъ къ юнкеру,—долго ты лежать думаешь... пора бы и на перевязочный.

— Вторыя сутки лежу... вчера раненъ... силъ нѣтъ двинуться,—прохрипѣлъ юнкеръ.

— Да куда же тебя шибануло-то, милъ человѣкъ?—допытывался Савельевъ, осматривая его и не видя нигдѣ слѣдовъ раны и крови.

— Не знаю... ноги... осколокъ...

Савельевъ еще разъ тщательно осмотрѣлъ раненаго и тутъ только понялъ, что разорвавшейся гранатой убило лошадь, а осколками тяжело ранило юнкера въ бокъ и грудь.

— Скверны твои дѣла,—проворчалъ Савельевъ,—однако дѣлать-то нечего, надо какъ-нибудь выбираться. Ты вотъ что, обопрись на мое плечо, я какъ-нибудь подниму... вдвоемъ, авось, дотащимся...

— Не могу... силъ нѣтъ...

— Ну, какъ не могу? А ты попробуй; я вонъ тоже раненъ, можетъ, еще тяжелѣе твоего, да иду же... неравно турки придутъ—хуже будетъ.

— А развѣ они близко, могутъ притти?—вскрикнулъ юнкеръ, и смертельная блѣдность покрыла его и безъ того блѣдныя щеки. Онъ приподнялся и съ искаженнымъ отъ страха лицомъ схватилъ Савельева за руку.

— Ой, больно! ой, не могу! больно!—отчаянно заговорилъ юноша, переступивъ два-три шага.

— Что жъ, братъ, дѣлать! потерпи малость. Вѣстимо, не сладко,—ободрялъ его Савельевъ, самъ забывая свою боль и изо всѣхъ силъ поддерживая раненаго, безпомощно повисшаго у него на плечѣ.—Зато вотъ, Богъ дастъ, доберемся до пункта, тамъ тебя тотчасъ раздѣнутъ, уложатъ, раны обмоютъ, перевяжутъ,—черезъ недѣлю опять молодцомъ будешь.

Утѣшая такимъ образомъ новаго товарища, Савельевъ осторожно подвигался шагъ за шагомъ. А тотъ все стоналъ, порывался лечь и тѣмъ еще больше затруднялъ путь выбивавшемуся изъ силъ Савельеву. Какъ ни крѣпился юнкеръ, слабая натура его не могла вынести той муки, которую онъ терпѣлъ. Силы быстро покидали его, и Савельевъ ясно видѣлъ, что ему не дойти. Къ тому же собственная рана Савельева разболѣлась еще пуще; повязка ослабла, кровь снова засочилась сквозь закорузлыя лохмотья. Боясь, что, свалившись въ виноградникахъ, они останутся долго незамѣченными, Савельевъ поспѣшилъ выбраться на дорогу.

— Авось, санитары попадутся,—надѣялся онъ; но дорога была пустынна.

— Не могу, воля твоя, не могу!—простоналъ юнкеръ, и, раньше чѣмъ Савельевъ успѣлъ удержать его, онъ быстро сдернулъ свою руку съ его плеча и тяжело опустился на землю.

— Ишь ты, оказія какая!—покачалъ головой Савельевъ.—Ну, дѣлать нечего,—обратился онъ къ юношѣ,—если не можешь итти, посиди тутъ у канавки, а я побреду, авось, доберусь до санитаровъ. Такъ итти, что ль?

Раненый безпомощно махнулъ рукой, и Савельевъ побрелъ дальше. Но не прошелъ онъ и двухсотъ шаговъ, какъ почувствовалъ, что повязка ползетъ съ ноги; онъ наклонился, чтобъ поправить ее, но въ ту же минуту голова закружилась, все поплыло мимо... деревья, дорога, даже само голубое, безоблачное небо... Савельевъ тихо ахнулъ и упалъ навзничь.

— Эхъ, голова закружилась, теперь не встану,—мелькнула у него тоскливая мысль, и онъ потерялъ сознаніе.

Долго ли пролежалъ Савельевъ въ безпамятствѣ, онъ не зналъ. Когда онъ очнулся, солнце уже садилось, и въ воздухѣ вѣяло вечерней прохладой...

— Ей, братикъ, живъ? — раздался надъ нимъ чей-то хриплый голосъ.

Савельевъ поднялъ глаза и увидѣлъ подлѣ себя двухъ санитаровъ съ носилками. Одинъ изъ нихъ, бородатый, загорѣлый, наклонился надъ нимъ и взялъ его за плечо.

— Ложись, братъ,—участливо произнесъ онъ,—снесемъ; мы вотъ только что офицера снесли, назадъ идемъ, ложись.

Савельевъ охотно принялъ предложеніе санитара и даже перекрестился отъ радости, что вотъ его нашли и сейчасъ унесутъ съ поля; но въ эту минуту онъ вспомнилъ объ юнкерѣ.

— Стойте-ка, братцы, — заговорилъ онъ взявшимся было за него санитарамъ, — не троньте... тутъ вотъ недалече, у канавки, юнкеръ такой молоденькій... лежитъ... Вы сходите, посмотрите... если онъ тамъ еще, такъ вы лучше сперва его снесите, а послѣ ужъ и меня... онъ слабѣе...

Санитары переглянулись.

— Что скажешь?—спросилъ одинъ.

— Что же, пойдемъ, посмотримъ; може и взаправду еще тамъ.

И, поднявъ носилки, санитары пошли дальше, а Савельевъ снова остался лежать одинъ, озаряемый послѣдними лучами догорающаго солнца. Пыль и песокъ, попавъ въ рану, причиняли нестерпимую боль; онъ чувствовалъ во всемъ тѣлѣ такую слабость, что едва могъ шевельнуться; онъ лежалъ, закрывъ глаза и чутко прислушиваясь. Раздались шаги: это возвращались санитары. Они несли кого-то и, подойдя къ Савельеву, окликнули его.

— Тотъ, что ли? — спросилъ одинъ изъ санитаровъ, опуская носилки вровень съ лицомъ приподнявшагося Савельева.

Савельевъ заглянулъ и увидѣлъ вытянутое во всю длину, повидимому, безжизненное тѣло молодого гусара. Глаза его были закрыты, лицо бѣло, какъ полотно рубахи; онъ, казалось, не дышалъ.

— Живъ еще?

— Живъ! — увѣренно отвѣчалъ санитаръ,—только обезпамятовалъ. Ну, такъ мы понесемъ.

— Несите, несите, — заторопилъ Савельевъ,—только братцы, ради Бога, осторожнѣе, въ ногу, — не трясите... Да вотъ что, про меня-то, голубчики, не забудьте, пожалуйста; оченно ужъ мнѣ не въ моготу становится... приходите скорѣе... изнылъ я весь...

— Ладно, придемъ; духомъ обработаемъ! — успокоили его санитары и двинулись дальше.

Опять остался одинъ Савельевъ. Стемнѣло. Тихо такъ кругомъ, словно умерло. Медленно плывутъ по глубокой синевѣ ночного неба обрывки темныхъ тучекъ; то тамъ, то сямъ, какъ волшебные огоньки, вспыхиваютъ золотыя звѣздочки. Заглядѣлся Савельевъ на небо, и легче ему стало; задумался... Слышитъ онъ, ноетъ его рана, но онъ какъ бы забылъ о ней.

— Что-то тамъ?—думаетъ онъ, глядя во всѣ глаза на мигающія звѣзды...—А что, если я умру?—подумалъ Савельевъ, и мысль эта нисколько не испугала его. И вспоминаетъ Савельевъ слова священника, учившаго ихъ въ ротной школѣ, что душа безтѣлесна—духъ, что видѣть ее нельзя; и силится понять Савельевъ, что такое духъ и куда онъ послѣ дѣнется...

Отъ усиленнаго думанія голова его кружится, и онъ чувствуетъ, какъ словно волны подхватили его и несутъ куда-то... Тихотихо звенитъ вдали что-то, колокольчикъ не колокольчикъ, а только что-то нѣжное, ласкающее слухъ. Старается прислушаться Савельевъ, а звонъ то усиливается, какъ бы приближается, то снова удаляется и звонитъ откуда-то издалека... Чувствуетъ Савельевъ, что что-то теплое, липкое течетъ по ногамъ... — Должно, кровь опять потекла,—подумалъ онъ, но это его нисколько не безпокоитъ; ему хорошо, такъ хорошо, какъ никогда хорошо не было, легко такъ...

— Подымай, что ли?—слышится надъ нимъ чей-то голосъ.

— Кажись, померъ!—отзывается другой.

— Померъ и есть. Ну, все равно, тащи на перевязочный, тамъ разберутъ.

Трупъ Савельева положили на носилки, голова его откинулась. Казалось, онъ и мертвый все еще не хотѣлъ оторваться мутнымъ, помертвѣлымъ взоромъ отъ темно-синей глубины ночного неба, усыпаннаго тысячами ласково мигающихъ звѣздъ.

Позиція—см. стр. 85.

Засаливать—засалить, замасливать, замазать саломъ, занашивать вещь до пріобрѣтенія ею невзрачнаго вида.

Закорузлый, заскорузлый—отъ гл. закорузнуть—зачерствѣть, засохнуть, затвердѣть, загрубѣть.

Запекаться, запечься—зажариваться; о крови: сгущаться, свертываться, засыхать (излившись наружу). Далече раскинутся чубатыя головы, съ перекрученными и запекшимися въ крови губами (Гоголь).

Перевязочный пунктъ—мѣсто на полѣ сраженія, куда свозятъ раненыхъ для перевязки.

Надышаться—им. нѣсколько знач.: подышать въ волю. Воздухъ такъ свѣжъ и душистъ, не могу надышаться. Въ переносномъ знач.: любить кого-нибудь чрезмѣрно. Она имъ не надышится.

Фляга, фляжка—плоская дорожная бутылка.

Кобура—жесткій чехолъ или футляръ изъ твердой кожи для пистолетовъ или для съѣстныхъ припасовъ (пристегивается къ сѣдлу).

Соблазнительный—влекущій, манящій, смущающій, склоняющій къ чему-нибудь (болѣе къ худому).

Опалить—обжечь снаружи.

Шибануть—бросать, швырять, метать, угодить во что-нибудь швыряя.

Допытываться, допытаться—стараться узнать что-либо разспросами, угрозами. *О чемъ не сказываютъ, о томъ не допытывайся.*

Осколокъ—отколотая или отломанная часть чего-либо. Его ранило осколкомъ гранаты.

Исказить, искажать—портить, повреждать, уродовать, извращать переиначивая Исказить чьи-либо слова.—Исказить чье-либо сочиненіе въ плохомъ переводѣ. Что значитъ: лицо его исказилось?

Санитаръ (латинск.)—служителя при госпиталяхъ на войнѣ, одна изъ ихъ обязанностей подбирать раненыхъ съ поля сраженія.

Оказія—см. стр. 112.

Духомъ—разомъ, мигомъ, залпомъ. Лошади у меня хорошія: сомчатъ духомъ (Тург.).—Ермолай привсталъ, перекрестился и выпилъ духомъ (Тург.).

*

85. * * *

Изъ поэмы „Полтава“ *А. Пушкина.*

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
Своей дремоты превозмочь
не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
сребристыхъ тополей листы.
Луна спокойно съ высоты
надъ Бѣлой-Церковью сіяетъ
и пышныхъ гетмановъ сады
и старый замокъ озаряетъ.
И тихо, тихо все кругомъ;
но въ замкѣ шопотъ и смятенье.
Въ одной изъ башенъ, подъ окномъ,
въ глубокомъ, тяжкомъ размышленьѣ,
окованъ, Кочубей сидитъ
и мрачно на небо глядитъ.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ (1799—1837).

Заутра казнь. Но безъ боязни
онъ мыслитъ объ ужасной казни;
о жизни не жалѣетъ онъ.
Что смерть ему? желанный сонъ.

Готовъ онъ лечь во гробъ кровавый.
Дрема долитъ. Но, Боже правый!
къ ногамъ злодѣя, молча, пасть,
какъ безсловесное созданье,
царемъ быть отдану во власть
врагу царя на поруганье,
утратить жизнь и съ нею честь,
друзей съ собой на плаху весть,
надъ гробомъ слышать ихъ проклятья,
ложась безвиннымъ подъ топоръ,
врага веселый встрѣтить взоръ
и смерти кинуться въ объятья,
не завѣщая никому
вражды къ злодѣю своему!..

И вспомнилъ онъ свою Полтаву,
обычный кругъ семьи, друзей,
минувшихъ дней богатство, славу
и пѣсни дочери своей,
и старый домъ, гдѣ онъ родился,
гдѣ зналъ и трудъ, и мирный сонъ,
и все, чѣмъ въ жизни насладился,
что добровольно бросилъ онъ,
и для чего?

Превозмогать, превозмочь кого, что—одолѣть, преодолѣть, осилить, побороть. Усилія человѣка все превозмогаютъ.

Гетманъ (нѣмецк. Hauptmann)—старин. сл.: главный начальникъ малороссійскаго казацкаго войска.

Оковать—то же, что сковать, заковать, наложить кандалы. А что значитъ: окованный сундукъ?

Долить—то же, что одолѣвать. Какое это имѣетъ отношеніе къ слову **долъ?**

Безсловесный—1) неумѣющій говорить. Безсловесное животное. 2) еще не научившійся говорить. Младенецъ безсловесный. 3) безмолвный; чаще въ переносномъ значеніи. Вѣдь нынче любятъ безсловесныхъ (Грибоѣдовъ).

Поруганье—безчестіе, позоръ.

Насладиться—чувствовать наслажденіе, то-есть усладу, удовольствіе. утѣху, нѣгу, пріятность.

⁂

86. Встрѣча Руслана съ головой.

Отрывокъ изъ поэмы „Русланъ и Людмила“ *А. Пушкина.*

роѣхалъ онъ дремучій лѣсъ;
предъ нимъ открылся долъ широкій
при блескѣ утреннихъ небесъ.
Трепещетъ витязь поневолѣ:
онъ видитъ старой битвы поле.
Вдали все пусто; здѣсь и тамъ
желтѣютъ кости; по холмамъ
разбросаны колчаны, латы;
гдѣ сбруя, гдѣ заржавый щитъ;
въ костяхъ руки здѣсь мечъ лежитъ;
травой оросъ тамъ шлемъ косматый,
и старый черепъ тлѣетъ въ немъ;
богатыря тамъ остовъ цѣлый
съ его поверженнымъ конемъ
лежитъ недвижный; копья, стрѣлы
въ сырую землю вонзены,
и мирный плющъ ихъ обвиваетъ...
Ничто безмолвной тишины
пустыни сей не возмущаетъ,
и солнце съ ясной вышины
долину смерти озаряетъ.

Со вздохомъ витязь вкругъ себя
взираетъ грустными очами.
„О, поле, поле, кто тебя
усѣялъ мертвыми костями?
Чей борзый конь тебя топталъ
въ послѣдній часъ кровавой битвы?
Кто на тебѣ со славой палъ,
чьи небо слышало молитвы?
Зачѣмъ же, поле, смолкло ты
и поросло травой забвенья?
Временъ отъ вѣчной темноты,
быть-можетъ, нѣтъ и мнѣ спасенья!
Быть-можетъ, на холмѣ нѣмомъ
поставятъ тихій гробъ Руслановъ,

и струны громкія баяновъ
не будутъ говорить о немъ".
Ужъ поблѣднѣлъ закатъ румяный
надъ усыпленною землей;
дымятся синіе туманы,
и всходитъ мѣсяцъ золотой;
померкла степь. Тропою темной
задумчивъ ѣдетъ нашъ Русланъ
и видитъ: сквозь ночной туманъ
вдали чернѣетъ холмъ огромный,
и что-то страшное храпитъ.
Онъ ближе къ холму, ближе—слышитъ:
чудесный холмъ какъ будто дышитъ.
Русланъ внимаетъ и глядитъ
безтрепетно, съ покойнымъ духомъ,
но, шевеля пугливымъ ухомъ,
конь упирается, дрожитъ,
трясетъ упрямой головою,
и грива дыбомъ поднялась.
Вдругъ холмъ, безоблачной луною
въ туманѣ блѣдно озарясь,
яснѣетъ. Смотритъ храбрый князь—
и чудо видитъ предъ собою.
Найду ли краски и слова?
Предъ нимъ живая голова:
огромны очи сномъ объяты;
храпитъ качаясь шлемъ пернатый,
и перья въ темной высотѣ
какъ тѣни ходятъ, развѣваясь.
Въ своей ужасной красотѣ
надъ мрачной степью возвышаясь,
безмолвіемъ окружена,
пустыни сторожъ безымянной,
Руслану предстоитъ она
громадой грозной и туманной.
Въ недоумѣньѣ хочетъ онъ
таинственный разрушить сонъ;
вблизи осматривая диво,
объѣхалъ голову кругомъ

И. БИЛИБИНЪ
1908.

и, ставъ предъ носомъ молчаливо,
щекотитъ ноздри копіемъ.
И, сморщась, голова зѣвнула,
глаза открыла и чихнула...
Поднялся вихорь, степь дрогнула,
взвилася пыль съ рѣсницъ, съ усовъ,
съ бровей слетѣла стая совъ;
проснулись рощи молчаливы,
чихнуло эхо—конь ретивый
заржалъ, запрыгалъ, отлетѣлъ,
едва самъ витязь усидѣлъ;
и вслѣдъ раздался голосъ шумный:
„Куда ты, витязь неразумный?
ступай назадъ; я не шучу!
какъ разъ нахала проглочу!“
Русланъ съ презрѣньемъ оглянулся,
браздами удержалъ коня
и съ гордымъ видомъ усмѣхнулся.
„Чего ты хочешь отъ меня?“
нахмурясь голова вскричала:
„вотъ гостя мнѣ судьба послала:
Послушай, убирайся прочь!
Я спать хочу, теперь ужъ ночь,
прощай!“ Но витязь знаменитый,
услыша грубыя слова,
воскликнулъ съ важностью сердитой:
„молчи, пустая голова!“

Тогда, отъ ярости нѣмѣя,
стѣсненной злобой пламенѣя,
надулась голова; какъ жаръ,
кровавы очи засверкали;
напѣнясь зубы задрожали;
изъ устъ, ушей поднялся паръ,
и вдругъ она, что было мочи,
навстрѣчу князю стала дуть...
Напрасно конь, зажмуря очи,
склонивъ главу, натужа грудь,
сквозь вихорь, дождь и сумракъ ночи
невѣрный продолжаетъ путь,—

объятый страхомъ, ослѣпленный,
онъ мчится прочь изнеможенный,
далече въ поле отдохнуть.
Вновь обратиться витязь хочетъ—
вновь отраженъ, надежды нѣтъ!
А голова ему вослѣдъ,
какъ сумасшедшая, хохочетъ,
гремитъ: „ай, витязь! ай, герой!
куда ты? Тише, тише, стой!
Эй, витязь, шею сломишь даромъ;
не трусь, наѣздникъ, и меня
порадуй хоть однимъ ударомъ,
пока не заморилъ коня".

Колчанъ — футляръ для стрѣлъ. Стрѣла выходитъ изъ колчана, взвилась—и падаетъ казакъ съ окровавленнаго кургана (Пушк.).

Латы — металлическая одежда, служившая прежде во время сраженій для защиты отъ нападеній непріятеля. Цимисхій! крѣпокъ ли твой щитъ? Не тонки ль кованыя латы? (Языковъ).

Заржавый—мало употребит., тоже что заржавѣлый, заржавленный—покрытый ржавчиной. У Пушкина то же, и въ „Полтавѣ": Но ключъ въ заржавомъ замкѣ гремитъ.

Остовъ—то же, что скелетъ, костяная основа животнаго тѣла.

Возмущать, возмутить—1) дѣлать мутнымъ, приводить жидкость въ движеніе. Ибо Ангелъ Господенъ по временамъ сходилъ въ купальню и возмущалъ воду. (Еванг.).—Словно горы, изъ возмущенной глубины вставали волны тамъ и злились („Мѣдный всадникъ"). 2) тревожить, нарушать спокойное состояніе. Зачѣмъ послѣдній мой ночлегъ еще Мазепа возмущаетъ? („Полтава"). 3) призывать къ ропоту, къ мятежу. 4) приводить въ негодованіе. Его поступокъ возмутилъ насъ всѣхъ до глубины души. Что значитъ **возмущенье** и **возмутительный?**

Баянъ (отъ сл. баять)—древнерусскій пѣвецъ. Всѣ смолкли, слушаютъ баяна („Русл. и Людм.").—Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашеся мыслію по древу... („Слово о полку Игоревѣ").

Отразить, отражать—имѣетъ нѣсколько значеній. Опредѣлите ихъ по слѣдующимъ примѣрамъ: наши войска отразили нападеніе непріятеля, деревья отражаются въ водѣ, онъ очень легко отразилъ всѣ его доводы, на лицѣ его отразился восторгъ.—Что такое отраженный свѣтъ?

Усыпить, усыплять—наводить сонъ, заставить спать. Скука усыпляетъ, наводитъ дремоту. А что значитъ въ переносномъ значеніи: онъ усыпилъ его подозрѣнія ложными увѣреніями.

Померкнуть, меркнуть—см. стр. 9.

Предстоять—1) стоять передъ, впереди; 2) быть впереди, въ будущемъ, предвидѣться. Намъ предстояло много трудовъ.

Щекотитъ—неправильная форма вмѣсто щекочетъ.

Витязь (старинное слово)—доблестный воинъ, герой, богатырь. Ахъ, зачѣмъ не витязь я! ахъ, зачѣмъ не богатырь! (бар. Розенъ „Жизнь за царя").

*

87. Цыганы.

Изъ поэмы *А. Пушкина* подъ тѣмъ же заглавіемъ.

I. Таборъ.

Цыганы шумною толпой
по Бессарабіи кочуютъ.
Они сегодня надъ рѣкой
въ шатрахъ изодранныхъ ночуютъ.
Какъ вольность, веселъ ихъ ночлегъ
и мирный сонъ подъ небесами.
Между колесами телѣгъ,
полузавѣшенныхъ коврами,
горитъ огонь; семья кругомъ
готовитъ ужинъ; въ чистомъ полѣ
пасутся кони; за шатромъ
ручной медвѣдь лежитъ на волѣ.
Все живо посреди степей:
заботы мирныя семей,
готовыхъ съ утромъ въ путь недальній,
и пѣсни женъ, и крикъ дѣтей,
и звонъ походной наковальни.
Но вотъ на таборъ кочевой
нисходитъ сонное молчанье,
и слышны въ тишинѣ степной
лишь лай собакъ да коней ржанье.
Огни вездѣ погашены;
спокойно все; луна сіяетъ
одна съ небесной вышины
и тихій таборъ озаряетъ.

II. Переходъ на другое кочевье.

И съ шумомъ высыпалъ народъ;
шатры разобраны; телѣги
готовы двинуться въ походъ.
Все вмѣстѣ тронулось—и вотъ
толпа валитъ въ пустыхъ равнинахъ.
Ослы въ перекидныхъ корзинахъ
дѣтей играющихъ несутъ;
мужья и братья, жены, дѣвы—
и старъ и младъ вослѣдъ идутъ;
крикъ, шумъ, цыганскіе припѣвы,
медвѣдя ревъ, его цѣпей
нетерпѣливое бряцанье,
лохмотьевъ яркихъ пестрота,
дѣтей и старцевъ нагота,
собакъ и лай, и завыванье,
волынки говоръ, скрипъ телѣгъ,—
все скудно, дико, все нестройно,
но все такъ живо, непокойно...

Таборъ—лагерь, шатры бродячаго народа, привалъ переселенцевъ.

Шатеръ—см. сл. шалашъ, на стр. 282.

Вольность — свобода, независимость. Но вольность, вольность для героя милѣй свободы и покоя (Лерм.). Вольность въ обращеніи — излишняя свобода, развязность, безцеремонность. Послушай, вольности ты лишней не бери („Горе отъ ума").

Наковальня—желѣзная подставка, на которой куютъ.

Нисходить—спускаться внизъ. Пастырь нисходитъ къ веселымъ долинамъ, гдѣ мчится Арагва въ тѣнистыхъ брегахъ (Пушк.). Употребл. и въ переносномъ значеніи: нисходить къ нуждамъ ближняго.

Перекидной — переброшенный, перевѣшенный черезъ плечо, черезъ сѣдло вьючнаго животнаго.

Бряцанье—звукъ, происходящій отъ удара по струнамъ или по какому-нибудь металлическому предмету.

Волынка—отъ слова волъ: телячій мѣхъ, наполненный воздухомъ, наглухо зашитый, къ которому проведены двѣ игральныя трубки. Играющій на волынкѣ называется **волынщикъ**.

*

88. Старосвѣтскіе помѣщики.

Изъ повѣсти *Н. В. Гоголя.*

Я до сихъ поръ не могу позабыть двухъ старичковъ прошедшаго вѣка, которыхъ, увы! теперь уже нѣтъ, но душа моя полна еще до сихъ поръ жалости, и чувства мои странно сжимаются, когда воображу себѣ, что пріѣду со временемъ опять на ихъ прежнее, нынѣ опустѣлое жилище и увижу кучу развалившихся хатъ, заглохшій прудъ, заросшій ровъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ низенькій домикъ—и ничего болѣе. Грустно! мнѣ заранѣе грустно!

Аѳанасій Ивановичъ Товстогубъ и жена его Пульхерія Ивановна Товстогубиха, по выраженію окружныхъ мужиковъ, были тѣ старики, о которыхъ я началъ разсказывать. Аѳанасію Ивановичу было шестьдесятъ лѣтъ, Пульхеріи Ивановнѣ пятьдесятъ пять. Аѳанасій Ивановичъ былъ высокаго роста, ходилъ всегда въ бараньемъ тулупчикѣ, покрытомъ камлотомъ, сидѣлъ согнувшись и всегда почти улыбался, хотя бы разсказывалъ или, просто, слушалъ. Пульхерія Ивановна была нѣсколько серьезна, почти никогда не смѣялась; но на лицѣ и въ глазахъ ея было написано столько доброты, столько готовности угостить васъ всѣмъ, что было у нихъ лучшаго, что вы, вѣрно, нашли бы улыбку уже черезчуръ приторною для ея добраго лица. Легкія морщины на ихъ лицахъ были расположены съ такою пріятностью, что художникъ вѣрно бы укралъ ихъ.

Нельзя было глядѣть безъ участія на ихъ взаимную любовь. Они никогда не говорили другъ другу ты, но всегда вы: вы, Аѳанасій Иванычъ! вы, Пульхерія Ивановна. „Это вы продавили стулъ, Аѳанасій Ивановичъ?“—„Ничего, не сердитесь, Пульхерія Ивановна: это я“. Они никогда не имѣли дѣтей, и оттого вся привязанность ихъ сосредоточивалась на нихъ же самихъ.

Комнаты домика, въ которомъ жили наши старички, были маленькія, низенькія, какія обыкновенно встрѣчаются у старосвѣтскихъ людей. Въ каждой комнатѣ была огромная печь, занимавшая почти третью часть ея. Комнатки эти были ужасно теплы, потому что и Аѳанасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна очень

любили теплоту. Топки ихъ были всѣ проведены въ сѣни, всегда почти до самаго потолка наполненныя соломою, которую обыкновенно употребляютъ въ Малороссіи вмѣсто дровъ. Трескъ этой горящей соломы и освѣщеніе дѣлаютъ сѣни чрезвычайно пріятными въ зимній вечеръ, когда пылкая молодежь, прозябнувши, вбѣгаетъ въ нихъ, похлопывая въ ладоши. Стѣны комнатъ убраны были нѣсколькими картинами и картинками въ старинныхъ узенькихъ рамахъ. Я увѣренъ, что сами хозяева давно позабыли ихъ содержаніе, и если бы нѣкоторыя изъ нихъ были унесены, то они бы, вѣрно, этого не замѣтили. Полъ почти во всѣхъ комнатахъ былъ глиняный, но такъ чисто вымазанный и содержавшійся съ такою опрятностью, съ какою, вѣрно, не содержался ни одинъ паркетъ въ богатомъ домѣ, лѣниво подметаемый невыспавшимся господиномъ въ ливреѣ.

Комната Пульхеріи Ивановны была вся уставлена сундуками, ящиками, ящичками и сундучочками. Множество узелковъ и мѣшковъ съ сѣменами, цвѣточными, огородными, арбузными, висѣли по стѣнамъ. Множество клубковъ съ разноцвѣтною шерстью, лоскутковъ старинныхъ платьевъ, шитыхъ за полстолѣтіе, были уложены по угламъ въ сундучкахъ и между сундучками. Пульхерія Ивановна была большая хозяйка и собирала все, хотя иногда сама не знала, на что оно потомъ употребится.

Но самое замѣчательное въ домѣ—были поющія двери. Какъ только наставало утро, пѣніе дверей раздавалось по всему дому. Я не могу сказать, отчего онѣ пѣли: перержавѣвшія ли петли были тому виною, или самъ механикъ, дѣлавшій ихъ, скрылъ въ нихъ какой-нибудь секретъ; но замѣчательно то, что каждая дверь имѣла свой особенный голосъ: дверь, ведущая въ спальню, пѣла самымъ тоненькимъ дискантомъ; дверь въ столовую хрипѣла басомъ; но та, которая была въ сѣняхъ, издавала какой-то странный, дребезжащій и вмѣстѣ стонущій звукъ, такъ что, вслушиваясь въ него, очень ясно, наконецъ, слышалось: „Батюшки, я зябну!“ Я знаю, что многимъ очень не нравится этотъ звукъ; но я его очень люблю, и если мнѣ случится иногда здѣсь услышать скрипъ дверей, тогда мнѣ вдругъ такъ и запахнетъ деревнею: низенькой комнаткой, озаренной свѣчкой въ старинномъ подсвѣчникѣ; ужиномъ, уже стоящимъ на столѣ; майскою темною ночью, глядящею изъ сада, сквозь растворенное окно, на столъ, уставленный приборами; соловьемъ, который обдаетъ садъ, домъ и дальнюю

рѣку своими раскатами; страхомъ и шорохомъ вѣтвей... и, Боже! какая длинная навѣвается мнѣ тогда вереница воспоминаній!

Аѳанасій Ивановичъ очень мало занимался хозяйствомъ, хотя впрочемъ ѣздилъ иногда къ косарямъ и жнецамъ и смотрѣлъ довольно пристально на ихъ работу; все бремя правленія лежало на Пульхеріи Ивановнѣ. Хозяйство Пульхеріи Ивановны состояло въ безпрестанномъ отпираніи и запираніи кладовой, въ соленіи, сушеніи, вареніи безчисленнаго множества фруктовъ и растеній. Ея домъ былъ совершенно похожъ на химическую лабораторію. Подъ яблоней вѣчно былъ разложенъ огонь, и никогда почти не снимался съ желѣзнаго треножника котелъ или мѣдный тазъ съ вареньемъ, желе, пастилою, дѣланными на меду, на сахарѣ и не помню еще на чемъ. Подъ другимъ деревомъ кучеръ вѣчно перегонялъ въ мѣдномъ лембикѣ водку на персиковые листья, на черемуховый цвѣтъ, на золототысячникъ, на вишневыя косточки, и къ концу этого процесса совершенно не былъ въ состояніи повоpотить языкомъ, болталъ такой вздоръ, что Пульхерія Ивановна ничего не могла понять, и отправлялся на кухню спать. Всей этой дряни наваривалось, насоливалось, насушивалось такое множество, что, вѣроятно, она потопила бы, наконецъ, весь дворъ (потому что Пульхерія Ивановна всегда, сверхъ расчисленнаго на потребленіе, любила приготовлять еще на запасъ), если бы большая половина этого не съѣдалась дворовыми дѣвками, которыя, забираясь въ кладовую, такъ ужасно тамъ объѣдались, что цѣлый день стонали и жаловались на животы свои.

Въ хлѣбопашество и прочія хозяйственныя статьи внѣ двора Пульхерія Ивановна мало имѣла возможности входить. Приказчикъ, соединившись съ войтомъ, обкрадывали немилосерднымъ образомъ. Они завели обыкновеніе входить въ господскіе лѣса, какъ въ свои собственные, надѣлывали множество саней и продавали ихъ на ближней ярмаркѣ; кромѣ того, всѣ толстые дубы они продавали на срубъ для мельницъ сосѣднимъ казакамъ. Одинъ только разъ Пульхерія Ивановна пожелала обревизовать свои лѣса. Для этого были запряжены дрожки, съ огромными кожаными фартуками, отъ которыхъ, какъ только кучеръ встряхивалъ вожжами и лошади трогались съ своего мѣста, воздухъ наполнялся странными звуками, такъ что вдругъ были слышны и флейта, и бубны, и барабанъ; каждый гвоздикъ и желѣзная скоба звенѣли до того, что возлѣ самыхъ мельницъ было слышно, какъ пани

выѣзжала со двора, хотя это разстояніе было не менѣе двухъ верстъ. Пульхерія Ивановна не могла не замѣтить страшнаго опустошенія въ лѣсу и потери тѣхъ дубовъ, которые она еще въ дѣтствѣ знавала столѣтними.

„Отчего это у тебя, Ничипоръ“, сказала она, обратясь къ приказчику, тутъ же находившемуся: „дубки сдѣлались такъ рѣдкими? Гляди, чтобы у тебя волосы на головѣ не стали рѣдки“.

„Отчего рѣдки?“ говаривалъ обыкновенно приказчикъ: „пропали! Такъ-таки совсѣмъ пропали: и громомъ побило, и черви проточили — пропали, пани, пропали“.

Пульхерія Ивановна совершенно удовлетворялась этимъ отвѣтомъ и, пріѣхавши домой, давала повелѣніе удвоить только стражу въ саду около шпанскихъ вишенъ и большихъ зимнихъ дуль.

Оба старичка, по старинному обычаю старосвѣтскихъ помѣщиковъ, очень любили покушать. Какъ только занималась заря (они всегда вставали рано) и какъ только двери заводили свой разноголосный концертъ, они уже сидѣли за столикомъ и пили кофе. Напившись кофе, Аѳанасій Ивановичъ выходилъ въ сѣни и, встряхнувши платокъ, говорилъ: „Кишъ, кишъ! пошли, гуси, съ крыльца!“ На дворѣ ему обыкновенно попадался приказчикъ. Онъ, по обыкновенію, вступалъ съ нимъ въ разговоръ, разспрашивалъ о работахъ съ величайшею подробностью и такія сообщалъ ему замѣчанія и приказанія, которыя удивили бы всякаго необыкновеннымъ познаніемъ хозяйства, и какой-нибудь новичокъ не осмѣлился бы и подумать, чтобы можно было украсть у такого зоркаго хозяина. Но приказчикъ его былъ обстрѣленная птица: онъ зналъ, какъ нужно отвѣчать, а еще болѣе, какъ нужно хозяйничать.

Послѣ этого Аѳанасій Ивановичъ возвращался въ покои и говорилъ, приблизившись къ Пульхеріи Ивановнѣ: „А что, Пульхерія Ивановна, можетъ-быть, пора закусить чего-нибудь?“

„Чего же бы теперь, Аѳанасій Ивановичъ, закусить? развѣ коржиковъ съ саломъ или пирожковъ съ макомъ, или, можетъ-быть, рыжиковъ соленыхъ?“

„Пожалуй, хоть и рыжиковъ или пирожковъ“, отвѣчалъ Аѳанасій Ивановичъ,—и на столѣ вдругъ являлась скатерть съ пирожками и рыжиками.

За часъ до обѣда Аѳанасій Ивановичъ закусывалъ снова, выпивалъ старинную серебряную чарку водки, заѣдалъ грибками, разными сушеными рыбками и прочимъ. Обѣдать садились въ

двѣнадцать часовъ. Кромѣ блюдъ и соусниковъ, на столѣ стояло множество горшочковъ съ замазанными крышками, чтобы не могло выдохнуться какое-нибудь аппетитное издѣліе старинной вкусной кухни. За обѣдомъ обыкновенно шелъ разговоръ о предметахъ самыхъ близкихъ къ обѣду.

„Мнѣ кажется, какъ будто эта каша“, говаривалъ обыкновенно Аѳанасій Ивановичъ: „немного пригорѣла. Вамъ этого не кажется, Пульхерія Ивановна?“

„Нѣтъ, Аѳанасій Ивановичъ; вы положите побольше масла, тогда она не будетъ казаться пригорѣлою, или вотъ возьмите этого соуса съ грибками и подлейте къ ней“.

„Пожалуй“, говорилъ Аѳанасій Ивановичъ, подставляя свою тарелку: „попробуемъ, какъ оно будетъ“.

Послѣ обѣда Аѳанасій Ивановичъ шелъ отдохнуть одинъ часикъ, послѣ чего Пульхерія Ивановна приносила разрѣзаный арбузъ и говорила: „Вотъ попробуйте, Аѳанасій Ивановичъ, какой хорошій арбузъ“.

„Да вы не вѣрьте, Пульхерія Ивановна, что онъ красный въ срединѣ“, говорилъ Аѳанасій Ивановичъ, принимая порядочный ломоть: „бываетъ, что и красный, да нехорошій“.

Но арбузъ немедленно исчезалъ. Послѣ этого Аѳанасій Ивановичъ съѣдалъ еще нѣсколько грушъ и отправлялся погулять по саду вмѣстѣ съ Пульхеріей Ивановной. Пришедши домой, Пульхерія Ивановна отправлялась по своимъ дѣламъ, а онъ садился подъ навѣсомъ, обращеннымъ къ двору, и глядѣлъ, какъ кладовая безпрестанно показывала и закрывала свою внутренность, и дѣвки, толкая одна другую, то вносили, то выносили кучу всякаго дрязгу въ деревянныхъ ящикахъ, рѣшетахъ, ночовкахъ и въ прочихъ фруктохранилищахъ. Немного погодя, онъ посылалъ за Пульхеріей Ивановной или самъ отправлялся къ ней и говорилъ: „Чего бы такого поѣсть мнѣ, Пульхерія Ивановна?“

„Чего же бы такого?“ говорила Пульхерія Ивановна: „развѣ я пойду скажу, чтобы вамъ принесли варениковъ съ ягодами, которыхъ приказала я нарочно для васъ оставить?“

„И то добре“, отвѣчалъ Аѳанасій Ивановичъ.

„Или, можетъ-быть, вы съѣли бы киселику?“

„И то хорошо“, отвѣчалъ Аѳанасій Ивановичъ. Послѣ чего все это немедленно было приносимо и, какъ водится, съѣдаемо.

Передъ ужиномъ Аѳанасій Ивановичъ еще кое-чего закушивалъ. Въ половинѣ десятаго садились ужинать. Послѣ ужина тотчасъ отправлялись опять спать, и всеобщая тишина водворялась въ этомъ дѣятельномъ и вмѣстѣ спокойномъ уголкѣ.

Комната, въ которой спали Аѳанасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна, была такъ жарка, что рѣдкій былъ бы въ состояніи остаться въ ней нѣсколько часовъ; но Аѳанасій Ивановичъ еще сверхъ того, чтобы было теплѣе, спалъ на лежанкѣ, хотя сильный жаръ часто заставлялъ его нѣсколько разъ вставать среди ночи и прохаживаться по комнатѣ. Иногда Аѳанасій Ивановичъ, ходя по комнатѣ, стоналъ.

Тогда Пульхерія Ивановна спрашивала: „Чего вы стонете, Аѳанасій Ивановичъ?“

„Богъ его знаетъ, Пульхерія Ивановна; какъ будто немного животъ болитъ“, говорилъ Аѳанасій Ивановичъ.

„А не лучше ли вамъ чего-нибудь съѣсть, Аѳанасій Ивановичъ?“

„Не знаю, будетъ ли оно хорошо, Пульхерія Ивановна! Впрочемъ, чего жъ бы такого съѣсть!“

„Кислаго молочка или жиденькаго узвара съ сушеными грушами“.

„Пожалуй, развѣ такъ только попробовать“, говорилъ Аѳанасій Ивановичъ. Сонная дѣвка отправлялась рыться по шкапамъ, и Аѳанасій Ивановичъ съѣдалъ тарелочку; послѣ чего онъ обыкновенно говорилъ: „Теперь такъ какъ будто сдѣлалось легче“.

Иногда, если было ясное время и въ комнатахъ довольно тепло натоплено, Аѳанасій Ивановичъ, развеселившись, любилъ пошутить надъ Пульхеріею Ивановною и поговорить о чемъ-нибудь постороннемъ.

„А, что, Пульхерія Ивановна“, говорилъ онъ: „если бы вдругъ загорѣлся домъ нашъ, куда бы мы дѣлись?“

„Вотъ это, Боже сохрани!“ говорила Пульхерія Ивановна крестясь.

„Ну, да положимъ, что домъ нашъ сгорѣлъ, куда бы мы перешли тогда?“

„Богъ знаетъ, что вы говорите, Аѳанасій Ивановичъ! Какъ можно, чтобы домъ могъ сгорѣть? Богъ этого не попуститъ“.

„Ну, а если бы сгорѣлъ?“

„Ну, тогда бы мы перешли въ кухню. Вы бы заняли на время ту комнату, которую занимаетъ ключница".

„А если бы и кухня сгорѣла?"

„Вотъ еще! Богъ сохранитъ отъ такого попущенія, чтобы вдругъ и домъ и кухня сгорѣли! Ну, тогда въ кладовую, покамѣстъ выстроился бы новый домъ".

„А если бы и кладовая сгорѣла?"

„Богъ знаетъ, что вы говорите! Я и слушать васъ не хочу! Грѣхъ это говорить, и Богъ наказываетъ за такія рѣчи!"

Но Аѳанасій Ивановичъ, довольный тѣмъ, что подшутилъ надъ Пульхеріею Ивановною, улыбался, сидя на своемъ стулѣ.

Но интереснѣе всего казались для меня старички въ то время, когда бывали у нихъ гости. Тогда все въ ихъ домѣ принимало другой видъ. Эти добрые люди, можно сказать, жили для гостей. Все, что у нихъ ни было лучшаго, все это выносилось. Они наперерывъ старались угостить васъ всѣмъ, что только производило ихъ хозяйство. Но болѣе всего пріятно мнѣ было то, что во всей ихъ услужливости не было никакой приторности. Это радушіе и готовность такъ кротко выражались на ихъ лицахъ, такъ шли къ нимъ, что поневолѣ соглашался на ихъ просьбы. Онѣ были слѣдствіе чистой, ясной простоты ихъ добрыхъ, безхитростныхъ душъ. Гость никакимъ образомъ не былъ отпускаемъ въ тотъ же день: онъ долженъ былъ непремѣнно переночевать.

„Какъ можно такою позднею порою отправляться въ такую дальнюю дорогу!" всегда говорила Пульхерія Ивановна. (Гость обыкновенно жилъ въ трехъ или въ четырехъ верстахъ отъ нихъ).

„Конечно", говорилъ Аѳанасій Ивановичъ, „нападутъ разбойники или другой недобрый человѣкъ".

„Пусть Богъ милуетъ отъ разбойниковъ!" говорила Пульхерія Ивановна. „И къ чему разсказывать этакое на ночь? Разбойники, не разбойники, а время темное, не годится совсѣмъ ѣхать. Да и вашъ кучеръ... я знаю вашего кучера: онъ такой тендитный да маленькій; его всякая кобыла побьетъ; да притомъ теперь уже, вѣрно, наклюкался и спитъ гдѣ-нибудь".

И гость долженъ былъ непремѣнно остаться; но, впрочемъ, вечеръ въ низенькой, теплой комнатѣ, радушный грѣющій и усыпляющій разсказъ, несущійся паръ отъ поданнаго на столъ кушанья, всегда питательнаго и мастерски изготовленнаго, бывалъ для него наградою. Я вижу, какъ теперь, какъ Аѳанасій Ивано-

вичъ, согнувшись, сидитъ на стулѣ со всегдашнею своею улыбкой и слушаетъ со вниманіемъ и даже наслажденіемъ гостя! Часто рѣчь заходила и о политикѣ. Гость, тоже весьма рѣдко выѣзжавшій изъ своей деревни, часто, съ значительнымъ видомъ и таинственнымъ выраженіемъ лица, выводилъ свои догадки и разсказывалъ, что французъ тайно согласился съ англичаниномъ выпустить опять на Россію Бонапарта, или просто разсказывалъ о предстоящей войнѣ, и тогда Аѳанасій Ивановичъ часто говорилъ, какъ будто не глядя на Пульхерію Ивановну:

„Я самъ думаю пойти на войну; почему жъ я не могу итти на войну?“

„Вотъ уже и пошелъ!“ прерывала Пульхерія Ивановна. „Вы не вѣрьте ему“, говорила она, обращаясь къ гостю: „гдѣ уже ему, старому, итти на войну! Его первый солдатъ застрѣлитъ! Ей-Богу застрѣлитъ! Вотъ такъ-таки прицѣлится и застрѣлитъ“.

„Что жъ“, говорилъ Аѳанасій Ивановичъ: „и я его застрѣлю“.

„Вотъ слушайте только, что онъ говоритъ!“ подхватывала Пульхерія Ивановна: „куда ему итти на войну! И пистоли его давно уже заржавѣли и лежатъ въ коморѣ. Если бъ вы ихъ видѣли: тамъ такіе, что прежде еще, нежели выстрѣлятъ, разорветъ ихъ порохомъ. И руки себѣ поотобьетъ, и лицо искалѣчитъ, и навѣки несчастнымъ останется!“

„Что жъ“, говорилъ Аѳанасій Ивановичъ: „я куплю себѣ новое вооруженіе; я возьму саблю или казацкую пику“.

„Это все выдумки. Такъ вотъ вдругъ придетъ въ голову, и начнетъ разсказывать!“ подхватила Пульхерія Ивановна съ досадою. „Я и знаю, что онъ шутитъ, а все-таки непріятно слушать. Вотъ этакое онъ всегда говоритъ; иной разъ слушаешь-слушаешь, да и страшно станетъ“.

Но Аѳанасій Ивановичъ, довольный тѣмъ, что нѣсколько напугалъ Пульхерію Ивановну, смѣялся, сидя, согнувшись, на своемъ стулѣ.

Вообще Пульхерія Ивановна была чрезвычайно въ духѣ, когда бывали у нихъ гости. Добрая старушка! она вся принадлежала гостямъ. Я любилъ бывать у нихъ, и хотя объѣдался страшнымъ образомъ, какъ и всѣ гости, гостившіе у нихъ, хотя мнѣ это было очень вредно, однакожъ я всегда бывалъ радъ къ нимъ ѣхать. Впрочемъ, я думаю, что не имѣетъ ли самый воздухъ въ Малороссіи какого-то особеннаго свойства, помогающаго пищеваренію,

потому что если бы здѣсь вздумалъ кто-нибудь такимъ образомъ накушаться, то, безъ сомнѣнія, вмѣсто постели, очутился бы лежащимъ на столѣ.

Камлотъ (франц.) — суровая шерстяная ткань.

Приторный—черезчуръ сладкій. Приторная улыбка.

Привязанность — нравственная связь, любовь.

Ливрея — см. стр. 70.

Вымазанный—что здѣсь значитъ? То же ли самое, что у него руки вымазаны?

Бремя — тяжесть, тягость, ноша. Употребл. только въ единств. числѣ и притомъ въ переносномъ смыслѣ. Подъ бременемъ заботъ. А что значитъ беремя дровъ?

Лабораторія — мѣсто для научныхъ или практическихъ работъ и опытовъ.

Процессъ—въ данномъ случаѣ: дѣйствіе или рядъ дѣйствій. См. также стр. 143.

Потребленіе — то, что издерживается, то, что употребляется, истрачивается.

Статья — 1) отрасль, дѣло, забота; 2) газетная или журнальная статья; 3) параграфъ (статья прихода и расхода, статья такая-то). А что значитъ: Это статья особая!

Войтъ — деревенскій староста въ Польшѣ и Малороссіи.

Ревизовать (латинск.) — осматривать что-нибудь съ цѣлью провѣрки.

Скоба — желѣзная полоска съ загнутыми краями, употребляемая для скрѣпленія двухъ частей.

Приказчикъ—1) продавецъ въ лавкахъ, въ магазинахъ; 2) довѣренное лицо у хозяина.

Дуля — груша.

Зоркій — у кого острое зрѣніе и навыкъ все видѣть.

Коржикъ — лепешка изъ пѣснаго тѣста.

Дрязгъ—соръ, хламъ, отбросъ, мелкіе, малоцѣнные предметы. Чаще во множеств. числѣ: **дрязги**—непріятности, мелкія пререканія, ничтожныя заботы, сплетни, пересуды. Хозяйственныя дрязги наводили на него тоску (Тургеневъ).

Лежанка—длинный и низкій выступъ у печи, на которомъ лежатъ и грѣются. Пріятно думать у лежанки (Пушк.).

Узваръ—вареные сухіе плоды.

Попускать—1) то же, что допустить; 2) давать потачку, отсюда **попущеніе** и **попустительство**.

Ключникъ, ключница—служитель, завѣдующій съѣстными припасами въ домѣ.

Тендитный—слабосильный, нѣжный.

Политика—1) наука объ управленіи государствомъ; 2) вопросы объ отношеніи государствъ между собой—о войнѣ и мирѣ и т. п.

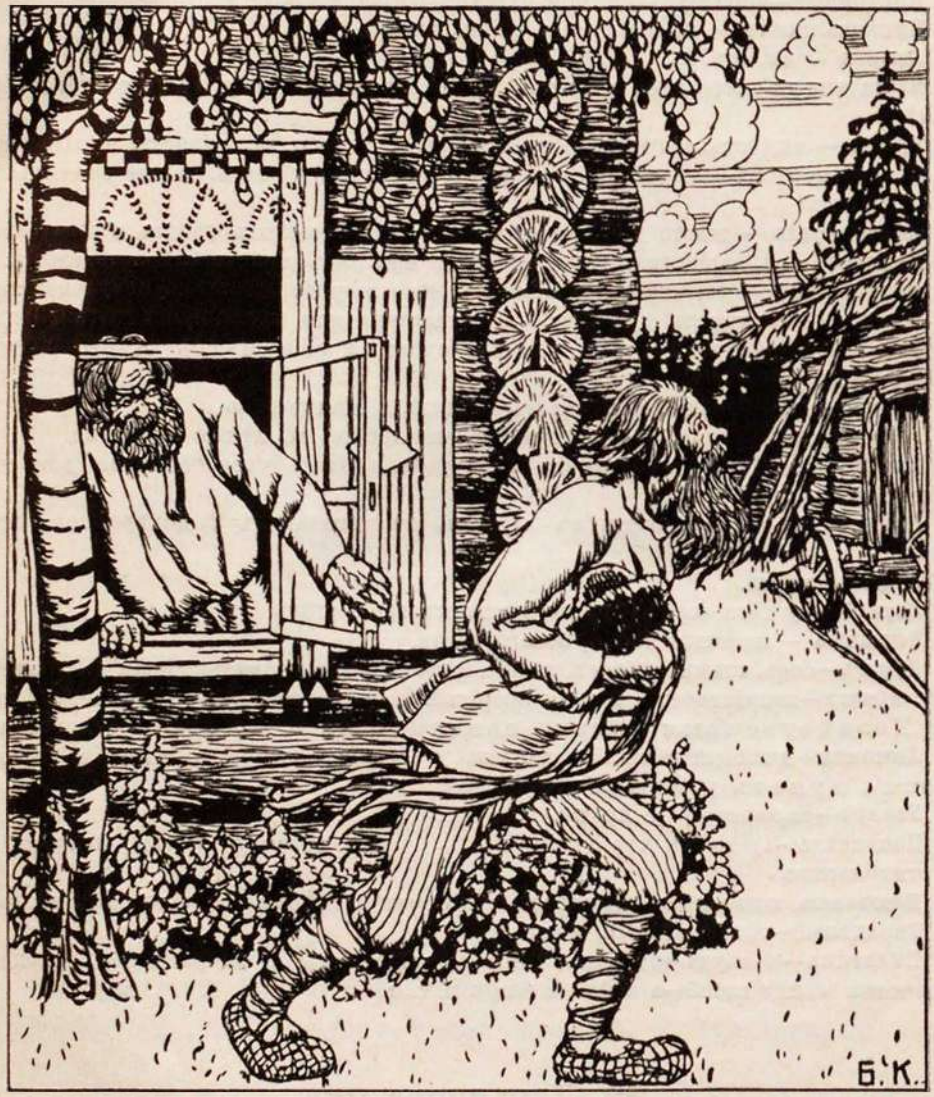
*

89. Демьянова уха.

Басня *И. Крылова.*

„Сосѣдушка, мой свѣтъ!
Пожалуйста, покушай".
— „Сосѣдушка, я сытъ по горло".—„Нужды нѣтъ,
еще тарелочку; послушай:
ушица, ей-же-ей, на славу сварена!"
— „Я три тарелки съѣлъ".—„И, полно, что за счеты!

Лишь стало бы охоты,
а то во здравье ѣшь до дна!
Что за уха! Да какъ жирна:
какъ будто янтаремъ подернулась она.



Потѣшь же, миленькій дружочекъ!
Вотъ лещикъ, потроха, вотъ стерляди кусочекъ!
Еще хоть ложечку! Да кланяйся, жена!“
Такъ потчевалъ сосѣдъ-Демьянъ сосѣда-Фоку
и не давалъ ему ни отдыху ни сроку;
а съ Фоки ужъ давно катился градомъ потъ.

Однакоже еще тарелку онъ беретъ,
сбирается съ послѣдней силой
и очищаетъ всю. „Вотъ друга я люблю!“
вскричалъ Демьянъ: „зато ужъ чванныхъ не терплю.
Ну, скушай же еще тарелочку, мой милый!“
Тутъ бѣдный Фока мой,
какъ ни любилъ уху, но отъ бѣды такой,
схватя въ охапку
кушакъ и шапку,
скорѣй безъ памяти домой,
и съ той поры къ Демьяну ни ногой.

Нужды нѣтъ—буквально: нѣтъ бѣды, не бѣда, а также: даромъ что, хотя. Нужды нѣтъ, что въ двухъ шагахъ отъ Китая, но не достанешь и чашки хорошаго чаю (Гонч.).

Подернуться — слегка чѣмъ-нибудь покрыться. Озеро подернулось рябью.

Потроха—внутренности животнаго; отсюда глаголъ **потрошить**. Выбравъ лучшаго себѣ барана въ стадѣ, спокойно пастухи барашка потрошатъ (Крыл.).

Срокъ—здѣсь означаетъ отсрочка, промедленіе. Что значитъ **срочный**? Назовите рядъ примѣровъ на это слово.

Чванный—надменный, спесивый, гордый. Отсюда глаголъ **чваниться**.

*

90. Лжецъ.

Басня *И. Крылова.*

Изъ дальнихъ странствій возвратясь,
какой-то дворянинъ (а можетъ-быть, и князь),
съ пріятелемъ своимъ пѣшкомъ гуляя въ полѣ,
расхвастался о томъ, гдѣ онъ бывалъ,
и къ былямъ небылицъ безъ счету прилыгалъ.
„Нѣтъ“, говоритъ: „что я видалъ,
того ужъ не увижу болѣ.
Что здѣсь у васъ за край?
То холодно, то очень жарко,
то солнце спрячется, то свѣтитъ слишкомъ ярко,
вотъ тамъ-то прямо рай!
И вспомнить, такъ душѣ отрада!
Ни шубъ ни свѣчъ совсѣмъ не надо:
не знаешь вѣкъ, что есть ночная тѣнь,
и круглый Божій годъ все видишь майскій день.

Никто тамъ ни садитъ ни сѣетъ,
а если бъ посмотрѣлъ, что тамъ растетъ и зрѣетъ!
Вотъ въ Римѣ, напримѣръ, я видѣлъ огурецъ,—
ахъ, мой Творецъ!
И по сію не вспомнюсь пору!
Повѣришь ли? ну, право, былъ онъ съ гору".
—„Что за диковина!" пріятель отвѣчалъ:
„на свѣтѣ чудеса разсѣяны повсюду;
да не вездѣ ихъ всякій примѣчалъ.
Мы сами вотъ теперь подходимъ къ чуду,
какого ты нигдѣ, конечно, не встрѣчалъ,
и я въ томъ спорить буду.
Вонъ, видишь ли черезъ рѣку тотъ мостъ,
куда намъ путь лежитъ? Онъ съ виду хоть и простъ,
а свойство чудное имѣетъ:
лжецъ ни одинъ у насъ по немъ пройти не смѣетъ:
до половины не дойдетъ —
провалится и въ воду упадетъ;
но кто не лжетъ
ступай по немъ, пожалуй, хоть въ каретѣ".
—„А какова у васъ рѣка?"
—„Да не мелка.
Такъ видишь ли, мой другъ, чего-то нѣтъ на свѣтѣ!
Хоть римскій огурецъ великъ, нѣтъ спору въ томъ,
вѣдь съ гору, кажется, ты такъ сказалъ о немъ?"
—„Гора хоть не гора, но, право, будетъ съ домъ".
—„Повѣрить трудно!
Однакожъ, какъ ни чудно,
а все чудёнъ и мостъ, по коемъ мы пойдемъ,
что онъ лжеца никакъ не поднимаетъ;
и нынѣшней еще весной
съ него обрушились (весь городъ это знаетъ)
два журналиста да портной.
Безспорно, огурецъ и съ домъ величиной
диковинка, коль это справедливо".
—„Ну, не такое еще диво;
вѣдь надо знать, какъ вещи есть:
не думай, что вездѣ по-нашему хоромы;
что тамъ за домы?

Въ одинъ двоимъ за нужду влѣзть,
и то ни стать ни сѣсть!“
—„Пусть такъ, но все признаться должно,
что огурецъ не грѣхъ за диво счесть,

въ которомъ двумъ усѣсться можно.
Однакожъ, мостъ-атъ нашъ каковъ,
что лгунъ не сдѣлаетъ по немъ пяти шаговъ,
какъ тотчасъ въ воду!
Хоть римскій твой и чуденъ огурецъ...“
—„Послушай-ка“, тутъ перервалъ мой лжецъ:
„чѣмъ на мостъ намъ итти, поищемъ лучше броду“.

Расхвастаться — что обозначаетъ приставка раз? Назовите другіе такіе же примѣры.

Быль—1) то, что дѣйствительно было. Передъ нимъ молва бѣжала, быль и небыль разглашала (Пушкинъ). 2) разсказъ объ истинномъ происшествіи. Сказка — складка, а пѣсня — быль. Въ противоположность этому—**небыль**, чаще употребл. **небылица.**

Прилыгать, прилгать — прибавлять ложь къ истинѣ или мѣшать выдумки съ правдой. Назовите другія такія же выраженія, какъ, напр., **присочинять.**

Спорить въ чемъ — мало употребительное выраженіе. Какъ обыкновенно говорится?

Обрушиваться — падать, разсыпаться, проваливаться, разваливаться врозь. Лѣса у строющагося дома обрушились. А что значитъ въ переносномъ смыслѣ: онъ на меня ни съ того ни съ сего обрушился?

Журналистъ—писатель, работающій въ журналахъ и газетахъ.

Пословица: *Ложью свѣтъ пройдешь, да назадъ не вернешься.*

*

91. Бѣжинъ лугъ.

Разсказъ *И. Тургенева.*

Охотился я однажды за тетеревами въ Чернскомъ уѣздѣ Тульской губерніи. Я нашелъ и настрѣлялъ довольно много дичи; наполненный ягдташъ немилосердно рѣзалъ мнѣ плечо; но уже вечерняя заря погасала, и въ воздухѣ, еще свѣтломъ, хотя не озаренномъ болѣе лучами закатившагося солнца, начинали густѣть и разливаться холодныя тѣни, когда я рѣшился, наконецъ, вернуться къ себѣ домой. Быстрыми шагами прошелъ я длинную „площадь“ кустовъ, взобрался на холмъ и, вмѣсто ожиданной знакомой равнины съ дубовымъ лѣскомъ направо и низенькой бѣлой церковью въ отдаленіи, увидалъ совершенно другія, мнѣ неизвѣстныя мѣста. У ногъ моихъ тянулась узкая долина; прямо напротивъ крутой стѣной возвышался частый осинникъ. Я остановился въ недоумѣніи, оглянулся... „Эге!“ подумалъ я: „да это я совсѣмъ не туда попалъ: я слишкомъ забралъ вправо“, и, самъ дивясь своей ошибкѣ, проворно спустился съ холма. Меня тотчасъ

охватила непріятная, неподвижная сырость, точно я вошелъ въ погребъ; густая высокая трава на днѣ долины, вся мокрая, бѣлѣла ровной скатертью; ходить по ней было какъ-то жутко. Я поскорѣй выкарабкался на другую сторону и пошелъ, забирая влѣво, вдоль осинника. Летучія мыши уже носились надъ его заснувшими верхушками, таинственно кружась и дрожа на смутно-ясномъ небѣ; рѣзво и прямо пролетѣлъ въ вышинѣ запоздалый ястребокъ, спѣша въ свое гнѣздо. „Вотъ, какъ только я выйду на тотъ уголъ“, думалъ я про себя, „тутъ сейчасъ и будетъ дорога; а съ версту крюку я далъ!“

Я добрался, наконецъ, до угла лѣса, но тамъ не было никакой дороги; какіе-то некошенные низкіе кусты широко разстилались передо мною, а за ними, далеко, далеко, виднѣлось пустынное поле. Я опять остановился. „Что за притча?.. Да гдѣ же я?“ Я сталъ припоминать, какъ и куда ходилъ въ теченіе дня... „Э! да это Парахинскіе кусты!“ воскликнулъ я наконецъ: „точно! вонъ это, должно быть, Синдѣевская роща... Да какъ же это я сюда зашелъ? Такъ далеко?.. Странно! Теперь опять нужно вправо взять“.

Уже я съ трудомъ различалъ отдаленные предметы: поле неясно бѣлѣло вокругъ; за нимъ, съ каждымъ мгновеніемъ, надвигаясь громадными клубами, вздымался угрюмый мракъ. Глухо отдавались мои шаги въ застывающемъ воздухѣ. Поблѣднѣвшее небо стало опять синѣть,—но то уже была синева ночи. Звѣздочки замелькали, зашевелились на немъ.

Около получаса шелъ я такъ, съ трудомъ переставляя ноги. Казалось, отъ роду не бывалъ я въ такихъ пустыхъ мѣстахъ: нигдѣ не мерцалъ огонекъ, не слышалось никакого звука. Одинъ пологій холмъ смѣнялся другимъ, поля безконечно тянулись за полями, кусты словно вставали вдругъ изъ земли передъ самымъ моимъ носомъ. Я все шелъ, и уже собрался-было прилечь гдѣ-нибудь до утра, какъ вдругъ очутился надъ страшной бездной.

Я быстро отдернулъ занесенную ногу и, сквозь едва прозрачный сумракъ ночи, увидѣлъ далеко подъ собою огромную равнину. Широкая рѣка огибала ее уходящимъ отъ меня полукругомъ; стальные отблески воды, изрѣдка и смутно мерцая, обозначали ея теченье. Холмъ, на которомъ я находился, спускался вдругъ почти отвѣснымъ обрывомъ; его громадныя очертанія отдѣлялись, чернѣя, отъ синеватой воздушной пустоты, и прямо подо мною, въ углу, образованномъ тѣмъ обрывомъ и равниной, возлѣ рѣки, которая

въ этомъ мѣстѣ стояла неподвижнымъ, темнымъ зеркаломъ, подъ самой кручью холма, краснымъ пламенемъ горѣли и дымились другъ подлѣ дружки два огонька. Вокругъ нихъ копошились люди, колебались тѣни, иногда ярко освѣщалась передняя половина маленькой кудрявой головы...

Я узналъ, наконецъ, куда я зашелъ. Этотъ лугъ славится въ нашихъ околоткахъ подъ названіемъ Бѣжина луга... Но вернуться домой не было никакой возможности, особенно въ ночную пору; ноги подкашивались подо мной отъ усталости. Я рѣшилъ подойти къ огонькамъ и, въ обществѣ тѣхъ людей, которыхъ принялъ за гуртовщиковъ, дождаться зари. Я благополучно спустился внизъ, но не успѣлъ выпустить изъ рукъ послѣднюю, ухваченную мною вѣтку, какъ вдругъ двѣ большія бѣлыя, лохматыя собаки со злобнымъ лаемъ бросились на меня. Дѣтскіе звонкіе голоса раздались вокругъ огней; два-три мальчика быстро поднялись съ земли. Я откликнулся на ихъ вопросительные крики. Они подбѣжали ко мнѣ, отозвали тотчасъ собакъ, которыхъ особенно поразило появленіе моей Діанки, и я подошелъ къ нимъ.

Я ошибся, принявъ людей, сидѣвшихъ вокругъ тѣхъ огней, за гуртовщиковъ. Это просто были крестьянскіе ребятишки изъ сосѣдней деревни, которые стерегли табунъ. Въ жаркую лѣтнюю пору лошадей выгоняютъ у насъ на ночь кормиться въ поле: днемъ мухи и оводы не дали бы имъ покоя. Выгонять передъ вечеромъ и пригонять на утренней зарѣ табунъ—большой праздникъ для крестьянскихъ мальчиковъ. Сидя безъ шапокъ и въ старыхъ полушубкахъ на самыхъ бойкихъ клячонкахъ, мчатся они съ веселымъ гиканьемъ и крикомъ, болтая руками и ногами, высоко подпрыгиваютъ, звонко хохочутъ. Легкая пыль желтымъ столбомъ поднимается и несется по дорогѣ; далеко разносится дружный топотъ, лошади бѣгутъ, навостривъ уши; впереди всѣхъ, задравши хвостъ и безпрестанно мѣняя ногу, скачетъ какой-нибудь рыжій косматъ, съ репейниками въ спутанной гривѣ.

Я сказалъ мальчикамъ, что заблудился, и подсѣлъ къ нимъ. Они спросили меня, откуда я, помолчали, посторонились. Мы немного поговорили. Я прилегъ подъ обглоданный кустикъ и сталъ глядѣть кругомъ. Картина была чудесная: около огней дрожало и какъ будто замирало, упираясь въ темноту, круглое красноватое отраженіе; пламя, вспыхивая, изрѣдка забрасывало за черту того круга быстрые отблески; тонкій языкъ свѣта лизнетъ

голые сучья лозняка и разомъ исчезнетъ; острыя, длинныя тѣни, врываясь на мгновеніе, въ свою очередь, добѣгали до самыхъ огоньковъ: мракъ боролся со свѣтомъ. Иногда, когда пламя горѣло слабѣе и кружокъ свѣта суживался, изъ надвинувшейся тьмы внезапно выставлялась лошадиная голова, гнѣдая, съ извилистой проточиной, или вся бѣлая, внимательно и тупо смотрѣла на насъ, проворно жуя длинную траву, и, снова опускаясь, тотчасъ скрывалась. Только слышно было, какъ она продолжала жевать и отфыркивалась. Изъ освѣщеннаго мѣста трудно разглядѣть, что дѣлается въ потемкахъ, и потому вблизи все казалось задернутымъ почти черной завѣсой; но далѣе къ небосклону длинными пятнами смутно виднѣлись холмы и лѣса. Темное, чистое небо торжественно и необъятно-высоко стояло надъ нами со всѣмъ своимъ таинственнымъ великолѣпіемъ. Сладко стѣснялась грудь, вдыхая тотъ особенный, томительный и свѣжій запахъ—запахъ русской лѣтней ночи. Кругомъ не слышалось почти никакого шума... Лишь изрѣдка въ близкой рѣкѣ съ внезапной звучностью плеснетъ большая рыба, и прибрежный тростникъ слабо зашумитъ, едва поколебленный набѣжавшей волной... Одни огоньки тихонько потрескивали.

Мальчики сидѣли вокругъ ихъ; тутъ же сидѣли и тѣ двѣ собаки, которымъ такъ было захотѣлось меня съѣсть. Онѣ еще долго не могли примириться съ моимъ присутствіемъ и, сонливо щурясь и косясь на огонь, изрѣдка рычали съ необыкновеннымъ чувствомъ собственнаго достоинства; сперва рычали, а потомъ слегка визжали, какъ бы сожалѣя о невозможности исполнить свое желаніе. Всѣхъ мальчиковъ было пять: Ѳедя, Павлуша, Илюша, Костя и Ваня. (Изъ ихъ разговоровъ я узналъ ихъ имена).

Итакъ, я лежалъ подъ кустикомъ въ сторонѣ и поглядывалъ на мальчиковъ. Небольшой котельчикъ висѣлъ надъ однимъ изъ огней; въ немъ варились „картошки“. Павлуша наблюдалъ за нимъ и, стоя на колѣняхъ, тыкалъ щепкой въ закипавшую воду. Ѳедя лежалъ, опершись на локоть и раскинувъ полы своего армяка. Илюша сидѣлъ рядомъ съ Костей и все такъ же напряженно щурился. Костя понурилъ немного голову и глядѣлъ куда-то вдаль. Ваня не шевелился подъ своей рогожей. Я притворился спящимъ. Понемногу мальчики опять разговорились.

Сперва они покалякали о томъ о семъ, о завтрашнихъ работахъ, о лошадяхъ; но вдругъ Ѳедя обратился къ Илюшѣ и, какъ бы возобновляя прерванный разговоръ, спросилъ его:

— Ну, и что жъ ты, такъ и видѣлъ домового?

— Нѣтъ, я его не видалъ, да его и видѣть нельзя, — отвѣчалъ Илюша сиплымъ и слабымъ голосомъ, звукъ котораго какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ выраженію его лица:—а слышалъ... Да и не я одинъ.

— А онъ у васъ гдѣ водится?—спросилъ Павлуша.

— Въ старой рольнѣ.

— А развѣ вы на фабрику ходите?

— Какъ же, ходимъ. Мы съ братомъ, съ Авдюшкой, въ лисовщикахъ состоимъ.

— Вишь ты—фабричные!...

— Ну, такъ какъ же ты его слышалъ?—спросилъ Ѳедя.

— А вотъ какъ. Пришлось намъ съ братомъ Авдюшкой, да съ Ѳедоромъ Михѣевскимъ, да съ Ивашкой Косымъ, да съ другимъ Ивашкой, что съ Красныхъ Холмовъ, да еще съ Ивашкой Сухоруковымъ, да еще были тамъ другіе ребятишки; всѣхъ было насъ ребятокъ человѣкъ десять—какъ есть вся смѣна; но а пришлось намъ въ рольнѣ заночевать, то-есть не то, чтобы этакъ пришлось, а Назаровъ, надсмотрщикъ, запретилъ; говоритъ: что, молъ, вамъ, ребяткамъ, домой таскаться; завтра работы много, такъ вы, ребятки, домой не ходите. Вотъ мы остались и лежимъ всѣ вмѣстѣ, и зачалъ Авдюшка говорить, что, молъ, ребята, ну, какъ домовой придетъ?... И не успѣлъ онъ, Авдей-отъ, проговорить, какъ вдругъ кто-то надъ головами у насъ и заходилъ; но а лежали-то мы внизу, а заходилъ онъ наверху, у колеса. Слышимъ мы: ходитъ, доски подъ нимъ такъ и гнутся, такъ и трещатъ; вотъ прошелъ онъ черезъ наши головы; вода вдругъ по колесу какъ защумитъ, защумитъ; застучитъ, застучитъ колесо, завертится; но а заставки у дворца-то спущены. Дивимся мы: кто жъ это ихъ поднялъ, что вода пошла; однако, колесо повертѣлось, повертѣлось да и стало. Пошелъ тотъ опять къ двери наверху, да по лѣстницѣ спущаться сталъ, и этакъ спущается, словно не торопится; ступеньки подъ нимъ такъ даже и стонутъ... Ну, подошелъ тотъ къ нашей двери, подождалъ, подождалъ,—дверь вдругъ вся такъ и распанулась. Всполохнулись мы, смотримъ—ничего... Вдругъ, глядь, у одного чана форма зашевелилась, поднялась, окунулась, походила, походила этакъ по воздуху, словно кто ею полоскалъ, да и опять на мѣсто. Потомъ у другого чана крюкъ снялся съ гвоздя, да опять на гвоздь; потомъ

будто кто-то къ двери пошелъ, да вдругъ какъ закашляетъ, какъ заперхаетъ, словно овца какая, да зычно такъ... Мы всѣ такъ ворохомъ и свалились, другъ подъ дружку полѣзли... Ужъ какъ же мы напужались о ту пору!

— Вишь какъ! — промолвилъ Павелъ.—Чего жъ онъ раскашлялся?

— Не знаю; можетъ, отъ сырости.

Всѣ помолчали.

— А что,—спросилъ Ѳедя:—картошки сварились?

Павлуша пощупалъ ихъ.

— Нѣтъ, еще сыры... Вишь, плеснула, — прибавилъ онъ, повернувъ лицо въ направленіи рѣки:—должно быть, щука... А вонъ звѣздочка покатилась.

— Нѣтъ, я вамъ что, братцы, разскажу, — заговорилъ Костя тонкимъ голоскомъ:—послушайте-ка, намеднись что́ тятя при мнѣ разсказывалъ.

— Ну, слушаемъ, — съ покровительствующимъ видомъ сказалъ Ѳедя.

— Вы, вѣдь, знаете Гаврилу, слободскаго плотника?

— Ну да; знаемъ.

— А знаете ли, отчего онъ такой все невеселый, все молчитъ, знаете? Вотъ отчего онъ такой невеселый: пошелъ онъ разъ, тятенька говорилъ, пошелъ онъ, братцы мои, въ лѣсъ по орѣхи. Вотъ, пошелъ онъ въ лѣсъ по орѣхи да и заблудился; зашелъ, Богъ знаетъ, куды зашелъ. Ужъ онъ ходилъ, ходилъ, братцы мои—нѣтъ! не можетъ найти дороги; а ужъ ночь на дворѣ. Вотъ и присѣлъ онъ подъ дерево; давай, молъ, дождусь утра, — присѣлъ и задремалъ. Вотъ задремалъ и слышитъ вдругъ, кто-то его зоветъ. Смотритъ — никого. Онъ опять задремалъ, — опять зовутъ. Онъ опять глядитъ, глядитъ; а передъ нимъ на вѣткѣ русалка сидитъ, качается и его къ себѣ зоветъ, а сама помираетъ со смѣху, смѣется... А мѣсяцъ-то свѣтилъ сильно, такъ сильно, явственно свѣтитъ мѣсяцъ,—все, братцы мои, видно. Вотъ зоветъ она его, и такая вся сама свѣтленькая, бѣленькая, сидитъ на вѣткѣ, словно плотичка какая или пескарь,—а то вотъ еще карась бываетъ такой бѣлесоватый, серебряный... Гаврила-то плотникъ такъ и обмеръ, братцы мои, а она, знай, хохочетъ, да его все къ себѣ этакъ рукой зоветъ. Ужъ Гаврило было и всталъ, послушался-было русалки, братцы мои, да, знать, Господь

его надоумилъ: положилъ-таки на себя крестъ... А ужъ какъ ему было трудно крестъ-то класть, братцы мои; говоритъ: рука просто, какъ каменная, не ворочается... Ахъ ты, этакой, а!... Вотъ какъ положилъ онъ крестъ, братцы мои, русалочка-то и смѣяться перестала, да вдругъ какъ заплачетъ... Плачетъ она, братцы мои, глаза волосами утираетъ, а волоса у нея зеленые, что́ твоя конопля. Вотъ, поглядѣлъ, поглядѣлъ на нее Гаврила, да и сталъ ее спрашивать: „чего ты, лѣсное зелье, плачешь?“ А русалка - то какъ взговоритъ ему: „не креститься бы тебѣ“, говоритъ, „человѣче, жить бы тебѣ со мной на веселіи до конца дней; а плачу я, убиваюсь оттого, что ты крестился; да не я одна убиваться буду: убивайся же и ты до конца дней“. Тутъ она, братцы мои, пропала, а Гаврилѣ тотчасъ и понятственно стало, какъ ему изъ лѣсу, то-есть, вытти... А только съ тѣхъ поръ вотъ онъ все невеселый ходитъ.

— А слыхали вы, ребятки, — началъ Илюша: — что намеднись у насъ на Варнавицахъ приключилось?

— На плотинѣ-то? — спросилъ Ѳедя.

— Да, да, на плотинѣ, на прорванной. Вотъ ужъ нечистое мѣсто, такъ нечистое, и глухое такое. Кругомъ все такіе буераки, овраги, а въ оврагахъ все козюли водятся.

— Ну, что такое случилось? сказывай...

— А вотъ что случилось. Ты, можетъ-быть, Ѳедя, не знаешь, а только тамъ у васъ утопленникъ похороненъ; а утопился онъ давнымъ-давно, какъ прудъ еще былъ глубокъ; только могилка его еще видна, да и та чуть видна: такъ—бугорочекъ... Вотъ, надняхъ, зоветъ приказчикъ псаря Ермила; говоритъ: ступай, молъ, Ермилъ, на пошту. Ермилъ у насъ завсегда на пошту ѣздитъ; собакъ-то онъ всѣхъ своихъ поморилъ: не живутъ онѣ у него отчего-то, такъ-таки никогда и не жили, а псарь онъ хорошій, всѣмъ взялъ. Вотъ поѣхалъ Ермилъ за поштой, да и замѣшкался въ городѣ, но а ѣдетъ назадъ ужъ онъ хмеленъ. А ночь, и свѣтлая ночь: мѣсяцъ свѣтитъ... Вотъ и ѣдетъ Ермилъ черезъ плотину: такая ужъ его дорога вышла. Ѣдетъ онъ этакъ, псарь Ермилъ, и видитъ: у утопленника на могилѣ барашекъ, бѣлый такой, кудрявый, хорошенькій, похаживаетъ. Вотъ и думаетъ Ермилъ: сѣмъ возьму его,—что ему такъ пропадать, да и слѣзъ, и взялъ его на руки... Но а барашекъ—ничего. Вотъ идетъ Ермилъ къ лошади, а лошадь отъ него таращится, храпитъ, головой тря-

сетъ; однако, онъ ее отпрукалъ, сѣлъ на нее съ барашкомъ и поѣхалъ опять, барашка передъ собой держитъ. Смотритъ онъ на него, и барашекъ ему прямо въ глаза такъ и глядитъ. Жутко ему стало, Ермилу-то псарю: что, молъ, не помню я, чтобы этакъ бараны кому въ глаза смотрѣли; однако, ничего; сталъ онъ его этакъ по шерсти гладить,—говоритъ: „бяша, бяша!“ А баранъ-то вдругъ какъ оскалитъ зубы, да ему тоже: „бяша, бяша“...

Не успѣлъ разсказчикъ произнести это послѣднее слово, какъ вдругъ обѣ собаки разомъ поднялись, съ судорожнымъ лаемъ ринулись прочь отъ огня и исчезли во мракѣ. Всѣ мальчики перепугались. Ваня выскочилъ изъ-подъ своей рогожи. Павлуша съ крикомъ бросился вслѣдъ за собаками. Лай ихъ быстро удалялся... Послышалась безпокойная бѣготня встревоженнаго табуна. Павлуша громко кричалъ: „Сѣрый! Жучка!“... Черезъ нѣсколько мгновеній лай замолкъ; голосъ Павла принесся уже издалека... Прошло еще немного времени; мальчики съ недоумѣніемъ переглядывались, какъ бы выжидая, что-то будетъ... Внезапно раздался топотъ скачущей лошади; круто остановилась она у самаго костра, и, уцѣпившись за гриву, проворно спрыгнулъ съ нея Павлуша. Обѣ собаки также вскочили въ кружокъ свѣта и тотчасъ сѣли, высунувъ красные языки.

— Что тамъ? что такое?—спросили мальчики.

— Ничего,—отвѣчалъ Павелъ, махнувъ рукой на лошадь: — такъ, что-то собаки зачуяли. Я думалъ волкъ,—прибавилъ онъ равнодушнымъ голосомъ, проворно дыша всей грудью.

Я невольно полюбовался Павлушей. Онъ былъ очень хорошъ въ это мгновеніе. Его некрасивое лицо, оживленное быстрой ѣздой, горѣло смѣлой удалью и твердой рѣшимостью. Безъ хворостинки въ рукѣ, ночью, онъ, нимало не колеблясь, поскакалъ одинъ на волка... „Что за славный мальчикъ!“ думалъ я, глядя на него.

— А видали ихъ, что ли, волковъ-то? — спросилъ трусишка Костя.

— Ихъ всегда здѣсь много, — отвѣчалъ Павелъ: — да они безпокойны только зимой.

— А скажи, пожалуй, Павлуша, — началъ Ѳедя:—что у васъ тоже въ Шаломовѣ было видать предвидѣнье-то небесное?

— Какъ солнца-то не стало видно? Какъ же.

— Чай, напугались и вы?

— Да не мы одни. Баринъ-то нашъ, хоша и толковалъ намъ напредки, что, дескать, будетъ вамъ предвидѣнье, а какъ затемнѣло, самъ, говорятъ, такъ перетрусился, что на-поди. А на дворовой избѣ баба стряпуха, такъ та, какъ только затемнѣло, слышь, взяла да ухватомъ всѣ горшки перебила въ печи: „кому теперь ѣсть“, говоритъ, „наступило свѣтопреставленіе“. Такъ шти и потекли. А у насъ въ деревнѣ такіе, братъ, слухи ходили, что, молъ, бѣлые волки по землѣ побѣгутъ, людей ѣсть будутъ, хищная птица полетитъ, а то и самого Тришку увидятъ.

— Какого это Тришку?—спросилъ Костя.

— А ты не знаешь? — съ жаромъ подхватилъ Илюша: — ну, братъ, откентелева же ты, что Тришки не знаешь? Сидни же у васъ въ деревнѣ сидятъ, вотъ ужъ точно сидни! Тришка — эвто будетъ такой человѣкъ удивительный, который придетъ; а придетъ онъ такой удивительный человѣкъ, что его и взять нельзя будетъ, и ничего ему сдѣлать нельзя будетъ: такой ужъ будетъ удивительный человѣкъ. Захотятъ его, напримѣръ, взять хрестьяне: выйдутъ на него съ дубьемъ, оцѣпятъ его, но а онъ имъ глаза отведетъ—такъ отведетъ имъ глаза, что они же сами другъ друга побьютъ. Въ острогъ его посадятъ, напримѣръ, — онъ попроситъ водицы испить въ ковшикѣ: ему принесутъ ковшикъ, а онъ нырнетъ туда, да и поминай, какъ звали. Цѣпи на него надѣнутъ, а онъ въ ладошки затрепещется,—онѣ съ него такъ и попадаютъ. Ну, и будетъ ходить этотъ Тришка по селамъ да по городамъ; и будетъ этотъ Тришка, лукавый человѣкъ, соблазнять народъ хрестіянскій... ну, а сдѣлать ему нельзя будетъ ничего... Ужъ такой онъ будетъ удивительный, лукавый человѣкъ.

— Ну да,—продолжалъ Павелъ своимъ неторопливымъ голосомъ:—такой. Вотъ его-то и ждали у насъ. Говорили старики, что вотъ, молъ, какъ только предвидѣнье небесное зачнется, такъ Тришка и придетъ. Вотъ и зачалось предвидѣнье. Высыпалъ весь народъ на улицу, въ поле, ждетъ, что будетъ. А у насъ, вы знаете, мѣсто видное, привольное. Смотрятъ—вдругъ отъ слободки съ горы идетъ какой-то человѣкъ, такой мудреный, голова такая удивительная... всѣ какъ крикнутъ: „ой, Тришка идетъ! ой, Тришка идетъ!“ да кто куды! Староста нашъ въ канаву залѣзъ; старостиха въ подворотнѣ застряла, благимъ матомъ кричитъ, свою же дворовую собаку такъ запужала, что та съ цѣпи долой, да черезъ плетень, да въ лѣсъ; а Кузькинъ отецъ, Дорофѣичъ,

вскочилъ въ овесъ, присѣлъ, да и давай кричать перепеломъ: „авось, молъ, хоть птицу-то врагъ, душегубецъ пожалѣетъ“. Таково-то всѣ переполошились!... А человѣкъ-то это шелъ нашъ бочаръ, Вавила: жбанъ себѣ новый купилъ, да на голову пустой жбанъ и надѣлъ.

Всѣ мальчики засмѣялись и опять пріумолкли на мгновенье, какъ это часто случается съ людьми, разговаривающими на открытомъ воздухѣ. Я поглядѣлъ кругомъ: торжественно и царственно стояла ночь; сырую свѣжесть поздняго вечера смѣнила полуночная сухая теплынь, и еще долго было ей лежать мягкимъ пологомъ на заснувшихъ поляхъ; еще много времени оставалось до перваго лепета, до первыхъ росинокъ зари. Луны не было на небѣ: она въ ту пору поздно всходила. Безчисленныя, золотыя звѣзды, казалось, тихо текли всѣ, наперерывъ мерцая, по направленію млечнаго пути, и, право, глядя на нихъ, вы какъ будто смутно чувствовали сами стремительный, безостановочный бѣгъ земли... Странный, рѣзкій, болѣзненый крикъ раздался вдругъ два раза сряду надъ рѣкой и, спустя нѣсколько мгновеній, повторился уже далѣе...

Костя вздрогнулъ...

— Что это?

— Это цапля кричитъ,—спокойно возразилъ Павелъ.

— Цапля, — повторилъ Костя...—А что такое, Павлуша, я вчера слышалъ вечеромъ,—прибавилъ онъ, помолчавъ немного:— ты, можетъ-быть, знаешь...

— Что ты слышалъ?

— А вотъ что я слышалъ. Шелъ я изъ Каменной Гряды въ Шашкино; а шелъ сперва все нашимъ орѣшникомъ, а потомъ лужкомъ пошелъ—знаешь, тамъ, гдѣ онъ сугибелью выходитъ,— тамъ, вѣдь, есть бучило; знаешь, оно еще все камышомъ заросло; вотъ, пошелъ я мимо этого бучила, братцы мои, и вдругъ изъ того-то бучила какъ застонетъ кто-то, да такъ жалостливо, жалостливо: у-у... у-у... у-у! Страхъ такой меня взялъ, братцы мои: время-то позднее, да и голосъ такой болѣзный. Такъ вотъ, кажется, самъ бы и заплакалъ... Что бы это такое было? ась?

— Въ этомъ бучилѣ, въ запрошломъ лѣтѣ, Акима лѣсника утопили воры,—замѣтилъ Павлуша:—такъ, можетъ-быть, его душа жалобится.

— А, вѣдь, и то, братцы мои,—возразилъ Костя, расширивъ свои и безъ того огромные глаза...—Я и не зналъ, что Акима въ томъ бучилѣ утопили: я бы еще не такъ напужался.

— А то, говорятъ, есть такія лягушки махонькія,—продолжалъ Павелъ,—которыя такъ жалобно кричатъ.

— Лягушки? Ну, нѣтъ, это не лягушки... какія это... (Цапля опять прокричала надъ рѣкой).—Экъ ее!—невольно произнесъ Костя:—словно лѣшій кричитъ.

— Лѣшій не кричитъ, онъ нѣмой,—подхватилъ Илюша: — онъ только въ ладоши хлопаетъ да трещитъ...

— А ты его видалъ, лѣшаго-то, что ли?—насмѣшливо перебилъ его Ѳедя.

— Нѣтъ, не видалъ, и сохрани Богъ его видѣть: но а другіе видѣли. Вотъ на-дняхъ онъ у насъ мужичка обошелъ: водилъ, водилъ его по лѣсу, и все вокругъ одной поляны... Едва-те къ свѣту домой добился.

— Ну, и видѣлъ онъ его.

— Видѣлъ. Говоритъ, такой стоитъ большой, большой, темный, скутанный, этакъ словно, за деревомъ, хорошенько не разберешь, словно отъ мѣсяца прячется, и глядитъ, глядитъ глазищами-то, моргаетъ ими, моргаетъ...

— Эхъ ты!—воскликнулъ Ѳедя, слегка вздрогнувъ и передернувъ плечами:—пфу!..

— И зачѣмъ эта погань въ свѣтѣ развелась?—замѣтилъ Павелъ:—право!

— Не бранись: смотри, услышитъ,—замѣтилъ Илья.

Настало опять молчаніе.

— Гляньте-ка, гляньте-ка, ребятки,—раздался вдругъ дѣтскій голосъ Вани:—гляньте на Божьи звѣздочки,—что пчелки роятся!

Онъ выставилъ свое свѣжее личико изъ-подъ рогожи, оперся на кулачокъ и медленно поднялъ кверху свои большіе тихіе глаза. Глаза всѣхъ мальчиковъ поднялись къ небу и не скоро опустились.

— А помнишь Васю?—печально прибавилъ Костя.

— Какого Васю?—спросилъ Ѳедя.

— А вотъ того, что утонулъ,—отвѣчалъ Костя:—въ этой вотъ въ самой рѣкѣ. Ужъ какой же мальчикъ былъ! и-ихъ, какой мальчикъ былъ! Мать-то его, Ѳеклиста, ужъ какъ же она его любила, Васю-то! И словно чуяла она, Ѳеклиста-то, что ему отъ воды погибель произойдетъ. Бывало, пойдетъ-отъ Вася съ нами, съ ре-

бятками, лѣтомъ, въ рѣчку купаться,—она такъ вся и встрепещется. Другія бабы ничего, идутъ себѣ мимо съ корытами, переваливаются, а Ѳеклиста поставитъ корыто наземь и станетъ его окликать: „вернись, молъ, вернись, мой свѣтикъ! охъ, вернись, соколикъ!“—И какъ утонулъ, Господь знаетъ. Игралъ на бережку, и мать, тутъ же была, сѣно сгребала; вдругъ слышитъ, словно кто пузыри по водѣ пускаетъ,—глядь, а только ужъ одна Васина шапонька по водѣ плыветъ. Вѣдь, вотъ съ тѣхъ поръ и Ѳеклиста не въ своемъ умѣ: придетъ да и ляжетъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ утопъ; ляжетъ, братцы мои, да и затянетъ пѣсенку,—помните, Вася-то все такую пѣсенку пѣвалъ,—вотъ ее-то она и затянетъ, а сама плачетъ, плачетъ, горько Богу жалится...

— А вотъ Павлуша идетъ,—молвилъ Ѳедя.

Павелъ подошелъ къ огню съ полнымъ котельчикомъ въ рукѣ.

— Что, ребята,—началъ онъ, помолчавъ:—неладно дѣло.

— А что?—торопливо спросилъ Костя.

— Я Васинъ голосъ слышалъ.

Всѣ такъ и вздрогнули.

— Что ты, что ты?—пролепеталъ Костя.

— Ей-Богу. Только сталъ я къ водѣ нагибаться, слышу вдругъ, зовутъ меня этакъ Васинымъ голоскомъ и словно изъ-подъ воды: „Павлуша, а Павлуша, подь сюда“. Я отошелъ. Однако, воды зачерпнулъ.

— Ахъ ты, Господи! ахъ ты, Господи!—проговорили мальчики, крестясь.

— Вѣдь это тебя водяной звалъ, Павелъ,—прибавилъ Ѳедя...—А мы только что о немъ, о Васѣ-то, говорили.

— Ахъ, это примѣта дурная,—съ разстановкой проговорилъ Илюша.

— Ну, ничего, пушай!—произнесъ Павелъ рѣшительно и сѣлъ опять:—своей судьбы не минуешь.

Мальчики пріутихли. Видно было, что слова Павла произвели на нихъ глубокое впечатлѣніе. Они стали укладываться передъ огнемъ, какъ бы собираясь спать.

— Что это?—спросилъ вдругъ Костя, приподнявъ голову.

Павелъ прислушался.

— Это кулички летятъ, посвистываютъ.

— Куда жъ они летятъ?

— А туда, гдѣ, говорятъ, зимы не бываетъ.

— А развѣ есть такая земля?

— Есть.

— Далеко?

— Далеко, далеко, за теплыми морями.

Костя вздохнулъ и закрылъ глаза.

Уже болѣе трехъ часовъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ я присосѣдился къ мальчикамъ. Мѣсяцъ взошелъ наконецъ; я его не тотчасъ замѣтилъ: такъ онъ былъ малъ и узокъ. Эта безлунная ночь, казалось, была все такъ же великолѣпна, какъ и прежде... Но уже склонились къ темному краю земли многія звѣзды, еще недавно высоко стоявшія на небѣ; все совершенно затихло кругомъ, какъ обыкновенно затихаетъ все только къ утру: все спало крѣпкимъ, неподвижнымъ, передразсвѣтнымъ сномъ. Въ воздухѣ уже не такъ сильно пахло,—въ немъ снова какъ будто разливалась сырость... Не долги лѣтнія ночи!.. Разговоръ мальчиковъ угасалъ вмѣстѣ съ огнями... Собаки даже дремали; лошади, сколько я могъ различить, при чуть брезжущемъ, слабо льющемся свѣтѣ звѣздъ, тоже лежали, понуривъ головы... Слабое забытье напало на меня: оно перешло въ дремоту.

Свѣжая струя пробѣжала по моему лицу. Я открылъ глаза—утро зачиналось. Еще нигдѣ не румянилась заря, но уже забѣлѣлось на востокѣ. Все стало видно, хотя смутно видно, кругомъ. Блѣдно-сѣрое небо свѣтлѣло, холодѣло, синѣло; звѣзды то мигали слабымъ свѣтомъ, то исчезали; отсырѣла земля, запотѣли листья, кое-гдѣ стали раздаваться живые звуки, голоса, и жидкій, ранній вѣтерокъ уже пошелъ бродить и порхать надъ землею. Тѣло мое отвѣтило ему легкой, веселой дрожью. Я проворно всталъ и пошелъ къ мальчикамъ. Они всѣ спали какъ убитые вокругъ тлѣющаго костра: одинъ Павелъ приподнялся до половины и пристально поглядѣлъ на меня.

Я кивнулъ ему головой и пошелъ во-свояси, вдоль задымившейся рѣки. Не успѣлъ я отойти двухъ верстъ, какъ уже полились кругомъ меня по широкому мокрому лугу, и спереди, по зазеленѣвшимся холмамъ, отъ лѣсу до лѣсу, и сзади по длинной пыльной дорогѣ, по сверкающимъ обагреннымъ кустамъ, и по рѣкѣ, стыдливо синѣвшей изъ-подъ рѣдѣющаго тумана,—полились сперва алые, потомъ красные, золотые потоки молодого, горячаго свѣта... Все зашевелилось, проснулось, запѣло, зашумѣло, заговорило. Всюду лучистыми алмазами зардѣлись крупныя капли росы;

мнѣ навстрѣчу, чистые и ясные, словно тоже обмытые утренней прохладой, принеслись звуки колокола, и вдругъ мимо меня, погоняемый знакомыми мальчиками, промчался отдохнувшій табунъ...

Я, къ сожалѣнію, долженъ прибавить, что въ томъ же году Павла не стало. Онъ не утонулъ: онъ убился, упавъ съ лошади. Жаль, славный былъ парень!

Ягдташъ (нѣм. сл.)—охотничья сумка для дичи.

Забирать, забрать куда-нибудь—направлять свой ходъ или бѣгъ въ ту или въ другую сторону, не по прямому направленію. А что значатъ выраженія: Молодой человѣкъ неглупый, но много забралъ себѣ въ голову (Гог.).—Ишь волю забралъ!—Перегородку забрали на половину досками.—Онъ забираетъ въ долгъ въ сосѣдней лавочкѣ.—Парня забрали въ рекруты.—Забрало меня за живое.

Крюкъ—окольный путь, обходъ, заворотъ дороги или рѣки. А еще что значитъ крюкъ?

Подкашивать, подкосить—срѣзывать, подсѣкать косой. Зажужжи, коса, засверкай кругомъ! зашуми, трава подкошонная (Кольц.).—Подкошенная трава и въ полѣ сохнетъ. **Подкашиваться**, подкоситься — едва устоять, упасть. Подкосились рѣзвы ноженьки (пѣсня).

Гуртовщикъ—1) торгующій скотомъ; 2) пасущій гуртъ (стадо, пригоняемое на продажу).

Гиканье—громкій, короткій крикъ.

Косматъ—нечесанный, растрепанный, всклокоченный (отъ сл. косма—всклокоченная прядь волосъ).

Обглоданный—объѣденный, обгрызанный. Обыкновенно говорятъ о костяхъ: обглоданная кость.

Рольня—строеніе на бумажныхъ фабрикахъ, гдѣ въ чанахъ вычерпываютъ бумагу.

Лисовщикъ—тотъ, кто гладитъ, скоблитъ бумагу.

Дворецъ—деревянный ящикъ, по которому вода бѣжитъ на колеса водяной мельницы. А какое обыкновенное значеніе этого слова?

Форма—сѣтка, которой черпаютъ бумагу.

Заперхать, перхать—кашлять, говорится больше о животныхъ.

Ворохъ—куча, безпорядочная груда. Чужой ворохъ ворошить, только глаза порошить.

Надоумить—наставлять, поучать, наводить на умъ. Умъ да разумъ надоумятъ сразу.—Разокъ надоумить можно, а на вѣкъ ума не дашь.

Буеракъ—оврагъ, углубленіе между двумя возвышенными мѣстами. Черезъ ручьи, буераки и рвы бѣшено мчится (Некрасовъ).

Козюли—такъ въ Орловской губ. называютъ змѣй.

Сѣмъ (пишется и семъ)—а ну, давай, ну-ка, начнемъ.

Взять чѣмъ—значить отличаться достоинствами. Онъ бы всѣмъ взялъ, и умомъ и способностями, да лѣнивъ.

Таращиться—упираться, упрямиться, нейти.

Тпрукать—успокоить лошадь тпруканьемъ.

Предвидѣнье небесное—такъ называли въ Орловской губ. солнечное затменіе.

Напредки—впредь, на будущее время. Напредки не загадывай: что Богъ дастъ.

На-поди—выражаетъ недоумѣніе, неожиданную непріятность: вотъ и думай, и дѣлай, что знаешь.

Свѣтопреставленіе—кончина міра, переворотъ во вселенной, ожидаемый по пророчествамъ.

Въ повѣрьѣ о **„Тришкѣ"**, вѣроятно, отозвалось сказаніе объ антихристѣ.

Откентелева—откуда, отколь.

Сидень—кто много сидитъ, ведетъ сидячую жизнь, человѣкъ безъ ногъ, немогущій ходить. Илья Муромецъ до 30 лѣтъ сиднемъ сидѣлъ.

Скутанный—то же, что закутанный.

Погань—поганое, т.-е. нечистое по повѣрьямъ.

Во-свояси—къ себѣ, домой. А лежитъ намъ путь далекъ, во-свояси на востокъ (Пушкинъ).

Не приходилось ли вамъ слышать разсказы о различныхъ повѣрьяхъ?

*

92. Въ ночномъ.

Стихотвореніе *П. Сурикова.*

Лѣтній вечеръ. За лѣсами
солнышко ужъ сѣло;
на краю далекомъ неба
зорька заалѣла;
но и та потухла. Топотъ
въ полѣ раздается:
то табунъ коней въ ночное
по лугамъ несется.
Ухватя коней за гриву,
скачутъ дѣти въ полѣ.
То-то радость и веселье,
то-то дѣтямъ воля!
По травѣ высокой кони
на просторѣ бродятъ;
собралися дѣти въ кучку,
разговоръ заводятъ.
Мужички сторожевые
улеглись подъ лѣсомъ—
и заснули... Не шелохнетъ
лѣсъ густымъ навѣсомъ.
Все темнѣй, темнѣй и тише...
Смолкли къ ночи птицы;
только на небѣ сверкаютъ
дальнія зарницы.
Кой-гдѣ звякнетъ колокольчикъ,
фыркнетъ конь на волѣ,
хрустнетъ вѣтка, кустъ,—и снова
все смолкаетъ въ полѣ.

Зарница—отдаленная молнія, когда виденъ свѣтъ и блескъ ея, а грома неслышно. Небо, полное грозою, отъ зарницъ все трепетало (Тютчевъ).

*

93. Петька на дачѣ.

Разсказъ *Л. Андреева.*

Осипъ Абрамовичъ, парикмахеръ, поправилъ на груди посѣтителя грязную простынку, заткнулъ ее пальцами за воротъ и крикнулъ отрывисто и рѣзко:

— Мальчикъ, воды!

Мальчикъ, на котораго чаще всего кричали, назывался Петькой и былъ самымъ маленькимъ изъ всѣхъ служащихъ въ заведеніи. Петькѣ было десять лѣтъ; онъ не курилъ, не пилъ водки и не ругался, хотя зналъ очень много скверныхъ словъ, и во всѣхъ этихъ отношеніяхъ завидовалъ товарищу. Когда не было посѣтителей, и Прокопій, проводившій гдѣ-то безсонныя ночи и днемъ спотыкавшійся отъ желанія спать, приваливался въ темномъ углу за перегородкой, а Михайло читалъ „Московскій листокъ“ и среди описанія кражъ и грабежей искалъ знакомаго имени кого-нибудь изъ обычныхъ посѣтителей,—Петька и Николка бесѣдовали. Послѣдній всегда становился добрѣе, оставаясь вдвоемъ, и объяснялъ „мальчику“, что значитъ стричь подъ польку, бобрикомъ или съ проборомъ.

Петькины дни тянулись удивительно однообразно и похоже одинъ на другой, какъ два родные брата.

И зимою и лѣтомъ онъ видѣлъ все тѣ же зеркала, изъ которыхъ одно было съ трещиной, а другое было кривое и потѣшное. И утромъ, и вечеромъ, и весь Божій день надъ Петькой висѣлъ одинъ и тотъ же отрывистый крикъ: „Мальчикъ, воды!“ и онъ все подавалъ ее, все подавалъ. Праздниковъ не было. По воскресеньямъ, когда улицу переставали освѣщать окна магазиновъ и лавокъ, парикмахерская до поздней ночи бросала на мостовую яркій снопъ свѣта, и прохожій видѣлъ маленькую, худую фигурку, сгорбившуюся въ углу на своемъ стулѣ и погруженную не то въ думы, не то въ тяжелую дремоту. Петька спалъ много, но ему почему-то не хотѣлось спать, и часто казалось, что все вокругъ его не правда, а длинный непріятный сонъ. Онъ часто разливалъ воду, или не слышалъ рѣзкаго крика „Мальчикъ, воды“, и все худѣлъ, а на стриженной головѣ у него пошли нехорошіе струпья. Даже нетребовательные посѣтители съ брезгливостью смотрѣли на этого худенькаго, веснущатаго мальчика, у котораго

глаза всегда сонные, ротъ полуоткрытый и грязныя-прегрязныя руки и шея. Около глазъ и подъ носомъ у него прорѣзались тоненькія морщинки, точно проведенныя острой иглой, и дѣлали его похожимъ на состарившагося карлика.

Петька не зналъ, скучно ему или весело, но ему хотѣлось въ другое мѣсто, о которомъ онъ ничего не могъ сказать, гдѣ оно и какое оно. Когда его навѣщала мать, кухарка Надежда, онъ лѣниво ѣлъ принесенныя сласти, не жаловался и только просилъ взять его отсюда. Но затѣмъ онъ забывалъ о своей просьбѣ, равнодушно прощался съ матерью и не спрашивалъ, когда она придетъ опять. А Надежда съ горемъ думала, что у нея одинъ сынъ— и тотъ дурачокъ.

Много ли, мало ли жилъ Петька такимъ образомъ, онъ не зналъ. Но вотъ однажды въ обѣдъ пріѣхала мать, поговорила съ Осипомъ Абрамовичемъ и сказала, что его, Петьку, отпускаютъ на дачу въ Царицыно, гдѣ живутъ ея господа. Сперва Петька не понялъ, потомъ лицо его покрылось тонкими морщинками отъ тихаго смѣха, и онъ началъ торопить Надежду. Той нужно было, ради пристойности, поговорить съ Осипомъ Абрамовичемъ о здоровьи его жены, а Петька тихонько толкалъ ее къ двери и дергалъ за руку. Онъ не зналъ, что такое дача, но полагалъ, что она есть то самое мѣсто, куда онъ такъ стремился.

Вокзалъ съ его разноголосою сутолокою, грохотомъ приходящихъ поѣздовъ, свистками паровозовъ, то густыми и сердитыми, какъ голосъ Осипа Абрамовича, то визгливыми и тоненькими, какъ голосъ его жены, торопливыми пассажирами, которые все идутъ и идутъ, точно имъ и конца нѣту,—впервые предсталъ передъ оторопѣлыми глазами Петьки и наполнилъ его чувствомъ возбужденности и нетерпѣнія. Вмѣстѣ съ матерью онъ боялся опоздать, хотя до отхода дачнаго поѣзда оставалось добрыхъ полчаса; а когда они сѣли въ вагонъ и поѣхали, Петька прилипъ къ окну, и только стриженая голова его вертѣлась на тонкой шеѣ, какъ на металлическомъ стержнѣ.

Онъ родился и выросъ въ городѣ, въ полѣ былъ первый разъ въ своей жизни, и все здѣсь для него было поразительно ново и странно: и то, что можно видѣть такъ далеко, что лѣсъ кажется травкой, и небо, бывшее въ этомъ новомъ мірѣ удивительно яснымъ и широкимъ, точно съ крыши смотришь. Петька видѣлъ его съ своей стороны, а когда оборачивался къ матери, это же

небо голубѣло въ противоположномъ окнѣ, и по немъ плыли, какъ ангелочки, бѣленькія радостныя облачка. Петька то вертѣлся у своего окна, то перебѣгалъ на другую сторону вагона, съ довѣрчивостью кладя плохо отмытую ручонку на плечи и колѣни незнакомыхъ пассажировъ, отвѣчавшихъ ему улыбками. Но какой-то господинъ, читавшій газету и все время зѣвавшій, то ли отъ чрезмѣрной усталости, то ли отъ скуки, раза два непріязненно покосился на мальчика, и Надежда поспѣшила извиниться:

— Впервой по чугункѣ ѣдетъ,—интересуется...

— Угу!...—пробурчалъ господинъ и уткнулся въ газету.

Надеждѣ очень хотѣлось разсказать ему, что Петька уже три года живетъ у парикмахера, и тотъ обѣщалъ поставить его на ноги, и это будетъ очень хорошо, потому что женщина она одинокая и слабая, и другой поддержки на случай болѣзни или старости у нея нѣтъ. Но лицо у господина было злое, и Надежда только подумала все это про себя. Направо отъ пути раскинулась кочковатая равнина, темно-зеленая отъ постоянной сырости, и на краю ея были брошены сѣренькіе домики, похожіе на игрушечные, а на высокой зеленой горѣ, внизу которой блистала серебристая полоска, стояла такая же игрушечная бѣлая церковь. Когда поѣздъ со звонкимъ металлическимъ лязгомъ, внезапно усилившимся, взлетѣлъ на мостъ и точно повисъ въ воздухѣ надъ зеркальною гладью рѣки, Петька даже вздрогнулъ отъ испуга и неожиданности и отшатнулся отъ окна, но сейчасъ же вернулся къ нему, боясь потерять малѣйшую подробность пути. Глаза Петькины давно уже перестали казаться сонными, и морщинки пропали. Какъ будто по этому лицу кто-нибудь провелъ горячимъ утюгомъ, разгладилъ морщинки и сдѣлалъ его бѣлымъ и блестящимъ.

Въ первые два дня Петькинаго пребыванія на дачѣ, богатство и сила новыхъ впечатлѣній, лившихся на него и сверху и снизу, смяли его маленькую и робкую душонку.

Все здѣсь было для него живымъ, чувствующимъ и имѣющимъ волю. Онъ боялся лѣса, который покойно шумѣлъ надъ его головой и былъ темный, задумчивый и такой страшный въ своей безконечности; полянки, свѣтлыя, зеленыя, веселыя, точно поющія всѣми своими яркими цвѣтами, онъ любилъ и хотѣлъ бы приласкать ихъ какъ сестеръ, а темно-синее небо звало его къ себѣ и смѣялось, какъ мать. Петька волновался, вздрагивалъ и блѣднѣлъ, улыбался чему-то и степенно, какъ старикъ, гулялъ по

опушкѣ и лѣсистому берегу пруда. Тутъ онъ, утомленный, задыхающійся, разваливался на густой сыроватой травѣ и утопалъ въ ней; только его маленькій веснущатый носикъ поднимался надъ зеленой поверхностью. Въ первые дни онъ часто возвращался къ матери, терся возлѣ нея, и когда баринъ спрашивалъ его, хорошо ли на дачѣ,—конфузливо улыбался и отвѣчалъ:

— Хорошо!...

И потомъ снова шелъ къ грозному лѣсу и тихой водѣ и будто допрашивалъ ихъ о чемъ-то.

Но прошло еще два дня, и Петька вступилъ въ полное соглашеніе съ природой. Это произошло при содѣйствіи гимназиста Мити изъ „Стараго Царицына“. У гимназиста Мити лицо было смугло-желтымъ, какъ вагонъ второго класса, волосы на макушкѣ стояли торчкомъ и были совсѣмъ бѣлые—такъ выжгло ихъ солнце. Онъ ловилъ въ пруду рыбу, когда Петька увидалъ его, безцеремонно вступилъ съ нимъ въ бесѣду и удивительно скоро сошелся. Онъ далъ Петькѣ подержать одну удочку и потомъ повелъ куда-то далеко купаться. Петька очень боялся итти въ воду, но когда вошелъ, то не хотѣлъ вылѣзать изъ нея и дѣлалъ видъ, что плаваетъ: поднималъ носъ и брови кверху, захлебывался и билъ по водѣ руками, поднимая брызги. Въ эти минуты онъ былъ очень похожъ на щенка, впервые попавшаго въ воду. Когда Петька одѣлся, то былъ синій отъ холода, какъ мертвецъ, и, разговаривая, ляскалъ зубами. По предложенію того же Мити, неистощимаго на выдумки, они изслѣдовали развалины дворца; лазали на заросшую деревьями крышу и бродили среди разрушенныхъ стѣнъ громаднаго зданія. Тамъ было очень хорошо: всюду навалены груды камней, на которые съ трудомъ можно взобраться, и промежъ ихъ растетъ молодая рябина и березки; тишина стоитъ мертвая, и чудится, что вотъ-вотъ выскочитъ кто-нибудь изъ-за угла или въ растрескавшейся амбразурѣ окна покажется страшная-престрашная рожа.

Постепенно Петька почувствовалъ себя на дачѣ, какъ дома, и совсѣмъ забылъ, что на свѣтѣ существуетъ Осипъ Абрамовичъ и парикмахерская.

— Смотри-ка, растолстѣлъ какъ! Чистый купецъ!—радовалась Надежда, сама толстая и красная отъ кухоннаго жара, какъ мѣдный самоваръ. Она приписывала это тому, что много его кормитъ. Но Петька ѣлъ совсѣмъ мало, не потому, чтобы ему не хотѣлось

ѣсть, а некогда было возиться: если бы можно было не жевать, глотать сразу, а то нужно жевать, а въ промежутки болтать ногами, такъ какъ Надежда ѣстъ дьявольски медленно, обгладываетъ кости, утирается передникомъ и разговариваетъ о пустякахъ. А у него дѣла было по горло: нужно пять разъ выкупаться, вырѣзать въ орѣшникѣ удочку, накопать червей,—на все это требуется время. Теперь Петька бѣгалъ босой, и это въ тысячу разъ пріятнѣе, чѣмъ въ сапогахъ съ толстыми подошвами: шаршавая земля ласково то жжетъ, то холодитъ ногу. Свою подержанную гимназическую куртку, въ которой онъ казался солиднымъ мастеромъ парикмахерскаго цеха, онъ также снялъ и изумительно помолодѣлъ. Надѣвалъ ее онъ только вечерами, когда ходилъ на плотину смотрѣть, какъ катаются на лодкахъ господа: нарядные, веселые, они со смѣхомъ садятся въ качающуюся лодку, и та медленно разсѣкаетъ зеркальную воду, а отраженныя деревья колеблются, точно по нимъ пробѣжалъ вѣтерокъ.

Въ исходѣ недѣли баринъ привезъ изъ города письмо, адресованное „куфаркѣ Надеждѣ“, и когда прочелъ его адресату, адресатъ заплакалъ и размазалъ по всему лицу сажу, которая была на передникѣ. По отрывочнымъ словамъ, сопровождавшимъ эту операцію, можно было понять, что рѣчь въ письмѣ идетъ о Петькѣ. Это было уже ввечеру. Петька на заднемъ дворѣ игралъ самъ съ собой „въ классики“ и надувалъ щеки, потому что такъ прыгать было значительно легче. Гимназистъ Митя научилъ этому глупому, но интересному занятію, и теперь Петька, какъ истый спортсменъ, совершенствовался въ одиночку. Вышелъ баринъ и, положивъ руку на плечо, сказалъ:

— Что, братъ, ѣхать надо!

Петька конфузливо улыбался и молчалъ. „Вотъ чудакъ-то!“ подумалъ баринъ.

— Ѣхать, братецъ, надо.

Петька улыбался. Подошла Надежда и со слезами подтвердила:

— Надобно ѣхать, сынокъ!

— Куда?—удивился Петька. Про городъ онъ забылъ, а другое мѣсто, куда ему всегда такъ хотѣлось уйти,—уже найдено.

— Къ хозяину, Осипу Абрамовичу.

Петька продолжалъ не понимать, хотя дѣло было ясно, какъ Божій день. Но во рту у него пересохло, и языкъ двигался съ трудомъ, когда онъ спросилъ:

— А какъ же завтра рыбу ловить? Удочка, вонъ она...

— Что же подѣлаешь!... Требуетъ. Прокопій, говоритъ, заболѣлъ, въ больницу свезли. Народу, говоритъ, нѣту. Ты не плачь: гляди, опять отпуститъ,—онъ добрый, Осипъ Абрамовичъ.

Но Петька и не думалъ плакать и все не понималъ.

Съ одной стороны, былъ фактъ—удочка, съ другой призракъ—Осипъ Абрамовичъ. Но постепенно мысли Петькины стали проясняться, и произошло странное перемѣщеніе: фактомъ сталъ Осипъ Абрамовичъ, а удочка, еще не успѣвшая высохнуть, превратилась въ призракъ. И тогда Петька удивилъ мать, разстроилъ барыню и барина и удивился бы самъ, если бы былъ способенъ къ самоанализу: онъ не просто заплакалъ, какъ плачутъ городскія дѣти, худыя и истощенныя,—онъ закричалъ громче самаго горластаго мужика и началъ кататься по землѣ. Худая ручонка его сжималась въ кулакъ и била по рукѣ матери, по землѣ, по чемъ попало, чувствуя боль отъ острыхъ камешковъ и песчинокъ, но какъ будто стараясь еще усилить ее.

На другой день, съ семичасовымъ утреннимъ поѣздомъ, Петька уже ѣхалъ въ Москву. Опять передъ нимъ мелькали зеленыя поля, сѣдыя отъ ночной росы, но только убѣгали не въ ту сторону, что раньше, а въ противоположную. Подержанная гимназическая курточка облекала его худенькое тѣло, изъ-за ворота ея выставлялся кончикъ бѣлаго бумажнаго воротничка. Петька не вертѣлся и почти не смотрѣлъ въ окно, а сидѣлъ такой тихенькій и скромный, и ручонки его были благонравно сложены на колѣняхъ. Глаза были сонливы и апатичны, тонкія морщинки, какъ у стараго человѣка, ютились около глазъ и подъ носомъ. Вотъ замелькали у окна столбы и стропила платформы, и поѣздъ остановился. Толкаясь среди торопившихся пассажировъ, они вышли на грохочущую улицу, и большой жадный городъ равнодушно поглотилъ свою маленькую жертву.

— Ты удочку спрячь!—сказалъ Петька, когда мать довела его до порога парикмахерской.

— Спрячу, сынокъ, спрячу! Можетъ, еще пріѣдешь.

И снова въ грязной и душной парикмахерской звучалъ отрывистый: „Мальчикъ, воды!“

Приваливаться, привалиться къ чему-нибудь—прислониться, упереться во что для поддержки. Мѣста и много, а привалиться негдѣ.

Струпъ—кора, которой покрывается заживающая рана.

Брезгливость—чувство отвращенія, гадливости къ чему-либо, особенно говорится о пищѣ. Отсюда гл. **брезгать, брезговать.**

Пристойность—то же, что приличіе; отъ слова **пристойный**—соотвѣтственный, сообразный, что идетъ къ чему-нибудь, что кстати, приличный. У него пристойныя манеры.

Сутолока—толкотня, суматоха, суета, сумятица, безпорядокъ.

Пассажиръ (франц. сл.)—путникъ, проѣзжающій.

Стержень—1) торчокъ, на который что-либо надѣвается, насаживается; 2) самая середина чего-нибудь, напр. стержень дерева.

Непріязненно—съ нерасположеніемъ, недружелюбно, враждебно.

Поставить—имѣетъ различныя значенія, какъ это видно изъ слѣдующ. примѣр. Поставить самоваръ.—Поставить паруса.—Поставить драму, комедію на сценѣ.—Поставить піявки.—Поставить часы.—Поставить кого-нибудь съ кѣмъ-нибудь на одну доску.—Поставить себѣ за правило.—Поставить на ноги—1) кого-нибудь вылечить отъ серьезной болѣзни, 2) дать кому-нибудь возможность самостоятельно зарабатывать себѣ хлѣбъ.—Поставить товаръ въ срокъ.—Поставить кому памятникъ.—Поставить на своемъ.

Кочковатый—покрытый кочками.

Лязгъ—звонъ, стукъ.

Смять, сминать—скомкать, придавить, сдавить. Непріятельскій отрядъ былъ смятъ дружнымъ натискомъ.

Безцеремонно—надо различать два слова: безцеремонно и безъ церемоній. **Церемоніи**—это особыя правила приличій, соблюдаемыя между мало знакомыми людьми. Пожалуйста, безъ церемоній, будьте какъ дома! **Безцеремонно**—съ оттѣнкомъ развязности, беззастѣнчивости.

Неистощимый—то, чего нельзя истощить, т.-е. израсходовать, истратить до конца. Неистощимыя богатства природы, неистощимый разсказчикъ анекдотовъ.

Амбразура—оконная впадина въ стѣнѣ.

Цехъ (нѣмецк. сл.)—общество ремесленниковъ, занимающихся однимъ и тѣмъ-же мастерствомъ.

Подержанный—бывшій въ употребленіи, не новый. А что значитъ **поддержанный**?

Операція—употр. здѣсь въ смыслѣ дѣйствіе. Имѣетъ нѣсколько значеній: 1) торговое дѣло, оборотъ; 2) операція хирургическая—леченіе при помощи ножа и тому подобныхъ инструментовъ.

Истый—истинный, подлинный, настоящій. Кто за правду горой, тотъ истый герой.

Спортсменъ (англ. сл.)—значитъ человѣкъ спорта, т.-е. любитель упражненій и игръ на открытомъ воздухѣ.

Облекать, облачать, облечь—одѣвать, покрывать. Облачать священника въ ризы. Отсюда—**облаченіе**. Облечь кого-нибудь властью—значитъ дать право на извѣстныя дѣйствія. Тучи облекли небо.

Апатичный (греч. сл.)—равнодушный, вялый.

Ютиться—прятаться, укрываться, имѣть пристанище. Какія вы знаете слова того же корня?

Платформа (здѣсь идетъ рѣчь о желѣзнодорожной)—длинный, по большей части деревянный помостъ, у котораго останавливаются поѣзда.

*

94. КУКУШКА И ПѢПУХЪ
БАСНЯ И. А. КРЫЛОВА.

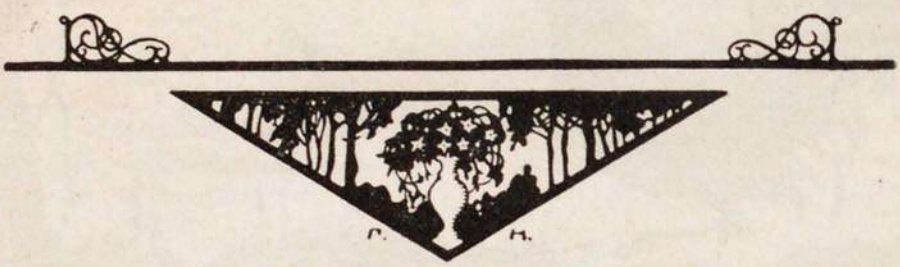
„Какъ, милый пѣтушокъ, поешь ты громко, важно".
— „А ты, кукушечка, мой свѣтъ,
какъ тянешь плавно и протяжно:
во всемъ лѣсу у насъ такой пѣвицы нѣтъ!"
— „Тебя, мой куманекъ, вѣкъ слушать я готова".
— „А ты, красавица, божусь,
лишь только замолчишь, то жду я, не дождусь,
чтобъ начала ты снова...
Отколь такой берется голосокъ?
И чистъ, и нѣженъ, и высокъ!..
Да вы ужъ родомъ такъ: собою невелички,
а пѣсни—что твой соловей!"
— „Спасибо, кумъ; зато, по совѣсти моей,
поешь ты лучше райской птички;
на всѣхъ ссылаюсь въ этомъ я".

Тутъ воробей случась, промолвилъ имъ: „Друзья!
Хоть вы охрипнете, хваля другъ дружку,
все ваша музыка плоха!..“
За что же, не боясь грѣха,
Кукушка хвалитъ пѣтуха?
За то, что хвалитъ онъ кукушку.

Невеличка—уменьшительная форма отъ не велика. Птичка-невеличка, а ноготокъ востеръ.

Ссылаться на кого-нибудь—1) опираться, указывать, приводить въ свидѣтели. Виноватаго нѣтъ, всѣ другъ на друга ссылаются. 2) приводить въ качествѣ предлога—ссылаться на погоду, на нездоровье. 3) приводить чьи-нибудь рѣчи, слова, указывать, откуда что взято. Ссылаться на писателей. Отсюда слово **ссылка**. Его работа полна ссылокъ на иностранныхъ писателей.

Грѣхъ—см. стр. 242.



95. Оселъ и соловей.

Басня *И. Крылова*

Оселъ увидѣлъ соловья
и говоритъ ему: „Послушай-ка, дружище!
ты, сказываютъ, пѣть великій мастерище:
хотѣлъ бы очень я
самъ посудить, твое услышавъ пѣнье,
велико ль подлинно твое умѣнье?“
Тутъ соловей являть свое искусство сталъ:
защелкалъ, засвисталъ,
на тысячу ладовъ тянулъ, переливался;
то нѣжно онъ ослабѣвалъ
и томной вдалекѣ свирелью отдавался,
то мелкой дробью вдругъ по рощѣ разсыпался.
Внимало все тогда

любимцу и пѣвцу Авроры;
затихли вѣтерки, замолкли
птичекъ хоры,
и прилегли стада.
Чуть-чуть дыша, пастухъ имъ
любовался
и только иногда,
внимая соловью, пастушкѣ
улыбался.
Скончалъ пѣвецъ. Оселъ, уста-
вясь въ землю лбомъ,
„изрядно“, говоритъ: „сказать
неложно,
тебя безъ скуки слушать
можно:
а жаль, что не знакомъ ты съ
нашимъ пѣтухомъ:
еще бъ ты болѣ навострился,
когда бы у него немного по-
учился“.

Иванъ Андреевичъ Крыловъ
(1768—1844).

Услыша судъ такой, мой бѣдный соловей
вспорхнулъ и—полетѣлъ за тридевять полей.

Избави Богъ и насъ отъ этакихъ судей!

Являть—см. стр. 191.

Ослабѣть, ослабѣвать—становиться слабѣе, терять силу, напряженіе, твердость. Вѣтеръ ослабѣваетъ.—Больной ослабѣлъ.—Веревка ослабла, натяни ее.—У старика ослабѣла память.—Принесъ—и ослабѣлъ, и легъ подъ сводомъ шалаша, на лыки (Пушк. „Анчаръ“).

Томный—усталый, мягкій, слабый, нѣжный.

Свирель—дудка изъ ивы, бузины или коры, на которой играетъ пастухъ. Поднялся шумъ, свирѣлью полевой оглашено мое уединенье. (Пушк.).

Аврора (латинск. сл.)—богиня утренней зари.

Прилечь, прилегать—наклониться къ чему-нибудь, лежать вплоть, касаясь чего, ложиться для отдыха на время. Рожь прилегла къ землѣ.—Наше имѣніе прилегаетъ вплоть къ ихъ усадьбѣ.—Прилягъ-ка, братъ, и отдохни, да коли хочешь, такъ сосни (Крыл.).

Скончалъ—малоупотребительная форма вмѣсто какой?

Уставиться—см. I часть, стр. 130.

Изрядный—выходящій изъ ряду вонъ, отличный, особенный; но теперь чаще употребляется въ значеніи недурной, порядочный, годный, нѣчто среднее между хорошимъ и средственнымъ.

Аполлонъ Николаевичъ Майковъ
(1821—1897).

96. Нива.

Стихотвореніе *А. Майкова.*

По нивѣ прохожу я узкою межой,
поросшей кашкою и цѣпкой
лебедой.
Куда ни оглянусь—повсюду рожь
густая!
Иду—съ трудомъ ее руками раз-
бирая.
Мелькаютъ и жужжатъ колосья
предо мной
и колютъ мнѣ лицо... Иду я,
наклоняясь,
какъ будто бы отъ пчелъ тре-
вожныхъ отбиваясь,
когда, перескочивъ чрезъ ивовый
плетень,
средь яблонь въ пчельникѣ про-
ходишь въ ясный день.

О, Божья благодать!... о, какъ прилечь отрадно
въ тѣни высокой ржи, гдѣ сыро и прохладно!
Заботы полные, колосья надо мной
бесѣду важную ведутъ между собой.
Имъ внемля, вижу я—на всемъ полей просторѣ
и жницы и жнецы, ныряя точно въ морѣ,
ужъ вяжутъ весело тяжелые снопы;
вонъ—по зарѣ стучатъ проворные цѣпы;
въ амбарахъ воздухъ полнъ и розана и меда;
вездѣ скрипятъ возы; средь шумнаго народа
на пристаняхъ кули валятся, вдоль рѣки,
гуськомъ, какъ журавли, проходятъ бурлаки,
нагнувши головы, плечами напирая
и длинной бичевой по влагѣ ударяя...

О, Боже! ты даешь для родины моей
тепло и урожай, дары святые неба,—
но, хлѣбомъ золотя просторъ ея полей,
ей также, Господи, духовнаго дай хлѣба!

Уже надъ нивою, гдѣ мысли сѣмена
тобой посѣяны, повѣяла весна,
и непогодами не сгубленныя зерна
пустили свѣжіе ростки свои проворно...
О, дай намъ солнышка, пошли ты ведра намъ,
чтобъ вызрѣлъ ихъ побѣгъ по тучнымъ бороздамъ!
Чтобъ намъ, хоть опершись на внуковъ, стариками
прійти на тучныя ихъ нивы подышать
и, позабывъ, что мы ихъ полили слезами,
промолвить: „Господи! какая благодать!“

Межа—граница, раздѣляющая два владѣнія. Обратите вниманіе на гл. **межевать** съ большимъ количествомъ приставокъ. Одно поле вмежевалъ въ межу, замежевалъ намъ, другое вымежевалъ сосѣду.—Мы размежевались.

Цѣпкій—то, что легко цѣпляется и, ухватившись, крѣпко держится. Цѣпкій хвостъ у обезьянъ. — Сѣтью изумрудной покрыла цѣпкая трава сухое дерево (Никит.).

Внимать—вспомните стихотворенія и басни, въ которыхъ встрѣчается это слово.

Бурлакъ—рабочій на рѣчныхъ судахъ.

Бичева—веревка, которою тянутъ судно противъ теченія. Итти бичевой.

Опереться — прислониться, подпираться чѣмъ-либо. Опереться на чье-либо мнѣніе, на чей-либо авторитетъ, на какой-либо источникъ.—Опереться на палку.

Дорога во ржи. Съ картины *В. Мясоѣдова.*

97. Въ лѣсу на зарѣ.

Разсказъ *И. Тургенева.*

Кто, кромѣ охотника, испыталъ, какъ отрадно бродить на зарѣ по кустамъ? Зеленой чертой ложится слѣдъ вашихъ ногъ по росистой побѣлѣвшей травѣ. Вы раздвинете мокрый кустъ—васъ такъ и обдастъ накопившимся теплымъ запахомъ ночи; воздухъ весь напоенъ свѣжей горечью полыни, медомъ гречихи и кашки; вдали стѣной стоитъ дубовый лѣсъ и блеститъ, и алѣетъ на солнцѣ; еще свѣжо, но уже чувствуется близость жара. Голова томно кружится отъ избытка благоуханій. Кустарнику нѣтъ конца... Кое-гдѣ развѣ вдали желтѣетъ поспѣвающая рожь, узкими полосками краснѣетъ гречиха. Вотъ заскрипѣла телѣга; шагомъ пробирается мужикъ, ставитъ заранѣе лошадь въ тѣнь... Вы поздоровались съ нимъ, отошли,—звучный лязгъ косы раздается за вами. Солнце все выше и выше. Быстро сохнетъ трава. Вотъ уже жарко стало. Проходитъ часъ, другой... Небо темнѣетъ по краямъ; колючимъ зноемъ пышетъ неподвижный воздухъ. —„Гдѣ бы, братъ, тутъ напиться?“—„А вонъ въ оврагѣ колодезь“. Сквозь густые кусты орѣшника, перепутанные цѣпкой травой, спускаетесь вы на дно оврага. Точно: подъ самымъ обрывомъ таится источникъ; дубовый кустъ жадно раскинулъ надъ водою свои лапчатые сучья; большіе серебристые пузыри, колыхаясь, поднимаются со дна, покрытаго мелкимъ, бархатнымъ мохомъ. Вы бросаетесь на землю, вы напились, но вамъ лѣнь пошевельнуться. Вы въ тѣни, вы дышите пахучей сыростью; вамъ хорошо, а противъ васъ кусты раскаляются и словно желтѣютъ на солнцѣ...

Напоить—1) дать пить вдоволь, утолить чью-либо жажду. Медвяною росой пчелу-работницу напой (Жук.).—Купайте, кормите отборнымъ зерномъ, водой ключевою поите (Пушк.). 2) поливать, орошать. Дождь напоилъ землю.—Ты . . . алчную землю поила дождемъ (Пушк. „Туча“). 3) наполнить чѣмъ-нибудь.

Полынь—растеніе. Безъ корня и полынь не растетъ. — Не я полынь садила, сама, окаянная, уродилась.—Полынь ты моя, полыньюшка, горькая трава, полынь горькая трава, шелковая! Не я ли тебя, полыньюшка, сѣяла, не сама ли ты, полыньюшка-злодѣй, уродилася, по зеленому по садику, злодѣй, расплодилася? (Нарпѣсня).

Томно—см. стр. 371.

Таиться—прятаться, скрываться. Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя (Пушк.).—Нищій наѣзднікъ таится въ ущельи, гдѣ Терекъ играетъ въ свирѣпомъ веселье (Пушк.). Какія вы знаете слова того же корня?

*

Разскажите, что здѣсь нарисовано?

Охотники на привалѣ.

Съ картины *В. Перова.*

98. * * *

Стихотвореніе *А. Федорова.*

Солнце, солнце взошло!
Надъ горою крутой
засверкалъ, задрожалъ
солнца лучъ золотой.

Пробѣжалъ по рѣкѣ,
въ темный лѣсъ заглянулъ,
и отвсюду пошелъ
жизнерадостный гулъ.

„Солнце, солнце взошло!“
зашептали кусты,
и отъ счастья въ лугахъ
прослезились цвѣты.

Жизнерадостный—радующійся жизни, наслаждающійся ею, весело на нее смотрящій.

*

99. Въ облачный день.

Отрывокъ изъ разсказа *В. Короленко.*

Дорогѣ, казалось, не будетъ конца. Лошади больше махали головами по сторонамъ, чѣмъ бѣжали впередъ. Солнце сильно склонилось, но жаръ не унимался. Земля была точно недавно вытопленная печь. Колокольчикъ то начиналъ биться подъ дугой, какъ бѣшеный и потерявшій всякое терпѣніе, то лишь взвизгивалъ и шипѣлъ. На небѣ продолжалось молчаливое передвиженіе облаковъ, по землѣ пробѣгали неуловимыя тѣни. Тарантасъ взобрался на пригорокъ, скатился съ него, застучалъ колесами по гулкому мостику. Теперь у самой дороги, взрытый до горизонта, какъ бархатъ, лежалъ черный паръ. Недопаханныя, лишь кое-гдѣ зеленѣли еще узкія полоски.

Гулкій—отъ слова **гулъ** см. стр. 302. Кромѣ того обратите вниманіе на слѣд. примѣры: А подомной весенней дрожью ходила гулкая земля.—Выстрѣлъ гулко раздается.—Гулъ подземныхъ ударовъ.—Въ странѣ, гдѣ долго, долго брани ужасный гулъ не умолкалъ (Пушк).

Паръ—1) паровое поле, унавоженная земля, отдыхающая отъ посѣва; 2) жидкость, превращенная отъ дѣйствія тепла въ газообразное состояніе. Паръ костей не ломитъ. **Парить**—см. I ч., стр. 185.

*

100. Квартетъ.

Басня *И. Крылова*.

Проказница-мартышка,
оселъ,
козелъ
да косолапый мишка
затѣяли сыграть квартетъ.
Достали нотъ, баса, альта, двѣ скрипки
и сѣли на лужокъ подъ липки
плѣнять своимъ искусствомъ свѣтъ.
Ударили въ смычки—дерутъ, а толку нѣтъ.
„Стой, братцы, стой!“ кричитъ мартышка: „погодите!
Какъ музыкѣ итти? Вѣдь вы не такъ сидите.
Ты съ басомъ, мишенька, садись противъ альта,
я, прима, сяду противъ вторы;
тогда пойдетъ ужъ музыка не та:
у насъ запляшутъ лѣсъ и горы!“
Разсѣлись, начали квартетъ;
онъ все-таки на ладъ нейдетъ.
„Постойте жъ, я сыскалъ секретъ“
кричитъ оселъ: „мы вѣрно ужъ поладимъ,
коль рядомъ сядемъ“.
Послушались осла: усѣлись чинно въ рядъ;
а все-таки квартетъ нейдетъ на ладъ.
Вотъ, пуще прежняго, пошли у нихъ разборы
и споры,
кому и какъ сидѣть.
Случилось соловью на шумъ ихъ прилетѣть.
Тутъ съ просьбой всѣ къ нему, чтобъ ихъ рѣшить сомнѣнье.
„Пожалуй“, говорятъ: „возьми на часъ терпѣнья,
чтобы квартетъ въ порядокъ нашъ привесть:
и ноты есть у насъ, и инструменты есть;
скажи лишь, какъ намъ сѣсть!“
— „Чтобъ музыкантомъ быть, такъ надобно умѣнье
и уши вашихъ понѣжнѣй“,
имъ отвѣчаетъ соловей:
„а вы, друзья, какъ ни садитесь,
все въ музыканты не годитесь“.

Квартетъ—музыка въ четыре голоса или въ четыре инструмента.

Басъ—1) музыкальный инструментъ, похожій на скрипку, но гораздо большихъ размѣровъ; 2) низкій мужской голосъ. П ѣ т ь б а с о м ъ.

Альтъ—1) скрипка нѣсколько большихъ размѣровъ; 2) низкій женскій голосъ.

Ударить кого, что, во что—наносить ударъ, стучать, бить, колотить. Запомните выраженія: Ударили въ набатъ.—Гребцы ударили въ весла.—Ударили на непріятеля.—Молнія ударила въ домъ.—Лицомъ въ грязь не ударилъ.

Смычокъ—см. стр. 89.

Драть въ переносн. знач.—производить нестройные, непріятные звуки. Они немножечко дерутъ, зато ужъ въ ротъ хмельного не берутъ (Крыл.).

Прима—первая скрипка или первый голосъ въ квартетѣ.

Втора—вторая скрипка или второй голосъ въ квартетѣ.

Разсѣсться—размѣститься.

Секретъ (фр. сл.)—тайна.

Разборы—разсмотрѣніе дѣла въ подробности.

Пожалуй (мало употреб.), то же, что пожалуйста—1) прошу, сдѣлай одолженье; 2) хорошо, согласенъ. Начнемъ, пожалуй, сказалъ Владиміръ („Евг. Онѣг.“).

*

101. * * *

Стихотвореніе *А. Плещеева.*

Отдохну-ка, сяду у лѣсной опушки!
Вонъ, вдали соломой крытыя избушки,
и бѣгутъ надъ ними тучи въ перегонку
изъ родного края въ дальнюю сторонку.
Бѣлыя березы, жидкія осины,
пашни да овраги—грустныя картины!
Не пройдешь безъ думы, безъ тяжелой, мимо.
Что же къ нимъ все тянетъ такъ неодолимо?
Вѣдь на свѣтѣ бѣломъ всякихъ странъ довольно,
гдѣ и солнце ярко, гдѣ и жить привольно;
но и тамъ, при блескѣ голубого моря,
наше сердце ноетъ отъ тоски и горя,
что не видятъ взоры ни березъ плакучихъ
ни избушекъ этихъ сѣренькихъ, какъ тучи...
Что же въ нихъ такъ сердцу дорого и мило,
и какая манитъ тайная къ нимъ сила?

Неодолимый—кого не осилишь, не одолѣешь. Ты взыгралъ, неодолимый—и стая тонетъ кораблей! (Пушк. „Къ морю“).

Манить—1) подзывать кого-нибудь пальцами или мигая, кивая; 2) обнадеживать, обѣщать. См. 1 часть, стр. 18.

*

102. Родина.

Стихотвореніе *В. Башкина.*

Поле раскинулось ровное
съ тихими, скудными нивами.
Зрѣютъ овсы низкорослые;
рѣчка заснула подъ ивами.
Между плетней повалившихся
вьется дорога изрытая.
Грѣться на солнце осеннее
вышла деревня забытая.
Избы, соломою крытыя,
словно ослабли отъ голода.
Клѣти и риги понурыя
жмутся другъ къ дружкѣ отъ холода.

Важною, медленной поступью
съ берега гуси спускаются;
ветхія старыя яблони
по вѣтру тихо качаются.
Бѣлое дымное облако
къ синему югу уносится.
Сердце, тоской утомленное,
грустно вослѣдъ ему просится.
Мука здѣсь давняя, мертвая,
горе слѣпое, огромное,
словно какъ въ ночь непогодную
небо беззвѣздное, темное.

Понурый—потупленный, обращенный книзу, угрюмый. Понурая лошадь.—Онъ понуро глядитъ—Что, молодецъ, головушку понурилъ, аль горе одолѣло?—Понурилась головушка по праву сторонушку.

*

103. Деревня.

Разсказъ *И. Тургенева.*

Послѣдній день іюля мѣсяца; на тысячу верстъ кругомъ Россія—родной край.

Ровной синевой залито все небо; одно лишь облачко на немъ—не то плыветъ, не то таетъ. Безвѣтріе, теплынь... воздухъ—молоко парное!

Жаворонки звенятъ; воркуютъ зобастые голуби; молча рѣютъ ласточки; лошади фыркаютъ и жуютъ; собаки не лаютъ и стоятъ, смирно повиливая хвостами.

И дымкомъ-то пахнетъ, и травой, и дегтемъ маленько—и маленько кожей. Коноплянники уже вошли въ силу и пускаютъ свой тяжелый, но пріятный духъ.

Глубокій, но пологій оврагъ. По бокамъ въ нѣсколько рядовъ головастыя, книзу исщепленныя ракиты. По оврагу бѣжитъ ручей; на днѣ его мелкіе камешки словно дрожатъ сквозь свѣтлую рябь. Вдали, на концѣ—краѣ земли и неба—синеватая черта большой рѣки.

Вдоль оврага—по одной сторонѣ опрятные амбарчики, клѣтушки съ плотно закрытыми дверьми; по другой сторонѣ — пять-шесть сосновыхъ избъ съ тесовыми крышами. Надъ каждой крышей высокій шестъ скворечницы; надъ каждымъ крылечкомъ вырѣзной желѣзный крутогривый конекъ. Неровныя стекла оконъ отливаютъ цвѣтами радуги. Кувшины съ букетами намалеваны на ставняхъ. Предъ каждой избой чинно стоитъ исправная лавочка; на завалинкахъ кошки свернулись клубочкомъ, настороживъ прозрачныя ушки; за высокими порогами прохладно темнѣютъ сѣни.

Я лежу у самаго края оврага, на разостланной попонѣ; кругомъ цѣлые вороха только что скошеннаго, до истомы душистаго сѣна. Догадливые хозяева разбросали сѣно передъ избами: пусть еще немного просохнетъ на припекѣ; а тамъ и въ сарай! То-то будетъ спать на немъ славно!

Курчавыя дѣтскія головки торчатъ изъ каждаго вороха; хохлатыя курицы ищутъ въ сѣнѣ мошекъ да букашекъ; бѣлогубый щенокъ барахтается въ спутанныхъ былинкахъ.

Русокудрые парни, въ чистыхъ, низкоподпоясанныхъ рубашкахъ, въ тяжелыхъ сапогахъ, перекидываются бойкими словами, опершись грудью на отпряженную телѣгу, зубоскалятъ.

Изъ окна выглядываетъ круглолицая молодка; смѣется, не то ихъ словамъ, не то вознѣ ребятъ въ наваленномъ сѣнѣ.

Другая молодка сильными руками тащитъ большое мокрое ведро изъ колодца... Ведро дрожитъ и качается на веревкѣ, роняя длинныя, огнистыя капли.

Съ картины *И. Левитана.*

Лѣсная дорога.

Передо мной стоитъ старуха-хозяйка въ новой клѣтчатой понёвѣ, въ новыхъ котахъ.

Крупныя дутыя бусы въ три ряда обвились вокругъ смуглой, худой шеи; сѣдая голова повязана желтымъ платкомъ съ красными крапинками; низко нависъ онъ надъ потускнѣвшими глазами.

Но привѣтливо улыбаются старческіе глаза; улыбается все морщинистое лицо. Чай, седьмой десятокъ доживаетъ старушка... а и теперь еще видать—красавица была въ свое время!

Растопыривъ загорѣлые пальцы правой руки, держитъ она горшокъ съ холоднымъ неснятымъ молокомъ, прямо изъ погреба, стѣнки горшка покрыты росинками, точно бисеромъ. На ладони лѣвой руки старушка подноситъ мнѣ большой ломоть еще теплаго хлѣба. „Кушай, молъ, на здоровье, заѣзжій гость!“

Пѣтухъ вдругъ закричалъ и хлопотливо захлопалъ крыльями; ему въ отвѣтъ, не спѣша, промычалъ запертой теленокъ.

— Ай да овесъ!—слышится голосъ моего кучера...

О, довольство, покой, избытокъ русской вольной жизни! О, тишь и благодать!

И думается мнѣ: къ чему намъ тутъ все, чего такъ добиваемся мы, городскіе люди?

Зобастый—у кого большой зобъ (нижняя часть пищевода у птицъ, у человѣка—иногда и у животныхъ—опухоль на передней части шеи).

Войти въ силу—окрѣпнуть, подняться, вырасти; переносно—получить значеніе, начать дѣйствовать. Законъ вошелъ въ силу съ 1 января. А что значитъ: огонь силу взялъ, не совладаешь съ нимъ; пытать силу; выбился изъ силъ; собраться съ силами.

Перекидываться, перекинуться—имѣетъ нѣсколько значеній. Опредѣлите ихъ по слѣдующимъ примѣрамъ: Отъ сосѣдей всякій соръ перекидывается къ намъ черезъ заборъ.—Онъ перекинулся къ недругамъ нашимъ.—Бабы перекидывались бранью.—Огонь перекинулся съ одной избы на другую.—Нельзя перекинуться и словечкомъ.—Хмель перекинулся черезъ плетень, черезъ перила балкона.—Черезъ пропасть перекинулся легкій желѣзный мостъ.—Заслышалъ жеребецъ погоню, ударился о сырую землю, перекинулся гончею собакою и побѣжалъ пуще прежняго (Нар. сказка).—Перекинуться черезъ голову.

Зубоскалить—хохотать, насмѣхаться.

Понёва—кусокъ матеріи, которою крестьянки обматываютъ себя вмѣсто юбки.

Коты—обувь въ родѣ полусапожекъ.

*

104. Всенощная въ деревнѣ.

Стихотвореніе *И. Аксакова.*

День вечерѣлъ. Косая тѣнь
ложилась низко и широко.
Заутра праздникъ, вѣщій день
Ильи, гремящаго пророка...

Приди ты, немощный,
приди ты, радостный!
Звонятъ ко всенощной,
къ молитвѣ благостной!
И звонъ смиряющій
всѣмъ въ душу просится:
окрестъ сзывающій,
въ поляхъ разносится!..
Въ Холмахъ, селѣ большомъ,
есть церковь новая;
воздвигла Божій домъ
сума торговая,
и службы Божія
богато справлены,
иконъ подножія
свѣчьми уставлены.
И старъ и младъ войдетъ,
сперва помолится,
поклонъ земной кладетъ,
кругомъ поклонится...
И стройно клирное
несется пѣніе,
и дьяконъ мирное
твердитъ глашеніе:
о благодарственномъ
трудѣ молящихся,
о градѣ царственномъ,
о всѣхъ трудящихся,
о тѣхъ, кому въ удѣлъ
страданье задано...
А въ церкви дымъ висѣлъ
густой отъ ладана.
И заходящими
лучами сильными,
и вкось блестящими
столбами пыльными—
отъ солнца—Божій храмъ
горитъ и свѣтится...

Вѣщій (стар.) — 1) предсказывающій, пророческій. Говорило мнѣ вѣщее сердце (Жуковск.).—Зачѣмъ трепещетъ грудь моя какимъ-то вѣщимъ трепетаньемъ? (Барат.). 2) мудрый, вдохновенный, краснорѣчивый. Вѣщій Олегъ.—Вѣщій Баянъ.

Немощный—безсильный, хилый, больной, дряхлый, скорбный. Я ма эта будетъ мнѣ могилой; умираю немощный и хилый (Курочк., изъ Беранже). Мнѣ что-то неможется—нездоровится.

Благостный—благодѣтельный, милостивый, милосердный, отъ слова **благость**—высшая степень любви и милосердія.

Смиряющій—умиротворяющій, успокаивающій, примиряющій, устраняющій тревогу, безпокойство.

Справлены—отъ слова **править**, см. стр.

Клирное—отъ слова **клиросъ**, см. стр. 310.

Твердить—повторять, говорить, напоминать себѣ и другимъ, заучить, утверждать. Твердить урокъ.—Ужъ сколько разъ твердили міру... (Крыл.).—*Затвердила сорока Якова одно про всякаго.*

Глашеніе—то же, что **возглашеніе**, см. стр.

Благодарственный—заключающій въ себѣ выраженіе благодарности. Благодарственный молебенъ.—Благодарственный адресъ.

Удѣлъ—1) часть, доля, пай. Кіевскій, Черниговскій и др. удѣлы (въ старое время на Руси); отсюда: удѣльное княжество, удѣльный князь.—О, вы, кому въ удѣлъ судьбою данъ высокій санъ! вы съ солнца моего примѣръ себѣ берите (Крыл.). 2) судьба, жребій, рокъ, участь. Тяжелый удѣлъ достался ему на долю.

*

105. Саша.

Изъ поэмы *Н. Некрасова*, подъ тѣмъ же заглавіемъ.

Дико росла, какъ цвѣтокъ полевой,
смуглая Саша въ деревнѣ степной.
Выспится Саша, поднимется рано,
черныя косы завяжетъ у стана
и убѣжитъ, и въ просторѣ полей
сладко и вольно такъ дышится ей.
Та ли, другая предъ нею дорожка,
смѣло ей ввѣрится бойкая ножка;
да и чего побоится она?..
Все такъ спокойно; кругомъ тишина!
Полемъ идешь—все цвѣты да цвѣты;
въ небо глядишь—съ голубой высоты
солнце смѣется... Ликуетъ природа,
всюду приволье, покой и свобода;
только у мельницы злится рѣка;
нѣтъ ей простора... неволя горька!
Бѣдная! какъ она вырваться хочетъ!
брызжется пѣной, бурлитъ и клокочетъ.
Вотъ по распаханной черной полянѣ,
землю взрывая, бредутъ поселяне.
Весело видѣть семью поселянъ,
въ землю бросающихъ горсти сѣмянъ!
Дорого-любо, кормилица нива,
видѣть, какъ ты колосишься красиво,
какъ ты, янтарнымъ зерномъ налита,
гордо стоишь, высока и густа!
Но веселѣй нѣтъ поры обмолота:
легкая дружно спорится работа;
вторитъ ей эхо лѣсовъ и полей,

словно кричитъ: „Поскорѣй! поскорѣй!“
Саша проснется—бѣжитъ на гумно.
Солнышка нѣтъ—ни свѣтло, ни темно,
только что шумное стадо прогнали.
Какъ на подмерзлой грязи натоптали
лошади, овцы!.. Парнымъ молокомъ
въ воздухѣ пахнетъ. Мотая хвостомъ,
за нагруженной снопами телѣгой
чинно идетъ жеребеночекъ пѣгій;
а на гумнѣ только руки мелькаютъ
да высоко молотила взлетаютъ,
не успѣваетъ улечься ихъ тѣнь.
Солнце взошло—начинается день...
Въ зимнія сумерки нянины сказки
Саша любила. Поутру въ салазки
Саша садилась, летѣла стрѣлой,
полная счастья, съ горы ледяной.
Нянька кричитъ: „не убейся, родная“.
Саша, салазки свои погоняя,
весело мчится. На полномъ бѣгу
на бокъ салазки—и Саша въ снѣгу!
Выбьются косы, растреплется шубка—
снѣгъ отряхаетъ, смѣется голубка!
Не до ворчанья и нянькѣ сѣдой:
любитъ она ея смѣхъ молодой...
Сашѣ случалось знавать и печали.
Плакала Саша, какъ лѣсъ вырубали,
ей и теперь его жалко до слезъ.
Сколько тутъ было кудрявыхъ березъ!
Тамъ изъ-за старой, нахмуренной ели
красные грозды калины глядѣли,
тамъ поднимался дубокъ молодой.
Птицы царили въ вершинѣ лѣсной,
по-низу всякіе звѣри таились.
Вдругъ мужики съ топорами явились—
лѣсъ зазвенѣлъ, застоналъ, затрещалъ.
Заяцъ послушалъ—и вонъ побѣжалъ,
въ темную нору забилась лисица,
машетъ крыломъ осторожнѣе птица,

въ недоумѣньи тащатъ муравьи,
что ни попало, въ жилища свои.
Съ пѣснями трудъ человѣка спорился:
словно подкошенъ, осинникъ валился,
съ трескомъ ломали сухой березнякъ,
корчили съ корнемъ упорный дубнякъ,
старую сосну сперва подрубали,
послѣ арканомъ ее нагибали
и, поваливши, плясали на ней,
чтобы къ землѣ прилегла поплотнѣй.
Изъ перерубленной старой березы
градомъ лилися прощальныя слезы
и пропадали одна за другой
данью послѣдней на почвѣ родной.
Кончились поздно труды роковые.
Вышли на небо свѣтила ночныя,
и надъ поверженнымъ лѣсомъ луна
остановилась кругла и ясна—
трупы деревьевъ недвижно лежали;
сучья ломались, скрипѣли, трещали,
жалобно листья шумѣли кругомъ.

Ввѣриться, болѣе употреб. **ввѣряться**—полагаться на кого-нибудь или на что-нибудь.

Брызгать, брызнуть, брызгаться—1) кропить, окроплять, обдавать каплями жидкости. Вино струится, брыжжетъ пѣной (Пушк.).—Игриво брыжжущій фонтанъ (Жуковск.). 2) политься, внезапно показаться. Слезы брызнули изъ глазъ его (Пушк.).

Бурлить—бушевать, сильно волноваться. Волны бурлили безъ вѣтра (Жук.). Что значитъ **бурливый?**

Клокотать—волноваться съ шумомъ, кипѣть, взбивая пѣну. Пучина бунтуетъ, пучина клокочетъ... (Жуковск.).

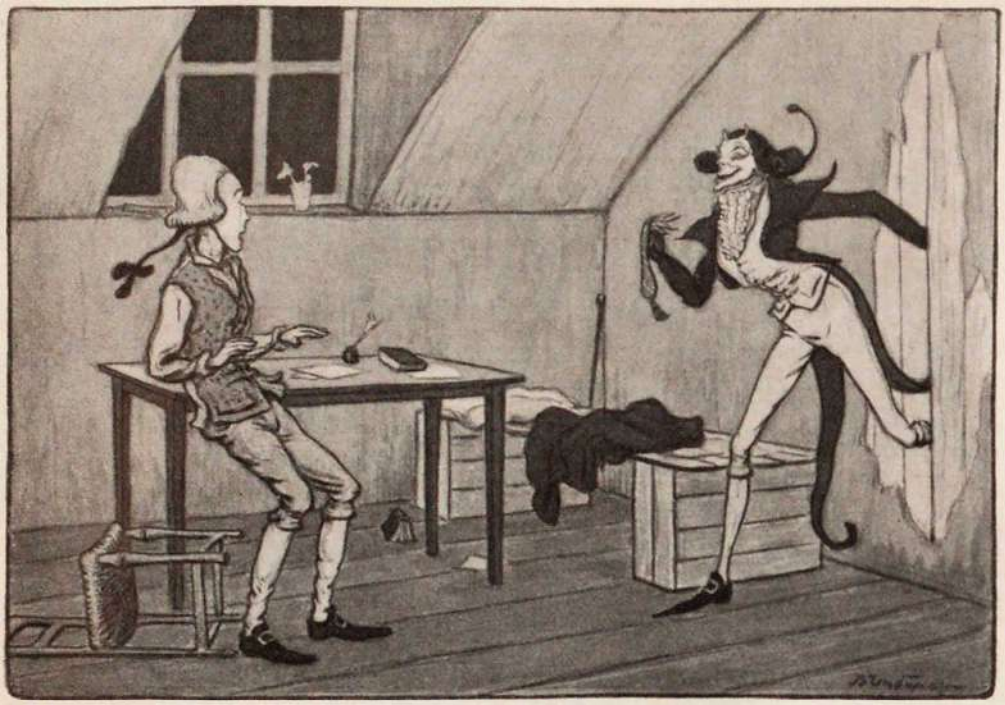
Спориться—подвигаться, итти впередъ, итти впрокъ, приносить пользу, счастье. Дѣло не спорится.—Какъ пойдетъ изъ рукъ валиться, ничего не будетъ спориться.

Молотило—то же, что цѣпъ, чѣмъ вымолачиваютъ хлѣбное зерно. Были бы руки, а молотило дадутъ.—Ты, Исай, наверхъ ступай; ты, Денисъ, иди на низъ; а ты, Гаврила, подержись за молотило.

Корчить—здѣсь употребл. вмѣсто сл. корчевать—съ корнемъ удалять деревья.

Дань—подать, плата покореннаго народа побѣдителю, подарки или иной способъ выраженія любви, уваженія. Нашъ батюшка велѣлъ взять дань съ китайцевъ чаемъ (Крыл.).—Пчела за данью полевой летитъ изъ кельи восковой (Пушк.).—Дань уваженія къ таланту.

*



106. Бѣдный богачъ.

Басня *И. Крылова.*

„Ну, стоитъ ли богатымъ быть,
чтобъ вкусно никогда ни съѣсть, ни спить
и только деньги лишь копить?
Да и на что? Умремъ—вѣдь все оставимъ.
Мы только лишь себя и мучимъ и безславимъ.
Нѣтъ, если бъ мнѣ далось богатство на удѣлъ,
не только бъ я рубля, я бъ тысячъ не жалѣлъ,
чтобъ жить роскошно, пышно,
и о моихъ пирахъ далеко было бъ слышно;
я даже дѣлалъ бы добро другимъ;
а богачей скупыхъ на муку жизнь похожа".
Такъ разсуждалъ бѣднякъ съ собой самимъ,
въ лачужкѣ низменной, на голой лавкѣ лежа;
какъ вдругъ къ нему сквозь щелочку пролѣзъ,
кто говоритъ—колдунъ, кто говоритъ—что бѣсъ;
послѣднее едва ли не вѣрнѣе:
изъ дѣла будетъ то виднѣе,—
предсталъ—и началъ такъ: „Ты хочешь быть богатъ,

я слышалъ для чего; служить я другу радъ.
Вотъ кошелекъ тебѣ: червонецъ въ немъ, не болѣ;
но вынешь лишь одинъ, ужъ тамъ готовъ другой.
Итакъ, пріятель мой,
разбогатѣть теперь въ твоей лишь волѣ.
Возьми жъ, и изъ него безъ счету вынимай,
доколѣ будешь ты доволенъ;
но только знай:
истратить одного червонца ты не воленъ,
пока въ рѣку не бросишь кошелька".
Сказалъ—и съ кошелькомъ оставилъ бѣдняка.
Бѣднякъ отъ радости едва не помѣшался,
но лишь опомнился, за кошелекъ принялся.
И что жъ?—Чуть вѣрится ему, что то не сонъ:
едва червонецъ вынетъ онъ,
ужъ въ кошелькѣ другой червонецъ шевелится.
Бѣднякъ мой говоритъ:
„червонцевъ я себѣ повытаскаю груду;
такъ завтра же богатъ я буду
и заживу, какъ сибаритъ".
Однакожъ поутру онъ думаетъ другое.
„То правда", говоритъ, „теперь я сталъ богатъ:
да кто жъ добру не радъ?
И почему бы мнѣ не быть богаче вдвое?
Неужто лѣнь
надъ кошелькомъ еще провесть хоть день?
Вотъ на домъ у меня, на экипажъ, на дачу;
но если накупить могу я деревень,
не глупо ли, когда случай къ тому утрачу?
Такъ удержу чудесный кошелекъ;
ужъ такъ и быть, еще я поговѣю
одинъ денекъ;
а, впрочемъ, вѣдь пожить всегда успѣю".
Но что жъ? проходитъ день, недѣля, мѣсяцъ, годъ,—
бѣднякъ мой потерялъ давно въ червонцахъ счетъ;
межъ тѣмъ онъ скудно ѣстъ и скудно пьетъ;
но чуть лишь день, а онъ опять за ту жъ работу.
День кончится, и, по его расчету,
ему всегда чего-нибудь не достаетъ.

Лишь кошелекъ нести сберется,
то сердце у него сожмется:
придетъ къ рѣкѣ—воротится опять.
„Какъ можно“, говоритъ, „отъ кошелька отстать,
когда мнѣ золото рѣкою само льется?“
И наконецъ бѣднякъ мой посѣдѣлъ,
бѣднякъ мой похудѣлъ,
какъ золото его, бѣднякъ мой пожелтѣлъ,
ужъ и о пышности онъ болѣ не смекаетъ:
онъ сталъ и слабъ, и хилъ; здоровье и покой—
утратилъ все; но все дрожащею рукой
изъ кошелька червонцы вонъ таскаетъ.
Таскалъ, таскалъ... и чѣмъ же кончилъ онъ?
На лавкѣ, гдѣ своимъ богатствомъ любовался,
на той же лавкѣ онъ скончался,
досчитывая свой девятый милліонъ.

Спить—неправильная форма, вмѣсто **испить**.
Безславить, обезславить—наносить безславіе безчестіе, посрамлять.
Удѣлъ—см. стр. 385.
Предстать, представать—явиться. Передъ нимъ предстали картины прошлаго.
Сибаритъ—изнѣженный человѣкъ, любящій жить въ свое удовольствіе.
Говѣть—1) готовиться къ исповѣди и причастію, постясь и посѣщая церковь; 2) долго поститься, не употреблять пищи.

⁂

107. Котъ и поваръ.

Басня *И. Крылова.*

Какой-то поваръ-грамотей
съ поварни побѣжалъ своей
въ кабакъ (онъ набожныхъ былъ правилъ
и въ этотъ день по кумѣ тризну правилъ),
а дома стеречи съѣстное отъ мышей
кота оставилъ.
Но что же, возвратясь, онъ видитъ? На полу
объѣдки пирога; а Васька-котъ въ углу,
припавъ за уксуснымъ бочонкомъ,
мурлыча и ворча, трудится надъ курчонкомъ.
„Ахъ ты, обжора! ахъ, злодѣй!“
Тутъ Ваську поваръ укоряетъ:

„не стыдно ль стѣнъ тебѣ, не только что людей?“
(А Васька все-таки курчонка убираетъ).
„Какъ! бывъ честнымъ котомъ до этихъ поръ,

бывало за примѣръ тебя смиренства кажутъ—
а ты... Ахти, какой позоръ!
Теперя всѣ сосѣди скажутъ:
котъ-Васька плутъ! котъ-Васька воръ!
И Ваську-де, не только-что въ поварню,
пускать не надо и на дворъ,
какъ волка жаднаго въ овчарню:
онъ порча, онъ чума, онъ язва здѣшнихъ мѣстъ!“
(А Васька слушаетъ да ѣстъ).
Тутъ риторъ мой, давъ волю словъ теченью,
не находилъ конца нравоученью.

Но что жъ? Пока его онъ пѣлъ,
котъ-Васька все жаркое съѣлъ.

А я бы повару иному
велѣлъ на стѣнкѣ зарубить,
чтобъ тамъ рѣчей не тратить попустому,
гдѣ нужно власть употребить.

Грамотей—умѣющій читать и писать; человѣкъ, свѣдущій въ книжномъ дѣлѣ. Битый—правду говоритъ молвь людей простыхъ—стоитъ двухъ, кто не былъ битъ, грамотей—троихъ (Курочкинъ, изъ Беранже).

Поварня—кухня. Поваръ въ поварнѣ, что волкъ въ овчарнѣ.

Правило—то, чѣмъ руководствуется человѣкъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Человѣкъ высокихъ правилъ—нравственный, честный; человѣкъ набожныхъ правилъ—богобоязненный.

Тризна—поминки, поминовеніе усопшихъ. Ковши круговые, запѣнясь, шипятъ на тризнѣ плачевной Олега (Пушк.).

Править что—1) выпрямлять, исправлять. Править дорогу.—Править рукопись.—Править бритву. 2) исполнять или совершать. Править (справлять) именины. 3) **править чѣмъ**—управлять, руководить, распоряжаться. Править государствомъ.—Править лошадьми.—Править рулемъ. Какія вы знаете однокоренныя слова?

Припасть—см. I ч., стр. 254.

Убирать—жадно ѣсть. См. также I ч., стр. 258.

Смиренство—то же, что смиреніе.

Язва—рана, болѣзнь; въ переносн. знач.—зло, вредъ.

Риторъ (греч. сл.)—ораторъ, краснорѣчивый, рѣчистый человѣкъ.

Его онъ пѣлъ—старинное выраженіе, подражаніе древне-греческому. Такъ начинались многія поэтическія произведенія въ 18-мъ вѣкѣ. Пою отъ варваровъ Россію свобожденну, попранну власть татаръ и гордость низложенну (Херасковъ).

Зарубить—сдѣлать отмѣтку, зарубку; въ переносн. знач.—запомнить, замѣтить себѣ. Опредѣлите значеніе этого слова въ слѣдующихъ выраженіяхъ: Заруби себѣ это на носу!—Тутъ ѣзды нѣтъ, дорогу зарубили.—Ну, зарубилъ! что ему ни говори, онъ все свое.—Охотники зарубили медвѣдя.—Зарубила я платочекъ, да не даютъ кончить.

⁂

108. Вечеръ.

Стихотвореніе *Н. Огарева.*

Когда настанетъ вечеръ ясный,
люблю на берегу пруда
смотрѣть, какъ гаснетъ день прекрасный
и загорается звѣзда,
какъ ласточка, неуловимо
по лону водъ скользя крыломъ,
несется быстро-быстро мимо—
и исчезаетъ... Смутнымъ сномъ
тогда душа полна бываетъ—
ей какъ-то грустно и легко,
воспоминанье увлекаетъ
ее куда-то далеко;
мнѣ грезятся иные годы,
такой же вечеръ у пруда,
и тихо дремлющія воды,
и одинокая звѣзда,
и ласточка—и все, что было,
что сладко сердце разбудило
и промелькнуло навсегда.

Лоно—грудь, нѣдра. Въ переносн. знач. употребляются выраженія: На лонѣ природы.—На лонѣ водъ стоитъ Шильонъ (Жук.).

*

109. Утро на берегу озера.

Стихотвореніе *И. Никитина.*

Ясно утро. Тихо вѣетъ
теплый вѣтерокъ;
лугъ, какъ бархатъ, зеленѣетъ,
въ заревѣ востокъ.

Окаймленное кустами
молодыхъ ракитъ,
разноцвѣтными огнями
озеро блеститъ.

Тишинѣ и солнцу радо,
по равнинѣ водъ
лебедей ручное стадо
медленно плыветъ.

Вотъ одинъ взмахнулъ лѣниво
крыльями,—и вдругъ
влага брызнула игриво
жемчугомъ вокругъ.

Привязавъ къ ракитамъ лодку,
мужички вдвоемъ,
близъ осоки, втихомолку,
тянутъ сѣть съ трудомъ.

По травѣ, въ рубашкахъ бѣлыхъ,
скачутъ босикомъ
два мальчишка загорѣлыхъ
на прутахъ верхомъ;

крупный потъ съ нихъ градомъ
льется,
и лицо горитъ;
звучно смѣхъ ихъ раздается,
голосокъ звенитъ.

„Ну катай наперегонки".
А на шалуновъ
съ тайной завистью дѣвчонка
смотритъ изъ кустовъ.

„Тянутъ, тянутъ!" закричали
ребятишки вдругъ:
„вдоволь, чай, теперь поймали
и линей и щукъ".

Вотъ на берегу отлогомъ
показалась сѣть.
— „Ну, вытряхивай-ка, съ Богомъ—
нечего глядѣть".

Такъ сказалъ старикъ высокій,
весь, какъ лунь, сѣдой,
съ грудью выпукло-широкой,
съ длинной бородой.

Сѣть намокшую подняли
дружно рыбаки;
на пескѣ затрепетали
окуни, линьки.

Дѣти весело шумѣли:
„будетъ на денекъ!"
и на корточки присѣли
рыбу класть въ мѣшокъ.

Окаймить, окаймлять—обнести, очертить, обвести каймой, т.-е. полосой по краю чего-либо. Облако окаймлено золотистой полосой.

Осока—болотная трава.

Корточки—положеніе человѣка, сидящаго съ поджатыми подъ себя ногами и поднятыми колѣнями, опершись ступнями въ землю. Вотъ Мишенька... присѣлъ на корточки (Крыл.).

*

110. * * *

Отрывокъ *С. Юшкевича.*

Лѣто уходило. Оно уходило утромъ, уходило каждую минуту, цѣлое, нераздѣльное, съ своимъ жаркимъ солнцемъ, короткими ночами, знойнымъ, пустыннымъ небомъ,—уносило свои ароматы и цвѣта, а маленькая, едва рожденная осень уже хмурила отвоеванное небо густыми дождевыми тучами. Лѣто уходило, и со всѣхъ сторонъ и отовсюду, казалось, слышалось долго и печально „прощай, прощай!“ То прощалось солнце и заглядывало во всѣ уголки большого двора,—и похолодѣвшіе лучи его жадно цѣловались съ землей, съ поникшей травой; то прощались озабоченныя птицы, стаями сидѣвшія на телеграфныхъ проволокахъ, на крышахъ домовъ, въ садахъ, и хлопотливо кричали о предстоящемъ долгомъ пути; то прощались бабочки и кузнечики, ежедневно умиравшіе, и лягушки, прячась подъ большими камнями; то прощалась дикая трава, широкій лопухъ и розы-колючки. По утрамъ уже было холоднѣе, и въ теплыхъ куртках, невеселые, недовольные, мы прощались съ милыми радостями.

Нераздѣльный—то, чего нельзя раздѣлить, разъединить на части, разрознить.
Отвоевать—отнять силою.
Куртка—короткая мужская одежда, безъ полъ, круглая.

*

Басня *И. Крылова.*

Предлинной хворостиной
мужикъ гусей гналъ въ городъ продавать;
и, правду истинну сказать,
не очень вѣжливо честилъ свой гуртъ гусиный:

на барыши спѣшилъ къ базарному онъ дню
(а гдѣ до прибыли коснется,
не только тамъ гусямъ, и людямъ достается).
Я мужика и не виню;
но гуси иначе объ этомъ толковали
и, встрѣтяся съ прохожимъ на пути,
вотъ какъ на мужика пеняли:
—„Гдѣ можно насъ, гусей, несчастнѣе найти?
Мужикъ такъ нами помыкаетъ,
и насъ, какъ будто бы простыхъ гусей, гоняетъ,
а этого не смыслитъ неучъ сей,
что онъ обязанъ намъ почтеньемъ;
что мы свой знатный родъ ведемъ отъ тѣхъ гусей,
которымъ нѣкогда былъ долженъ Римъ спасеньемъ;
тамъ даже праздники имъ въ честь учреждены!“
—„А вы хотите быть за что отличены?“
спросилъ прохожій ихъ.—„Да наши предки“...—„Знаю!
И все читалъ; но вѣдать я желаю:
вы сколько пользы принесли?“
—„Да наши предки Римъ спасли!“
—„Все такъ, да вы что сдѣлали такое?“
—„Мы? ничего!“—„Такъ что жъ и добраго въ васъ есть?
Оставьте предковъ вы въ покоѣ:
имъ по дѣламъ была и честь;
а вы, друзья, лишь годны на жаркое“.

Баснь эту можно бы и болѣ пояснить—
да чтобъ гусей не раздразнить.

Честить, чествовать—1) оказывать почтенье, честь. Всякъ честитъ Бога по-своему. 2) угощать, потчевать. Не чести меня пивомъ-медомъ, почести меня зеленымъ виномъ. 3) бранить, ругать, поносить. Ужъ онъ его честилъ, честилъ...

Помыкать—неволить, толкать, тащить насильно. Онъ его туда и сюда помыкаетъ.

Быть должну—быть обязаннымъ (устар.), **быть должнымъ**—имѣть на себѣ долгъ. Онъ никому не долженъ.

Отличить—1) ставить выше, лучше прочихъ, предпочитать, хвалить, награждать. Его начальство отличаетъ. 2) узнавать, распознавать одинъ предметъ отъ другого по какимъ-либо признакамъ. Въ темнотѣ дороги не отличишь.

Честь—опредѣлите различныя значенія этого слова въ слѣдующихъ примѣрахъ: Человѣкъ незапятнанной чести. — Поле чести. — Отдать

честь.—Честь по заслугамъ.—Хлѣбъ-соль есть, да не про вашу честь.—Сегодня въ чести, завтра ступай свиней пасти.—Была и честь, да не умѣлъ ее снесть.—*Береги честь смолоду, а здоровье къ старости.—Каковъ есть, такова и честь.*—Къ чести сказать.—Но долго ль былъ мѣшокъ въ чести и слылъ съ умомъ? (Крыл.).—Сыщи ей жениха, чтобъ былъ хорошъ, уменъ, и въ лентахъ, и въ чести, и молодъ былъ бы онъ (Крыл.).—Погибъ поэтъ—невольникъ чести (Лерм.)—Честью просятъ! — Къ чему и честь, коли нечего ѣсть. — Первый кладъ мой — счеть была: кладъ этотъ, пытка отняла (Пушк.).

*

112. Домой.

Разсказъ *Н. Телешова.*

I.

Была ясная лѣтняя ночь. Луна свѣтила весело и спокойно; она заливала своимъ серебромъ поляны и дороги, пронизывала лѣса лучами, золотила рѣки... Въ эту самую ночь изъ дверей переселенческаго барака, крадучись, вышелъ Семка, вихрастый, блѣднолицый мальчикъ лѣтъ одиннадцати, оглядѣлся, перекрестился и вдругъ побѣжалъ, что было мочи, по направленію къ полю, откуда начиналась „рассейская“ дорога.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ „божьихъ дѣтей“, которыя остаются сиротами послѣ переселенцевъ. Родители его умерли въ пути, и Семка остался одинокимъ среди чужихъ людей и чужой природы, вдалекѣ отъ родины, которую онъ помнилъ лишь по бѣлой каменной церкви, по вѣтрянымъ мельницамъ, по рѣчкѣ Узюпкѣ, гдѣ, бывало, купался съ товарищами, и по селу, которое называлось Бѣлое. Но гдѣ эта родина, это село и рѣчка Узюпка,— было для него такой же тайной, какъ и то мѣсто, гдѣ онъ находился сейчасъ. Онъ помнилъ одно, что пришли они сюда вотъ по этой самой дорогѣ, что переѣзжали раньше поперекъ какую-то широкую рѣку, а еще раньше плыли долго на пароходѣ, ѣхали по машинѣ, и ему казалось, что стоитъ пройти лишь эту дорогу, какъ будетъ рѣка, потомъ машина, а тамъ будетъ и рѣчка Узюпка, и село Бѣлое, и родной домъ, къ которому онъ такъ привыкъ и гдѣ знаетъ наперечетъ всѣхъ сельскихъ стариковъ и мальчишекъ. Помнилъ онъ еще, какъ умерли его отецъ и мать, какъ ихъ положили въ гробъ и отнесли куда-то за рощу, на незнакомый погостъ. Помнилъ Семка еще и то, какъ онъ плакалъ и просился

домой, но его заставили жить здѣсь въ баракѣ, кормили хлѣбомъ и щами и всегда говорили: „Теперь не до тебя“.

Проходили дни и недѣли, а Семка все жилъ въ ненавистномъ баракѣ, не смѣя никуда отлучиться. Наконецъ ему надоѣло. Вѣдь вотъ же она, та самая дорога, по которой они пришли сюда изъ „Расеи“!.. Не пускаютъ добромъ, такъ онъ и самъ убѣжитъ! Развѣ долго?... И опять онъ увидитъ родную Узюпку, родное Бѣлое, опять увидитъ Малашку, Васятку и Митьку, своихъ закадычныхъ пріятелей, пойдетъ къ барынѣ Афросиньѣ Егоровнѣ, пойдетъ къ поповымъ мальчикамъ, у которыхъ растетъ много вишенъ и яблоковъ...

Хотя страхъ быть пойманнымъ и удерживалъ Семку долгое время, однако надежда увидѣть свою рѣчку, своихъ товарищей и родное село—была такъ велика и соблазнительна, что Семка, затаивъ въ душѣ завѣтную мечту, выбралъ удобное время и, отказавшихъ навѣкъ отъ даровыхъ щей, выбѣжалъ на дорогу и былъ вполнѣ счастливъ, что возвращается домой. Ему казалось, что нигдѣ нѣтъ такого хорошаго мѣста, какъ Бѣлое, и во всемъ свѣтѣ нѣтъ такой хорошей рѣки, какъ Узюпка.

Уже луна приближалась къ горизонту, уже наступало утро, а Семка все шелъ по дорогѣ, вдыхая свѣжій росистый воздухъ и радуясь тому, что всякій шагъ приближаетъ его къ дому.

II.

И Семка шелъ безъ-устали, безъ боязни; его радовала свобода, веселили поля съ пестрыми цвѣтами и звонъ колокольчиковъ проносившейся мимо почтовой тройки; иногда онъ ложился въ траву и крѣпко засыпалъ подъ кустомъ шиповника или забирался въ придорожную рощу, когда становилось жарко. Сердобольныя сибирскія бабы кормили его хлѣбомъ и молокомъ, а попутные мужики иногда подвозили на телѣгахъ.

— Дяденька, подвези, Христа ради! — упрашивалъ Семка, когда его догонялъ кто-нибудь на лошади.

— Тетенька, дай, Христа ради, хлѣбца!—обращался онъ въ деревняхъ къ хозяйкамъ.

Всѣ его жалѣли, и Семка былъ сытъ.

На третій день передъ Семкой заблестѣла рѣка.

— Вотъ, вотъ! Она и есть!

Солнце уже закатилось, и багрянецъ неба ярко отражался въ

водѣ. Было красиво и тихо, но всюду было такъ пусто, что Семка смутился. Вдалекѣ, на противоположномъ берегу, виднѣлось какое-то селеніе, а направо и налѣво тянулись рощи. Спустившись по кручѣ къ самой водѣ, Семка началъ вглядываться то въ одну, то въ другую сторону, но было попрежнему все пусто и нѣмо, только у ногъ его сердито плескалась холодная рѣка, да по небу тянулись гуськомъ какія-то птицы.

Въ смущеніи онъ побрелъ вдоль по берегу, но нигдѣ не было ни души, не слышалось ни единаго звука. Между тѣмъ багрянецъ заката началъ медленно угасать; блѣднѣе становилось небо, и на дальнихъ поляхъ закурилась роса.

Семка задумался.

Потомъ онъ сѣлъ на песокъ и только тогда почувствовалъ, что усталъ и что итти болѣе не можетъ. Да и куда же уйдешь, когда передъ глазами вода?.. Сначала онъ глядѣлъ на эту воду, слѣдилъ, какъ она стремится куда-то впередъ и плещется о берегъ, потомъ глядѣлъ на небо, на меркнущее пространство вдалекѣ за рѣкою, на лѣсъ, на поляны,—и что-то грустное, смутное ложилось камнемъ на его дѣтское сердце. Была ли это простая боязнь, или сознаніе круглаго сиротства, или раскаяніе, или, можетъ-быть, дума о родинѣ, но только Семкѣ хотѣлось заплакать, хотѣлось ѣсть и пригрѣться, хотѣлось видѣть подлѣ себя отца съ матерью, и онъ, закусивъ палецъ, сидѣлъ неподвижно надъ рѣкою, установившись глазами куда-то вдаль, и ничего не видѣлъ передъ собою.

III.

Вдругъ среди затишья послышались звуки, неясные и негромкіе. Семка встрепенулся. Казалось, кто-то пѣлъ про себя нехотя заунывную пѣсню, пѣлъ лѣниво, сквозь зубы, почти сквозь сонъ...

Дѣйствительно изъ-за куста, гдѣ рѣка дѣлала небольшой изгибъ, показался челнокъ; онъ плылъ не спѣша и держался возлѣ самаго берега.

— Дяденька!.. довези!—крикнулъ Семка, когда рыбакъ, мурлыча пѣсню, поравнялся съ нимъ.—Дяденька!.. а дяденька!

Тотъ повернулъ голову, и Семка увидѣлъ его загорѣлое, не русское лицо, съ клочкомъ черной бороды и вздернутой верхней губой, изъ-подъ которой виднѣлись острые бѣлые зубы. Сидѣлъ

онъ въ такомъ маленькомъ челночкѣ, вырубленномъ изъ ствола, что вода приходилась почти вровень съ бортами: при этомъ черная зыбь сильно качала его, и было страшно, что онъ сейчасъ опрокинется и утонетъ. Но рыбакъ спокойно опустилъ весло (другого весла у него не было) и пристально поглядѣлъ на мальчика.

— Дяденька...—несмѣло повторилъ Семка.—Христа ради, перевези...

— А деньга давалъ?—рѣзко отвѣтилъ тотъ, и было замѣтно что онъ недоволенъ просьбой.

Грубый отвѣтъ, злое выраженіе лица рыбака и наступающая ночь среди пустыни совсѣмъ озадачили Семку. Въ эти три дня онъ перевидалъ много людей, но всѣ относились къ нему участливо, сердечно, и только сейчасъ, когда помощь была особенно дорога и необходима, онъ встрѣтился съ суровымъ человѣкомъ и въ первый разъ почувствовалъ своею дѣтскою душой—чужого... Да, это былъ именно „чужой“ человѣкъ, которому все равно, будетъ ли Семка сытъ и живъ, или не будетъ. И Семка глядѣлъ на него со страхомъ, почти враждебно. Ему вдругъ стало такъ печально и тяжело, такъ стало жалко отца съ матерью, такъ сиротливо и горько, что захотѣлось броситься въ воду и умереть. И, не зная, что сдѣлать, Семка схватился обѣими руками за волосы, повалился ничкомъ на песокъ и зарыдалъ громко, во весь голосъ; даже рыбаку стало жалко его. Онъ подумалъ, не заблудился ли мальчикъ и не живетъ ли на той сторонѣ рѣки.

Пожавъ плечами, онъ рѣзко крикнулъ, чтобы Семка взглянулъ на него:

— Гей-гей!!..—потомъ указалъ на дно своего челнока, гдѣ валялась кучей мелкая рыба, и грубо проговорилъ:—Садись!

IV.

Прошло двѣ недѣли.

Много дорогъ и деревень осталось позади, за Семкой. Онъ не унывалъ и брелъ не торопясь, только иногда поспрашивалъ:

— Далеко ль еще до Расеи?

— До Расеи-то?—отвѣчали ему.—Да не близко. Къ зимѣ, гляди, попадешь, а можетъ и раньше.

— А зима-то скоро?

— Нѣтъ, зима не скоро. Еще осени не было.

Когда Семка проходилъ селомъ или когда издали случалось

ему завидѣть высокую бѣлую колокольню съ золотымъ крестомъ, то слезы навертывались ему на глаза, а на душѣ становилось радостно и тепло. Онъ снималъ шапку, бросался на колѣни и, плача, восклицалъ:

— Господи! Пошли скорѣй зиму!..

Иногда на краю дороги Семка встрѣчалъ одинокій деревянный крестъ; поблизости не было ни жилья ни даже сторожки, а только лѣсъ съ одной стороны да степь съ другой,—и задумывался Семка надъ этимъ крестомъ, и всегда вспоминались ему отецъ и мать, вспоминался шатеръ среди поля, гдѣ они умерли,— и Семка, забывая усталость, ускорялъ шаги, шепча свое завѣтное слово: „Домой!.. домой“!..

V.

Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе во всемъ замѣчалъ Семка, что наступаетъ осень. „Слава Богу! скоро зима!“ думалось ему, и родное село казалось все ближе и ближе. На поляхъ не вились уже пестрыя бабочки, не кружились стрекозы; деревья роняли листву, трава увядала; небо чаще заволакивалось сѣрыми, жидкими тучами; по ночамъ стояли холода. Но Семка думалъ: „Слава Богу! теперь ужъ скоро!“

Проходя по тракту, Семка съ утра еще ничего не ѣлъ и теперь чувствовалъ голодъ. Завидѣвъ въ кустахъ человѣка, который сидѣлъ, поджавъ подъ себя ноги, и что-то жевалъ, онъ остановился и съ завистью глядѣлъ, какъ тотъ, облупивъ яйцо, откусывалъ, заѣдая хлѣбомъ.

— Тебѣ чего?—спросилъ человѣкъ, не поднимаясь и продолжая жевать.

Семка молчалъ.

Человѣкъ этотъ былъ уже не молодъ, съ сѣрою короткою бородой, съ загорѣлымъ и обвѣтрившимся лицомъ, съ узкими впалыми глазами. На ногахъ его были надѣты шерстяныя пимы, на плечахъ пестрый пиджакъ, а на затылкѣ картузъ.

— Тебѣ чего?—повторилъ онъ, вглядываясь въ Семку.

— Дѣдушка...—несмѣло отвѣтилъ Семка,—дай, Христа ради, хлѣбца кусочекъ...

— Самому, пріятель, Христа ради дали. Ну, да на... Подѣлюсь!

Онъ протянулъ ему корку и опять спросилъ:

— Ты чей такой? Откуда взялся?

— Домой иду... въ Расею.

— Въ Расею?.. Вотъ и я въ Расею... А зачѣмъ ты идешь?

Семка подробно началъ разсказывать о своей жизни. Онъ говорилъ, какъ было ему скучно въ баракѣ, какъ захотѣлось домой и какъ онъ убѣжалъ ночью, а незнакомецъ все слушалъ да кивалъ головою, точно хваля его за что-то.

— Молодецъ, братъ!—проговорилъ старикъ, похлопавъ Семку по рукѣ.—Только, гляжу я, плохая твоя жизнь!.. Видно, по моимъ слѣдамъ пойдешь: ни дома тебѣ не видать, ни своего мѣста не знать...

— А ты, дѣдушка, кто такой?—съ интересомъ проговорилъ Семка и сѣлъ напротивъ старика.

— Кто я-то?.. Да никто... Такъ... Одно слово—„неизвѣстный“.

Старикъ глубоко вздохнулъ и провелъ ладонью по лицу, точно утираясь.

— Да, братъ... Ты человѣкъ малый, а и то вонъ родина-то назадъ тебя потянула... Всегда она такъ, точно мать родимая... тянетъ, тянетъ... Мѣста нигдѣ безъ нея не найдешь. Придешь, взглянешь на нее, матушку, однимъ глазкомъ, ну и легче!

— А что, дѣдушка, дойду я къ зимѣ до Расеи?

— Нѣтъ, не дойдешь. Потому пойдутъ холода, а на тебѣ вонъ даже пальтишка нѣтъ... Хаживалъ я... знаю... Не дойдешь, говорю... Замерзнешь.

Отъ его словъ Семка закручинился. Задумался и старикъ. Оба, потупивъ глаза, молчали.

Семкѣ въ это время казалось, какъ онъ будетъ замерзать, и было горько, что никто объ этомъ не узнаетъ въ Бѣломъ. А старикъ думалъ свою думу и молча поводилъ усами.

— Такъ ты куда?—неожиданно спросилъ Неизвѣстный, поднимаясь съ травы.

— Я, дѣдушка, домой...

— Ну, и я домой. Пойдемъ вмѣстѣ.

Оба они молча вышли на дорогу и побрели, не торопясь, впередъ.

VI.

Свечерѣло... Лившій съ полудня дождь пронизалъ до костей и Семку и Неизвѣстнаго.

— Иди, братъ, иди!—подбадривалъ старикъ.—Поспѣшай! А то двинетъ это осень-то взаправду, по-настоящему, а мы съ тобой еще до горъ не дошли. Что жъ тогда? Пропадать нужно.

— Иду, дѣдушка.

— И то запоздали... Какъ бы холодъ, боюсь, не ударилъ... А то бѣда!

Семка, несмотря на усталость, чувствовалъ себя хорошо. Встрѣча съ попутчикомъ его радовала и бодрила. Онъ былъ спокоенъ, что теперь уже не собьется съ дороги и что дѣдушка приведетъ его, куда нужно; да и поговорить было пріятно: а дѣдушка все время разсказывалъ и про родину и про Сибирь, гдѣ копаютъ золото, говорилъ объ острогахъ, о волѣ, о суровой сибирской зимѣ и о зеленой весенней травкѣ, которая такъ и манитъ человѣка домой, такъ и не даетъ ему покоя ни днемъ, ни ночью.

— А что, дѣдушка, мы ужъ много прошли?—спрашивалъ Семка.

— Видишь — голоднѣй стало: значитъ, къ Расеи подвигаемся. А за горы перевалимъ — тамъ еще труднѣй будетъ; потому и говорю: поспѣшай! Въ Расеи деньгу любятъ, а у насъ съ тобой этого самаго нѣту, ну, и ночуй, гдѣ хочешь, и ѣшь, что знаешь. Сибирь, братъ, добрая!.. Только добро-то ея намъ не по вкусу... не по зубамъ! Поспѣшай, паренекъ, поспѣшай!

VII.

Въ сторонѣ отъ проѣзжей дороги остановился обозъ. Было темно и холодно, и красное пламя костровъ привѣтливо манило путниковъ. Распряженныя лошади въ потемкахъ бродили по полянѣ, пощипывая вялую осеннюю траву; воза стояли съ поднятыми кверху оглоблями, а мужики, разведя огонь, грѣлись и варили ужинъ.

— Богъ помощь!—сказалъ Неизвѣстный, подходя къ костру.—Дозвольте погрѣться, пріятели!..

— Садись,—отвѣтили равнодушные голоса.

Старикъ подсѣлъ и протянулъ къ огню руки. Семка тоже приблизился. Промокшее платье его вскорѣ согрѣлось, и по спинѣ пробѣжала пріятная дрожь.

— Откуда Богъ несетъ? — спросилъ кто-то изъ мужиковъ, вглядываясь въ лицо Неизвѣстному.

— Издали идемъ. Къ домамъ пробираемся.

— Паренекъ-то твой, что ли?

— Нѣтъ, встрѣчный. Переселенскій онъ-то... Сиротой остался.

— Вишь ты, промокъ, сердешный!

На Семку всѣ обратили вниманіе. Онъ сидѣлъ возлѣ самаго костра и, ежась, глядѣлъ, какъ горятъ и корчатся въ огнѣ сучья, какъ тянется по вѣтру бѣлый дымъ, какъ пѣнится и шипитъ въ котелкѣ варево.

— Сирота, стало-быть? — спросили мужики и опять стали смотрѣть на Семку.

Потомъ начали разговаривать о хлѣбѣ и о работѣ; потомъ, когда поспѣла ѣда, принялись за ужинъ.

— Ѣшь, несчастненькій, ѣшь!—угощали Семку.—А то, вишь, зазябъ.

Семка наѣлся и прилегъ отдохнуть. Послѣ горячей пищи ему было пріятно поваляться возлѣ огня. Сучья весело трещали, пахло дымомъ и свѣжей корой,—совсѣмъ такъ же, какъ бывало въ Бѣломъ! Только если бъ это было дома, онъ накопалъ бы сейчасъ картошки и бросилъ бы въ огонь. И Семкѣ вспоминался этотъ горячій обуглившійся картофель, который и пахнетъ, и руки жжетъ, и на зубахъ хруститъ.

Надъ головою Семки свѣтились звѣзды, такія же ясныя, частыя, какъ въ Бѣломъ, — и ему хотѣлось думать, что Бѣлое теперь гдѣ-нибудь близко... Ноги его ныли отъ усталости, земля холодила бокъ и спину, а костеръ такъ хорошо пригрѣвалъ ему лицо, и грудь, и колѣнки.

Мужики все еще о чемъ-то разговаривали; и дѣдушка тоже разговаривалъ съ ними. Семка слышалъ его голосъ: „Трудно, пріятели, трудно“... И мужики говорили то же, что „трудно“. Потомъ голоса ихъ стали глуше и тише, точно зажужжали пчелы... Потомъ поплыли передъ Семкой красные круги, потомъ разлилась широкая, холодная рѣка, а за рѣкой показалось Бѣлое... Семка хотѣлъ броситься къ нему вплавь, но Неизвѣстный поймалъ его за ногу и сказалъ: „Трудно! трудно!“ Потомъ опять завертѣлись красные и зеленые круги,—и все перемѣшалось...

Семка спалъ какъ убитый.

VIII.

Было раннее сѣрое утро, когда онъ открылъ глаза. По небу тянулись тучи, холодный вѣтеръ налеталъ порывами на потух-

шій костеръ и, выхвативъ кучку золы, со свистомъ разносилъ ее по полю. Мужиковъ уже никого не было, а Неизвѣстный, свернувшись въ комокъ, лежалъ на землѣ.

Семка приподнялся и сѣлъ.

— Дѣдушка!—позвалъ онъ старика, но тотъ не отвѣтилъ.— „А гдѣ жъ мужики-то?“ — подумалось ему сейчасъ же и вдругъ стало страшно за Неизвѣстнаго...

Вѣтеръ свистѣлъ, раздувая золу; и все поле, казалось, шуршитъ и стонетъ... Становилось жутко.

— Дѣдушка!—крикнулъ еще разъ Семка, но голосъ его отнесло вѣтромъ въ другую сторону.

Глаза его противъ воли закрывались, голова отяжелѣла и сама падала на плечи. Семка снова прилегъ, а вокругъ и отовсюду гудѣло ему въ уши: з-з-з-з!.. И ему чудилось, что Неизвѣстнаго убили разбойники, чудилось опять гдѣ-то близко Бѣлое, но войти въ него кто-то мѣшаетъ, кто-то тянетъ назадъ, тянетъ туда, на огромное поле, гдѣ стоитъ сѣрый баракъ. „А... ты домой?!“ говоритъ чей-то сердитый голосъ. Семка задыхается — и открываетъ глаза.

Надъ нимъ сидитъ Неизвѣстный и печально киваетъ головой.

— Что, братъ?..—говоритъ онъ, трогая его лицо рукою.

И Семка видитъ надъ собою небо, солнце, сѣрую бороду, впалые глаза...

— Что, братъ?.. Дѣло-то наше, видно, дрянь!

— Дѣдушка,—еле пробормоталъ Семка.

— Ну-ка, братъ, встань, посиди!

Старикъ поднялъ его, посадилъ къ себѣ на колѣни и далъ привалиться къ своей груди головою.

— Что, братъ?

— Ничего,—пробормоталъ снова Семка.

— Очувствуйся немножко, да надо итти какъ-нибудь... Не помирать же здѣсь, Богъ милостивъ.

IX.

Черезъ часъ они уже брели тихонько по дорогѣ, обнявшись. Неизвѣстный шагалъ мѣрно и увѣренно, а Семка часто спотыкался и сбивался съ шага.

— Городъ-то больно далече,—жаловался старикъ.—Въ больницу бы тебя положить... Ты вѣдь не то, что я... Тебѣ можно...

А мнѣ вотъ и глазъ нельзя туда показать... въ городъ-то. Эхъ, житье, житье!..

Немного спустя, Семка остановился и подогнулъ колѣни.

— Дѣдушка... ноги не идутъ. Давай посидимъ.

— Отойдемъ въ рощу. Тамъ потеплѣе. Ну, держись за меня. Вотъ такъ! Ну, пойдемъ.

Въ рощѣ оба они сѣли. Неизвѣстный велѣлъ Семкѣ положить голову къ нему на колѣни, а самъ наломалъ сучьевъ и сдѣлалъ изъ нихъ постель.

— Ложись, ложись, мужичокъ!.. Ложись!

— Дѣдушка, — взмолился Семка, — не бросай меня одного! Христа ради, дѣдушка!

Онъ горько заплакалъ и не говорилъ уже болѣе ни слова. Опять ему стало казаться, что вокругъ все гудитъ и свиститъ, опять кто-то тянетъ его за голову, и все предъ нимъ кружится и горитъ...

X.

Однажды, въ больничномъ халатѣ, все еще слабый послѣ болѣзни, Семка стоялъ у окна и задумчиво глядѣлъ на пустынную улицу, гдѣ вѣтеръ гонялъ черезъ лужи сухіе осенніе листья. Позади Семки стоялъ Демидычъ, больничный солдатъ, и тоже глядѣлъ, думая свою думу. Онъ уже разсказывалъ Семкѣ, какъ его больного, безъ памяти, принесъ сюда старикъ. „А тутъ случился исправникъ... Глянулъ онъ, это, на старика, да и говоритъ: „Здорово, красавецъ!..“ А старикъ-то такъ и присѣлъ. „Опять, говоритъ, гуляешь?..“ Ну, сейчасъ его и взяли... Третій разъ старикъ-то съ каторги бѣгаетъ. Третій разъ его ловятъ“.

Обо всемъ этомъ Семка уже слыхалъ отъ солдата, и всякій день, когда молился, говорилъ: „Господи! спаси дѣдушку — Неизвѣстнаго!..“

— Нынче ихъ отсылаютъ,—говорилъ солдатъ. — Гляди, сейчасъ поведутъ.

Вскорѣ до слуха Семки донеслись глухіе странные звуки. Потомъ показались солдаты съ ружьями на плечахъ, а за ними шла толпа въ сѣрыхъ халатахъ и круглыхъ шапкахъ, громыхая цѣпями, которыя болтались и звенѣли у рукъ и ногъ; по бокамъ и позади шли также солдаты; всѣ ежились отъ холода.

Съ замиравшимъ сердцемъ Семка прильнулъ къ стеклу и во

всѣ глаза глядѣлъ на эту сѣрую толпу, отыскивая знакомаго. Вдругъ онъ отчаянно закричалъ и началъ бить по стеклу кулаками.

— Дѣдушка! дѣдушка!.. дѣдушка!..

Среди арестантовъ онъ увидалъ Неизвѣстнаго, который, путаясь въ цѣпяхъ, проходилъ почти возлѣ окна.

— Дѣдушка!.. дѣдушка!.. — кричалъ Семка, не помня себя отъ радости и отъ ужаса.

Заслышавъ стукъ, многіе повернули головы. Оглянулся и Неизвѣстный. Семка видѣлъ, какъ онъ взглянулъ на него своими впалыми сѣрыми глазами, видѣлъ, какъ онъ вздохнулъ и печально покивалъ ему головою.

Слезы градомъ брызнули у Семки, сердце бѣшено колотилось въ груди,—а между тѣмъ партія и конвой прошли уже и скрылись за угломъ дома. Семка все еще бился и кричалъ: „Дѣдушка!..“, а сторожъ равнодушно говорилъ:

— Чего ревешь? Нечего ревѣть; тебя вернутъ скоро на родину, потому ты—дите, и тутъ тебѣ вовсе не мѣсто. Сказано, вернутъ,—не ори!

Но Семка рыдалъ и все старался заглянуть куда-то вкось, за уголъ, куда унесъ свои цѣпи его случайный вѣрный другъ—Неизвѣстный.

Пронизывать, пронизать—проникать насквозь, проколоть, проткнуть. Паду ли я, стрѣлой пронзенный? („Евг. Он.“). Обратите вниманіе на выраженія: пронизывающій холодъ, пронизывающій вѣтеръ.

Переселенческій—отъ сл. переселенецъ—выселившійся съ родины, чтобы поселиться на новомъ мѣстѣ.

Баракъ (фр. сл.)—легкое деревянное строеніе для войскъ, для рабочихъ или для помѣщенія больныхъ.

Наперечетъ—отъ сл. перечесть, пересчитать. Всѣхъ знаю наперечетъ, т.-е. могу всѣхъ пересчитать.

Погостъ—кладбище съ церковью.

Ненавистный — вызывающій ненависть, нелюбимый. Крѣпнетъ морозъ ненавистный (Некр.).

Отлучиться—отбыть куда-нибудь временно. Онъ отлучился изъ города по дѣламъ службы.

Закадычный—близкій, задушевный.

Завѣтный—тайный, задушевный, любимый, священный. У кого не было какой-нибудь странной, такъ называемой завѣтной мечты? (Гончаровъ).—У него нѣтъ ничего завѣтнаго—онъ никакихъ благородныхъ чувствъ не имѣетъ (Писемск.). См. сл. **завѣщать** въ I части, стр. 45.

Забираться куда-нибудь—заходить, залѣзать. Мы продолжали забираться въ самую глушь лѣса.—Къ намъ забрались воры. Не помните ли вы басню изъ I части, гдѣ встрѣчается это слово?

Сердобольный—жалостливый, сострадательный. Какъ составилось это слово?

Попутный—все, что по пути, по одной дорогѣ, по одному направленію. Попутный вѣтеръ, попутный ѣздокъ. Какое вы знаете существительное того же корня?

Багрянецъ—пурпуровый цвѣтъ.

Установиться, уставиться—имѣетъ нѣсколько значеній. Опредѣлите ихъ по слѣдующимъ примѣрамъ: Этотъ столъ тутъ не устанавливается.—Погода, наконецъ, установилась.—Оселъ, уставясь въ землю лбомъ... (Крыл.).—Этотъ порядокъ давно уже установился.—Онъ уставился на меня въ упоръ.

Озадачить—см. стр. 169.

Ничкомъ, ницъ—лицомъ къ землѣ, затылкомъ кверху, противоположн. сл. **навзничь**, которое обозначаетъ—лицомъ вверхъ. Онъ палъ ницъ передъ иконою.—Онъ поскользнулся и упалъ ничкомъ.

Навертываться, навернуться—попадаться, встрѣчаться, случаться. Покупатели навертываются.—Навернулся нечаянный гость.—Непрошеныя слезы то и дѣло навертываются на глаза.

Трактъ (лат. сл.)—большая дорога; почтовая дорога. Много видѣлъ на тракту генераловъ строгихъ (Некр.).

Впалый—вдавшійся, ввалившійся. Впалые глаза.—Впалыя щеки.

Пимы (мн. ч.)—длинные сапоги изъ оленьихъ шкуръ, шерстью наружу.

Пиджакъ—мужской костюмъ, напоминающій короткій сюртукъ, но безъ таліи и съ боковыми карманами.

Потупить, потуплять—опускать глаза, голову. Цвѣты потупили свои головки.

Пробираться—пролѣзать, проходить или проѣзжать съ трудомъ или тайкомъ, прокрадываться. Проберешься ли тутъ, по болоту?—Лѣсомъ частымъ и дремучимъ, по тропинкамъ и по мхамъ ѣхалъ всадникъ, пробираясь къ топкимъ невскимъ берегамъ (Майковъ).—Непріятель, незамѣченный, пробрался по оврагу.

Варево—всякая свареная жидкая пища. Старуха поставила на столъ большую чашку варева.

Очувствоваться—опомниться, притти въ чувство, выйти изъ состоянія обморока. Преступникъ очувствовался и раскаялся.—Послѣ обморока я очувствовался въ чужомъ домѣ.

Громыхать—стучать, гремѣть. Телѣга громыхаетъ по мостовой.—Гдѣ-то тучка громыхнула, дождичкомъ запахло (Полонск.).

Партія—отрядъ, военный или иной. По улицѣ прошла партія рекрутъ. Обратите вниманіе на значеніе этого слова въ слѣдующихъ примѣрахъ: На ярмарку привезли большую партію товару.—Не сыграете ли вы партію въ шахматы?

Конвой—1) караулъ при арестантѣ; 2) воинскій отрядъ, назначенный для охраны.

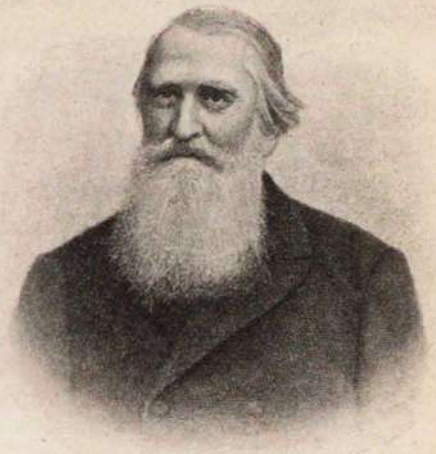
*

113. Цвѣтокъ.

Стихотвореніе *А. Плещеева.*

Весело цвѣтики въ полѣ пестрѣютъ;
ихъ по ночамъ освѣжаетъ роса;
днемъ ихъ лучи благодатные грѣютъ;
ласково смотрятъ на нихъ небеса.

Съ бабочкой пестрой, съ гудящей пчелою,
съ вѣтромъ имъ любо вести разговоръ;
весело цвѣтикамъ въ полѣ весною,
милъ имъ родимаго поля просторъ.
Вотъ они видятъ: въ окнѣ, за рѣшеткой,
тихо качается блѣдный цвѣтокъ...
Солнца не зная, печальный и кроткій,
выросъ онъ въ мрачныхъ стѣнахъ одинокъ.
Цвѣтикамъ жаль его, бѣднаго, стало,
хоромъ они къ себѣ брата зовутъ:
„солнце тебя никогда не ласкало,
брось эти стѣны, зачахнешь ты тутъ".
—Нѣтъ!—отвѣчалъ онъ:—хоть весело въ полѣ,
и наряжаетъ васъ ярко весна,
но не завидую вашей я долѣ
и не покину сырого окна.
Пышно цвѣтите! Своей красотою
радуйте, братья, счастливыхъ людей;
я буду цвѣсть для того, кто судьбою
солнца лишенъ и полей.
Я буду цвѣсть для того, кто страдаетъ:
узника я утѣшаю одинъ.
Пусть онъ, взглянувъ на меня, вспоминаетъ
зелень родимыхъ долинъ.



Алексѣй Николаевичъ Плещеевъ
(1825—1891).

Благодатный—см. стр. 22.

Чахнуть—сохнуть, вянуть, блекнуть, хилѣть, хирѣть, дряхлѣть, слабѣть, худѣть. Деревцо чахнетъ, зачахло.—Она чахнетъ съ самой осени, еле ходитъ, исчахла.

Узникъ (отъ слова узы—цѣпи, оковы)—заключенный, лишенный свободы. Толпа народа уже кипитъ на площади... Я слышу: „узникъ, выходи!" Готовъ—иду!.. Прости, природа! Палачъ, на казнь меня веди!.. (Полежаевъ).

Море.

Съ картины *М. Судковскаго*.

114. Пловецъ.

Стихотвореніе *Н. Языкова.*

Нелюдимо наше море,
день и ночь шумитъ оно;
въ роковомъ его просторѣ
много бѣдъ погребено.
Смѣло, братья! Вѣтромъ полный,
парусъ мой направилъ я:
полетитъ на скользки волны
быстрокрылая ладья.
Облака бѣгутъ надъ моремъ,
крѣпнетъ вѣтеръ, зыбь чернѣй,—
будетъ буря: мы поспоримъ
и помужествуемъ съ ней.

Смѣло, братья! Туча грянетъ,
закипитъ громада водъ,—
выше валъ сердитый встанетъ,
глубже бездна упадетъ.
Тамъ, за далью непогоды,
есть блаженная страна:
не темнѣютъ неба своды,
не проходитъ тишина.
Но туда выносятъ волны
только сильнаго душой!..
Смѣло, братья! Бурей полный,
прямъ и крѣпокъ парусъ мой.

Нелюдимо—въ данномъ случаѣ: мрачно, сурово, безлюдно.
Ладья—старинное названіе лодки.
Зыбь—легкое волненіе на водѣ отъ вѣтра. Морская зыбь.—Зыбь колосистой ржи.
Мужествовать—стойко состязаться, подвизаться въ борьбѣ (тѣлесной или духовной), стоять доблестно.
Громада—см. стр. 212.

*

115. Казнь Остапа.

Изъ повѣсти *Н. Гоголя* „Тарасъ Бульба".

Площадь, на которой долженствовала производиться казнь, не трудно было отыскать: народъ валилъ туда со всѣхъ сторонъ. Крыши домовъ были усѣяны народомъ. Но толпа вдругъ зашумѣла, и со всѣхъ сторонъ раздались голоса: „Ведутъ! ведутъ! козаки!"

Они шли съ открытыми головами, съ длинными чубами; бороды у нихъ были отпущены. Они шли ни боязливо, ни угрюмо, но съ какою-то тихою горделивостью; ихъ платья изъ дорогого сукна износились и болтались на нихъ ветхими лоскутьями; они не глядѣли и не кланялись народу. Впереди всѣхъ шелъ Остапъ.

Что почувствовалъ старый Тарасъ, когда увидѣлъ своего Остапа? Что было тогда въ его сердцѣ? Онъ глядѣлъ на него изъ толпы и не проронилъ ни одного движенія его. Они приблизились уже къ лобному мѣсту. Остапъ остановился. Ему первому приходилось выпить эту тяжелую чашу. Онъ глянулъ на своихъ, под-

нялъ руку вверхъ и произнесъ громко: „Дай же, Боже, чтобы всѣ, какіе тутъ ни стоятъ еретики, не услышали, нечестивые, какъ мучится христіанинъ! чтобы ни одинъ изъ насъ не промолвилъ ни одного слова!“ Послѣ этого онъ приблизился къ эшафоту.

„Добре, сынку, добре!“ сказалъ тихо Бульба и уставилъ въ землю свою сѣдую голову.

Остапъ выносилъ терзанія и пытки, какъ исполинъ. Ни крика, ни стона не было слышно даже тогда, когда стали перебивать ему на рукахъ и ногахъ кости, когда ужасный хрящъ ихъ послышался среди мертвой толпы отдаленными зрителями, когда панянки отворотили глаза свои,—ничто похожее на стонъ не вырвалось изъ устъ его, не дрогнуло лицо его. Тарасъ стоялъ въ толпѣ, потупивъ голову и въ то же время гордо приподнявъ очи, и одобрительно только говорилъ: „Добре, сынку, добре!“

Но когда подвели его къ послѣднимъ смертнымъ мукамъ, казалось, какъ будто стала подаваться его сила. И повелъ онъ очами вокругъ себя: Боже! все невѣдомыя, все чужія лица! Хоть бы кто-нибудь изъ близкихъ присутствовалъ при его смерти! Онъ не хотѣлъ бы слушать рыданій и сокрушенія слабой матери, или безумныхъ воплей супруги, исторгающей волосы и біющей себя въ бѣлыя груди; хотѣлъ бы онъ теперь увидѣть твердаго мужа, который бы разумнымъ словомъ освѣжилъ его и утѣшилъ при кончинѣ. И упалъ онъ силою и выкликнулъ въ душевной немощи: „Батько! гдѣ ты? Слышишь ли ты все это?..“

„Слышу!“ раздалось среди всеобщей тишины, и весь милліонъ народа въ одно время вздрогнулъ. Часть военныхъ всадниковъ бросилась заботливо разсматривать толпы народа. Янкель поблѣднѣлъ, какъ смерть; и когда всадники немного отдалились отъ него, онъ со страхомъ оборотился назадъ, чтобы взглянуть на Тараса; но Тараса уже возлѣ него не было: его и слѣдъ простылъ.

Чубъ—хохолъ, взбитый или отрощенный клокъ волосъ на головѣ.

Отпустить, отпускать—здѣсь употр. въ знач. отростить; имѣетъ много другихъ значеній. Опредѣлите ихъ по слѣдующимъ примѣрамъ: Прислуга отпущена со двора.—Лавочникъ отпустилъ товару въ долгъ.—Отпустите намъ прегрѣшенія наши.—Отпустить крѣпостного на волю.—Отпустить саблю.—Отпускать товаръ заграницу.—На его содержаніе отпускаютъ опредѣленную сумму.—Отпустить остроту.

Лобное мѣсто—1) возвышенное мѣсто (Лобное мѣсто въ Москвѣ на Красной площади); 2) мѣсто казни, видное со всѣхъ сторонъ. Ступай, дѣтинушка, на высокое мѣсто лобное, сложи свою буйную головушку (Лерм.).

Эшафотъ (фр. сл.)—помостъ, на которомъ казнятъ преступниковъ.
Исполинъ—см. стр. 12.
Панянка (польск. сл.)—барышня.

*

116. * * *

Стихотвореніе *И. Горбунова-Посадова.*

Счастливъ тотъ, кто любитъ все живое,
жизни всей трепещущій потокъ,
для кого въ природѣ все родное—
человѣкъ, и птица, и цвѣтокъ.

Счастливъ тотъ, кто для червя и розы
равную хранитъ въ себѣ любовь,
кто ничьи не вызвалъ въ мірѣ слезы
и ничью не пролилъ въ мірѣ кровь.

Счастливъ тотъ, кто съ юныхъ дней прекрасныхъ
на защитѣ слабаго стоялъ
и гонимыхъ, жалкихъ и безгласныхъ
всей душой и грудью защищалъ.

Полонъ міръ страданьями людскими,
полонъ міръ страданьями звѣрей...
Счастливъ тотъ, чье сердце передъ ними
билось лишь любовью горячѣй.

Счастливъ тотъ, чья ласка состраданья
для забитыхъ, темныхъ и нѣмыхъ
облегчаетъ тяжесть ихъ страданья,
боль обидъ жестокостей людскихъ.

Счастливъ тотъ, чей голосъ неустанно
за тѣснимыхъ пламенно звучитъ,
чья душа, сквозь тучи и туманы,
какъ маякъ, любовью къ нимъ горитъ.

Потокъ—все, что льется, течетъ непрерывной струей. Дождевые потоки образуютъ овраги. Въ переносн. знач. говорятъ: потокъ жизни, потокъ временъ.

Безгласный—1) безмолвный. И съ плачемъ безгласное тѣло спѣшили онѣ унести (Лермонт.). 2) не имѣющій голоса; не имѣющій права выражать свое мнѣніе.

Тѣснить—см. стр. 176.

*

Содержаніе.

I отдѣлъ.

		стр.
	Предисловіе	III
1.	Осень въ лѣсу. Стихотвореніе *А. Майкова*	3
2.	Осенній день. Стихотвореніе *Ѳ. Тютчева*	4
3.	Лѣсъ осенью. Стихотвореніе *И. Бунина*	—
4.	Начало осени. Отрывокъ *С. Гусева-Оренбургскаго*	6
5.	Дѣтство. Изъ повѣсти *гр. Л. Толстого*	—
6.	„Дѣтство веселое, дѣтскія грезы...“ Стихотвореніе *И. Никитина*	9
7.	Дѣтскіе годы. Стихотвореніе *С. Дрожжина*	10
8.	*** Отрывокъ *И. Тургенева*, съ портретомъ автора	12
9.	Пейзажъ. Стихотвореніе *А. Майкова*, съ рисункомъ	13
10.	Учитель Карлъ Ивановичъ. Изъ повѣсти *гр. Л. Толстого*	14
11.	Вступленіе въ новый міръ. Изъ романа *А. Шеллера-Михайлова*, съ портретомъ автора	20
12.	Въ барскомъ пансіонѣ. Разсказъ *Ѳ. Достоевскаго*	22
13.	Нянина кручина. Стихотвореніе *Омулевскаго (И. Ѳедорова)*	27
14.	Листья. Стихотвореніе Ѳ. *Тютчева*	28
15.	Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька въ школѣ. Изъ повѣсти *Н. Гоголя*, съ портретомъ автора	29
16.	Дѣтство Чичикова. Изъ сочиненія *Н. Гоголя*	31
17.	Учитель Мейеръ. Изъ романа *А. Шеллера-Михайлова*	38
18.	Сонъ Обломова. Изъ романа *И. Гончарова*, съ 2 рисунками *М. Чемберсъ-Билибиной*	40
19.	Ученье Илюши Обломова. Изъ романа *И. Гончарова*, съ портретомъ автора	52
20.	Жизнь Илюши дома. Изъ романа *И. Гончарова*	55
21.	Гуттаперчевый мальчикъ. Изъ разсказа *Д. Григоровича*	57
22.	Верба. Стихотвореніе *И. Сурикова*	71
23.	Дѣтство. Изъ романа *Д. Григоровича*, съ портретомъ автора	72
24.	Сиротка Акулина. Отрывокъ *Д. Григоровича*	78
25.	„Осенній день былъ сѣръ и сыръ...“ Стихотвореніе *Н. Огарева*, съ рисункомъ *С. Чехонина*	81
26.	Приготовленіе къ охотѣ. Изъ повѣсти *гр. Л. Толстого*, съ рисункомъ *Д. Кардовскаго*	83
27.	Охота. Изъ повѣсти *гр. Л. Толстого*	86
28.	Игры. Изъ повѣсти *гр. Л. Толстого*, съ рисункомъ *А. Вестфаленъ*	90

стр.

29. Старый домъ. Стихотвореніе *Н. Огарева*, съ рисункомъ *Д. Кардовскаго* . . 93
30. Старинный домъ. Стихотвореніе *гр. А. Толстого* . . . . . —
31. Новый свѣтъ. Изъ сочиненія *Е. Маркова* 94
32. На своихъ. Изъ сочиненія *Е. Маркова*, съ рисункомъ *В. Чемберса* . . . 103
33. Яичница. Изъ сочиненія *Е. Маркова*, съ рисунк *М. Чемберсъ-Билибиной* . 107
34. Отлетъ. Стихотвореніе *Германова*, съ рисункомъ 113
35. Мечты и фантазіи. Отрывокъ *В. Короленко* 114
36. Мальчики. Разсказъ *А. Чехова* 118
37. Осенняя слякоть. Отрывокъ *И. Тургенева*, съ рисункомъ *С. Чехонина* . . . 123
38. Илюшечка. *Ѳ. Достоевскаго* 124
39. Осень. Стихотвореніе *А. Пушкина* 144
40. Въ дурномъ обществѣ. Изъ разсказа *В. Короленко* 145
41. Осенью въ полѣ. Стихотвореніе *Н. Михайлова* 170
42. *** Отрывокъ *С. Гусева-Оренбургскаго* . . . . . —
43. Чумацкія дѣти. Стихотвореніе *И. Сурикова* 171
44. Наталья Савишна. Изъ повѣсти *гр. Л. Толстого*, съ рисунк. *А. Вестфаленъ* . 173
45. Къ нянѣ. Стихотвореніе *А. Пушкина* 175
46. Смерть Натальи Савишны. Изъ повѣсти *гр. Л. Толстого* 176
47. Сонъ и дрема. Стихотвореніе 179
48. „Помню!..“ Стихотвореніе *И. Бунина* 180
49. Разлука. Изъ повѣсти *гр. Л. Толстого* 181
50. Отъѣздъ въ Сѣчь. Изъ повѣсти *Н. Гоголя* 184
51. „Онъ смерть нашелъ въ краю чужомъ...“ Стихотвореніе *гр. А. Голенищева-Кутузова*, съ 2 рисунками (съ карт. В. Верещагина и И. Пелевина) . 188
52. На могилѣ сына. Изъ романа *И. Тургенева*, съ рисунк. (съ карт. В. Перова) 190
53. Внимая ужасамъ войны... Стихотвореніе *Н. Некрасова*, съ рисунк. (съ карт. И. Крамского) 191

II отдѣлъ.

54. Мѣдный всадникъ. Повѣсть *А. Пушкина*, съ 11 рисунками *А. Бенуа* . . . 195
55. Зима. Отрывокъ *Д. Григоровича* 214
56. Зимній вечеръ. Стихотвореніе *А. Пушкина* 215
57. Прохожій. Изъ разсказа *Д. Григоровича* 216
58. Морозъ Красный Носъ. Изъ стихотворенія *Н. Некрасова*, съ 2 рисунками (съ карт. А. Галлена и В. Перова) 233
59. Жена ямщика. Стихотвореніе *И. Никитина*, съ рисунк. (съ карт. П. Соколова) . 239
60. Крестьянинъ и смерть. Басня *И. Крылова*, съ рисунк. *М. Добужинскаго* . 243
61. Съ работы. Стихотвореніе *Н. Некрасова* 245
62. Коля Красоткинъ. Изъ романа *Ѳ. Достоевскаго* 246
63. „На снѣжной равнинѣ въ зеленомъ уборѣ...“ Стихотвореніе *Я. Полонскаго* . 268
64. Лиса. Басня *И. Крылова*, съ рисункомъ *Д. Кардовскаго* 269
65. Бѣлая тронулась. Отрывокъ *С. Аксакова*, съ рисунк. (съ карт. И. Левитана) 271
66. Весна. Стихотвореніе *Н. Языкова* 273
67. Весна. Стихотвореніе *Е. Баратынскаго* 274

стр.

68. Дѣдушка Мазай и зайцы. Стихотвореніе *Н. Некрасова*, съ рисункомъ *Б. Кустодіева* 274
69. Весенній дождь. Отрывокъ *гр. Л. Толстого*, съ портретомъ автора . . . 279
70. Утро. Стихотвореніе *Н. Никитина* 281
71. *** Отрывокъ *И. Тургенева* 282
72. Пѣсня пахаря. Стихотвореніе *А. Кольцова* . . . . . —
73. Бирюкъ. Разсказъ *И. Тургенева*, съ рисунк. (съ карт. И. Шишкина) 283
74. Крестьянинъ и работникъ. Басня *И. Крылова*, съ рисунк. *Б. Кустодіева*. 293
75. Засохшая береза. Стихотвореніе *И. Никитина* 295
76. Пѣсенка земли. Сказка *Кота-Мурлыки (Н. Вагнера)* 296
77. Колыбельная пѣсня. Стихотвореніе *К. Бальмонта* 302
78. „Жаръ весеннихъ лучей...“ Стихотвореніе *С. Дрожжина* 303
79. Дѣдушка. Стихотвореніе *И. Никитина* . . . . . —
80. Старый звонарь. Разсказъ *В. Короленко* 304
81. Похороны. Стихотвореніе *С. Надсона* 310
82. Дурачокъ. Изъ разсказа *Н. Лѣскова* 312
83. Два мужика. Басня *И. Крылова*, съ рисункомъ *Г. Нарбута* 316
84. Одинъ день на полѣ сраженія. Разсказъ *Ѳ. Тютчева* 319
85. „Тиха украинская ночь...“ Изъ поэмы *А. Пушкина*, съ портрет. автора . . 325
86. Встрѣча Руслана съ головой. Изъ поэмы *А. Пушкина*, съ рисункомъ *И. Билибина* 327
87. Цыганы. Изъ поэмы *А. Пушкина* 332
88. Старосвѣтскіе помѣщики. Изъ повѣсти *Н. Гоголя* 333
89. Демьянова уха. Басня *И. Крылова*, съ рисункомъ *Б. Кустодіева* 341
90. Лжецъ. Басня *И. Крылова*, съ рисункомъ *В. Чемберса* 343
91. Бѣжинъ лугъ. Разсказъ *И. Тургенева*, съ рисункомъ *П. Филатова* 346
92. Въ ночномъ. Стихотвореніе *И. Сурикова* 361
93. Петька на дачѣ. Разсказъ *Л. Андреева* 362
94. Кукушка и пѣтухъ. Басня *И. Крылова*, съ рисункомъ *Н. Нарбута* 369
95. Оселъ и соловей. Басня *И. Крылова*, съ портретомъ автора 370
96. Нива. Стихотвореніе *А. Майкова*, съ портретомъ автора 372
97. Въ лѣсу на зарѣ. Разсказъ *И. Тургенева* 374
98. „Солнце, солнце взошло!..“ Стихотвореніе *А. Федорова* 376
99. Въ облачный день. Изъ разсказа *В. Короленко* . . . . . —
100. Квартетъ. Басня *И. Крылова*, съ рисункомъ *М. Чемберсъ-Билибиной* . . . 377
101. „Отдохну-ка, сяду у лѣсной опушки!..“ Стихотвореніе *А. Плещеева* 379
102. Родина. Стихотвореніе *В. Башкина*, съ рисункомъ *П. Филатова* 380
103. Деревня. Разсказъ *И. Тургенева* 381
104. Всенощная въ деревнѣ. Стихотвореніе *И. Аксакова* 384
105. Саша. Изъ поэмы *Н. Некрасова* 385
106. Бѣдный богачъ. Басня *И. Крылова*, съ рисункомъ *В. Чемберса* 388
107. Котъ и поваръ. Басня *И. Крылова*, съ рисункомъ *М. Добужинскаго* 390
108. Вечеръ. Стихотвореніе *Н. Огарева*, съ рисункомъ *П. Филатова* 393
109. Утро на берегу озера. Стихотвореніе *И. Никитина* 394

стр.

110. *** Отрывокъ *С. Юшкевича* 395
111. Гуси. Басня *И. Крылова*, съ рисункомъ *Б. Кустодіева* . . . . . —
112. Домой. Разсказъ *Н. Телешова*. 397
113. Цвѣтокъ. Стихотвореніе *А. Плещеева*, съ портретомъ автора 408
114. Пловецъ. Стихотвореніе *Н. Языкова* 411
115. Казнь Остапа. Изъ повѣсти *Н. Гоголя* . . . . . —
116. „Счастливъ тотъ, кто любитъ все живое...“ Стихотвореніе *И. Горбунова-Посадова* 413

Алфавитный указатель авторовъ 418
Алфавитный указатель статей 420
Указатель рисунковъ 422
Алфавитный указатель словъ и выраженій, къ которымъ даны объясненія . . . 423

Картинки безъ текста для составленія разсказовъ.

На побывку къ сыну, съ картины *В. Маковскаго* 82
Вѣсти съ родины, съ картины *И. Касаткина* 318
Охотники на привалѣ, съ картины *В. Перова* 375

Алфавитный указатель авторовъ.

Аксаковъ, И.—Всенощная въ деревнѣ. 384.
Аксаковъ, С.—Бѣлая тронулась. 271.
Андреевъ, Л.—Петька на дачѣ. 362.

Бальмонтъ, К.—Колыбельная пѣсня. 302.
Баратынскій, Е.—Весна. 274.
Башкинъ, В.—Родина. 380.
Буниновъ, И.—Лѣсъ осенью. 4.—„Помню!..“ 180.

Вагнеръ, Н. (*Котъ-Мурлыка*).—Пѣсенка земли. 296.

Германовъ.—Отлетъ. 113.
Гоголь, Н. — Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька въ школѣ. 29. — Дѣтство Чичикова. 31.—Отъѣздъ въ Сѣчь. 184.—Старосвѣтскіе помѣщики. 333.—Казнь Остапа. 411.
Голенищевъ-Кутузовъ гр., А.—„Онъ смерть нашелъ въ краю чужомъ...“ 188.
Гончаровъ, И.—Сонъ Обломова. 40. — Ученье Илюши Обломова. 52. — Жизнь Илюши дома. 55.
Горбуновъ-Посадовъ, И.—„Счастливъ тотъ, кто любитъ все живое...“ 413.
Григоровичъ, Д.—Гуттаперчевый мальчикъ. 57.—Дѣтство. 72.—Сиротка Акулина. 78.—Зима. 214.—Прохожій. 216.
Гусевъ-Оренбургскій, С.—Начало осени. 6.—*** 170.

Достоевскій, Ѳ. — Въ барскомъ пансіонѣ. 22.—Илюшечка. 124.—Коля Красоткинъ. 246.
Дрожжинъ, С. Дѣтскіе годы. 10.—„Жаръ весеннихъ лучей...“ 303.

Кольцовъ, А.—Пѣсня пахаря. 282.
Короленко, В.—Мечты и фантазіи. 114.—Въ дурномъ обществѣ. 145.—Старый звонарь. 304. — Въ облачный день. 376.
Крыловъ, И.—Крестьянинъ и смерть. 243.—Лиса. 269.—Крестьянинъ и работникъ. 293.—Два мужика. 316.—Демьянова уха. 341.—Лжецъ. 343.—Кукушка и пѣтухъ. 369.—Оселъ и соловей. 370. — Квартетъ. 377. — Бѣдный богачъ. 388. — Котъ и поваръ. 390.—Гуси. 395.

Лѣсковъ, Н.—Дурачокъ. 312.

Майковъ, А.—Осень въ лѣсу. 3.—Пейзажъ. 13.—Нива. 372.
Марковъ, Е.—Новый свѣтъ. 94.—На своихъ. 103.—Яичница. 107.
Михайловъ, Н.—Осенью въ полѣ. 170.

Надсонъ, С.—Похороны. 310.
Некрасовъ, Н.—Внимая ужасамъ войны... 191.—Морозъ Красный Носъ. 233.—Съ работы. 245.—Дѣдушка Мазай и зайцы. 274.—Саша. 385.
Никитинъ, И.—„Дѣтство веселое, дѣтскія грезы...“ 9.—Жена ямщика. 239.—Утро. 281.—Засохшая береза. 295.—Дѣдушка. 303.—Утро на берегу озера. 394.

Огаревъ, Н.—„Осенній день былъ сѣръ и сыръ...“ 81.—Старый домъ. 93.—Вечеръ 393.
Омулевскій (Федоровъ, И.).—Нянина кручина. 27.

Плещеевъ, А.—„Отдохну-ка, сяду у лѣсной опушки!..“ 379.—Цвѣтокъ. 408.
Полонскій, Я.—„На снѣжной равнинѣ въ зеленомъ уборѣ...“ 268.
Пушкинъ, А.—Осень. 144.—Къ нянѣ. 175.—Мѣдный всадникъ. 195.—Зимній вечеръ. 215.—„Тиха украинская ночь...“ 325.—Встрѣча Руслана съ головой. 327.—Цыганы. 332.

Суриковъ, И.—Верба. 71.—Чумацкія дѣти. 171.—Въ ночномъ. 361.

Телешовъ, Н.—Домой. 397.
Толстой гр., А. К.—Старинный домъ. 93.
Толстой гр., Л. Н.—Дѣтство. 6. — Учитель Карлъ Ивановичъ. 14.—Приготовленіе къ охотѣ. 83. — Охота. 86. — Игры. 90. — Наталья Савишна. 173.—Смерть Натальи Савишны. 176.—Разлука. 181.—Весенній дождь. 279.
Тургеневъ, И.—*** 12.—Осенняя слякоть. 123.—На могилѣ сына. 190.—*** 282.—Бирюкъ. 283.—Бѣжинъ лугъ. 346.—Въ лѣсу на зарѣ. 374.—Деревня. 381.
Тютчевъ, Ѳ. И.—Осенній день. 4.—Листья. 28.
Тютчевъ, Ѳ. Ѳ.—Одинъ день на полѣ сраженія. 319.

Федоровъ, А.—„Солнце, солнце взошло!..“ 376.

Чеховъ, А.—Мальчики. 118.

Шеллеръ-Михайловъ, А.—Вступленіе въ новый міръ. 20.—Учитель Мейеръ. 38.

Юшкевичъ, С.—*** 395.

Языковъ, Н.—Весна. 273.—Пловецъ. 411.

Алфавитный указатель статей.

	стр.
Бирюкъ. И. Тургенева	283
Бѣдный богачъ. И. Крылова	388
Бѣжинъ лугъ. И. Тургенева	346
Бѣлая тронулась. С. Аксакова	271
Верба. И. Сурикова	71
Весенній дождь. Гр. Л. Толстого	279
Весна. Е. Баратынскаго	274
Весна. Н. Языкова	273
Вечеръ. Н. Огарева	393
Внимая ужасамъ войны... Н. Некрасова	191
Всенощная въ деревнѣ. И. Аксакова	384
Встрѣча Руслана съ головой. А. Пушкина	327
Вступленіе въ новый міръ. А. Шеллера-Михайлова	20
Въ барскомъ пансіонѣ. Ѳ. Достоевскаго	22
Въ дурномъ обществѣ. В. Короленко	145
Въ лѣсу на зарѣ. И. Тургенева	374
Въ ночномъ. И. Сурикова	361
Въ облачный день. В. Короленко	376
Гуси. И. Крылова	395
Гуттаперчевый мальчикъ. Д. Григоровича	57
Два мужика. И. Крылова	316
Демьянова уха. И. Крылова	341
Деревня. И. Тургенева	381
Домой. Н. Телешова	397
Дурачокъ. Н. Лѣскова	312
Дѣдушка. И. Никитина	303
Дѣдушка Мазай и зайцы. Н. Некрасова	274
Дѣтскіе годы. С. Дрожжина	10
Дѣтство. Д. Григоровича	72
Дѣтство. Гр. Л. Толстого	6
„Дѣтство веселое, дѣтскія грезы..." И. Никитина	9
Дѣтство Чичикова. Н. Гоголя	31
„Жаръ весеннихъ лучей..." С. Дрожжина	303
Жена ямщика. И. Никитина	239
Жизнь Илюши дома. И. Гончарова	55
Засохшая береза. И. Никитина	295
Зима. Д. Григоровича	214
Зимній вечеръ. А. Пушкина	215
Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька въ школѣ. Н. Гоголя	29
Игры. Гр. Л. Толстого	90
Илюшечка. Ѳ. Достоевскаго	124
Казнь Остапа. Н. Гоголя	411
Квартетъ. И. Крылова	377
Колыбельная пѣсня. К. Бальмонта	302
Коля Красоткинъ. Ѳ. Достоевскаго	246
Котъ и поваръ. И. Крылова	390
Крестьянинъ и работникъ. И. Крылова	293
Крестьянинъ и смерть. И. Крылова	243
Кукушка и пѣтухъ И. Крылова	369
Къ нянѣ. А. Пушкина	175
Лжецъ. И. Крылова	343
Лиса. И. Крылова	269
Листья. Ѳ. Тютчева	28
Лѣсъ осенью. И. Бунина	4
Мальчики. А. Чехова	118
Мечты и фантазіи. В. Короленко	114
Морозъ Красный Носъ. Н. Некрасова	233
Мѣдный всадникъ. А. Пушкина	195
На могилѣ сына. И. Тургенева	190
На своихъ. Е. Маркова	103
„На снѣжной равнинѣ въ зеленомъ уборѣ..." Я. Полонскаго	268
Наталья Савишна. Гр. Л. Толстого	173
Начало осени. С. Гусева-Оренбургскаго	6
Нива. А. Майкова	372
Новый свѣтъ. Е. Маркова	94
Нянина кручина. Омулевскаго	97
Одинъ день на полѣ сраженія. Ѳ. Тютчева	319
„Онъ смерть нашелъ въ краю чужомъ...". Гр. А. Голенищева-Кутузова	188
Оселъ и соловей. И. Крылова	370
Осенній день. Ѳ. Тютчева	4
„Осенній день былъ сѣръ и сыръ..." Н. Огарева	81
Осенняя слякоть. И. Тургенева	123
Осень. А. Пушкина	144
Осень въ лѣсу. А. Майкова	3
Осенью въ полѣ. Н. Михайлова	170
„Отдохну-ка, сяду у лѣсной опушки!.." А. Плещеева	379
Отлетъ. Германова	113
Отъѣздъ въ Сѣчь. Н. Гоголя	184
Охота. Гр. Л. Толстого	86

	стр.
Пейзажъ. А. Майкова	13
Петька на дачѣ. Л. Андреева	362
Пловецъ. Н. Языкова	411
„Помню!..“ И. Бунина	180
Похороны. С. Надсона	310
Приготовленіе къ охотѣ. Гр. Л. Толстого	83
Прохожій. Д. Григоровича	216
Пѣсенка земли. Н. Вагнера	296
Пѣсня пахаря. А. Кольцова	282
Разлука. Гр. Л. Толстого	181
Родина. В. Башкина	380
Саша. Н. Некрасова	385
Сиротка Акулина. Д. Григоровича	78
Смерть Натальи Савишны. Гр. Л. Толстого	176
„Солнце, солнце взошло!..“ А. Федорова	376
Сонъ и дрема. Стихотвореніе	179
Сонъ Обломова. И. Гончарова	40
Старинный домъ. Гр. А. Толстого	93
Старосвѣтскіе помѣщики. Н. Гоголя	333
Старый домъ. Н. Огарева	93
Старый звонарь. В. Короленко	304
„Счастливъ тотъ, кто любитъ все живое...“ И. Горбунова-Посадова	413
Съ работы. Н Некрасова	245
„Тиха украинская ночь...“ А. Пушкина	325
Утро. И. Никитина	281
Утро на берегу озера. И. Никитина	394
Ученье Илюши Обломова. И. Гончарова	52
Учитель Карлъ Ивановичъ. Гр. Л. Толстого	14
Учитель Мейеръ. А. Шеллера-Михайлова	38
Цвѣтокъ. А. Плещеева	408
Цыганы. А. Пушкина	332
Чумацкія дѣти. И. Сурикова	171
Яичница. Е. Маркова	107

Снимки съ картинъ извѣстныхъ художниковъ.

Бенуа, А.—Иллюстраціи къ „Мѣдному всаднику". 195—211.
Верещагинъ, В.—Забытый. 188.
Волковъ, Е.—Осень. 2.
Вѣрушъ-Ковальскій, А.—Зимнею ночью. 219.
Галленъ, А.—Зимой. 233.
Касаткинъ, И.—Вѣсти съ родины. 318.
Крамской, И.—Неутѣшное горе. 192.
Куинджи, А.—Березовая роща. 297.
Левитанъ, И.—Октябрь. 54.
Ранней весной. 271.
Надъ вѣчнымъ покоемъ. 311.
Лѣсная дорога. 382.
Маковскій, В.—На побывку къ сыну. 82.
Мясоѣдовъ, В.—Дорога во ржи. 373.
Остроуховъ, И.—Сиверко. 194.
Пелевинъ, И.—Первенецъ. 189.
Перовъ, В.—На могилѣ сына. 190.
Похороны. 235.
Охотники на привалѣ. 375.
Соколовъ, П.—У харчевни. 242.
Судковскій, М.—Море. 410.
Шишкинъ, И.—Сосновый боръ. 34.
Въ грозу. 285.

Перечень оригинальныхъ рисунковъ.

Билибинъ, И.—Къ поэмѣ „Русланъ и Людмила". 329.
Вестфаленъ, А.—Къ разсказамъ „Игры". 90.
„Наталья Савишна". 173.
Добужинскій, М.—Къ баснямъ „Крестьянинъ и смерть". 244.
„Котъ и Поваръ". 391.
Кардовскій, Д.—Къ разсказу „Приготовленіе къ охотѣ". 84.
Къ стих. „Старый домъ". 92.
Къ баснѣ „Лиса". 269.
Кустодіевъ, Б.—Къ стих. „Дѣдушка Мазай". 277.
Къ баснямъ „Крестьянинъ и работникъ". 294.
„Демьянова уха". 342.
„Гуси". 395.
Нарбутъ, Г.—Къ баснямъ „Два мужика". 316.
„Кукушка и Пѣтухъ". 369
Филатовъ, П.—Къ разсказу „Бѣжинъ лугъ". 348.
Къ стих. „Вечеръ". 393.
„Родина". 380.
Чемберсъ, В.—Къ разсказу „На своихъ". 102.
Къ баснямъ „Лжецъ". 345.
„Бѣдный богачъ". 388.
Чемберсъ-Билибина, М.—Къ разсказамъ „Обломовъ". 43, 47.
„Яичница". 110.
Къ баснѣ „Квартетъ". 378.
Чехонинъ, С.—Къ стих. „Осенній день". 81.
„Морозъ Красный Носъ". 238.

Указатель словъ и выраженій, къ которымъ даны объясненія.

Аврора 371
акробатъ 70
актъ 106
альтъ 378
амбразура 368
анализовать 268
антрактъ 268
апатичный 368
апеллировать 268
апостолъ 312
арена 70
археологъ 51
атаманъ 101
атмосфера 117
аудиторъ 31

Багрецъ 144
багрянецъ 408
багряница 213
бадья 117
балансировать 71
балясина 117
бандитъ 117
баракъ 407
басонъ 107
басъ 378
батракъ 172, 294
баулъ 112
баянъ 331
безвозбранный 191
безгласный 413
беззащитный 295
безкорыстный 178
безмятежный 22
безнадежный 6, 170
безпардонный 267
безродный 315
безславить 390
безсловесный 326
безцеремонно 368
бизонъ 122
бирка 89
бирюкъ 292
бить тревогу 14
бичева 373
благоговѣніе . . . 27, 107
благодарственный 385
благодатный . . . 22, 409
благодѣтельный 295
благостный 384
благотворный 22
блуждать 28
болтаться 70
бороздить 303
ботфорты 71
боярщина 244
братство 172
брезгливость 368
бремя 341
брызгать 387
бряцанье 333
буеракъ 360
бултыхать 37
бурлакъ 373
бурлить 387
бурсакъ 187
бурьянъ 187
быль 346
быть должну 396

Валекъ 107
варево 408
варить варомъ 89
Васильевъ вечеръ 231
ватага 71, 172
ввѣриться 387
ввѣрять 31
векша 12
величавый 19
вентиляціонный 70
вериги 85
верхъ 292
верша 78
вести пѣсню 303
вечерять 233
вешній 3
взмокнуть 10
взморье 214
взращенный 212
взревѣть 274
взъерошить 282
взять 360
визитъ 169
витязь 331
властный 309
влачить 213
внимать 373
водиться 37
возгласъ 310
возглашать 310
возмущать 331
возъ 309
войти въ силу 383
войтъ 341
волдырь 123
волоковое окно 215
волынка 333
вольность 332
воплотиться 112
ворогъ 310
ворохъ 360
во-свояси 361
во столпахъ 27
впалый 408
вперемежку 281
всполохнуться 232
втора 379
второчить 89
втуне 268
выбоина 20
выгонъ 143
выдаваться 12
выжлятникъ 85
выколупывать 315
вымазанный 341
выместить 213
вышколить 268
вьюнъ 70
вѣтреный 27
вѣха 101
вѣщій 384
вѣять 283

Галунъ 70
гарнитуръ 143
Геркулесъ 295
гетманъ 326
гидростатика 19
гиканье 360
гимнъ 274
гладь 168
глашеніе 384
глыба 273, 282
гнетъ 302
гнушаться 268
говѣть 390
головорѣзъ 267
гололедица 267
горемыка 71
горній 310
горячка 187
грамотей 392
грамотка 243
грезы 8
громада 212, 411
громыхать 408
грызть окна 232
грѣхъ 242, 370
гужъ 239
гулкій 376
гулъ 302
гуманность 27

гуманный 40
гумно 283
гуртовщикъ 360
гурьба 279
гутòрить 279

Дань 387
дворецъ 360
державный 212
дерновый 12
дерюга 12
деспотически. 267
десятина 283
десятникъ 245
деталь 101
дистанція 143
дичиться 213
діалогъ. 20
діэта 143
доблестный. 93
довершать 232
докучный 29
долговязый 232
долить 326
домовина. 309
доморощенный 101
допытываться 325
досада 19
до тла 317
доѣзжачій. 89
дранье 37
драть 379
дребезжать. 309
дрема 180
дробить 232
дрязгъ 341
дуля 341
духомъ. 325
душегубецъ 293
душить. 40
дымка 309

Егерь 19

Жатва 4
жбанъ. 239
ждать-пождать. 270
живительный 169
живить 303
животворный 273
жизнерадостный 376
жила 38, 103
журналистъ 346

Забирать 360
забираться 407
завѣтный 407
заглохнуть 94
загребать 3
задушевный 81
задѣвать 19
заздравный 274
закадычный 407
закормъ 232
закорузлый 324
заливистый 89
заливчатый 268
замыкаться 168
замыселъ 51
заносчивость 37
запамятовать 232
запасливый 213
запашной 292
запекаться 324
заперхать 360
заплыть 51
запомнить 232
запропаститься 232
запрудить 37
запустѣть 93
заржавый 331
зарница 361
заронить 317
зарубить 392
засаливать 324
заслонка 20
засовъ 292
застольная 101
застольщина 315
застрѣха 170
затараторить 143
затравка 268, 279
захлебываться 178
зачинщикъ 122
зефиръ 29
зобастый 383
зоркій 341
зубоскалить 383
зыбать 282
зыбкій 232
зыблемый 212
зыбь 411

Изголовье 10, 180
износить 309
изрядный 371
иллюзія 310
импровизировать . . . 51
исказить 325
испещрять 78
испитой 293, 304
исполинъ 12, 413
исправлять должность . 292
истлѣть 12
истуканъ 214
истый 368

Кавыка 37
казакинъ 187
какъ снѣгъ на голову . 292
калачница 168
калика перехожая . . . 231
калякать 78
камлотъ 341
капельдинеръ 22
карикатура 19
карла 14
категорическій 169
квартетъ 378
киверъ 107
клирное 384
клиросъ 310
клокотать 387
ключникъ 341
кобура 324
ковыль 71
кодексъ 143
козюля 360
колкій 214
колоритъ 187
колчанъ 331
колыхливый 78
компанія 169
конвой 408
конекъ 232
конференція 40
конфузиться 27
копошиться 292
коржикъ 341
корточки 394
корчить 387
коряга 78
космачъ 360
котко 215
коты 383
кочковатый 368
критическій 169
кручина 28
крѣпиться 78
крюкъ 360
кубышка 283
кузовъ 117
кумиръ 213
куражъ 143
курганъ 172, 295
куртка 395

Лабиринтъ 78
лабораторія 341
ладить 283
ладья 411
ландкарта 20
латы 331
лачуга 244
леденящій 312
лежанка 9, 341
лежать пластомъ 279
лелѣять 8, 57
ливрея 70, 341
ликовать 189
линейка 85
лисить 267
лисовщикъ 360
лицемѣрный 192
лицепріятіе 179
лобное мѣсто 412
лоно 393
лопотать 279
лотокъ 19, 168
лунь 304
лучезарный 4
люкъ 78, 169
люлька 292
лязгъ 368

Манить 379
Матрена-зимняя . . . 214
махинація 107
маячить 309
межа 373
мелькать 11
мерещиться 37
меркнуть 9, 281

мерлушка 36
мерцать 281
мистическій 103
мнить 243
мозглявый 232
молодица 310
молотило 387
молотить 283
молчанка 232
мостить 232
моціонъ 51
мужествовать 411
мурава 11
мустангъ 122
мухортый 37
мѣрно 312

Набатъ 27
навербовать 169
навертываться 408
наглый 170
нагрянуть 232, 292
надменный 212
надоумить 360
надышаться 324
надъѣдать 143
наковальня 332
накренить 78
намекать 169
наметъ 231
нанковый 143
наперечетъ 407
на-поди 361
напоить 374
напредки 360
напропалую 101
насладиться 326
на слуху 231
насторожить 233
насупиться 169
насытить 213
насѣсть 295
натягивать 51
небреженье 213
невеличка 370
невозвратимый 8
недугъ 180
недюжинный 168
неистощимый 368
неколебимый 212
нелюдимо 411
не можно 31
немощный 384
ненавистный 407
ненарокомъ 37
неодолимый 379
непреклонный 231
непреложный 268
непритворный 51
непріязненно 368
нераздѣльный 395
несообразный 187
неукоснительно 51
неумолчный 123
нисходить 332
ничкомъ 408
нужды нѣтъ 343
нѣдро 143
нѣщечко 267

Обветшать 216
обглоданный 360
облекать 368
обликъ 310
обольщеніе 31
облюбовать 309
обомшалый 89
оборонительный 107
оборотливость 37
обрамлять 169
оброкъ 244
обрушиваться 346
обрядить 245
обстругать 281
обуялый 213
овинъ 11
огладить 85
озадачить 169, 408
ознаменовать 101
оказія 112, 325
окаймить 394
окаменѣлость 51
оковать 326
околотокъ 51
омерзительный 103
опалить 324
опальный 143
операція 368
опереться 373
оплошность 270
оправдать 273
оправлять 10
опрометь 37
опѣшить 295
о Рождествѣ 317
осадить 168
осклабиться 268
осколокъ 325
ослабѣть 371
осока 394
остервенѣніе 142
остовъ 331
островъ 89
острый 37, 231
отвоевать 395
отговориться 38
отгуляться 57
отдаваться 273
отдушникъ 20
откатъ 268
откентелева 361
отличить 396
отлучиться 407
отмолчаться 169
отмѣнный 143
отнести 295
отпарировать 268
отпустить 412
отпѣтый 168
отразить 331
отрядить 101
отстаивать 40
оттѣнить 6
оттяпнуть 143
отчужденіе 81
отъѣзжій 144
очарованіе 144
очкуръ 187
очувствоваться 408

Палица 239
пампасы 122
паникадило 169
паническій ужасъ 168
пансіонъ 27
панянка 413
партія 408
парча 310
паръ 376
пассажиръ 368
пассажъ 268
пасынокъ 212
патріархальный 78
пейзажъ 14
пеня 213
пенять 244, 317
пергаментъ 19
перевязочный пунктъ . 324
переимчивый 51
перекидной 332
перекидываться 383
перекочевать 70
перекрестный 232
переминаться 168
переселенческій 407
Петрополь 213
пиджакъ 408
пилюля 56
пимы 408
плантація 122
платформа 368
плашмя 103
племя 29
плеса 103
поварня 392
повести 169
повлечься 213
повѣсничать 37
повѣствованіе 212
повѣтовый 31
погань 361
погостъ 407
подавлять 169
подбирать 309
подбираться 245
подбить 238
подвернуться 70
подголоски 310
подержанный 368
подернуться 343
подзадорить 267
подкашивать 360
подмывать 57
подобострастный 169
подушное 244
пожалуй 379
по-за 101
позиція 85, 324
покромка 292
политика 341
полка 292
полнощный 212
полный 212
половодье 279

пологій 282
положить 143
полóкъ 232
полугаръ 317
полынь 374
померкнуть 331
помыкать 396
понамарь 232
понёва 383
понести 85
понимать 279
понурый 239, 380
понява 232
по плечу 282
поправлять лучину . . . 292
поприще 78
попускать 341
попутный 408
порскáть 89
портьера 71
поруганье 326
порфироносный 212
послушествовать 36
послѣдки 281
поставить 368
пострѣленокъ 51
посѣтить 317
потачка 179
потокъ 413
потребленіе 341
потроха 343
потрясеніе 213
потупить 408
потускнѣть 302
потѣшный 212
почерпать 180
почетный 19
почивать 239
почтенный 19
почтительный 19
пошлость 192
правило 392
править 392
праздный 4
практическій 70
прáща 107
превозмогать 326
превозноситься 267
преградить 213
предвидѣнье небесное . 360
предлогъ 57
предмѣстье 213
предоставить 70
предотвращать 107
предстать 390
предстоять 331
преніе 85
престолъ 169
пресѣкаться 268
прибрать 289
приваливаться 367
привести 309
привѣтъ 71
привязанность 341
привязать 70
приглядываться 27
приглянуться 27
пригубить 232
призрачный 117
приказчикъ 341
прикорнуть 112
приласкаться 81
прилечь 371
прилыгать 346
прильнуть 12
прима 379
принимать 310
припасть 392
приращеніе 37
пристойность 368
приступать 178
притолка 169
приторный 341
притупиться 304
причастить 179
причитанье 233
пришибить 143
пришипиться 232
пробираться 408
продольный 292
проза 192
прозваніе 213
пролегать 123
пролетъ 309
пронизывать 407
проницательность . . . 168
пропадать 37
пропись 36
прорѣха 169
просвѣтъ 5
протекція 268
процедура 169
процессъ 143, 341
процѣдить 27
прошибать 37
пріемъ 270
пріумолкнуть 216
пріѣдаться 117
пріютиться 309
пуделять 279
пырнуть 143
пѣть, его онъ пѣлъ . . 392

Рабатка 281
радѣтельный 232
разборы 379
развязать 243
развязность 268
разгонныя лошади . . . 107
раззадоривать 37
разминаться 51
размыкать 89
разсѣсться 379
разъѣдаться 57
расписной 5
распластаться 103
растормошить 169
расхвастаться 346
рать 212
реальный 117
ревизовать 341
рекреація 19
репетиція 70
репутація 51
рисковать 101
рисоваться 267
риторъ 392
рогъ 292
розвальни 122
роиться 309
рокъ 213
рольня 360
роптать 213
рыдванъ 117
рѣшить 215
рябить 281
рядиться 283
рядно 232

Садокъ 213
самоотверженіе 81
самъ-другъ 283
санитаръ 325
сбиваться 143
сборы 187
свекровь 239
свирѣль 371
свита 51
свитка 315
свора 86
свѣтлица 176
свѣтопреставленіе . . . 361
сдѣлать вліяніе . . . 31
секретъ 379
сентиментальность . . . 268
сердобольный 408
сжить 292
сибаритъ 390
сидень 361
симптомъ 51
скарбъ 143
скаредно 315
сквозной 5
скоба 341
скончалъ 371
скудѣть 239
скутанный 361
слизь 123
слукавить 315
смиренство 392
смиряющій 384
смычокъ 89.379
смятенный 213
смять 268
сноровка 239
сноха 232
снѣдать 245
соблазнительный 324
соборовать 179
совладать 213
совлекать 4
созерцательный 117
сорванецъ 169
сотскій 232
спать, тебѣ не спится. . 28
спекуляція 37
спить 390
спица 176
спорить 346
спориться 387
спортсменъ 368
справлены 384
спускъ 292

срокъ 343
ссылаться 370
ставать 57
статья 341
стержень 368
стихія 212
стогна 213
столбовой 36
стопа 180
стречокъ 279
струпъ 367
суетливый 273
сутолока 368
сфера 101
съ плечъ долой 294
сѣмъ 360

Таборъ 332
таиться 374
таращиться 360
тафта 70
твердить 384
твердыня 212
темпъ 70
тендитный 341
теремъ 5
терзать 168
толкнуться 22
толмачить 232
томить 303
томно 374
томный 371
топь 168
точить 189
тпрукать 360
трактъ 408
трафиться 232
третировать 27
треухъ 37
тризна 392
Тритонъ 213
Тришка 361
трюмъ 78
туезочекъ 313
тузъ 70
тщетный 212
тѣснить 176,413
тягло 245
тягота 279
тяготиться 39
тягучій 309

Убирать 392
убѣжище 168
угловатый 143
ударить 379
удодъ 279
удѣлъ 385,390
узваръ 341
узникъ 409
умиленіе 51
умирять 212
умчать 29
упоеніе 117
упоръ 273
управляться 78
урваться 101
уставиться 371
установиться 408
усыпить 331
утѣха 3
ухать 279
ухищреніе 169
уходиться 70
ущемлять 27

Фантазія 107
фантастическій 117
фанфаронъ 267
фляга 324
фонъ 107
форма 360
формуляръ 143
фортель 268
фризовый 31

Хаосъ 112
хлебать 317
хлопанцы 36
хлынуть 282
ходъ 292
хоругвь 310
хоры 169
хребетъ 274
христарадникъ 232
хрустальный 4

Цехъ 368
цивилизованный 27
цѣнить 294
цѣпкій 373

Чахнуть 409
чванный 343
челобитчикъ 213
черный 214
честить 396
честь 396
чинить 57
чинный 70
чубъ 412
чуйка 178
чумакъ 172

Шалашъ 282
шатеръ 332
шелохнуться 12
шибануть 325
шлагбаумъ 107
шлюзы 168
шмякать 103
шпенекъ 19

Щебень 281
щекотитъ 331
щемить 169

Эволюція 85
эгоистъ 268
экстренный 268
энергія 168
эпизодъ 268
эпопея 51
эфесъ 107
эффектъ 268
эшафотъ 413

Юла 51
ютиться 168,368

Являть 191,371
ягдташъ 360
язва 392
ярусъ 70

РУССКОЕ ПРАВОПИСАНІЕ

VIII - 13545

РУКОВОДСТВО
КЪ ЕГО НАГЛЯДНОМУ ИЗУЧЕНІЮ

СОСТАВИЛЪ

А. Я. ОСТРОГОРСКІЙ

Директоръ Тенишевскаго Училища въ СПБ.

ВЫПУСКЪ I.

Статьи для списыванія.

Цѣна 15 коп.

Готовится къ печати и весною 1909 г. выйдетъ въ свѣтъ

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ КНИГИ

„ЖИВОЕ СЛОВО“

2004

Цѣна 1 руб.

въ папкѣ 1 р. 20 к.

Складъ изданія: Спб., Моховая ул., 33,
Тенишевское училище.

2015147598